ИСТОРИКИ АНТИЧНОСТИ

ИСТОРИКИ АНТИЧНОСТИ

ИСТОРИКИ АНТИЧНОСТИ

в двух томах

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ
ДРЕВНИЙ РИМ

ИСТОРИКИ АНТИЧНОСТИ

Том второй

ДРЕВНИЙ РИМ

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». 1989

84 (0) 3
И 90

ПЕРЕВОДЫ С ЛАТИНСКОГО

Составление и примечания
М. ТОМАШЕВСКОЙ

Иллюстрации
С. КРЕСТОВСКОГО

И $\frac{4703000000-1769}{080(02)-89}$ 1769—89

ГАЙ САЛЛЮСТИЙ КРИСП

О ЗАГОВОРЕ КАТИЛИНЫ

1. (1) ВСЕМ людям, стремящимся отличаться от остальных, следует всячески стараться не прожить жизнь безвестно, подобно скотине, которую природа создала склоненной к земле и покорной чреву. (2) Вся наша сила ведь — в духе и теле: дух большей частью повелитель, тело — раб; первый у нас — общий с богами, второе — с животными. (3) Поэтому мне кажется более разумным искать славы с помощью ума, а не тела, и, так как сама жизнь, которой мы радуемся, коротка, оставлять по себе как можно более долгую память. (4) Потому что слава, какую дают богатство и красота, скоротечна и непрочна, доблесть же — достояние блистательное и вечное.

(5) Люди издавна ведут яростный спор о том, чему больше обязано своими успехами военное дело: физической ли силе или доблести духа? (6) Ибо, прежде чем начинать, надо подумать, а подумав — действовать быстро. (7) Так и то и другое, недостаточное само по себе, нуждается во взаимной помощи.

2. (1) И вот вначале цари (а на земле власть сперва обозначали так), следуя своим противоположным склонностям, развивали одни — природный ум, другие — тело. Тогда люди еще жили, не зная честолюбия, каждый был доволен своей судьбой. (2) Но когда в Азии Кир, в Греции лакедемоняне и афиняне начали захватывать города и покорять народы, когда поводом к войне стала жажда господства, когда величайшую славу усматривали в величайшей власти, только тогда люди на основании собственного опыта и деятельности поняли, что на войне важнее всего ум. (3) И если бы у царей и властителей доблесть духа была в мирное время столь же сильна, как и в военное, то дела человеческие протекали бы более размеренно и гладко и мы бы не видели, как одно увлекается в одну, другое в другую сторону, как все сменяется и смешивается. (4) Ведь власть легко сохранить теми

же средствами, какими она была достигнута. (5) Но когда на смену труду пришла леность, на смену сдержанности и справедливости — необузданность и гордыня, их судьба изменилась одновременно с их нравами. (6) Так власть всегда передается к лучшему человеку от худшего.

(7) То, чего люди достигают, возделывая землю, плавая по морям, возводя строения, зависит от доблести. (8) И вот многие, рабы своего чрева и любители поспать, невежественные и неотесанные, провели жизнь подобно путешественникам; для них, конечно, наперекор природе, тело служит для наслаждения, а душа — бремя. Их жизнь и их смерть я оцениваю одинаково, так как об обеих хранится молчание. (9) Но действительно живущим и наслаждающимся жизнью я считаю только того, кто, ревностно отдаваясь какому-либо делу, ищет доброй молвы о своих достославных деяниях или прекрасных качествах.

3. (1) Но ввиду множества дел природные наклонности одному указывают один путь, другому другой. Прекрасно — достойно служить государству, не менее важно достойно говорить о нем. И в мирное и в военное время прославиться можно, и восхваляют многих из тех, кто совершил деяния сам и кто чужие деяния описал. (2) При этом мне самому (хотя писателя и деятеля венчает далеко не одинаковая слава) описание подвигов все же кажется весьма трудным делом: во-первых, потому, что деяния надо описывать подходящими словами, затем, так как большинство людей, если ты что-нибудь осудишь, сочтет, что это сказано по недоброжелательности и из зависти; если же ты упомянешь о великой доблести и славе честных людей, то каждый равнодушно примет то, что он, по его мнению, и сам может легко совершить; но то, что превыше этого, признáет вымышленным и ложным.

(3) Меня самого, подобно многим, еще совсем юнцом охватило стремление к государственной деятельности, и у меня здесь было много огорчений. Ибо вместо совестливости, воздержности, доблести процветали наглость, подкупы, алчность. (4) Хотя в душе я и презирал все это, не склонный к дурному поведению, однако в окружении столь тяжких пороков моя неокрепшая молодость, испорченная честолюбием, им не была чужда. (5) И меня, осуждавшего дурные нравы других, тем не менее мучила такая же жажда поче-

стей, какая заставляла их страдать от злоречия и ненависти.

4. (1) И вот, когда мой дух успокоился после многих несчастий и испытаний и я решил прожить остаток жизни вдали от государственных дел, у меня не было намерения ни тратить свой добрый досуг, предаваясь лености и праздности, ни проводить жизнь, усиленно занимаясь земледелием и охотой — обязанностями рабов; (2) нет, вернувшись к тому же начинанию и склонности своей молодости, от которых меня когда-то отвлекло дурное честолюбие, я решил описать по частям деяния римского народа, насколько те или другие из них казались мне достойными упоминания, тем более что духом я был свободен от надежд, страхов и не принадлежал ни к одной из сторон, существовавших в государстве. (3) Итак, с правдивостью, с какой только смогу, коротко поведаю о заговоре Катилины; (4) ведь именно это злодеяние сам я считаю наиболее памятным из всех по беспримерности преступления и его опасности для государства. (5) Прежде чем начинать повествование, считаю нужным вкратце рассказать о нравах этого человека.

5. (1) Луций Катилина, человек знатного происхождения, отличался большой силой духа и тела, но злым и дурным нравом. (2) С юных лет ему были по сердцу междоусобные войны, убийства, грабежи, гражданские смуты, и в них он и провел свою молодость. (3) Телом он был невероятно вынослив в отношении голода, холода, бодрствования. (4) Духом был дерзок, коварен, переменчив, мастер притворяться и скрывать что угодно, жаден до чужого, расточитель своего, необуздан в страстях; красноречия было достаточно, разумности мало. (5) Его неуемный дух всегда стремился к чему-то чрезмерному, невероятному, исключительному. (6) После единовластия Луция Суллы его охватило неистовое желание встать во главе государства, но как достичь этого — лишь бы только заполучить царскую власть,— ему было безразлично. (7) С каждым днем все сильнее возбуждался его необузданный дух, подстрекаемый недостатком средств и сознанием совершенных преступлений; и то и другое усиливалось из-за его наклонностей, о которых я уже говорил. (8) Побуждали его, кроме того, и испорченные нравы гражданской общины, страдавшие от двух наихудших противоположных зол: роскоши и алчности.

(9) Так как случай напомнил мне о нравах гражданской общины, то самый предмет, мне кажется, заставляет вернуться назад и вкратце рассмотреть установления наших предков во времена мира и войны: как они правили государством и сколь великим оставили его нам; как оно, постепенно изменяясь, из прекраснейшего <и наилучшего> стало сквернейшим и опозорившимся.

6. (1) Город Рим, насколько мне известно, основали и вначале населяли троянцы, которые, бежав под водительством Энея из своей страны, скитались с места на место, а с ними и аборигены, дикие племена, не знавшие ни законов, ни государственной власти, свободные и никем не управляемые. (2) Когда они объединились в пределах городских стен, то они, хотя и были неодинакового происхождения, говорили на разных языках, жили каждый по своим обычаям, все же слились воедино с легкостью, какую трудно себе представить: <так в короткое время разнородная, и притом бродячая, толпа благодаря согласию стала гражданской общиной>.

(3) Но когда их государство, в котором умножилось число граждан, улучшились нравы, появились новые земли, стало казаться достаточно процветающим и достаточно могущественным, то, как очень часто случается, благоденствие породило зависть. (4) И вот соседние цари и народы стали войнами испытывать их мощь; из их друзей помощь им оказывали немногие; остальные, охваченные страхом, держались вдали от опасностей. (5) Но римляне и у себя дома, и на войне были настороже: спешили, готовились, ободряли друг друга, выступали навстречу врагам, оружием защищали свободу, родину и родителей. Впоследствии, доблестью своей отвратив опасности, они приходили на помощь союзникам и друзьям и, не столько получая, сколько оказывая услуги, завязывали дружеские отношения. (6) Власть у них была основана на законах, образ правления назывался царским. Избранные мужи, с годами ослабевшие телом, но благодаря своей мудрости сильные умом, заботились о благополучии государства. Их ввиду их возраста или сходства обязанностей именовали отцами. (7) Позднее, когда царская власть, сперва служившая охране свободы и расширению государства, превратилась в высокомерный произвол, то после изменения образа правления был установлен

годичный срок власти и избрали двух правителей; предки наши думали, что благодаря этому человек никак не может возгордиться ввиду своей непомерной власти.

7. (1) С тех пор каждый начал преувеличивать свои достоинства и все более и более кичиться своими способностями. (2) Ибо царям честные люди подозрительнее, чем дурные, и чужая доблесть всегда их страшит. (3) Но трудно поверить, в сколь краткий срок гражданская община усилилась, достигнув свободы, и сколь великая жажда славы овладела людьми. (4) Вначале юношество, как только становилось способно переносить тяготы войны, обучалось в трудах военному делу в лагерях, и к прекрасному оружию и боевым коням его влекло больше, чем к распутству и пирушкам. (5) Поэтому для таких мужей не существовало ни непривычного труда, ни недоступной и непроходимой местности, ни внушающего страх вооруженного врага; их доблесть превозмогала все. (6) Но между собой они энергично соперничали из-за славы; каждый спешил поразить врага, взойти на городскую стену, совершить такой подвиг на глазах у других; это считали они богатством, добрым именем и великой знатностью. До похвал они были жадны, деньги давали щедро, славы желали великой, богатств — честных. (7) Я мог бы напомнить, в каких местах римский народ малыми силами разбил многочисленные полчища врагов, какие природой укрепленные города взял с боя, если бы это не отвлекло нас слишком далеко от нашего замысла.

8. (1) Но Фортуна властвует, конечно, во всяком деле; она не столько по справедливости, сколько по своему произволу все возвышает или оставляет в тени. (2) Подвиги афинян, по моему мнению, были достаточно блистательны и великолепны, но гораздо менее значительны, чем о них говорит молва. (3) Но так как в Афинах появились писатели чрезвычайного дарования, то деяния афинян и прославляются во всем мире как величайшие. (4) Поэтому доблесть тех, кто совершил деяния, оценивается так высоко, как ее только смогли превознести выдающиеся умы. (5) Но у римского народа никогда не было таких людей, так как все самые дальновидные были и самыми занятыми; умственный труд всегда сопровождался упражнениями для тела; все лучшие люди предпочитали дей-

ствовать, а не говорить,— чтобы другие прославляли их подвиги, а не сами они рассказывали о чужих.

9. (1) Итак, и во времена мира, и во времена войны добрые нравы почитались, согласие было величайшим, алчность — наименьшей. Право и справедливость зиждились на велении природы в такой же мере, в какой и на законах. (2) Ссоры, раздоры, неприязнь — это было у врагов; граждане соперничали между собой в доблести. Во время молебствий они любили пышность, в частной жизни были бережливы, друзьям — верны. (3) Двумя качествами — храбростью на войне и справедливостью после заключения мира — они руководствовались, управляя государством. (4) Вот какими весьма вескими доказательствами этого я располагаю: во время войны тех, кто вопреки приказанию вступил в бой с врагом и, несмотря на приказ об отходе, задержался на поле битвы, карали чаще, чем тех, кто осмелился покинуть знамена и, будучи опрокинут, вынужден был отступить; (5) но во времена мира они правили не столько страхом, сколько милостями, и, испытав обиду, предпочитали прощать, а не преследовать за нее.

10. (1) Но когда государство благодаря труду и справедливости увеличилось, когда могущественные цари были побеждены в войнах, дикие племена и многочисленные народы покорены силой, Карфаген, соперник Римской державы, разрушен до основания и все моря и страны открылись для победителей, то Фортуна начала свирепствовать и все ниспровергать. (2) Кто ранее легко переносил труды, опасности, сомнительные и даже трудные обстоятельства, для тех досуг и богатства, желанные в иных случаях, становились бременем и несчастьем. (3) И вот, сначала усилилась жажда денег, затем — власти; все это было как бы главной пищей для всяческих зол. (4) Ибо алчность уничтожила верность слову, порядочность и другие добрые качества; вместо них она научила людей быть гордыми, жестокими, продажными во всем и пренебрегать богами. (5) Честолюбие побудило многих быть лживыми, держать одно затаенным в сердце, другое — на языке готовым к услугам, оценивать дружбу и вражду не по их сути, а по их выгоде и быть добрыми не столько в мыслях, сколько притворно. (6) Вначале это усиливалось постепенно, иногда каралось; впоследствии, когда людей поразила зараза, подобная мору, гражданская об-

щина изменилась; правление из справедливейшего и наилучшего стало жестоким и нестерпимым.

11. (1) Но вначале честолюбие мучило людей больше, чем алчность, и все-таки оно, хотя это и порок, было ближе к доблести. (2) Ибо славы, почестей, власти жаждут в равной мере и доблестный, и малодушный человек; но первый добивается их по правильному пути; второй, не имея благих качеств, действует хитростью и ложью. (3) Алчности свойственна любовь к деньгам, которых не пожелал бы ни один мудрый; они, словно пропитанные злыми ядами, изнеживают тело и душу мужа; алчность всегда безгранична, ненасытна и не уменьшается ни при изобилии, ни при скудости.

(4) Когда Луций Сулла, силой оружия захватив власть в государстве, после хорошего начала закончил дурно, все начали хватать, тащить; один желал иметь дом, земли — другой, причем победители не знали ни меры, ни сдержанности, совершали против граждан отвратительные и жестокие преступления. (5) К тому же Луций Сулла, дабы сохранить верность войска, во главе которого он стоял в Азии, вопреки обычаю предков содержал его в роскоши и чересчур вольно. В приятной местности, доставлявшей наслаждения, суровые воины, жившие в праздности, быстро развратились. (6) Там впервые войско римского народа привыкло предаваться любви, пьянствовать, восторгаться статуями, картинами, чеканными сосудами, похищать их в частных домах и общественных местах, грабить святилища, осквернять все посвященное и не посвященное богам. (7) Таким образом, эти солдаты, одержав победу, ничего не оставили побежденным. (8) Ибо удачи ослабляют дух даже мудрых. Как же люди с испорченными нравами могли сохранить самообладание, будучи победителями?

12. (1) Когда богатства стали приносить почет и сопровождаться славой, властью и могуществом, то слабеть начала доблесть, бедность — вызывать презрение к себе, бескорыстие — считаться недоброжелательностью. (2) И вот из-за богатства развращенность и алчность наряду с гордыней охватили юношество, и оно бросилось грабить, тратить, ни во что не ставить свое, желать чужого, пренебрегать совестливостью, стыдливостью, божескими и человеческими законами, ни с чем не считаться и ни в чем не знать меры. (3) Стоит, осмотрев дома и усадьбы, возведенные наподобие городов, взглянуть на храмы богов, построенные нашими пред-

ками, благочестивейшими из смертных. (4) Ведь они украшали святилища набожностью, дома свои — славой и побежденных лишали одной только свободы совершать противозакония. (5) А наши современники, трусливейшие люди, преступнейшим образом отбирают у союзников все, что храбрейшие мужи как победители им когда-то оставили; как будто совершать противозакония и значит осуществлять власть.

13. (1) Надо ли упоминать о том, чему может поверить только очевидец,— что многие частные лица сравнивали с землей горы, моря мостили? (2) Для них, мне кажется, забавой были богатства; ведь они могли бы с честью ими владеть, а торопились растратить их позорно. (3) Далее, их охватила не меньшая страсть к распутству, обжорству и иным удовольствиям: мужчины стали вести себя как женщины, женщины — открыто торговать своим целомудрием. Чтобы разнообразить свой стол, они обшаривали землю и море; ложились спать до того, как их начинало клонить ко сну; не ожидали ни чувства голода или жажды, ни холода, ни усталости, но в развращенности своей предупреждали их появление. (4) Все это, когда собственных средств уже не хватало, толкало молодежь на преступления. (5) Человеку, преисполненному дурных качеств, нелегко было отказаться от своих прихотей; тем безудержнее предавался он стяжанию и всяческим тратам.

14. (1) В столь большой и столь развращенной гражданской общине Катилина (сделать это было совсем легко) окружил себя гнусностями и преступлениями, словно отрядами телохранителей. (2) Ибо любой развратник, прелюбодей, завсегдатай харчевен, который игрой в кости, чревоугодием, распутством растратил отцовское имущество и погряз в долгах, дабы откупиться от позора или от суда, (3) кроме того, все паррициды любого происхождения, святотатцы, все осужденные по суду или опасающиеся суда за свои деяния, как и те, кого кормили руки и язык лжесвидетельствами или убийствами граждан, наконец, все те, кому позор, нищета, дурная совесть не давали покоя, были близкими Катилине и своими людьми для него. (4) А если человек, еще не виновный ни в чем, оказывался в числе друзей Катилины, то он от ежедневного общения с ними и из-за соблазнов легко становился равен и подобен другим. (5) Но более всего Катилина

старался завязывать дружеские связи с молодыми людьми; их, еще податливых и нестойких, легко было опутать коварством. (6) Ибо в соответствии с наклонностями каждого, в зависимости от его возраста Катилина одному предоставлял развратных женщин и юношей, другому покупал собак и лошадей, словом, не жалел денег и не знал меры, только бы сделать их обязанными и преданными ему. (7) Кое-кто, знаю я, даже думал, что юноши, посещавшие дом Катилины, бесчестно торговали своим целомудрием; но молва эта была основана не столько на кем-то собранных сведениях, сколько на чем-то другом.

15. (1) Уже в ранней молодости Катилина совершил много гнусных прелюбодеяний — со знатной девушкой, со жрицей Весты и другие подобные проступки, нарушив законы божеские и человеческие. (2) Впоследствии его охватила любовь к Аврелии Орестилле, в которой, кроме ее красоты, человек порядочный похвалить не мог бы ничего; но так как она, боясь иметь взрослого пасынка, не решалась вступать с ним в брак, Катилина (в этом не сомневается никто), убив сына, освободил дом для преступного брака. (3) Именно это обстоятельство, по моему мнению, и послужило главной причиной, заставившей его торопиться со своим злодеянием. (4) Ведь его мерзкая душа, враждебная богам и людям, не могла успокоиться ни бодрствуя, ни отдыхая: до такой степени угрызения совести изнуряли его смятенный ум. (5) Вот почему лицо его было без кровинки, блуждал его взор, то быстрой, то медленной была походка. Словом, в выражении его лица сквозило безумие.

16. (1) Итак, юношей, которых Катилина, как мы уже говорили, к себе привлек, он многими способами обучал преступлениям. (2) Из их числа он поставлял лжесвидетелей и подделывателей завещаний, учил их не ставить ни во что свое честное слово, благополучие, опасности; впоследствии, лишив их доброго имени и чувства чести, он требовал от них иных, более тяжких преступлений. (3) Если в настоящее время возможности совершать преступления не было, он все же подстерегал и убивал людей, ни в чем не виноватых, словно они были виноваты; видимо, для того чтобы от праздности не затекали руки или не слабел дух, Катилина без всякого расчета предпочитал быть злым и жестоким.

(4) Положившись на таких друзей и сообщников, а также и потому, что долги повсеместно были огромны и большинство солдат Суллы, прожив свое имущество и вспоминая грабежи и былые победы, жаждали гражданской войны, Катилина и решил захватить власть в государстве. (5) В Италии войска не было; Гней Помпей вел войну на краю света; у самого Катилины, добивавшегося консулата, была твердая надежда на избрание; сенат не подозревал ничего; все было безопасно и спокойно; но именно это и было на руку Катилине.

17. (1) И вот приблизительно в июньские календы, когда консулами были Луций Цезарь и Гай Фигул, он сначала стал призывать сообщников одного за другим,— одних уговаривать, испытывать других, указывать им на свою мощь, на беспомощность государственной власти, на большие выгоды от участия в заговоре. (2) Достаточно выяснив то, что он хотел знать, он собирает к себе тех, у кого были наибольшие требования и кто был наиболее нагл. (3) К нему собрались: из сенаторского сословия — Публий Лентул Сура, Публий Автроний, Луций Кассий Лонгин, Гай Цетер, Публий и Сервий, сыновья Сервия Суллы, Луций Варгунтей, Квинт Анний, Марк Порций Лека, Луций Бестия, Квинт Курий; (4) кроме того, из всаднического сословия — Марк Фульвий Нобилиор, Луций Статилий, Публий Габиний Капитон, Гай Корнелий и многие люди из колоний и муниципиев, знатные у себя на родине.

(5) Кроме того, в заговоре участвовали, хоть и менее явно, многие знатные люди, которых надежды на власть побуждали больше, чем отсутствие средств или какая-нибудь другая нужда. (6) Впрочем, большинство юношей, особенно знатных, сочувствовали замыслам Катилины; те из них, у кого была возможность жить праздно, или роскошно, или развратно, предпочитали неопределенное определенному, войну миру. (7) В те времена кое-кто был склонен верить, что замысел этот был небезызвестен Марку Лицинию Крассу; так как Гней Помпей, которому он завидовал, стоял во главе большого войска, то Красс будто бы и хотел, чтобы могуществу Помпея противостояла какая-то сила, в то же время уверенный в том, что в случае победы заговора он без труда станет его главарем.

18. (1) Впрочем, уже и ранее кучка людей устраивала заговор против государства; среди них был и Катили-

на; об этом заговоре я расскажу возможно правдивее. (2) В год консулата Луция Тулла и Мания Лепида избранные консулы Публий Автроний и Публий Сулла, привлеченные к суду на основании законов о домогательстве, понесли наказание. (3) Вскоре после этого Катилину, обвиненного в лихоимстве, лишили возможности добиваться консулата, так как он не смог заявить об этом в законный срок. (4) В это же время в Риме жил некий Гней Писон, знатный молодой человек необычайной наглости, обнищавший, властолюбивый; бедность и дурные нравы побуждали его вызывать беспорядки в государстве. (5) Посвятив его в свой замысел приблизительно в декабрьские ноны, Катилина и Автроний намеревались убить на Капитолии в январские календы консулов Луция Котту и Луция Торквата и, захватив фасцы, послать Писона во главе войска, чтобы он занял обе Испании. (6) Когда замысел этот был раскрыт, они перенесли убийство на февральские ноны. (7) На этот раз они задумали умертвить не только консулов, но и большинство сенаторов. (8) И вот, не поторопись Катилина подать перед курией знак своим сообщникам, в тот день произошло бы преступление, тяжелейшее со времени основания города Рима. Но вооруженные люди еще не собрались в нужном числе, что и расстроило их планы.

19. (1) После этого Писон, бывший квестором, по настоянию Красса, знавшего его как злого недруга Гнея Помпея, был послан в Ближнюю Испанию как пропретор. (2) Сенат, однако, весьма охотно предоставил Писону эту провинцию, так как хотел, чтобы этот мерзкий человек находился вдали от дел государства, а также и потому, что очень многие честные люди видели в нем опору, а могущество Гнея Помпея уже тогда внушало страх. (3) Но Писон этот был в провинции убит в пути испанскими всадниками, бывшими в его войске. (4) Некоторые утверждают, что варвары не стерпели несправедливости, заносчивости, жестокости его власти; (5) другие же говорят, что эти всадники, давнишние и верные клиенты Гнея Помпея, напали на Писона с его согласия, что до сего времени испанцы никогда не совершали такого преступления, а между тем они в прошлом испытали жестокое господство многих наместников. Мы оставим этот вопрос открытым. (6) О первом заговоре сказано достаточно.

20. (1) Увидев, что те, кого я назвал выше, собрались, Катилина, хотя он и не раз подолгу беседовал с каждым из них в отдельности, все-таки, находя полезным для себя обратиться к ним ко всем сообща и ободрить их, увел их в отдаленную часть дома и там, избавившись от всех возможных свидетелей, произнес перед ними речь приблизительно такого содержания:

(2) «Не будь доблесть и верность ваши достаточно известны мне, от благоприятного случая нам было бы мало проку; великие надежды и та власть, что у нас в руках, были бы тщетны, а сам я с трусливыми и ничтожными людьми не стал бы гоняться за неверным вместо верного. (3) Но так как я во многих, и притом трудных, случаях оценил вас как храбрых и преданных людей, то я потому и решился приступить к величайшему и прекраснейшему делу, как и потому, что добро и зло, как я понял, для вас и для меня одни и те же. (4) Ведь именно в том, чтобы хотеть и не хотеть одного и того же, и состоит прочная дружба.

(5) О том, что я задумал, все вы, каждый порознь, уже слыхали ранее. (6) Впрочем, с каждым днем меня охватывает все большее негодование всякий раз, как подумаю, в каком положении мы окажемся, если сами не защитим своей свободы. (7) Ибо с того времени, как кучка могущественных людей целиком захватила власть в государстве, цари и тетрархи — их постоянные данники, народы и племена платят им подати, мы, все остальные, деятельные, честные, знатные и незнатные, были чернью, лишенной влияния, лишенной авторитета, зависевшей от тех, кому мы, будь государство сильным, внушали бы страх. (8) Поэтому всякое влияние, могущество, магистратуры, богатства находятся у них в руках там, где они хотят; нам оставили они неудачи на выборах, судебные преследования, приговоры, нищету. (9) Доколе же будете вы терпеть это, о храбрейшие мужи? Не лучше ли мужественно умереть, чем позорно лишиться жалкой и бесчестной жизни, когда ты был посмешищем для высокомерия других? (10) Но поистине — богов и людей привожу в свидетели! — победа в наших руках. Сильна наша молодость, дух могуч. Напротив, у них с годами и вследствие их богатства все силы ослабели. Надо только начать, остальное придет само собой.

(11) И право, кто, обладая духом мужа, может стерпеть, чтобы у тех людей были в избытке богатства, дабы они проматывали их, строя дома на море и сравни-

вая с землей го́ры, а у нас не было средств даже на необходимое; чтобы они соединяли по два дома и больше, а у нас нигде не было семейного очага? (12) Покупая картины, статуи, чеканную утварь, разрушая новые здания, возводя другие, словом, всеми способами тратя и на ветер бросая деньги, они, однако, при всех своих прихотях, промотать богатства свои не могут. (13) А вот у нас в доме нужда, вне стен его — долги, скверное настоящее, гораздо худшее будущее. Словом, что нам остается, кроме жалкой жизни?

(14) Так пробудитесь! Вот она, вот она, столь вожделенная свобода! Кроме того, перед вами богатства, почет, слава. Фортуна назначила все это в награду победителям. (15) Положение, время, судебные преследования, нищета, великолепная военная добыча красноречивее, чем мои слова, побуждают вас действовать. (16) Располагайте мною либо как военачальником, либо как простым солдатом; я буду с вами и духом, и телом. (17) Именно так надеюсь я поступать, сделавшись консулом, если только меня не обманывает предчувствие и вы предпочитаете быть рабами, а не повелевать».

21. (1) Услышав это, люди, страдавшие от множества всяческих зол, но ничего не имевшие и ни на что хорошее не надеявшиеся,— хотя им и казалась большой платой уже самая возможность нарушить спокойствие — все-таки в большинстве своем пожелали узнать, каким образом будет он вести войну, каких наград добьются они оружием, на какие выгоды и где могут они рассчитывать теперь или в будущем. (2) Тогда Катилина посулил им отмену долгов, проскрипцию состоятельных людей, магистратуры, жреческие должности, возможность грабить и все прочее, что несут с собой война и произвол победителей. (3) Кроме того, по его словам, в Ближней Испании находится Писон, в Мавритании — во главе войска Публий Ситтий из Нуцерии — оба его сообщники; консулата добивается Гай Антоний, который, как он надеется, станет его коллегой,— его близкий друг и человек, страдающий от всяческих затруднений; вместе с ним он, сделавшись консулом, начнет действовать. (4) Кроме того, он громко упрекал всех честных людей, а каждого из своих восхвалял, называя его по имени; одному напоминал о его нищете, другому — о его вожделениях, боль-

шинству — о судебных преследованиях или о грозящем им позоре, многим — о победе Суллы, которая принесла им добычу. (5) Увидев, что все возбуждены, Катилина, предложив им поддерживать его кандидатуру, распустил собрание.

22. (1) В те времена говорили, что Катилина, после своей речи заставив сообщников присягнуть в верности его преступным замыслам, обнес их чашами с человеческой кровью, смешанной с вином; (2) затем, когда все после заклятия отведали вина, как по обычаю делается при торжественных священнодействиях, он открыл им свой замысел и повторил, что он так поступил, дабы они больше доверяли друг другу как соучастники в столь тяжком преступлении. (3) Кое-кто полагал, что это и многое другое придумано людьми, рассчитывавшими смягчить возникшую впоследствии ненависть к Цицерону указаниями на тяжесть преступления казненных. (4) Нам дело это, несмотря на его важность, кажется недостаточно ясным.

23. (1) Среди этих заговорщиков был Квинт Курий, человек весьма знатного происхождения, запятнанный постыдными и позорными поступками; цензоры исключили его из сената за распутство. (2) Тщеславие этого человека не уступало его наглости; он не мог ни умолчать о том, что́ слыхал, ни скрыть свои собственные преступления; коротко говоря, ни слов, ни поступков своих не взвешивал. (3) Он уже давно состоял в любовной связи с Фульвией, знатной женщиной. Он не всегда был ей по сердцу, так как, лишенный средств, не мог делать ей подарки; но, неожиданно расхваставшись, начал сулить ей золотые горы, а иногда угрожал ей кинжалом, если она не будет покорна; под конец он стал вести себя наглее обычного. (4) Фульвия, однако, узнав причину заносчивости Курия, не стала скрывать опасность, угрожавшую государству; умолчав об источнике, она рассказала многим о заговоре Катилины: что́ она узнала и каким образом. (5) Это обстоятельство более всего и внушило людям желание вверить консулат Марку Туллию Цицерону. (6) Ибо ранее бо́льшая часть знати горела ненавистью, и считалось как бы осквернением консульской должности, если бы ее достиг новый человек, каким бы выдающимся он ни был. Но перед опасностью ненависть и гордость отступили.

24. (1) И вот после комиций консулами объявили Марка Туллия и Гая Антония; это вначале потрясло заго-

ворщиков. (2) Но все же бешенство Катилины не ослабевало; наоборот, с каждым днем замыслы его ширились; он собирал оружие в удобных для этого местностях Италии; деньги, взятые в долг им самим или по поручительству друзей, отправлял в Фезулы к некоему Манлию, который впоследствии был зачинщиком войны. (3) В это время он, говорят, завербовал множество разных людей, а также и нескольких женщин, которые вначале могли давать огромные средства, торгуя собой; впоследствии, когда с годами уменьшились только их доходы, но не их роскошь, они наделали больших долгов. (4) С их помощью Катилина считал возможным поднять городских рабов, поджечь Город, а мужей их либо привлечь на свою сторону, либо убить.

25. (1) Среди них была и Семпрония, с мужской решительностью совершившая уже не одно преступление. (2) Ввиду своего происхождения и внешности, как и благодаря своему мужу и детям, эта женщина была достаточно вознесена судьбой; знала греческую и латинскую литературу, играла на кифаре и плясала изящнее, чем подобает приличной женщине; она знала еще многое из того, что связано с распущенностью. (3) Ей всегда было дорого все, что угодно, но только не пристойность и стыдливость; что́ берегла она меньше — деньги ли или свое доброе имя, было трудно решить. Ее сжигала такая похоть, что она искала встречи с мужчинами чаще, чем они с ней. (4) Она и в прошлом не раз нарушала слово, клятвенно отрицала долг, была сообщницей в убийстве; роскошь и отсутствие средств ускорили ее падение. (5) Однако умом она отличалась тонким: умела сочинять стихи, шутить, говорить то скромно, то нежно, то лукаво; словом, в ней было много остроумия и много привлекательности.

26. (1) Закончив эти приготовления, Катилина тем не менее добивался консулата на следующий год, надеясь, что ему, если он будет избран, легко будет полностью подчинить себе Антония. И даже в это время он не был спокоен, но строил всяческие козни против Цицерона. (2) А у того не было недостатка ни в хитрости, ни в изворотливости, и он принимал меры предосторожности. (3) Ведь еще в начале своего консулата он многими обещаниями добился через Фульвию, чтобы Квинт Курий, о котором я уже говорил, выдавал ему

замыслы Катилины. (4) Кроме того, соглашением о провинциях он помешал своему коллеге Антонию вносить предложения во вред государству; сам он был окружен тайной охраной из друзей и клиентов. (5) Когда настал день выборов и Катилина потерпел неудачу и в соискании должности, и в покушении на консулов, подготовленном им на Марсовом поле, он решил начать войну и прибегнуть к крайним мерам, так как его тайные попытки окончились позорным провалом.

27. (1) И вот он послал Гая Манлия в Фезулы и в ближайшую к ним часть Этрурии, некоего камеринца Септимия — в Пиценскую область, Гая Юлия — в Апулию; кроме того, других — в разные местности, где каждый из них, как он ожидал, мог бы быть ему полезен. (2) В то же время он усиленно действовал в самом Риме — замышлял покушения на консулов, готовил поджоги, занимал с вооруженными людьми удобные места, сам ходил с мечом и то же другим приказывал, велел им быть всегда настороже и наготове, днем и ночью торопился, бодрствовал, но ни от недосыпания, ни от трудов не уставал. (3) Наконец, так как его многочисленные усилия ни к чему не приводили, он через Марка Порция Леку поздней ночью снова созывает главарей заговора (4) и там после долгих сетований на их бездействие сообщает им, что послал Манлия к множеству людей, которых он собрал, дабы они взялись за оружие; что он отправил одних людей в одни, а других в другие подходящие местности, где было бы удобно начать войну, и сам хочет выехать к войску, но сперва должен устранить Цицерона, поскольку он всячески мешает осуществлению его планов.

28. (1) И вот, когда все остальные были напуганы и растеряны, римский всадник Гней Корнелий, обещавший Катилине свое содействие, а вместе с ним сенатор Луций Варгунтей решили той же ночью, но позднее, с вооруженными людьми войти в дом Цицерона будто бы для утреннего приветствия, застигнуть его врасплох и заколоть в его же доме. (2) Как только Курий понял, какая опасность угрожает консулу, он поспешил через Фульвию известить Цицерона о готовящемся покушении. (3) Поэтому их не пустили на порог, и попытка совершить столь тяжкое злодеяние не удалась.

(4) Тем временем Манлий возмущал в Этрурии народ, который ввиду нищеты и несправедливостей жаждал переворота, так как он при господстве Суллы лишился земель и всего своего достояния, а кроме того, всех разбойников (в этой области их было великое множество) и кое-кого из жителей сулланских колоний — тех, кто из-за распутства и роскоши из огромной добычи не сохранил ничего.

29. (1) Когда Цицерону сообщили об этом, он, сильно встревоженный двойной опасностью, так как он и не мог больше в силу своих личных полномочий охранять Город от покушений и не собрал достаточных сведений ни о численности, ни о намерениях войска Манлия, доложил сенату о положении, уже ставшем предметом всеобщих толков. (2) И вот, как большей частью и бывает в угрожающих обстоятельствах, сенат постановил: «Да позаботятся консулы, чтобы государство не понесло ущерба». (3) Это наибольшая власть, какую сенат, по римскому обычаю, предоставляет магистрату — право набирать войско, вести войну, применять к союзникам и гражданам всяческие меры принуждения в Городе и за его пределами и в походах обладать не только высшим империем, но и высшей судебной властью; в иных обстоятельствах, без повеления народа, консул не вправе осуществлять ни одного из этих полномочий.

30. (1) Спустя несколько дней сенатор Луций Сений огласил в сенате письмо, по его словам присланное ему из Фезул; в нем сообщалось, что Гай Манлий, имея крупные силы, поднял мятеж за пять дней до ноябрьских календ. (2) Одновременно, как бывает в подобных случаях, одни сообщали о знамениях и чудесах, другие — об устраиваемых сборищах, о доставке оружия, о начинающихся в Капуе и Апулии восстаниях рабов. (3) Тогда по постановлению сената Квинт Марций Рекс был послан в Фезулы, Квинт Метелл Критский — в Апулию и соседние области. (4) Они оба как императоры находились под Городом, лишенные возможности справить триумф из-за происков кучки людей, привыкших продавать все честное и бесчестное. (5) Претор Квинт Помпей Руф был послан в Капую, претор Квинт Метелл Целер — в Пиценскую область, и им было поручено набирать войска в зависимости от обстоятельств и степени опасности; (6) кроме того, было решено, что если кто-нибудь донесет о заго-

воре, устроенном против государства, то наградой будет: рабу — отпуск на волю и сто тысяч сестерциев, свободному — безнаказанность и двести тысяч сестерциев; (7) равным образом постановили, чтобы отряды гладиаторов были размещены в Капуе и других муниципиях сообразно со средствами каждого из них, чтобы в Риме охрану всего города несла ночная стража под начальством младших магистратов.

31. (1) События эти потрясли гражданскую общину и даже изменили внешний вид Города. После необычайного веселья и распущенности, порожденных долгим спокойствием, всех неожиданно охватила печаль: (2) люди торопились, суетились, не доверяли достаточно ни месту, ни человеку, не вели войны и не знали мира; каждый измерял опасности степенью своей боязни. (3) В довершение всего женщины, охваченные страхом перед войной,— от чего они отвыкли ввиду могущества государства — убивались, с мольбой воздымали руки к небу, сокрушались о своих маленьких детях, всех расспрашивали и, забыв свою заносчивость и отказавшись от развлечений, не рассчитывали ни на себя, ни на отечество.

(4) Но Катилина жестокосердно продолжал свое, хотя меры для защиты принимались, а самого его Луций Павел привлек к суду на основании Плавциева закона. (5) Наконец,— для того ли, чтобы скрыть истинные намерения или чтобы оправдаться, если с ним где-либо затеют ссору,— он явился в сенат. (6) Тогда консул Марк Туллий, либо опасаясь его присутствия, либо охваченный гневом, произнес блестящую и полезную для государства речь, которую затем записал и издал. (7) Но как только он сел на место, Катилина, по обыкновению готовый на любое притворство, начал, опустив глаза, жалобным голосом просить отцов-сенаторов не верить опрометчиво ничему из того, что говорят о нем: он-де вышел из такой ветви рода, смолоду избрал для себя такой путь в жизни, что от него можно ожидать только добра; пусть они не думают, что ему, патрицию, подобно своим предкам оказавшему много услуг римскому плебсу, нужно губить государство, когда его спасает какой-то Марк Туллий, гражданин, не имеющий собственного дома в Риме. (8) Когда он стал прибавлять к этому и другие оскорбления, все присутствовавшие зашумели и закричали, что он враг и паррицида. (9) Тогда он, взбешенный,

бросил: «Так как недруги, окружив, преследут меня и хотят столкнуть в пропасть, то пожар, грозящий мне, я потушу под развалинами».

32. (1) Затем он из курии помчался домой. Обдумав там многое,— так как и покушения на консула срывались, и Город, как он понимал, ночными дозорами огражден от поджога — он, считая более полезным усилить свое войско и, прежде чем будут набраны легионы, своевременно запастись многим, необходимым для войны, поздней ночью в сопровождении нескольких человек выехал в лагерь Манлия. (2) Цетегу, Лентулу и другим, в чьей неизменной отваге он убедился, он поручает любыми средствами укреплять главные силы заговора, поторопиться с покушением на консула, готовиться к резне, поджогам и другим преступлениям, связанным с войной; сам же он в ближайшие дни с многочисленным войском подступит к Городу.

(3) Пока все это происходило в Риме, Гай Манлий посылает своих сообщников к Марцию Рексу с письмом приблизительно такого содержания:

33. (1) «Богов и людей призываем мы в свидетели, император,— мы взялись за оружие не против отечества и не затем, чтобы подвергнуть опасности других людей, но дабы оградить себя от противозакония; из-за произвола и жестокости ростовщиков большинство из нас, несчастных, обнищавших, лишено отечества, все — доброго имени и имущества, и ни одному из нас не дозволили ни прибегнуть, по обычаю предков, к законной защите, ни, утратив имущество, сохранить личную свободу: так велика была жестокость ростовщиков и претора. (2) Предки наши, сжалившись над римским плебсом, постановлениями своими часто оказывали ему помощь в его беспомощности, а совсем недавно на нашей памяти ввиду огромных долгов с согласия всех честных людей была разрешена уплата долгов вместо серебра медью. (3) Часто сам плебс, либо из стремления к власти, либо возмущенный высокомерием магистратов, с оружием в руках уходил от патрициев. (4) Но мы не стремимся ни к власти, ни к богатствам, из-за которых между людьми возникают войны и всяческое соперничество, но к свободе, расстаться с которой честный человек может только вместе с последним вздохом. (5) Заклинаем тебя и сенат — позаботьтесь о несчастных гражданах, возвратите нам защиту закона, которой нас лишила несправедливость

претора, и не заставляйте нас искать способ возможно дороже продать свою жизнь».

34. (1) На это Квинт Марций ответил, что они, если хотят о чем-либо просить сенат, должны сложить оружие и явиться в Рим с мольбой о прощении; сенат римского народа всегда был столь мягок и снисходителен, что никто никогда не просил его о помощи понапрасну. (2) Катилина же с дороги написал большинству консуляров и всем знатным людям, что он, хотя на него и возвели ложные обвинения, склоняется перед Фортуной, не будучи в силах дать отпор своре недругов, и удаляется в изгнание в Массилию — не потому, что признаётся в столь тяжком преступлении, но дабы в государстве наступило успокоение и его борьба не привела к мятежу. (3) Однако Квинт Катул огласил в сенате письмо совершенно противоположного содержания, сказав, что оно доставлено ему от Катилины. Список с него следует ниже.

35. (1) «Луций Катилина Квинту Катулу. Твоя редкостная верность слову, которую я узнал на деле и оценил, находясь в большой опасности, придает мне уверенность, когда я обращаюсь к тебе. (2) Поэтому я решил не оправдывать перед тобой своего нового замысла, но, сознавая свою невиновность, нашел нужным представить тебе разъяснение, которое ты — да поможет мне в этом бог верности! — сможешь признать искренним. (3) Гонимый обидами и оскорблениями, так как я, лишенный плодов своего труда и настойчивости, не достигал заслуженного мной высокого положения, я по своему обыкновению официально взял на себя защиту несчастных людей — не потому, чтобы не смог, продав имущество, уплатить личные долги (Орестилла по своей щедрости из средств собственных и дочери уплатила бы даже и чужие долги), но так как видел, что почета были удостоены люди, недостойные его, и чувствовал себя отвергнутым из-за ложного подозрения. (4) Ввиду этого, сообразно со своим достоинством я честно надеялся, что смогу сохранить остатки своего высокого положения. (5) Хотел я продолжать письмо, но мне сообщили, что на меня готовится покушение. (6) Итак, поручаю тебе и отдаю под твое покровительство Орестиллу; защищай ее от обид, прошу тебя именем твоих детей. Прощай».

36. (1) Сам Катилина, пробыв несколько дней у Гая Фламиния в Арретинской области, где снабжал ору-

жием всю округу, уже ранее поднятую им на ноги, с фасцами и другими знаками власти направился в лагерь Манлия. (2) Как только в Риме узнали об этом, сенат объявил Катилину и Манлия врагами; всем прочим заговорщикам он назначил срок, до которого им, за исключением осужденных за уголовные деяния, дозволялось безнаказанно сложить оружие. (3) Кроме того, сенат поручил консулам произвести набор. Антонию с войском спешно выступить против Катилины, а Цицерону защищать Город.

(4) В это время держава римского народа, как мне кажется, была в чрезвычайно жалком состоянии. Хотя с востока до запада все повиновалось ей, покоренное оружием, внутри страны царило спокойствие, и в нее текли богатства, которые ценятся превыше всего, все же находились граждане, упорно стремившиеся погубить себя и государство. (5) Ведь, несмотря на два постановления сената, ни один из множества сообщников не выдал заговора, соблазнившись наградой, и ни один не покинул лагеря Катилины: столь сильна была болезнь, словно зараза, проникшая в души большинства граждан.

37. (1) Безумие охватило не одних только заговорщиков; вообще весь простой народ в своем стремлении к переменам одобрял намерения Катилины. (2) Именно они, мне кажется, и соответствовали его нравам. (3) Ведь в государстве те, у кого ничего нет, всегда завидуют состоятельным людям, превозносят дурных, ненавидят старый порядок, жаждут нового, недовольные своим положением, добиваются общей перемены, без забот кормятся волнениями и мятежами, так как нищета легко переносится, когда терять нечего. (4) Но у римского плебса было много оснований поступать столь отчаянно. (5) Прежде всего, те, кто всюду намного превосходил других постыдной жизнью и необузданностью, а также и другие, позорно растратившие отцовское имущество,— вообще все те, кого их гнусности и преступления выгнали из дома, стекались в Рим, словно в сточную яму. (6) Далее, многие вспоминали победу Суллы, видя, как одни рядовые солдаты стали сенаторами, другие — столь богатыми, что вели царский образ жизни; каждый надеялся, что он, взявшись за оружие, извлечет из победы такую же выгоду. (7) Кроме того, юношество, скудно жившее в деревне трудом своих рук и привлеченное в Рим подачками от

частных лиц и государства, уже давно неблагодарному труду своему предпочло праздность в Городе. Вот таких людей и всех прочих и кормило несчастье, постигшее государство. (8) Тем менее следует удивляться тому, что неимущие люди с дурными нравами, но величайшими притязаниями заботились об интересах государства так же мало, как и о своих собственных. (9) Кроме того, те, у кого вследствие победы Суллы подверглись проскрипциям родители, было разграблено имущество, ограничены гражданские права, ожидали исхода борьбы точно с такими же чаяниями. (10) Более того, все противники сената были готовы к потрясениям в государстве, лишь бы не умалялось их личное влияние. (11) Вот какое зло по прошествии многих лет снова поразило гражданскую общину.

38. (1) Ибо, когда при консулах Гнее Помпее и Марке Крассе была восстановлена власть трибунов, молодые люди, дерзкие ввиду своего возраста и по складу ума, начали, достигнув высшей власти, своими обвинениями против сената волновать плебс, затем еще больше разжигать его подачками и посулами; таким образом они приобретали известность и силу. (2) С ними ожесточенно боролась большая часть знати — под видом защиты сената, на деле ради собственного возвышения. (3) Ибо — скажу коротко правду — из всех тех, кто с этого времени правил государством, под благовидным предлогом одни, будто бы отстаивая права народа, другие — наибольшую власть сената, каждый, притворяясь защитником общественного блага, боролся за собственное влияние. (4) И в своем соперничестве они не знали ни умеренности, ни меры: и те и другие были жестоки, став победителями.

39. (1) Но после того как Гнея Помпея послали сражаться на море и с Митридатом, силы плебса уменьшились, могущество кучки людей возросло. (2) В их руках были магистратуры, провинции и все прочее; сами они, не терпя ущерба, процветая, жили без страха и запугивали противников судебными карами за то, что те, будучи магистратами, обращались с плебсом чересчур мягко. (3) Но как только при запутанном положении дел появилась надежда на переворот, плебеев охватило давнишнее стремление бороться. (4) И если бы Катилина в первом бою взял верх или хотя бы сохранил равенство сил, то для государства это, конечно, было бы тяжким поражением, вернее, бедствием,

и тем, кто достиг бы победы, нельзя было бы долее пользоваться ее плодами и более сильный отнял бы у них, усталых и изнемогших, власть и даже свободу. (5) Все-таки было много людей, к заговору непричастных, которые вначале выехали к Катилине. Среди них был Фульвий, сын сенатора; отец велел задержать его в пути и казнить. (6) В это же время в Риме Лентул, как Катилина ему приказал, сам или при помощи других людей, вербовал всех тех, кого он, судя по их нравам и имущественному положению, считал подходящими для переворота, и притом не только граждан, но и всех, кого только можно было использовать для войны.

40. (1) И вот он поручает некоему Публию Умбрену разыскать послов аллоброгов и, если сможет, привлечь их к военному союзу. Лентул думал, что их легко будет склонить к такому решению, так как они обременены долгами, общими и частными, а также потому, что это галльское племя по природе своей воинственно. (2) Умбрен, поскольку он давно вел дела в Галлии, был знаком большинству вождей и сам знал их. Поэтому он сразу же, как только встретил послов на Форуме, кратко осведомившись о делах в их общине и как бы сочувствуя им, стал выяснять, как они рассчитывают выйти из тяжелого положения. (3) Услышав, что они жалуются на алчность должностных лиц, обвиняют сенат, не оказывающий им помощи, и в смерти видят спасение от своих бед, он заявил: «А я, если только вы хотите быть мужчинами, укажу вам, как избавиться от ваших столь тяжких несчастий». (4) Едва он сказал это, аллоброги, преисполнившись надежд, стали умолять его пожалеть их: нет ничего такого, чего бы они, как это ни трудно, не сделали с величайшей готовностью, только бы их общине избавиться от долгов. (5) Умбрен привел аллоброгов в дом Децима Брута, который находился невдалеке от Форума и где хорошо были осведомлены о заговоре благодаря Семпронии; самого же Брута тогда в Риме не было. (6) Затем он пригласил Габиния, дабы придать больший вес переговорам; в его присутствии он поведал им о заговоре, назвал его участников и, кроме того, чтобы поднять дух послов,— многих людей разного звания, не причастных ни к чему. И когда послы обещали ему свою помощь, он отпустил их домой.

41. (1) Но аллоброги долго не знали, на что решиться. (2) С одной стороны, были долги, их воинственность, большая награда в случае победы; с другой — превосходство в силах, отсутствие риска, вместо неверной надежды верное вознаграждение. (3) При этих раздумиях все-таки победила Фортуна государства. (4) И вот они открывают все, что им стало известно, Квинту Фабию Санге, неизменному патрону их общины. Цицерон, узнав о замысле Катилины от Санги, научил послов, как им притворяться преданными заговору, как связаться с другими заговорщиками, дать им обещания и постараться как можно больше их разоблачить.

42. (1) Приблизительно в это же время в Ближней и Дальней Галлиях, как и в Пиценской области, Бруттии и Апулии, происходили волнения. Ибо те, кого Катилина ранее туда послал, неосторожно, словно безумные, все делали одновременно; (2) однако ночными сборищами, доставкой оборонительного и наступательного оружия, спешкой, всеобщим беспорядком они не столько создавали опасность, сколько сеяли страх. (3) Многих из них претор Квинт Метелл Целер, произведя следствие на основании постановления сената, бросил в тюрьму; в Дальней Галлии так же поступил Гай Мурена, управлявший этой провинцией как легат.

43. (1) Тем временем в Риме Лентул вместе с другими главарями заговора, подготовив, как им казалось, большие силы, решили: как только Катилина с войском прибудет в [Фезульскую] область, плебейский трибун Луций Бестия, созвав сходку, осудит действия Цицерона и обратит против лучшего консула все недовольство тяжелейшей войной; по его знаку в следующую ночь остальные заговорщики выполнят каждый свое задание. (2) И они, по слухам, были распределены так: Статилий и Габиний с большим отрядом одновременно подожгут Город в двенадцати удобных местах, дабы вызванной этим суматохой облегчить доступ к консулу и другим людям, на которых готовились покушения; Цетег осадит двери в доме Цицерона и нападет на него с оружием в руках; каждый убьет указанного ему человека; сыновья, живущие в семье, главным образом из знати, убьют своих отцов; затем, когда резня и пожары приведут всех в смятение, они прорвутся к Катилине. (3) Пока шли эти приготовления и принимались решения, Цетег постоянно сетовал

на бездействие сообщников: из-за колебаний и каждодневных проволочек они упускают весьма благоприятные возможности; перед лицом такой опасности нужны действия, а не обсуждения, и сам он, пока другие медлят, с небольшим числом сторонников готов напасть на курию. (4) От природы храбрый, решительный, готовый к действиям, он видел залог успеха прежде всего в быстроте.

44. (1) Между тем аллоброги, следуя наставлениям Цицерона, через посредство Габиния встречаются с другими заговорщиками. Они требуют от Лентула, Цетега, Статилия, а также от Кассия запечатанных писем с клятвенными обязательствами, чтобы доставить их соплеменникам: иначе им нелегко будет склонить их к столь важному делу. (2) Все соглашаются, ничего не подозревая; один только Кассий обещает сам прибыть к аллоброгам и покидает Город незадолго до отъезда посланцев. (3) Лентул посылает вместе с ними некоего Тита Вольтурция из Кротоны, дабы аллоброги, прежде чем отправиться домой, обменявшись с Катилиной клятвами в верности, подтвердили заключенный ими союз. (4) Сам он дает Вольтурцию письмо к Катилине, список с которого приводится ниже.

(5) «Кто я, узнаешь от того, кого к тебе посылаю. Подумай, какая опасность нависла над тобой, и помни, что ты мужчина. Сообрази, чего требуют твои интересы; ищи помощи у всех, даже у людей самых ничтожных».

(6) К этому добавляет на словах: раз сенат объявил Катилину врагом, то какие у него основания отвергать помощь рабов? В Городе все подготовлено, как он приказал; пусть не медлит с походом на Рим.

45. (1) Когда все было сделано и назначена ночь отъезда, Цицерон, узнав обо всем от послов, приказывает преторам Луцию Валерию Флакку и Гаю Помптину устроить засаду на Мульвиевом мосту и захватить весь поезд аллоброгов. Он объясняет им их задачу, а в остальном разрешает действовать по обстоятельствам. (2) Преторы, люди военные, без шума расставив посты, как им было приказано, незаметно занимают подходы к мосту. (3) Когда послы вместе с Вольтурцием подошли к этому месту и по обеим сторонам моста одновременно раздались крики, то галлы, сразу же поняв, что происходит, немедленно сдались преторам. (4) Вольтурций, вначале ободрявший остальных, отби-

вался мечом от множества нападавших, затем, покинутый послами, сперва долго умолял Помптина о пощаде, так как тот знал его; наконец, испугавшись и потеряв надежду на спасение, сдался преторам, словно это были враги.

46. (1) Когда все было кончено, преторы через гонцов быстро сообщили консулу. (2) А того охватили и беспокойство, и радость. Радовался он, понимая, что раскрытие заговора избавило государство от опасности: тревожило его, однако, то, что он не знал, как поступить со столь видными гражданами, схваченными на месте величайшего преступления; наказание их, полагал он, ляжет бременем на него, а безнаказанность их погубит государство. (3) Наконец, собравшись с духом, он приказывает позвать к себе Лентула, Цетега, Статилия, а также Цепария из Террацины, который собирался ехать в Апулию возмущать рабов. (4) Все они тут же приходят, кроме Цепария, который, незадолго до этого выйдя из дома, бежал из Города, узнав о доносе. (5) Лентула, так как он был претором, консул, держа за руку, приводит в сенат, остальных приказывает отправить под стражей в храм Согласия. (6) Туда он созывает сенат и в многолюдное собрание этого сословия велит ввести Вольтурция вместе с послами. Претору Флакку он приказывает сюда же принести ящичек с письмами, которые тот получил от послов.

47. (1) Когда Вольтурция стали допрашивать о его поездке, письмах, наконец, о том, каковы были его намерения и чем они были вызваны, тот вначале отговаривался и скрывал, что ему известно о заговоре; затем, когда ему велели говорить, от имени государства заверив его в неприкосновенности, он открыл, как все произошло, и показал, что несколькими днями ранее его завербовали Габиний и Цепарий, что он знает одних только послов и ничего более и только слыхал не раз от Габиния, что в этом заговоре участвуют Публий Автроний, Сервий Сулла, Луций Варгунтей и многие другие. (2) Галлы признаются в том же, а Лентула, несмотря на его запирательство, они, помимо его письма, обвиняют в высказываниях, какие он нередко себе позволял, будто по книгам Сивиллы царская власть в Риме была предсказана трем Корнелиям; Цинна и Сулла ею уже обладали, он — третий, кому суждено властвовать в Городе; кроме того, год этот двадцатый после пожара Капитолия и он, как га-

руспики уже не раз утверждали на основании знамений, будет кровавым из-за гражданской войны. (3) После чтения писем, когда все заговорщики признали своими печати, сенат постановил, чтобы Лентул, после того как он сложит свои полномочия, как и остальные, был отдан на поруки. (4) Поэтому Лентула передали Публию Лентулу Спинтеру, который тогда был эдилом, Цетега — Квинту Корнифицию, Статилия — Гаю Цезарю, Габиния — Марку Крассу, бежавшего же Цепария, только что задержанного и доставленного в Рим,— сенатору Гнею Теренцию.

48. (1) Между тем после раскрытия заговора у простого народа, который вначале жаждал переворота и не в меру сочувствовал войне, настроение переменилось и он стал замыслы Катилины проклинать, а Цицерона превозносить до небес; народ, словно его вырвали из цепей рабства, радовался и ликовал. (2) Ибо, по его мнению, другие бедствия войны принесли бы ему не столько убытки, сколько добычу, но пожар был бы жестоким, неумолимым и чрезвычайно губительным для него, так как все его имущество — предметы повседневного пользования и одежда.

(3) На следующий день в сенат привели некоего Луция Тарквиния, который, как утверждали, направлялся к Катилине и был задержан в пути. (4) Он заявил, что даст показания, если ему от имени государства будет обеспечена безопасность; получив от консула приказание сообщить все, что знает, он сказал сенату почти то же самое, что и Вольтурций,— о подготовленных поджогах, об избиении лучших граждан, о передвижении врагов; далее — что его послал Марк Красс сообщить Катилине: пусть арест Лентула, Цетега и других заговорщиков не страшит его и пусть он тем более поторопится с наступлением на Город, дабы поднять дух остальных заговорщиков и избавить задержанных от опасности. (5) Но как только Тарквиний назвал имя Красса, человека знатного, необычайно богатого и весьма могущественного, то одни сенаторы сочли это невероятным, другие же хоть и поверили, но все-таки полагали, что в такое время столь всесильного человека следует скорее умиротворить, чем восстанавливать против себя, к тому же большинство из них были обязаны Крассу как частные лица, стали кричать, что показания эти ложны, и потребовали, чтобы об этом было доложено сенату. (6) И вот по запро-

су Цицерона сенат в полном составе объявляет, что показания Тарквиния, очевидно, ложны и что его самого надлежит держать в оковах и не позволять ему давать показания, если он не сообщит, по чьему наущению он так солгал в столь важном деле. (7) Тогда кое-кто полагал, что все это придумал Публий Автроний, чтобы, назвав Красса, легче было ввиду опасности для всех могуществом его прикрыть остальных заговорщиков. (8) По мнению других, Тарквиния подослал Цицерон, чтобы помешать Крассу, как он обычно делал, защищая дурных граждан, вызывать смуту в государстве. (9) Сам Красс, как я потом слышал, утверждал, что столь оскорбительное обвинение на него возвел Цицерон.

49. (1) Но в то же время Квинт Катул и Гай Писон ни просьбами, ни авторитетом, ни платой не смогли склонить Цицерона к тому, чтобы через аллоброгов или другого доносчика выдвинуть ложное обвинение против Гая Цезаря. (2) Ибо они оба чувствовали сильную неприязнь к нему: Писона Цезарь в суде по делу о вымогательстве подверг нападкам за то, что он незаконно казнил какого-то транспаданца; Катул воспылал ненавистью к Цезарю еще тогда, когда они добивались понтификата, так как он в преклонном возрасте, удостоенный почестей, потерпел поражение от молоденького Цезаря. (3) Обстоятельства, однако, казались благоприятными, так как Цезарь и в частной жизни из-за своей исключительной щедрости, и как должностное лицо в связи с великолепными играми погряз в больших долгах. (4) Но когда им не удалось склонить консула к столь дурному поступку, они, обходя граждан одного за другим и измышляя то, что они будто бы слышали от Вольтурция или от аллоброгов, возбудили сильнейшую ненависть к Цезарю вплоть до того, что некоторые из римских всадников, которые несли вооруженную охрану вокруг храма Согласия, то ли ввиду грозной опасности, то ли по своей горячности — чтобы лучше показать свою преданность государству,— мечтами стали угрожать Цезарю, выходившему из сената.

50. (1) Пока это обсуждалось в сенате и послам аллоброгов и Титу Вольтурцию, после того как их показания были признаны правильными, назначались награды, вольноотпущенники и кое-кто из клиентов Лентула, обходя город по разным улицам, подбивали ремес-

ленников и рабов в кварталах вырвать его из-под стражи; некоторые разыскивали главарей шаек, привыкших за плату учинять смуту в государстве. (2) Цетег же через гонцов просил свою челядь и вольноотпущенников, людей отборных и испытанных, проявить отвагу и всем скопом пробиваться к нему с оружием в руках. (3) Как только консул узнал об этих приготовлениях, он, расставив стражу, как того требовали обстоятельства и время, созвал сенат и спросил его, как следует поступить с теми, кто был отдан на поруки. Ведь сенат, незадолго до этого собравшись в полном составе, признал, что они действовали во вред государству.

(4) Тогда Децим Юний Силан, которому предложили высказаться первым, так как в это время он был избранным консулом, потребовал смертной казни для тех, кто содержался под стражей, и, кроме того, для Луция Кассия, Публия Фурия, Публия Умбрена и Квинта Анния, если их схватят; впоследствии он под влиянием речи Гая Цезаря заявил, что присоединится к предложению Тиберия Нерона, чтобы об этом деле, усилив охрану, доложили сенату. (5) Цезарь же, когда до него дошла очередь и консул спросил о его предложении, высказался приблизительно так:

51. (1) «Всем людям, отцы-сенаторы, обсуждающим дело сомнительное, следует быть свободными от чувства ненависти, дружбы, гнева, а также жалости. (2) Ум человека не легко видит правду, когда ему препятствуют эти чувства, и никто не руководствовался одновременно и сильным желанием, и пользой. (3) Куда ты направишь свой ум, там он всесилен; если желание владеет тобой, то именно оно и господствует, дух бессилен. (4) Я мог бы напомнить вам, отцы-сенаторы, о множестве дурных решений, принятых царями и народами под влиянием гнева или жалости, но лучше привести случаи, когда предки наши вопреки своему сильному желанию поступали разумно и правильно.

(5) Во время македонской войны, которую мы вели против царя Персея, большое и богатое родосское государство, ставшее могущественным благодаря помощи римского народа, было нам не только неверно, но даже враждебно. Но когда по окончании войны в сенате было принято решение о родосцах, предки наши, дабы никто не мог сказать, что они начали войну не столько из-за совершенной родосцами несправедливости, сколько ради обогащения, отпустили родосцев, не

покарав их. (6) Опять-таки на протяжении всех Пунических войн, хотя карфагеняне и во времена мира, и во время перемирия часто совершали нечестивые поступки, предки наши никогда не делали того же, несмотря на представлявшиеся им случаи: они думали больше о том, что достойно их, чем о том, как они могут по справедливости покарать карфагенян. (7) Также и вам, отцы-сенаторы, следует иметь в виду одно: преступление Публия Лентула и других не должно в ваших глазах значить больше, чем забота о вашем высоком авторитете, и вы не должны руководствоваться чувством гнева больше, чем заботой о своем добром имени. (8) Итак, если можно найти кару, соответствующую их преступлениям, то я готов одобрить это беспримерное предложение; но если тяжесть преступления превосходит все, что только можно себе вообразить, я предлагаю подвергнуть их наказанию, предусмотренному законами.

(9) Большинство сенаторов, вносивших предложения до меня в своих искусно построенных и прекрасных речах сокрушалось о бедствиях нашего государства. Они перечисляли ужасы войны, выпадающие на долю побежденных: как похищают девушек и мальчиков, как вырывают детей из объятий родителей, как замужние женщины страдают от произвола победителей, как грабят храмы и частные дома, устраивают резню, поджоги — словом, всюду оружие, трупы, кровь и слезы. (10) Но — во имя бессмертных богов! — к чему клонились их речи? К тому ли, чтобы настроить вас против заговора? Разумеется, кого не взволновало столь тяжкое и жестокое преступление, того воспламенит речь! (11) Это не так, и ни одному человеку противозаконные действия по отношению к нему не кажутся малыми; напротив, многие даже преувеличивают их. (12) Но одним дозволено одно, другим — другое, отцы-сенаторы! Если кто-нибудь из людей низкого происхождения, живущих в безвестности, по вспыльчивости совершил проступок, то о нем знают немногие; молва о них так же незначительна, как и их положение. Если же люди, наделенные большой властью, занимают высшее положение, то их действия известны всем. (13) Так с наиболее высокой судьбой сопряжена наименьшая свобода: таким людям нельзя ни выказывать свое расположение, ни ненавидеть, а более всего — предаваться гневу. (14) Что у других лю-

дей называют вспыльчивостью, то у облеченных властью именуют высокомерием и жестокостью. (15) Сам я думаю так, отцы-сенаторы: никакая казнь не искупит преступления. Но большинство людей помнит только развязку и по отношению к нечестивцам, забыв об их злодеянии, подробно рассуждает только о постигшей их каре, если она была суровей обычной.

(16) Я уверен: то, что сказал Децим Силан, муж храбрый и решительный, он сказал, руководствуясь своей преданностью государству и в столь важном деле им не движет ни расположение, ни неприязнь: его правила и умеренность мне хорошо известны. (17) Но его предложение мне кажется не столько жестоким (в самом деле, что можно считать жестокостью по отношению к таким людям?), сколько чуждым нашему государственному строю. (18) Это, конечно, либо страх, либо их противозаконные действия побудили тебя, Силан, избранного консула, подать голос за неслыханную кару. (19) О страхе говорить излишне — тем более что благодаря бдительности прославленного мужа, консула, налицо многочисленная вооруженная стража. (20) О наказании я, право, могу сказать то, что вытекает из сути дела: в горе и несчастиях смерть — отдохновение от бедствий, а не мука; она избавляет человека от всяческих зол: по ту сторону ни для печали, ни для радости места нет.

(21) Но — во имя бессмертных богов! — почему не прибавил ты к своему предложению, чтобы их сперва наказали розгами. (22) Не потому ли, что это воспрещено Порциевым законом? Но ведь другие законы позволяют даже осужденным гражданам отправляться в изгнание, вместо того чтобы их лишали жизни. (23) Не потому ли, что быть наказанным розгами более тяжко, чем быть казненным? Но что может быть суровым, вернее, чересчур тяжким по отношению к людям, изобличенным в столь великом злодеянии? (24) А если потому, что кара эта чересчур мягка, то правильно ли в менее важном деле бояться закона, когда в более важном им пренебрегли?

(25) Но, скажут мне, кто станет порицать решение о паррицидах государства? Обстоятельства, время, Фортуна, чей произвол правит народами. Что бы ни выпало на долю заговорщиков, будет ими заслужено. (26) Но вы, отцы-сенаторы, должны подумать о последствиях своего решения для других. (27) Все дур-

ные дела порождались благими намерениями. Но когда власть оказывается в руках у неискушенных или не особенно честных, то исключительная мера, о которой идет речь, переносится с людей, ее заслуживших и ей подлежащих, на не заслуживших ее и ей не подлежащих. (28) Разгромив афинян, лакедемоняне назначили тридцать мужей для управления их государством. (29) Те вначале стали без суда казнить самых преступных и всем ненавистных людей. Народ радовался и говорил, что это справедливо. (30) Впоследствии, когда их своеволие постепенно усилилось, они стали по своему произволу казнить и честных и дурных, а остальных запугивать. (31) Так порабощенный народ тяжко поплатился за свою глупую радость. (32) Когда на нашей памяти победитель Сулла приказал удавить Дамасиппа и других ему подобных людей, возвысившихся на несчастьях государства, кто не восхвалял его поступка? Все говорили, что преступные и властолюбивые люди, которые мятежами своими потрясли государство, казнены заслуженно. (33) Но именно это и было началом большого бедствия: стоило кому-нибудь пожелать чей-то дом, или усадьбу, или просто утварь либо одежду, как он уж старался, чтобы владелец оказался в проскрипционном списке. (34) И вот тех, кого обрадовала смерть Дамасиппа, вскоре самих начали хватать, и казни прекратились только после того, как Сулла щедро наградил всех своих сторонников. (35) Впрочем, этого я не опасаюсь ни со стороны Марка Туллия, ни вообще в наше время, но ведь в обширном государстве умов много и они разные. (36) В другое время, при другом консуле, опирающемся на войско, лжи могут поверить как истине. Если — ввиду этого — консул на основании постановления сената обнажит меч, то кто укажет ему предел, вернее, кто ограничит его действия?

(37) Предки наши, отцы-сенаторы, никогда не испытывали недостатка ни в рассудительности, ни в отваге, и гордость не мешала им перенимать чужие установления, если они были полезны. (38) Большинство видов воинского оружия, оборонительного и наступательного, они заимствовали у самнитов, знаки отличия для магистратов — у этрусков; словом, все то, чем обладали их союзники или даже враги и что им казалось подходящим, они усерднейшим образом применяли у себя; хорошему они предпочитали подражать, а не

завидовать. (39) И в то же самое время они, подражая обычаю Греции, подвергали граждан порке, а к осужденным применяли высшую кару. (40) Когда государство увеличилось и с ростом числа граждан окрепли противоборствующие группировки, начали преследовать невиновных и совершать другие подобные действия. Тогда и были приняты Порциев и другие законы, допускавшие лишь изгнание осужденных. (41) Такова, по-моему, отцы-сенаторы, главная причина, не позволяющая нам принять беспримерное решение. (42) У тех, кто малыми силами создал такую великую державу, доблести и мудрости, конечно, было больше, чем у нас, с трудом сохраняющих эти добытые ими блага.

(43) Так не отпустить ли их на волю, чтобы они примкнули к войску Катилины? Отнюдь нет! Итак, предлагаю, забрать в казну их имущество, их самих держать в оковах в муниципиях, наиболее обеспеченных охраной, и чтобы впоследствии никто не докладывал о них сенату и не выступал перед народом; всякого же, кто поступит иначе, сенат призна́ет врагом государства и всеобщего благополучия».

52. (1) Когда Цезарь закончил речь, прочие сенаторы вкратце выразили свое согласие — кто с одним предложением, кто с другим. Когда же спросили Марка Порция Катона о его предложении, он произнес речь приблизительно такого содержания:

(2) «Мне приходят совершенно разные мысли, отцы-сенаторы, когда я оцениваю наше опасное положение и когда размышляю над предложениями, внесенными кое-кем из сенаторов. (3) Они, мне кажется, рассуждали о наказании тех, кто готовил войну против родины, родителей, своих алтарей и очагов, положение дел, однако, заставляет нас не столько обсуждать постановление насчет них, сколько себя от них оградить. (4) Ведь за другие деяния можно преследовать тогда, когда они уже совершены; не предотвратив этого, когда оно случится, напрасно станем взывать к правосудию: когда город захвачен, побежденным не остается ничего. (5) Но — во имя бессмертных богов! — призываю вас, которые всегда дома свои, усадьбы, статуи и картины ставили выше интересов государства: если вы хотите сохранить все, чем дорожите, каково бы оно ни было, если вы хотите наслаждаться на досуге, то пробудитесь, наконец, и принимайтесь за дела госу-

дарства. (6) Дело идет уже не о податях и не о несправедливости по отношению к союзникам; свобода и само существование наше — под угрозой.

(7) Много раз, отцы-сенаторы, я подолгу говорил в этом собрании, часто сетовал я на развращенность и алчность наших граждан, и у меня поэтому много противников. (8) Поскольку я никогда не прощал себе ни одного проступка, даже в помыслах, мне нелегко было проявлять снисходительность к чужим злодеяниям и порокам. (9) Вы, правда, не придавали моим словам большого значения, но положение в государстве тогда было прочным: его могущество допускало вашу беспечность. (10) Но теперь речь идет не о том, хороши или плохи наши нравы, и не о величии или великолепии державы римского народа, а о том, будут ли все эти блага, какими бы они нам ни казались, нашими или же они вместе с нами достанутся врагам. (11) И здесь мне еще говорят о мягкости и жалости! Мы действительно уже давно не называем вещи своими именами: раздавать чужое имущество именуется щедростью, отвага в дурных делах — храбростью; поэтому государство и стоит на краю гибели. (12) Что ж, раз уж таковы нравы — пусть будут щедры за счет союзников, пусть будут милостивы к казнокрадам, но крови нашей пусть не расточают и, щадя кучку негодяев, не губят всех честных людей.

(13) Прекрасно и искусно построив свою речь, Гай Цезарь незадолго до меня рассуждал в этом собрании о жизни и смерти, надо думать, считая вымыслом то, что рассказывают о подземном царстве,— будто дурные люди пребывают там далеко от честных, в местах мрачных, диких, ужасных и вызывающих страх. (14) И он предложил забрать в казну имущество заговорщиков, а их самих содержать под стражей в муниципиях, очевидно опасаясь, что, если они будут в Риме, их силой освободят участники заговора или подкупленная толпа; (15) как будто дурные и преступные люди находятся только в Городе, а не во всей Италии, как будто наглость не сильнее там, где защита слабее. (16) Следовательно, его соображения бесполезны, если он опасается их; если же при таком всеобщем страхе он один не боится, то тем больше у меня оснований бояться и за себя, и за вас. (17) Поэтому, когда будете принимать решение насчет Публия Лентула и остальных, твердо помните, что вы одновременно выносите

приговор войску Катилины и всем заговорщикам. (18) Чем непреклоннее будете вы действовать, тем больше будут они падать духом; если они усмотрят малейшую вашу слабость, то все, кто преисполнен наглости, немедленно окажутся здесь.

(19) Не думайте, что предки наши с помощью оружия сделали государство из малого великим. (20) Будь это так, оно было бы у нас гораздо прекраснее, так как союзников и граждан, а кроме того, оружия и лошадей у нас больше, чем было у них. (21) Но они обладали другими качествами, возвеличившими их и отсутствующими у нас: на родине трудолюбие, за рубежом справедливая власть, в советах свобода духа, не отягощенная ни совершенными проступками, ни пристрастием. (22) А у нас вместо этого — развращенность и алчность, в государстве — бедность, в частном быту — роскошь, мы восхваляем богатства и склонны к праздности; между добрыми и дурными людьми различия нет; все награды за доблесть присваивает честолюбие. (23) И ничего удивительного: так как каждый из вас в отдельности думает только о себе, так как в частной жизни вы рабы наслаждений, а здесь — денег и влияния, [могущественных людей], то именно поэтому государство, оставшееся без защиты, и подвергается нападению.

Но я об этом говорить не буду. (24) Заговор устроили знатнейшие граждане, чтобы предать отечество огню; галльское племя, яростно ненавидящее все, что именуется римским, склоняют к войне; вражеский полководец с войском у нас на плечах. (25) А вы? Медлите даже теперь и не знаете, как поступить с врагами, схваченными внутри городских стен? (26) Я предлагаю: пощадите их — преступление ведь совершили юнцы из честолюбия. Отпустите их, даже с оружием. (27) Но берегитесь, как бы ваши мягкость и сострадание, если люди эти возьмутся за оружие, не обернулись несчастьем! (28) Положение само по себе, разумеется, трудное, но, быть может, вы не боитесь его. Да нет же, оно необычайно страшит вас, но вы, по лености и вялости своей — каждый ожидая, что начнет другой,— медлите, очевидно полагаясь на бессмертных богов, не раз спасавших наше государство во времена величайших опасностей. (29) Не обеты и не бабьи молитвы обеспечивают нам помощь богов, бдительность, деятельность, разумные решения — вот что приносит

успех во всем; пребывая в беспечности и праздности, умолять богов бесполезно: они разгневаны и враждебны.

(30) Некогда Авл Манлий Торкват во время галльской войны повелел казнить своего сына за то, что тот, нарушив приказ, вступил в бой с врагом. (31) И этот замечательный юноша за свою неумеренную отвагу поплатился жизнью. (32) А вы медлите с приговором жесточайшим паррицидам? (33) Очевидно, вся их прежняя жизнь не позволяет обвинить их в этом преступлении. Что ж, снизойдите к высокому положению Лентула, если сам он когда-нибудь оберегал свою стыдливость, свое доброе имя, щадил кого-либо из богов или людей; простите Цетега по молодости лет, хотя он уже во второй раз пошел войной против отечества. (34) Стоит ли мне говорить о Габинии, Статилии, Цепарии? Если бы для них когда-нибудь хоть что-нибудь имело значение, они не вынашивали бы таких замыслов в отношении государства.

(35) Наконец, отцы-сенаторы, будь у нас еще время, чтобы допустить промах, я, клянусь Геркулесом, охотно примирился бы с тем, чтобы вас поправили сами обстоятельства, раз вы не обращаете внимания на слова. Но мы окружены со всех сторон; Катилина с войском хватает нас за горло; внутри наших стен, и притом в самом сердце Города, находятся и другие враги, и тайно мы ничего не можем ни подготовить, ни обсудить; тем более нам надо торопиться.

(36) Поэтому предлагаю: «Так как вследствие нечестивого замысла преступных граждан государство оказалось в крайней опасности и так как они, изобличенные показаниями Тита Вольтурция и послов аллоброгов, сознались в том, что подготовили против своих сограждан и отечества резню, поджоги и другие гнусные и жестокие злодеяния, то сознавшихся, как схваченных с поличным на месте преступления, надлежит казнить по обычаю предков».

53. (1) Когда Катон сел, все консуляры и большинство сенаторов одобрили его предложение и стал превозносить до небес его мужество. Бранясь между собой, они обзывали друг друга трусами. Катона же назвали достославным и великим человеком; сенат принял постановление в соответствии с его предложением.

(2) Я много читал, много слышал о славных подвигах римского народа, совершенных им во времена ми-

ра и на войне, на море и на суше, и мне захотелось выяснить, что более всего способствовало этому. (3) Я знал, что малочисленные римские отряды нередко бились с большими легионами врагов, я установил, что римляне малыми силами вели войны с могущественными царями; что они при этом часто переносили жестокие удары Фортуны; что красноречием римляне уступали грекам, а военной славой — галлам. (4) И мне после долгих размышлений стало ясно, что все это было достигнуто выдающейся доблестью немногих граждан и именно благодаря ей бедность побеждала богатство, малочисленность — множество. (5) Но когда роскошь и праздность развратили гражданскую общину, государство благодаря своему могуществу все-таки держалось, несмотря на пороки военачальников и магистратов, и, словно обессиленный родами, Рим долгие годы не порождал человека великой доблести. (6) Но на моей памяти выдающейся доблестью, правда, при несходстве характеров, отличались два мужа — Марк Катон и Гай Цезарь. Так как в своем повествовании я столкнулся с ними, то я решил не умалчивать о них, но, насколько позволят мои способности, описать натуру и нравы каждого из них.

54. (1) Итак, их происхождение, возраст, красноречие были почти равны; величие духа у них, как и слава, были одинаковы, но у каждого — по-своему. (2) Цезаря за его благодеяния и щедрость считали великим, за безупречную жизнь — Катона. Первый прославился мягкосердечием и милосердием, второму придавала достоинства его строгость. (3) Цезарь достиг славы, одаривая, помогая, прощая, Катон — не наделяя ничем. Один был прибежищем для несчастных, другой — погибелью для дурных. Первого восхваляли за его снисходительность, второго — за его твердость. (4) Наконец, Цезарь поставил себе за правило трудиться, быть бдительным; заботясь о делах друзей, он пренебрегал собственными, не отказывал ни в чем, что только стоило им подарить; для себя самого желал высшего командования, войска, новой войны, в которой его доблесть могла бы заблистать. (5) Катона же отличали умеренность, чувство долга, но больше всего суровость. (6) Он соперничал не в богатстве с богатым и не во власти с властолюбцем, но со стойким в мужестве, со скромным в совестливости, с бескорыстным в воздержности. Быть честным, а не казаться им предпочи-

тал он. Таким образом, чем меньше искал он славы, тем больше следовала она за ним.

55. (1) Когда сенат, как я уже говорил, одобрил предложение Катона, консул, сочтя за лучшее не дожидаться ночи, поскольку за это время могло произойти что-нибудь неожиданное, приказывает тресвирам приготовить все необходимое для казни; (2) сам он, расставив стражу, отводит Лентула в тюрьму; преторы поступают так же с другими заговорщиками. (3) В тюрьме, если немного подняться влево, есть подземелье, называемое Туллиевым и приблизительно на двенадцать футов уходящее в землю. (4) Оно имеет сплошные стены и каменный сводчатый потолок; его запущенность, потемки, зловоние производят отвратительное и ужасное впечатление. (5) Как только Лентула спустили туда, палачи, исполняя приказание, удавили его петлей. Так этот патриций из прославленного Корнелиева рода, когда-то облеченный в Риме консульской властью, нашел конец, достойный его нравов и поступков. Цетег, Статилий, Габиний и Цепарий были казнены таким же образом.

56. (1) Пока это происходило в Риме, Катилина составил из тех, кого он сам привел в лагерь и кто был у Манлия, два легиона; когорты он образовал в соответствии с численностью воинов. (2) Затем, по мере того, как в лагерь прибывали добровольцы или сообщники, он равномерно распределял их и вскоре пополнил легионы нужным числом людей, тогда как вначале у него было не более двух тысяч солдат. (3) Но из всего войска настоящим воинским оружием была снабжена приблизительно лишь четвертая часть; остальные — как кого вооружил случай — носили дротики или копья; иные — заостренные колья. (4) Но когда Антоний стал приближаться со своим войском, Катилина двинулся по горам — то в сторону Города, то в сторону Галлии, не давая врагам сражения; он надеялся, что у него вскоре будут крупные силы, если в Риме его сообщники осуществят свои намерения. (5) Между тем рабов, которые вначале толпами сбегались к нему, он отсылал прочь, полагаясь на силы заговорщиков и одновременно считая невыгодным для себя впечатление, будто он связал дело граждан с делом беглых рабов.

57. (1) Но когда в лагере узнали, что в Риме заговор раскрыт, что Лентул, Цетег и другие, названные мною

выше, казнены, большинство солдат Катилины, которых на путь войны увлекла надежда на грабежи, а вернее, желание переворота, стали разбегаться: остальных он большими переходами через малодоступные горы отвел в область Пистории, намереваясь незаметно уйти по тропам в Трансальпийскую Галлию. (2) Но Квинт Метелл Целер оборонял тремя легионами Пиценскую область, полагая, что ввиду трудности положения Катилина попытается сделать то, о чем говорилось выше. (3) И вот, узнав от перебежчиков о передвижении Катилины, он быстро выступил в поход и укрепился у самого подножья гор, куда тот должен был спуститься для быстрого перехода в Галлию. (4) Впрочем, и Антоний был недалеко, идя с большим войском по пятам Катилины и легко двигаясь по более ровной местности. (5) Увидев, что он отрезан горами и вражескими войсками, что в Городе его постигла неудача и что ни на бегство, ни на поддержку никакой надежды нет, Катилина, придя к выводу, что в таком положении лучше всего попытать счастья в бою, решил возможно скорее сразиться с Антонием. (6) И вот, созвав воинов на сходку, он произнес речь приблизительно такого содержания:

58. (1) «Мне хорошо известно, солдаты, что слова не прибавляют доблести и что от одной речи полководца войско не становится из слабого стойким, храбрым из трусливого. (2) Какая отвага свойственна каждому из нас от природы или в силу воспитания, такой она проявляется и на войне. Кого не воодушевляют ни слава, ни опасности, того уговаривать бесполезно: страх закладывает ему уши. (3) Но я созвал вас, чтобы дать несколько наставлений и вместе с тем объяснить причину своего решения.

(4) Вы, конечно, знаете, солдаты, какое огромное бедствие принесли нам и самому Лентулу его беспечность и трусость и почему я, ожидая подкреплений из Города, не смог направиться в Галлию. (5) Но теперь все вы так же хорошо, как и я, понимаете, в каком мы положении. (6) Два вражеских войска, одно со стороны Города, другое со стороны Галлии, преграждают нам путь. Находиться в этой местности, даже если бы мы очень захотели, нам больше не позволяет недостаток зерна и других припасов. (7) Куда бы мы ни решили направиться, нам надо пролагать себе путь мечом. (8) Поэтому призываю вас быть храбрыми и решитель-

ными и, вступив в бой, помнить, что богатства, почести, слава, а также свобода и отечество — в ваших руках. (9) Если мы победим, нам достанется все; продовольствия будет в изобилии, муниципии и колонии откроют перед нами ворота. (10) Если же мы в страхе отступим, это обернется против нас, и ни местность, ни друг не защитят того, кого оружие не защитит. (11) Более того, солдаты, наши противники не находятся в таком же угрожаемом положении, в каком мы: мы боремся за отечество, за свободу, за жизнь, для них же нет никакой надобности сражаться за власть немногих людей. (12) Тем отважней нападайте, помня о своей прежней доблести. (13) Вы были вольны с величайшим позором для себя влачить жизнь в изгнании; кое-кто из вас, лишившись своего достояния в Риме, мог рассчитывать на постороннюю помощь. (14) Поскольку такое положение вам казалось мерзким и нестерпимым для мужчины, вы решили разделить со мной эти опасности. (15) Если хотите избавиться от них, вам нужна отвага: один лишь победитель достигает мира ценой войны. (16) Ведь искать спасения в бегстве, отвернув от врага оружие, защищающее наше тело,— подлинное безумие. (17) В сражении наибольшая опасность всегда грозит тому, кто больше всего боится. Отвага заменяет собой крепостную стену.

(18) Когда я смотрю на вас, солдаты, и думаю о ваших подвигах, меня охватывает великая надежда на победу. (19) Ваше присутствие духа, молодость, доблесть воодушевляют меня, как и [сознание] неизбежности, которая даже трусов делает храбрыми. (20) Ведь враг, несмотря на свое численное превосходство, окружить нас не может: ему мешает недостаток места. (21) Но если Фортуна не пощадит вашей доблести, не позволяйте врагам с легкостью перебить вас и, чтобы вас, взятых в плен, не перерезали, как скотину, сражайтесь, как подобает мужчинам, если же враги одержат над вами победу, пусть она будет кровавой и горестной».

59. (1) Сказав это, Катилина, чуть помедлив, велит проиграть сигнал и выводит на равнину войско, построенное рядами; затем, спéшив всех, дабы придать солдатам мужества, уравняв всех перед опасностью, расставляет войско сообразно с местностью и его составом: (2) так как равнина лежала между горной цепью слева и крутыми скалами справа, то Катилина выставил

вперед восемь когорт, а остальные разместил в резерве более тесным строем. (3) Из них он перевел в первый ряд центурионов, всех отборных и вторично призванных солдат, а из рядовых — всех наилучших, имевших оружие. Правым крылом он приказал командовать Гаю Манлию, левым — некоему фезуланцу; сам же вместе с вольноотпущенниками и колонами встал рядом с орлом, по преданию находившимся в войске Гая Мария во время войны с кимврами.

(4) В рядах противника Гай Антоний, страдавший болезнью ног, вверил войско своему легату Марку Петрею, так как сам не мог участвовать в сражении. (5) Тот выставил вперед когорты ветеранов, которых он призвал ввиду угрожающего положения, позади них — остальное войско в резерве. Сам он, верхом объезжая ряды, обращался к каждому солдату по имени, ободрял их, напоминал, что они с безоружными разбойниками сражаются за отечество, за своих детей, за алтари и очаги. (6) Старый военный, более тридцати лет прослуживший в войсках как трибун, префект, легат, претор, он знал в лицо большинство солдат и их подвиги; упоминая о них, он зажигал в солдатах мужество.

60. (1) Произведя смотр всем своим силам, Петрей подает сигнал трубой и приказывает когортам медленно наступать; то же делает и неприятель. (2) Сблизившись настолько, чтобы легковооруженные смогли завязать сражение, противники с оглушительными криками сошлись со знаменами наперевес; солдаты отбрасывают копья, пускают в ход мечи. (3) Ветераны, вспомнив былую доблесть, ожесточенно теснят врагов в рукопашной схватке; те храбро дают им отпор, сражаются с величайшим пылом. (4) В это время Катилина с легковооруженными находился в первых рядах, поддерживал колебавшихся, заменял раненых свежими бойцами, заботился обо всем, нередко бился сам, часто поражал врага; был одновременно и стойким солдатом, и доблестным полководцем. (5) Петрей, увидев, что Катилина вопреки ожиданиям яростно сопротивляется, бросил преторскую когорту против центра вражеского строя и перебил солдат, беспорядочно и в разных местах дававших отпор в одиночку; затем он напал на остальных солдат на обоих флангах. (6) Манлий и фезуланец пали, сражаясь в первых рядах. (7) Заметив, что его войско рассеяно и он остался

с кучкой солдат, Катилина, помня о своем происхождении, бросается в самую гущу врагов, и там в схватке его закалывают.

61. (1) Только тогда, когда битва завершилась, и можно было увидеть, как велики были отвага и мужество в войске Катилины. (2) Ибо чуть ли не каждый, испустив дух, лежал на том же месте, какое он занял в начале сражения. (3) Несколько человек в центре, которых рассеяла преторская когорта, лежали чуть в стороне, но все, однако, раненные в грудь. (4) Самого Катилину нашли далеко от его солдат, среди вражеских тел. Он еще дышал, и его лицо сохраняло печать той же неукротимости духа, какой он отличался при жизни. (5) Словом, из всего войска Катилины ни в сражении, ни во время бегства ни один полноправный гражданин не был взят в плен, (6) так мало все они щадили жизнь — как свою, так и неприятеля. (7) Однако победа, одержанная войском римского народа, не была ни радостной, ни бескровной, ибо все самые стойкие бойцы либо пали, либо покинули поле боя тяжело раненными. (8) Но многие солдаты, вышедшие из лагеря осмотреть поле битвы и пограбить, находили, переворачивая тела врагов,— один — друга, другой — гостеприимца или родича; некоторые узнавали и своих недругов, с которыми бились. (9) Так все войско испытывало разные чувства: ликование и скорбь, горе и радость.

ТИТ ЛИВИЙ

ИСТОРИЯ ОТ ОСНОВАНИЯ РИМА

СОЗДАМ ЛИ я нечто, стоящее труда, если опишу деяния римского народа от первых начал города, твердо не знаю, да и знал бы, не решился бы сказать, ибо вижу — затея эта и не нова, и даже избита, ведь являются все новые писатели, которые уверены, что либо в изложении событий подойдут ближе к истине, либо превзойдут неискусную древность в умении писать. Как бы то ни было, я найду радость в том, что и я, в меру своих сил, постарался увековечить подвиги главенствующего на земле народа; и если в столь великой толпе писателей слава моя не будет заметна, утешеньем мне будет знатность и величие тех, в чьей тени окажется мое имя. Сверх того, самый предмет требует трудов непомерных — ведь надо углубиться в минувшее более чем на семьсот лет, ведь государство, начав с малого, так разрослось, что страдает уже от своей громадности. Не сомневаюсь также, что рассказ о первоначальных и близких к ним временах доставит немного удовольствия большинству читателей — они поспешат к событиям той недавней поры, когда силы народа, давно уже могущественного, истребляли сами себя; я же, напротив, и в том буду искать награды за свой труд, что, хоть на время,— пока всеми мыслями устремляюсь туда, к старине,— отвлекусь от зрелища бедствий, свидетелем которых столько лет было наше поколение, и избавлюсь от забот, способных если не отклонить пишущего от истины, то смутить его душевный покой. Рассказы о событиях, предшествовавших основанию города и еще более ранних, приличны скорее творениям поэтов, чем строгой истории, и того, что в них говорится, я не намерен ни утверждать, ни опровергать. Древности простительно, мешая человеческое с божественным, возвеличивать начала городов; а если какому-нибудь народу позволительно освящать свое происхождение и возводить его к богам, то военная

слава римского народа такова, что, назови он самого Марса своим предком и отцом своего родоначальника, племена людские и это снесут с тем же покорством, с каким сносят власть Рима. Но подобного рода рассказам, как бы на них ни смотрели и что бы ни думали о них люди, я не придаю большой важности. Мне бы хотелось, чтобы каждый читатель в меру своих сил задумался над тем, какова была жизнь, каковы нравы, каким людям и какому образу действий — дома ли, на войне ли — обязана держава своим зарожденьем и ростом; пусть он далее последует мыслью за тем, как в нравах появился сперва разлад, как потом они зашатались и, наконец, стали падать неудержимо, пока не дошло до нынешних времен, когда мы ни пороков наших, ни лекарства от них переносить не в силах. В том и состоит главная польза и лучший плод знакомства с событиями минувшего, что видишь всякого рода поучительные примеры в обрамленье величественного целого; здесь и для себя, и для государства ты найдешь, чему подражать, здесь же — чего избегать: бесславные начала, бесславные концы.

Впрочем, либо пристрастность к самому делу вводит меня в заблужденье, либо и впрямь не было никогда государства, более великого, более благочестивого, более богатого добрыми примерами, куда алчность и роскошь проникли бы так поздно, где так долго и так высоко чтили бы бедность и бережливость. Да, чем меньше было имущество, тем меньшею была и жадность; лишь недавно богатство привело за собою корыстолюбие, а избыток удовольствий — готовность погубить все ради роскоши и телесных утех.

Не следует, однако, начинать такой труд сетованиями, которые не будут приятными и тогда, когда окажутся необходимыми; с добрых знамений и обетов предпочли б мы начать, а будь то у нас, как у поэтов, в обычае — и с молитв богам и богиням, чтобы они даровали начатому успешное завершение.

КНИГА I

1. Прежде всего достаточно хорошо известно, что по взятии Трои ахейцы жестоко расправились с троянцами: лишь с двоими, Энеем и Антенором, не поступили они по законам войны — и в силу старинного гостеприимства и потому, что те всегда советовали предпочесть мир и выдать Елену. Обстоятельства сложились так, что Антенор с немалым числом энетов, изгнанных мятежом из Пафлагонии и искавших нового места и вождя, взамен погибшего под Троей царя Пилемена, прибыл в отдаленнейший залив Адриатического моря, и по изгнании эвганеев, которые жили меж морем и Альпами, энеты с троянцами владели этой землей. Место, где они высадились впервые, зовется Троей; по этой же причине и округа получила имя Троянской, а весь народ называется венеты.

Эней, гонимый от дома таким же несчастьем, но ведомый судьбою к иным, более великим начинаниям, прибыл сперва в Македонию, оттуда, ища где осесть, занесен был в Сицилию, из Сицилии на кораблях направил свой путь в Лаврентскую область. Троей именуют и эту местность. Высадившиеся тут троянцы, у которых после бесконечных скитаний ничего не осталось, кроме оружия и кораблей, стали угонять с полей скот; царь Латин и аборигены, владевшие тогда этими местами, сошлись с оружием из города и с полей, чтобы дать отпор пришельцам. Дальше рассказывают двояко. Одни передают, что разбитый в сражении Латин заключил с Энеем мир, скрепленный потом свойство́м; другие — что оба войска выстроились к бою, но Латин, прежде чем трубы подали знак, выступил в окружении знати вперед и вызвал вождя пришельцев для переговоров. Расспросив, кто они такие, откуда пришли, что заставило их покинуть дом и чего они ищут здесь в Лаврентской области, и услыхав в ответ, что перед ним троянцы, что вождь

их Эней, сын Анхиза и Венеры, что из дому их изгнала гибель отечества и что ищут они, где им остановиться и основать город, Латин подивился знатности народа и его предводителя, подивился силе духа, равно готового и к войне и к миру, и протянул руку в залог будущей дружбы. После этого вожди заключили союз, а войска обменялись приветствиями. Эней стал гостем Латина, и тут Латин пред богами-пенатами скрепил союз меж народами союзом между домами — выдал дочь за Энея. И это утвердило троянцев в надежде, что скитания их окончены, что они осели прочно и навеки. Они основывают город; Эней называет его по имени жены Лавинием. Вскоре появляется и мужское потомство от нового брака — сын, которому родители дают имя Асканий.

2. Потом аборигены и троянцы вместе подверглись нападению. Турн, царь рутулов, за которого была просватана до прибытия Энея Лавиния, оскорбленный тем, что ему предпочли пришлеца, пошел войной на Энея с Латином. Ни тому, ни другому войску не принесла радости эта битва: рутулы были побеждены, а победители — аборигены и троянцы — потеряли своего вождя Латина. После этого Турн и рутулы, отчаявшись, прибегают к защите могущественных тогда этрусков и обращаются к их царю Мезенцию, который властвовал над богатым городом Цере и с самого начала совсем не был рад рождению нового государства, а теперь решил, что оно возвышается намного быстрее, чем то допускает безопасность соседей, и охотно объединился с рутулами в военном союзе.

Перед угрозою такой войны Эней, чтобы расположить к себе аборигенов и чтобы не только права были для всех едиными, но и имя, нарек оба народа латинянами. С той поры аборигены не уступали троянцам ни в рвении, ни в преданности царю Энею. Полагаясь на такое одушевление двух народов, с каждым днем все более сживавшихся друг с другом, Эней пренебрег могуществом Этрурии, чья слава наполняла и сушу, и даже море вдоль всей Италии от Альп до Сицилийского пролива, и, хотя мог найти защиту в городских стенах, выстроил войско к бою. Сражение было удачным для латинян, для Энея же оно стало последним из земных дел. Похоронен он (человеком ли надлежит именовать его или богом) над рекою Нумиком; его называют Юпитером Родоначальником.

3. Сын Энея, Асканий, был еще мал для власти, однако власть эта оставалась неприкосновенной и ждала его, пока он не возмужал: все это время латинскую державу — отцовское и дедовское наследие — хранила для мальчика женщина: таково было дарование Лавинии. Я не стану разбирать (кто же о столь далеких делах решится говорить с уверенностью?), был ли этот мальчик Асканий или старший его брат, который родился от Креусы еще до разрушения Илиона, а потом сопровождал отца в бегстве и которого род Юлиев называет Юлом, возводя к нему свое имя. Этот Асканий, где бы ни был он рожден и кто б ни была его мать (достоверно известно лишь, что он был сыном Энея), видя чрезмерную многолюдность Лавиния, оставил матери — или мачехе — уже цветущий и преуспевающий по тем временам город, а сам основал у подножья Альбанской горы другой, новый, протянувшийся вдоль хребта и оттого называемый Альбой Лонгой. Между основанием Лавиния и выведением поселенцев в Альбу прошло около тридцати лет. А силы латинян возросли настолько — особенно после разгрома этрусков,— что даже по смерти Энея, даже когда правила женщина и начинал привыкать к царству мальчик, никто — ни царь Мезенций с этрусками, ни другой какой-нибудь сосед — не осмеливался начать войну. Границей меж этрусками и латинянами, согласно условиям мира, должна была быть река Альбула, которую ныне зовут Тибром.

Потом царствовал Сильвий, сын Аскания, по какой-то случайности рожденный в лесу. От него родился Эней Сильвий, а от того — Латин Сильвий, который вывел несколько поселений, известных под названием «Старые латиняне». На будущее время прозвище Сильвиев закрепилось за всеми, кто царствовал в Альбе. От Латина родился Альба, от Альбы Атис, от Атиса Капис, от Каписа Капет, от Капета Тиберин, который, утонув при переправе через Альбулу, дал этой реке имя, вошедшее в общее употребление. Затем царем был Агриппа, сын Тиберина, после Агриппы царствовал Ромул Сильвий, унаследовав власть от отца. Пораженный молнией, он оставил наследником Авентина. Тот был похоронен на холме, который ныне составляет часть города Рима, и передал этому холму свое имя.

Потом царствовал Прока. От него родились Нумитор и Амулий; Нумитору, старшему, отец завещал старинное царство рода Сильвиев. Но сила одержала верх над отцовской волей и над уважением к старшинству: оттеснив брата, воцарился Амулий. К преступлению прибавляя преступление, он истребил мужское потомство брата, а дочь его Рею Сильвию, под почетным предлогом — избрав в весталки — обрек на вечное девство.

4. Но, как мне кажется, судьба предопределила и зарождение столь великого города, и основание власти, уступающей лишь могуществу богов. Весталка сделалась жертвой насилия и родила двойню, отцом же объявила Марса — то ли веря в это сама, то ли потому, что прегрешенье, виновник которому бог,— меньшее бесчестье. Однако ни боги, ни люди не защитили ни ее самое, ни ее потомство от царской жестокости. Жрица в оковах была отдана под стражу, детей царь приказал бросить в реку. Но Тибр как раз волей богов разлился, покрыв берега стоячими водами,— нигде нельзя было подойти к руслу реки, и тем, кто принес детей, оставалось надеяться, что младенцы утонут, хотя бы и в тихих водах. И вот, кое-как исполнив царское поручение, они оставляют детей в ближайшей заводи — там, где теперь Руминальская смоковница (раньше, говорят, она называлась Ромуловой). Пустынны и безлюдны были тогда эти места. Рассказывают, что, когда вода схлынула, оставив лоток с детьми на суше, волчица с соседних холмов, бежавшая к водопою, повернула на детский плач. Пригнувшись к младенцам, она дала им свои сосцы и была до того ласкова, что облизала детей языком; так и нашел ее смотритель царских стад, звавшийся, по преданию, Фавстулом. Он принес детей к себе и передал на воспитание своей жене Ларенции. Иные считают, что Ларенция звалась среди пастухов «волчицей», потому что отдавалась любому,— отсюда и рассказ о чудесном спасении.

Рожденные и воспитанные, как описано выше, близнецы, лишь только подросли, стали, не пренебрегая и работой в хлевах или при стаде, охотиться по лесам. Окрепнув в этих занятьях и телом и духом, они не только травили зверей, но нападали и на разбойников, нагруженных добычей, а захваченное делили меж пастухами, с которыми разделяли труды и потехи; и со

дня на день отряд юношей становился все многочисленнее.

5. Предание говорит, что уже тогда на Палатинском холме справляли существующее поныне празднество Луперкалий, и что холм этот был назван по аркадскому городу Паллантею Паллантейским, а потом Палатинским. Здесь Эвандр, аркадянин, намного ранее владевший этими местами, установил принесенный из Аркадии ежегодный обряд, чтобы юноши бегали нагими, озорством и забавами чествуя Ликейского Пана, которого римляне позднее стали называть Инуем. Обычай этот был известен всем, и разбойники, обозленные потерей добычи, подстерегли юношей, увлеченных праздничною игрой. Ромул отбился силой, Рема же разбойники схватили, а схватив, передали царю Амулию, сами выступив обвинителями. Винили братьев прежде всего в том, что они делают набеги на земли Нумитора и с шайкою молодых сообщников, словно враги, угоняют оттуда скот. Так Рема передают Нумитору для казни.

Фавстул и с самого начала подозревал, что в его доме воспитывается царское потомство, ибо знал о выброшенных по царскому приказу младенцах, а подобрал он детей как раз в ту самую пору; но он не хотел прежде времени открывать эти обстоятельства — разве что при случае или по необходимости. Необходимость явилась первой, и вот, принуждаемый страхом, он все открывает Ромулу. Случилось так, что и до Нумитора, державшего Рема под стражей, дошли слухи о братьях-близнецах, он задумался о возрасте братьев, об их природе, отнюдь не рабской, и его душу смутило воспоминанье о внуках. К той же мысли привели Нумитора расспросы, и он уже был недалек от того, чтобы признать Рема. Так замыкается кольцо вокруг царя. Ромул не собирает свою шайку — для открытого столкновения силы не были равны,— но, назначив время, велит всем пастухам прийти к царскому дому — каждому иною дорогой,— и нападает на царя, а из Нумиторова дома спешит на помощь Рем с другим отрядом. И они убили царя.

6. При первых признаках смятения Нумитор, твердя, что, враги, мол, ворвались в город и напали на царский дом, увел всех мужчин Альбы в крепость, которую-де надо занять и удерживать оружьем; потом, уви-

дав, что кровопролитье свершилось, а юноши приближаются к нему с приветствиями, тут же созывает сходку и объявляет о братниных против него преступленьях, о происхождении внуков — как были они рождены, как воспитаны, как узнаны — затем об убийстве тирана и о себе как зачинщике всего дела. Юноши явились со всем отрядом на сходку и приветствовали деда, называя его царем; единодушный отклик толпы закрепил за ним имя и власть царя.

Когда Нумитор получил таким образом Альбанское царство, Ромула и Рема охватило желанье основать город в тех самых местах, где они были брошены и воспитаны. У альбанцев и латинян было много лишнего народу, и если сюда прибавить пастухов, всякий легко мог себе представить, что мала будет и Альба, и Лавиний в сравнении с тем городом, который предстоит основать. Но в эти замыслы вмешалось наследственное зло, жажда царской власти, и отсюда — недостойная распря, родившаяся из вполне мирного начала. Братья были близнецы, различие в летах не могло дать преимущества ни одному из них, и вот, чтобы боги, под чьим покровительством находились те места, птичьим знамением указали, кому наречь своим именем город, кому править новым государством, Ромул местом наблюдения за птицами избрал Палатин, а Рем — Авентин.

7. Рассказывают, что Рему первому явилось знамение — шесть коршунов,— и о знамении уже возвестили, когда Ромулу предстало двойное против этого число птиц. Каждого из братьев толпа приверженцев провозгласила царем: одни придавали больше значения первенству, другие — числу птиц. Началась перебранка, и взаимное озлобление привело к кровопролитию; в сумятице Рем получил смертельный удар. Более распространен, впрочем, другой рассказ — будто Рем в насмешку над братом перескочил через новые стены, и Ромул в гневе убил его, крикнув при этом: «Так да погибнет всякий, кто перескочит через мои стены». Теперь единственным властителем остался Ромул, и вновь основанный город получил названье от имени своего основателя.

Прежде всего Ромул укрепил Палатинский холм, где был воспитан. Жертвы всем богам он принес по альбанскому обряду, только Геркулесу — по греческо-

му, как установлено было Эвандром. Сохранилась память о том, что, убив Гериона, Геркулес увел его дивных видом быков в эти места и здесь, возле Тибра, через который перебрался вплавь, гоня пред собою стадо, на обильном травою лугу — чтобы отдых и тучный корм восстановили силы животных — прилег и сам, усталый с дороги. Когда, отягченного едой и вином, сморил его сон, здешний пастух, по имени Как, буйный силач, пленившись красотою быков, захотел отнять эту добычу. Но, загони он быков в пещеру, следы сами привели бы туда хозяина, и поэтому Как, выбрав самых прекрасных, оттащил их в пещеру задом наперед, за хвосты. Геркулес проснулся на заре, пересчитал взглядом стадо и, убедившись, что счет неполон, направился к ближней пещере поглядеть, не ведут ли случайно следы туда. И когда он увидел, что все следы обращены в противоположную сторону и больше никуда не ведут, то в смущенье и замешательстве погнал стадо прочь от враждебного места. Но иные из коров, которых он уводил, замычали, как это бывает нередко, в тоске по остающимся, и тут ответный зов запертых в пещере животных заставил Геркулеса вернуться; Как попытался было силой преградить ему путь, но, пораженный дубиною, свалился и умер, тщетно призывая пастухов на помощь.

В ту пору Эвандр, изгнанник из Пелопоннеса, правил этими местами — скорее как человек с весом, нежели как властитель; уваженьем к себе он был обязан чудесному искусству письма, новому для людей, незнакомых с науками, и еще более — вере в божественность его матери, Карменты, чьему прорицательскому дару дивились до прибытия Сивиллы в Италию тамошние племена. Этого Эвандра и привлекло сюда волнение пастухов, собравшихся вокруг пришельца, обвиняемого в явном убийстве. Эвандр, выслушав рассказ о проступке и о причинах проступка и видя, что стоящий перед ним несколько выше человеческого роста, да и осанкой величественней, спрашивает, кто он таков; услыхав же в ответ его имя, чей он сын и откуда родом, говорит: «Геркулес, сын Юпитера, здравствуй! Моя мать, истинно прорицающая волю богов, возвестила мне, что ты пополнишь число небожителей и что тебе здесь будет посвящен алтарь, который когда-нибудь самый могущественный на земле народ на-

зовет Великим и станет почитать по заведенному тобой обряду». Геркулес, подавая руку, сказал, что принимает пророчество и исполнит веление судьбы — сложит и освятит алтарь. Тогда-то впервые и принесли жертву Геркулесу, взяв из стада отборную корову, а для служения и пира призвали Потициев и Пинариев, самые знатные в тех местах семьи. Вышло так, что Потиции были на месте вовремя и внутренности были предложены им, а Пинарии явились к остаткам пиршества, когда внутренности были уж съедены. С тех пор велось, чтобы Пинарии, покуда существовал их род, не ели внутренностей жертвы. Потиции, выученные Эвандром, были жрецами этого священнодействия на протяжении многих поколений — покуда весь род их не вымер, передав священное служение общественным рабам. Это единственный чужеземный обряд, который перенял Ромул, уже в ту пору ревностный почитатель рожденного доблестью бессмертия, к какому вела его судьба.

8. Воздав должное богам, Ромул созвал толпу на собрание и дал ей законы,— ничем, кроме законов, он и не мог сплотить ее в единый народ. Понимая, что для неотесанного люда законы его будут святы лишь тогда, когда сам он внешними знаками власти внушит почтенье к себе, Ромул стал и во всем прочем держаться более важно и, главное, завел двенадцать ликторов. Иные полагают, что число это отвечает числу птиц, возвестивших ему царскую власть, для меня же убедительны суждения тех, кто считает, что и весь этот род прислужников и само их число происходит от соседей-этрусков, у которых заимствованы и курульное кресло, и тога с каймою. А у этрусков так повелось оттого, что каждый из двенадцати городов, сообща избиравших царя, давал ему по одному ликтору.

Город между тем рос, занимая укреплениями все новые места, так как укрепляли город в расчете скорей на будущее многолюдство, чем сообразно тогдашнему числу жителей. А потом, чтобы огромный город не пустовал, Ромул воспользовался старой хитростью основателей городов (созывая темный и низкого происхождения люд, они измышляли, будто это потомство самой земли) и открыл убежище в том месте, что теперь огорожено,— по левую руку от спуска меж двумя рощами. От соседних народов сбежались все жажду-

щие перемен — свободные и рабы без разбора,— и тем была заложена первая основа великой мощи. Когда о силах тревожиться было уже нечего, Ромул сообщает силе мудрость и учреждает сенат, избрав сто старейшин,— потому ли, что в большем числе не было нужды, потому ли, что всего-то и набралось сто человек, которых можно было избрать в отцы. Отцами их прозвали, разумеется, по оказанной чести, потомство их получило имя «патрициев».

9. Теперь Рим стал уже так силен, что мог бы как равный воевать с любым из соседних городов, но срок этому могуществу был — человеческий век, потому что женщин было мало и на потомство в родном городе римляне надеяться не могли, а брачных связей с соседями не существовало. Тогда, посовещавшись с отцами, Ромул разослал по окрестным племенам послов — просить для нового народа союза и соглашения о браках: ведь города, мол, как и все прочее, родятся из самого низменного, а потом уже те из них, кому помогою собственная доблесть и боги, достигают великой силы и великой славы; римляне хорошо знают, что не без помощи богов родился их город и доблестью скуден не будет,— так пусть не гнушаются люди с людьми мешать свою кровь и род. Эти посольства нигде не нашли благосклонного приема — так велико было презренье соседей и вместе с тем их боязнь за себя и своих потомков ввиду великой силы, которая среди них поднималась. И почти все, отпуская послов, спрашивали, отчего не откроют римляне убежище и для женщин: вот и было бы им супружество как раз под пару.

Римляне были тяжко оскорблены, и дело явно клонилось к насилию. Чтобы выбрать время и место поудобнее, Ромул, затаив обиду, принимается усердно готовить торжественные игры в честь Нептуна Конного, которые называет Консуалиями. Потом он приказывает известить об играх соседей, и всё, чем только умели или могли в те времена придать зрелищу великолепья, пускается в ход, чтобы об играх говорили и с нетерпением их ожидали. Собралось много народу, даже просто из желания посмотреть новый город,— в особенности все ближайшие соседи: ценинцы, крустуминцы, антемняне. Все многочисленное племя сабинян явилось с детьми и с женами. Их гостеприимно

приглашали в дома, и они, рассмотрев расположение города, стены, многочисленные здания, удивлялись, как быстро выросло римское государство. А когда подошло время игр, которые заняли собою все помыслы и взоры, тут-то, как было условлено, и случилось насилие: по данному знаку римские юноши бросились похищать девиц. Большею частью хватали без разбора, какая кому попадется, но иных, особо красивых, предназначенных виднейшим из отцов, приносили в дома простолюдины, которым это было поручено. Одну из девиц, самую красивую и привлекательную, похитили, как рассказывают, люди некоего Талассия, и многие спрашивали, кому ее несут, а те, опасаясь насилия, то и дело выкрикивали, что несут ее Талассию; отсюда и происходит этот свадебный возглас.

Страх положил играм конец, и родители девиц бежали в горе, проклиная преступников, поправших закон гостеприимства, и взывая к богам, на чьи празднества их коварно заманили. И у похищенных не слабее было отчаянье, не меньше негодование. Но сам Ромул обращался к каждой в отдельности и объяснял, что всему виною высокомерие их отцов, которые отказали соседям в брачных связях; что они будут замужем, общим с мужьями будет у них имущество, государство и — что всего дороже роду людскому — дети; пусть лишь смягчат свой гнев и тем, кому жребий отдал их тела, отдадут души. Со временем из обиды часто родится привязанность, а мужья у них будут тем лучшие, что каждый будет стараться не только исполнить свои обязанности, но и успокоить тоску жены по родителям и отечеству. Присоединялись к таким речам и вкрадчивые уговоры мужчин, извинявших свой поступок любовью и страстью, а на женскую природу это действует всего сильнее.

10. Похищенные уже совсем было смягчились, а в это самое время их родители, облачившись в скорбные одежды, сеяли смятение в городах слезами и сетованиями. И не только дома звучал их ропот, но отовсюду собирались они к Титу Тацию, царю сабинян; к нему же стекались и посольства, потому что имя Тация было в тех краях самым громким. Тяжесть обиды немалой долей ложилась на ценинцев, крустуминцев, антемнян. Этим трем народам казалось, что Таций с сабинянами слишком медлительны и они стали готовить

войну сами. Однако перед пылом и гневом ценинцев недостаточно расторопны были даже крустуминцы с антемнянами, и ценинский народ нападает на римские земли в одиночку. Беспорядочно разоряя поля, на пути встречают они Ромула с войском, который легко доказывает им в сражении, что без силы гнев тщетен,— войско обращает в беспорядочное бегство, беглецов преследует, царя убивает в схватке и обирает с него доспехи. Умертвив неприятельского вождя, Ромул первым же натиском берет город.

Возвратившись с победоносным войском, Ромул, великий не только подвигами, но — не в меньшей мере — умением их показать, взошел на Капитолий, неся доспехи убитого неприятельского вождя, развешанные на остове, нарочно для того изготовленном, и положил их у священного для пастухов дуба; делая это приношение, он тут же определил место для храма Юпитера и к имени бога прибавил прозвание: «Юпитер Феретрийский,— сказал он,— я, Ромул, победоносный царь, приношу тебе царское это оружье и посвящаю тебе храм в пределах, которые только что мысленно обозначил; да станет он вместилищем для тучных доспехов, какие будут приносить вслед за мной, первым, потомки, убивая неприятельских царей и вождей». Таково происхождение самого древнего в Риме храма. Боги судили, чтобы речи основателя храма, назначившего потомкам приносить туда доспехи, не оказались напрасными, а слава, сопряженная с таким приношеньем, не была обесценена многочисленностью ее стяжавших. Лишь два раза впоследствии на протяжении стольких лет и стольких войн добыты были тучные доспехи — так редко выпадал этот почет.

11. Пока римляне заняты всем этим, в их пределы вторгается войско антемнян, пользуясь случаем и отсутствием защитников. Но быстро выведенный и против них римский легион застигает их в полях, по которым они разбрелись. Первым же ударом, первым же криком были враги рассеяны, их город взят; и тут, когда Ромул праздновал двойную победу, его супруга Герсилия, сдавшись на мольбы похищенных, просит даровать их родителям пощаду и гражданство: тогда государство может быть сплочено согласием. Ромул охотно уступил. Затем он двинулся против крустуминцев, которые открыли военные действия. Там было

еще меньше дела, потому что чужие неудачи уже сломили их мужество. В оба места были выведены поселения; в Крустумерий — ради плодородия тамошней земли — охотников нашлось больше. Оттуда тоже многие переселились в Рим, главным образом родители и близкие похищенных женщин.

Война с сабинянами пришла последней и оказалась самой тяжелой, так как они во всех своих действиях не поддались ни гневу, ни страсти и не грозились, прежде чем нанесли удар. Расчет был дополнен коварством. Начальником над римской крепостью был Спурий Тарпей. Таций подкупил золотом его дочь, деву, чтобы она впустила воинов в крепость (она как раз вышла за стену за водою для священнодействий). Сабиняне, которых она впустила, умертвили ее, завалив щитами,— то ли чтобы думали, будто крепость взята силой, то ли ради примера на будущее, чтобы никто и никогда не был верен предателю. Прибавляют еще и баснословный рассказ: сабиняне, дескать, носили на левой руке золотые хорошего веса запястья и хорошего вида перстни с камнями, и девица выговорила для себя то, что у них на левой руке, а они и завалили ее вместо золота щитами. Некоторые утверждают, будто, прося у сабинян то, что у них на левой руке, она действительно хотела оставить их без щитов, но была заподозрена в коварстве и умерщвлена тем, что причиталось ей, как награда.

12. Во всяком случае, сабиняне удерживали крепость и на другой день, когда римское войско выстроилось на поле меж Палатинским и Капитолийским холмами, и на равнину спустились лишь после того, как римляне, подстрекаемые гневом и желаньем вернуть крепость, пошли снизу на приступ. С обеих сторон вожди торопили битву: с сабинской — Меттий Курций, с римской — Гостий Гостилий. Невзирая на невыгоды местности, Гостий без страха и устали бился в первых рядах, одушевляя своих. Как только он пал, строй римлян тут же подался, и они в беспорядке кинулись к старым воротам Палатина. Ромул, и сам увлеченный толпою бегущих, поднял к небу свой щит и меч и произнес: «Юпитер, повинуясь твоим знамениям, здесь, на Палатине, заложил я первые камни города. Но сабиняне ценой преступления завладели крепостью, теперь они с оружьем в руках стремятся сюда и уже ми-

новали середину долины. Но хотя бы отсюда, отец богов и людей, отрази ты врага, освободи римлян от страха, останови постыдное бегство! А я обещаю тебе здесь храм Юпитера Становителя, который для потомков будет напоминаньем о том, как быстрою твоею помощью был спасен Рим». Вознеся эту мольбу, Ромул, как будто почувствовав, что его молитва услышана, возгласил: «Здесь, римляне, Юпитер Всеблагой и Всемогущий повелевает вам остановиться и возобновить сражение!» Римляне останавливаются, словно услышав повеленье с небес; сам Ромул поспешает к передовым. С сабинской стороны первым спустился Меттий Курций и рассеял потерявших строй римлян по всему нынешнему форуму. Теперь он был уже недалеко от ворот Палатина и громко кричал: «Мы победили вероломных хозяев, малодушных противников: они уже узнали, что совсем не одно и то же похищать девиц и биться с мужами». Пока он так похвалялся, на него налетел Ромул с горсткою самых дерзких юношей. Меттий тогда как раз был на коне — тем легче оказалось обратить его вспять. Римляне пускаются следом, и все римское войско, воспламененное храбростью своего царя, рассеивает противника. А конь, испуганный шумом погони, понес, и Меттий провалился в болото. Опасность, грозившая такому человеку, отвлекла все вниманье сабинян; впрочем, Меттию ободряющие знаки, и крики, и сочувствие многих придали духу, и он выбрался на сушу. Посреди долины, разделяющей два холма, римляне и сабиняне вновь сошлись в бою. Но перевес оставался за римлянами.

13. Тут сабинские женщины, из-за которых и началась война, распустив волосы и разорвав одежды, позабывши в беде женский страх, отважно бросились прямо под копья и стрелы наперерез бойцам, чтобы разнять два строя, унять гнев враждующих, обращаясь с мольбой то к отцам, то к мужьям: пусть не пятнают они — тести и зятья — себя нечестивою пролитою кровью, не оскверняют отцеубийством потомство своих дочерей и жен. «Если вы стыдитесь свойства́ меж собою, если брачный союз вам претит, на нас обратите свой гнев: мы — причина войны, причина ран и гибели наших мужей и отцов; лучше умрем, чем останемся жить без одних иль других, вдовами или сиротами». Растроганы были не только воины, но и вожди; все вдруг

смолкло и замерло. Потом вожди вышли, чтобы заключить договор, и не просто примирились, но из двух государств составили одно. Царствовать решили сообща, средоточьем всей власти сделали Рим. Так город удвоился, а чтобы не обидно было и сабинянам, по их городу Курам граждане получают имя «квиритов». В память об этой битве место, где Курциев конь, выбравшись из болота, ступил на твердое дно, прозвано Курциевым озером.

Война, столь горестная, кончилась внезапным и радостным миром, и оттого сабинянки стали еще дороже мужьям и родителям, а прежде всех — самому Ромулу, и когда он стал делить народ на тридцать курий, то куриям дал имена сабинских женщин. Без сомнения, их было гораздо больше тридцати, и по старшинству ли были выбраны из них те, кто передал куриям свои имена, по достоинству ли, собственному либо мужей, или по жребию, об этом преданье молчит. В ту же пору были составлены и три центурии всадников: Рамны, названные так по Ромулу, Тиции — по Титу Тацию, и Луцеры, чье имя, как и происхождение, остается темным. Оба царя правили не только совместно, но и в согласии.

14. Несколько лет спустя родственники царя Тация обидели лаврентских послов, а когда лаврентяне стали искать управы законным порядком, как принято между народами, пристрастие Тация к близким и их мольбы взяли верх. Тем самым он обратил возмездие на себя, и когда явился в Лавиний на ежегодное жертвоприношение, был убит толпой. Ромул, как рассказывают, перенес случившееся легче, нежели подобало,— то ли оттого, что меж царями товарищество ненадежно, то ли считая убийство небеспричинным. Поэтому от войны он воздержался, а чтобы оскорбленье послов и убийство царя не остались без искупления, договор меж двумя городами, Римом и Лавинием, был заключен наново.

Так, сверх чаянья, был сохранен мир с лаврентянами, но началась другая война, много ближе, почти у самых городских ворот. Фиденяне решили, что в слишком близком с ними соседстве растет великая сила, и поторопились открыть военные действия, прежде чем она достигнет той несокрушимости, какую позволяло провидеть будущее. Выслав вперед вооружен-

ную молодежь, они разоряют поля меж Римом и Фиденами; затем сворачивают влево, так как вправо не пускал Тибр, и продолжают грабить, наводя немалый страх на сельских жителей. Внезапное смятение, с полей перекинувшееся в город, возвестило о войне. Ромул в тревоге — ведь война в такой близости к городу не могла терпеть промедленья — вывел войско и стал лагерем в одной миле от Фиден. Оставив в лагере небольшой отряд, он выступил со всем войском, части воинов приказал засесть в скрытном месте — благо окрестность поросла густым кустарником,— сам же с большею частью войска и всей конницей двинулся дальше и, подскакавши почти что к самым воротам, устрашающим шумом схватки выманил неприятеля, чего и добивался. Та же конная схватка дала вполне правдоподобный повод к притворному бегству. И вот конница будто бы не решается в страхе, что выбрать, бой или бегство, пехота тоже подается назад, как вдруг ворота распахиваются, и высыпают враги; они нападают на строй римлян и преследуют их по пятам, пылом погони увлекаемые к месту засады. Оттуда внезапно появляются римляне и ударяют по вражескому строю сбоку; страху фиденянам добавляют и двинувшиеся из лагеря знамена отряда, который был там оставлен. Устрашенный грозящей с разных сторон опасностью, неприятель обратился в бегство, едва ли не прежде, чем Ромул и его всадники успели натянуть поводья и повернуть коней.

И куда беспорядочнее, чем недавние притворные беглецы, прежние преследователи в уже настоящем бегстве устремились к городу. Но оторваться от врага фиденянам не удалось; на плечах противника, как бы единым с ним отрядом, ворвались римляне в город прежде, чем затворились ворота.

15. С фиденян зараза войны перекинулась на родственных им (они ведь тоже были этруски) вейян, которым внушала тревогу и самая близость Рима, если бы римское оружие оказалось направленным против всех подряд соседей. Вейяне сделали набег на римские пределы, скорее грабительский, чем по правилам войны. Не разбив лагеря, не дожидаясь войска противника, они ушли назад в Вейи, унося добычу с полей. Римляне, напротив, не обнаружив противника в своих землях, перешли Тибр в полной готовности к реши-

тельному сражению. Вейяне, узнав, что те становятся лагерем и пойдут на их город, выступили навстречу, предпочитая решить дело в открытом бою, нежели оказаться в осаде и отстаивать свои кровли и стены. На этот раз никакая хитрость силе не помогала — одною лишь храбростью испытанного войска одержал римский царь победу; опрокинутого врага он преследовал вплоть до городских укреплений, но от города, надежно защищенного и стенами, и самим расположением, отступил. На возвратном пути Ромул разоряет вражеские земли больше в отместку, чем ради наживы. Сокрушенные этой бедою не меньше, чем битвой в открытом поле, вейяне посылают в Рим ходатаев просить мира. Лишившись в наказание части своих земель, они получают перемирие на сто лет.

Таковы главные домашние и военные события Ромулова царствования, и во всем этом нет ничего несовместного с верой в божественное происхождение Ромула и с посмертным его обожествленьем — взять ли отвагу, с какою возвращено было дедовское царство, взять ли мудрость, с какою был основан и укреплен военными и мирными средствами город. Ибо, бесспорно, его трудами город стал так силен, что на протяжении последующих сорока лет мог пользоваться прочным миром. И, однако, толпе Ромул был дороже, чем отцам, а воинам гораздо более по сердцу, нежели прочим; триста вооруженных телохранителей, которых он назвал «быстрыми», всегда были при нем, не только на войне, но и в мирное время.

16. По свершении бессмертных этих трудов, когда Ромул, созвав сходку на поле у Козьего болота, производил смотр войску, внезапно с громом и грохотом поднялась буря, которая окутала царя густым облаком, скрыв его от глаз сходки, и с той поры не было Ромула на земле. Когда же непроглядная мгла вновь сменилась мирным сиянием дня и общий ужас, наконец, улегся, все римляне увидели царское кресло пустым; хотя они и поверили отцам, ближайшим очевидцам, что царь был унесен ввысь вихрем, все же, будто пораженные страхом сиротства, хранили скорбное молчание. Потом сперва немногие, а за ними все разом возглашают хвалу Ромулу, богу, богом рожденному, царю и отцу города Рима, молят его о мире, о том, чтобы

благой и милостивый, всегда хранил он свое потомство.

Но и в ту пору, я уверен, кое-кто втихомолку говорил, что царь был растерзан руками отцов — есть ведь и такая, хоть очень глухая, молва; а тот, первый, рассказ разошелся широко благодаря преклонению перед Ромулом и живому еще ужасу. Как передают, веры этому рассказу прибавила находчивость одного человека. А именно, когда город был обуреваем тоской по царю и ненавистью к отцам, явился на сходку Прокул Юлий и заговорил с важностью, хоть и о странных вещах. «Квириты,— сказал он,— Ромул, отец нашего города, внезапно сошедший с неба, встретился мне нынешним утром. В благоговейном ужасе стоял я с ним рядом и молился, чтобы не зачлось мне во грех, что смотрю на него, а он промолвил: «Отправляйся и возвести римлянам: угодно богам, чтобы мой Рим стал главой всего мира. А потому пусть будут усердны к военному делу, пусть ведают сами и потомству передают, что нет человеческих сил, способных противиться римскому оружию». И с этими словами удалился на небо». Удивительно, с каким доверием выслушали вестника, пришедшего с подобным рассказом, и как просто тоска народа и войска по Ромулу была утолена верой в его бессмертие.

17. А отцы между тем с вожделением думали о царстве и терзались скрытой враждою. Не то чтобы кто-либо желал власти для себя — в молодом народе ни один еще не успел возвыситься — борьба велась между разрядами сенаторов. Выходцы из сабинян, чтобы не потерять совсем свою долю участия в правлении (ведь после смерти Тация с их стороны царя не было), хотели поставить царя из своих; старые римляне и слышать не желали о царе-чужеземце. Но, расходясь в желаниях, все хотели иметь над собою царя, ибо еще не была изведана сладость свободы. Вдобавок отцами владел страх, что могут оживиться многочисленные окружающие государства и какой-нибудь сильный враг застанет Рим лишенным власти, а войско лишенным вождя. Всем было ясно, что какой-то глава нужен, но никто не мог решиться уступить другому. А потому сто отцов разделились на десятки, и в каждом десятке выбрали главного, поделив таким образом управление государством. Правили десять человек, но знаки вла-

сти и ликторы были у одного; по истечении пяти дней их полномочия истекали, и власть переходила к следующей десятке, никого не минуя; так на год прервалось правленье царей. Перерыв этот получил название междуцарствия, чем он на деле и был; слово это в ходу и поныне.

Потом простонародье стало роптать, что рабство умножилось — сто господ заместили одного. Казалось, народ больше не станет терпеть никого, кроме царя, которого сам поставит. Когда отцы почувствовали, какой оборот принимает дело, то, добровольно жертвуя тем, чего сохранить не могли, они снискали расположенье народа, вверили ему высшую власть, но так, что уступили не больше, нежели удержали: они постановили, что, когда народ назначит царя, решенье будет считаться принятым лишь после того, как его утвердят отцы. И до сего дня, если решается вопрос о законах или должностных лицах, сенаторы пользуются тем же правом, хотя уже потерявшим значение: отцы дают свое согласие заранее, прежде чем народ приступит к подаче голосов. А в тот раз междуцарь, созвав собрание, объявил: «Да послужит это ко благу, пользе и счастью! Квириты, ставьте царя: так рассудили отцы. А потом, если поставите достойного преемника Ромулу, отцы дадут свое утвержденье». Это так польстило народу, что он, не желая оставаться в долгу, постановил только, чтобы сенат вынес решенье, кому быть в Риме царем.

18. В те времена славился справедливостью и благочестием Нума Помпилий. Он жил в сабинском городе Курах и был величайшим, насколько тогда это было возможно, знатоком всего божественного и человеческого права. Наставником Нумы, за неимением никого иного, ложно называют самосца Пифагора, о котором известно, что он больше ста лет спустя на краю Италии, подле Метапонта, Гераклеи, Кротона, собирал вокруг себя юношей, искавших знаний. Из этих отдаленнейших мест как дошел бы слух о нем до сабинян, живи он даже в одно с Нумою время? И на каком языке он снесся бы с сабинянином, чтобы тому захотелось у него учиться? Или под чьею защитой прошел бы один сквозь столько племен, не схожих ни речью, ни нравами? Стало быть, собственной природе обязан Нума тем, что украсил добродетелями свою душу,

и — скорее готов я предположить — взращен был не столько иноземной наукой, сколько древним сабинским воспитанием, суровым и строгим: недаром в чистоте нравов этот народ не знал себе равных.

Когда названо было имя Нумы, сенаторы-римляне, хотя и считали, что преимущество будет за сабинянами, если царя призовут из их земли, все же не осмелились предпочесть этому мужу ни себя, ни кого-либо из своих, ни вообще кого бы то ни было из отцов или граждан, но единодушно решили передать царство Нуме Помпилию. Приглашенный в Рим, он, следуя примеру Ромула, который принял царскую власть, испытав по птичьим приметам волю богов касательно основания города, повелел и о себе вопросить богов. Тогда птицегадатель-авгур, чье занятие отныне сделалось почетною и пожизненной государственной должностью, привел Нуму в крепость и усадил на камень лицом к югу. Авгур, с покрытою головой, сел по левую его руку, держа в правой руке кривую палку без единого сучка, которую называют жезлом. Помолившись богам и взяв для наблюдения город с окрестностью, он разграничил участки от востока к западу; южные участки, сказал он, пусть будут правыми, северные — левыми; напротив себя, далеко, насколько хватало глаз, он мысленно наметил знак. Затем, переложив жезл в левую руку, а правую возложив на голову Нумы, он помолился так: «Отец Юпитер, если боги велят, чтобы Нума Помпилий, чью голову я держу, был царем в Риме, яви надежные знаменья в пределах, которые я наметил». Тут он описал словесно те предзнаменованья, какие хотел получить. И они были ниспосланы, и Нума сошел с места гадания уже царем.

19. Получив таким образом царскую власть, Нума решил город, основанный силой оружия, основать заново на праве, законах, обычаях. Видя, что ко всему этому невозможно привыкнуть среди войн, ибо ратная служба ожесточает сердца, он счел необходимым смягчить нравы народа, отучая его от оружия, и потому в самом низу Аргилета воздвиг храм Януса — показатель войны и мира: открытые врата означали, что государство воюет, закрытые — что все окрестные народы замирены. С той поры, после царствования Нумы, закрывали его дважды: один раз в консульство Тита Манлия по завершении Первой Пунической войны,

другой (это боги дали увидеть нашему поколению) — после битвы при Акции, когда император Цезарь Август установил мир на суше и на море. Связав союзными договорами всех соседей, Нума запер храм, а чтобы с избавленьем от внешней опасности не развратились праздностью те, кого прежде обуздывал страх перед неприятелем и воинская строгость, он решил вселить в них страх пред богами — действеннейшее средство для непросвещенной и, сообразно тем временам, грубой толпы. А поскольку сделать, чтоб страх этот вошел в их души, нельзя было иначе, как придумав какое-нибудь чудо, Нума притворился, будто по ночам сходится с богиней Эгерией; по ее-де наущению и учреждает он священнодействия, которые богам всего угоднее, назначает для каждого бога особых жрецов.

Но прежде всего Нума разделил год — в соответствии с движением луны — на двенадцать месяцев, а так как тридцати дней в лунном месяце нет и лунному году недостает одиннадцати дней до полного, образуемого кругооборотом солнца, то, вставляя добавочные месяцы, он рассчитал время так, чтобы на каждый двадцатый год любой день приходился на то же самое положение солнца, что и в исходном году, а совокупная продолжительность всех двадцати лет по числу дней была полной. Нума же учредил дни присутственные и неприсутственные, так как небесполезно было для будущего, чтобы дела, ведущиеся перед народом, на какое-то время приостанавливались.

20. Затем Нума занялся назначением жрецов, хотя многие священнодействия совершал сам — особенно те, что ныне в ведении Юпитерова фламина. Но так как в воинственном государстве, думалось ему, больше будет царей, подобных Ромулу, нежели Нуме, и они будут сами ходить на войну, то, чтобы не оказались в пренебрежении связанные с царским саном священнодействия, он поставил безотлучного жреца — фламина Юпитера, отличив его особым убором и царским курульным креслом. К нему он присоединил еще двух фламинов: одного для служения Марсу, другого — Квирину. Выбрал он и дев для служения Весте; служение это происходит из Альбы и не чуждо роду основателя Рима. Чтобы они ведали храмовыми делами безотлучно, Нума назначил им жалованье от

казны, а отличив их девством и прочими знаками святости, дал им общее уважение и неприкосновенность. Точно так же избрал он двенадцать салиев для служения Марсу Градиву; им в знак отличия он дал разукрашенную тунику, а поверх туники бронзовый нагрудник и повелел носить небесные щиты, именуемые «анцилиями», и с песнопениями проходить по городу в торжественной пляске на три счета. Затем он избрал понтифика — Нуму Марция, сына Марка, одного из отцов-сенаторов,— и поручил ему наблюдать за всеми жертвоприношениями, которые сам расписал и назначил, указав, с какими именно жертвами, по каким дням и в каких храмах должны они совершаться и откуда должны выдаваться потребные для этого деньги. Да и все прочие жертвоприношения, общественные и частные, подчинил он решениям понтифика, чтобы народ имел, к кому обратиться за советом, и в божественном праве ничто не поколебалось от небреженья отеческими обрядами и усвоения чужеземных; чтобы тот же понтифик мог разъяснить не только чин служения небожителям, но и правила погребенья, и средства умилостивить подземных богов, а также, какие знамения, ниспосылаемые в виде молний или в каком-либо ином образе, следует принимать в расчет и отвращать. А чтобы их получать от богов, Нума посвятил Юпитеру Элицию алтарь на Авентине и чрез птицегадание вопросил богов, какие знамения должны браться в расчет.

21. К обсуждению этих дел, к попечению о них обратился, забыв о насилиях и оружии, весь народ; умы были заняты, а постоянное усердье к богам, которые, казалось, и сами участвовали в людских заботах, напитало все сердца таким благочестием, что государством правили верность и клятва, а не покорность законам и страх перед карой. А поскольку римляне сами усваивали нравы своего царя, видя в нем непревзойденный образец, то даже соседние народы, которые прежде считали, что не город, но военный лагерь воздвигнут среди них на пагубу всеобщему миру, были пристыжены и теперь почли бы нечестием обижать государство, всецело занятое служеньем богам.

Была роща, круглый год орошаемая ключом, который бил из темной пещеры, укрытой в гуще деревьев. Туда очень часто приходил без свидетелей Нума, буд-

то бы для свиданья с богиней; эту рощу он посвятил Каменам, уверяя, что они совещались там с его супругою Эгерией. Установил он и празднество Верности. Он повелел, чтобы к святилищу Верности жрецы приезжали на крытой колеснице, запряженной парой, и чтобы жертвоприношение совершали рукою, спеленутою до самых пальцев, в знак того, что верность должно блюсти и что она свята и остается святыней даже в пожатии рук. Он учредил многие другие священнодействия и посвятил богам места для жертвоприношений — те, что понтифики зовут «Аргеями». Но все же величайшая из его заслуг в том, что на протяжении всего царствования он берег мир не меньше, чем царство.

Так два царя сряду, каждый по-своему — один войною, другой миром — возвеличили Рим. Ромул царствовал тридцать семь лет, Нума — сорок три. Государство было не только сильным, но одинаково хорошо приспособленным и к войне, и к мирной жизни.

22. Нума умер, и вновь наступило междуцарствие. Затем народ избрал царем Тулла Гостилия, внука того Гостилия, который прославился битвой с сабинянами у подножия крепости; отцы утвердили это решение. Новый царь не только не был похож на предшественника, но воинственностью превосходил даже Ромула. Молодые силы и дедовская слава волновали его. И вот, решив, что в покое государство дряхлеет, стал он повсюду искать повода к войне. Случилось, что римские крестьяне угнали скот с альбанской земли, альбанские, в свой черед,— с римской. Властвовал в Альбе тогда Гай Клуилий. С обеих сторон были отправлены послы требовать возмещения убытков. Своим послам Тулл наказал идти прямо к цели, не отвлекаясь ничем: он твердо знал, что альбанцы ответят отказом и тогда можно будет с чистой совестью объявить войну. Альбанцы действовали намного беспечнее; встреченные Туллом гостеприимно и радушно, они весело пировали с царем. Между тем римские послы и первыми потребовали возмещения, и отказ получили первыми, они объявили альбанцам войну, которая должна была начаться через тридцать дней. О том они и доложили Туллу. Тут он приглашает альбанских послов высказать, ради чего они явились. Те, ни о чем не догадываясь, сначала зря тратят время на оправдания:

они-де не хотели бы говорить ничего, что могло б не понравиться Туллу, но повинуются приказу: они пришли за удовлетвореньем, а если получат отказ, им велено объявить войну. А Тулл в ответ: «Передайте вашему царю, что римский царь берет в свидетели богов: чья сторона первой отослала послов, не уважив их просьбы, на нее пусть и падут все бедствия войны».

23. Эту весть альбанцы уносят домой. И вот обе стороны стали всеми силами готовить войну, всего более схожую с гражданской, почти что войну меж отцами и сыновьями, ведь оба противника были потомки троянцев: Лавиний вел начало от Трои, от Лавиния — Альба, от альбанского царского рода — римляне. Исход войны, правда, несколько умеряет горечь размышлений об этой распре, потому что до сражения не дошло, погибли лишь здания одного из городов, а оба народа слились в один. Альбанцы первые с огромным войском вторглись в римские земли. Лагерь они разбивают едва ли дальше, чем в пяти милях от города; лагерь обводят рвом; Клуилиев ров — так, по имени их вождя, звался он несколько столетий, покуда, обветшав, не исчезли и самый ров, и это имя. В лагере Клуилий, альбанский царь, умирает; альбанцы избирают диктатора, Меттия Фуфетия.

Меж тем Тулл, особенно ожесточившийся после смерти царя, объявляет, что кара всесильных богов за беззаконную войну постигнет, начав с головы, весь альбанский народ, и, миновав ночью неприятельский лагерь, ведет войско в земли альбанцев. Это заставило Меттия сняться с места. Он подходит к противнику как можно ближе, и отправив вперед посла, поручает ему передать Туллу, что, прежде чем сражаться, нужны переговоры — он, Меттий, уверен: если полководцы встретятся, то у него найдется сообщение, не менее важное для римлян, нежели для альбанцев. Хотя это выглядело пустым хвастовством, Тулл не пренебрег предложением и выстроил войско. Напротив выстроились альбанцы.

Когда два строя стали друг против друга, вожди с немногими приближенными вышли на середину. Тут альбанец заговорил: «Нанесенная обида и отказ удовлетворить обоснованное договором требование о возмещении ущерба — такова причина нынешней войны, я и сам, кажется, слышал о том из уст нашего царя

Клуилия, да и ты, Тулл, не сомневаюсь, выдвигаешь те же доводы. Но если нужно говорить правду, а не красивые слова, это жажда власти толкает к войне два родственных и соседних народа. Хорошо ли это или дурно, я сейчас объяснять не буду: пусть размыслит об этом тот, кто затеял войну, меня же альбанцы избрали, чтобы ее вести. А тебе, Тулл, я хотел бы напомнить вот о чем. Сколь велика держава этрусков, окружающая и наши владения, и особенно ваши, ты как их ближайший сосед знаешь еще лучше, чем мы: велика их мощь на суше, еще сильней они на море. Помни же: как только подашь ты знак к битве, оба строя окажутся у них на виду, чтобы сразу обоим, и победителю и побежденному, усталым и обессиленным, сделаться жертвою нападения. Видят боги, раз уж мы не довольствуемся верной свободой и в сомнительной игре ставим на кон господство и рабство, так найдем, по крайней мере, какую-нибудь возможность решить без кровопролитья, без гибельного для обеих сторон урона, какому народу властвовать, какому подчиняться».

Тулл согласился, хотя и от природы, и в твердой надежде на успех был склонен к более воинственному решению. Обеим сторонам приходит в мысль воспользоваться случаем, который посылала им сама Судьба.

24. Было тогда в каждой из ратей по трое братьев-близнецов, равных и возрастом и силой. Это были, как знает каждый, Горации и Куриации, и едва ли есть предание древности, известное более широко; но и в таком ясном деле не обошлось без путаницы насчет того, к какому народу принадлежали Горации, к какому Куриации. Писатели расходятся во мнениях, но большая часть, насколько я могу судить, зовет римлян Горациями, к ним хотелось бы присоединиться и мне. Цари обращаются к близнецам, предлагая им обнажить мечи,— каждому за свое отечество: той стороне достанется власть, за какою будет победа. Возражений нет, сговариваются во времени и месте. Прежде чем начался бой, между римлянами и альбанцами был заключен договор на таких условиях: чьи граждане победят в схватке, тот народ будет мирно властвовать над другим.

Разные договоры заключаются на разных условиях, но всегда одинаковым способом. В тот раз, как

я мог узнать, сделано было так (и нет о договорах сведений более древних). Фециал воззвал к царю Туллу: «Велишь ли мне, царь, заключить договор с отцом-отряженным народа альбанского?» Царь повелел, тогда фециал сказал: «Прошу у тебя, царь, потребное для освящения». Тот в ответ: «Возьми чистой травы». Фециал принес из крепости вырванной с корнем чистой травы. После этого он воззвал к царю так: «Царь, назначаешь ли ты меня с моею утварью и сотоварищами царским вестником римского народа квиритов?» Царь ответил: «Назначаю, если то не во вред мне и римскому народу квиритов». Фециалом был Марк Валерий, отцом-отряженным он назначил Спурия Фузия, коснувшись ветвью его головы и волос. Отец-отряженный назначается для принесения присяги, то есть для освящения договора: он произносит многочисленные слова длинного заклятия, которое не стоит здесь приводить. Потом, по оглашении условий, он говорит: «Внемли, Юпитер, внемли, отец-отряженный народа альбанского, внемли, народ альбанский. От этих условий, в том виде, как они всенародно от начала и до конца оглашены по этим навощенным табличкам без злого умысла и как они здесь в сей день поняты вполне правильно, от них римский народ не отступится первым. А если отступится первым по общему решению и со злым умыслом, тогда ты, Юпитер, порази народ римский так, как в сей день здесь я поражаю этого боровка, и настолько сильнее порази, насколько более твоя мощь и могущество». Сказав это, он убил боровка кремнем. Точно так же и альбанцы, через своего диктатора и своих жрецов, произнесли свои заклятья и клятву.

25. Когда заключили договор, близнецы, как было условлено, берутся за оружие. С обеих сторон ободряют своих: на их оружие, на их руки смотрят сейчас отеческие боги, отечество и родители, все сограждане — и дома, и в войске. Бойцы, и от природы воинственные, и ободряемые криками, выступают на середину меж двумя ратями. Оба войска сели перед своими лагерями, свободны от прямой опасности, но не от тревоги — спор ведь шел о первенстве и решение зависело от доблести и удачи столь немногих. В напряженном ожидании все чувства обращаются к зрелищу, отнюдь не тешащему глаз.

Подают знак, и шесть юношей с оружием наизготовку, по трое, как два строя, сходятся, вобрав в себя весь пыл двух больших ратей. И те, и другие думают не об опасности, грозящей им самим, но о господстве или рабстве, ожидающем весь народ, о грядущей судьбе своего отечества, находящейся теперь в собственных их руках. Едва только в первой сшибке стукнули щиты, сверкнули блистающие мечи, глубокий трепет охватывает всех, и покуда ничто не обнадеживает ни одну из сторон, голос и дыхание застывают в горле. Когда бойцы сошлись грудь на грудь и уже можно было видеть не только движение тел и мельканье клинков и щитов, но и раны и кровь, трое альбанцев были ранены, а двое римлян пали. Их гибель исторгла крик радости у альбанского войска, а римские легионы оставила уже всякая надежда, но еще не тревога: они сокрушались об участи последнего, которого обступили трое Куриациев. Волею случая он был невредим, и если против всех вместе бессилен, то каждому порознь грозен. Чтобы разъединить противников, он обращается в бегство, рассчитав, что преследователи бежать будут так, как позволит каждому рана. Уже отбежал он на какое-то расстоянье от места боя, как, оглянувшись, увидел, что догоняющие разделены немалыми промежутками и один совсем близко. Против этого и обращается он в яростном натиске, и покуда альбанское войско кричит Куриациям, чтобы поторопились на помощь брату, победитель Гораций, убив врага, уже устремляется в новую схватку. Теперь римляне поддерживают своего бойца криком, какой всегда поднимают при неожиданном обороте поединка сочувствующие зрители, и Гораций спешит закончить сражение. Итак, он, прежде чем смог подоспеть последний, который был недалеко, приканчивает еще одного Куриация: и вот уж военное счастье сравнялось — противники остались один на один, но не равны у них были ни надежды, ни силы. Римлянин, целый и невредимый, одержавший двойную победу, был грозен, идя в третий бой; альбанец, изнемогший от раны, изнемогший от бега, сломленный зрелищем гибели братьев, покорно становится под удар. И то не было боем. Римлянин восклицает, ликуя: «Двоих я принес в жертву теням моих братьев, третьего отдам на жертвенник того дела, ради которого идет эта война,

чтобы римлянин властвовал над альбанцем». Ударом сверху вонзает он меч в горло противнику, едва держащему щит; с павшего снимает доспехи.

Римляне встретили Горация ликованием и поздравлениями, и тем большею была их радость, чем ближе были они прежде к отчаянию. Обе стороны потом занялись погребением своих мертвых, но с далеко не одинаковыми чувствами — ведь одни выиграли власть, а другие подпали чужому господству. Гробницы можно видеть и до сих пор на тех самых местах, где пал каждый: две римские вместе, ближе к Альбе, три альбанские поодаль, в сторону Рима, и врозь — именно так, как бойцы сражались.

26. Прежде чем покинуть место битвы, Меттий, повинуясь заключенному договору, спросил, какие будут распоряжения, и Тулл распорядился, чтобы альбанская молодежь оставалась под оружием: она понадобится, если будет война с вейянами. С тем оба войска и удалились в свои города.

Первым шел Гораций, неся тройной доспех; перед Капенскими воротами его встретила сестра-девица, которая была просватана за одного из Куриациев; узнав на плечах брата жениховых плащ, вытканный ею самою, она распускает волосы и, плача, окликает жениха по имени. Свирепую душу юноши возмутили сестрины вопли, омрачавшие его победу и великую радость всего народа. Выхватив меч, он заколол девушку, восклицая при этом: «Отправляйся к жениху с твоею не в пору пришедшей любовью! Ты забыла о братьях — о мертвых и о живом,— забыла об отечестве. Так да погибнет всякая римлянка, что станет оплакивать неприятеля!»

Черным делом сочли это и отцы, и народ, но противостояла преступлению недавняя заслуга. Все же Гораций был схвачен и приведен на суд к царю. А тот, чтобы не брать на себя такой прискорбный и неугодный толпе приговор и последующую казнь, созвал народный сход и объявил: «В согласии с законом, назначаю дуумвиров, чтобы они вынесли Горацию приговор за тяжкое преступление». А закон звучал устрашающе: «Совершившего тяжкое преступление да судят дуумвиры; если он от дуумвиров обратится к народу, тягаться ему с ними перед народом; если те выиграют тяжбу, обмотать ему голову, подвесить к зловещему

дереву, засечь его внутри городской черты или вне городской черты». Таков был закон, в согласии с которым были назначены дуумвиры. Дуумвиры считали, что закон не оставляет им возможности оправдать даже невиновного. Когда они вынесли свой приговор, то один из них объявил: «Публий Гораций, осуждаю тебя за тяжкое преступление. Ступай, ликтор, свяжи ему руки». Ликтор подошел и стал ладить петлю, и тут Гораций, по совету Тулла, снисходительного истолкователя закона, сказал: «Обращаюсь к народу». Этим обращением дело было передано на рассмотренье народа. На суде особенно сильно тронул собравшихся Публий Гораций-отец, объявивший, что дочь свою он считает убитой по праву: случись по-иному, он сам наказал бы сына отцовскою властью. Потом он просил всех, чтоб его, который так недавно был обилен потомством, не оставляли вовсе бездетным. Обняв юношу и указывая на доспехи Куриациев, прибитые на месте, что ныне зовется «Горациевы копья», старик говорил: «Неужели, квириты, того же, кого только что видели вступающим в город в почетном убранстве, торжествующим победу, вы сможете видеть с колодкой на шее, связанным, меж плетьми и распятием? Даже взоры альбанцев едва ли могли бы вынести столь безобразное зрелище! Ступай, ликтор, свяжи руки, которые совсем недавно, вооруженные, принесли римскому народу господство. Обмотай голову освободителю нашего города; подвесь его к зловещему дереву; секи его, хоть внутри городской черты — но непременно меж этими копьями и вражескими доспехами,— хоть вне городской черты — но непременно меж могил Куриациев. Куда ни уведете вы этого юношу, повсюду почетные отличия будут защищать его от позора казни!» Народ не вынес ни слез отца, ни равного перед любою опасностью спокойствия духа самого Горация — его оправдали скорее из восхищения доблестью, нежели по справедливости. А чтобы явное кровопролитие было все же искуплено очищением, отцу повелели, чтобы он очистил сына на общественный счет. Совершив особые очистительные жертвоприношения, которые с той поры завещаны роду Горациев, отец перекинул через улицу брус и, прикрыв юноше голову, велел ему пройти словно бы под ярмом. Брус существует и по сей день, и всегда его чинят на обществен-

ный счет; называют его «сестрин брус». Гробница Горации — на месте, где та пала мертвой,— сложена из тесаного камня.

27. Но недолог был мир с Альбой. Недовольство черни, раздраженной тем, что судьба государства была вручена трем воинам, смутило суетный ум диктатора, и поскольку, действуя прямо, он ничего не выгадал, Меттий принялся бесчестными ухищрениями домогаться прежнего расположения соотечественников. Как прежде, в военное время, он искал мира, так теперь, в мирное, ищет войны, и, сознавая, что боевого духа у его сограждан больше, чем сил, он к прямой и открытой войне подстрекает другие народы, своему же оставляет прикрытое видимостью союза предательство. Фиденяне, жители римского поселения, дали склонить себя к войне с Римом, получив от альбанцев обещание перейти на их сторону. Войдя в соглашение с вейянами, они взялись за оружие. Когда фиденяне отпали, Тулл, вызвав Меттия и его войско из Альбы, повел их на врага. Перейдя Аниен, он разбил лагерь при слиянии рек. Между этим местом и Фиденами перешло Тибр войско вейян. Они в боевом строю не отдалились от реки, занимая правое крыло; на левом, ближе к горам, расположились фиденяне. Против вейян Тулл выстроил своих, а альбанцев разместил против легиона фиденян. Храбрости у альбанского полководца было не больше, чем верности. Не отваживаясь ни остаться на месте, ни открыто перейти к врагу, он мало-помалу отступает к горам. Решив, что дальше отходить не надо, он выстраивает все войско и в нерешительности, чтобы протянуть время, поправляет ряды. Замысел его был на ту сторону привести свои силы, на какой окажется счастье. Римляне, стоявшие рядом, сперва удивлялись, видя свое крыло обнажившимся из-за отхода союзников; потом во весь опор прискакал конник и сообщил царю, что альбанцы уходят. Среди всеобщего замешательства Тулл принес обет учредить двенадцать салиев и святилища Страху и Смятенью. Всадника он отчитывает громким голосом,— чтоб услыхали враги,— и приказывает вернуться в сраженье: тревожиться нечего, это он, Тулл, послал в обход альбанское войско, чтобы оно напало на незащищенные тылы фиденян. И еще царь распорядился, чтобы всадники подняли копья. Когда это было испол-

нено, уходившее альбанское войско исчезло из глаз значительной части римской пехоты, а те, кто успел увидеть, доверились речи царя и сражались тем горячее. Страх теперь переходит к врагам; они слышали громкий голос Тулла, а большинство фиденян, жителей римского поселения, знало латинский язык. И вот, чтобы не оказаться отрезанными от своего города, если альбанцы с холмов внезапно двинутся вниз, фиденяне поворачивают вспять. Тулл наступает, и когда крыло, которое занимали фиденяне, было рассеяно, он, с еще большим воинским пылом, вновь обращает рать против вейян, устрашенных чужим испугом. Не выдержали натиска и они, но бежать, как придется, не давала протекавшая сзади река. Добежав до нее, одни, постыдно бросая щиты, слепо ринулись в воду, другие медлили на берегу, колеблясь меж бегством и битвой, и были раздавлены. Из всех сражений, что до сих пор дали римляне, ни одно не было более ожесточенным.

28. Тогда альбанское войско, остававшееся зрителем битвы, спустилось на равнину. Меттий поздравляет Тулла с полной победою над врагами; со своей стороны, Тулл любезно разговаривает с Меттием. Он велит соединить, в добрый час, альбанский лагерь с лагерем римским и готовит очистительное жертвоприношение к следующему дню.

На рассвете, когда все было приготовлено по заведенному обычаю, Тулл приказывает созвать на сходку оба войска. Глашатаи, начав с дальнего конца лагеря, первыми подняли альбанцев. А тех и самое дело, бывшее им в новинку, побудило стать впереди, чтобы послушать речь римского царя. Их окружает римский легион под оружием — так было условлено заранее; центурионам было вменено в обязанность исполнять приказания без задержки. Тулл начинает так:

«Римляне, если в какой-либо из войн раньше всего следовало благодарить бессмертных богов, а потом вашу собственную доблесть, так это во вчерашнем сражении. Биться пришлось не столько с врагами, сколько с предательством и вероломством союзников, а эта битва и тяжелей и опасней. Пусть не будет у вас заблуждений — без моего приказа поднялись альбанцы

к горам, и не распоряжался я ходом битвы, но схитрил и притворился, чтобы вы не знали, что брошены союзниками, и не отвлеклись от сраженья, и чтобы враги, вообразив себя обойденными с тыла, в страхе ударились в бегство. Та вина, о которой я говорю, лежит не на всех альбанцах: они пошли за своим вождем, как поступили бы и вы, если бы я захотел увести вас отсюда. Меттий — вот предводитель, за которым они пошли, тот же Меттий — зачинщик этой войны, Меттий — нарушитель договора меж Римом и Альбой. Когда-нибудь и другой дерзнет на подобное, если сегодня не покажу я пример, который будет наукой всем смертным».

Вооруженные центурионы обступают Меттия, а царь продолжает: «Да послужит это ко благу, пользе и счастью римского народа, моему и вашему счастью, альбанцы,— вознамерился я весь альбанский народ перевести в Рим, простому люду даровать гражданство, старейшин зачислить в отцы, создать один город, одно государство. Как один народ, составлявший общину альбанцев, был поделен некогда на два, так теперь пусть они воссоединятся в один». На это альбанцы, безоружные в кольце вооруженных, хоть и думают об этом по-разному, но, объединенные общим страхом, отвечают молчанием. Тогда Тулл говорит: «Меттий Фуфетий, если б и ты мог научиться хранить верность и соблюдать договоры, я бы тебя этому поучил, оставив в живых; но ты неисправим, а потому умри, и пусть твоя казнь научит человеческий род уважать святость того, что было осквернено тобою. Совсем недавно ты раздваивался душою меж римлянами и фиденянами, теперь раздвоишься телом». Тут же подали две четверки, и царь приказал привязать Меттия к колесницам, потом пущенные в противоположные стороны кони рванули и, разодрав тело надвое, поволокли за собой прикрученные веревками члены. Все отвели глаза от гнусного зрелища. В первый раз и в последний воспользовались римляне этим способом казни, мало согласным с законами человечности; в остальном же можно смело сказать, что ни один народ не назначал более мягких наказаний.

29. Между тем уже были посланы в Альбу всадники, чтобы перевести население в Рим, за ними шли легионы разрушать город. Когда они вступили в ворота, не

было вовсе смятения и безудержного отчаяния, обычного в только что взятом городе, где взломаны ворота, или повалены стены, или не устояли защитники крепости,— и вот уже повсюду слышен вражеский крик, по улицам носятся вооруженные, и всё без разбора предается огню и мечу. А тут немая скорбь и молчаливое горе сковали сердца: забывшись в тревожном ожидании, не в силах решиться, люди спрашивали друг у друга, что оставить, что брать с собою, и то застывали на порогах, то блуждали по дому, чтобы бросить на всё последний взгляд. Но вот крики всадников, приказывавших уходить, зазвучали угрожающе, послышался грохот зданий, рушимых на краю города, и пыль, поднявшись в отдалении, окутала всё, словно облако; тогда, второпях унося то, что каждый мог захватить, оставляя и ларов с пенатами, и стены, в которых родились и выросли, альбанцы стали уходить,— вот сплошная толпа переселяющихся заполнила улицы; вид чужого горя и взаимное сострадание исторгали из глаз новые слезы, слышались и жалостные женские вопли, особенно громкие, когда проходили мимо священных храмов, занятых вооруженными воинами, и как бы в плену оставляли богов. После того как альбанцы покинули город, римляне все здания, общественные и частные, сравнивают с землею, в один час предав разрушению и гибели труды четырех столетий, которые стоял город Альба; храмы богов, однако,— так указано было царем,— были пощажены.

30. Рим между тем с разрушением Альбы растет. Удваивается число граждан, к городу присоединяется Целийский холм, а чтобы он заселялся быстрее и гуще, Тулл избирает его местом для царского дома и с той поры там и живет. Альбанских старейшин — Юлиев, Сервилиев, Квинтиев, Геганиев, Куриациев, Клелиев — он записал в отцы, чтобы росла и эта часть государственного целого; построил он и курию, священное место заседаний умноженного им сословия — она вплоть до времени наших отцов звалась Гостилиевой. И чтобы в каждое сословие влилось подкрепление из нового народа, Тулл набрал из альбанцев десять турм всадников, старые легионы пополнил альбанцами, из них же составил новые.

Полагаясь на эти силы, Тулл объявляет войну сабинянам, которые в те времена лишь этрускам уступали

в численности и воинской мощи. С обеих сторон были обиды и тщетные требования удовлетворения. Тулл жаловался, что на людном торжище у храма Феронии схвачены были римские купцы; сабиняне,— что еще до того их люди бежали в священную рощу и были удержаны в Риме. Такие выставлялись предлоги к войне. Сабиняне отлично помнили, что в свое время Таций переместил в Рим часть их собственных воинских сил и что вдобавок римское государство еще усилилось недавним присоединением альбанского народа, а потому и сами стали осматриваться вокруг в поисках внешней помощи. Этрурия была по соседству, ближе всех из этрусков — вейяне. Там еще не остыло после прежних войн озлобленье, умы были особенно возбуждены и склонны к измене, и поэтому оттуда сабиняне привлекли добровольцев, а кое-кого из неимущего сброда соблазнила плата. Но от вейского государства сабиняне никакой помощи не получили, и вейяне остались верны условиям договора, заключенного с Ромулом (то, что прочие этруски не помогли сабинянам,— не так удивительно). Так обе стороны всеми силами готовились к войне, исход которой, казалось, зависел от того, кто нападет первым. Тулл, опережая противника, вторгся в Сабинскую область. Жестокая битва произошла близ Злодейского леса, и победою римляне обязаны были не столько мощной пехоте, сколько недавно пополнившейся коннице. Внезапным ударом всадники смяли ряды сабинян, которые не смогли ни устоять в битве, ни без больших потерь спастись бегством.

31. После победы над сабинянами, когда и царь Тулл, и все римское государство были в великой славе и великой силе, царю и отцам донесли, что на Альбанской горе шел каменный дождь. Так как этому почти невозможно было поверить, послали людей взглянуть на небывалое знамение, и на их глазах, совсем как гонимый ветрами на землю град, без счета сыпались с неба камни. Посланные будто бы услышали даже громовой голос с самой вершины горы — из рощи,— повелевавший, чтобы альбанцы, по отеческому обычаю, совершали жертвоприношения, о которых они забыли (как будто боги были брошены вместе с отечеством), и либо усвоили римские обряды, либо — как это часто бывает,— разгневавшись на судьбу, вовсе бросили почитать

богов. Римляне из-за этого знамения тоже устроили девятидневное общественное священнослуженье — то ли, как передают иные, вняв небесному гласу с Альбанской горы, то ли по совету гаруспиков; во всяком случае, и до сих пор, всякий раз, как донесут о таком знамении, устанавливаются девять праздничных дней.

Немногим позже пришло моровое поветрие. Оно привело с собой нежелание воевать, но воинственный царь не разрешал выпускать оружие из рук и был даже уверен, что здоровью молодежи военная служба полезней, чем пребывание дома. Так длилось до тех пор, покуда и сам он не был разбит долгой болезнью. Тут вместе с телом был сломлен и его свирепый дух, и тот, кто раньше ничто не считал менее царственным, чем отдавать свои помыслы священнодействиям, теперь вдруг стал покорен всему — и важным предписаниям благочестия, и жалким суевериям,— обратив к богобоязненности и народ. Все уже тосковали по временам Нумы и верили, что нет от болезни иного средства, кроме как испросить у богов мир и прощенье. Передают, что царь сам, разбирая записки Нумы, узнал из них о неких тайных жертвоприношениях Юпитеру Элицию и всецело отдался этим священнодействиям, но то ли начал, то ли повел дело не по уставу; и не только что никакое знамение не было ему явлено, но неверный обряд разгневал Юпитера, и Тулл, пораженный молнией, сгорел вместе с домом. Царствовал он с великой воинской славой тридцать два года.

32. По смерти Тулла, вновь, как установилось искони, вся власть перешла к отцам, и они назначили междуцаря. На созванном им сходе народ избрал царем Анка Марция; отцы утвердили этот выбор. Анк Марций был внуком царя Нумы Помпилия, сыном его дочери. Едва вступив на царство, он, памятуя о дедовской славе и единственной слабости прекрасного в остальном предыдущего царствования — упадке благочестия и искажении обрядов, а также полагая важнейшим, чтобы общественные священнодействия совершались в строгом согласии с уставами Нумы, приказал понтифику извлечь из записок царя все относящиеся сюда наставленья и, начертав на доске, обнародовать. Это и гражданам, стосковавшимся по покою, и соседним

государствам внушило надежду, что царь вернется к дедовским нравам и установленьям.

И вот латиняне, с которыми при царе Тулле был заключен договор, расхрабрились и сделали набег на римские земли, а когда римляне потребовали удовлетворенья, дали высокомерный ответ, в расчете на бездеятельность нового царя, который, полагали они, будет проводить свое царствование меж святилищ и алтарей. Анк, однако, был схож нравом не только с Нумою, но и с Ромулом; сверх того он был убежден, что царствованию его деда, при тогдашней молодости и необузданности народа, спокойствие было гораздо нужнее, и что достойного мира, который достался его деду, ему, Анку, так просто не добиться: терпенье его испытывают, чтобы, испытав, презирать, и, стало быть, время сейчас подходящее скорее для Тулла, чем для Нумы. Но, чтобы установить и для войн законный порядок, как Нума установил обряды для мирного времени, и чтобы войны не только велись, но и объявлялись по определенному чину, Анк позаимствовал у древнего племени эквиколов то право, каким ныне пользуются фециалы, требуя удовлетворения.

Посол, придя к границам тех, от кого требуют удовлетворения, покрывает голову (покрывало это из шерсти) и говорит: «Внемли, Юпитер, внемлите, рубежи племени такого-то (тут он называет имя); да слышит меня Вышний Закон. Я вестник всего римского народа, по праву и чести прихожу я послом, и словам моим да будет вера!» Далее он исчисляет все требуемое. Затем берет в свидетели Юпитера: «Если неправо и нечестиво требую я, чтобы эти люди и эти вещи были выданы мне, да лишишь ты меня навсегда принадлежности к моему отечеству». Это произносит он, когда переступает рубеж, это же — первому встречному, это же — когда входит в ворота, это же — когда войдет на площадь, изменяя лишь немногие слова в извещении и заклятии. Если он не получает того, что требует, то по прошествии тридцати трех дней (таков установленный обычаем срок) он объявляет войну так: «Внемли, Юпитер, и ты, Янус Квирин, и все боги небесные, и вы, земные, и вы, подземные,— внемлите! Вас я беру в свидетели тому, что этот народ (тут он называет, какой именно) нарушил право и не желает его восстановить. Но об этом мы, первые и старейшие в нашем отечест-

ве, будем держать совет, каким образом нам осуществить свое право». Тут посол возвращается в Рим для совещания.

Без промедления царь в таких примерно словах запрашивает отцов: «Касательно тех вещей, требований, дел, о каковых отец-отряженный римского народа квиритов известил отца-отряженного старых латинян и каждого из старых латинян; касательно всего того, что те не выдали, не выполнили, не возместили; касательно всего того, чему надлежит быть выданным, выполненным, возмещенным, объяви, какое твое сужденье»,— так он обращается к тому, кто подает мнение первым. Тот в ответ: «Чистой и честной войной, по суждению моему, должно их взыскать; на это даю свое согласье и одобренье». Потом по порядку были опрошены остальные; когда большинство присутствующих присоединилось к тому же мнению, постановили воевать. Существовал обычай, чтобы фециал приносил к границам противника копье с железным наконечником или кизиловое древко с обожженным концом и в присутствии не менее чем троих взрослых свидетелей говорил: «Так как народы старых латинян и каждый из старых латинян провинились и погрешили против римского народа квиритов, так как римский народ квиритов определил быть войне со старыми латинянами и сенат римского народа квиритов рассудил согласился и одобрил, чтобы со старыми латинянами была война, того ради я и римский народ народам старых латинян и каждому из старых латинян объявляю и приношу войну». Произнесши это, он бросал копье в пределы противника. Вот каким образом потребовали тогда от латинян удовлетворение и объявили им войну; этот порядок переняли потомки.

33. Поручив попеченье о священнодействиях фламинам и другим жрецам, Анк с вновь набранным войском ушел на войну. Латинский город Политорий он взял приступом, все его население по примеру предыдущих царей, принимавших неприятелей в число граждан и тем увеличивавших римское государство, перевел в Рим, и, подобно тому как подле Палатина — обиталища древнейших римлян — сабиняне заселили Капитолий и крепость, а альбанцы Целийский холм, новому пополненью отведен был Авентин. Там же немного спустя, по взятии Теллен и Фиканы, были

поселены еще граждане. На Политорий пришлось двинуться войною еще раз, так как опустевший город заняли старые латиняне; это заставило римлян разрушить Политорий, чтобы он не служил постоянным пристанищем для неприятелей. В конце концов все силы латинян были оттеснены к Медуллии, где довольно долго военное счастье было непостоянным — сражались с переменным успехом: и самый город был надежно защищен укрепленьями и сильной охраной, и в открытом поле латинское войско, став лагерем, несколько раз схватывалось с римлянами врукопашную. Наконец Анк, бросив в дело все свои силы, выиграл сражение и, обогатившись огромной добычей, возвратился в Рим; тут тоже многие тысячи латинян были приняты в число граждан, для поселения им было отведено место близ алтаря Мурции — чтобы соединился Авентин с Палатином. Яникул был тоже присоединен к городу — не оттого, что не хватало места, но чтобы не смогли здесь когда-нибудь укрепиться враги. Решено было не только обнести этот холм стеною, но и — ради удобства сообщения — соединить с городом Свайным мостом, который тогда впервые был построен на Тибре. Ров Квиритов, немаловажное укрепление на равнинных подступах к городу,— тоже сооружение царя Анка.

Огромная прибыль населения увеличила государство, а в таком многолюдном народе потерялось ясное различие между хорошими и дурными поступками, стали совершаться тайные преступления, и поэтому в устрашение всевозраставшей дерзости негодяев возводится тюрьма посреди города, над самым Форумом. И не только город, но и его владения расширились в это царствование. Отобрав у вейян Мезийский лес, римляне распространили свою власть до самого моря, и при устье Тибра был основан город Остия; вокруг него стали добывать соль; в ознаменованье военных успехов перестроили наново храм Юпитера Феретрия.

34. В царствование Анка в Рим переселился Лукумон, человек деятельный и сильный своим богатством в Рим его привело прежде всего властолюбие и надежда на большие почести, каких он не мог достигнуть в Тарквиниях, потому что и там был отпрыском чужеземного рода. Был он сыном коринфянина Демарата, который из-за междоусобиц бежал из родного города,

волей случая поселился в Тарквиниях, там женился и родил двоих сыновей. Звались они Лукумон и Аррунт. Лукумон пережил отца и унаследовал все его добро. Аррунт умер еще при жизни отца, оставив жену беременной. Впрочем, отец пережил сына ненадолго, он скончался, не зная, что невестка носит в чреве, и потому не упомянул в завещании внука. Родившийся после смерти деда мальчик, не имея никакой доли в его богатстве, получил из-за бедности имя Эгерия. А в Лукумоне, который унаследовал все отцовское добро, уже само богатство порождало честолюбие, еще усилившееся, когда он взял в супруги Танаквиль. Эта женщина была самого высокого рода, и не легко ей было смириться с тем, что по браку положенье ее ниже, чем по рождению. Так как этруски презирали Лукумона, сына изгнанника-пришлеца, она не могла снести унижения и, забыв о природной любви к отечеству, решила покинуть Тарквинии — только бы видеть супруга в почете. Самым подходящим для этого городом она находила Рим: среди молодого народа, где вся знать недавняя и самая знатность приобретена доблестью, там-то и место мужу храброму и деятельному. Ведь и сабинянин Таций там царствовал и призван был туда на царство Нума из Кур, да и Анк, рожденный матерью-сабинянкой, знатен одним только предком — Нумою. Танаквиль без труда убедила мужа, который и сам жаждал почестей; да и Тарквинии были ему отечеством лишь со стороны матери. Снявшись с места со всем имуществом, они отселяются в Рим.

Доезжают они волей случая до Яникула, а там орел плавно, на распростертых крыльях, спускается к Лукумону, восседающему с женою на колеснице, и уносит его шапку, чтобы, покружив с громким клекотом, вновь возложить ее на голову, будто исполняя поручение божества; затем улетает ввысь. Танаквиль, женщина сведущая, как все вообще этруски, в небесных знаменьях, с радостью приняла это провозвестье. Обнявши мужа, она велит ему надеяться на высокую и великую участь: такая прилетала к нему птица, с такой стороны неба, такого бога вестница; облетев вокруг самой маковки, она подняла кверху убор, возложенный на человеческую голову, чтобы возвратить его как бы от божества. С такими надеждами и мыслями въехали они в город и, обзаведясь там домом, назва-

лись именем Луция Тарквиния Древнего. Человек новый и богатый, Луций Тарквиний обратил на себя внимание римлян и сам помогал своей удаче радушным обхождением и дружелюбными приглашениями, услугами и благодеяньями, которые оказывал, кому только мог, покуда молва о нем не донеслась и до царского дворца. А сведя знакомство с царем, он охотно принимал порученья, искусно их исполнял и скоро достиг того, что на правах близкой дружбы стал бывать на советах и общественных, и частных, и в военное, и в мирное время. Наконец, войдя во все дела, он был назначен по завещанию опекуном царских детей.

35. Анк царствовал двадцать четыре года; искусством и славою в делах войны и мира он был равен любому из предшествовавших царей. Сыновья его были уже почти взрослыми. Тем сильнее настаивал Тарквиний, чтобы как можно скорей состоялось собрание, которое избрало бы царя, а к тому времени, на какое оно было назначено, отправил царских сыновей на охоту. Он, как передают, был первым, кто искательством домогался царства и выступил с речью, составленною для привлечения сердец народа. Он, говорил Тарквиний, не ищет ничего небывалого, ведь он не первым из чужеземцев (чему всякий мог бы дивиться или негодовать), но третьим притязает на царскую власть в Риме: и Таций из врага даже — не просто из чужеземца — был сделан царем, и Нума, незнакомый с городом, не стремившийся к власти, самими римлянами был призван на царство, а он, Тарквиний, с того времени, как стал распоряжаться собой, переселился в Рим с супругой и всем имуществом. В Риме, не в прежнем отечестве, прожил он большую часть тех лет жизни, какие человек уделяет гражданским обязанностям. И дома и на военной службе, под рукою безукоризненного наставника, самого царя Анка, изучил он законы римлян, обычаи римлян. В повиновении и почтении к царю он мог поспорить со всеми, а в добром расположении ко всем прочим с самим царем. Это не было ложью, и народ с великим единодушием избрал его на царство. Этот человек, в остальном достойный, и на царстве не расстался с тем искательством, какое выказал, домогаясь власти. Не меньше заботясь об укреплении своего владычества, чем о расширении государства, он записал в отцы сто человек, которые

с тех пор звались отцами младших родов; они держали, конечно, сторону царя, чье благодеянье открыло им доступ в курию. Войну он вел сначала с латинянами и взял приступом город Апиолы; вернувшись с добычей, большей, чем позволяло надеяться общее мнение об этой войне, он устроил игры, обставленные с великолепием, невиданным при прежних царях. Тогда впервые отведено было место для цирка, который ныне зовется Большим. Были определены места для отцов и всадников, чтобы всякий из них мог сделать для себя сиденья. Смотрели с помостов, настланных на подпорах высотою в двенадцать футов. В представлении участвовали упряжки и кулачные бойцы, в большинстве приглашенные из Этрурии. С этого времени вошли в обычай ежегодные игры, именуемые Римскими или иначе Великими. Тем же самым царем распределены были между частными лицами участки для строительства вокруг Форума; возведены портик и лавки.

36. Тарквиний собирался также обвести город каменною стеной, но помешала Сабинская война. Она началась столь внезапно, что враги успели перейти Аниен прежде, чем римское войско смогло выступить им навстречу. Поэтому город был в страхе, а первая битва, кровопролитная для обеих сторон, ни одной не дала перевеса. Когда затем враги увели войска назад в лагерь и дали римлянам время подготовиться к войне заново, Тарквиний рассудил, что силам его особенно недостает всадников, и решил к Рамнам, Тициям и Луцерам — центуриям, которые были учреждены Ромулом,— добавить новые, сохранив их на будущее памятником Тарквиниева имени. А так как Ромул учредил центурии по совершении птицегадания, то Атт Навий, славный в то время авгур, объявил, что нельзя ничего ни изменить, ни учредить наново, если того не позволят птицы. Это вызвало гнев царя, и он, как рассказывают, насмехаясь над искусством гадания, промолвил: «Ну-ка, ты, божественный, посмотри по птицам, может ли исполниться то, что я сейчас держу в уме». Когда же тот, совершив птицегадание, сказал, что это непременно сбудется, царь ответил: «А загадал-то я, чтобы ты бритвой рассек оселок. Возьми же одно и другое и сделай то, что, как возвестили тебе твои птицы, может быть исполнено». Тогда жрец, как передают, без

промедленья рассек оселок. Изваяние Атта с покрытою головой стоит на том месте, где это случилось: на Комиции, на самих ступенях, по левую руку от курии. И камень, говорят, был положен на том же месте, чтобы он напоминал потомкам об этом чуде. А уважение к птицегаданию и достоинству авгуров стало так велико, что с тех пор никакие дела — ни на войне, ни в мирные дни — не велись без того, чтобы не вопросить птиц: народные собрания, сбор войска, важнейшие дела отменялись, если не дозволяли птицы. И в тот раз тоже — все касавшееся всаднических центурий Тарквиний оставил неизменным и лишь прибавил к числу всадников еще столько же, так что в трех центуриях их стало тысяча восемьсот. Вновь набранные всадники были названы «младшими» и причислены к прежним центуриям, которые сохранили свои наименования. А нынешнее их прозвание «шесть центурий» происходит от удвоившейся тогда численности.

37. Когда эта часть войска была пополнена, вновь сразились с сабинянами. Но, подкрепив новыми силами свое войско, римляне, кроме того, прибегли и к хитрости: были посланы люди, чтобы зажечь и спустить в Аниен множество деревьев, лежавших по берегам речки; ветер раздувал пламя, горящие деревья, большей частью наваленные на плоты, застревали у свай, и мост загорелся. И это тоже напугало сабинян во время битвы и вдобавок помешало им бежать, когда они были рассеяны; множество их, хоть и спаслось от врага, нашло свою гибель в реке. Их щиты, принесенные течением к Риму, были замечены в Тибре и дали знать о победе едва ли не раньше, чем успела прийти весть о ней. В этой битве главная слава досталась всадникам. Поставленные, как рассказывают, на обоих крыльях, они, когда пеший строй посреди стал уже поддаваться, ударили с боков так, что не только остановили сабинские легионы, жестоко теснившие дрогнувшую пехоту, но неожиданно обратили их в бегство. Сабиняне врассыпную бросились к горам, но немногие их достигли — большинство, как уже говорилось, было загнано конницей в реку. Тарквиний, решив продолжать наступление на перепуганного врага, отсылает добычу и пленных в Рим и, сложив огромный костер из вражьих доспехов (таков был обет Вулкану), ведет войско дальше в землю сабинян. И хотя дела их шли

плохо и на лучшее надеяться было нечего, однако, поскольку для размышлений времени не оставалось, сабиняне вышли навстречу с наспех набранным войском; разбитые снова и потеряв на этот раз почти все, они запросили мира.

38. Коллация и все земли по сю сторону Коллации были отняты у сабинян. Эгерий, царский племянник, был оставлен в Коллации с отрядом. Коллатинцы сдались, и, насколько мне известно, порядок сдачи был таков. Царь спросил: «Это вы — послы и ходатаи, посланные коллатинским народом, чтобы отдать в наши руки себя самих и коллатинский народ?» — «Мы».— «Властен ли над собою коллатинский народ?» — «Властен».— «Отдаете ли вы коллатинский народ, поля, воду, пограничные знаки, храмы, утварь, все, принадлежащее богам и людям, в мое и народа римского распоряженье?» — «Отдаем».— «А я принимаю». Завершив сабинскую войну, Тарквиний триумфатором возвращается в Рим. Потом он пошел войной на старых латинян. Здесь ни разу не доходило до битвы, от которой зависел бы исход всей войны,— захватывая города по одному, царь покорил весь народ латинян. Корникул, Старая Фикулея, Камерия, Крустумерий, Америола, Медуллия, Номент — вот города, взятые у старых латинян или у тех, кто их поддерживал. Затем был заключен мир.

С этого времени Тарквиний обращается к мирной деятельности с усердьем, превышавшим усилия, отданные войне; он хотел, чтобы у народа и дома было не меньше дел, чем в походе. Так, возвратясь к начинанию, расстроенному Сабинской войною, он стал обносить каменною стеной город в тех местах, где не успел еще соорудить укрепленья; так, он осушил в городе низкие места вокруг форума и другие низины между холмами, проведя к Тибру вырытые с уклоном каналы (ибо с ровных мест нелегко было отвести воду); так, он заложил — во исполнение данного в Сабинскую войну обета — основание храма Юпитера на Капитолии, уже предугадывая душой грядущее величие этого места.

39. В это время в царском доме случилось чудо, дивное и по виду, и по последствиям. На глазах у многих, гласит предание, пылала голова спящего мальчика по имени Сервий Туллий. Многоголосый крик, вызван-

ный столь изумительным зрелищем, привлек и царя с царицей, а когда кто-то из домашних принес воды, чтоб залить огонь, царица остановила его. Прекратила она и шум, запретив тревожить мальчика, покуда тот сам не проснется. Вскоре вместе со сном исчезло и пламя. Тогда, отведя мужа в сторону, Танаквиль говорит: «Видишь этого мальчика, которому мы даем столь низкое воспитание? Можно догадаться, что когда-нибудь, в неверных обстоятельствах, он будет нашим светочем, оплотом униженного царского дома. Давай же того, кто послужит к великой славе и государства и нашей, вскормим со всею заботливостью, на какую способны».

С этой поры с ним обходились, как с сыном, наставляли в науках, которые побуждают души к служенью великому будущему. Это оказалось нетрудным делом, ибо было угодно богам. Юноша вырос с истинно царскими задатками, и когда пришла пора Тарквинию подумать о зяте, никто из римских юношей ни в чем не сумел сравниться с Сервием Туллием; царь просватал за него свою дочь. Эта честь, чего бы ради ни была она оказана, не позволяет поверить, будто он родился от рабыни и в детстве сам был рабом. Я более склонен разделить мнение тех, кто рассказывает, что, когда взят был Корникул, супруга Сервия Туллия, первого в том городе человека, осталась после гибели мужа беременной; она была опознана среди прочих пленниц, за исключительную знатность свою избавлена римской царицей от рабства и родила ребенка в доме Тарквиния Древнего. После такого великого благодеяния и женщины сблизились между собою, и мальчик, с малых лет выросший в доме, находился в чести и в холе. Судьба матери, попавшей по взятии ее отечества в руки противника, заставила поверить, что он родился от рабыни.

40. На тридцать восьмом примерно году от воцаренья Тарквиния, когда Сервий Туллий был в величайшей чести не у одного лишь царя, но и у отцов, и народа, двое сыновей Анка — хоть они и прежде всегда почитали себя глубоко оскорбленными тем, что происками опекуна отстранены от отцовского царства, а царствует в Риме пришлец, не только что не соседского, но даже и не италийского рода — распаляются сильнейшим негодованием. Выходит, что и после Тарквиния цар-

ство достанется не им, но, безудержно падая ниже и ниже, свалится в рабские руки, так что, спустя каких-нибудь сто лет, в том же городе, ту же власть, какою владел — покуда жил на земле — Ромул, богом рожденный и сам тоже бог, теперь получит раб, порожденье рабыни! Будет позором и для всего римского имени, и в особенности для их дома, если при живом и здоровом мужском потомстве царя Анка царская власть в Риме станет доступной не только пришельцам, но даже рабам.

И вот они твердо решают предотвратить это бесчестье оружием. Но и сама горечь обиды больше подстрекала их против Тарквиния, чем против Сервия, и опасенье, что царь, если они убьют не его, отомстит им страшнее всякого другого; к тому же, думалось им, после гибели Сервия царь еще кого-нибудь изберет себе в зятья и оставит наследником. Поэтому они готовят покушение на самого царя. Для злодеяния были выбраны два самых отчаянных пастуха, вооруженные, тот и другой, привычными им мужицкими орудиями. Затеяв притворную ссору в преддверии царского дома, они поднятым шумом собирают вокруг себя всю прислугу; потом, так как оба призывали царя и крик доносился во внутренние покои, их приглашают к царю. Там и тот и другой сперва вопили наперерыв и старались друг друга перекричать; когда ликтор унял их и велел говорить по очереди, они перестают, наконец, препираться и один начинает заранее выдуманный рассказ. Пока царь внимательно слушает, оборотясь к говорящему, второй заносит и обрушивает на царскую голову топор; оставив оружие в ране, оба выскакивают за дверь.

41. Тарквиния при последнем издыхании принимают на руки окружающие, а обоих злодеев, бросившихся было бежать, схватывают ликторы. Поднимается крик, и сбегается народ, расспрашивая, что случилось. Среди общего смятения Танаквиль приказывает запереть дом, выставляет всех прочь. Тщательно, как если бы еще была надежда, приготовляет она все нужное для лечения раны, но тут же, на случай, если надежда исчезнет, принимает иные меры: быстро призвав к себе Сервия, показывает ему почти бездыханного супруга и, простерши руку, заклинает не допустить, чтобы смерть тестя осталась неотомщенной, чтобы теща об-

ратилась в посмешище для врагов. «Тебе, Сервий, если ты мужчина,— говорит она,— принадлежит царство, а не тем, кто чужими руками гнуснейшее содеял злодейство. Воспрянь, и да поведут тебя боги, которые некогда, окружив твою голову божественным сияньем, возвестили ей славное будущее. Пусть воспламенит тебя ныне тот небесный огонь, ныне поистине пробудись! Мы тоже чужеземцы и тоже царствовали. Помни о том, кто ты, а не от кого рожден. А если твоя решимость тебе изменяет в нежданной беде, следуй моим решеньям». Когда шум и напор толпы уже нельзя было выносить, Танаквиль из верхней половины дома, сквозь окно, выходившее на Новую улицу (царь жил тогда у храма Юпитера Становителя), обращается с речью к народу. Она велит сохранять спокойствие: царь-де просто оглушен ударом; лезвие проникло неглубоко; он уже пришел в себя; кровь обтерта, и рана обследована; опасности никакой; вскоре, она уверена, они увидят и самого царя, а пока он велит, чтобы народ оказывал повиновение Сервию Туллию, который будет творить суд и исполнять все другие царские обязанности. Сервий выходит, одетый в трабею, в сопровождении ликторов, и, усевшись в царское кресло, одни дела решает сразу, о других для виду обещает посоветоваться с царем. Таким вот образом в течение нескольких дней после кончины Тарквиния, утаив его смерть, Сервий под предлогом исполнения чужих обязанностей упрочил собственное положенье. Только после этого о случившемся было объявлено, и в царском доме поднялся плач. Сервий, окруживший себя стражей, первый стал править лишь с соизволенья отцов, без народного избрания. Сыновья же Анка, как только схвачены были исполнители преступления и пришло известие, что царь жив, а вся власть у Сервия, удалились в изгнание в Суессу Помецию.

42. И не только общественными мерами старался Сервий укрепить свое положение, но и частными. Чтобы у Тарквиниевых сыновей не зародилась такая же ненависть к нему, как у сыновей Анка к Тарквинию, Сервий сочетает браком двух своих дочерей с царскими сыновьями Луцием и Аррунтом Тарквиниями. Но человеческими ухищрениями не переломил он судьбы: даже в собственном его доме завистливая жажда власти все пропитала неверностью и враждой.

Как раз вовремя — в видах сохранения установившегося спокойствия — он открыл военные действия (ибо срок перемирия уже истек) против вейян и других этрусков. В этой войне блистательно проявились и доблесть, и счастье Туллия; рассеяв огромное войско врагов, он возвратился в Рим уже несомненным царем, удостоверившись в преданности и отцов и народа.

Теперь он приступает к величайшему из мирных дел, чтобы, подобно тому как Нума явился творцом божественного права, Сервий слыл у потомков творцом всех гражданских различий, всех сословий, четко делящих граждан по степеням достоинства и состоятельности. Он учредил ценз — самое благодетельное для будущей великой державы установленье, посредством которого повинности, и военные, и мирные, распределяются не подушно, как до того, но соответственно имущественному положению каждого. Именно тогда учредил он и разряды, и центурии, и весь основанный на цензе порядок — украшенье и мирного и военного времени.

43. Из тех, кто имел сто тысяч ассов или еще больший ценз, Сервий составил восемьдесят центурий: по сорока из старших и младших возрастов; все они получили название «первый разряд», старшим надлежало быть в готовности для обороны города, младшим — вести внешние войны. Вооружение от них требовалось такое: шлем, круглый щит, поножи, панцирь — все из бронзы, это для защиты тела. Оружие для нападения: копье и меч. Этому разряду приданы были две центурии мастеров, которые несли службу без оружия: им было поручено доставлять для нужд войны осадные сооруженья. Во второй разряд вошли имеющие ценз от ста до семидесяти пяти тысяч, и из них, старших и младших, были составлены двадцать центурий. Положенное оружие: вместо круглого щита — вытянутый, остальное — то же, только без панциря. Для третьего разряда Сервий определил ценз в пятьдесят тысяч; образованы те же двадцать центурий, с тем же разделением возрастов. В вооружении тоже никаких изменений, только отменены поножи. В четвертом разряде ценз — двадцать пять тысяч; образованы те же двадцать центурий, вооружение изменено: им не назначено ничего, кроме копья и дротика. Пятый разряд обширнее: образованы тридцать центурий; здесь воины

носили при себе лишь пращи и метательные камни. В том же разряде распределенные по трем центуриям запасные, горнисты и трубачи. Этот класс имел ценз одиннадцать тысяч. Еще меньший ценз оставался на долю всех прочих, из которых была образована одна центурия, свободная от военной службы.

Когда пешее войско было снаряжено и подразделено, Сервий составил из виднейших людей государства двенадцать всаднических центурий. Еще он образовал шесть других центурий, взамен трех, учрежденных Ромулом, и под теми же освященными птицегаданием именами. Для покупки коней всадникам было дано из казны по десяти тысяч ассов, а содержание этих коней было возложено на незамужних женщин, которым надлежало вносить по две тысячи ассов ежегодно.

Все эти тяготы были с бедных переложены на богатых. Зато большим стал и почет. Ибо не поголовно, не всем без разбора (как то повелось от Ромула и сохранялось при прочих царях) было дано равное право голоса и не все голоса имели равную силу, но были установлены степени, чтобы и никто не казался исключенным из голосованья, и вся сила находилась бы у виднейших людей государства. А именно: первыми приглашали к голосованию всадников, затем — восемьдесят пехотных центурий первого разряда; если мнения расходились, что случалось редко, приглашали голосовать центурии второго разряда; но до самых низких не доходило почти никогда. И не следует удивляться, что при нынешнем порядке, который сложился после того, как триб стало тридцать пять, чему отвечает двойное число центурий — старших и младших,— общее число центурий не сходится с тем, какое установил Сервий Туллий. Ведь когда он разделил город — по населенным округам и холмам — на четыре части и назвал эти части трибами (я полагаю, от слова «трибут» — налог, потому что от Сервия же идет и способ собирать налог равномерно, в соответствии с цензом), то эти тогдашние трибы не имели никакого касательства ни к распределению по центуриям, ни к их числу.

44. Произведя общую перепись и тем покончив с цензом (для ускорения этого дела был издан закон об уклонившихся, который грозил им оковами и смер-

тью), Сервий Туллий объявил, что все римские граждане, всадники и пехотинцы, каждый в составе своей центурии, должны явиться с рассветом на Марсово поле. Там, выстроив все войско, он принес за него очистительную жертву — борова, барана и быка.

Этот обряд был назван «свершеньем очищения», потому что им завершался ценз. Передают, что в тот раз переписано было восемьдесят тысяч граждан; древнейший историк Фабий Пиктор добавляет, что таково было число способных носить оружие. Поскольку людей стало так много, показалось нужным увеличить и город. Сервий присоединяет к нему два холма, Квиринал и Виминал, затем переходит к расширению Эсквилинского округа, где поселяется и сам, чтобы внушить уважение к этому месту. Город он обвел валом, рвом и стеной, раздвинув таким образом померий. Померий, согласно толкованию тех, кто смотрит лишь на буквальное значение слова,— это полоса земли за стеной, скорее, однако, по обе стороны стены. Некогда этруски, основывая города, освящали птицегаданьем пространство по обе стороны намеченной ими границы, чтобы изнутри к стене не примыкали здания (теперь, напротив, это повсюду вошло в обычай), а снаружи полоса земли не обрабатывалась человеком. Этот промежуток, заселять или запахивать который считалось кощунством, и называется у римлян померием — как потому, что он за стеной, так и потому, что стена за ним. И всегда при расширении города насколько выносится вперед стена, настолько же раздвигаются эти освященные границы.

45. Усилив государство расширением города, упорядочив все внутренние дела для надобностей и войны и мира, Сервий Туллий — чтобы не одним оружием приобреталось могущество — попытался расширить державу силой своего разума, но так, чтобы это послужило и к украшению Рима. В те времена уже славился храм Дианы Эфесской, который, как передавала молва, сообща возвели государства Азии. Беседуя со знатнейшими латинянами, с которыми он заботливо поддерживал государственные и частные связи гостеприимства и дружбы, Сервий всячески расхваливал такое согласие и совместное служенье богам. Часто возвращаясь к тому же разговору, он, наконец, добился, чтобы латинские народы сообща с римским соору-

дили в Риме храм Дианы. Это было признание Рима главою, о чем и шел спор, который столько раз пытались решить оружием. Но хотя казалось, что все латиняне, столько раз без удачи испытав дело оружием, уже и думать о том забыли, один сабинянин решил, будто ему открывается случай, действуя в одиночку, восстановить превосходство сабинян. Рассказывают, что в земле сабинян в хозяйстве какого-то отца семейства родилась телка удивительной величины и вида; ее рога, висевшие много веков в преддверии храма Дианы, оставались памятником этого дива. Такое событие сочли — как оно и было в действительности — чудесным предзнаменованием, и прорицатели возвестили, что за тем городом, чей гражданин принесет эту телку в жертву Диане, и будет превосходство. Это предсказанье дошло до слуха жреца храма Дианы, а сабинянин в первый же день, какой он счел подходящим для жертвоприношения, привел телку к храму Дианы и поставил перед алтарем. Тут жрец-римлянин, опознав по размерам это жертвенное животное, о котором было столько разговоров, и держа в памяти слова предсказателей, обращается к сабинянину с такими словами: «Что же ты, чужеземец, нечистым собираешься принести жертву Диане? Неужели ты сперва не омоешься в проточной воде? На дне долины протекает Тибр». Чужеземец, смущенный сомнением, желая исполнить все, как положено, чтобы исход дела отвечал предзнаменованию, тут же спустился к Тибру. Тем временем римлянин принес телку в жертву Диане. Этим он весьма угодил и царю и согражданам.

46. Сервий уже на деле обладал несомненною царскою властью, но слуха его порой достигала чванная болтовня молодого Тарквиния, что, мол, без избранья народного царствует Сервий, и он, сперва угодив простому люду подушным разделом захваченной у врагов земли, решился запросить народ: желают ли, повелевают ли они, чтобы он над ними царствовал. Сервий был провозглашен царем столь единодушно, как, пожалуй, никто до него. Но и это не умалило надежд Тарквиния на царскую власть. Напротив, понимая, что землю плебеям раздают вопреки желаньям отцов, он счел, что получил повод еще усерднее чернить Сервия перед отцами, усиливая тем свое влияние в курии. Он

и сам по молодости лет был горяч, и жена, Туллия, растравляла беспокойную его душу. Так и римский царский дом, подобно другим, явил пример достойного трагедии злодеяния, чтобы опостылели цари и скорее пришла свобода, и чтобы последним оказалось царствование, которому предстояло родиться от преступления.

У этого Луция Тарквиния (приходился ли он Тарквинию Древнему сыном или внуком, разобрать нелегко; я, следуя большинству писателей, буду называть его сыном) был брат Аррунт Тарквиний, юноша от природы кроткий. Замужем за двумя братьями были, как уже говорилось, две Туллии, царские дочери, складом тоже совсем непохожие друг на друга. Вышло так, что два крутых нрава в браке не соединились — по счастливой, как я полагаю, участи римского народа — дабы продолжительней было царствование Сервия и успели сложиться обычаи государства. Туллия-свирепая тяготилась тем, что не было в ее муже никакой страсти, никакой дерзости. Вся устремившись к другому Тарквинию, им восхищается она, его называет настоящим мужчиной и порождением царской крови, презирает сестру за то, что та, получив настоящего мужа, не равна ему женской отвагой. Сродство душ способствует быстрому сближению — как водится, зло злу под стать,— но зачинщицею всеобщей смуты становится женщина. Привыкнув к уединенным беседам с чужим мужем, она самою последнею бранью поносит своего супруга перед его братом, свою сестру перед ее супругом. Да лучше бы, твердит она, и ей быть вдовой, и ему безбрачным, чем связываться с неровней, чтобы увядать от чужого малодушия. Дали б ей боги такого мужа, какого она заслужила,— скоро, скоро у себя в доме увидела бы она ту царскую власть, которую видит сейчас в доме отца. Быстро заражает она юношу своим безрассудством. Освободив двумя сряду похоронами дома свои для нового супружества, они сочетаются браком, скорее без запрещения, чем с одобрения Сервия.

47. С каждым днем теперь сильнее опасность, нависшая над старостью Сервия, над его царской властью, потому что Туллия уже устремляется от преступления к новому преступлению, и ни ночью, ни днем не дает мужу покоя, чтобы не оказались напрасными прежние

кощунственные убийства. Не мужа, говорит она, ей недоставало, чтобы зваться супругою, не сотоварища по рабству и немой покорности — нет, ей не хватало того, кто считал бы себя достойным царства, кто помнил бы, что он сын Тарквиния Древнего, кто предпочел бы власть ожиданиям власти. «Если ты тот, за кого, думалось мне, я выхожу замуж, то я готова тебя назвать и мужчиною и царем, если же нет, то к худшему свершилась для меня перемена: ведь теперь я не за трусом только, но и за преступником. Очнись же! Не из Коринфа, не из Тарквиний, как твоему отцу, идти тебе добывать царство в чужой земле: сами боги, отеческие пенаты, отцовский образ, царский дом, царский трон в доме, имя Тарквиния — все призывает тебя, все возводит на царство. А если духа недостает, чего ради морочишь ты город? Чего ради позволяешь смотреть на себя как на царского сына? Прочь отсюда в Тарквинии или в Коринф! Возвращайся туда, откуда вышел, больше похожий на брата, чем на отца!» Такими и другими попреками подстрекает Туллия юношу, да и сама не может найти покоя, покуда она, царский отпрыск, не властна давать и отбирать царство, тогда как у Танаквили, чужестранки, достало силы духа сделать царем мужа и вслед за тем зятя.

Подстрекаемый неистовой женщиной, Тарквиний обходит сенаторов (особенно — из младших родов), хватает их за руки, напоминает об отцовских благодеяниях и требует воздаянья, юношей приманивает подарками. Тут давая непомерные обещанья, там возводя всяческие обвинения на царя, Тарквиний повсюду усиливает свое влияние. Убедившись, наконец, что пора действовать, он с отрядом вооруженных ворвался на форум. Всех объял ужас, а он, усевшись в царское кресло перед курией, велел через глашатая созывать отцов в курию, к царю Тарквинию. И они тотчас сошлись, одни уже заранее к тому подготовленные, другие — не смея ослушаться, потрясенные чудовищной новостью и решив, вдобавок, что с Сервием уже покончено. Тут Тарквиний принялся порочить Сервия от самого его корня: раб, рабыней рожденный, он получил царство после ужасной смерти Тарквиниева отца — получил без объявления междуцарствия (как то делалось прежде), без созыва собрания, не от народа, который его избрал бы, не от отцов, которые утвердили бы

выбор, но в дар от женщины. Вот как он рожден, вот как возведен на царство, он, покровитель подлейшего люда, из которого вышел и сам. Отторгнутую у знатных землю он, ненавидя чужое благородство, разделил между всяческою рванью, а бремя повинностей, некогда общее всем, взвалил на знатнейших людей государства; он учредил ценз, чтобы состояния тех, кто побогаче, были открыты зависти, были к его услугам, едва он захочет показать свою щедрость нищим.

48. Во время этой речи явился Сервий, вызванный тревожною вестью, и еще из преддверия курии громко воскликнул: «Что это значит, Тарквиний? Ты до того обнаглел, что смеешь при моей жизни созывать отцов и сидеть в моем кресле?» Тарквиний грубо ответил, что занял кресло своего отца, что царский сын, а не раб,— прямой наследник царю, что раб и так уж достаточно долго глумился над собственными господами. Приверженцы каждого поднимают крик, в курию сбегается народ, и становится ясно, что царствовать будет тот, кто победит. Теперь Тарквиний уже и самой силой необходимости вынужден идти до конца. Будучи и много моложе, и много сильнее, он схватывает Сервия в охапку, выносит из курии и сбрасывает с лестницы, потом возвращается в курию к сенату. Царские прислужники и провожатые обращаются в бегство, а сам Сервий, потеряв много крови, едва живой, без провожатых пытается добраться домой, но по пути гибнет под ударами преследователей, которых Тарквиний послал вдогонку за беглецом. Считают, памятуя о прочих злодеяниях Туллии, что и это было совершено по ее наущенью. Во всяком случае, достоверно известно, что она въехала на колеснице на форум и, не оробев среди толпы мужчин, вызвала мужа из курии и первая назвала его царем. Тарквиний отослал ее прочь из беспокойного скопища; добираясь домой, она достигла самого верха Киприйской улицы, где незадолго до наших дней стоял храм Дианы, и колесница уже поворачивала вправо к Урбиеву взвозу, чтобы подняться на Эсквилинский холм, как возница в ужасе осадил, натянув поводья, и указал госпоже на лежащее тело зарезанного Сервия. Тут, по преданию, и совершилось гнусное и бесчеловечное преступление, памятником которого остается то место: его называют

 «Проклятой улицей». Туллия, обезумевшая, гонимая

фуриями-отмстительницами сестры и мужа, как рассказывают, погнала колесницу прямо по отцовскому телу и на окровавленной повозке, сама запятнанная и обрызганная, привезла пролитой отцовской крови к пенатам своим и мужниным. Разгневались домашние боги, и дурное начало царствования привело за собою в недалеком будущем дурной конец.

Сервий Туллий царствовал сорок четыре года и так, что даже доброму и умеренному преемнику нелегко было бы с ним тягаться. Но слава его еще возросла, оттого что с ним вместе убита была законная и справедливая царская власть. Впрочем, даже и эту власть, такую мягкую и умеренную, Сервий, как пишут некоторые, имел в мыслях сложить, поскольку она была единоличной, и лишь зародившееся в недрах семьи преступление воспрепятствовало ему исполнить свой замысел и освободить отечество.

49. И вот началось царствование Луция Тарквиния, которому его поступки принесли прозвание Гордого: он не дал похоронить своего тестя, твердя, что Ромул исчез тоже без погребенья; он перебил знатнейших среди отцов, в уверенности, что те одобряли дело Сервия; далее, понимая, что сам подал пример преступного похищения власти, который может быть усвоен его противниками, он окружил себя телохранителями; и так как, кроме силы, не было у него никакого права на царство, то и царствовал он не избранный народом, не утвержденный сенатом. Вдобавок, как и всякому, кто не может рассчитывать на любовь сограждан, ему нужно было оградить свою власть страхом. А чтобы устрашенных было побольше, он разбирал уголовные дела единолично, ни с кем не советуясь, и потому получил возможность умерщвлять, высылать, лишать имущества не только людей подозрительных или неугодных ему, но и таких, в ком мог видеть разве добычу. Особенно поредел от этого сенат, и Тарквиний постановил никого не записывать в отцы, чтобы самою малочисленностью своей стало ничтожным их сословие и они поменьше бы возмущались тем, что все делается помимо них. Он был первым среди царей, кто уничтожил унаследованный от предшественников обычай обо всем совещаться с сенатом, и распоряжался государством как собственным домом: сам — без народа и сената,— с кем хотел, воевал и мирился, заклю-

чал и расторгал договоры и союзы. Сильнее всего он стремился расположить в свою пользу латинян, чтобы поддержка чужеземцев делала надежней его положение среди граждан, а потому старался связать латинских старейшин узами не только гостеприимства, но и свойства́. Октавию Мамилию Тускуланцу,— тот долгое время был главою латинян и происходил, если верить преданью, от Улисса и богини Кирки,— этому самому Мамилию отдал он в жены свою дочь, чем привлек к себе его многочисленных родственников и друзей.

50. Пользуясь уже немалым влиянием в кругу знатнейших латинян, Тарквиний назначает им день, чтобы собраться в роще Ферентины: есть общие дела, которые хотелось бы обсудить. Многолюдный сход собрался с рассветом, а сам Тарквиний явился, хоть и в назначенный день, но почти на заходе солнца. Много разного успели собравшиеся наговорить там за полный день. Турн Гердоний из Ариции яростно нападал на отсутствовавшего Тарквиния. Неудивительно, мол, что в Риме его прозвали Гордым (прозвище это было уже у всех на устах, хоть и не произносилось вслух). Ну, не предел ли это гордыни, так глумиться над всем народом латинян? Первейшие люди подняты с мест, пришли издалека, а того, кто созвал их, самого-то и нет! Дело ясное, он испытывает их терпение, и если они пойдут под ярем, тут-то придавит покорствующих. Кому не понятно, что он рвется к владычеству над латинянами. Если с пользой для себя вверили ему сограждане власть, или если вообще власть ему вверена, а не захвачена отцеубийством, то и латиняне должны бы ему довериться, не будь, правда, он чужаком. Но если не рады ему и свои — ведь один за другим они гибнут, уходят в изгнание, теряют имущество,— то что ж подает латинянам надежду на лучшее. Послушались бы его, Турна, и разошлись по домам, и не пеклись бы о соблюдении срока больше того, кто назначил собранье.

И это, и еще многое подобное говорил Турн, человек мятежный и злонамеренный, который и в родном городе вошел в силу, пользуясь такого же рода приемами. В самый разгар его разглагольствований явился Тарквиний. Тут речь и кончилась — все повернулись приветствовать пришедшего. Наступило молчанье,

и Тарквиний по совету приближенных начал оправдываться: он-де опоздал оттого, что был приглашен разбирать дело между отцом и сыном; стараясь примирить их, он задержался, а так как потерял на том целый день, то уж завтра обсудит с ними дела, какие наметил. И опять, говорят, не сумел Турн смолчать и сказал, что ничего нет короче, чем разбор дела между отцом и сыном; тут и нескольких слов хватит: не покоришься отцу — хуже будет.

51. С этими словами недовольства ариціец ушел из собрания. Тарквиний, задетый сильнее, чем могло показаться, тотчас начинает готовить ему гибель, чтобы и в латинян вселить тот же ужас, каким сковал души сограждан. И так как открыто умертвить Турна своею властью он не мог, то погубил его, облыжно обвинив в преступлении, в котором тот был неповинен. При посредстве каких-то арицийцев из числа противников Турна Тарквиний подкупил золотом его раба, чтобы получить возможность тайно внести в помещение, где Турн остановился, большую груду мечей. Когда за одну ночь это было сделано, Тарквиний незадолго до рассвета, будто бы получив тревожную новость, вызвал к себе латинских старейшин и сказал им, что вчерашнее промедление было словно внушено ему неким божественным промыслом и оказалось спасительным и для него, и для них. Турн, как доносят, готовил гибель и ему, и старейшинам народов, чтобы забрать в свои руки единоличную власть над латинянами. Нападение должно было произойти вчера в собрании, отложить все пришлось потому, что отсутствовал устроитель собрания, а до него-то Турну особенно хотелось добраться. Потому и поносил он отсутствовавшего, что из-за промедления обманулся в надеждах. Если донос верен, можно не сомневаться, что Турн с рассветом, как только настанет время идти в собрание, явится туда при оружии и с шайкою заговорщиков: ведь к нему, говорят, снесено несметное множество мечей. Напраслина это или нет, узнать недолго. И Тарквиний просит всех, не откладывая, пойти вместе с ним к Турну.

Многое внушало подозренья — и свирепый нрав Турна, и вчерашняя его речь, и задержка Тарквиния, из-за которой, казалось, покушение могло быть отложено. Латиняне идут, склонные поверить, но готовые, если мечи не найдутся, счесть и все прочее пустым на-

говором. Они входят, окружают разбуженного Турна стражею, схватывают рабов, которые из привязанности к господину стали было сопротивляться, и вот спрятанные мечи выволакиваются на свет отовсюду. Улика, всем кажется, налицо, Турна заковывают в цепи и, при всеобщем возбуждении, немедля созывают собранье латинян. Выставленные на обозрение мечи вызвали злобу, столь жестокую, что Турн не получил слова для оправданья и погиб неслыханной смертью: его погрузили в воду Ферентинского источника и утопили, накрыв корзиной и завалив камнями.

52. Потом Тарквиний вновь созвал латинян на сход и, похвалив их за то, что они по заслугам наказали Турна, гнусного убийцу, замышлявшего переворот и схваченного с поличным, внес следующее предложение: хотя он, Тарквиний, мог бы действовать, опираясь на старинные права, поскольку все латиняне происходят из Альбы и связаны тем договором, по которому со времен Тулла все государство альбанцев со всеми их поселениями перешло под власть римского народа, тем не менее он считает, что ради общей выгоды договор этот надо возобновить и что латинянам больше подобает разделять с римским народом его счастливую участь, нежели постоянно терпеть разрушение своих городов и разоренье полей (как то было сперва в царствование Анка, затем при Тарквинии Древнем). Латиняне легко дали себя убедить, хотя договор предоставлял Риму превосходство. Впрочем, и начальники латинского народа, казалось, сочувствуют царю и стоят с ним заодно. Да и свеж был пример опасности, угрожавшей каждому, кто вздумал бы перечить. Так договор был возобновлен, и молодым латинянам было объявлено, чтобы они, как следует из этого договора, в назначенный день явились в рощу Ферентины при оружии и в полном составе. И когда все они, из всех племен, собрались по приказу римского царя, тот, чтобы не было у них ни своего вождя, ни отдельного командования, ни собственных знамен, составил смешанные манипулы из римлян и латинян, сводя воинов из двух прежних манипулов в один, а из одного разводя по двум. Сдвоив таким образом манипулы, Тарквиний назначил центурионов.

53. Насколько несправедлив был он как царь в мирное время, настолько небезрассуден как вождь во время

войны: искусством вести войну он даже сравнялся б с предшествующими царями, если бы и здесь его славе не повредила испорченность во всем прочем. Он первый начал войну с вольсками, тянувшуюся после него еще более двухсот лет, и приступом взял у них Суессу Помецию. Получив от распродажи тамошней добычи сорок талантов серебра, он замыслил соорудить храм Юпитера, который великолепьем своим был бы достоин царя богов и людей, достоин римской державы, достоин, наконец, величия самого места. Итак, эти деньги он отложил на построение храма.

Затем Тарквиния отвлекла война с близлежащим городом Габиями, подвигавшаяся медленнее, чем можно было рассчитывать. После безуспешной попытки взять город приступом, после того как он был отброшен от стен и даже на осаду не мог более возлагать никаких надежд, Тарквиний, совсем не по-римски, принялся действовать хитростью и обманом. Он притворился, будто оставив мысль о войне, занялся лишь закладкою храма и другими работами в городе, и тут младший из трех его сыновей, Секст, перебежал, как было условлено, в Габии, жалуясь на непереносимую жестокость отца. Уже, говорил он, с чужих на своих обратилось самоуправство гордеца, уже многочисленность детей тяготит этого человека, который обезлюдил курию и хочет обезлюдить собственный дом, чтобы не оставлять никакого потомка, никакого наследника. Он, Секст, ускользнул из-под отцовских мечей и копий и нигде не почувствует себя в безопасности, кроме как у врагов Луция Тарквиния. Пусть не обольщаются в Габиях, война не кончена — Тарквиний оставил ее лишь притворно, чтобы при случае напасть врасплох. Если же нет у них места для тех, кто молит о защите, то ему, Сексту, придется пройти по всему Латию, а потом и у вольсков искать прибежища, и у эквов, и у герников, покуда он, наконец, не доберется до племени, умеющего оборонить детей от жестоких и нечестивых отцов. А может быть, где-нибудь встретит он и желание поднять оружие на самого высокомерного из царей и самый свирепый из народов. Казалось, что Секст, если его не уважить, уйдет, разгневанный, дальше, и габийцы приняли его благосклонно. Нечего удивляться, сказали они, если царь наконец и с детьми обошелся так же, как с гражданами-

ми, как с союзниками. На себя самого обратит он в конце концов свою ярость, если вокруг никого не останется. Что же до них, габийцев, то они рады приходу Секста и верят, что вскоре с его помощью война будет перенесена от габийских ворот к римским.

54. С этого времени Секста стали приглашать в совет. Там, во всем остальном соглашаясь со старыми габийцами, которые-де лучше знают свои дела, он беспрестанно предлагает открыть военные действия — в этом он, по его мнению, разбирается как раз хорошо, поскольку знает силы того и другого народа и понимает, что гордыня царя наверняка ненавистна и гражданам, если даже собственные дети не смогли ее вынести. Так Секст исподволь подбивал габийских старейшин возобновить войну, а сам с наиболее горячими юношами ходил за добычею и в набеги; всеми своими обманными словами и делами он возбуждал все большее — и пагубное — к себе доверие, покуда, наконец, не был избран военачальником. Народ не подозревал обмана, и когда стали происходить незначительные стычки между Римом и Габиями, в которых габийцы обычно одерживали верх, то и знать и чернь наперерыв стали изъявлять уверенность, что богами в дар послан им такой вождь. Да и у воинов он, деля с ними опасности и труды, щедро раздавая добычу, пользовался такой любовью, что Тарквиний-отец был в Риме не могущественнее, чем сын в Габиях.

И вот, лишь только сочли, что собрано уже достаточно сил для любого начинания, Секст посылает одного из своих людей в Рим, к отцу,— разузнать, каких тот от него хотел бы действий, раз уже боги дали ему неограниченную власть в Габиях. Не вполне доверяя, думается мне, этому вестнику, царь на словах никакого ответа не дал, но, как будто прикидывая в уме, прошел, сопровождаемый вестником, в садик при доме и там, как передают, расхаживал в молчании, сшибая палкой головки самых высоких маков. Вестник, уставши спрашивать и ожидать ответа, возвратился в Габии, бросив, как ему казалось, дело на половине, и доложил обо всем, что говорил сам и что увидел: из-за гнева ли, из-за ненависти, или из-за природной гордыни не сказал ему царь ни слова. Тогда Секст, которому в молчаливом намеке открылось, чего хочет и что приказывает ему отец, истребил старейшин госу-

дарства. Одних он погубил, обвинив пред народом, других — воспользовавшись уже окружавшей их ненавистью. Многие убиты были открыто, иные — те, против кого он не мог выдвинуть правдоподобных обвинений,— тайно. Некоторым открыта была возможность к добровольному бегству, некоторые были изгнаны, а имущество покинувших город, равно как и убитых, сразу назначалось к разделу. Следуют щедрые подачки, богатая пожива, и вот уже сладкая возможность урвать для себя отнимает способность чувствовать общие беды, так что, в конце концов, осиротевшее, лишившееся совета и поддержки габийское государство было без всякого сопротивления предано в руки римского царя.

55. Овладев Габиями, Тарквиний заключил мир с эквами и возобновил договор с этрусками. После этого он обратился к городским делам, первым из которых было оставить по себе на Тарпейской горе памятник своему царствованию и имени — храм Юпитера, воздвигнутый попеченьем обоих Тарквиниев: обещал отец, выполнил сын. И чтобы отведенный участок был свободен от святынь других богов и всецело принадлежал Юпитеру и его строившемуся храму, царь постановил снять освящение с нескольких храмов и жертвенников, находившихся там со времен царя Тация, который даровал их богам и освятил во исполнение обета, данного им в опаснейший миг битвы с Ромулом. Рассказывают, что при начале строительных работ божество обнаружило свою волю, возвестив будущую силу великой державы. А именно: хотя птицы дозволили снять освященье со всех жертвенников, для храма Термина они такого разрешения не дали. Предзнаменованье истолковали так: то, что Термин, единственный из богов, остался не вызванным из посвященных ему рубежей и сохранил прежнее местопребывание, предвещает, что все будет и прочно и устойчиво. За этим предзнаменованием незыблемости государства последовало другое чудо, предрекавшее величие державы: при закладке храма, как рассказывают, землекопы нашли человеческую голову с невредимым лицом. Открывшееся зрелище ясно предвещало, что быть этому месту оплотом державы и главой мира — так объявили все прорицатели, и римские, и призванные из Этрурии, чтобы посоветоваться об этом деле. Царь стано-

вится все щедрей на расходы, и выручки от пометийской добычи, которая была назначена, чтобы поднять храм до кровли, едва достало на закладку основания. По этой причине, а не только потому, что Фабий более древний автор, я скорее поверил бы Фабию, по чьим словам денег было только сорок талантов, нежели Пизону, который пишет, что на это дело было отложено четыреста тысяч фунтов серебра — такие деньги немыслимо было получить от добычи, захваченной в любом из тогдашних городов, и к тому же их с избытком хватило бы даже на нынешнее пышное сооружение.

56. Стремясь завершить строительство храма, для чего были призваны мастера со всей Этрурии, царь пользовался не только государственной казной, но и трудом рабочих из простого люда. Хотя этот труд, и сам по себе нелегкий, добавлялся к военной службе, все же простолюдины меньше тяготились тем, что своими руками сооружали храмы богов, нежели теми, на вид меньшими, но гораздо более трудными работами, на которые они потом были поставлены: устройством для зрителей мест в цирке и рытьем подземного Большого канала — стока, принимающего все нечистоты города. С двумя этими сооружениями едва ли сравнятся наши новые при всей их пышности. Покуда народ был занят такими работами, царь, считая, что многочисленная чернь, когда для нее не найдется уже применения, будет обременять город, и желая выводом поселений расширить пределы своей власти, вывел поселенцев в Сигнию и Цирцеи, чтобы защитить Рим с суши и с моря.

Среди этих занятий явилось страшное знаменье: из деревянной колонны выползла змея. В испуге забегали люди по царскому дому, а самого царя зловещая примета не то чтобы поразила ужасом, но, скорее, вселила в него беспокойство. Для истолкованья общественных знамений призывались только этрусские прорицатели, но это предвестье как будто бы относилось лишь к царскому дому, и встревоженный Тарквиний решился послать в Дельфы к самому прославленному на свете оракулу. Не смея доверить таблички с ответами никому другому, царь отправил в Грецию, через незнакомые в те времена земли и того менее знакомые моря, двоих своих сыновей. То были Тит и Аррунт. В спутники им был дан Луций Юний Брут, сын цар-

ской сестры Тарквинии, юноша, скрывавший природный ум под принятою личиной. В свое время, услыхав, что виднейшие граждане, и среди них его брат, убиты дядею, он решил: пусть его нрав ничем царя не страшит, имущество — не соблазняет; презираемый — в безопасности, когда в праве нету защиты. С твердо обдуманным намереньем он стал изображать глупца, предоставляя распоряжаться собой и своим имуществом царскому произволу и даже принял прозвище Брута — «Тупицы»,— чтобы под прикрытием этого прозвища сильный духом освободитель римского народа мог выжидать своего времени. Вот кого Тарквинии взяли тогда с собой в Дельфы, скорее посмешищем, чем товарищем, а он, как рассказывают, понес в дар Аполлону золотой жезл, скрытый внутри полого рогового — иносказательный образ собственного ума.

Когда юноши добрались до цели и исполнили отцовское поручение, им страстно захотелось выспросить у оракула, к кому же из них перейдет Римское царство. И тут, говорит преданье, из глубины расселины прозвучало: «Верховную власть в Риме, о юноши, будет иметь тот из вас, кто первым поцелует мать». Чтобы не проведал об ответе и не заполучил власти оставшийся в Риме Секст, Тарквинии условились хранить строжайшую тайну, а между собой жребию предоставили решить, кто из них, вернувшись, первым даст матери свой поцелуй. Брут же, который рассудил, что пифийский глас имеет иное значение, припал, будто бы оступившись, губами к земле — ведь она общая мать всем смертным. После того они возвратились в Рим, где шла усердная подготовка к войне против рутулов.

57. Рутулы, обитатели города Ардеи, были самым богатым в тех краях и по тем временам народом. Их богатство и стало причиной войны: царь очень хотел поправить собственные дела — ибо дорогостоящие общественные работы истощили казну — и смягчить добычею недовольство своих соотечественников, которые и так ненавидели его за всегдашнюю гордыню, а тут еще стали роптать, что царь так долго держит их на ремесленных и рабских работах. Попробовали, не удастся ли взять Ардею сразу, приступом. Попытка не принесла успеха. Тогда, обложив город и обведя его укреплениями, приступили к осаде.

Здесь, в лагерях, как водится при войне более долгой, нежели жестокой, допускались довольно свободные отлучки, больше для начальников, правда, чем для воинов. Царские сыновья меж тем проводили праздное время в своем кругу, в пирах и попойках. Случайно, когда они пили у Секста Тарквиния, где обедал и Тарквиний Коллатин, сын Эгерия, разговор заходит о женах, и каждый хвалит свою сверх меры. Тогда в пылу спора Коллатин и говорит: к чему, мол, слова — всего ведь несколько часов, и можно убедиться, сколь выше прочих его Лукреция. «Отчего ж, если мы молоды и бодры, не вскочить нам тотчас на коней и не посмотреть своими глазами, каковы наши жены? Неожиданный приезд мужа покажет это любому из нас лучше всего». Подогретые вином, все в ответ: «Едем!» И во весь опор унеслись в Рим. Прискакав туда в сгущавшихся сумерках, они двинулись дальше в Коллацию, где позднею ночью застали Лукрецию за прядением шерсти. Совсем не похожая на царских невесток, которых нашли проводящими время на пышном пиру среди сверстниц, сидела она посреди покоя в кругу прислужниц, работавших при огне. В состязании жен первенство осталось за Лукрецией. Приехавшие муж и Тарквиний находят радушный прием: победивший в споре супруг дружески приглашает к себе царских сыновей. Тут-то и охватывает Секста Тарквиния грязное желание насилием обесчестить Лукрецию. И красота возбуждает его, и несомненная добродетель. Но пока что, после ночного своего развлечения, молодежь возвращается в лагерь.

58. Несколько дней спустя, втайне от Коллатина, Секст Тарквиний с единственным спутником прибыл в Коллацию. Он был радушно принят не подозревавшими о его замыслах хозяевами; после обеда его проводили в спальню для гостей, но едва показалось ему, что вокруг достаточно тихо и все спят, он, распаленный страстью, входит с обнаженным мечом к спящей Лукреции и, придавив ее грудь левой рукой, говорит: «Молчи, Лукреция, я Секст Тарквиний, в руке моей меч, умрешь, если крикнешь». В трепете освобождаясь от сна, женщина видит: помощи нет, рядом — грозящая смерть; а Тарквиний начинает объясняться в любви, уговаривать, с мольбами мешает угрозы, со всех сторон ищет доступа в женскую душу. Видя, что Лу-

креция непреклонна, что ее не поколебать даже страхом смерти,.он, чтобы устрашить ее еще сильнее, пригрозил ей позором: к ней-де мертвой в постель он подбросит, прирезав, нагого раба — пусть говорят, что она убита в грязном прелюбодеянии. Этой ужасной угрозой он одолел ее непреклонное целомудрие. Похоть как будто бы одержала верх, и Тарквиний вышел упоенный победой над женскою честью. Лукреция, сокрушенная горем, посылает вестника в Рим к отцу и в Ардею к мужу, чтобы прибыли с немногими верными друзьями: есть нужда в них, пусть поторопятся, случилось страшное дело. Спурий Лукреций прибывает с Публием Валерием, сыном Волезия, Коллатин с Луцием Юнием Брутом — случайно вместе с ним возвращался он в Рим, когда был встречен вестником. Лукрецию они застают в спальне, сокрушенную горем. При виде своих на глазах женщины выступают слезы; на вопрос мужа: «Хорошо ли живешь?» — она отвечает: «Как нельзя хуже. Что хорошего остается в женщине с потерею целомудрия? Следы чужого мужчины на ложе твоем, Коллатин; впрочем, тело одно подверглось позору — душа невинна, да будет мне свидетелем смерть. Но поклянитесь друг другу, что не останется прелюбодей без возмездия. Секст Тарквиний — вот кто прошлою ночью вошел гостем, а оказался врагом; вооруженный, насильем похитил он здесь гибельную для меня, но и для него — если вы мужчины — усладу». Все по порядку клянутся, утешают отчаявшуюся, отводя обвинение от жертвы насилия, обвиняя преступника: грешит мысль — не тело, у кого не было умысла, нету на том и вины. «Вам,— отвечает она,— рассудить, что причитается ему, а себя я, хоть в грехе не виню, от кары не освобождаю; и пусть никакой распутнице пример Лукреции не сохранит жизни». Под одеждою у нее был спрятан нож, вонзив его себе в сердце, налегает она на нож и падает мертвой. Громко взывают к ней муж и отец.

59. Пока те предавались скорби, Брут, держа пред собою вытащенный из тела Лукреции окровавленный нож, говорит: «Этою чистейшею прежде, до царского преступления, кровью клянусь — и вас, боги, беру в свидетели,— что отныне огнем, мечом, чем только сумею, буду преследовать Луция Тарквиния с его преступной супругой и всем потомством, что не потерплю

ни их, ни кого другого на царстве в Риме». Затем он передает нож Коллатину, потом Лукрецию и Валерию, которые оцепенели, недоумевая, откуда это в Брутовой груди незнаемый прежде дух. Они повторяют слова клятвы, и общая скорбь обращается в гнев, а Брут, призывающий всех немедленно идти на Рим, становится вождем. Тело Лукреции выносят из дома на площадь и собирают народ, привлеченный, как водится, новостью, и неслыханной и возмутительной. Каждый, как умеет, жалуется на преступное насилье царей. Все взволнованы и скорбью отца, и словами Брута, который порицает слезы и праздные сетованья и призывает мужчин поднять, как подобает римлянам, оружие против тех, кто поступил, как враг. Храбрейшие юноши, вооружившись, являются добровольно, за ними следует вся молодежь. Затем, оставив в Коллации отряд и к городским воротам приставив стражу, чтобы никто не сообщил царям о восстании, все прочие под водительством Брута с оружием двинулись в Рим.

Когда они приходят туда, то вооруженная толпа, где бы она ни появилась, всюду сеет страх и смятенье; но, вместе с тем, когда люди замечают, что во главе ее идут виднейшие граждане, всем становится понятно: что бы там ни было, это — неспроста. Столь страшное событие и в Риме породило волненье не меньшее, чем в Коллации. Со всех концов города на форум сбегаются люди. Едва они собрались, глашатай призвал народ к трибуну «быстрых», а волею случая должностью этой был облечен тогда Брут. И тут он произнес речь, выказавшую в нем дух и ум, совсем не такой, как до тех пор представлялось. Он говорил о самоуправстве и похоти Секста Тарквиния, о несказанно чудовищном поруганье Лукреции и ее жалостной гибели, об отцовской скорби Трицsmåпитина, для которого страшнее и прискорбнее смерти дочери была причина этой смерти. К слову пришлись и гордыня самого царя, и тягостные труды народа, загнанного в канавы. Римляне, победители всех окрестных народов, из воителей сделаны чернорабочими и каменотесами. Упомянуто было и гнусное убийство царя Сервия Туллия, и дочь, переехавшая отцовское тело нечестивой своей колесницей; боги предков призваны были в мстители.

 Вспомнив обо всем этом, как, без сомненья, и о еще бо-

лее страшных вещах, которые подсказал ему живой порыв негодованья, но которые трудно восстановить историку, Брут воспламенил народ и побудил его отобрать власть у царя и вынести постановленье об изгнании Луция Тарквиния с супругою и детьми. Сам произведя набор младших возрастов — причем записывались добровольно — и вооружив набранных, он отправился в лагерь поднимать против царя стоявшее под Ардеей войско; власть в Риме он оставил Лукрецию, которого в свое время еще царь назначил префектом города. Среди этих волнений Туллия бежала из дома, и где бы ни появлялась она, мужчины и женщины проклинали ее, призывая отцовских богинь-отмстительниц.

60. Когда вести о случившемся дошли до лагеря и царь, встревоженный бунтом, двинулся на Рим подавлять восстание, Брут, узнав о его приближении, пошел кружным путем, чтобы избежать встречи. И почти что одновременно прибыли разными дорогами Брут к Ардее, а Тарквиний — к Риму. Перед Тарквинием ворота не отворились, и ему было объявлено об изгнании; освободитель города был радостно принят в лагере, а царские сыновья оттуда изгнаны. Двое, последовав за отцом, ушли изгнанниками в Цере, к этрускам. Секст Тарквиний, удалившийся в Габии, будто в собственное свое царство, был убит из мести старыми недругами, которых нажил в свое время казнями и грабежом.

Луций Тарквиний Гордый царствовал двадцать пять лет. Цари правили Римом от основания города до его освобожденья двести сорок четыре года. На собрании по центуриям префект города в согласии с записками Сервия Туллия провел выборы консулов. Избраны были Луций Юний Брут и Луций Тарквиний Коллатин.

КНИГА XXI

1. НИЖЕСЛЕДУЮЩУЮ часть моего труда я могу начать теми же словами, которые многие писатели предпосылали целым сочинениям: я приступаю к описанию самой замечательной из войн всех времен — войны карфагенян под начальством Ганнибала с римским народом. Никогда еще не сражались между собою более могущественные государства и народы, никогда сражающиеся не стояли на более высокой ступени развития своих сил и своего могущества. Не могли они пускать в ход неведомые противникам приемы военного искусства, так как обе стороны познакомились одна с другой в Первую Пуническую войну; а до какой степени было изменчиво счастье войны и непостоянен исход сражений, видно уже из того, что гибель была наиболее близка именно к тем, которые вышли победителями. Но ненависть, с которой они сражались, была едва ли не выше самих сил: римляне были возмущены дерзостью побежденных, по собственному почину подымавших оружие против победителей; пунийцы — надменностью и жадностью, с которой победители, по их мнению, злоупотребляли своей властью над побежденными. Рассказывают даже, что когда Гамилькар, окончив Африканскую войну, собирался переправить войско в Испанию и приносил, по этому случаю, жертву богам, то его девятилетний сын Ганнибал, по-детски ласкаясь, стал просить отца взять его с собой; тогда, говорят, Гамилькар велел ему подойти к жертвеннику и, коснувшись его рукой, произнести клятву, что он будет врагом римского народа, как только это ему дозволит возраст.

Гордую душу Гамилькара терзала мысль о потере Сицилии и Сардинии: карфагеняне, полагал он, уж слишком поторопились в припадке малодушия отдать врагу Сицилию, что же касается Сардинии, то римляне захватили ее обманом, благодаря африканским

смутам, наложив сверх того еще дань на побежденных.

2. Под гнетом этих тяжелых дум он в пять лет окончил Африканскую войну, разразившуюся вслед за заключением мира с римлянами, а затем в течение девяти лет расширял пределы пунийского владычества в Испании; ясно было, что он задумал войну гораздо значительнее той, которую вел, и что если бы он прожил дольше, пунийцы еще под знаменами Гамилькара совершили бы то нашествие на Италию, которое им суждено было осуществить при Ганнибале. К счастью, смерть Гамилькара и юный возраст Ганнибала принудили карфагенян отложить войну.

Промежуток между отцом и сыном занял Газдрубал, приблизительно в течение восьми лет пользовавшийся верховной властью. Сначала, говорят, он понравился Гамилькару своей красотой, но позже сделался его зятем, конечно, уже за другие, душевные свои свойства; располагая же, в качестве его зятя, влиянием баркидов, очень внушительным среди воинов и простого народа, он был утвержден в верховной власти вопреки желанию первых людей государства. Действуя чаще умом, чем силой, он заключал союзы гостеприимства с царьками и, пользуясь дружбой вождей, привлекал новые племена на свою сторону; такими-то средствами, а не войной и набегами, умножал он могущество Карфагена. Но его миролюбие нимало не способствовало его личной безопасности. Кто-то из варваров, озлобленный казнью своего господина, убил Газдрубала на глазах у всех, а затем дал схватить себя окружающим с таким радостным лицом, как будто избежал опасности; даже когда на пытке разрывали его тело, радость превозмогала в нем боль, и он сохранял такое выражение лица, что казалось, будто он смеется. Вот с этим-то Газдрубалом, видя его замечательные способности возмущать племена и приводить их под свою власть, римский народ возобновил союз под условием, чтобы река Гибер служила границей между областями, подвластными тому и другому народу, сагунтинцы же, обитавшие посредине, сохраняли полную независимость.

3. Относительно преемника Газдрубала никаких сомнений быть не могло. Тотчас после его смерти воины по собственному почину понесли молодого Ганнибала

в палатку главнокомандующего и провозгласили полководцем; этот выбор был встречен громкими сочувственными возгласами всех присутствующих, и народ впоследствии одобрил его.

Газдрубал пригласил Ганнибала к себе в Испанию письмом, когда он едва достиг зрелого возраста, и об этом был возбужден вопрос даже в сенате. Баркиды домогались утвердительного его решения, желая, чтобы Ганнибал привык к военному делу и со временем унаследовал отцовское могущество; но Ганнон, глава противного стана, сказал: «Требование Газдрубала, на мой взгляд, справедливо; однако я полагаю, что исполнять его не следует». Когда же эти странные слова возбудили всеобщее удивление и все устремили свои взоры на него, он продолжал: «Газдрубал, который некогда сам предоставил отцу Ганнибала наслаждаться цветом его нежного возраста, считает себя вправе требовать той же услуги от его сына. Но нам нисколько не подобает посылать нашу молодежь, чтобы она, под видом приготовления к военному делу, служила похоти военачальников. Или, быть может мы боимся, как бы сын Гамилькара не познакомился слишком поздно с соблазном неограниченной власти, с блеском отцовского царства? Боимся, как бы мы не сделались слишком поздно рабами сына того царя, который оставил наши войска в наследство своему зятю? Я требую, чтобы мы удержали этого юношу здесь, чтобы он, подчиняясь законам, повинуясь должностным лицам, учился жить на равных правах с прочими; в противном случае это небольшое пламя может зажечь огромный пожар».

4. Меньшинство, то есть почти вся знать, согласилось с ним; но, как это обыкновенно бывает, большая часть восторжествовала над лучшей. Итак, Ганнибал был послан в Испанию. Одним своим появлением он обратил на себя взоры всего войска. Старым воинам показалось, что к ним вернулся Гамилькар, каким он был в лучшие свои годы: то же мощное слово, тот же повелительный взгляд, то же выражение, те же черты лица! Но вскоре он достиг того, что его сходство с отцом сделалось наименее значительным из качеств, которые располагали к нему воинов. Никогда еще душа одного и того же человека не была так равномерно приспособлена к обеим, столь разнородным обязанностям,— повелеванию и повиновению; и поэтому трудно

было различить, кто им более дорожил — главнокомандующий или войско. Никого Газдрубал не назначал охотнее начальником отряда, которому поручалось дело, требующее отваги и стойкости; но и воины ни под чьим начальством не были более уверены в себе и более храбры. Насколько он был смел, бросаясь в опасность, настолько же бывал осмотрителен в самой опасности. Не было такого труда, от которого бы он уставал телом или падал духом. И зной, и мороз он переносил с равным терпением; ел и пил ровно столько, сколько требовала природа, а не ради удовольствия; выбирал время для бодрствования и сна, не обращая внимания на день и ночь — покою уделял лишь те часы, которые у него оставались свободными от работы; притом он не пользовался мягкой постелью и не требовал тишины, чтобы легче заснуть; часто видели, как он, завернувшись в военный плащ, спит на голой земле среди караульных или часовых. Одеждой он ничуть не отличался от ровесников; только по вооружению да по коню его можно было узнать. Как в коннице, так и в пехоте он далеко оставлял за собою прочих; первым устремлялся в бой, последним оставлял поле сражения. Но в одинаковой мере с этими высокими достоинствами обладал он и ужасными пороками. Его жестокость доходила до бесчеловечности, его вероломство превосходило даже пресловутое пунийское вероломство. Он не знал ни правды, ни добродетели, не боялся богов, не соблюдал клятвы, не уважал святыни. Будучи одарен этими хорошими и дурными качествами, он в течение своей трехлетней службы под начальством Газдрубала с величайшим рвением исполнял все, присматривался ко всему, что могло развить в нем свойства великого полководца.

5. Но вернемся к начатому рассказу. Со дня своего избрания полководцем Ганнибал действовал так, как будто ему назначили провинцией Италию и поручили вести войну с Римом. Не желая откладывать свое предприятие,— он боялся, что и сам, если будет медлить, может пасть жертвой какого-нибудь несчастного случая, подобно своему отцу, Гамилькару, и затем Газдрубалу,— он решился пойти войной на Сагунт. Зная, однако, что нападением на этот город он неминуемо вызовет войну с Римом, он повел сначала свое войско в землю олькадов, которые жили по ту сторону Гибе-

ра, но, хоть и находились в пределах владычества карфагенян, власти их не признавали: он хотел, чтобы создалось впечатление, будто он и не думал о захвате Сагунта, но самый ход событий и вызванная покорением соседних народов необходимость объединить свои владения втянули его в войну. Взяв приступом богатую Карталу, столицу олькадов, и разграбив ее, он нагнал такой страх на более мелкие племена, что они согласились платить дань и приняли карфагенское подданство. После этого он отвел свое победоносное войско с богатой добычей в Новый Карфаген на зимние квартиры. Там он щедро разделил между воинами добычу и заплатил им честно все жалованье за истекший год. Укрепив этим образом действий расположение к себе всего войска, как карфагенских граждан, так и союзников, он с наступлением весны двинулся еще дальше, в страну вакцеев. Их главными городами, Германдикой и Арбокалой, он завладел силой, причем, однако, Арбокала долго защищалась, благодаря и мужеству и численности горожан. Между тем спасшиеся бегством жители Германдики, соединившись с изгнанниками из олькадов, покоренного предыдущим летом племени, побудили к восстанию карпетанов, и когда Ганнибал возвращался из страны вакцеев, то они напали на него недалеко от реки Тага и привели в замешательство его войско, отягченное добычей. Но Ганнибал уклонился от боя, разбивши лагерь на самом берегу; когда же наступила ночь и на стоянке врага водворилась тишина, он переправился через реку вброд и вновь укрепился — таким образом, чтобы враги, в свою очередь, свободно могли пройти на левый берег: Ганнибал решил напасть на них во время переправы. Всадникам своим он приказал, лишь только они завидят полчища неприятелей в воде, броситься на них, пользуясь их затруднительным положением; на берегу он расположил своих слонов, числом сорок. Карпетанов с вспомогательными отрядами олькадов и вакцеев было сто тысяч,— сила непобедимая, если сразиться с ней в открытом поле. Они были по природе смелы, а сознание численного превосходства еще увеличивало их самоуверенность; полагая поэтому, что враг отступил пред ними из страха и что только река, разделяющая противников, замедляет победу, они подняли крик и вразброд, где кому

было ближе, кинулись в быстрину, не слушаясь ничьих приказаний. Вдруг с противного берега устремилась в реку несметная конная рать, и на самой середине русла произошла стычка при далеко не равных условиях: пехотинец и без того едва мог стоять и даже на мелком месте насилу перебирал ногами, так что и безоружный всадник нечаянным толчком лошади мог сбить его с ног; всадник, напротив, свободно располагал и оружием, и собственным телом, сидя на коне, уверенно двигавшемся даже среди пучины, и мог поэтому поражать и далеких, и близких. Многих поглотила река; других теченье занесло к неприятелю, где их раздавили слоны. Тем, которые вошли в воду последними, легче было вернуться к своему берегу; но пока они из разных мест, куда занес их страх, собирались в одну кучу, Ганнибал, не дав им опомниться, выстроил свою пехоту, повел ее через реку и прогнал их с берега. Затем он пошел опустошать их поля и в течение немногих дней заставил и карпетанов подчиниться. И вот уже вся земля по ту сторону Гибера была во власти карфагенян, за исключением одного только Сагунта.

6. С Сагунтом войны еще не было, но Ганнибал, желая создать предлог для вооруженного вмешательства, уже сеял раздоры между горожанами и соседними племенами, главным образом турдетанами. А так как виновник ссоры предлагал свои услуги и в качестве третейского судьи и было ясно, что ищет он не правосудия, а насилия, то сагунтийцы отправили послов в Рим просить помощи для неизбежной уже войны. Консулами были тогда в Риме Публий Корнелий Сципион и Тиберий Семпроний Лонг. Они ввели послов в сенат и сделали доклад о положении государства; решено было направить посольство в Испанию, для рассмотрения дел союзников, предоставив послам, если они сочтут это уместным, объявить Ганнибалу, чтобы он воздерживался от нападения на Сагунт, как союзный с римским народом город, а затем отправиться в Карфаген Африканский и доложить там о жалобах союзников римского народа. Не успели еще послы оставить Рим, как уже прибыло известие — раньше, чем кто-либо мог ожидать,— что осада Сагунта началась. Тогда дело было доложено сенату вторично. Одни требовали, чтобы Испания и Африка были на-

значены провинциями консулам, и чтобы Рим начал войну и на суше, и на море; другие — чтобы вся война была обращена против Испании и Ганнибала. Но раздались и голоса, что подобное дело нельзя затевать так опрометчиво, что следует обождать, какой ответ принесут послы из Испании. Это мнение показалось самым благоразумным и одержало верх; тем скорее послы Публий Валерий Флакк и Квинт Бебий Тамфил были отправлены в Сагунт к Ганнибалу. В случае, если бы Ганнибал не прекратил военных действий, они должны были оттуда проследовать в Карфаген и потребовать выдачи самого полководца для наказания за нарушение договора.

7. Но пока в Риме занимались этими приготовлениями и совещаниями, Сагунт уже подвергся крайне ожесточенной осаде. Это был самый богатый из всех городов по ту сторону Гибера, расположенный в расстоянии приблизительно одной мили от моря. Основатели его были родом, говорят, из Закинфа; к их дружине присоединились и некоторые рутулы из Ардеи. В скором времени город значительно разбогател, благодаря выгодной морской торговле, плодородию местности, быстрому росту населения, а также и строгости нравов; лучшее доказательство последней — верность, которую они хранили союзникам до самой гибели. Ганнибал, вторгнувшись с войском в их пределы, опустошил, насколько мог, их поля и затем, разделив свои силы на три части, двинулся к самому городу. Его стена одним углом выходила на долину более ровную и открытую, чем остальные окрестности; против этого угла решил он направить осадные навесы, чтобы с их помощью подвести к стене таран. Издали, действительно, местность показалась достаточно удобной, но как только надо было пустить в ход навесы, дело пошло очень неудачно. Возвышалась огромных размеров башня, да и стена, ввиду ненадежности самой местности, была возведена на бо́льшую против остального ее протяжения вышину; к тому же и отборные воины оказывали наиболее деятельное сопротивление именно там, откуда всего больше грозили страх и опасность. На первых порах защитники ограничились тем, что стрельбою держали врага на известном расстоянии и не давали ему соорудить никакого мало-мальски надежного окопа; но со временем стрелы стали уже сверкать не толь-

ко со стен и башен — у осаждаемых хватило духу делать вылазки против неприятельских караулов и осадных сооружений. В этих беспорядочных стычках падало обыкновенно отнюдь не меньше карфагенян, чем сагунтийцев. Когда же сам Ганнибал, неосторожно приблизившийся к стене, был тяжело ранен дротиком в бедро и упал, кругом распространилось такое смятение и такая тревога, что навесы и осадные работы едва не были брошены.

8. Отказавшись пока от приступа, карфагеняне несколько дней довольствовались одной осадой города, чтобы дать ране полководца зажить. В это время сражений не происходило, но с той и с другой стороны безостановочно работали над окопами и укреплениями. Поэтому, когда вновь приступили к военным действиям, борьба была еще ожесточеннее; а так как кое-где земляные работы не были возможны, осадные навесы и тараны продвинули во многих местах одновременно. На стороне пунийцев было значительное численное превосходство — по достоверным сведениям, их было под оружием до полутораста тысяч,— горожане же, будучи принуждены разделиться на много частей, чтобы наблюдать за всем и всюду принимать меры предосторожности, чувствовали недостаток в людях. И вот тараны ударили в стены; вскоре там и сям началось разрушение; вдруг сплошные развалины одной части укреплений обнажили город — обрушились с оглушительным треском три башни подряд и вся стена между ними. Пунийцы подумали было, что их падение решило взятие города; но вместо того обе стороны бросились через пролом вперед, в битву, с такой яростью, как будто стена до тех пор служила оплотом для обеих. Вдобавок эта битва ничуть не походила на те беспорядочные стычки, какие обыкновенно происходят при осадах городов, когда выбор времени зависит от расчетов одной только стороны. Воины выстроились надлежащим образом в ряды среди развалин стен на узкой площади, отделяющей одну линию домов от другой, словно на открытом поле. Одних воодушевляла надежда, других отчаяние; пуниец думал, что город, собственно, уже взят и что ему остается только немного понатужиться; сагунтийцы помнили, что стен уже не стало и что их грудь — единственный оплот беспомощной и безза-

щитной родины, и никто из них не отступал, чтобы оставленное ими место не было занято врагом. И чем больше было ожесточение сражающихся, чем гуще их ряды, тем больше было ран: так как промежутков не было, то каждое копье попадало или в человека, или в его щит. А копьем сагунтийцев была фаларика с круглым сосновым древком; только близ железного наконечника древко было четырехгранным, как у дротика; эта часть обертывалась паклей и смазывалась смолой. Наконечник был длиною в три фута и мог вместе со щитом пронзить и человека. Но и помимо того, фаларика была ужасным оружием, даже в тех случаях, когда оставалась в щите и не касалась тела; среднюю ее часть зажигали, прежде чем метать, и загоревшийся огонь разрастался в силу самого движения; таким образом воин был принужден бросать свой щит и встречать следующие удары открытою грудью.

9. Исход сражения долгое время оставался неясен; вследствие этого сагунтийцы, видя неожиданный успех своего сопротивления, воспрянули духом, и пуниец, не сумевший довершить свою победу, показался им как бы уже побежденным. И вот горожане внезапно подымают крик, отгоняют врага к развалинам стен, затем, пользуясь его стесненным положением и малодушием, выбивают его и оттуда и, наконец, в стремительном бегстве гонят до самого лагеря. Тем временем Ганнибала извещают о прибытии римского посольства. Он посылает к морю людей и велит сказать послам, что для них доступ к нему среди мечей и копий стольких необузданных племен небезопасен, сам же он в столь опасном положении не считает возможным их принять. Было, однако, ясно, что, не будучи допущены к нему, они тотчас же отправятся в Карфаген. Поэтому Ганнибал отправил к вожакам баркидов гонцов с письмами, в которых приглашал их подготовить друзей к предстоящим событиям, чтобы противники не имели возможности сделать какие бы то ни было уступки Риму.

10. По этой причине и вторая часть миссии римских послов оказалась столь же тщетной и безуспешной; вся разница состояла в том, что их все-таки приняли и выслушали. Один только Ганнон выступил защитником договора, имея против себя весь сенат; благодаря уважению, которым он пользовался, его речь была вы-

слушана в глубоком молчании. Взывая к богам, посредникам и свидетелям договоров, он заклинал сенат не возбуждать, вместе с сагунтийской войной, войны с Римом. «Я заранее предостерегал вас,— сказал он,— не посылать к войску отродья Гамилькара. Дух этого человека не находит покоя в могиле, и его беспокойство сообщается сыну; не прекратятся покушения против договоров с римлянами, пока будет в живых хоть один наследник крови и имени Барки. Но вы отправили к войскам юношу, пылающего страстным желанием завладеть царской властью и видящего только одно средство к тому — разжигать одну войну за другой, чтобы постоянно окружать себя оружием и легионами. Вы дали пищу пламени, вы своей рукой запалили тот пожар, в котором вам суждено погибнуть. Теперь ваши войска, вопреки договору, осаждают Сагунт; вскоре Карфаген будет осажден римскими легионами под предводительством тех самых богов, которые и в прошлую войну дали им наказать нарушителей договора. Неужели вы не знаете врага, не знаете самих себя, не знаете счастья обоих народов? Ваш бесподобный главнокомандующий не пустил в свой лагерь послов, которые от имени наших союзников пришли заступиться за наших же союзников; право народов для него, как видно, не существует. Они же, будучи изгнаны из того места, куда принято допускать даже послов врага, пришли к нам; опираясь на договор, они требуют удовлетворения. Они требуют выдачи одного только виновника, не возлагая ответственности за преступление на все наше государство. Но чем мягче и сдержаннее они начинают, тем настойчивее, боюсь я, и строже будут действовать, начавши. Подумайте об Эгатских островах и об Эрике, подумайте о том, что вы претерпели на суше и на море в продолжение двадцати четырех лет! А вождем ведь был тогда не ваш молодчик, а его отец, сам Гамилькар, второй Марс, как эти люди его называют. Но мы поплатились за то, что вопреки договору покусились на Тарент, на италийский Тарент, точно так же как теперь мы покушаемся на Сагунт. Боги победили людей; вопрос о том, который народ нарушил договор,— вопрос, о котором мы много спорили,— был решен исходом войны, справедливым судьею: он дал победу тем, за кем было право. К Карфагену придвигает Ганнибал

теперь свои осадные навесы и башни, стены Карфагена разбивает таранами; развалины Сагунта — да будут лживы мои прорицания! — обрушатся на нас. Войну, начатую с Сагунтом, придется вести с Римом. Итак, спросят меня, нам следует выдать Ганнибала? Я знаю, что в отношении к нему мои слова не очень вески, вследствие моей вражды с его отцом. Но ведь и смерти Гамилькара я радовался потому, что, останься он жив, мы уже теперь воевали бы с римлянами; точно так же я и этого юношу потому ненавижу столь страстно, что он, подобно фурии, разжег эту войну. По моему мнению, его не только следует выдать как очистительную жертву за нарушение договора, но даже если бы никто не требовал, и тогда его следовало бы увезти куда-нибудь за крайние пределы земель и морей, заточить в таком месте, откуда бы ни имя его, ни весть о нем не могли дойти до нас, где бы он не имел никакой возможности тревожить наш мирный город. Итак, вот мое мнение: следует тотчас же отправить посольство в Рим, чтобы выразить римскому сенату наши извинения; другое посольство должно приказать Ганнибалу отвести войско от Сагунта и затем, в удовлетворение договору, выдать его самого римлянам; наконец, я требую, чтобы третье посольство было отправлено в Сагунт для возмещения убытков жителям».

11. Когда Ганнон кончил, никто не счел нужным ему отвечать: до такой степени весь сенат, за немногими исключениями, был предан Ганнибалу. Замечали только, что он говорил с еще большим раздражением, чем римский посол Валерий Флакк. Затем римлянам дали такого рода ответ: войну начали сагунтийцы, а не Ганнибал, и Рим поступил бы несправедливо, жертвуя ради Сагунта своим старинным союзником — Карфагеном.

Пока римляне тратили время на отправление посольств, Ганнибал дал своим воинам, измученным и битвами и осадными работами, несколько дней отдыха, расставив караулы для охраны навесов и других сооружений; тем временем он возбуждал в воинах то гнев против врагов, то надежду на награды, и этим воспламенял их отвагу. Когда же он в обращении к войску объявил, что по взятии города добыча достанется солдатам, все они до такой степени воспылали рвением, что, если бы сигнал к наступлению был дан

тотчас же, никакая сила, казалось, не могла бы им противостоять. Что же касается сагунтийцев, то и они приостановили военные действия, не подвергаясь нападениям и не нападая сами в продолжение нескольких дней; зато они не предавались отдыху ни днем, ни ночью, пока не возвели новой стены с той стороны, где разрушенные укрепления открыли врагу доступ в город. Вслед за тем им пришлось выдержать новый приступ, много ожесточеннее прежнего. Они не могли даже знать, куда им прежде всего обратиться, куда направить свои главные силы: отовсюду неслись разноголосые крики. Сам Ганнибал руководил нападением с той стороны, где везли передвижную башню, превосходившую вышиной все укрепления города. Когда она была подвезена и под действием катапульт и баллист, расположенных по всем ее ярусам, стена опустела, тогда Ганнибал, считая время удобным, послал приблизительно пятьсот африканцев с топорами разбивать нижнюю часть стены. Это не представляло особой трудности, так как камни не были прочно скреплены известью, а просто швы залеплены были глиной, как в старинных постройках. Вследствие этого стена рушилась на гораздо большем пространстве, чем то, на котором она непосредственно подвергалась ударам, и через образовавшиеся проломы отряды вооруженных вступали в город. Им удалось даже завладеть одним возвышением; снесши туда катапульты и баллисты, они окружили его стеной, чтобы иметь в самом городе укрепленную стоянку, наподобие грозной твердыни.

И сагунтийцы, в свою очередь, соорудили внутреннюю стену для защиты той части города, которая не была еще взята. Обе стороны одновременно и сражаются, и работают; но, будучи принуждены отодвигать защищаемую черту все более и более внутрь города, сагунтийцы сами с каждым днем делали его меньше и меньше. В то же время недостаток во всем необходимом становился, вследствие продолжительности осады, все ощутительнее, а надежда на помощь извне слабела; римляне, единственный народ, на который они уповали, были далеко, а вся земля кругом была во власти врага. Все же некоторым облегчением в их удрученном положении был внезапный поход Ганнибала на оретанов и карпетанов. Эти два народа, возму-

щенные строгостью производимого среди них набора, захватили Ганнибаловых вербовщиков и были, по-видимому, не прочь отпасть; но, пораженные быстрым нашествием Ганнибала, они отказались от своих намерений.

12. А осада Сагунта велась тем временем ничуть не медленнее, так как Магарбал, сын Гимилькона, которого Ганнибал оставил начальником, действовал с такой энергией, что ни свои, ни враги не замечали отсутствия главнокомандующего. Он дал врагу несколько успешных сражений и с помощью трех таранов разрушил часть стены; когда Ганнибал вернулся, он мог показать ему свежие развалины на протяжении всей новой черты. Тотчас же Ганнибал повел войско против самой крепости; произошло ожесточенное сражение, в котором пало много людей с обеих сторон, но часть крепости была все-таки взята.

Тогда два человека, сагунтиец Алкон и испанец Алорк, сделали попытку примирить враждующие стороны — правда, без особой надежды на успех. Алкон, без ведома сагунтийцев, вообразив, что его просьбы сколько-нибудь помогут делу, ночью перешел к Ганнибалу; но, видя, что слезы никакого впечатления не производят, что Ганнибал, как и следовало ожидать от победителя, ставит ужасные условия, он, из посредника превратившись в перебежчика, остался у врага; по его мнению, тот, кто осмелился бы предлагать сагунтийцам мир на таких условиях, был бы убит ими. Требования же состояли в следующем: сагунтийцы должны были дать турдетанам полное удовлетворение, передать все золото и серебро врагу и, взяв с собою лишь по одной одежде на человека, покинуть город, чтобы поселиться там, где прикажет пуниец. Но между тем как Алкон утверждал, что сагунтийцы никогда не примут этих условий, Алорк заявил, что душа человека покоряется там, где все средства к сопротивлению истощены, и взялся быть истолкователем условий предлагаемого мира: он служил тогда в войске Ганнибала, но считался, согласно постановлению сагунтийцев, соединенным с ними союзом дружбы и гостеприимства. И вот он открыто передает свое оружие неприятельскому караулу и проходит за их укрепления; по его собственному желанию, его ведут к начальнику Сагунта. Тотчас же сбежалось к нему множество лю-

дей всех сословий, но начальник, удалив толпу посторонних, ввел Алорка в сенат. Там он произнес такую речь.

13. «Если бы ваш согражданин Алкон, отправившийся к Ганнибалу просить его о мире, исполнил свой долг и принес вам условия, которые ставит Ганнибал, то я счел бы излишним приходить к вам — не то послом Ганнибала, не то перебежчиком. Но так как он, по вашей ли, или по своей вине, остался у врагов — по своей, если его боязнь была притворной, по вашей, если у вас действительно подвергается опасности тот, кто говорит вам правду,— то я, в силу старинного союза гостеприимства с вами, решился отправиться к вам, чтобы вы знали, что есть еще возможность для вас — на известных условиях — спасти себя и заключить мир. А что все мои слова подсказаны мне исключительно заботою о вас, а не какими бы то ни было посторонними расчетами,— доказательством да будет уже одно то, что я никогда не обращался к вам с предложениями о мире, пока вы или могли сопротивляться собственными силами, или надеялись на помощь со стороны римлян. Теперь же, когда надежда на римлян оказалась тщетной, а ваше оружие и ваши стены уже не служат вам защитой, я явился к вам с условиями мира, невыгодного, но необходимого. Но этот мир возможен только в том случае, если вы согласны выслушать его условия в сознании, что вы побеждены и что Ганнибал ставит их как победитель, если вы, памятуя, что победителю принадлежит все, согласны считать подарком то, что он оставляет вам, а не потерей то, что он у вас отнимает. Итак, он отнимает у вас город, который и без того уже в его власти, будучи в значительной части разрушен и почти весь взят им; зато он оставляет вам землю, предоставляя себе указать вам место для основания нового города. Сверх того он требует, чтобы вы передали ему все золото и серебро, находящееся как в общественной казне, так и у частных лиц; зато он обеспечивает вам жизнь, честь и свободу, как вашу собственную, так и ваших жен и детей,— если вы согласны оставить Сагунт без оружия, взяв по две одежды на человека. Таков приказ победоносного врага, таков же и совет — совет тяжкий и грустный — вашей судьбы. Я, со своей стороны, не теряю надежды, что Ганнибал, видя вашу покорность, несколько умерит

свои требования; но и теперь я полагаю, что лучше подчиниться им, чем допустить, чтобы враг по праву войны убивал вас или же перед вашими глазами поволок в рабство ваших жен и детей».

14. Между тем толпа, желая слушать речь Алорка, мало-помалу окружила здание, и сенат с народом составлял уже одно сборище. Вдруг первые в городе лица, прежде чем Алорку мог быть дан ответ, отделились от сената, начали сносить на площадь все золото и серебро, как общественное, так и свое собственное, и, поспешно разведши огонь, бросили его туда, причем многие из них сами бросались в тот же огонь. Но вот в то время, когда страх и смятение, распространившиеся вследствие этого отчаянного поступка по городу, еще не улеглись,— раздался новый шум со стороны крепости: после долгих усилий врагов обрушилась, наконец, башня, и когорта пунийцев, ворвавшаяся через образовавшийся пролом, дала знать полководцу, что город врагов покинут обычными караульными и часовыми. Тогда Ганнибал, решившись немедленно воспользоваться этим обстоятельством, со всем своим войском напал на город. В одно мгновение Сагунт был взят; Ганнибал распорядился предавать смерти всех взрослых подряд. Приказ этот был жесток, но исход дела как бы оправдал его. Действительно, возможно ли было пощадить хоть одного из этих людей, которые, частью запершись вместе со своими женами и детьми, сами подожгли дома, в которых находились, частью же бросались с оружием в руках на врага и дрались с ним до последнего дыхания.

15. Город был взят с несметной добычей. Многое, правда, было испорчено нарочно самими владельцами; правда и то, что ожесточенные воины резали всех, редко различая взрослых и малолетних, и что пленники были добычею самих воинов. Все же не подлежит сомнению, что при продаже ценных вещей выручили значительную сумму денег и что много дорогой утвари и тканей было послано в Карфаген.

По свидетельству некоторых, Сагунт пал через восемь месяцев, считая с начала осады, затем Ганнибал удалился на зимние квартиры в Новый Карфаген, а затем, через пять месяцев после своего выступления из Карфагена, прибыл в Италию. Если это так, то Публий Корнелий и Тиберий Семпроний не могли быть

теми консулами, к которым в начале осады были отправлены сагунтские послы, и одновременно теми, которые сразились с Ганнибалом, один на реке Тицине, а оба, несколько времени спустя, на Требии. Или все эти промежутки были значительно короче, или же на первые месяцы консульства Публия Корнелия и Тиберия Семпрония приходилось не начало осады, а взятие Сагунта; допустить же, что сражение на Требии произошло в год Гнея Сервилия и Гая Фламиния, невозможно, так как Гай Фламиний вступил в консульскую должность в Аримине, будучи избран под председательством консула Тиберия Семпрония, который явился в Рим ради консульских выборов уже после сражения на Требии, а затем, когда комиции состоялись, отправился обратно к войску на зимние квартиры.

16. Почти одновременно с возвращением из Карфагена послов, которые доложили о преобладающем всюду враждебном настроении, было получено известие о разгроме Сагунта. Тогда сенаторами овладела такая жалость о недостойно погибших союзниках, такой стыд за отсрочку помощи, такой гнев против карфагенян и вместе с тем — как будто враг стоял уже у ворот города — такой страх за благосостояние собственного отечества, что они, под ошеломляющим напором стольких одновременных чувств, могли только предаваться тревожным думам, а не рассуждать. «Никогда еще,— твердили они,— не приходилось Риму сражаться с более деятельным и воинственным противником, и никогда еще римляне не вели себя столь вяло и столь трусливо. Все эти войны с сардами да корсами, истрами да иллирийцами только раздражали воинов, нисколько не упражняя их в военном деле; да и война с галлами была скорее цепью беспорядочных свалок, чем войною. Пуниец, напротив,— закаленный в бою неприятель, в продолжение своей двадцатитрехлетней суровой службы среди испанских народов ни разу не побежденный, привыкший к своему грозному вождю. Он только что разгромил богатейший город; он уже переправляется через Гибер и влечет за собою столько испанских народов, поднятых им со своего места; вскоре он призовет к оружию и всегда мятежные галльские племена, и нам придется вести войну с войсками всей вселенной, вести ее в Италии и — кто знает? — не перед стенами ли Рима!»

17. Провинции были назначены консулам уже заранее; теперь им предложили бросить жребий о них; Корнелию досталась Испания, Семпронию Африка с Сицилией. Определено было набрать в этом году шесть легионов, причем численность союзнических отрядов была предоставлена усмотрению самих консулов, и спустить в море столько кораблей, сколько окажется возможным; всего же было набрано 24 000 римских пехотинцев, 1800 римских всадников, 40 000 союзнических пехотинцев и 4400 союзнических всадников; кораблей же было спущено 220 пентер и 20 вестовых; затем было внесено в народное собрание предложение: «Благоволите, квириты, объявить войну карфагенскому народу»,— и по случаю предстоящей войны было провозглашено молебствие по всему городу; граждане просили богов дать хороший и счастливый исход предпринятой римским народом войне. Войска были разделены между консулами следующим образом: Семпронию дали два легиона по 4000 человек пехоты и 300 всадников, и к ним 16 000 пехотинцев и 1800 всадников из союзников, да 160 военных судов с 12 вестовыми кораблями. С такими-то сухопутными и морскими силами Тиберий Семпроний был послан в Сицилию, с тем чтобы в случае, если другой консул сумеет сам удержать пунийцев вне пределов Италии, перенести войну в Африку. Корнелию дали меньше войска ввиду того, что претор Луций Манлий с значительной силой был послан по тому же направлению, в Галлию; в особенности флотом Корнелий был слабее. Всего ему дали 60 пентер — в уверенности, что враг придет не морем и уже ни в каком случае не затеет войны на море,— и два римских легиона с установленным числом конницы и 14 000 союзнических пехотинцев при 1600 всадниках. Провинция Галлия получила два римских легиона с 10 000 союзнической пехоты и к ним 1000 союзнических и 60 римских всадников, с тем же назначением — сражаться с пунийцами.

18. Когда все было готово, римляне — чтобы исполнить все обычаи прежде, чем начать войну,— отправляют в Африку послов в почтенных летах: Квинта Фабия, Марка Ливия, Луция Эмилия, Гая Лициния и Квинта Бебия. Им было поручено спросить карфагенян, государством ли дано Ганнибалу полномочие осадить Са-

гунт, и в случае если бы они (как и следовало ожидать) ответили утвердительно и стали оправдывать поступок Ганнибала, как совершенный по государственному полномочию, объявить карфагенскому народу войну. Когда римские послы прибыли в Карфаген и были введены в сенат, Квинт Фабий, согласно поручению, сделал свой запрос, ничего к нему не прибавляя. В ответ один карфагенянин произнес следующую речь:

«Опрометчиво, римляне, и оскорбительно поступили вы, отправляя к нам свое первое посольство, которому вы поручили требовать от нас выдачи Ганнибала, как человека, на собственный страх осаждающего Сагунт; впрочем, требование вашего нынешнего посольства только на словах мягче прежнего, на деле же оно еще круче. Тогда вы одного только Ганнибала обвиняли и требовали выдать только его одного; теперь вы явились, чтобы всех нас заставить признаться в вине и чтобы тотчас же наложить на нас пеню, как на уличенных собственным признанием. Я же позволю себе думать, что не в том суть, осаждал ли Ганнибал Сагунт по государственному полномочию или на свой страх, а в том, имел ли он на это право или нет. Расследовать, что сделал наш согражданин по нашему, и что — по собственному усмотрению, и наказывать его за это — дело исключительно наше; переговоры же с вами могут касаться только одного пункта: было данное действие разрешено договором или нет. А если так, то я — предварительно напомнив вам, что вы сами пожелали отличать самовольные действия полководцев от тех, на которые их уполномочило государство,— укажу вам на наш договор с вами, заключенный вашим консулом Гаем Лутацием; в нем ограждены права союзников того и другого народа, но права сагунтийцев не оговорены ни словом, что и понятно: они тогда еще не были вашими союзниками. «Но, скажете вы, в том договоре, который мы заключили с Газдрубалом, есть оговорка о сагунтийцах». Против этого я возражу лишь то, чему выучился от вас. Когда ваш консул Гай Лутаций заключил с нами первый договор, вы объявили его недействительным, ввиду того что он был заключен без утверждения сенаторов и без разрешения народа; пришлось заключить новый договор на основании данных Гаю Лутацию государством полно-

мочий. Но если вас связывают только те ваши договоры, которые заключены с вашего утверждения и разрешения, то и мы не можем считать обязательным для себя договор, который заключен с Газдрубалом без нашего ведома. Перестаньте поэтому ссылаться на Сагунт и на Гибер, дайте, наконец, вашей душе разрешиться от бремени, с которым она так давно уже ходит». Тогда римлянин, подобрав переднюю полу тоги так, что образовалось углубление, сказал: «Вот здесь я приношу вам войну и мир; выбирайте любое!» На эти слова он получил не менее гордый ответ: «Выбирай сам!» А когда он, распустив тогу, воскликнул: «Я даю вам войну»,— присутствующие единодушно ответили, что они принимают войну и будут вести ее с такою же решимостью, с какой приняли.

19. Повести дело напрямик и объявить войну немедленно показалось послу более соответствующим достоинству римского народа, чем спорить насчет обязательности договоров, тем более теперь, когда Сагунта уже не стало. Опасаться этого спора он не имел причин: правда, если бы дело решалось словесным спором, возможно ли было сравнивать договор Газдрубала с первым договором Лутация, тем, который впоследствии был изменен? Ведь в договоре Лутация нарочно было прибавлено, что он будет действительным только в том случае, если его утвердит народ, а в договоре Газдрубала никакой такой оговорки, во-первых, не было, а кроме того, многолетнее молчание Карфагена еще при жизни Газдрубала до того скрепило его действительность, что и после смерти заключившего ни один пункт не подвергся изменению. Но если даже опираться на прежний договор, то и тогда независимость сагунтийцев была достаточно обеспечена оговоркой относительно союзников того и другого народа. Там ведь не было прибавлено ни «тех, которые были таковыми к сроку заключения договора», ни «с тем, чтобы договаривающиеся государства не заключали новых союзов», а при естественном праве приобретать новых союзников, кто бы мог признать справедливым обязательство никого ни за какие услуги не делать своим другом или же отказывать в своей защите тому, кому она обещана? Главное — это чтобы Рим не побуждал к отложению карфагенских союзников

и не заключал союзов с теми, которые отложились бы по собственному почину.

Согласно полученному в Риме предписанию, послы из Карфагена переправились в Испанию, чтобы посетить отдельные общины и заключить с ними союзы или, по крайней мере, воспрепятствовать их присоединению к пунийцам. Прежде всего они явились к баргузиям; будучи приняты ими благосклонно,— пунийское иго было им ненавистно,— римляне во многих народах по ту сторону Гибера возбудили желание, чтобы пришли для них новые времена. Оттуда они обратились к вольцианам, но ответ этих последних, получивший в Испании широкую огласку, отбил у остальных племен охоту дружиться с римлянами. Когда народ собрался, старейшина ответил послам следующее: «Не совестно ли вам, римляне, требовать от нас, чтобы мы карфагенской дружбе предпочли вашу, после того как сагунтийцы, последовавшие вашему совету, более пострадали от предательства римлян, своих союзников, чем от жестокости пунийца, своего врага? Советую вам искать союзников там, где еще не знают о несчастии Сагунта; для испанских народов развалины Сагунта будут грустным, но внушительным уроком, чтобы никто не полагался на римскую верность и римскую дружбу». После этого послам велено было немедленно удалиться из земли вольцианов, и они уже нигде более не нашли дружелюбного приема в собраниях испанских народов. Совершив, таким образом, понапрасну путешествие по Испании, они перешли в Галлию.

20. Тут им представилось странное и грозное зрелище: по обычаю своего племени, галлы явились в Народное собрание вооруженными. Когда же послы, воздав честь славе и доблести римского народа и величию его могущества, обратились к ним с просьбою, чтобы они не дозволили пунийцу, когда он двинется войной на Италию, проходить через их поля и города, в рядах молодежи поднялся такой ропот и хохот, что властям и старейшинам с трудом удалось водворить спокойствие, до такой степени показалось им глупым и наглым требование, чтобы они, в угоду римлянам, боявшимся, как бы пунийцы не перенесли войну в Италию, приняли удар на себя и вместо чужих полей дали бы разграбить свои. Когда негодование, наконец, улеглось, по-

слам дали такой ответ: «Римляне не оказывали нам никакой услуги, карфагеняне не причиняли никакой обиды; мы не сознаем надобности поэтому подымать оружие за римлян и против пунийцев. Напротив, мы слышали, что римский народ наших единоплеменников изгоняет из их отечественной земли и из пределов Италии или же заставляет их платить дань и терпеть другие оскорбления». Подобного рода речи были произнесены и выслушаны в собраниях остальных галльских народов; вообще послы не услышали ни одного мало-мальски дружественного и миролюбивого слова раньше, чем прибыли в Массилию. Здесь они убедились, что союзники все разведали усердно и честно: «Ганнибал, говорили они, заблаговременно настроил галлов против римлян; но он ошибается, полагая, что сам встретит среди этого дикого и неукротимого народа более ласковый прием, если только он не задобрит вождей, одного за другим, золотом, до которого эти люди, действительно, большие охотники». Побывав, таким образом, у народов Испании и Галлии, послы вернулись в Рим через несколько времени после отбытия консулов в провинции. Они застали весь город в волнении по случаю ожидаемой войны; молва, что пунийцы уже перешли Гибер, держалась довольно упорно.

21. Между тем Ганнибал по взятии Сагунта удалился на зимние квартиры в Новый Карфаген. Узнав там о прениях в Риме и Карфагене и о постановлениях сенатов обоих народов и убедившись, что он не только оставлен полководцем, но и сделался причиною войны, он отчасти разделил, отчасти распродал остатки добычи и затем, решившись не откладывать более войны, созвал своих воинов испанского происхождения. «Вы и сами, полагаю я, видите, союзники,— сказал он им,— что теперь, когда все народы Испании вкушают блага мира, нам остается или прекратить военную службу и распустить войска, или же перенести войну в другие земли; лишь тогда все эти племена будут пользоваться плодами не только мира, но и победы, если мы будем искать добычи и славы среди других народностей. А если так, то ввиду предстоящей вам службы в далекой стране, причем даже неизвестно, когда вы увидите вновь свои дома и все то, что в них есть дорогого вашему сердцу, я даю отпуск всем тем из вас, которые пожелают навестить свою семью.

Приказываю вам вернуться к началу весны, чтобы с благосклонною помощью богов начать войну, сулящую нам несметную добычу и славу». Почти все обрадовались позволению побывать на родине, которое полководец давал им по собственному почину: они и теперь уже скучали по своим и предвидели в будущем еще более долгую разлуку. Отдых, которым они наслаждались в продолжение всей зимы после тех трудов, которые они перенесли, и перед теми, которые им вскоре предстояло перенести, возвратил им силы тела и бодрость духа и готовность сызнова испытать все невзгоды. К началу весны они, согласно приказу, собрались вновь.

Сделав смотр всем вспомогательным войскам, Ганнибал отправился в Гадес, где он исполнил данные Геркулесу обеты и дал новые — на случай благоприятного исхода своих дальнейших предприятий. Затем, заботясь одинаково и о наступательной и об оборонительной войне и не желая, чтобы во время его сухопутного похода через Испанию и обе Галлии в Италию Африка оставалась беззащитной и открытой для римского нападения с острова Сицилии, он решил обеспечить ее сильными сторожевыми отрядами. Взамен их он потребовал, чтобы ему выслали из Африки пополнение, состоявшее главным образом из легковооруженных метателей. Его мыслью было — заставить африканцев служить в Испании, а испанцев в Африке, с тем чтобы и те и другие, находясь вдали от своей родины, сделались лучшими воинами и обе страны более привязались одна к другой, как бы обменявшись заложниками. Он послал в Африку 13 850 пеших пельтастов, 870 балеарских пращников и 1200 всадников разных народностей, требуя, чтобы эти силы частью служили гарнизоном Карфагену, частью же были разделены по Африке. Вместе с тем он разослал вербовщиков по разным городам, велев набрать 4000 отборных молодых воинов и привести их в Карфаген в качестве и защитников, и заложников одновременно.

22. Но и Испанию он не оставил своими заботами, тем более что знал о поездке римских послов, предпринятой с целью возмутить против него вождей; ее он назначил провинцией своему брату, ревностному Газдрубалу, дав ему войско главным образом из африканцев. Оно состояло из 11 850 африканских пехотинцев, 300

лигурийцев и 500 балеарцев; к этой пешей охране было прибавлено 450 конных ливифиникийцев (это был народ, происшедший из смешения пунийцев с африканцами), до 1800 нумидийцев и мавританцев (живших на берегу Океана), небольшой отряд испанских илергетов, всего 300 всадников, и — чтобы не упустить ни одного средства сухопутной защиты — 21 слон. Сверх того, он дал ему для защиты побережья флот — полагая, вероятно, что римляне и теперь пустят в ход ту часть своих военных сил, которая уже раз доставила им победу,— всего 50 пентер, 2 тетреры и 5 триер; из них, впрочем, только 32 пентеры и 5 триер были готовы к плаванию и снабжены гребцами.

Из Гадеса он вернулся в Новый Карфаген, где зимовало войско; отсюда он повел войско мимо Онуссы и затем вдоль берега к реке Гиберу. Здесь, говорят, ему привиделся во сне юноша божественной наружности; сказав, что он посланный ему Юпитером проводник в Италию, он велел Ганнибалу идти за ним без оглядки. Объятый ужасом, Ганнибал повиновался и вначале не глядел ни назад, ни по сторонам; но мало-помалу, по врожденному человеку любопытству, его стала тревожить мысль, что бы это могло быть такое, на что ему запрещено оглянуться; под конец он не выдержал. Тогда он увидел змея чудовищной величины, который полз за ним, сокрушая на огромном пространстве деревья и кустарники, а за змеем двигалась туча, оглашавшая воздух раскатами грома. На его вопрос, что значит это чудовище и все это явление, он получил ответ, что это — опустошение Италии; вместе с тем ему было сказано, чтобы он шел дальше, не задавая вопросов и не пытаясь сорвать завесу с решений рока.

23. Обрадованный этим видением, Ганнибал тремя колоннами перевел свои силы через Гибер, отправив предварительно послов к галлам, жителям той местности, через которую ему предстояло вести войско, чтобы расположить их в свою пользу и разузнать об альпийских перевалах. Всего он переправил через Гибер 90 000 пехотинцев и 18 000 всадников. Идя далее, он принял в подданство илергетов, баргузиев, авзетанов и жителей Лацетании, лежащей у подножия Пиренеев, и начальником всего этого побережья сделал Ганнона; чтобы иметь в своей власти проходы между Ис-

панией и Галлией, Ганнибал дал ему для охраны этой местности 1000 пехотинцев и 1000 всадников. Когда переход войска через Пиренейские горы уже начался, под влиянием распространившейся среди варваров более точной молвы о том, что им предстоит война с Римом, 3000 пехотинцев из карпетанов оставили знамена Ганнибала; все знали, что их смущала не столько война, сколько далекий путь и превышающий, по их мнению, человеческие силы переход через Альпы. Возвращать их уговорами или силой было небезопасно: могли взволноваться и остальные воины, и без того строптивые. Поэтому, делая вид, что и карпетаны отпущены им добровольно, Ганнибал отпустил домой еще свыше 7000 человек, которые, как ему было известно, тяготились службой.

24. А затем он, не желая, чтобы под влиянием проволочки и бездействия умы его воинов пришли в брожение, быстро переходит с остальными своими силами Пиренеи и располагается лагерем близ города Илибеорриса. Что же касается галлов, то, хотя им и говорили, что война задумана против Италии, они все-таки всполошились, слыша, что народы по ту сторону Пиренеев покорены силой и их города заняты значительными караульными отрядами, и в страхе за собственную свободу взялись за оружие; несколько племен сошлись в Русцинон. Когда об этом известили Ганнибала, он, опасаясь траты времени еще более, чем войны, отправил к их царькам послов сказать им следующее: «Полководец желал бы переговорить с вами лично и поэтому просит вас либо придвинуться ближе к Илибеоррису, либо дозволить ему приблизиться к Русцинону; свидание состоится легче, когда расстояние между обеими стоянками будет поменьше. Он с радостью примет вас в своем лагере, но и не задумается сам отправиться к вам. В Галлию пришел он гостем, а не врагом, и поэтому, если только ему дозволят это сами галлы, намерен обнажить меч не раньше, чем достигнет Италии». Таковы были слова, переданные его послами; когда же галльские царьки с полной готовностью двинулись тотчас же к Илибеоррису и явились в лагерь пунийца, он окончательно задобрил их подарками и добился того, что они вполне миролюбиво пропустили войско через свои земли мимо города Русцинона.

25. Едва массилийские послы успели принести в Италию одно известие, что Ганнибал перешел Гибер, как вдруг, словно бы он перешел уже и Альпы, возмутились бойи, подговорив к восстанию и инсубров. Они сделали это не столько по старинной ненависти против римского народа, сколько негодуя по поводу недавнего основания на галльской земле колоний Плацентии и Кремоны по обе стороны реки Пада. Итак, они, взявшись внезапно за оружие, произвели нападение именно на те земли, которые были отведены под эти колонии, и распространили такой ужас и такое смятение, что не только толпа переселенцев, но и римские триумвиры, явившиеся для раздела земли, бежали в Мутину, не считая стены Плацентии достаточно надежным оплотом. Это были Гай Лутаций, Гай Сервилий и Марк Анний. (Относительно имени Лутация не существует никаких разногласий, но вместо Анния и Сервилия в некоторых летописях названы Маний Ацилий и Гай Геренний, в других — Публий Корнелий Азина и Гай Папирий Мазон. Неизвестно также, были ли они оскорблены в качестве послов, отправленных к бойям требовать удовлетворения, или же подверглись нападению в то время, когда, в качестве триумвиров, занимались размежеванием земли.) В Мутине их осадили, но так как бойям, по совершенной неопытности в осадных работах и по лености, мешавшей им заниматься делом, пришлось сидеть сложа руки, не трогая стен, то они стали притворяться, будто желают завести переговоры о мире. Приглашенные галльскими вождями на свидание послы вдруг были схвачены — вопреки не только общему праву народов, но и особому обещанию, данному по этому случаю; галлы заявили, что отдадут послов лишь тогда, когда им будут возвращены их заложники.

Узнав о случившемся с послами, претор Л. Манлий воспылал гневом и — ввиду опасности, которая угрожала Мутине и ее гарнизону,— торопливо повел свое войско к этому городу. Тогда дорога вела еще по местности почти невозделанной, с обеих сторон ее окаймляли леса. Отправившись по этой дороге и не произведя разведки, Манлий попал в засаду и с трудом выбрался в открытое поле, потеряв убитыми многих из своих воинов. Там он расположился лагерем, а так как галлы отчаялись в возможности напасть на него, то во-

ины ободрились, хотя для них не было тайной, что погибло до 600 их товарищей. Затем они снова двинулись в путь; пока войско шло открытым полем, враг не показывался; но лишь только они снова углубились в лес, галлы бросились на их задние отряды и среди всеобщего страха и смятения убили 700 воинов и завладели шестью знаменами. Конец нападениям галлов и страху римлян наступил лишь тогда, когда войско миновало непроходимые дебри; идя дальше по открытой местности, они защищались без особого труда и достигли таким образом Таннета, местечка, лежащего недалеко от реки Пада. Там они, воздвигнув временное укрепление, оборонялись против растущего с каждым днем числа галлов, благодаря припасам, которые подвозились им по реке, и содействию галльского племени бриксианов.

26. Когда весть об этом внезапном возмущении проникла в Рим и сенат узнал, что сверх Пунической войны придется еще вести войну с галлами, он велел претору Гаю Атилию идти на помощь Манлию с одним римским легионом и 5000 союзников из вновь набранных консулами; Атилий достиг Таннета, не встретя сопротивления,— враги заранее из страха удалились.

Публий же Корнелий, набрав новый легион взамен того, который был отослан с претором, оставил Рим и на 68 кораблях отправился мимо этрусского берега, лигурийского и затем салувийского горного хребта в Массилию. Затем он расположился лагерем у ближайшего устья Родана (река эта изливается в море несколькими рукавами), не будучи еще вполне убежден, что Ганнибал перешел Пиренеи. Узнавши, однако, что тот готовится уже переправиться через Родан, не зная, куда выйти к нему навстречу, и видя, что воины еще не оправились от морской качки, он выслал пока вперед отборный отряд в 300 всадников, дав ему массилийских проводников и галльских конников из вспомогательного войска; он поручил этим всадникам разузнать обо всем и с безопасного места наблюдать за врагом.

Ганнибал, действуя на одних страхом, а на других подарками, заставил все племена соблюдать спокойствие и вступил в пределы могущественного племени вольков. Они живут, собственно, по обеим сторонам Родана; но, отчаиваясь в возможности преградить пу-

нийцу доступ к землям по ту сторону Родана, они решили использовать реку как укрепление: почти все перебрались они через Родан и грозною толпой занимали его левый берег. Остальных же приречных жителей, а также и тех из вольков, которых привязанность к своим полям удержала на правой стороне, Ганнибал подарками склонил собрать все суда, какие только можно было найти, и построить новые; да и сами они желали, чтобы войско поскорее переправилось и их родина избавилась от разорительного присутствия такого множества людей. Они собрали поэтому несметное число кораблей и лодок, сделанных на скорую руку и приспособленных только для плавания по соседству; галлы, подавая пример, принялись долбить и новые челноки из цельных стволов, а глядя на них, и воины, соблазненные изобилием леса и легкостью работы, торопливо сооружали какие-то безобразные корыта, чтобы перевезти себя самих и свои вещи, заботясь лишь о том, чтобы эти их изделия держались на воде и могли вмещать тяжести.

27. И вот уже все было готово для переправы, а враги все еще шумели на том берегу, занимая его на всем протяжении своею конницей и пехотой. Чтобы заставить их удалиться, Ганнибал велел Ганнону, сыну Бомилькара, в первую ночную стражу выступить с частью войска, преимущественно из испанцев, идти вверх по реке на расстояние одного дня пути, затем — на первом удобном месте — как можно незаметнее переправиться и вести отряд в обход, чтобы, когда будет нужно, напасть на неприятеля с тылу. Галлы, которых Ганнибал дал ему с этой целью в проводники, сказали, что на расстоянии приблизительно 25 миль от стоянки карфагенян река разделяется на два рукава, образуя небольшой остров, так что то самое место, где она разделяется, вследствие большой ширины и меньшей глубины русла наиболее удобно для переправы. Там-то Ганнон и велел поспешно рубить деревья и изготовлять плоты, чтобы перевезти на них людей, лошадей и грузы. Испанцы, впрочем, без всякого труда переплыли реку, бросив одежду и меха, прикрыв их своими небольшими щитами и ложась сами грудью на щиты; остальное же войско пришлось перевезти на плотах. Разбив лагерь недалеко от реки, воины, уставшие от ночного похода и от работ по пе-

реправе, отдыхали в продолжение одного дня, причем начальник зорко следил за всем, что могло способствовать успешному исполнению его поручения. На следующий день они пошли дальше и дымом костров, разведенных на верхушке холма, дали знать Ганнибалу, что они перешли реку и находятся недалеко. Тогда Ганнибал, чтобы не упустить удобного случая, дал сигнал к переправе. Все уже было приготовлено заранее, для пехоты — лодки, корабли — для конницы, которая нуждалась в них для переправы одних только коней. Суда переправлялись выше по течению, чтобы разбить напор волн; благодаря этому плывущие ниже лодки были в безопасности. Лошади большею частью переправлялись вплавь, будучи привязаны ремнями к корме кораблей; исключение составляли те, которых нарочно погрузили на суда оседланными и взнузданными, чтобы они могли служить всадникам тотчас после высадки.

28. Галлы между тем толпами высыпали на берег, по своему обычаю — с разноголосым воем и пением, потрясая над головой щитами и размахивая дротиками; все же они испытывали некоторый страх, видя перед собою такое множество кораблей, приближающихся при грозном шуме волн, резком крике гребцов и воинов — тех, что боролись с течением реки, и тех, что с другого берега ободряли плывущих товарищей. Но пока неприятели не без робости глядели на подплывающую к ним с диким гулом толпу, вдруг раздался с тылу оглушительный крик: лагерь был взят Ганноном. Еще мгновение — и он сам ударил на них, и вот они были окружены ужасом с обеих сторон: здесь полчища вооруженных людей с кораблей высаживались на берег, там теснило галлов войско, появления которого они и ожидать не могли. Сначала галлы пытались оказывать сопротивление и здесь и там, но были отброшены и, завидев более или менее открытый путь, прорвались и, объятые ужасом, разбежались, как попало, по своим деревням. Тогда Ганнибал спокойно перевез остальные свои силы и расположился лагерем, не обращая более внимания на галльские буйства.

Относительно переправы слонов, полагаю я, предлагались различные планы, по крайней мере, источники на этот счет не согласны. По иным, слоны предварительно все были собраны на берегу; затем самый

сердитый из них, будучи приведен в ярость своим провожатым, бросился за ним; провожатый бежал в воду, слон последовал за ним туда и своим примером увлек все стадо; если же животные попадали в глубокие места и теряли брод, то самое течение реки относило их к другому берегу. По более достоверным известиям, они были перевезены на плотах; действительно, такая мера, если бы пришлось затевать дело теперь, показалась бы более безопасной, а потому и в данном случае, когда идет речь о делах прошлого, она внушает больше доверия. Плот, длиною в 200 футов, а шириною в 50, был укреплен на берегу так, чтобы он вдавался в реку; а чтобы его не унесло течением вниз, его привязали крепкими канатами к высокой части берега. Затем его, наподобие моста, покрыли землею, чтобы животные смело взошли на него, как на твердую почву. К этому плоту привязали другой, одинаковой с первым ширины, а длиною в 100 футов, приспособленный к переправе через реку. Тогда слонов погнали по первому плоту, как по дороге, причем самок пустили вперед; когда же они перешли на прикрепленный к нему меньший плот, тотчас же канаты, которыми он был не особенно прочно соединен с первым, были развязаны, и несколько легковых судов потянули его к другому берегу. Высадив первых, вернулись за другими и перевезли и их. Они шли совершенно бодро, пока их вели как бы по сплошному мосту; но когда один плот был отвязан от другого и их вывезли на середину реки, тут они обнаружили первые признаки беспокойства. Они сплотились в одну кучу, так как крайние отступали от воды как можно дальше, и дело не обошлось без некоторого замешательства; но наконец, под влиянием самого страха, водворилось спокойствие. Некоторые, правда, взбесились и упали в воду; но и они, вследствие своей тяжести, не теряли равновесия и только сбросили провожатых, а затем мало-помалу, отыскав брод, вышли на берег.

29. Во время переправы слонов Ганнибал послал 500 нумидийских всадников по направлению к римскому лагерю разведать, где находится враг, много ли у него войска и что он замышляет. С этим отрядом конницы столкнулись те 300 римских всадников, которые, как я сказал выше, были посланы вверх от устья Родана. Схватились они с гораздо большим ожесточением, чем

можно было ожидать от таких немногочисленных отрядов; не говоря уже о ранах, даже потери убитыми были почти одинаковы с обеих сторон, и только испугу и бегству нумидийцев римляне, находившиеся в крайнем изнеможении, были обязаны победой. Победителей пало до 160, и притом не все римляне, а частью галлы, побежденных — более 200. Таково было начало войны и вместе с тем — знамение ее исхода: оно предвещало, что, хотя вся война и кончится благополучно для римлян, но победа будет стоить им потоков крови и последует только после долгой и чрезвычайно опасной борьбы.

После такого-то исхода дела каждый отряд вернулся к своему полководцу. Сципион не знал, на что решиться, и постановил действовать сообразно с планами и начинаниями врага; но и Ганнибал колебался, продолжать ли ему путь в Италию или сразиться с тем римским войском, которое первое вышло к нему навстречу. Прибытие послов от бойев и их царька Магала заставило его отказаться от мысли дать сражение теперь же. Они предложили ему быть его проводниками и товарищами в опасностях, но убеждали напасть на Италию со свежим еще войском, не тратя сил в других местах. Войско, напротив, хотя и боялось врага,— память о первой войне не успела изгладиться,— но еще более боялось бесконечного похода и, главным образом, Альп; о последних воины знали только понаслышке, и они казались им, как людям несведущим, чем-то ужасным.

30. Ввиду этого настроения войска Ганнибал, решившись поспешно продолжать поход в Италию, созвал воинов на сходку и различными средствами, то стыдя их, то ободряя, старался воздействовать на умы. «Какой странный ужас,— сказал он,— объял внезапно ваши неустрашимые доселе сердца? Не вы ли сплошными победами ознаменовали свою долголетнюю службу и не раньше покинули Испанию, чем подчинили власти Карфагена все народы и земли, которые лежат между обоими морями? Не вы ли, негодуя на римлян за их требование, чтобы все те, кто осаждал Сагунт, были выданы им как преступники, перешли Гибер, чтобы уничтожить самое их имя и вернуть свободу земному кругу? И никому из вас не казался тогда слишком долгим задуманный путь от заката солнца

до его восхода; теперь же, когда большая часть дороги уже за вами, когда вы перешли лесистые ущелья Пиренеев среди занимающих их диких народов, когда вы переправились через широкий Родан, одолев сопротивление стольких тысяч галлов и течение самой реки, когда перед вашими глазами возвышаются Альпы, другой склон которых именуется уже Италией,— теперь вы в изнеможении останавливаетесь у самых ворот неприятельской земли? Да что же такое Альпы, по-вашему, как не высокие горы? Допустим, что они выше Пиренейского хребта; но нет, конечно, такой земли, которая бы упиралась в небо и была бы непроходимой для человеческого рода. Альпы же населены людьми, возделываются ими, рождают животных и доставляют им корм; вот эти самые послы, которых вы видите,— не на крыльях же они поднялись в воздух, чтобы перелететь через Альпы. Доступны они небольшому числу людей — будут доступны и войскам. Предки этих послов были не исконными жителями Италии, а пришельцами; не раз переходили они эти самые Альпы громадными толпами с женами и детьми, как это делают переселенцы, и не подверглись никакой опасности. Неужели же для воина, у которого ничего с собою нет, кроме оружия, могут быть непроходимые и непреодолимые места? Сколько опасностей, сколько труда перенесли вы в продолжение восьми месяцев, чтобы взять Сагунт! Возможно ли, чтобы теперь, когда цель вашего похода — Рим, столица мира, какая бы то ни было местность казалась вам слишком дикой и слишком крутой и заставила вас остановиться? А некогда ведь галлы завладели тем городом, к которому вы, пунийцы, не считаете возможным даже подойти. Выбирайте поэтому одно из двух: или сознайтесь, что вы уступаете отвагой и доблестью тому племени, которое вы столько раз в это последнее время побеждали, или же вдохновитесь решимостью признать поход конченным не раньше, чем когда вы будете стоять на той равнине, что между Тибром и стенами Рима!»

31. Убедившись, что его воины воодушевлены этим обращением, Ганнибал велит им отдохнуть некоторое время, а затем готовиться в путь.

На следующий день он отправился вверх по берегу Родана по направлению к центральной Галлии, не потому, чтобы это был кратчайший путь к Альпам, но по-

лагая, что чем дальше он отойдет от моря, тем труднее будет римлянам преградить ему путь; дать же им битву он желал не раньше, как после прибытия в Италию. После четырех дней пути он достиг Острова: это имя местности, где реки Изара и Родан, берущие начало в разных частях Альп, охватывают известную часть равнины и затем сливаются; полям, лежащим между обеими реками, посредине, и дано имя Острова. Недалеко отсюда живут аллоброги, уже в те времена один из первых галльских народов, как по могуществу, так и по славе. Тогда у них были междоусобицы: два брата спорили из-за царской власти. Старшего брата, по имени Браней, правившего страною до тех пор, пытался свергнуть с престола меньший брат, окружив себя толпою молодежи, которая, хотя и не имела на своей стороне права, но силой превосходила противников. Присутствие Ганнибала пришлось аллоброгам как нельзя более кстати, и они поручили ему решение этого спора. Делавшись, таким образом, третейским судьею по вопросу о царстве, Ганнибал, убедившись, что этого желают старейшины и начальники, вернул власть старшему брату. За эту услугу его снабдили съестными припасами и вообще всем, в чем он нуждался, главным же образом одеждой: печально известные своими морозами Альпы заставляли заботиться о теплой одежде.

Примирив споривших аллоброгов, Ганнибал направился уже к Альпам; он пошел не по прямой дороге, а повернул к востоку, в землю трикастинов; отсюда он вдоль по границе области воконциев двинулся к трикориям, нигде не встречая препятствий до самой Друенции. Она также принадлежит к числу альпийских потоков и из всех галльских рек представляет наиболее затруднений для переправы. Водою она чрезвычайно обильна, а на судах все-таки через нее переправляться нельзя: определенных берегов она не имеет, течет в одно и то же время несколькими руслами, да и их постоянно меняет, порождая все новые броды и новые пучины. По той же причине и пешему идти через нее опасно; вдобавок она катит острые каменья, которые не дают твердой ногой ступить на ее дно. А тогда она разлилась еще шире вследствие дождей; поэтому переход войска сопровождался крайним замешательством, тем более что к остальным при-

чинам присоединилась еще тревога воинов, пугавших друг друга беспричинным криком.

32. Консул Публий Корнелий между тем, приблизительно через три дня после того, как Ганнибал оставил берег Родана, с выстроенным в боевой порядок войском прибыл к неприятельскому лагерю, намереваясь немедленно дать сражение. Когда же он увидел, что укрепления покинуты и что ему нелегко будет нагнать неприятеля, так далеко зашедшего вперед, он вернулся к морю и к своим кораблям, думая, что ему будет и легче, и безопаснее, переправив войско в Италию, выйти Ганнибалу навстречу, когда он будет спускаться с Альп. А чтобы Испания, его провинция, не осталась без римских подкреплений, он послал туда для войны с Газдрубалом своего брата Гнея Сципиона с большею частью войска, поручив ему не только защищать прежних союзников и привлекать на свою сторону новых, но и изгнать Газдрубала из Испании. Сам он с очень незначительными силами отправился в Геную, чтобы защищать Италию с помощью того войска, которое находилось в долине Пада.

Ганнибал же, перешедши Друенцию, отправился вверх по лугам, не встречая никаких препятствий со стороны населявших эту местность галлов, пока не приблизился к Альпам. Здесь, однако, воины, хотя они и были заранее подготовлены молвой, обыкновенно преувеличивающей то, о чем человек не имеет ясного понятия,— все-таки были вторично поражены ужасом, видя вблизи эти громадные горы, эти ледники, почти сливающиеся с небесным сводом, эти безобразные хижины, разбросанные по скалам, эту скотину, которой стужа, казалось, даже расти не давала, этих людей, обросших волосами и одетых в лохмотья. Вся природа, как одушевленная, так и неодушевленная, казалась окоченевшей от мороза, все производило удручающее впечатление, не поддающееся описанию. Вдруг, когда войско поднималось по откосу, показались горцы, занявшие господствующие высоты. Если бы они устроили такую засаду в более скрытой части долины и затем внезапно бросились бы в бой, то прогнали бы неприятеля со страшным уроном. Ганнибал велел войску остановиться и выслал вперед галлов разведать местность; узнав от них, что взять проход невозможно, он расположился на самой широкой ровной полосе,

какую только мог найти, имея на всем протяжении лагеря по одну руку крутизну, по другую пропасть. Затем он велел тем же галлам, которые ни по языку, ни по нравам особенно не отличались от туземцев, смешаться с ними и принять участие в их разговорах. Узнав таким образом, что проход оберегается только днем, ночью же осаждающие удаляются восвояси, он с рассветом опять двинулся под занятые неприятелем высоты, как бы желая открыто и при свете дня пробиться через теснину. Проведши целый день в попытках, ничего общего с его настоящими намерениями не имеющих, он снова укрепился в том же лагере, в котором войско находилось в предыдущую ночь. А как только он убедился, что горцы покинули высоты, оставивши только редкие караулы, он для отвода глаз велел развести гораздо больше костров, чем этого требовало число остающихся в долине, а затем, покинув обоз, конницу и основную часть пехоты и взяв с собою только самых смелых из легковооруженных, быстро прошел через теснину и занял высоты, на которых до тех пор сидели враги.

33. С наступлением дня остальное войско вышло из лагеря и двинулось вперед. Горцы, по условленному знаку, уже покинули свои крепостцы и с разных сторон приближались к прежним позициям, как вдруг заметили, что одна часть врагов заняла их твердыню и находится над их головами, а другая по тропинке переходит через теснину. И то и другое представилось их взорам одновременно и произвело на горцев такое впечатление, что некоторое время они стояли на месте неподвижно; но затем, убедившись, что в ущелье царит замешательство, что войско своей же собственной тревогой расстроено и более всего беснуются лошади, они решили, что стоит им хоть сколько-нибудь увеличить это смятение — и врагу не избежать гибели. И вот, одинаково привыкшие лазить как по доступным, так и по недоступным скалам, горцы с двух различных склонов стремительно спускаются на тропинку. Тогда пунийцам пришлось одновременно бороться и с врагами, и с неблагоприятной местностью; каждый старался поскорее спастись от опасности, и потому пунийцы едва ли не более дрались между собою, чем с врагом. Более всего подвергали войско опасности лошади. Уже один резкий крик неприятелей, раздававшийся

с особенной силой в лесистой местности и повторяемый эхом гор, пугал их и приводил в замешательство; когда же в них случайно попадал камень или стрела, они приходили в бешенство и сбрасывали в пропасть и людей, и всякого рода поклажу в огромном количестве. В этом ужасном положении много людей было низринуто в бездонную пропасть, так как дорога узкой полосой вела между стеной и обрывом; погибло и несколько воинов. Но особенно страдали вьючные животные: со своей поклажею они скатывались вниз, как лавина. Ганнибал, хотя и был возмущен этим зрелищем, стоял, однако, неподвижно и сдерживал свой отряд, не желая увеличивать ужас и замешательство войска. Когда же он увидел, что связь между обеими частями колонны прервана и что ему грозит опасность совсем потерять обоз,— а в таком случае мало было бы пользы в том, что вооруженные силы прошли бы невредимыми,— он спустился с высот и одною силой своего натиска прогнал врага, но зато и увеличил смятение своих. Это смятение, впрочем, тотчас же улеглось, как только распространилась уверенность, что враг бежал и проход свободен; все войско было переведено спокойно и даже, можно сказать, при полной тишине. Затем Ганнибал взял главную крепостцу в этих местах и окрестные хутора и добыл в них столько хлеба и скота, что войску хватило продовольствия на три дня; а так как испуганные горцы в первое время не возобновляли нападения, а местность особенных препятствий не представляла, то он в эти три дня проделал довольно длинный путь.

34. Продолжая свой поход, он прошел в другую область, довольно густо населенную, насколько это возможно в горах, земледельческим людом. Здесь он едва не сделался жертвой не открытой борьбы, а тех приемов, в которых сам был мастером,— обмана и хитрости. Почтенные годами представители селений приходят к Ганнибалу в качестве послов и говорят ему, что они, будучи научены спасительным примером чужих несчастий, предпочитают быть друзьями пунийцев и не желают испытать на себе их силу; они обещают повиноваться его приказаниям, а пока предлагают съестных припасов, проводников и — в виде поруки своей верности — заложников. Ганнибал решил не доверять им слепо, но и не отвергать их предложения,

чтобы они, оскорбленные его отказом, не превратились в открытых врагов; поэтому он дал им ласковый ответ, принял заложников, которых они предлагали, и воспользовался припасами, которые они сами вынесли на дорогу, но последовал за их проводниками далеко не в том порядке, в каком он провел бы свое войско через дружественно расположенную область. Впереди шли слоны и конница, а сам он с лучшими отрядами пехоты замыкал шествие, заботливо оглядываясь по сторонам. Едва успели они войти в тесный проход, над которым с одной стороны повисала гора, как вдруг варвары отовсюду высыпали из своих засад; и с фронта, и с тыла напали они на войско, то стреляя в него издали, то вступая в рукопашный бой, то скатывая на идущих громадные камни. Главные их силы беспокоили задние ряды войска; пехота обернулась, чтобы отразить их нападение, и скоро стало ясно, что, не будь тыл войска защищен, поражение, которое они могли потерпеть в том ущелье, было бы ужасным. Да и так они подверглись крайней опасности и едва не погибли. Пока Ганнибал стоял на месте, не решаясь повести в теснину пехоту,— ведь никто не оберегал ее тыла подобно тому, как он сам оберегал тыл конницы,— горцы с фланга ударили на идущих, прорвали шествие как раз посередине и заняли дорогу, так что Ганнибалу пришлось провести одну ночь без конницы и без обоза.

35. Но на другой день ряды врагов, занимавших среднюю между обеими частями войска позицию, стали редеть, и связь была восстановлена. Таким образом, пунийцам удалось миновать это ущелье хотя и не без урона, но все же потеряв не столько людей, сколько вьючного скота. Во время дальнейшего шествия горцы нападали на них уже в меньшем числе, и это были скорее разбойничьи набеги, чем битвы; собравшись, они бросались то на передние ряды, то на задние, пользуясь благоприятными условиями местности и неосторожностью пунийцев, то заходивших вперед, то отстававших. Слоны очень замедляли шествие, когда их приходилось вести по узким и крутым дорогам, но зато они доставляли безопасность той части войска, в которой шли, так как враги, никогда этих животных не видавшие, боялись подходить к ним близко. На девятый день достигли они альпийского перевала, часто

пролагая себе путь по непроходимым местностям и несколько раз сбиваясь с дороги: то их обманывали проводники, то они сами, не доверяя им, выбирали путь наугад и заходили в глухие долины. В продолжение двух дней они стояли лагерем на перевале; воинам, утомленным работами и битвами, было дано время отдохнуть; а несколько вьючных животных, скатившихся прежде со скал, ступая по следам войска, пришли в лагерь. Воины все еще были удручены обрушившимися на них несчастиями, как вдруг, к их ужасу, в ночь заката Плеяд выпал снег. На рассвете лагерь был снят, и войско лениво двинулось вперед по дороге, на всем протяжении занесенной снегом; у всех на лице лежал отпечаток тоски и отчаяния. Тогда Ганнибал, опередив знамена, велел воинам остановиться на горном выступе, откуда можно было обозревать широкое и далекое пространство, и показал им Италию и расстилающуюся у подножия Альп равнину Пада. «Теперь вы одолеваете,— сказал он им,— стены не Италии только, но и Рима. Отныне все пойдет как по ровному, отлогому склону; одна или, много, две битвы отдадут в наши руки, под нашу власть крепость и столицу Италии».

Отсюда войско пошло дальше в таком бодром настроении, что даже враги не посмели тревожить его и ограничивались незначительными грабительскими вылазками. Надобно, однако, заметить, что спуск был гораздо затруднительнее восхождения, так как альпийские долины почти повсеместно на италийской стороне короче, но зато и круче. Почти на всем своем протяжении тропинка была крута, узка и скользка, так что воину трудно было не поскользнуться, а раз, хотя и слегка, поскользнувшись,— удержаться на ногах. Таким образом, одни падали на других, животные — на людей.

36. Но вот они дошли до скалы, где тропинка еще более суживалась, а крутизна была такой, что даже воин налегке только после долгих усилий мог бы спуститься, цепляясь руками за кусты и выступавшие там и сям корни. Скала эта и раньше, по природе своей, была крута; теперь же, вследствие недавнего обвала, она уходила отвесной стеной на глубину приблизительно тысячи футов. Пришедши к этому месту, всадники остановились, не видя далее перед собой тропин-

ки, и когда удивленный Ганнибал спросил, зачем эта остановка, ему сказали, что перед войском — неприступная скала. Тогда он сам отправился осматривать местность и пришел к заключению, что, несмотря на большую трату времени, следует повести войско в обход по местам, где не было ни тропинки, ни следа человеческих ног. Но этот путь оказался решительно невозможным. Сначала, пока старый снег был покрыт достаточно толстым слоем нового, ноги идущих легко находили себе в нем опору вследствие его рыхлости и умеренной глубины. Но когда под ногами стольких людей и животных его не стало, им пришлось ступать по голому льду и жидкому месиву полурастаявшего снега. Страшно было смотреть на их усилия: нога даже следа не оставляла на скользком льду и совсем не могла держаться на покатом склоне, а если кто, упав, старался подняться, опираясь на руку или колено, то и эта опора скользила, и он падал вторично. Не было кругом ни колод, ни корней, о которые они могли бы опереться ногой или рукой; в своей беспомощной борьбе они ничего вокруг себя не видели, кроме голого льда и тающего снега. Животные подчас вбивали копыта даже в нижний слой; тогда они падали и, усиленно работая копытами, чтобы подняться, вовсе его пробивали, так что многие из них оставались на месте, завязши в твердом и насквозь заледеневшем снегу, как в капкане.

37. Убедившись наконец, что и животные, и люди только понапрасну истощают свои силы, Ганнибал опять велел разбить лагерь на перевале, с трудом расчистив для этого место: столько снегу пришлось срыть и вынести прочь. На следующий день он повел воинов пробивать тропинку в скале — единственном месте, где можно было пройти. А так как для этого нужно было ломать камень, то они валят огромные деревья, которые росли недалеко, и складывают небывалых размеров костер. Обождав затем появления сильного и благоприятного для разведения огня ветра, они зажигают костер, а затем, когда он выгорел, заливают раскаленный камень уксусом, превращая его этим в рыхлую массу. Потом, ломая железными орудиями растрескавшуюся от действия огня скалу, они делают ее проходимой, смягчая плавными поворотами чрезмерную ее крутизну, так что могли спуститься не только вьючные

животные, но и слоны. Всего у этой скалы было проведено четыре дня, причем животные едва не издохли от голода; действительно, верхние склоны гор почти везде состоят из голых скал, а если и есть какой корм, то его заносит снегом. В долинах низовья, напротив, есть согреваемые солнцем холмы, и ручьи, окаймляющие рощи, и вообще места, заслуживающие быть жилищем человека. Здесь лошадей пустили пастись, а людям, утомленным сооружением тропы, был дан отдых. Отсюда они через три дня достигли равнины; чем дальше, тем мягче делался и климат страны, и нравы жителей.

38. Таким-то образом Ганнибал совершил путь в Италию, употребив — по мнению некоторых историков — пять месяцев на дорогу от Нового Карфагена до подножия Альп и 15 дней на переход через Альпы. Сколько было войска у Ганнибала после его прихода в Италию, относительно этого пункта источники совершенно не согласны друг с другом; самая высокая цифра — 100 000 пехоты и 20 000 конницы, и самая низкая — 20 000 пехоты и 6000 конницы. Более всех поверил бы я Луцию Цинцию Алименту, который, по его собственному признанию, был взят в плен Ганнибалом; но он не дает определенной численности пунического войска, а прибавляет галлов и лигурийцев и говорит, что, вместе с ними, Ганнибал привел (я думаю скорее, что эти силы соединились с Ганнибалом уже в Италии, как то и сообщают некоторые источники) 80 000 пехоты и 10 000 конницы; сверх того, он сообщает, что Ганнибал, по его собственным словам, со времени своего перехода через Родан, потерял 36 000 человек и несметное число лошадей и других вьючных животных. Первым народом, в пределы которого Ганнибал вступил, спустившись в Италию, было полугалльское племя тавринов. В этом все согласны; тем более я нахожу странным, что относительно дороги, которой он перешел через Альпы, может существовать разногласие; а между тем наиболее распространено мнение, по которому Ганнибал перешел Пенинские Альпы, и отсюда этот хребет получил свое имя; Целий же утверждает, что он избрал для перехода Кремонский перевал. Но и тот, и другой путь привел бы его не к тавринам, а к горному племени салассов и отсюда к либуйским галлам; к тому же невероятно, чтобы эти

два прохода в Галлию уже тогда были доступны, и, во всяком случае, долины, ведущие к Пенинским Альпам, были заняты полугерманскими народами. Если же кого убеждает название, то пусть он знает, что ни седунам, ни вераграм, жителям этой области, ничего не известно о том, будто их горы получили свое имя от какого бы то ни было перехода пунийцев; а получили они это имя, по их словам, от бога, которого горцы называют Пенином и почитают в капище, выстроенном на главной вершине.

39. Очень выгодным обстоятельством для открытия военных действий со стороны Ганнибала оказалась война между тавринами — первым народом, в область которого он вошел,— и инсубрами. Все же он не мог сразу дать своему войску оружие в руки, чтобы подать помощь этим последним, так как именно теперь, во время отдыха, воины наиболее страдали от последствий испытанных раньше невзгод. Внезапный переход от труда к покою, от недостатка к изобилию, от грязи и вони к опрятности различным образом действовал на этих уже свыкшихся с нечистотой и почти одичалых людей. По этой-то причине консул Публий Корнелий и счел нужным, придя на судах в Пизу и затем приняв от Манлия и Атилия войско, состоявшее частью из новобранцев, частью же из людей, оробевших после недавних позорных поражений, поспешить к реке Паду, чтобы вступить в бой с неприятелем, не дав ему времени оправиться. Но пока консул дошел до Плацентии, Ганнибал успел уже покинуть лагерь и взять силой один город тавринов, именно их столицу, так как на его предложение добровольно заключить с ним союз жители ответили отказом. И ему удалось бы привлечь на свою сторону живших в равнине Пада галлов, притом не одним только страхом, но и по доброй воле, если бы внезапное прибытие консула не застигло их еще тогда, когда они выжидали удобного для отпадения времени. Но и Ганнибал двинулся далее из области тавринов, полагая, что те из галлов, которые еще не знали, к которой стороне им присоединиться, последуют за тем, кто явится к ним лично. И вот уже оба войска стояли почти в виду друг друга, и небольшое пространство отделяло обоих предводителей, которые, не зная еще хорошенько один другого, все-таки уже успели проникнуться взаимным уваже-

нием. Имя Ганнибала и до разгрома Сагунта пользовалось громадной известностью у римлян, Сципиона же Ганнибал считал замечательным человеком уже по тому одному, что он был назначен полководцем именно против него. К тому же каждый из них еще умножил высокое мнение о себе противника: Сципион — тем, что он, будучи оставлен Ганнибалом в Галлии, успел преградить ему путь, когда он перешел в Италию, Ганнибал же — столь смело задуманным и успешно совершенным переходом через Альпы.

Все же Сципион первым переправился через Пад и расположился лагерем на берегу Тицина. Но прежде чем вывести воинов на поле брани, он счел нужным произнести пред ними ободряющее слово. Речь его была такова:

40. «Если бы, воины, вы, кого я теперь вывожу в поле, были тем самым войском, над которым я начальствовал в Галлии, то я счел бы за лишнее обращаться к вам с речью. В самом деле, какой смысл имели бы ободрительные слова, обращенные к тем всадникам, которые одержали блистательную победу над неприятельской конницей на берегу Родана, или к тем легионам, с которыми я преследовал вот этого самого врага, когда он бежал передо мною, и именно тем, что отступал и уклонялся от битвы, доставил мне если не победу, то равносильное ей признание в своей слабости? Но то войско было набрано для провинции Испании; под началом моего брата Гнея Сципиона и под моими ауспициями оно воюет там, где ему велел воевать римский сенат и народ; я же, чтобы предводителем против Ганнибала и пунийцев вы имели консула, по собственной воле взял на себя эту борьбу. А новому главнокомандующему прилично сказать несколько слов своим новым воинам.

Прежде всего вы не должны оставаться в неведении относительно рода предстоящей войны и качеств противника. Ваши враги — те самые, кого вы одолели на суше и на море в первую войну, кого в продолжение двадцати лет заставляли платить дань, у кого вы отняли Сицилию и Сардинию, как награду за успешно оконченную войну. Поэтому вы будете драться с подобающим победителям воодушевлением, а они — со свойственной побежденным робостью. Да и ныне они решились дать битву не от избытка мужества,

а потому, что иначе нельзя; или вы, быть может, думаете, что те самые, кто уклонялся от боя тогда, когда войско было еще невредимо, теперь, после того как две трети их пехоты и конницы погибло при переходе через Альпы, воодушевлены большей надеждой? Но, возразите вы, их, правда, мало, зато они бодры телом и душой, и нет такой силы, которая могла бы противостоять их мощному напору. Совершенно напротив! Это — призраки, едва сохранившие внешнее подобие людей, изнуренные голодом и холодом, грязью и вонью, изувеченные и обессиленные лазаньем по скалам и утесам, с отмороженными конечностями, онемевшими в снегах мышцами, окоченевшим от стужи телом, притупленным и поломанным оружием, хромыми и еле живыми лошадьми. С такой-то конницей, с такой-то пехотой вам придется иметь дело; это жалкие остатки врага, а не враг. И более всего меня заботит мысль, что сражаться придется вам, а люди подумают, будто Ганнибала победили Альпы. Но, быть может, так и следует: справедливо, чтобы с нарушившими договоры полководцем и народом начали и решили войну сами боги, не прибегая к помощи человека, а мы, будучи оскорблены первыми после богов, только довершили начатую и решенную ими войну.

41. Никто из вас — я в этом уверен — не подумает, что я только хвастаюсь, чтобы внушить вам бодрость, а сам в душе настроен иначе. Я имел возможность идти с войском в свою провинцию Испанию, куда я было и отправился; там я имел бы брата сотрудником в совете и товарищем в опасностях, сражался бы с Газдрубалом, а не с Ганнибалом и, разумеется, легче справился бы с войной. И все-таки я, плывя на кораблях вдоль галльского побережья и узнав по одному только слуху о присутствии этого неприятеля, высадился, выслал вперед конницу, стал лагерем у берега Родана. В конном сражении,— так как только конная часть моего войска имела счастье вступить в бой,— я разбил врага; пешие силы, которые уходили сломя голову, словно спасаясь бегством, я на суше настигнуть не мог; поэтому я вернулся к кораблям и как можно скорее, совершив такой огромный обход и по морю и по суше, пошел навстречу этому страшному неприятелю и встретил его почти у подножия Альп. Как же вам кажется теперь, наткнулся ли я на врага по неосторож-

ности, стараясь избегнуть битвы, или же, напротив, нарочно ищу столкновения, встречи с ним, вызываю и влеку его на бой? Было бы любопытно убедиться на опыте, подлинно ли теперь, после двадцатилетнего промежутка, земля родила вдруг новых карфагенян, или они все те же, что и прежние, которые сражались у Эгатских островов, которых вы выпустили с Эрика, оценив их в 18 динариев за штуку; подлинно ли этот Ганнибал — соперник Геркулеса в его походах, как он это воображает, или же данник и раб римского народа, унаследовавший это звание от отца. Его, очевидно, преследуют тени злодейски умерщвленных сагунтийцев; а не то бы он вспомнил если не о поражении своего отечества, то, по крайней мере, о своей семье, об отце, о договорах, писанных рукою Гамилькара, того Гамилькара, который, по приказанию нашего консула, увел гарнизон с Эрика, с негодованием и скорбью принял тяжкие условия, поставленные побежденным карфагенянам, покинул Сицилию и обязался уплатить дань римскому народу. Поэтому я желал бы, воины, чтобы вы сражались не только с тем воодушевлением, с которым у вас вообще принято сражаться против врага, но и с особенной злобой и гневом, как будто вы видите своих же рабов, поднявших внезапно оружие против вас. А ведь мы имели возможность переморить запертых на Эрике худшею среди людей казнью — голодом; имели возможность переплыть с победоносным флотом в Африку и в течение нескольких дней без всякого сопротивления уничтожить Карфаген. Между тем мы вняли их мольбам, выпустили осажденных, заключили мир с побежденными, приняли их даже под свое покровительство, когда они изнемогали в Африканской войне. А они, взамен этих благодеяний, последовали за одержимым мальчишкою и идут осаждать наш родной город!

Да, как это ни горько, но вам предстоит ныне битва не за славу только, но и за существование отечества; вы будете сражаться не ради обладания Сицилией и Сардинией, как некогда, но за Италию. Нет за нами другого войска, которое могло бы, в случае нашего поражения, преградить путь неприятелю; нет других Альп, которые могли бы задержать его и дать нам время набрать новые войска. Здесь мы должны защищаться с такою стойкостью, как будто сражаемся под

стенами Рима. Пусть каждый из вас представит себе, что он обороняет не только себя, но и жену, и малолетних детей; пусть, не ограничиваясь этой домашнею тревогой, постоянно напоминает себе, что взоры римского сената и народа обращены на нас, что от нашей силы и доблести будет зависеть судьба города Рима и римской державы».

Таковы были слова консула к римскому войску.

42. Ганнибал между тем счел за лучшее предпослать своей речи поучительный пример. Велев войску окружить место, на котором он готовил ему зрелище, он вывел на арену связанных пленников из горцев, приказал бросить им под ноги галльское оружие и спросил их через толмача, кто из них согласится, если его освободят от оков, сразиться с оружием в руках, с тем чтобы в случае победы получить доспехи и коня. В ответ на это предложение все до единого потребовали, чтобы им дали оружие и назначили противника; когда был брошен жребий, каждый молился, чтобы судьба избрала его в бойцы, и те, кому выпадал жребий, не помнили себя от радости и среди всеобщих поздравлений торопливо хватали оружие, с веселыми прыжками, как в обычае у этих племен; когда же происходил бой, воодушевление было так велико,— не только среди их товарищей по неволе, но и повсеместно среди зрителей,— что участь храбро умершего борца прославлялась едва ли не более, чем победа его противника.

43. Когда несколько пар таким образом сразилось, Ганнибал, убедившись в благоприятном настроении войска, прекратил зрелище и, созвав воинов на сходку, произнес, говорят, пред ними такую речь:

«Если вы, воины, пожелаете отнестись к оценке вашей собственной участи с таким же воодушевлением, с каким вы только что отнеслись к чужой судьбе, представленной вам для примера, то победа наша. Знайте: неспроста было дано вам это зрелище; оно было картиной вашего положения. Я думаю даже, что судьба связала вас более крепкими оковами и влечет вас с более непреодолимой силой, чем ваших пленников. С востока и запада вы заключены между двух морей, не имея для бегства ни одного корабля. Впереди извивается река Пад, более широкая и более стремительная, чем даже Родан; а сзади угрожают вам Альпы,

пройденные вами с трудом, когда вы еще не растратили своих сил. Здесь, воины, ждет вас победа или смерть, здесь, где вы впервые встретились с врагом. Но, ставя вас перед необходимостью сражаться, судьба в то же время предлагает вам, в случае победы, самые высокие награды, какие только могут представить себе люди, обращаясь с молитвами к бессмертным богам. Если бы мы готовились лишь Сицилию да Сардинию, отнятые у отцов наших, завоевать вновь своею доблестью, то и это было бы щедрым вознаграждением. Но все, что римляне добыли и собрали ценою стольких побед, все это должно перейти к вам вместе с самими владельцами. Имея перед собой такую щедрую добычу, смело беритесь за оружие, и боги да благословят вас. Слишком долго уже гоняли вы овец на пустынных горах Лузитании и Кельтиберии, не получая никакого вознаграждения за столько трудов и опасностей; пора вам перейти на службу привольную и раздольную, пора потребовать богатой награды за свои труды; недаром же вы совершили такой длинный путь, через столько гор и рек, среди стольких вооруженных народов. Здесь назначенный вам судьбою предел ваших трудов; здесь она, по истечении срока вашей службы, готовит вам награду по заслугам.

Не думайте, чтобы победа была столь же трудной, сколь громко имя начатой нами войны: часто покорение презренного врага стоит потоков крови, а знаменитые народы и цари одолеваются чрезвычайно легко. В данном же случае возможно ли даже сравнивать врагов с вами, если оставить в стороне пустой блеск римского имени? Не буду я говорить вам о вашей двадцатилетней службе, ознаменованной столькими подвигами, увенчанной столькими победами. Но вы пришли сюда от Геркулесовых Столпов, от Океана, от последних пределов земли, через страны стольких диких народов Испании и Галлии; а сразиться вам предстоит с новонабранным войском, в течение нынешнего же лета разбитым, побежденным и осажденным галлами, с войском, которое до сих пор еще неизвестно своему предводителю и не знает его. Вот каковы войска; что же касается полководцев, то мне ли, только что не рожденному и, во всяком случае, воспитанному в палатке отца моего, знаменитого полководца, мне ли, покорителю Испании и Галлии, мне ли, победителю не только альпийских народов, но (что гораздо важнее)

самих Альп, сравнивать себя с этим шестимесячным начальником, бежавшим от собственного войска? Да ведь если сегодня же поставить перед ним римское и пунийское войска, но без их знамен, то я ручаюсь вам, он не сумеет сказать, которому войску он назначен в консулы. Немало цены, воины, придаю я тому обстоятельству, что нет среди нас никого, перед глазами которого я не совершил бы множества воинских подвигов, нет никого, которому бы я не мог перечесть, с указанием времени и места, его доблестных дел, который не имел бы во мне зрителя и свидетеля своей удали. И вот я, некогда ваш питомец, ныне же ваш предводитель, с вами, моими товарищами, тысячу раз похваленными и награжденными мною, намереваюсь выступить против людей, не знающих друг друга, друг другу незнакомых.

44. Куда я ни обращаю свои взоры, все кругом меня дышит отвагой и силой. Здесь вижу я закаленных в войне пехотинцев, там — всадников благороднейших племен, одних — на взнузданных, других — на невзнузданных конях; здесь — наших верных и храбрых союзников, там — карфагенских граждан, влекомых в бой как любовью к отечеству, так и справедливым чувством гнева. Мы начинаем войну, мы грозною ратью надвигаемся на Италию; мы потому уже должны обнаружить в сражении более смелости и стойкости, чем враг, что надежда и бодрость всегда в большей мере сопутствуют нападающему, чем отражающему нападение. К тому же нас воспламеняет и подстрекает гнев за нанесенное нам возмутительное оскорбление: они ведь потребовали, чтобы им выдали для казни первым делом меня, предводителя, а затем и вас, осадивших Сагунт, и собирались, если бы нас им выдали, предать нас самым жестоким мучениям! Этот кровожадный и высокомерный народ воображает, что все принадлежит ему, все должно слушаться его воли. Он считает своим правом предписывать нам, с кем нам вести войну, с кем жить в мире. Он назначает нам границы, запирает нас между гор и рек, не дозволяя переходить их, и сам первый переступает им же положенные границы. «Не переходи Гибера!» — «Не буду».— «Не трогай Сагунта!» — «Да разве Сагунт на Гибере?» — «Нужды нет; не смей двигаться с места!» — «Стало быть, тебе мало того, что ты отнял у меня мои ис-

конные провинции, Сицилию и Сардинию? Ты отнимаешь и Испанию, а если я уступлю ее тебе, грозишь перейти в Африку?» Да что я говорю, «грозишь перейти»! Уже перешел! Из двух консулов нынешнего года один отправлен в Африку, другой в Испанию. Нигде не оставлено нам ни клочка земли, кроме той, которую мы отвоюем с оружием в руках.

У кого есть пристанище, кто, в случае бегства, может по безопасным и мирным дорогам добраться до родных полей, тому позволяется быть робким и малодушным. Вы же должны быть храбры; в вашем отчаянном положении всякий иной исход, кроме победы или смерти, для вас отрезан. Поэтому старайтесь победить; если же счастье станет колебаться, то предпочтите смерть воинов смерти беглецов. Если вы твердо запечатлели в своих сердцах эти мои слова, если вы исполнены решимости следовать им, то повторяю — победа ваша: бессмертные боги не дали человеку более сильного и победоносного оружия, чем презрение к смерти».

45. Увещания эти в обоих лагерях произвели на воинов ободряющее впечатление. Римляне построили мост через Тицин и, сверх того, для защиты моста заложили крепостцу. Ганнибал же, в то время как враги были заняты работой, посылает Магарбала с отрядом нумидийцев в 500 всадников опустошать поля союзных с римским народом племен, наказав им, однако, по мере возможности щадить галлов и вести переговоры с их знатью, чтобы склонить их к отпадению. Когда мост был готов, римское войско перешло в область инсубров и расположилось лагерем в пяти милях от Виктумул, где стояло войско Ганнибала. Тот быстро отозвал Магарбала и, ввиду предстоящего сражения, полагая, что никогда не следует жалеть слов и увещаний, способных воодушевить воинов, созвал их на сходку и сказал им в определенных словах, на какие награды им следует рассчитывать, сражаясь. «Я дам вам землю,— сказал он им,— в Италии, в Африке, в Испании, где кто захочет, и освобожу от повинностей и вас самих, и ваших детей; если же кто вместо земли предпочтет деньги, я выдам ему вознаграждение деньгами. Если кто из союзников пожелает сделаться гражданином Карфагена, я доставлю ему гражданские права; если же кто предпочтет вернуться

домой, я позабочусь, чтобы он ни с кем из своих соотечественников не пожелал поменяться судьбою». Даже рабам, последовавшим за своими господами, он обещал свободу, обязавшись отдать их господам по два невольника взамен каждого из них. А чтобы все были уверены, что он исполнит свои обещания, он, схватив левой рукой ягненка, а правой камень, обратился к Юпитеру и прочим богам с молитвой, чтобы они, в случае если он изменит своему слову, предали его такой же смерти, какой он предает ягненка, и вслед за молитвою разбил животному череп камнем. При этом зрелище все, как будто сами боги поручились им за осуществление их надежд, единодушно и в один голос потребовали битвы, лишь в том одном видя отсрочку исполнения своих желаний, что их еще не повели на бой.

46. Настроение римлян было далеко не такое бодрое: независимо от других причин, они были испуганы недавними предзнаменованиями тревожного свойства. В лагерь ворвался волк и, искусав тех, кто попался ему навстречу, невредимый ушел восвояси; а на дерево, возвышавшееся над палаткой полководца, сел рой пчел. Совершив, по поводу этих предзнаменований, умилостивительные жертвоприношения, Сципион с конницею и легким отрядом метателей отправился вперед, чтобы на близком расстоянии осмотреть лагерь неприятеля и разузнать, какого рода его силы и какова их численность. Вдруг с ним встречается Ганнибал, который также, взяв с собой конницу, выступил вперед, чтобы исследовать окрестную местность. В первое время они друг друга не видели, но затем пыль, поднимавшаяся все гуще и гуще под ногами стольких людей и лошадей, дала знать о приближении врагов. Тогда оба войска остановились и стали готовиться к бою.

Сципион поставил впереди метателей и галльских всадников, а римлян и лучшие силы союзников расположил в тылу; Ганнибал взял в центр тяжелую конницу, а крылья образовал из нумидийцев. Но лишь только поднялся воинский крик, метатели бросились бежать ко второй линии и остановились в промежутках между тыловыми отрядами. Начавшееся тогда конное сражение некоторое время велось с обеих сторон без решительного успеха; но в дальнейшем присутствие

в строю пеших начало тревожить коней, и они сбросили многих всадников, другие же спешились сами, видя, что их товарищи, попав в опасное положение, теснимы неприятелем. Таким образом, сражение в значительной части шло уже пешее, как вдруг нумидийцы, стоявшие по краям строя, сделали небольшой обход и показались в тылу римской конницы. Появление их испугало римлян, испуг увеличило ранение консула и опасность, ему угрожавшая; последняя, однако, была устранена вмешательством его сына, который тогда был еще совсем юн. (Это — тот самый юноша, который прославился завершением этой войны и был назван «Африканским» за блистательную победу над Ганнибалом и пунийцами.) Впрочем, в беспорядочное бегство обратились в основном одни только метатели, первыми подвергшиеся нападению нумидийцев; всадники же сплотились вокруг консула и, защищая его не только оружием, но и своими телами, вернулись вместе с ним в лагерь, отступая без страха и в полном порядке.

Целий приписывает рабу лигурийского происхождения подвиг спасения консула. Что касается меня, то мне было бы приятнее, если бы участие его сына оказалось достоверным; в пользу этого мнения и большинство источников, и народная молва.

47. Это первое сражение с Ганнибалом доказало с очевидностью, что пунийская конница лучше римской и поэтому война на открытых полях, вроде тех, что между Падом и Альпами, для римлян неблагоприятна. Ввиду этого Корнелий в следующую ночь велел потихоньку собраться и, оставив Тицин, поспешил к Паду, чтобы спокойно, не подвергаясь нападению со стороны врага, перевести свое войско по мосту, наведенному им через реку, пока мост еще не разрушен. И действительно, римляне достигли Плацентии раньше, чем Ганнибал получил достоверное известие о том, что они покинули Тицин; все же он захватил до 600 отставших воинов, слишком медленно разрушавших мост на левом берегу Пада. По мосту он пройти не мог, так как, лишь только оба конца были разрушены, вся средняя часть понеслась вниз по течению.

Целий утверждает, что Магон с конницей и испанской пехотой немедленно переплыл через реку,
 а сам Ганнибал перевел остальное войско вброд не-

сколько выше, выстроив слонов в один ряд, чтобы ослабить напор реки. Это вряд ли покажется вероятным тем, кто знаком с этой рекой; неправдоподобно, чтобы всадники без вреда для оружия и коней могли преодолеть столь стремительную реку, даже если допустить, что все испанцы переплыли ее на своих надутых мехах; а чтобы найти брод через Пад, по которому можно бы было перевести отягченное обозом войско, следовало сделать обход, на который, полагаю я, потребовалось бы немало дней. По моему мнению, гораздо более заслуживают доверия те источники, по которым Ганнибал после двухдневных поисков едва мог найти место для наведения моста через реку; по мосту были посланы вперед всадники и легкие отряды испанцев. Пока Ганнибал, который задержался у реки Пада, выслушивая галльские посольства, переправлял тяжелую пехоту, Магон со всадниками, оставивши мóст и пройдя вниз по реке на расстояние одного дня пути, достиг Плацентии, где стояли враги. Несколько дней спустя Ганнибал укрепился лагерем в шести милях от Плацентии, а на следующий день, выстроив войско в виду неприятеля, предложил ему битву.

48. В следующую ночь воины из галльских вспомогательных отрядов произвели в римском лагере резню, причинившую, впрочем, более тревоги, чем вреда. Около 2000 пехотинцев и 200 всадников, умертвив стоявших у ворот лагеря караульных, бежали к Ганнибалу. Пуниец принял их ласково, воспламенил их усердие, обещав им несметные награды, и в этом настроении разослал их по домам, с тем чтобы они побудили к восстанию своих соплеменников. Сципион решил, что эта резня — сигнал к возмущению всех галлов, что все они, зараженные этим злодеянием, точно бешенством, поднимут оружие против него; и вот он, несмотря на страдания, которые ему все еще причиняла рана, в четвертую стражу следующей ночи тихо, без сигналов, снял лагерь и двинулся к Требии, где местность была выше и изобиловала холмами, недоступными для конницы. Это движение не прошло так же незаметно, как раньше, на Тицине: Ганнибал послал нумидийцев, а затем и всю остальную конницу, и расстроил бы, по крайней мере, последние ряды уходивших, если бы нумидийцы, жадные до добычи, не свернули в пустой римский лагерь. Пока они там обшаривали

все углы и теряли время, не находя ничего такого, что могло бы их мало-мальски достойным образом вознаградить за эту потерю, враг ускользнул у них из рук. Увидав, что римляне уже перешли Требию и заняты размежеванием своего лагеря, они убили тех немногих отставших воинов, которых им удалось захватить по сю сторону реки. А Сципион, не в силах долее переносить мучения, которые ему причиняла рана, разбередившаяся дорогою, и считая, сверх того, нужным обождать прибытия коллеги, об отозвании которого из Сицилии он уже слышал, стал укреплять облюбованное им место недалеко от реки, которое показалось ему наиболее безопасным для лагеря.

В некотором расстоянии от него расположился лагерем Ганнибал. Насколько он радовался победе, одержанной его конницей, настолько же был озабочен недостатком продовольствия, который становился с каждым днем ощутительнее для его войска, шедшего по вражеской земле и нигде поэтому не находившего заготовленных припасов; чтобы помочь беде, он послал часть своего войска к местечку Кластидию, в котором римляне устроили чрезвычайно богатый склад хлеба. В то время, как его воины готовились действовать силой, возникла надежда на измену со стороны осажденных; и действительно, за небольшую сумму — всего 400 золотых монет — начальник сторожевого отряда Дазий из Брундизия дал себя подкупить, и Кластидий сдался Ганнибалу. Этот город служил пунийцам житницей все время, пока они стояли на Требии. С пленными из сдавшегося гарнизона Ганнибал обошелся мягко, чтобы с самого же начала военных действий приобрести славу кроткого человека.

49. Таким образом, сухопутная война остановилась на берегах Требии; тем временем флот действовал на море около Сицилии и близких к Италии островов и под начальством консула Семпрония, и до его прибытия. Из 20 пентер, посланных карфагенянами с 1000 вооруженных опустошать италийское побережье, 9 пристало к Липаре, 8 к острову Вулкана, а 3 были занесены волнами в Пролив. Когда в Мессане их заметили, сиракузский царь Гиерон, дожидавшийся тогда в Мессане прибытия римского консула, отправил против них 12 кораблей, которые и захватили их, не встретив никакого сопротивления, и отвели в Мессанскую гавань.

От пленников узнали, что независимо от посланного в Италию флота в 20 кораблей, к которому принадлежали они сами, еще 35 пентер плывут в Сицилию, чтобы побудить к восстанию старинных союзников. «Их главное назначение,— говорили пленные,— занять Лилибей; но, вероятно, та же буря, которая разбросала наш флот, занесла их к Эгатским островам». Царь тогда написал претору Марку Эмилию, провинцией которого была Сицилия, письмо, в котором он сообщал ему известие в том виде, в каком его слышал, и дал совет занять Лилибей сильным караульным отрядом. Тотчас же претор разослал по городам легатов и трибунов с поручением призвать тамошние римские отряды к возможно большей бдительности, но прежде всего поспешил сосредоточить в Лилибее свои военные силы; зачисленным во флот союзникам был дан приказ снести на корабли готовой пищи на десять дней, чтобы они могли по первому же сигналу без всякого промедления сесть на суда, а по всему побережью были разосланы часовые наблюдать с вышек за приближением неприятельского флота. Благодаря этим мерам карфагеняне, хотя они и старались дать кораблям такой ход, чтобы подплыть к Лилибею до рассвета, были все-таки замечены, тем более что и луна светила всю ночь, а корабли неслись на всех парусах. Тотчас с вышек был подан сигнал, в городе подняли тревогу, и суда наполнились матросами; часть воинов заняла стены и сторожевые посты у ворот, другая часть села на корабли. Карфагеняне, заметив, что им придется иметь дело с людьми, приготовившимися их встретить, до восхода солнца держались в некотором отдалении от гавани, снимая тем временем паруса и приспособляя свой флот к битве. Когда же рассвело, они отступили к открытому морю, чтобы самим иметь более простора для битвы и дать врагу возможность свободно вывести свои корабли из гавани. Римляне, с своей стороны, не уклонялись от сражения; их воодушевляло воспоминание о подвигах, совершенных ими вблизи этих мест, и они полагались на многочисленность и храбрость воинов.

50. Итак, они выплыли в открытое море. Римляне хотели померяться силами на близком расстоянии и вступить в рукопашный бой; пунийцы, напротив, уклонялись от него, предпочитали действовать искус-

ством, а не силой, и сражаться корабль с кораблем, а не человек с человеком и меч с мечом. Они поступали вполне разумно: насколько их флот изобиловал матросами и гребцами, настолько он уступал римскому числом воинов, так что всякий раз, когда их корабль сцеплялся с римским, число вооруженных, вступавших в схватку, было далеко не одинаково. Когда это отношение было замечено, то римляне еще более ободрились в сознании своего численного превосходства, а карфагеняне, убедившись в своей сравнительной слабости, окончательно пали духом. Тотчас же семь пунийских кораблей были захвачены, остальные бежали. Матросов и воинов на пленных кораблях было 1700 человек, в их числе — три знатных карфагенянина. Римский флот вернулся в гавань невредимый; только один корабль оказался с пробитым бортом, но и его удалось спасти.

Вслед за этим сражением, еще до распространения вести о нем среди мессанцев, прибыл в Мессану консул Тиберий Семпроний. В Проливе его встретил царь Гиерон с выстроенным в боевой порядок флотом; перешедши с царского корабля на консульский, он поздравил консула с благополучным прибытием его самого, войска и флота и пожелал ему счастья и успехов в Сицилии. Затем он изложил ему положение дел на острове, рассказал о покушениях карфагенян, обещал быть на старости лет таким же верным союзником римского народа, каким был в молодости, в первую войну, и обязался безвозмездно доставлять легионам и флоту хлеб и одежду. «Большая опасность,— прибавил он,— грозит Лилибею и приморским городам; есть в них люди, которым перемена правления пришлась бы по вкусу». Ввиду этих обстоятельств, консул решил без всякой проволочки отправиться с флотом в Лилибей; царь и царский флот отправились вместе с ним. Уже во время плавания они узнали, что под Лилибеем состоялось сражение и что неприятельские корабли частью были захвачены, частью бежали.

51. В Лилибее консул отпустил Гиерона с царским флотом, оставил для охраны сицилийского побережья претора, а сам отправился к острову Мелите, который был занят карфагенянами. При его прибытии начальник гарнизона Гамилькар, сын Гисгона, сдался ему без малого с 2000 воинов, городом и всем островом. Отсюда римляне через несколько дней вернулись в Ли-

либей, и пленные, которых взял претор, равно как и те, которые сдались консулу, были проданы с торгов. Рассудив, что с этой стороны никакая опасность Сицилии более не угрожает, консул отправился к островам Вулкана, где, по слухам, стоял пунийский флот. Но вблизи этих островов не нашли уже ни одного неприятельского воина: враг отправился опустошать италийское побережье, совершил набег на окружавшие Вибон поля и стал угрожать самому городу. Возвращаясь в Сицилию, консул получил известие о высадке врагов в окрестностях Вибона, а также и письмо сената, гласившее, что Ганнибал перешел в Италию и что ему следует без всякого промедления спешить на помощь товарищу. Под гнетом стольких одновременных забот он тотчас же посадил войско на суда и послал его по Адриатическому морю в Аримин, поручил своему легату Сексту Помпонию охранять с 25 военными кораблями окрестности Вибона и вообще италийское побережье, пополнил флот претора Марка Эмилия, доведя его численность до 50 кораблей, а сам, упорядочив сицилийские дела, на 10 кораблях поплыл вдоль берега Италии и достиг Аримина. Застав здесь свое войско, он отправился вместе с ним к Требии, где и соединился со своим товарищем.

52. И вот уже оба консула и все римские силы были выставлены против Ганнибала; этим ясно было высказано, что если не удастся защитить римское государство этими войсками, то другой надежды уже нет. Все же один консул, проученный несчастным исходом последнего конного сражения и полученной раной, советовал ждать; напротив, другой, будучи свеж духом, сгорал нетерпением и не хотел даже слышать об отсрочке. Галлы, населявшие в те времена всю местность между Требией и Падом, в этом споре двух могущественных народов заискивали у обеих сторон, и было ясно, что они стараются обеспечить себе милость того, кто выйдет победителем. Римляне относились к этому достаточно благосклонно, довольные и тем, что они не бунтуют; пуниец, напротив, был возмущен: сами же они, твердил он, призвали его для возвращения им свободы! Чтобы излить на них свой гнев и вместе с тем доставить воинам добычу, он велел отряду из 2000 пехотинцев и 1000 всадников — последние были большею частью нумидийцы, но были между ними и галлы — опустошать весь край сплошь до берегов

Пада. Тогда беспомощные галлы, до тех пор колебавшиеся, поневоле отшатнулись от обидчиков и пристали к тем, в которых они видели мстителей за причиненную им обиду: отправив послов к консулам, они просили их прийти на помощь стране, бедствующей будто бы вследствие чрезмерной преданности ее жителей римлянам. Корнелий не считал время благоприятным для вооруженного вмешательства, да и повод ему не нравился: он не питал никакого доверия ко всему галльскому племени после недавней измены бойев,— не говоря уже о многих других его коварных поступках, которые могли быть забыты вследствие их давности. Семпроний, напротив, утверждал, что лучшим средством к удержанию союзников в верности будет защита тех из них, которые первые попросили о помощи. А так как его товарищ продолжал колебаться, то он послал свою конницу, прибавив к ней 1000 пехотинцев, большею частью из метателей, за Требию защищать землю галлов. Напав неожиданно на рассыпавшихся без всякого порядка неприятелей, большинство из которых к тому же было обременено добычей, они произвели между ними страшное смятение: многих они убили, а остальных преследовали до самого лагеря и сторожевых постов врага. Здесь они принуждены были отступить перед высыпавшей из лагеря толпой вооруженных, но, получив подкрепление, возобновили бой. С этого времени ход битвы был разнообразен: римляне то напирали, то отступали, в конце концов успех был одинаков с обеих сторон. Всё же потери, понесенные карфагенянами, были крупнее, а потому слава победы осталась за римлянами.

53. Никому эта слава не казалась такой великой и такой несомненной, как самому консулу. Он был вне себя от радости, что победил именно той частью войска, которая под начальством другого консула была разбита. «Воины,— говорил он,— вновь ободрились и воспрянули духом, и никто, кроме товарища по должности, не желает отсрочки сражения. Он один, больной душой еще более, чем телом, помня о своей ране, боится строя и оружия. Но нельзя же всем предаваться малодушию по милости одного больного человека. К чему отлагать битву и напрасно терять время? Какого еще третьего консула и войска дожидаемся мы? А лагерь карфагенян находится в Италии, почти в виду Рима!

Они нападают уже не на Сицилию и Сардинию, которую мы отняли у побежденных, не на Испанию по сю сторону Гибера — они изгоняют нас, римлян, из нашего же отечества, из земли, в которой мы родились! Как застонали бы наши отцы, не раз рубившиеся под стенами Карфагена, если бы они могли видеть, как мы, их дети, два консула с двумя консульскими войсками, находясь в средине Италии, в ужасе прячемся в своем лагере, между тем как пуниец поработил всю землю между Альпами и Апеннинами!» Это твердил он и своему больному товарищу, сидя у его постели, и в своей палатке, нисколько не стесняясь присутствием воинов. Его подзадоривали и приближающиеся выборы, после которых дальнейшее ведение войны могло быть поручено новым консулам, и возможность, пользуясь болезнью товарища, присвоить всю славу себе одному. При таких обстоятельствах возражения Корнелия ни к чему не вели: Семпроний велел воинам готовиться к скорой битве.

Ганнибал, понимавший, какой образ действия всего целесообразнее для врагов, собственно не мог рассчитывать, что консулы станут действовать неосторожно и наобум; все же он знал, как опрометчив и самонадеян один из них, ознакомившись с его характером заранее, по слухам, а затем и на опыте, и полагал, что удачный исход его стычки с грабителями сделал его еще самонадеяннее: ввиду этого он не терял надежды, что ему представится удобный случай дать сражение. С своей стороны, он заботливо старался не пропустить такого случая именно теперь, пока воины врага были неопытны, пока более дельный из обоих предводителей вследствие своей раны был не способен руководить военными действиями, пока, наконец, галлы были бодры духом: он знал, что эта густая толпа последует за ним тем неохотнее, чем дальше он уведет ее из дому. Итак, он надеялся, что сражение вскоре состоится, и во что бы то ни стало желал дать его, даже если бы враги стали медлить. А когда лазутчики из галлов (они безопаснее всего могли доставлять ему требуемые сведения, так как их соплеменники служили в обоих лагерях) донесли ему, что римляне готовы вступить в бой, пуниец стал отыскивать место, удобное для засады.

54. Между его лагерем и Требией протекал ручей с высокими берегами, обросшими камышом и разны-

ми кустарниками и деревьями, какие обыкновенно вырастают на невозделанной почве. Ганнибал лично осмотрел это место и убедился, что тут легко можно скрыть даже всадников. Вернувшись, он сказал своему брату Магону: «Вот то место, которое тебе следует занять. Выбери по сотне человек из пехоты и конницы и явись с ними ко мне в первую стражу; теперь пора отдохнуть». С этими словами он отпустил военный совет. Вскоре Магон с избранными воинами явился. «Я вижу, что вы могучи,— сказал им Ганнибал,— но чтобы вы были сильны не только удалью, но и числом, каждый из вас пусть выберет из своей турмы или манипула по девяти похожих на него храбрецов. Магон покажет вам место, которое вам следует занять; перед вами враги, ничего в такого рода хитростях не смыслящие». В конце концов он отослал Магона с 1000 всадников и 1000 пехотинцев. На рассвете Ганнибал велит нумидийской коннице перейти Требию, подскакать к воротам неприятельского лагеря и, бросая дротиками в караульных, вызвать врага на бой, а затем, когда сражение загорится, медленным отступлением заманить его на эту сторону реки. Таково было поручение, данное нумидийцам; остальным же начальникам как пехоты, так и конницы было предписано, чтобы они велели всем воинам закусить, а затем надеть оружие, оседлать коней и ждать сигнала к битве.

Лишь только нумидийцы произвели тревогу, Семпроний, сгорая жаждой вступить в бой, по установленному уже заранее плану вывел в поле сначала всю конницу,— на эту часть своих сил он более всего полагался,— затем 6000 пехотинцев, а затем и все другие силы. Было как раз время зимнего солнцеворота, шел снег; местность, лежавшая между Альпами и Апеннинами, была особенно сурова от близости рек и болот. К тому же и люди, и лошади были выведены торопливо, не успев ни позавтракать, ни каким бы то ни было образом защитить себя от холода; они и так уже зябли, а чем далее они входили в поднимавшийся из реки туман, тем сильнее пробирала их дрожь. Но вот они пустились преследовать бегущих нумидийцев и вошли в воду; а она, поднявшись вследствие ночного дождя, достигала им до груди. Когда они вышли на тот берег, все до того окоченели, что едва были в состоянии держать оружие в руках; к тому же они, так как часть дня

 уже прошла, изнемогали от усталости и от голода.

55. Все это время воины Ганнибала грелись у костров, разведенных перед палатками, натирали тело оливковым маслом, которое им разослали по манипулам, и на досуге завтракали. Когда был дан сигнал, что враги перешли реку, они, бодрые душой и телом, взялись за оружие и выступили в поле. Балеарцев и легкую пехоту (их было около 8000 человек) Ганнибал поместил впереди знамен, за ними — тяжеловооруженных пехотинцев, ядро и силу своего войска; по обоим крыльям была рассыпана десятитысячная конница, на крыльях же поставлены и слоны. Консул, заметив, что его конница, понесшаяся врассыпную вслед за нумидийцами, слишком неосторожно зашла вперед и встретила неожиданное сопротивление, отозвал ее обратно, дав знак к отступлению, и расставил по крыльям, взяв в центр пехоту. Римлян было 18 000, союзников и латинян 20 000; к ним следует прибавить вспомогательные отряды ценоманов, единственного галльского племени, сохранившего верность римлянам. Таковы были силы сразившихся.

Начали сражение балеарцы. Встретив, однако, сильный отпор со стороны легионов, легкая пехота поспешно разделилась и была разведена по крыльям. Вследствие этого ее движения положение римской конницы сразу стало очень затруднительным. И без того уже трудно было держаться 4000 всадников против 10 000, людям уставшим против людей большею частью еще свежих, а тут еще балеарцы засыпали их градом дротиков. В довершение всего слоны, шествовавшие на краях впереди конницы, наводили ужас на воинов, но еще более пугали лошадей, притом не только своим видом, но и непривычным запахом. И вот поле на широком пространстве покрылось беглецами. Римская пехота дралась не менее храбро, чем карфагенская, но была значительно слабее. Пуниец, незадолго до битвы отдыхавший, выступил в бой со свежими еще силами: римлянам, напротив, голодным, уставшим, с окоченевшими от мороза членами, всякое движение стоило труда. Все же они взяли бы одной храбростью, если бы против них стояла только пехота; но здесь балеарцы, прогнав конницу, метали свои дротики им во фланги, тут слоны напирали уже на самую средину переднего строя, а там вдруг Магон с нумидийцами, мимо засады которых пехота пронеслась, ничего не подозревая, появился в тылу и привел задний ряд

в неописуемое замешательство. И все-таки среди всех этих бедствий, окружавших ее со всех сторон, пехота крепко держалась некоторое время; наиболее успешно отразила она, вопреки всеобщему ожиданию, натиск слонов. Легкие пехотинцы, особо для этого отряженные, забросали их дротиками и обратили в бегство, а затем, преследуя бегущих, кололи под хвост, где у них кожа тоньше и ранить их поэтому легче.

56. Заметив, что слоны, в исступлении, начинают уже бросаться на своих, Ганнибал велел удалить их из средины и отвести на левый край, чтобы они пришлись против вспомогательных отрядов галлов. Тут они сразу вызвали повсеместное бегство, и ужас римлян достиг пределов, когда они заметили, что их союзники разбиты. Пришлось им образовать круг. При таких обстоятельствах приблизительно 10 000, не видя другой возможности спастись, прорубились через центр африканской пехоты, укрепленной галльскими вспомогательными отрядами, нанесши врагу страшный урон. Отсюда они, не будучи в состоянии вернуться в лагерь, от которого их отделяла река, и не видя из-за дождя, куда им направиться, чтобы прийти на помощь своим, прямым путем проследовали в Плацентию. По их примеру было сделано много попыток пробиться в различные стороны; направившиеся к реке были либо поглощены водоворотами, или застигнуты врагами, если не решались войти в реку; те, которые в беспорядочном бегстве рассыпались по равнине, последовали за отступающим отрядом и достигли Плацентии; другим страх перед врагами внушил смелость войти в реку, и они, перешедши ее, добрались до лагеря.

У карфагенян слякоть и невыносимые холода погубили много людей и вьючных животных и почти всех слонов. Далее Требии они врага не преследовали и вернулись в лагерь до того оцепеневшими от холода, что едва радовались своей победе. Поэтому в ночь, когда воины, оставленные в римском лагере для его охраны, а равно и спасшиеся туда бегством и большею частью почти безоружные, на плотах переправлялись через Требию, карфагеняне или действительно ничего не заметили среди шума, производимого дождем, или же, не будучи уже в состоянии двигаться от усталости и ран, притворились, что ничего не замечают. Таким образом консул Сципион тихо и беспрепятственно привел войско в Плацентию, а оттуда через Пад

в Кремону, чтобы зимовка двух войск не ложилась непосильной тяжестью на одну колонию.

57. Ужас, распространившийся в Риме при известии об этом поражении, не поддается никакому описанию. «Вот-вот,— думали римляне,— появятся знамена врага, приближающегося к городу Риму, и нет надежды, нет помощи, нет возможности спасти от его натиска ворота и стены столицы. Когда один консул был побежден на Тицине, мы могли отозвать другого из Сицилии. Теперь оба консула, оба консульских войска разбиты; откуда взять других предводителей, другие легионы?» Так рассуждали они в испуге, как вдруг вернулся консул Семпроний. Подвергаясь страшной опасности, он пробрался сквозь рассеявшуюся повсюду для грабежа неприятельскую конницу, ведомый лишь отвагою, а не расчетом и даже не надеждой обмануть бдительность врага или оказать ему сопротивление, если бы его открыли. Он провел консульские выборы, что было тогда наиболее насущной потребностью, и затем вернулся на зимние квартиры. Консулами были избраны Гней Сервилий и Гай Фламиний.

Римлянам, впрочем, даже зимовать не дали спокойно. Всюду рыскали нумидийские всадники, или же — если местность была для них слишком неровной — кельтиберы и лузитанцы. Римляне были, таким образом, отрезаны решительно от всякого подвоза продовольствия, не считая лишь того, что доставлялось им на кораблях по реке Паду. Была недалеко от Плаценции торговая пристань, окруженная сильными укреплениями и охраняемая многочисленным гарнизоном. В надежде взять эту крепость силой, Ганнибал выступил, взяв с собой конницу и легкую пехоту; а так как он в тайне видел главный залог успешности предприятия, то нападение было произведено ночью. Все же ему не удалось обмануть караульных, и внезапно был поднят такой крик, что его было слышно даже в Плаценции. Таким образом, на рассвете явился консул с конницей, велев легионам следовать за ним в боевом порядке. Еще до их прибытия обе конницы сразились, а так как Ганнибал, получив рану, был вынужден оставить битву, то враги пали духом, и караульный отряд был блестящим образом спасен. Но отдых продолжался всего несколько дней. Едва дав ране зажить, Ганнибал быстро двинулся к Виктумулам, чтобы захватить их приступом. В галльскую войну это место

служило римлянам житницей; затем, так как оно было укреплено, туда стали стекаться со всех сторон окрестные обитатели, принадлежавшие к различным племенам; тогда же страх перед опустошениями заставил многих крестьян поселиться там. И вот эта толпа, услышав о доблестной защите крепости под Плаценцией, воодушевилась мужеством, взялась за оружие и вышла навстречу Ганнибалу. Войска встретились на дороге, скорее в походном, чем в боевом порядке; а так как с одной стороны дралась нестройная толпа, а с другой — уверенные друг в друге вожди и войско, то 35 000 человек были обращены в бегство сравнительно немногими. На следующий день город сдался и принял в свои стены пунийский отряд. Горожанам было велено выдать оружие; они тотчас повиновались; вдруг раздался сигнал грабить город, как будто победители взяли его с боя. Ни одно из бедствий, которые летописцы в подобных случаях считают достойными упоминания, не миновало жителей; все, что только могли придумать своеволие, жестокость и бесчеловечная надменность, обрушилось на этих несчастных.

Таковы были зимние походы Ганнибала.

58. Затем был дан воинам кратковременный отдых, пока стояли невыносимые морозы; а с первыми, еще сомнительными, признаками приближения весны Ганнибал оставил зимние квартиры и повел войско в страну этрусков, рассчитывая убеждением или силой привлечь и этот народ на свою сторону, подобно тому как сделал это с галлами и лигурийцами. Но во время перехода через Апеннины его застигла такая страшная буря, что в сравнении с ней даже ужасы Альп показались почти ничем. Дождь и ветер хлестали пунийцев прямо в лицо и с такой силой, что они или были принуждены бросать оружие, или же, если пытались сопротивляться, сами падали наземь, пораженные силой вьюги. На первых порах они только остановились. Затем, чувствуя, что ветер захватывает им дыхание и щемит грудь, они присели, повернувшись к нему спиною. Вдруг над их головами застонало, заревело, раздались ужасающие раскаты грома, засверкали молнии; пока они, оглушенные и ослепленные, от страха не решались двинуться с места, грянул ливень, а ветер подул еще сильнее. Тут они, наконец, убедились в необходимости расположиться лагерем на том самом месте, где были застигнуты непогодой. Но это

оказалось лишь началом новых бедствий. Нельзя было ни развернуть полотнище, ни водрузить столбы, а если и удавалось раскинуть палатку, то она не оставалась на месте: все разрывал и уносил ураган. А тут еще тучи, занесенные ветром повыше холодных вершин гор, замерзли и стали сыпать градом в таком количестве, что воины, махнув рукой на все, бросились на землю, скорее погребенные под своими палатками, чем прикрытые ими; за градом последовал такой сильный мороз, что, если кто в этой жалкой куче людей и животных хотел приподняться и встать, он долго не мог этого сделать, так как жилы окоченели от стужи и суставы едва могли сгибаться. Наконец резкими движениями они размялись и несколько ободрились духом; кое-где были разведены огни; если кто чувствовал себя слишком слабым, то прибегал к чужой помощи. В продолжение двух дней оставались они на этом месте, как бы в осаде; погибло много людей, много вьючных животных, а также и семь слонов из тех, которые уцелели после сражения на Требии.

59. Спустившись с Апеннин, Ганнибал двинулся назад, к Плацентии, и остановился в десяти милях от города; в следующий день он повел против врага 12 000 пехотинцев и 5000 всадников. Консул Семпроний, вернувшийся уже к этому времени из Рима, не уклонился от боя; в этот день расстояние между обоими лагерями не превышало трех миль. На другой день они сразились с замечательным мужеством, но с переменным счастьем. В первой стычке римляне имели решительный перевес: они не только победили в поле, но, погнав врага, преследовали его до самого лагеря, а затем произвели нападение и на самый лагерь. Ганнибал, расставив немногих защитников вдоль вала и у ворот, остальным велел сплотиться вокруг него на средней площади лагеря и с напряженным вниманием ждать сигнала к вылазке. В девять часов дня римский полководец, видя, что воины только напрасно истощают свои силы и что все еще нет никакой надежды взять лагерь, дал знак к отступлению. Узнав об этом и заметив, что бой прекратился и неприятель отступает от его лагеря, Ганнибал тотчас же из правых и из левых ворот выпускает против врага конницу, а сам с отборной пехотой устремляется через средние ворота. Если бы время дня позволяло обоим войскам дать более продолжительный бой, то вряд ли ка-

кое-нибудь иное сражение ознаменовалось бы большим ожесточением и большим числом убитых с обеих сторон; теперь же, как ни храбро дрались воины, а ночь заставила их разойтись. Таким образом, потери были меньше, чем можно было ожидать по остервенению, с каким противники бросились друг на друга; а так как обе стороны сражались с одинаковым почти успехом, то и число убитых к окончанию боя было одинаково; пало не более как по 600 пехотинцев и вполовину против этого числа всадников. Все же потери римлян были ощутительнее, чем можно было предположить, судя по одному числу павших: было убито довольно много людей всаднического сословия, пять военных трибунов и три начальника союзников. После этого сражения Ганнибал отступил к лигурийцам, а Семпроний к Луке. Лигурийцы выдали входящему в их пределы Ганнибалу двух римских квесторов, Гая Фульвия и Луция Лукреция, которых они захватили обманом, и, сверх того, двух военных трибунов и пять лиц всаднического сословия, большею частью сыновей сенаторов; это они сделали для того, чтобы он убедился в их мирном настроении и желании быть союзниками карфагенян.

60. Пока все это происходит в Италии, Гней Корнелий Сципион, посланный с флотом и войском в Испанию, отправился от устьев Родана и, обогнув Пиренеи, пристал в Эмпориях. Высадив здесь войско, он начал с леетанов и мало-помалу подчинил Риму все побережье до реки Гибера, то возобновляя прежние союзы, то заключая новые. Приобретя при этом славу кроткого и справедливого человека, он распространил свое влияние не только на приморские народы, но и на более дикие племена, населявшие гористую область внутри страны, и не только заключил с ними мир, но и сделал их своими союзниками и набрал среди них несколько сильных вспомогательных отрядов.

Испания по сю сторону Гибера была провинцией Ганнона; его Ганнибал оставил защищать эту страну. Полагая, что следует идти навстречу врагу, не дожидаясь всеобщего бунта, он остановился лагерем в виду неприятеля и вывел свое войско в поле. Римский полководец также счел лучшим не откладывать сражения; зная, что ему войны с Ганноном и Газдрубалом не миновать, он предпочитал иметь дело с каждым порознь, чем с обоими вместе. Сражение было не осо-

бенно напряженным; 6000 неприятелей было убито, 2000 взято в плен, сверх того еще охрана лагеря, который также был взят, и сам полководец с несколькими вельможами. При этом было завоевано и местечко Циссис, лежавшее недалеко от лагеря; впрочем, найденная в нем добыча состояла из предметов небольшой стоимости — главным образом грубой утвари и негодных рабов. Зато захваченная в лагере добыча обогатила римских воинов, так как не только побежденное войско, но и то, которое под знаменами Ганнибала служило в Италии, оставило всю свою более или менее ценную собственность по ту сторону Пиренеев, чтобы она не оказалась тяжелым бременем для несущих.

61. Газдрубал, прежде чем достоверная весть об этом поражении могла дойти до него, переправился через Гибер с 8000 пеших и 1000 всадников в тщетной надежде выйти навстречу римлянам при первом их появлении в стране. Узнав, что карфагеняне разбиты наголову под Циссисом и их лагерь взят, он повернул к морю. Недалеко от Тарракона он застиг флотских воинов и матросов, бродивших отдельными шайками по полям, как это бывает обыкновенно после успеха. Пустив против них врассыпную свою конницу, он многих перебил, а остальных в крайнем замешательстве прогнал к кораблям. Не решаясь, однако, более оставаться в этих местах, чтобы его не застиг Сципион, он удалился за Гибер. В самом деле, Сципион, узнав о прибытии новых врагов, поспешно двинулся со своим войском против них; наказав нескольких начальников кораблей и оставив в Тарраконе небольшой отряд, он вернулся с флотом в Эмпории. Не успел он удалиться, как вдруг опять появился Газдрубал, побудил к возмущению племя илергетов, которое дало было Сципиону заложников, и с их же молодежью стал опустошать поля верных римлянам союзников. Но лишь только Сципион выступил с зимних квартир, он опять оставил всю область по сю сторону Гибера; Сципион же вторгнулся с войском в пределы илергетов, брошенных виновником их возмущения, загнал всех в их главный город Атанагр и осадил. Через несколько дней ему удалось снова принять в подданство илергетов; он велел им поставить еще больше против прежнего заложников и наказал их сверх того еще денежной пеней. Отсюда он двинулся к авсетанам, которые также были

союзниками пунийцев, и осадил их город. Когда же лацетаны поспешили выручать соседей, Сципион ночью, недалеко от города, когда лацетаны намеревались войти в него, устроил им засаду. Около 12 000 было убито; почти все потеряли оружие и, рассеявшись по полям, убежали восвояси. Да и осажденных защищала только зима, от которой осаждающие терпели много невзгод. Тридцать дней продолжалась осада, и все это время глубина снега редко бывала менее четырех футов; но зато он так завалил римские осадные щиты и навесы, что только им они были спасены от поджигательных снарядов, которые враги неоднократно бросали в них. В конце концов, когда начальник авсетанов Амузик спасся бегством к Газдрубалу, они сдались, обязавшись уплатить двадцать талантов серебра. Римляне вторично отправились на зимние квартиры, на этот раз в Тарракон.

62. В Риме и его окрестностях много тревожных знамений или действительно было замечено в эту зиму, или же — как это обыкновенно бывает, коль скоро умы объяты суеверным страхом,— о них только доносили часто, и рассказчикам слепо верили. В числе прочих передают, будто шестимесячный ребенок свободных родителей на Овощном рынке крикнул: «Триумф!»; на Бычьем рынке бык сам собою взобрался на третий этаж и бросился оттуда, испуганный тревогой, которую подняли жильцы; на небе показались огненные изображения кораблей; в храм Надежды, что на Овощном рынке, ударила молния; в Ланувии копье шевельнулось, и ворон влетел в храм Юноны и сел как раз на ложе богини; в окрестностях Амитерна во многих местах показывались издали призраки в белой одежде, но ни с кем не повстречались; в Пицене шел каменный дождь; в Цере вещие дощечки утончились; в Галлии волк выхватил у караульного меч из ножен и унес его. Относительно всех прочих знамений было определено, чтобы децемвиры справились в Сивиллиных книгах; по поводу же каменного дождя в Пицене было объявлено девятидневное празднество. По истечении его приступили к другим очистительным обрядам, в которых приняли участие почти все граждане. Прежде всего было произведено очищение города; богам, по определению децемвиров, заклали известное число взрослых животных; в Ланувии поднесли Юноне дар из сорока фунтов золота, а замужние женщи-

ны посвятили Юноне на Авентине медную статую; в Цере, где вещие дощечки утончились, был объявлен лектистерний, и вместе с тем молебствие Фортуне на горе Альгиде; также и в Риме был объявлен лектистерний Юности и молебствие в храме Геркулеса для отдельных избранных, а затем для всего народа молебствие во всех храмах. Гению было заклано пять взрослых животных, и сверх того определено, чтобы претор Гай Атилий Серран произнес обеты на случай, если бы положение государства не изменилось к худшему в течение следующих десяти лет. Эти обряды и обеты, совершенные и произнесенные по откровению Сивиллиных книг, в значительной степени успокоили взволнованные суеверным страхом умы.

63. Фламиний, один из назначенных консулов следующего года, получив по жребию зимовавшие в Плацентии легионы, послал консулу письмо с приказом, чтобы это войско к мартовским идам стояло лагерем в Аримине. Он действительно намеревался вступить в должность там, в провинции, помня о своих старинных спорах с сенатом в бытность свою трибуном, а позже и консулом, когда у него сначала хотели отнять консульство, а затем триумф; к тому же ненависть к нему сенаторов увеличилась по случаю нового закона, предложенного народным трибуном Гаем Клавдием против воли сената и при содействии одного только Гая Фламиния из среды сенаторов,— чтобы никто из сенаторов или сыновей сенаторов не владел морским кораблем вместимостью свыше трехсот амфор. Эта вместимость считалась законодателем достаточной, чтобы привезти в город из деревни припасы для собственного употребления; торговля же признавалась для сенаторов безусловно позорной. Закон этот, наделавший очень много шуму, принес Фламинию, который отстаивал его, ненависть знати, но зато любовь народа и, таким образом, вторичное консульство. Ввиду этого он стал опасаться, как бы его не пожелали задержать в городе вымышленными ауспициями, откладыванием Вселатинского празднества и другими помехами, которыми обыкновенно пользовались против консулов, и поэтому, под предлогом поездки по частным делам, тайком уехал в свою провинцию. Когда об этом узнали, негодование сенаторов, и без того уже сильное, еще возросло. «Гай Фламиний,— говорили они,— ведет войну уже не с одним только

сенатом, но и с бессмертными богами. Еще прежде он, выбранный консулом при зловещих ауспициях, отказал в повиновении богам и людям, когда они отзывали его с самого поля битвы; теперь он, помня о своей тогдашней непочтительности, бегством уклонился от обязанности произнести в Капитолии торжественные обеты. Он не пожелал в день вступления своего в должность помолиться в храме Юпитера Всеблагого и Всемогущего, увидеть кругом себя собранный для совещания сенат, который его ненавидит и ему одному ненавистен, назначить день Вселатинского празднества и совершить на горе торжественное жертвоприношение Латинскому Юпитеру; не пожелал, после ауспиций, отправиться в Капитолий для произнесения обетов и затем в военном плаще, в сопровождении ликторов, уехать в провинцию. Он предпочел отправиться наподобие какого-нибудь торговца, промышляющего при войске, без знаков своего достоинства, без ликторов, украдкой, как будто удалялся в изгнание. По-видимому, ему показалось более соответствующим величию своей власти вступить в должность в Аримине, чем в Риме, надеть окаймленную пурпуром тогу в каком-нибудь постоялом дворе, чем подле своих пенатов!» Все решили, что его следует — честью ли, или силой — вернуть и заставить сначала лично исполнить все обязанности перед богами и людьми, а затем уже отправиться к войску и в провинцию. Послами (постановлено было отправить таковых) избраны были Квинт Теренций и Марк Антистий; но их слова так же мало подействовали на него, как в его первое консульство письмо сената. Через несколько дней он вступил в должность; но когда он приносил жертву, теленок, раненный уже, вырвался из рук священнослужителей и обрызгал своей кровью многих из присутствовавших; вдали же смятения и тревоги было еще больше, так как не знали, в чем причина испуга. Многие видели в этом предзнаменование больших ужасов. Затем он принял два легиона от прошлогоднего консула Семпрония и два от претора Гая Атилия и повел свое войско по горным тропинкам Апеннин в Этрурию.

КОРНЕЛИЙ ТАЦИТ

ИСТОРИЯ · АННАЛЫ

ИСТОРИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

1. НАЧАЛОМ моего повествования станет год, когда консулами были Сервий Гальба во второй раз и Тит Виний. События предыдущих восьмисот двадцати лет, прошедших с основания нашего города, описывали многие, и, пока они вели речь о деяниях римского народа, рассказы их были красноречивы и искренни. Но после битвы при Акции, когда в интересах спокойствия и безопасности всю власть пришлось сосредоточить в руках одного человека, эти великие таланты перевелись. Правду стали всячески искажать — сперва по неведению государственных дел, которые люди начали считать себе посторонними, потом — из желания польстить властителям или, напротив, из ненависти к ним. До мнения потомства не стало дела ни хулителям, ни льстецам. Но если лесть, которой историк пользуется, чтобы преуспеть, противна каждому, то к наветам и клевете все охотно прислушиваются; это и понятно: лесть несет на себе отвратительный отпечаток рабства, тогда как коварство выступает под личиной любви к правде. Если говорить обо мне, то от Гальбы, Отона и Вителлия я не видел ни хорошего, ни плохого. Не буду отрицать, что начало моим успехам по службе положил Веспасиан, Тит умножил их, а Домициан возвысил меня еще больше; но тем, кто решил неколебимо держаться истины, следует вести свое повествование, не поддаваясь любви и не зная ненависти. Старость же свою, если только хватит жизни, я думаю посвятить труду более благодарному и не столь опасному: рассказать о принципате Нервы и о владычестве Траяна, о годах редкого счастья, когда каждый может думать, что хочет, и говорить, что думает.

2. Я приступаю к рассказу о временах, исполненных несчастий, изобилующих жестокими битвами, смутами и распрями, о временах, диких и неистовых даже

в мирную пору. Четыре принцепса, погибших насильственной смертью, три гражданские войны, ряд внешних и много таких, что были одновременно и гражданскими, и внешними, удачи на Востоке и беды на Западе — Иллирия объята волнениями, колеблется Галлия, Британия покорена и тут же утрачена, племена сарматов и свебов объединяются против нас, растет слава даков, ударом отвечающих Риму на каждый удар, и даже парфяне, следуя за шутом, надевшим личину Нерона, готовы взяться за оружие. На Италию обрушиваются беды, каких она не знала никогда или не видела уже с незапамятных времен: цветущие побережья Кампании где затоплены морем, где погребены под лавой и пеплом; Рим опустошают пожары, в которых гибнут древние храмы, выгорел Капитолий, подожженный руками граждан. Поруганы древние обряды, осквернены брачные узы; море покрыто кораблями, увозящими в изгнание осужденных, утесы запятнаны кровью убитых. Еще худшая жестокость бушует в самом Риме,— все вменяется в преступление: знатность, богатство, почетные должности, которые человек занимал или от которых он отказался, и неминуемая гибель вознаграждает добродетель. Денежные премии, выплачиваемые доносчикам, вызывают не меньше негодования, чем их преступления. Некоторые из них в награду за свои подвиги получают жреческие и консульские должности, другие управляют провинциями императора и вершат дела в его дворце. Внушая ужас и ненависть, они правят всем по своему произволу. Рабов подкупами восстанавливают против хозяев, вольноотпущенников — против патронов. Если у кого нет врагов, его губят друзья.

3. Время это, однако, не вовсе было лишено людей добродетельных и оставило нам также хорошие примеры. Были матери, которые сопровождали детей, вынужденных бежать из Рима; жены, следовавшие в изгнание за своими мужьями; друзья и близкие, не отступившиеся от опальных; зятья, сохранившие верность попавшему в беду тестю; рабы, чью преданность не могли сломить и пытки; мужи, достойно сносившие несчастья, стойко встречавшие смерть и уходившие из жизни как прославленные герои древности. Не только на людей обрушились бесчисленные бедствия: небо
 и земля были полны чудесных явлений: вещая судьбу,

сверкали молнии, и знамения — радостные и печальные, смутные и ясные — предрекали будущее. Словом, никогда еще боги не давали римскому народу более очевидных и более ужасных доказательств того, что их дело — не заботиться о людях, а карать их.

4. Однако прежде чем приступить к задуманному рассказу, нужно, я полагаю, оглянуться назад и представить себе, каково было положение в Риме, настроение войск, состояние провинций и что было в мире здорово, а что гнило. Это необходимо, если мы хотим узнать не только внешнее течение событий, которое по большей части зависит от случая, но также их смысл и причины. Поначалу смерть Нерона была встречена бурной радостью и ликованием, но вскоре весьма различные чувства охватили, с одной стороны, сенаторов, народ и расположенные в городе войска, а с другой — легионы и полководцев, ибо разглашенной оказалась тайна, окутывавшая приход принцепса к власти, и выяснилось, что им можно стать не только в Риме. Сенаторы, несмотря на это, неожиданно обретя свободу, радовались и забирали все больше воли, как бы пользуясь тем, что принцепс лишь недавно приобрел власть и находится вдали от Рима. Немногим меньше, чем сенаторы, радовались и самые именитые среди всадников; воспрянули духом честные люди из простонародья, связанные со знатными семьями, клиенты и вольноотпущенники осужденных и сосланных. Подлая чернь, привыкшая к циркам и театрам, худшие из рабов, те, кто давно растратил свое состояние и кормился, участвуя в постыдных развлечениях Нерона, ходили мрачные и жадно ловили слухи.

5. Преторианцы издавна привыкли по долгу присяги быть верными Цезарям, и Нерона они свергли не столько по собственному побуждению, сколько поддавшись уговорам и настояниям. Теперь же, не получив денежного подарка, обещанного им ранее от имени Гальбы, зная, что в мирное время труднее выделиться и добиться наград, чем в условиях войны, поняв, что легионы, выдвинувшие нового государя, имеют больше надежд на его благосклонность, и к тому же подстрекаемые префектом Нимфидием Сабином, который сам рассчитывал стать принцепсом, они жаждали перемен. Хотя попытка Нимфидия захватить власть была подавлена и мятеж обезглавлен, многие

преторианцы помнили о своей причастности к заговору; немало было и людей, поносивших Гальбу за то, что он стар, и изобличавших его в скупости. Сама его суровость, некогда прославленная в войсках и стяжавшая ему столько похвал, теперь пугала солдат, испытывавших отвращение к дисциплине былых времен и привыкших за четырнадцать лет правления Нерона так же любить пороки государей, как когда-то они чтили их доблести. Стали известны и слова Гальбы о том, что он «набирает солдат, а не покупает»,— правило, полезное для государства, покоящегося на справедливых основах, но опасное для самого государя; впрочем, поступки Гальбы не соответствовали этим словам.

6. Положение немощного старика подрывали Тит Виний, отвратительнейший из смертных, и Корнелий Лакон, ничтожнейший из них; Виния все ненавидели за подлость, Лакона презирали за бездеятельность. Путь Гальбы к Риму был долог и кровав. Погибли — и, как полагали, невинно — кандидат в консулы Цингоний Варрон и Петроний Турпилиан, бывший консул; их не выслушали, им не дали защитников, и обоих убили, первого — как причастного к заговору Нимфидия, второго — как полководца Нерона. Вступление Гальбы в Рим было омрачено недобрым предзнаменованием: убийством нескольких тысяч безоружных солдат, вызвавшим отвращение и ужас даже у самих убийц. После того как в Рим, где уже был размещен легион, сформированный Нероном из морской пехоты, вступил еще и легион из Испании, город наполнился войсками, ранее здесь не виданными. К ним надо прибавить множество воинских подразделений, которые Нерон навербовал в Германии, Британии и Иллирии и, готовясь к войне с альбанами, отправил к каспийским ущельям, но вернул с дороги для подавления вспыхнувшего восстания Виндекса. Вся эта масса, склонная к мятежу, хоть и не обнаруживала явных симпатий к кому-либо, была готова поддержать каждого, кто рискнет на нее опереться.

7. Случилось так, что в это же время было объявлено об убийстве Клодия Макра и Фонтея Капитона. Макр, который бесспорно готовил бунт, был умерщвлен в Африке по приказу Гальбы прокуратором Требонием Гаруцианом; Капитона, затевавшего то же самое

в Германии, убили, не дожидаясь приказа, легаты Корнелий Аквин и Фабий Валент. Кое-кто, однако, полагал, что Капитон, хоть и запятнанный всеми пороками, стяжатель и развратник, о бунте все же не помышлял, а убийство его было задумано и осуществлено легатами, когда они поняли, что им не удастся убедить его начать войну; Гальба же, или по неустойчивости характера, или стремясь избежать более тщательного расследования, лишь утвердил то, что уже нельзя было изменить. Так или иначе, оба эти убийства произвели гнетущее впечатление, и отныне, что бы принцепс ни делал, хорошее или дурное,— все навлекало на него равную ненависть. Общая продажность, всевластие вольноотпущенников, жадность рабов, неожиданно вознесшихся и торопившихся, пока старик еще жив, обделать свои дела,— все эти пороки старого двора свирепствовали и при новом, но снисхождения они вызывали гораздо меньше. Даже возраст Гальбы вызывал смех и отвращение у черни, привыкшей к юному Нерону и по своему обыкновению сравнивавшей,— какой император более красив и статен.

8. Таково было настроение в Риме,— если можно говорить об общем настроении у столь великого множества людей. Что касается провинций, то Испанией управлял Клувий Руф, человек красноречивый, сведущий в политике, но в военном деле неопытный; Галлию привязывала к новому режиму не только память о восстании Виндекса, но также и благодарность за недавно дарованное ей право римского гражданства и облегчение налогов. Между тем племена галлов, жившие по соседству со стоявшими в Германии армиями, не получили подобных привилегий, в некоторых случаях даже лишились части своей земли и с равным возмущением вели счет чужим выгодам и своим обидам. Германские армии были встревожены и раздражены; они гордились недавней победой, но боялись, что их обвинят в поддержке противной партии,— сочетание чувств крайне опасное там, где сосредоточено столько оружия и сил. Эти войска с опозданием отступились от Нерона, а Вергиний не сразу встал на сторону Гальбы; никто не знал, захочет ли он сам сделаться императором, но было известно, что солдаты ему это предлагали. Убийство Фонтея Капитона возмутило здесь даже тех, кто не имел права выражать свое мне-

ние. После того как Гальба, притворившись другом Вергиния, вызвал его к себе, армия осталась без командующего, когда же он был в Риме не только задержан, но и привлечен к ответственности, солдаты восприняли это как угрозу самим себе.

9. Верхнегерманские легионы презирали своего легата Гордеония Флакка за телесную немощь, вызванную старостью и подагрой, за слабый и нерешительный характер. Он не умел командовать, даже пока солдаты вели себя спокойно, теперь же, когда они были раздражены, его беспомощные попытки навести порядок лишь распаляли их ярость. Легионы Нижней Германии долго оставались без консульского легата, пока, наконец, Гальба не прислал к ним Авла Вителия — сына цензора и трижды консула Вителия. В войсках, расположенных в Британии, не было никаких беспорядков: среди потрясений, вызванных гражданскими войнами, именно эти легионы остались более, чем другие, верны своему долгу,— то ли потому, что они были удалены от Рима и отрезаны от него Океаном, то ли трудные походы научили их обращать свою ненависть прежде всего на врагов. Спокойно было и в Иллирии, хотя легионы, выведенные оттуда Нероном в Италию и бесцельно стоявшие здесь, через своих представителей предлагали императорскую власть Вергинию. Однако эти воинские части были размещены на большом расстоянии одна от другой (что всегда является наилучшим средством сохранить среди них верность присяге), так что не могли ни заражать друг друга мятежными настроениями, ни объединить свои силы.

10. Восток пока оставался спокойным. Здесь командовал четырьмя легионами и управлял Сирией Лициний Муциан, человек, равно известный своими удачами и своими несчастьями. В молодости он из честолюбия искал дружбы с людьми знатными и богатыми и тщательно поддерживал эти отношения. Когда же вскоре состояние его оказалось расстроенным и положение безвыходным, когда над ним готов был разразиться гнев Клавдия, его отправили в один из захолустных городов Азии, и он жил чуть ли не на положении ссыльного в тех самых местах, где позже пользовался почти неограниченной властью. В нем уживались изнеженность и энергия, учтивость и заносчивость, добро и зло, величайшая доблесть в походах и излишняя

преданность наслаждениям во время отдыха; его поведение в обществе и на службе вызывало похвалы, о тайных сторонах его жизни говорили много дурного; с подчиненными, близкими, коллегами,— с каждым он умел быть обаятельным по-своему; власть он охотнее уступал другим, чем пользовался ею сам. Войну в Иудее вел Флавий Веспасиан с тремя легионами, во главе которых его поставил еще Нерон. Веспасиан тоже не помышлял о борьбе против Гальбы; как мы расскажем в своем месте, он даже послал к нему своего сына Тита в знак почтения и преданности. В то, что императорская власть была суждена Веспасиану и его детям тайным роком, знамениями и пророчествами, мы уверовали лишь позже, когда судьба уже вознесла его.

11. В Египте уже со времен божественного Августа место царей заняли римские всадники, которые управляли страной и командовали войсками, охранявшими здесь порядок: императоры сочли за благо держать под своим личным присмотром эту труднодоступную провинцию, богатую хлебом, склонную из-за царивших здесь суеверий и распущенности к волнениям и мятежам, незнакомую с законами и государственным управлением. В ту пору во главе ее стоял Тиберий Александр, египтянин. Африка и расположенные здесь легионы, достаточно натерпевшиеся от местных властей, были рады служить любому принцепсу, избавившему их от Клодия Макра. Обе Мавритании, Реция, Норик, Фракия и прочие провинции, управлявшиеся прокураторами, склонялись в пользу нового государя или против него в зависимости от настроения стоявших поблизости армий. Провинции, в которых не было войск, и в первую очередь сама Италия, были обречены хранить рабскую покорность победителю и играть роль военной добычи.

Таково было положение дел, когда Сервий Гальба во второй раз и Тит Виний вступили в свой консульский год, ставший последним для них и едва не принесший гибель государству.

12. Через несколько дней после январских календ от Помпея Пропинква, прокуратора Белгики, пришло сообщение: верхнегерманские легионы, нарушив верность присяге, требуют нового императора и, рассчитывая таким путем вызвать более снисходительное от-

ношение к своему заговору, предоставляют выбор его сенату и римскому народу. Это событие ускорило решение Гальбы избрать себе наследника и разделить с ним власть,— замысел, который он уже давно обдумывал сам и обсуждал с близкими. В те месяцы по всему городу только и было речи, что об этом выборе, прежде всего из-за обычной страсти к такого рода разговорам и потому еще, что Гальба был уж очень стар и слаб. Людей, судивших здраво или принимавших к сердцу судьбы государства, было мало; многие начинали питать нелепые надежды, каждый раз когда друзья или клиенты называли их как возможных наследников и сеяли слухи, льстившие их тщеславию. Играла свою роль и ненависть к Титу Винию, возраставшая по мере того, как день ото дня крепло его могущество. В друзьях Гальбы нерешительность императора разжигала жадное стремление к власти, ибо при немощном и легковерном правителе творить беззакония менее опасно и сулит больше выгод.

13. Высшую власть в государстве делили между собой консул Тит Виний, префект претория Корнелий Лакон и пользовавшийся не меньшим доверием Гальбы его вольноотпущенник Икел; последнему были дарованы кольца и всадническое имя Марциан. Все трое вечно ссорились, и даже в мелочах каждый тянул в свою сторону; теперь, когда речь зашла о назначении наследника, они разделились на две группы. Виний стоял за Марка Отона; Лакон и Икел объединились, не столько чтобы покровительствовать тому или иному претенденту, сколько в стремлении противопоставить кого-нибудь кандидату Виния. Дружба Отона с Винием не была секретом и для Гальбы, а любители сплетен даже прочили неженатого Отона в зятья Винию, у которого дочь была вдовой. Думаю, что противники Отона учитывали и интересы государства: не было никакого смысла отнимать у Нерона власть, чтобы оставить ее в руках Отона. Дело в том, что Отон провел первые годы юности беспечно, молодость бурно и приобрел благосклонность Нерона, соревнуясь с ним в распутстве. Именно у Отона как соучастника всех его постыдных похождений скрыл принцепс свою наложницу Поппею Сабину, рассчитывая тем временем избавиться от жены Октавии. Вскоре, однако, заподозрив Отона в связи с Поппеей, Нерон отправил его

в Лузитанию, назначив для вида легатом этой провинции. Отон управлял провинцией хорошо, первым примкнул к Гальбе, стал рьяным его сторонником и, пока еще шла война, затмил щедростью всех в его окружении. Надежда, что Гальба усыновит его, уже тогда в нем зародившаяся, все более овладевала Отоном, тем более что солдаты в большинстве любили его, а люди, близкие Нерону, видя их сходство, его поддерживали.

14. Хотя в донесении о беспорядках в германских легионах и не содержалось ничего определенного относительно намерений Вителлия, все же Гальба, не зная, куда может броситься ярость восставших, и не доверяя даже войскам, сосредоточенным в Риме, решился сделать шаг, в котором видел единственную возможность поправить дело,— назначить себе преемника. Он вызывает к себе Виния и Лакона, кандидата в консулы Мария Цельза, префекта города Дуцения Гемина и, сказав для начала несколько слов о своем старческом возрасте, приказывает ввести Пизона Лициниана. Неизвестно, остановился он на этой кандидатуре сам, или, как некоторые полагали,— под влиянием Лакона, который подружился с Пизоном, встречаясь с ним у Рубеллия Плавта; во всяком случае, Лакон покровительствовал Пизону очень осторожно, делая вид, что помогает человеку, с которым незнаком, а добрая слава Пизона лишь придавала вес его словам. Сын Марка Красса и Скрибонии, Пизон был благородного происхождения и по отцу, и по матери; по внешности, манере держаться, взглядам это был человек старого склада; он был суров — если судить о нем справедливо, или угрюм — как уверяли недоброжелатели. Гальбе нравилась именно эта сторона его характера, внушавшая опасения людям, мятежно настроенным.

15. Взяв Пизона за руку, Гальба, как передают, начал свою речь следующим образом: «Если бы я был частным лицом и усыновил тебя, как это обычно принято, по решению куриатных комиций и жрецов, то и мне было бы лестно ввести в свой дом потомка Гнея Помпея и Марка Красса, и для тебя было бы почетно присоединить к знатному твоему роду славные имена Сульпициев и Лутациев. Сейчас, однако, когда я, с согласия богов и людей, призван к высшей власти, сознание твоих выдающихся способностей и любовь к роди-

не приводят меня к решению именно тебе, наслаждающемуся миром и спокойствием, предложить принять принципат, за который наши предки сражались с оружием в руках и которого я добился войной. Я поступаю при этом по примеру божественного Августа, который сначала племяннику своему Марцеллу, потом зятю Агриппе, вскоре затем внукам и, наконец, пасынку Тиберию Нерону дал положение, почти столь же высокое, как его собственное. Однако если Август искал преемников в пределах своей семьи, то я ищу их в пределах всего государства, и не потому, что у меня нет родных или боевых товарищей, я не из личного честолюбия принял власть, и то, что я оказываю тебе предпочтение не только перед моими, но и перед твоими сородичами, пусть будет этому доказательством. У тебя есть брат, равный тебе по благородству происхождения; он старше тебя и был бы достоин этой высокой участи, если бы ты не был достоин ее еще больше. За это говорит и твой возраст, которому уже чужды юношеские страсти, и вся твоя жизнь, не содержащая ничего, за что следовало бы краснеть. До сих пор судьба не была к тебе милостива, но ведь удачи подвергают наш дух еще более суровым испытаниям, ибо в несчастьях мы закаляемся, а счастье нас расслабляет. Конечно, сам ты сохранишь нетронутыми лучшие человеческие свойства: твердость души, любовь к свободе, верность друзьям, но другие своим раболепием погубят их. Появятся пресмыкательство, лесть и то, что вернее всего отравляет всякое искреннее чувство,— своекорыстие. Мы с тобой разговариваем сейчас откровенно и прямо, но другие обращаются скорее не к нам, а к положению, которое мы занимаем. Ведь давать государю правильные советы — вещь трудная, а соглашаться с каждым, кто стал принцепсом, можно, ничего не переживая и ничего не думая.

16. Если бы огромное тело государства могло устоять и сохранить равновесие без направляющей его руки единого правителя, я хотел бы быть достойным положить начало республиканскому правлению. Однако мы издавна уже вынуждены идти по другому пути: единственное, что я, старик, могу дать римскому народу,— это достойного преемника, и единственное, что можешь сделать для него ты, человек молодой,— это

 стать хорошим принцепсом При Тиберии, при Гае

и при Клавдии мы представляли собой как бы наследственное достояние одной семьи. Теперь, когда правление Юлиев и Клавдиев кончилось, глава государства будет усыновлять наиболее достойного. Разум не играет никакой роли в том, что человек родился сыном принцепса, но если государь сам избирает себе преемника, он должен действовать разумно, должен обнаружить и независимость суждения, и готовность прислушиваться к мнению других. Пусть стоит перед твоими глазами судьба Нерона, который так гордился происхождением из семьи, давшей Риму длинный ряд Цезарей. Его низвергли не Виндекс со своей безоружной провинцией и не я с моим единственным легионом, а собственная чудовищная жестокость и собственная страсть к наслаждениям: неудивительно, что это первый принцепс, который заслужил официальное осуждение. Мы достигли власти войной и опираясь на признание разумных людей, но как бы благородно мы себя ни вели, злоба и зависть всегда будут сопровождать нас. И не следует тебе испытывать страха от того, что в этом охваченном потрясениями мире есть два легиона, которые все еще никак не успокоятся: я ведь и сам принял власть, когда положение было нелегким. Зато теперь, как только распространится слух о твоем усыновлении, меня перестанут считать стариком, а ведь это — единственное, что мне ставят в вину. Дурные люди будут всегда сожалеть о Нероне; нам с тобой надо позаботиться о том, чтобы о нем не стали жалеть и хорошие. Сейчас не время давать тебе дальнейшие наставления; если, остановив свой выбор на тебе, я поступил правильно,— осуществилось все, на что я надеялся. Установить, чтó есть в человеке плохого и чтó хорошего, лучше и легче всего, если присмотреться, к чему он стремился и чего избегал при другом государе. У нас ведь не так, как у народов, которыми управляют цари: там властвует одна семья и все другие — ее рабы; тебе же предстоит править людьми, неспособными выносить ни настоящее рабство, ни настоящую свободу». И Гальба долго еще продолжал говорить так или примерно так, наставляя будущего государя, в то время как все остальные уже обращались к Пизону как к принцепсу, облеченному полнотой власти.

17. Присутствовавшие сначала лишь посматривали на Пизона, вскоре все взоры сошлись на нем одном, но он, как рассказывают, не обнаружил никаких признаков волнения или радости. Ответная речь его была почтительна по отношению к отцу и императору и сдержанна в том, что касалось его самого. В лице его и манере держаться ничего не изменилось: казалось, что он скорее чувствует себя в праве повелевать, чем стремится к этому. Стали совещаться о том, где лучше объявить об усыновлении Пизона — в сенате, в лагере преторианцев или возвестить об этом с ростр. Было решено отправиться в лагерь и этим оказать честь преторианцам: Гальба считал, что дурно добиваться расположения солдат подарками и лестью, но что не следует пренебрегать возможностью достичь этой цели честным путем. Между тем все больше народу, стремившегося проникнуть в тайну происходящего, окружало Палатин, и неудачные попытки подавить слухи лишь заставляли их расти и шириться.

18. Четвертый день перед январскими идами, мрачный и дождливый, был отмечен необычными небесными знамениями, громом и молниями. В такие дни издавна принято не созывать никаких собраний. Все это, однако, не испугало Гальбу, и он, несмотря ни на что, отправился в лагерь: то ли он презирал такие пророчества, считая их делом случая, то ли человеку не дано избежать своей судьбы, хотя она ему и ясно предсказана. На многолюдной солдатской сходке он кратко и властно объявил, что усыновляет Пизона — по примеру божественного Августа и по солдатскому обычаю, согласно которому каждый воин сам избирает следующего. Опасаясь, что, промолчав о мятеже, он лишь еще больше привлечет к нему внимание, Гальба, с несколько излишней настойчивостью, стал утверждать, что число зачинщиков заговора невелико, что четвертый и двадцать второй легионы не пошли дальше разговоров и крика и что в самом ближайшем будущем они вернутся к исполнению своих обязанностей. К своей речи он не прибавил ни одного ласкового слова и не распорядился раздать преторианцам деньги. Однако трибуны, центурионы и солдаты в передних рядах встретили его слова с одобрением; остальные стояли молчаливые и мрачные: несмотря на войну, думали они, мы не получили денег, хотя другие императоры привыкли их раздавать даже и в мирное

время. Прояви скупой старик хоть малейшую щедрость, он, без сомнения, мог бы привлечь солдат на свою сторону; ему повредили излишняя суровость и несгибаемая, в духе предков, твердость характера, ценить которые мы уже не умеем.

19. Обращение Гальбы к сенату было столь же простым и кратким, как и выступление его перед солдатами, речь Пизона — искусной и любезной. Сенаторы выразили ему свою благосклонность, многие искренне, недоброжелатели многоречиво, а равнодушное большинство — с угодливой покорностью, преследуя при этом лишь свои личные цели и нимало не заботясь об интересах государства. Ничего нового Пизон не сказал народу и не сделал и за последующие четыре дня, прошедшие между его усыновлением и гибелью. Поскольку каждый день поступали все новые и новые сообщения о мятеже в германских провинциях и так как люди всегда охотно прислушиваются к недобрым вестям и верят им, сенат принял решение направить в германскую армию легатов. Втайне обсуждалась возможность отправить с ними и Пизона: это придало бы всему мероприятию бóльшую внушительность, ибо легаты представляли бы власть сената, а он славу, сопутствующую имени Цезаря. Намеревались послать также и префекта претория Лакона, но он сумел этому воспрепятствовать. Сенат поручил выбор легатов Гальбе, но он с постыдной нерешительностью назначал одних, затем отменял свое решение и ставил на их место других; люди боязливые при этом старались остаться в Риме, честолюбцы вели интриги, чтобы быть посланными.

20. Следующая задача заключалась в том, чтобы достать деньги. Перебрав все возможности, решили, что правильнее всего добыть их из того же источника, из которого и проистекло нынешнее безденежье: Нерон раздарил два миллиарда двести миллионов сестерциев, Гальба приказал взыскать их, оставив каждому одну десятую часть подаренной суммы. Но сверх этой одной десятой у людей, облагодетельствованных Нероном, уже почти ничего и не было, ибо, привыкши расточать свое добро, они так же управлялись с дареным; у этих хищных негодяев не осталось ни капиталов, ни земли и хватало богатства лишь на разврат. Ведать изъятием этих денег — делом новым и нелег-

ким, вызвавшим много происков и тяжб,— были назначены тридцать римских всадников. Город заволновался: люди продавали и покупали, вели судебные дела; многие, однако, ликовали при мысли, что те, кого Нерон обогатил, станут беднее тех, кого он обобрал. В эти же дни были уволены из армии трибуны: из претория Антоний Тавр и Антоний Назон, из гарнизона Эмилий Пацензь из городской стражи Юлий Фронтон. Остальных эта мера не исправила, а напугала, из хитрости и осторожности, казалось им, Гальба уволил лишь некоторых, на подозрение же попали все.

21. Отон между тем хорошо понимал, что может добиться своего, лишь пока длятся беспорядки и, если установится спокойствие, у него не останется никаких надежд. Многое толкало его к решительным действиям: расточительность, непосильная даже для императора, безденежье, нестерпимое и для частного человека, злоба против Гальбы, зависть к Пизону. Чтобы распалиться еще больше, он и сам внушал себе всяческие страхи: еще Нерону он был ненавистен, теперь же ему следует ждать даже не возвращения в Лузитанию, не новой почетной ссылки; правители всегда подозревают и ненавидят тех, кто может прийти им на смену: это уже повредило ему в глазах престарелого принцепса и повредит еще больше в мнении правителя молодого, угрюмого и свирепого по характеру, к тому же озлобленного длительной ссылкой. Поэтому следует набраться храбрости и действовать решительно, пока власть Гальбы непрочна, а власть Пизона еще не окрепла. Переход власти из рук в руки — самый благоприятный момент для великих дерзаний, и не следует медлить в такое время, когда выжидание может оказаться опаснее, чем смелость. Перед лицом природы смерть равняет всех, но она дарует либо забвение, либо славу в глазах потомков. Если же один конец ждет и правого, и виноватого, то для настоящего человека достойнее погибнуть недаром.

22. Отон был изнежен телом, но духом решителен и тверд. Он хотел иметь такой же дворец, как у Нерона, он жаждал роскоши, наслаждений в браке и вне брака — всех утех, которые сулит положение принцепса. Его приближенные из вольноотпущенников и рабов, более распущенные и хитрые, чем обычно в частном доме, убеждали его, что всего этого он может до-

биться, если найдет в себе достаточно мужества, чтобы рискнуть, но что все это может попасть в чужие руки, если он и дальше будет бездействовать. На то же толкали его и звездочеты: наблюдение светил, утверждали они, показывает, что государству предстоят новые потрясения и что начинающийся год принесет Отону славу. Люди этой породы обманывают государей и лгут честолюбцам, их вечно изгоняют из нашего государства и вечно оставляют, чтобы пользоваться их услугами. На этих гнусных приспешников императорских семей опиралась в своих тайных интригах Поппея. Среди ее звездочетов находился также и Птолемей, впоследствии, в Лузитании, входивший в окружение Отона. Именно он обещал Отону, что тот переживет Нерона. Когда это предсказание сбылось, ему стали верить, и он, основываясь на догадках и разговорах о том, что Гальба стар, а Отон еще молод, предсказал последнему императорскую власть. Человеку, обуреваемому честолюбием, свойственно рассчитывать на осуществление даже самых смутных надежд, и Отон поверил этим словам, решив, что они продиктованы мудростью и выражают волю судеб. Птолемей не терял времени и вскоре начал толкать Отона на преступления,— тем более что, раз поддавшись жажде власти, перейти к ним совсем нетрудно.

23. Едва ли, однако, преступный замысел родился у Отона внезапно; рассчитывая, что Гальба усыновит его, а может быть, и подумывая уже о захвате власти, он исподволь стремился обеспечить себе поддержку солдат. Во время похода, на марше и на стоянках он обращался к старейшим воинам по имени и, вспоминая время, когда они вместе состояли в свите Нерона, называл их своими товарищами. В одних он узнавал старых знакомых, других расспрашивал об их делах, оказывал им покровительство и помощь деньгами. В этих беседах он нередко жаловался на Гальбу, отзывался о нем двусмысленно и вообще делал все, чтобы вызвать в войсках недовольство. Трудности похода, нехватка продовольствия и строгость командиров раздражали солдат: они привыкли разъезжать по городам Ахайи или плавать на кораблях по озерам Кампании, а теперь им приходилось делать огромные переходы и в полном вооружении карабкаться по склонам Пиренеев и Альп.

24. Солдаты уже пылали яростью, когда Мевий Пуденс, один из приближенных Тигеллина, еще подбросил хворосту в огонь. Он издавна привлекал на свою сторону каждого колеблющегося, каждого, кто, нуждаясь в деньгах, стремился к переменам. Постепенно он дошел до того, что всякий раз, как Гальба обедал у Отона, давал каждому преторианцу дежурной когорты якобы на угощение по сто сестерциев, а Отон к этой, как бы всем официально полагающейся, награде добавлял еще тайно некоторым солдатам определенную сумму. Его изобретательность в деле подкупа была неистощима: когда один из преторианцев, по имени Кокцей Прокул, затеял с хозяином соседнего с его владениями земельного участка тяжбу из-за межи, Отон на свои деньги скупил всю землю этого соседа и подарил ее солдату. Всему этому попустительствовал префект, слабый и ограниченный, неспособный ни проникнуть в тайные замыслы, ни понять то, что происходит у него на глазах.

25. Потом Отон назначил одного из своих вольноотпущенников — Ономаста — руководить осуществлением злодейского замысла. Узнав, что тессерарий Барбий Прокул и опцион Ветурий (оба служившие в телохранителях) по разным поводам вслух возмущались Гальбой и даже угрожали ему, Отон через Ономаста вызвал их к себе, засыпал подарками и обещаниями и дал денег, чтобы они могли других также переманивать на свою сторону. И вот два солдата задумали передать Римскую империю из одних рук в другие и действительно добились своего! О заговоре знали немногие, остальные колебались, и заговорщики разными способами воздействовали на них: старшим солдатам намекали, что Гальба их подозревает, так как они пользовались в свое время благосклонностью Нимфидия; в рядовых вызывали ярость напоминаниями о ранее им обещанных и безвозвратно упущенных деньгах; некоторым, помнившим Нерона, говорили, что хорошо бы вернуться к легкой и праздной жизни, которую при нем вели солдаты; и всех пугали возможностью перевода из претория в легионы.

26. Мятежные настроения как чума перекинулись в легионы и вспомогательные войска, и без того взволнованные вестями о нарушении присяги германскими

 армиями. Заговорщики были уже настолько готовы

к перевороту, а остальные так к нему безразличны, что на следующий день после январских ид преторианцы окружили Отона, возвращавшегося домой с ночного пира, и насильно увели бы его с собой, если бы не ночь, не боязнь расставленных по всему городу постов и не разброд, обычный между пьяными. Их остановила не забота о государстве, главу которого — Гальбу — они хладнокровно собирались зарезать, а только лишь опасение принять в темноте первого встречного, указанного солдатами из паннонской или германской армии, за Отона, которого большинство не знало в лицо. Заговорщикам до времени удавалось скрывать многочисленные признаки готового вот-вот вспыхнуть мятежа; когда же некоторые из этих признаков привлекали к себе внимание Гальбы, префект Лакон обращал все в шутку: не зная настроения солдат, относясь враждебно ко всякому предложению, даже самому дельному, если только не он сам его подал, этот человек упорно сопротивлялся всему, что советовали люди более опытные.

27. В восемнадцатый день перед февральскими календами, когда Гальба совершал жертвоприношение в храме Аполлона, гаруспик Умбриций сказал ему, что внутренности животных предвещают несчастья, что тайная измена готова вырваться наружу и что в его ближайшем окружении свили гнездо враги государства. Отон, стоявший рядом, истолковал это прорицание в свою пользу и очень обрадовался, увидев в нем знак того, что все благоприятствует его замыслам. Немного времени спустя вольноотпущенник Ономаст громко объявил, что Отона ждут архитектор и подрядчики: эти слова были условным сигналом, означавшим, что солдаты собрались и все готово для осуществления заговора. Отон, уже уходя, объяснил тем, кто стал его расспрашивать, что он покупает загородную виллу, но, так как она старая, должен раньше ее как следует осмотреть. Поддерживаемый вольноотпущенником, он прошел через дом Тиберия, вышел в Велабр и направился к позолоченному верстовому столбу у храма Сатурну. Собравшиеся там двадцать три преторианца приветствовали его как императора, поспешно усадили в носилки — хотя он дрожал от страха, видя, как мало народа его приветствует,— обнажили мечи и, окружив носилки, понесли их. По

дороге к ним присоединилось примерно еще столько же солдат,— одни из сочувствия задуманному делу, другие из любопытства, некоторые с радостными криками, остальные молча, рассчитывая, что по ходу дела станет ясно, как вести себя дальше.

28. В тот день дежурным по лагерю преторианцев был трибун Юлий Марциал. Растерявшись при виде того, какой размах принимает внезапно вспыхнувший бунт, и не зная, насколько широко мятежные настроения успели распространиться по лагерю, Марциал боялся рисковать жизнью, выступая против мятежников, так что многие сочли, будто он тоже замешан в заговоре. Остальные трибуны и центурионы тоже предпочитали оставить все как есть, чем стремиться к рискованным, хоть и заманчивым, новшествам. Словом, судя по общему настроению, на последнее злодеяние решились лишь некоторые, сочувствовали ему многие, готовились и выжидали все.

29. Между тем ни о чем не подозревавший Гальба продолжал усердно приносить жертвы, лишь утомляя ими богов — покровителей уже не принадлежавшей ему империи. Среди присутствующих распространился слух, что преторианцы увели к себе в лагерь какого-то сенатора; вскоре выяснилось, что похищен Отон, и тут же об этом заговорил весь город, каждый встречный. Одни преувеличивали опасность, другие все еще не хотели упустить возможность сказать Гальбе приятное и преуменьшали истину. Посовещавшись, решили проверить настроение той когорты, которая несла караул на Палатине, но не поручать это самому Гальбе, чтобы сохранить весь его авторитет на крайний случай. Солдат вызвали на лестницу перед дворцом, и Пизон заговорил с ними так: «Вот уже шестой день, боевые мои товарищи, как я стал Цезарем, не ведая, чтó сулит мне этот титул в будущем, и не зная, следовало мне к нему стремиться или правильнее было страшиться его. Каковы будут последствия этого избрания для нашей семьи и для государства, зависит от вас. Я сам не боюсь смерти: изведав немало бед, я теперь начинаю понимать, что и счастливая судьба таит в себе не меньше опасностей. Я скорблю об отце, о сенате, о порядке в государстве, ибо сегодня нам либо придется погибнуть самим, либо — а это для честного

 человека не меньшее несчастье — убивать других. Во

время последнего переворота мы могли утешаться тем, что в Риме не была пролита кровь и переход власти обошелся без междоусобиц; когда меня избирали наследником, надеялись, что это позволит избежать войны также и после смерти Гальбы.

30. Я не стану говорить ни о знатности моего происхождения, ни о том, что веду себя порядочно и скромно,— если речь идет о сравнении с Отоном, неуместно и упоминать о доблести и благородстве. Его пороки — а кроме них ему хвастать нечем — принесли много вреда государству, даже пока он считался всего только другом императора. Чем заслужил он высшую власть — своими повадками, походкой или тем, что всегда разряжен как женщина? Ошибаются те, кто принимает разнузданность за щедрость: погубить вас он сумеет, обогатить — нет. Постыдные развлечения, пиры да женщины — вот что у него на уме, в них видит он преимущества верховной власти. Но утехи и наслаждения достанутся ему, а стыд и позор — всем. Никто и никогда не использовал во благо власть, добытую преступлением. Гальбу все человечество единодушно провозгласило императором; меня, с вашего согласия, сделал Цезарем Гальба. Если слова «государство», «сенат» и «народ» стали теперь пустым звуком, то лишь вы, соратники мои, можете помешать негодяям сделать императором своего человека. Иногда приходится слышать, что легионы восстают против командиров; ваша же верность, ваша добрая слава остаются незапятнанными до сего дня. Даже Нерон изменил вам, а не вы Нерону. Можно ли допустить, чтобы два-три десятка перебежчиков и дезертиров, которым никто не давал права выбирать себе центурионов и трибунов, распоряжались судьбами империи? Что же, вы последуете их примеру и, потворствуя преступлению, сами окажетесь его соучастниками? Беспорядки перекинутся в провинции, и если преступления, происходящие сегодня, направлены против нас, то в завтрашних войнах умирать придется вам. Убив принцепса, вы выиграете не больше, чем сохранив верность своему долгу, и мы заплатим вам за преданность столько же, сколько другие за злодеяние».

31. Старшие солдаты дежурной когорты были разосланы еще раньше, остальные же выслушали оратора не без сочувствия и немедленно построились в боевой

порядок. Как обычно бывает во время волнений, они действовали без всякого обдуманного замысла и скорее по воле случая, чем из вероломства и лицемерия, как стали считать позже. Не только Пизон был отправлен к солдатам; Мария Цельза послали к легионерам, выведенным в свое время из Иллирии и расквартированным в Випсаниевом портике, а примипиляриям, Амулию Серену и Домицию Сабину, велели привести подразделения германской армии, стоявшие в Атриуме Свободы. Легиону морской пехоты не было оказано подобного доверия: здесь солдаты были настроены против Гальбы, ибо помнили, что он, входя в город, перебил столько их товарищей. В то же время трибуны Цетрий Север, Субрий Декстер и Помпей Лонгин отправились в преторианский лагерь, чтобы попытаться разумными советами успокоить едва начавшийся и еще по-настоящему не развернувшийся бунт. В лагере преторианцы напали на трибунов и разоружили их. При этом Субрию и Цетрию они лишь угрожали, у Лонгина же отняли оружие силой, ибо он был назначен трибуном не в порядке очередности, а по дружбе с Гальбой, был предан своему принцепсу и тем самым особенно подозрителен мятежникам. Легион морской пехоты без промедления присоединился к преторианцам. Иллирийские войска прогнали Цельза, угрожая ему дротами. Германские отряды, сильно утомленные, но довольные своим положением, долго колебались: в свое время Нерон, собираясь ехать в Александрию, послал их вперед и затем вернул; долгое путешествие по морю измучило их, и Гальба не жалел денег на их лечение и отдых.

32. Чернь со всего города, смешавшись с рабами, уже заполняла Палатин и нестройными возгласами, словно требуя нового зрелища в театре или цирке, призывала убить Отона и покончить с заговором. В криках их не было ничего серьезного и искреннего: еще не кончился день, а они с равным пылом уже требовали вещей противоположных; просто по традиции принято льстить каждому принцепсу, приветствуя его до неприличия громкими и развязными возгласами и выказывая ему преданность, на деле ни к чему не обязывающую.

Между тем Гальба все не мог решить, какому совету последовать. Тит Виний считал, что нужно оставать-

ся во дворце, выставить стражу из рабов, укрепить все подступы и не выходить к охваченным яростью мятежникам. Он убеждал Гальбу дать виновным время раскаяться, а честным людям — сплотиться. Преступлению, говорил он, нужна внезапность, доброму делу — время; выйти из дворца, если понадобится, можно и позже, а вот можем ли мы в случае неудачи возвратиться, зависит уже не от нас.

33. Остальные полагали, что следует действовать быстро, пока заговор, до сей поры бессильный, не разросся. Кроме того, утверждали они, Отон, тайком ушедший из храма и уведенный в лагерь, где никто его не ожидал, будет еще некоторое время чувствовать себя неуверенно; если же мы станем медлить и терять время в бездействии, то он успеет научиться вести себя как принцепс. Нельзя дожидаться, пока он, договорившись в лагере с преторианцами, на глазах у Гальбы взойдет на Капитолий, в то время как наш великий полководец со своими доблестными друзьями будет сидеть запершись во дворце, спокойно взирая на все происходящее и готовясь мужественно перенести осаду. Славную помощь окажут нам рабы, если ослабеет единодушие, владеющее собравшимися здесь, если — что гораздо важнее — угаснет первый порыв возмущения, их охвативший. Нет спасения в позоре. Если уж должны мы погибнуть, надо идти прямо навстречу опасности: нам это принесет славу, Отону еще больший позор. Когда Виний стал возражать против этого плана, Лакон, подстрекаемый Икелом, бросился на него с угрозами. Их домашние распри неуклонно вели государство к гибели.

34. Гальба не стал долее медлить и присоединился к тем, чей план, казалось, сулил больше славы. Сначала, однако, в лагерь преторианцев послали Пизона, рассчитывая, что он скорее добьется успеха, как отпрыск очень знатного рода, человек, лишь недавно вошедший в милость и противник Тита Виния. Трудно сказать, был ли Пизон действительно его врагом или враги Виния хотели в это верить: всегда легче считать, что людьми движет ненависть. Едва Пизон ушел, пополз первый, смутный и ненадежный, слух, будто Отон убит в лагере преторианцев. Как обычно в таких случаях, сколь бы ни была лжива передаваемая новость, нашлись люди, утверждавшие, что они при этом

были, видели все своими глазами, и присутствовавшие, кто с радостью, а кто и по легкомыслию, поверили молве. Многие же считали, что отонианцы, уже замешавшиеся в толпу, пустили и раздувают этот слух, чтобы обмануть Гальбу радостной вестью и выманить его из дворца.

35. При этом известии не только народ и бессмысленная чернь разражаются рукоплесканиями, но даже позабывшие страх и осторожность всадники и сенаторы разбивают двери дворца и устремляются во внутренние покои, стремясь попасть на глаза Гальбе, громко жалуясь, что их опередили и не дали отомстить за нанесенные императору обиды; скопище глупцов, хвастунов, пустословов, в минуту опасности, как оказалось дальше, ни на что не способных решиться. Не понимал никто ничего, судили и рядили все. Наконец, Гальба, убедившись в невозможности установить правду и видя, что все повторяют одно и то же, надел панцирь и сел в носилки: он был стар и слаб и не мог устоять на ногах среди напиравшей на него толпы. Еще во дворце ему встретился телохранитель Юлий Аттик, который, показывая на свой окровавленный меч, крикнул, что убил Отона. «А кто тебе приказал это сделать, друг?» — сказал Гальба, до конца остававшийся беспощадным к солдатскому своеволию, бесстрашным перед лицом опасности, не поддающимся на угодливость и лесть.

36. Между тем преторианцы, остававшиеся в лагере, перестали колебаться; неистовый пыл овладел ими, им показалось мало того, что они пронесли Отона на плечах через весь город и защищали его своими телами: они подняли его на возвышение, на котором среди боевых значков еще недавно стояла золоченая статуя Гальбы, и окружили вымпелами своих отрядов. Ни трибунов, ни центурионов не подпускали к этому месту: солдаты говорили, что командиров надо опасаться в первую голову. Над лагерем стоял гул, и в нем сливались голоса, шум и крики, которыми солдаты подбадривали друг друга. Когда так шумит толпа, состоящая из граждан и черни, ее крики не выражают ничего, кроме слабости и раболепия. Здесь было иное: едва завидев кого-нибудь из подходивших солдат, преторианцы хватали их за руки, обнимали, ставили

 в свои ряды, заставляли повторять слова присяги, рас-

хваливали их императору или императора им. Отон простирал к толпе руки, склонялся перед ней в почтительном поклоне, посылал воздушные поцелуи и, стремясь стать владыкой, вел себя как раб. Когда присягу принес легион морской пехоты в полном составе, он счел, что располагает достаточными силами, и решил воодушевить сразу всю массу солдат, вместо того чтобы и дальше обращаться к каждому поодиночке. Поднявшись на лагерный вал, он начал так.

37. «Я все еще не могу сказать, друзья и товарищи, кем мне себя считать. Я не решаюсь назвать себя ни частным человеком, раз вы провозгласили меня принцепсом, ни принцепсом, раз государством правит другой. И кем считать вас, тоже будет неизвестно, пока не определится, кто находится в вашем лагере,— враг римского народа или его император. Разве вы не слышите, как гальбанцы требуют одновременно наказания для меня и казни для вас? Ясно, как день, что и погибнуть, и спастись мы можем только вместе. Милосердие Гальбы нам знакомо; человек, убивший безо всякой причины столько тысяч ни в чем не повинных солдат, наверное, уже поклялся, что покарает меня и уничтожит вас. Ужас охватывает, едва вспомню, как он по трупам въезжал в Рим; то была единственная, одержанная Гальбой победа — убийство на глазах всего города каждого десятого из солдат, поверивших в нового императора и по их же просьбе принятых под его покровительство. Так ознаменовав свое вступление в город, чем он прославил свое дальнейшее правление? Убийством Обультрония Сабина и Корнелия Марцелла в Испании? Бетуя Цилона в Галлии? Фонтея Капитона в Германии? Клодия Макра в Африке? Цингония — на дороге в Рим, Турпилиана — в самом Риме, Нимфидия — в преторианском лагере? Где та провинция, где тот воинский лагерь, которые не были бы залиты кровью и обесчещены или, выражаясь его словами, «наставлены на правильный путь»? Ибо то, что для других преступление, по его мнению — целебное средство; исполненный лицемерия, он называет жестокость строгостью, скупость бережливостью, муки и оскорбления, которым вас подвергают,— дисциплиной. Со смерти Нерона прошло семь месяцев, а награбленное Икелом уже превосходит все, о чем поликлиты, ватинии и тигеллины лишь смели мечтать. Если

бы Тит Виний правил один, он не был бы так жаден и не вел бы себя так распущенно; теперь же он помыкает нами, словно подданными, и презирает, словно чужеземцев. Одного его состояния хватило бы на те денежные подарки, которых вам ни разу не дали и которыми вас каждый день попрекают.

38. Не приходится надеяться и на преемника императора. Гальба вызвал из ссылки человека, которого считал равным себе по озлобленности и скупости. Вы сами видели, друзья, какую непогоду наслали на нас боги, недовольные этим выбором. То же недовольство владеет сенатом и римским народом. Ваша доблесть — их единственная надежда; опираясь на нее, честные люди ощущают свою силу, лишенный вашей поддержки, даже самый выдающийся человек не может ничего сделать. Я веду вас не в бой, не на опасности — все солдаты, владеющие оружием, с нами. Облаченные в тоги бойцы единственной когорты, составляющей парадный конвой Гальбы, не столько охраняют его, сколько держат под стражей. Едва они завидят вас, едва получат от меня пароль, как станут бороться друг с другом за мое расположение,— никакой другой битвы и не будет. Медлить в задуманном нами деле нельзя, надо победить, и лишь тогда мы сможем собой гордиться». Окончив речь, Отон велит открыть арсенал. В мгновение ока, не соблюдая порядка и строя, солдаты разбирают оружие; все смешалось: преторианец хватает вооружение легионера, легионер — преторианца, мелькают щиты и шлемы солдат из вспомогательных войск, не слышно приказов ни центурионов, ни трибунов. Каждый — сам себе командир, каждый сам себя подгоняет, и скорбь честных людей больше всего раззадоривает негодяев.

39. Уже Пизон, напуганный нарастающим грохотом восстания и доносившимися к нему со всех сторон криками, вернулся к Гальбе, который успел тем временем выйти из дворца и приближался к Форуму; уже принес неутешительные вести императору Марий Цельз, а окружавшие Гальбу все еще не могли решить, что делать: одни советовали вернуться на Палатин, другие — попытаться захватить Капитолий, большинство — занять ростры. Как бывает обычно, когда советы дают люди, охваченные горем и смятением, многие настаивали на своем только из духа противо-

речия, и лучшими казались те меры, время для которых было уже упущено. Говорят, что Лакон тайком от Гальбы начал подстраивать убийство Тита Виния,— может быть, он надеялся смягчить солдат, если Виний понесет заслуженную кару, или считал его сообщником Отона, то ли, наконец, был движим личной к нему ненавистью. Гальба по-прежнему не мог остановиться на каком-либо решении: поздний час, непривычная обстановка, боязнь, что резня, раз начавшись, окончательно лишит его контроля над положением, лишь способствовали его неуверенности. Беспрерывно прибывали перепуганные гонцы, приближенные императора разбегались, на глазах ослабевал пыл даже тех, кто сначала был полон бодрой уверенности и высказывал твердость духа.

40. Под напором мечущейся толпы Гальбу кидало от одной базилики к другой, от одного храма к другому, и зрелище, которое открывалось перед переполнявшими их людьми, вселяло ужас. И зажиточные граждане, и бедняки, с растерянными лицами, не произнося ни слова, напряженно прислушивались. Шума не было, но не было и спокойствия,— царило молчание, какое обычно сопутствует великому страху и великому гневу. Тем не менее Отону доложили, будто чернь вооружается. Он приказывает немедленно выступить и предупредить опасность. И вот римские солдаты, словно бы они спешили изгнать Вологеза или Пакора с древнего престола Аршакидов, а не убить своего старого и безоружного императора, разбрасывают толпу, отталкивают сенаторов и, потрясая оружием, на всем скаку врываются на Форум. Ни вид Капитолия, ни грозно высящиеся со всех сторон храмы, ни уважение к принцепсам, бывшим и будущим, не в силах остановить их.

41. Завидев приближающихся вооруженных преторианцев, знаменосец отряда, охранявшего Гальбу (говорят, это был Атилий Вергилион), сорвал с древка изображение императора и бросил его на землю. Это значило, что армия целиком перешла на сторону Отона; Форум мгновенно опустел; народ разбежался; преторианцы с дротами в руках преследовали тех, кто замешкался. Носильщики императора дрожали от страха — возле бассейна Курция Гальба вывалился из носилок и покатился по земле. Последние слова Гальбы

передают по-разному те, кто ненавидел его, и те, кто им восхищался. Одни утверждают, что он молил объяснить, в чем его вина, и просил даровать ему несколько дней жизни, дабы успеть раздать солдатам деньги. Большинство же рассказывают, что он сам подставил убийцам горло со словами: «Делайте, что задумали, и убейте меня, если так нужно для государства». Впрочем, убийцам было все равно, что он говорит. Кто именно убил его, в точности неизвестно. Одни называют ветерана Теренция, другие — Лекания; чаще же всего приходится слышать, что меч в горло Гальбы погрузил солдат пятнадцатого легиона Камурий. Остальные изрезали ему ноги и руки (ибо грудь принцепса была закрыта панцирем) и, движимые дикой злобой, нанесли еще множество ран уже мертвому обезображенному телу.

42. Затем солдаты набросились на Тита Виния. И тут тоже в точности неизвестно, действительно ли у него от испуга перехватило горло или он успел крикнуть, что Отон не велел его убивать. Последнее он мог придумать со страха, но не исключено, что тем самым он признал свою причастность к заговору. Жизнь его да и вся его дурная слава делают очень вероятным, что он был соучастником того самого заговора, который и возник-то из ненависти к нему. Он упал возле храма божественному Юлию от первого же удара, который пришелся ему под колено, и тут же легионер Юлий Кар пронзил его насквозь.

43. В тот день мы стали свидетелями доблестного поведения замечательного человека — Семпрония Денса. Это был центурион когорты, которой Гальба поручил охранять Пизона. С одним кинжалом выбежал он навстречу нападавшим, вооруженным с головы до ног, стал поносить мятежников, отвлекая на себя убийц то голосом, то жестами, и дал-таки Пизону, хотя и раненому, возможность бежать. Пизон пробрался в храм Весте, где сторож, государственный раб, из сострадания принял его и скрыл в своей каморке. Только уединенность этого места, а не почтение, внушаемое религией, не святость храма позволили Пизону хоть немного отсрочить надвигавшуюся на него гибель. Он все еще прятался там, когда в храм явились служивший в британских когортах Сульпиций Флор, лишь недавно получивший из рук Гальбы римское гражданство,

и один из телохранителей — Стаций Мурк. Отон дал им особый приказ убить Пизона, и они рвались исполнить порученное дело. Они вытащили Пизона из того места, где он скрывался, и убили его на пороге храма.

44. Рассказывают, что ни одно убийство не доставило Отону столько удовольствия и ни одну голову он не рассматривал с такой жадностью,— оттого ли, что только теперь он смог вздохнуть свободно и впервые стал ощущать настоящую радость, а может быть, воспоминания о величии Гальбы, о дружбе с Титом Винием все же омрачали его безжалостную душу, тогда как радоваться смерти Пизона — врага и соперника — казалось ему справедливым и естественным. На высоко поднятых пиках, рядом с орлом легиона, проносили окруженные боевыми значками головы убитых; тот, кто действительно убивал, и тот, кто лишь при этом присутствовал, тот, кто говорил правду, и тот, кто лгал, наперебой показывали измазанные кровью руки и похвалялись своими преступлениями, словно прекрасными и достопамятными подвигами. Позже Вителлий обнаружил больше ста двадцати ходатайств о вознаграждении за услуги, оказанные в этот день; он приказал разыскать и казнить всех, кто подавал эти ходатайства, не из уважения к памяти Гальбы, а чтобы, внушив страх современникам, обезопасить самого себя от повторения подобных заговоров и подать пример своим преемникам на случай, если и его постигнет та же участь.

45. И сенат, и народ как будто подменили: отталкивая друг друга и обгоняя тех, кто забежал вперед, все бросились в лагерь преторианцев, поносили Гальбу, прославляли мудрость солдат, целовали Отону руки и тем громче выражали свою преданность, чем лицемернее она была. Отон принимал благосклонно всех и каждого, солдат же сдерживал голосом и выражением лица, не давая их алчности и жестокости вырваться наружу. Они требовали казни кандидата в консулы Мария Цельза, друга Гальбы, до конца остававшегося ему верным, и ярость их вызывали именно энергия Цельза и его безукоризненная честность, словно то были худшие человеческие свойства. Было ясно, что они хотят истребить всех лучших людей и только ждут момента начать грабежи и убийства. Власть Отона пока еще не была настолько полной, чтобы он имел возможность

запретить злодеяния, но уже была достаточной, чтобы он мог отдавать приказания. Он притворился разгневанным, велел заковать Цельза в кандалы и под тем предлогом, что хочет придумать для него наиболее мучительную казнь, спас его от немедленной гибели.

46. С этого времени все делалось по произволу преторианцев. Даже префектов они стали выбирать себе сами,— сначала Плотия Фирма, некогда служившего в телохранителях, позже командовавшего отрядами городской стражи и перешедшего на сторону Отона, когда вся власть была еще в руках Гальбы, затем — Лициния Прокула, который, будучи близким другом Отона, вероятно, содействовал его замыслам. Префектом города сделали Флавия Сабина, идя в этом по стопам Нерона, при котором Сабин занимал ту же должность; многие помогали этому избранию еще и потому, что за спиной Сабина, как они считали, стоял его брат Веспасиан. Солдаты требовали отменить плату за предоставление отпусков, по традиции взимавшуюся центурионами и превратившуюся для рядовых в ежегодную подать. Никак не меньше четвертой части солдат каждой манипулы, уплатив центуриону определенную сумму денег, постоянно уходили с его разрешения в город или слонялись без дела по лагерю. В состоянии ли солдаты внести такую сумму, откуда они ее достанут — никого не интересовало, и им приходилось, чтобы оплатить свое право на безделье, заниматься разбоем или выполнять унизительные работы, обычно поручаемые рабам. Солдат же, имевших свои деньги, центурионы до тех пор преследовали и донимали нарядами, пока те не соглашались заплатить за отпуск. Когда эти люди, в прошлом зажиточные и трудолюбивые, возвращались в свой манипул, растратив все деньги, привыкнув к безделью, развращенные нищетой и распутством, они жадно искали возможности ввязаться в заговоры, распри и даже в гражданскую войну. Отон понимал, однако, что, удовлетворивши требования солдат, он рискует настроить против себя центурионов, и поэтому обещал ежегодно выплачивать деньги за отпуска из своей казны,— мера, бесспорно, правильная и которую впоследствии лучшие из принцепсов превратили постепенно в постоянный обычай. Префект претория Лакон был для вида

 сослан на один из островов, но по дороге перехвачен

и убит ветераном, которого Отон нарочно послал вперед с этой целью. Марциана Икела, как вольноотпущенника, казнили всенародно.

47. Но всего ужаснее были изъявления радости, которыми завершился этот переполненный преступлениями день. Городской претор созывает сенат. Магистраты соревнуются в пресмыкательстве. Сбегаются сенаторы. Отону присваивают полномочия трибуна, звание Августа и все знаки почета, подобающие принцепсу. Каждый изо всех сил старается, чтобы Отон забыл поношения и ругательства, еще так недавно раздававшиеся по его адресу. Никто не подозревал, что всем этим оскорблениям, даже высказанным вскользь и случайно, он вел в душе счет; действительно ли он предал их забвению или только на время отложил месть за них, решить нельзя из-за кратковременности его правления. Отона повели на Капитолий, оттуда на Палатин. Проходя через все еще залитый кровью Форум, где кучами валялись трупы, он разрешил выдать тела убитых родным для совершения похоронного обряда и предания огню. Пизона хоронили его жена Верания и брат Скрибониан, Тита Виния — дочь Криспина. Головы погибших пришлось разыскивать и выкупать у убийц, нарочно спрятавших их, чтобы потом продать.

48. Пизон погиб, не достигнув и тридцати одного года, прожив жизнь, скорее достойную, нежели счастливую. Два его брата были казнены: Магн — императором Клавдием, Красс — Нероном. Сам он долго был изгнанником и четыре дня Цезарем. После того как Гальба столь поспешно его усыновил, он оказался вознесенным над старшим своим братом лишь затем, чтобы погибнуть раньше его. Тит Виний прожил пятьдесят семь лет и на своем веку повидал многое. Его отец происходил из преторской семьи, дед по матери числился в проскрипционных списках. В самом начале военной службы он опозорился: жена легата Кальвизия Сабина, под начальством которого Виний тогда состоял, загорелась грязным желанием во что бы то ни стало посмотреть, как устроен военный лагерь; она сумела пробраться туда ночью, переодевшись солдатом, при помощи этого же постыдного маскарада выведала у ночной стражи и дежурных все, что ей было надо, и, наконец, обнаглела до того, что стала заниматься лю-

бовью на главной площади лагеря. В преступлении этом обвинили Тита Виния. По приказу Гая Цезаря его заковали в кандалы, но вскоре времена изменились, Виния выпустили, и он стал беспрепятственно продвигаться по службе: после претуры был назначен командовать легионом и снискал на этом посту одобрение и похвалы. Вскоре на него пало новое обвинение, на этот раз в проступке, достойном разве что раба: говорили, что он на пиру у Клавдия украл золотой кубок, и Клавдий на следующий день приказал подать ему — единственному из всех присутствовавших — глиняную чашу. Однако, став проконсулом Нарбонской Галлии, он управлял порученной провинцией с суровой и неподкупной честностью, пока дружба с Гальбой не погубила его. Человек наглый, горячий и ловкий, он мог быть в равной мере легкомысленным и дельным в зависимости от цели, которую в данный момент преследовал. Наследникам своим Виний оставил такие огромные суммы, что завещание его было объявлено незаконным. Что же касается Пизона, то нищета его подтверждала полную законность всех его посмертных распоряжений.

49. Тело Гальбы, долго валявшееся без присмотра, а после наступления ночи снова подвергшееся надругательствам, взял, наконец, и схоронил в своем саду, в скромной могиле, диспенсатор Аргий — один из приближенных рабов погибшего императора. Голову, которую лагерные маркитанты и обозные слуги успели тем временем истыкать гвоздями и окончательно изуродовать, удалось найти лишь на следующий день возле могилы Патробия, вольноотпущенника Нерона, казненного Гальбой; ее сожгли и пепел смешали с прахом, оставшимся от ранее кремированного тела. Таков был конец Сервия Гальбы. За свои 73 года он благополучно пережил пятерых государей и при чужом правлении был счастливей, чем при своем собственном. Семья его принадлежала к древней знати и славилась своими богатствами. Его самого нельзя было назвать ни дурным, ни хорошим; он скорее был лишен пороков, чем обладал достоинствами; безразличен к славе не был, но и не гонялся за ней; чужих денег не искал, со своими был бережлив, на государственные скуп. Если среди его друзей или вольноотпущенников случались люди хорошие, он был к ним

снисходителен и не перечил ни в чем, но зато и дурным людям прощал все самым недопустимым образом. Тем не менее все принимали его слабость и нерешительность за мудрость,— отчасти благодаря знатности его происхождения, отчасти же из страха, который в те времена владел каждым. В расцвете лет и сил он снискал себе громкую воинскую славу в германских провинциях, проконсулом умеренно и осторожно управлял Африкой, уже стариком заставил Тарраконскую Испанию уважать законы Рима. Когда он был частным лицом, все считали его достойным большего и полагали, что он способен стать императором, пока он им не сделался.

50. Город еще не пришел в себя от только что пережитых ужасов, от страха, охватывавшего каждого при мысли о характере Отона, когда на него обрушилась весть об измене Вителлия. Пока Гальба был жив, этой новости не давали распространиться и представляли дело так, что мятеж захватил лишь войска, сосредоточенные в Верхней Германии. Теперь же не только сенаторы и всадники, которые принимали к сердцу дела государства и стремились сыграть в них свою роль, но даже и простой народ стал открыто сетовать, что судьба как бы нарочно выбрала из всех смертных двух самых бесстыдных, самых слабых и беспутных людей, дабы они верней погубили отечество. Люди уже не ждали ничего похожего на события недавнего времени — ужасного, но все же мирного. В их памяти вставали гражданские войны. Рим, вновь и вновь склоняющийся перед нашими же войсками, опустошенная Италия, разграбленные провинции, названия мест, напоминающие нам о наших бедах и поражениях,— Фарсалия и Мутина, Филиппы и Перузия. Даже когда достойные люди боролись за принципат, рассуждали они, и то весь мир едва не погиб, но при победе Гая Юлия или Цезаря Августа власть императора все равно сохранялась, республика бы все равно осталась, взял бы верх Помпей или Брут. А теперь за кого молить богов — за Отона, за Вителлия? Молитвы за того и другого равно нечестивы, просьба о помощи тому или другому будет с равным негодованием отвергнута богами. Если же и разразится между ними война, все равно победитель будет хуже побежденного. Кое-кто предсказывал, что скоро выступит Веспасиан и восста-

нут войска на востоке. Хотя Веспасиан и был лучше тех двоих, все страшились новой войны и новых несчастий; да и слава, которая шла о Веспасиане, была не слишком доброй. Из всех римских государей он был единственным, кто, ставши принцепсом, изменился к лучшему.

51. Теперь, я полагаю, следует рассказать о том, как началось восстание Вителлия и какие причины его вызвали. Уничтожив Юлия Виндекса и его войска, германские легионы, без всякого труда и не подвергаясь опасностям, получили такие трофеи и такие почести, какие обычно достаются солдатам лишь в результате большой победоносной кампании. Они поэтому были полны боевого пыла, жаждали и дальше пользоваться плодами войны и грабежа, вместо того чтобы получать свое обычное жалованье. Уже в течение долгого времени служба не приносила им никаких доходов; солдаты все больше тяготились и местом службы, и здешним климатом, и воинской дисциплиной — столь неумолимой в мирное время и всегда ослабляющейся при внутренних распрях, когда обе стороны стремятся подкупить легионеров, а измена сходит с рук безнаказанно. В германских армиях было вдоволь людей, вооружения, коней; они были готовы к войне — и к той, что полезна государству, и к той, что может принести ему один лишь позор. Кроме того, до последнего похода люди знали только свою центурию или свой эскадрон, а каждая армия была сосредоточена в своей провинции. На подавление восстания Виндекса были стянуты легионы из нескольких провинций; солдаты узнали друг друга, узнали галлов, в которых они теперь уже видели не союзников, как прежде, а побежденных врагов, и стали стремиться к новым походам, к новым распрям. Галльские племена, жившие по Рейну, тоже жаждали перемен и больше всех старались пробудить ненависть к «гальбанцам»; в это новое прозвище они вкладывали теперь всю ненависть и презрение, которые связывались у них прежде с именем Виндекса. Прирейнские галлы люто ненавидели секванов, эдуев и их союзников и с жадностью мечтали захватить их укрепленные поселения, уничтожить их посевы, разорить их дома. Последние тоже делали все, чтобы возбудить к себе ненависть: они не только были

 жадны и вели себя нагло, как это обычно бывает с бо-

гачами, но и оскорбляли других галлов, а армию презирали на том основании, что Гальба одарил их, освободил от четвертой части податей и обращался как с суверенным народом. В то же время в войсках ловко распускались слухи о том, что легионы будут подвергнуты децимации, что наиболее популярные центурионы будут уволены, а солдаты по легкомыслию верили этим сплетням. Отовсюду ползли мрачные вести, рассказывали об ужасах, которые происходят в Риме, Лугдунская колония, враждебная новому принцепсу и упорно сохранявшая верность Нерону, кишела слухами. Однако больше всего выдумывали небылиц и охотнее всего им верили в самих лагерях. Тут царили ненависть и страх, сменявшиеся всякий раз, когда солдаты убеждались в своей силе, уверенностью в собственной безнаказанности.

52. Под самые декабрьские календы в зимние лагеря нижнегерманских легионов прибыл Авл Вителлий. Он стал внимательно разбираться в положении, которое здесь создалось: вернул многим их прежние должности, сделал наказания менее унизительными, смягчил взыскания. Движимый в большинстве случаев желанием добиться популярности, но иногда и из чувства справедливости, он беспристрастно распределил воинские должности, отменив назначения, которые Фонтей Капитон произвел за деньги или по грязным соображениям. Ничто здесь в сущности не выходило за пределы мер, которые обязан принимать консульский легат, но многие усматривали в них нечто большее. Перед людьми строгими и суровыми Вителлий заискивал, а среди своих сторонников слыл человеком славным и добродушным, потому что безрассудно и не считая раздавал и свои, и чужие деньги; войска так стосковались по настоящей власти, что принимали за достоинства и самые его пороки. В обеих армиях было много людей скромных и спокойных, но немало дурных и необузданных. Однако особой алчностью и редкой дерзостью отличались легаты легионов Алиен Цецина и Фабий Валент. Валент ненавидел Гальбу, так как считал, будто именно он, Валент, разоблачил в свое время тактику сознательных проволочек, проводившуюся Вергинием, будто он же подавил в зародыше заговор Капитона, а император недостаточно вознаградил его. Поэтому он принялся подстрекать Ви-

теллия к мятежу, всячески расхваливая ему боевой дух солдат. По его словам выходило, что нет места, где не гремела бы слава Вителлия, что Гордеоний Флакк не сможет ему помешать, что Британия поддержит его, а вслед за ней поднимутся и вспомогательные войска в Германии, что провинции ненадежны, власть старика колеблется и скоро рухнет. Пусть же Вителлий раскроет объятия и дары судьбы сами свалятся ему в руки: вполне естественно, что Вергиний, родом из всадников, сын никому не ведомого отца, колебался принять власть, которая была ему не по плечу, и предпочитал ради собственной безопасности от нее уклониться. Таков ли Вителлий? Троекратное консульство отца, должности, которые он занимал совместно с принцепсом,— все это издавна уже облекло его императорским достоинством и заставляет ныне отказаться от спокойной жизни частного человека.

Вителлий был слаб духом, подобные разговоры сильно действовали на него, и под их влиянием он стал стремиться к таким целям, достичь которых ранее и не надеялся.

53. В Верхней Германии любовью солдат пользовался Цецина. Молодой, красивый, статный, непомерно честолюбивый, он сумел завоевать их расположение ловкими речами и простотой обращения. Раньше он был квестором в Бетике и сразу же перешел на сторону Гальбы, который назначил его командиром легиона. Вскоре обнаружилось, что он растратил казенные деньги, и император приказал отдать его под суд по обвинению в казнокрадстве. Цецина, сочтя себя обиженным, решил вызвать смуту в государстве, с тем чтобы общественные бедствия отвлекли внимание от его личных обид. Настроения легионов давали для этого все возможности: верхнегерманская армия в полном составе участвовала в войне против Виндекса; если бы не смерть Нерона, она так и не перешла бы на сторону Гальбы; к тому же и в этом ее опередили войска Нижней Германии, успевшие первыми принести присягу новому императору. Тревиры, лингоны и люди из других племен, которых Гальба лишил части земель и угнетал своими суровыми распоряжениями, постоянно встречались с легионерами, стоявшими в зимних лагерях. Здесь возникали мятежные разговоры, дисциплина падала, как всегда бывает, когда солдаты

живут среди местного населения, и любовь их к Вергинию могла быть использована кем угодно другим.

54. Племя лингонов прислало римскому войску изображение двух соединенных правых рук — подарок, издавна служивший символом гостеприимства и дружбы. Принесшие его послы, в траурных одеждах и с удрученным видом, появлялись на лагерной площади и в палатках, жаловались на перенесенные обиды, на то, что милости достались не им, а соседним племенам. Видя, что солдаты охотно к ним прислушиваются, послы стали заводить разговоры и о положении в самой римской армии — об опасностях, ее окружающих, об обидах, которые ей приходится терпеть, сея в войсках возбуждение и ярость. Восстание готово было разразиться, когда Гордеоний Флакк приказал послам вернуться домой и, чтобы привлекать к ним возможно меньше внимания, велел им покинуть лагерь ночью. Это породило множество домыслов, один ужаснее другого; большинство утверждало, что послы убиты и что так же, под покровом темноты и тайком от остальных, будут убиты и лучшие из солдат, жаловавшиеся на теперешнее состояние армии, если только они сами о себе не позаботятся. Легионы сплотились в тайном союзе, к которому вскоре примкнули и вспомогательные отряды. На первых порах эти отряды казались солдатам подозрительными: в пешем и конном строю они окружали легионы и, казалось, вот-вот готовы были обрушиться на них. Вскоре, однако, обнаружилось, что и они стремятся к той же цели, но с еще большей яростью и энергией: дурным людям всегда легче объединиться для войны, чем в интересах мира и спокойствия.

55. Так или иначе, нижнегерманским легионам, как каждый год, было приказано принести в январские календы присягу Гальбе. Церемония проходила вяло; среди центурионов лишь немногие произносили слова присяги, остальные молчали, выжидая, что станет делать кто-нибудь посмелее,— таково уж свойство нашей натуры: человек всегда спешит примкнуть к другим, но медлит выступить первым. Впрочем, настроения легионов были весьма различны. В первом и пятом дело дошло до того, что в изображения Гальбы стали кидать камнями. В пятнадцатом и шестнадцатом солдаты не позволяли себе ничего, кроме ропота и угроз;

они посматривали на другие легионы, ожидая, что восстание начнется там. В Верхней Германии четвертый и двадцать второй легионы, занимавшие один и тот же лагерь, в самый день январских календ разбили изображения Гальбы. Четвертый легион выступил более решительно, а двадцать второй поначалу медлил, но вскоре они договорились. Чтобы создать впечатление, будто они сохраняют верность государству, солдаты прибавили к присяге всеми уже забытые слова о сенате и римском народе. Из легатов и трибунов никто не выступил в защиту Гальбы; некоторые, как обычно бывает во время беспорядков, даже сами подстрекали к восстанию. До сих пор, однако, никто не решался собрать солдат на сходку и обратиться к ним с трибуны: не было еще человека, от которого можно было бы ожидать за это награды.

56. Консульский легат Гордеоний Флакк не решался ни обуздать самых отчаянных, ни предостеречь колеблющихся, ни поддержать лучших. Вялый, бледный, он взирал на весь этот позор, не принимая в нем участия лишь потому, что был слишком труслив даже и для этого. Центурионы двадцать второго легиона Ноний Рецепт, Донатий Валент, Ромилий Марцелл и Кальпурний Репентин пытались защитить изображение Гальбы, но солдаты силой оттащили их и связали. Кроме них, никто и не вспомнил о принесенной прежде присяге; как обычно во время восстания, все переметнулись на сторону большинства. В ночь после январских календ в Агриппинову колонию к Вителлию, который в это время ужинал, явился знаменосец четвертого легиона и сообщил ему, что четвертый и двадцать второй легионы сбросили изображения Гальбы и поклялись в верности сенату и римскому народу. Все понимали, что клятва эта не имеет серьезного значения и надо было лишь не упустить благоприятный момент выдвинуть нового принцепса. Вителлий разослал в легионы и к легатам гонцов, которые объявили, что войска Верхней Германии покинули Гальбу, что надо либо двигаться против них, либо в интересах мира и согласия провозгласить своего императора и что поддержать уже имеющегося кандидата будет менее рискованно, чем искать нового.

57. На следующий день Фабий Валент, самый решительный и смелый из легатов, вступил в Агриппинову

колонию во главе конных подразделений и вспомогательных войск первого легиона, чьи зимние лагеря находились ближе всего к городу, и приветствовал Вителлия как императора. За ним, соревнуясь друг с другом, бросились и остальные легионы этой провинции. Верхнегерманская армия, позабыв и про сенат, и про римский народ, примкнула к Вителлию на третий день после январских нон, доказав тем самым, что и за два дня до этого она уже была неверна государству. Жители колонии, лингоны, тревиры ни в чем не отставали от армии и наперебой предлагали людей, коней, оружие и деньги, смотря по тому, чего у каждого было больше — сил, богатств или воодушевления. Не только знатные люди в колонии и офицеры в лагерях, которые и так были богаты, а в случае победы рассчитывали разбогатеть еще больше, но даже простые солдаты целыми манипулами и поодиночке вносили свои сбережения, а если денег не было, отдавали нагрудные бляхи, изукрашенные портупеи, серебряные застежки,— то ли в порыве восторга, то ли по расчету.

58. Воздав солдатам должное за их рвение, Вителлий назначил всадников на дворцовые должности, прежде поручавшиеся вольноотпущенникам, из своей казны выплатил центурионам деньги, которые они получали за предоставление отпусков рядовым, удовлетворил большинство требований о смертной казни наиболее ненавистных командиров и лишь некоторых из них посадил в тюрьму для вида, обманув таким образом разъяренных солдат. Помпей Пропинкв, прокуратор Белгики, был убит сразу же. Префекта германского флота Юлия Бурдона Вителлий спас, пустившись на хитрость. В армии Бурдона ненавидели, так как считали, что он оклеветал Фонтея Капитона и подстроил его гибель. Войска хранили о Капитоне светлую память, и Вителлию теперь оставалось выбрать только одно из двух: либо, если он хотел действовать открыто, убить Бурдона в угоду рассвирепевшим солдатам, либо, если он хотел простить его,— прибегнуть к обману Поэтому он заключил Бурдона под стражу и выпустил его лишь после своей победы, когда гнев солдат уже улегся. Пока что в качестве искупительной жертвы на смерть выдали центуриона Криспина: он своими руками убил Капитона, солдаты именно его счи-

тали наиболее виновным, да и Вителлию он был отвратителен.

59. Избежал грозившей ему опасности также и Юлий Цивилис: он пользовался большим влиянием на батавов, и казнь его могла бы восстановить против Вителлия это воинственное племя. К тому же восемь батавских когорт находились в это время в землях племени лингонов; они образовывали вспомогательные силы четырнадцатого легиона, отбились от него во время последних неурядиц, и было очень важно, как они себя поведут — дружественно или враждебно. Упомянутых мной выше центурионов Нония, Донатия, Ромилия и Кальпурния Вителлий приказал умертвить как повинных в верности своему долгу — самом тяжком преступлении в глазах изменников. На сторону мятежников перешли легат провинции Белгики Валерий Азиатик, которого Вителлий вскоре избрал себе в зятья, и правитель Лугдунской Галлии Юний Блез, приведший с собой Италийский легион и расквартированную неподалеку от Лугдунума таврианскую конницу. Без колебаний и промедлений присоединились к Вителлию войска, расположенные в Реции и даже в Британии.

60. Здесь командовал Требеллий Максим, которого войска презирали и ненавидели за скаредность и подлость. Ненависть эту разжигал Росций Целий, легат двадцатого легиона, издавна мятежно настроенный, а теперь, в обстановке распрей и междоусобиц, совсем распоясавшийся. Требеллий упрекал Целия за неподчинение приказам и упадок дисциплины, а Целий обвинял Требеллия в том, что он обобрал легионеров и довел их до нищеты. Отвратительные дрязги между легатами разлагали дисциплину в армии. Дело дошло до того, что Требеллий, покинутый и когортами, и конными отрядами, перешедшими на сторону Целия, осыпаемый насмешками и бранью солдат и союзников, был выгнан из лагеря и бежал к Вителлию. Несмотря на отсутствие консулярия, провинция оставалась спокойной — легаты легионов управляли ею на равных правах, но Целий, самый наглый из всех, пользовался наибольшей властью.

61. После того как к нему присоединилась британская армия, Вителлий, располагавший теперь несметными силами и богатствами, решил начать войну, действуя по двум направлениям и поручив ведение ее двум

полководцам. Фабию Валенту было велено посулами переманить галльские провинции на сторону восставших, а в случае отказа — опустошить эти земли и через Коттианские Альпы вторгнуться в Италию. Цецина получил приказ двигаться более коротким путем и спуститься в Италию через Пенинский перевал. Под командование Валента были отданы отдельные подразделения, выбранные из нижнегерманской армии, и пятый легион в полном составе, со своим знаменем, когортами и конными отрядами, всего до сорока тысяч солдат. Цецина из Верхней Германии вывел тридцатитысячную армию, ядро которой составлял двадцать первый легион. И тому, и другому были приданы вспомогательные отряды, состоявшие из германцев. Ими же Вителлий пополнил и те части, с которыми намеревался сам следовать за главными силами.

62. Император и армия самым удивительным образом отличались друг от друга. Солдаты настаивают, требуют начать войну немедленно, пока галльские провинции еще трепещут от страха, а испанские медлят; нас не остановят ни зима, ни привычка к мирной жизни, достойная только трусов, кричат они; надо вторгнуться в Италию, занять Рим; во время гражданских смут самое безопасное — идти вперед, и действовать важнее, чем рассуждать. Вителлий же, как будто оцепенев, не двигался с места. Предвкушая положение принцепса, он проводил время в праздности, роскоши и пирах, среди бела дня появлялся на людях, объевшийся и пьяный. Солдаты, охваченные одушевлением и энергией, действовали за него, и поэтому могло показаться, будто в армии есть настоящий командующий, который людям мужественным внушает надежду на успех, а слабым страх. Войска стояли в полной боевой готовности и требовали приказа о выступлении. Вителлию они тут же присвоили имя Германика — называть себя Цезарем он не разрешал даже и после победы.

Когда Фабий Валент уходил со своей армией в поход, ему было счастливое знамение: в самый день выступления в небе появился орел и медленно полетел впереди войска, как бы указывая ему дорогу. Сопровождаемый радостными криками солдат, он долго парил над двигавшейся колонной. Никто не сомневался, что то было предзнаменование великого и блестящего успеха.

63. Армия спокойно вступила на территорию союзных тревиров и остановились в городе Диводуре, принадлежащем племени медиоматриков. Здесь солдатами, несмотря на оказанный им прекрасный прием, внезапно овладел беспричинный страх, и, похватав оружие, они бросились убивать ни в чем не повинных жителей — не ради добычи, не из желания пограбить, а движимые лишь исступлением и яростью. Чем непонятней были причины, вызвавшие резню, тем труднее было их устранить; лишь под влиянием просьб и заклинаний командующего солдаты пришли в себя, и племя удалось спасти от полного истребления. Тем не менее убитых оказалось около четырех тысяч человек. Галльские провинции охватил такой ужас, что целые племена, со старейшинами во главе, выходили навстречу войскам, моля о пощаде, женщины и дети бросались к ногам солдат, делали все, чтобы умилостивить гнев воинов и добиться мира, хотя по существу никакой войны и не было.

64. Весть об убийстве Гальбы и о захвате власти Отоном достигла Фабия Валента, когда он находился в землях племени левков. У солдат, однако, это известие не вызвало ни радости, ни ужаса,— только война была у них на уме. Галльские провинции перестали колебаться — Вителлия и Отона они ненавидели равно, но бояться им приходилось прежде всего Вителлия. Следующим на пути армии было племя лингонов, верных сторонников вителлианской партии. Принятые ими весьма радушно, солдаты соревновались в предупредительности и любезности. Но радость была недолгой: наглость батавских когорт положила ей конец. Как я уже упоминал, они отбились от четырнадцатого легиона и Фабий Валент влил их в свою армию. Между батавами и легионерами начались перебранки, потом стычки, остальные солдаты встали на сторону кто тех, кто других, и дело дошло бы до настоящей битвы, если бы Валент, наказав нескольких смутьянов, не образумил батавов, забывших было о воинской дисциплине.

Найти повод для войны с эдуями, несмотря на все старания, оказалось невозможно: им было приказано снабдить армию оружием и деньгами — они поставили еще и провиант. Жители Лугдунума сделали то же самое, но не из страха, как эдуи, а с радостью. Италий-

ский легион и таврийская конница были выведены из Лугдунума, а в городе решили оставить восемнадцатую когорту, которая и раньше стояла здесь на зимних квартирах. Легат Италийского легиона Манлий Валент, несмотря на свои заслуги перед Вителлием, был встречен им весьма холодно: Фабий успел очернить в глазах Вителлия ничего не подозревавшего легата, которого он в присутствии других всячески расхваливал, чтобы усыпить его бдительность.

65. Между жителями Лугдунума и Виенны издавна существовала вражда, которую сильно обострила минувшая война. Они нападали друг на друга столь часто и с таким ожесточением, что вряд ли можно было это объяснить одной лишь преданностью Нерону или Гальбе. Разгневанный жителями Лугдунума, Гальба придрался к первому попавшемуся случаю и объявил все их доходы принадлежащими казне; жителей же Виенны, напротив того, осыпал почестями. Это породило зависть, раздоры, и тех, кого разделяла река, связала ненависть. Теперь жители Лугдунума, обращаясь то к одному солдату, то к другому, начали подстрекать их напасть на Виенну. Они говорили, что виеннцы держат Лугдунум в осаде, что они помогали Виндексу в его попытках захватить власть и совсем еще недавно набрали войска для защиты Гальбы. Перечисляя все это, жители Лугдунума в то же время не забывали упомянуть и о богатой добыче, которой солдаты могли бы поживиться в Виенне. Вскоре тайных разговоров с тем или другим солдатом им показалось мало, и они стали обращаться к армии в целом: пусть воины-мстители устремятся на Виенну и уничтожат этот очаг раздоров в Галлии, уничтожат город, где все чуждо и враждебно Риму. Ведь фортуна может еще отвернуться от Вителлия и его воинов, и надо позаботиться о том, чтобы Лугдунум — исконная римская колония, неразрывно связанная с армией, готовая делить с ней горе и радость,— не остался во власти разъяренных недругов.

66. Подобными речами они довели дело до того, что легаты и даже руководители восстания не могли дольше сдерживать гнев и раздражение, владевшие войсками. Тогда жители Виенны, понимавшие, какая опасность им грозит, вышли навстречу двинувшейся на них армии. Они шли в белых головных повязках,

неся впереди перевитые лентами оливковые ветви, и, едва дойдя до первых рядов, бросились обнимать колени легионеров, целовали их ноги, руками отводили оружие. Римляне почувствовали к ним жалость. Валент тут же объявил, что выдает каждому легионеру по триста сестерциев, солдаты немедленно вспомнили, какой Виенна древний город, сколь почетное место она занимает среди других римских колоний, и благосклонно выслушали речь Фабия, советовавшего оставить город целым и невредимым. Хотя на жителей все же наложили наказание — их лишили права носить оружие,— они тем не менее собрали у частных лиц и в городских житницах большое количество продовольствия и снабдили им войска. Правда, ходили упорные слухи, что Валент был подкуплен и получил большие деньги: прожив так долго в позорной бедности и внезапно разбогатев, он не сумел скрыть, что состояние его изменилось: после многих лет нищеты неумеренно предался наслаждениям и стал под старость сорить деньгами.

Дальнейший путь армии пролегал через земли аллоброгов и воконтиев. Двигалась она медленно, потому что Валент решал, по каким дорогам идти, и определял места стоянок в зависимости от того, сумеют ли владельцы участков и вожди племен от него откупиться, и вступал с ними в самые грязные сделки. В своей непомерной жестокости он до тех пор стоял, например, около Лука, города в земле воконтиев, угрожая его сжечь, пока жители не задобрили его деньгами. Там, где у населения денег не было, милость его приходилось покупать ценой бесчестья девушек и женщин.

Так армия Валента добралась до Альп.

67. Еще большими бесчинствами и кровопролитием был отмечен путь Цецины. Гнев этого взбалмошного человека вызвали гельветы, галльское племя, уже в древности прославившееся воинской доблестью и с тех пор с гордостью хранившее честь своего славного имени. Они ничего не слышали об убийстве Гальбы и отказались признать власть Вителлия. Война вспыхнула из-за нетерпения и алчности солдат двадцать первого легиона: они силой захватили деньги, высланные гельветами на сторожевую заставу, где службу несли люди их племени, от них же получав-

шие и жалованье. Гельветы сочли себя оскорбленными, перехватили письма, которые германская армия направила паннонским легионам, задержали и взяли под стражу центуриона и нескольких солдат. Цецина, жаждавший войны, ухватился за этот повод, чтобы не дать гельветам времени раскаяться, и тут же двинулся отомстить им: лагеря были спешно перенесены ближе к гельветам, их посевы уничтожены, разграблено поселение, привлекавшее своим красивым местоположением и целебными источниками многих приезжих и разросшееся благодаря этому до размеров небольшого города; к расположенным в Реции вспомогательным войскам отправили гонцов с приказом зайти в тыл гельветам, которые были обращены фронтом к двадцать первому легиону.

68. Гельветы были весьма воинственны, пока им ничто не угрожало, но, увидев нависшую над ними опасность, растерялись. В первые дни, полные еще боевого задора, они выбрали себе полководца — Клавдия Севера, но ни распределить обязанности между войсками разного назначения, ни сражаться в правильном строю, ни подчиняться единому командованию они не умели. Решиться на битву с армией, состоявшей из ветеранов, означало верную гибель; запереться в крепости было тоже небезопасно: стены ее разваливались от старости; с одной стороны — Цецина со свежими войсками, с другой — ретийские легионы со своей пехотой и конницей, поддержанные закаленной и привычной к войне молодежью этой провинции; куда ни погляди — со всех сторон поражение и гибель. Разбежавшись и побросав оружие, измученные гельветы долго метались между легионерами и ретийцами, а затем бежали на Воцетийскую гору, но были немедленно выбиты оттуда специально посланной фракийской когортой. Они бросились в леса, но германцы и ретийцы преследовали их там и убивали, в каких бы тайниках те ни скрывались. Много тысяч людей было убито, много тысяч продано в рабство. Когда, уничтожив здесь все и всех, армия в боевом строю подошла к столице гельветов Авентику, город выслал парламентеров. Они сообщили, что город сдается на милость победителя, и капитуляция была принята. Цецина наказал Юлия Альпина как зачинщика войны, а остальных предоставил милосердию — или жестокости — Вителлия.

69. Нелегко сказать, кто встретил послов гельветов более враждебно — полководец или легионеры. Солдаты грозили им кулаками, замахивались дротами, требовали уничтожить город, да и Вителлий осыпал их оскорблениями и угрозами. Смягчить солдат удалось лишь Клавдию Коссу, одному из послов. Выдающийся оратор, он сумел замаскировать свое искусное красноречие притворным страхом, отчего его слова произвели еще большее впечатление. Толпа, всегда подверженная внезапным переменам настроения, стала настаивать на помиловании жителей столь же рьяно, как только что требовала их истребления, послышались рыдания, каждый предлагал обойтись с побежденными возможно мягче, и в результате город был не только спасен, но и не понес никакого наказания.

70. Цецина все еще находился в земле гельветов, ожидая более точных указаний от Вителлия и готовясь к переходу через Альпы, когда, несколько дней спустя, получил из Италии радостную весть: на верность Вителлию присягнула занимавшая долину Пада силианская конница. Эта кавалерийская часть находилась под командованием Вителлия, когда он был проконсулом в Африке; вскоре затем Нерон вывел ее из этой провинции, чтобы послать впереди себя в Египет, а затем, ввиду начавшейся войны с Виндексом, отозвал в Италию, где она и осталась. Ее декурионы, которые Отона не знали и были целиком преданы Вителлию, всячески превозносили мощь надвигавшихся легионов и великую славу германской армии. Под их влиянием солдаты перешли на сторону нового принцепса и передали ему в дар наиболее укрепленные города Транспаданской области — Медиолан и Новарию, Эпоредию и Верцеллы. Через жителей этих городов Цецина и узнал о случившемся. Понимая, что одна кавалерийская часть не в силах удержать эту обширнейшую область Италии, он отправил туда когорты галлов, лузитанов, британцев и поддержанные петрианской конницей отряды германцев, а сам остался на месте, предполагая вскоре двинуться через ретийские перевалы в Норик против прокуратора этой провинции Петрония Урбика; Урбик стягивал вспомагательные войска, разрушал мосты через большие реки, и все предполагали, что он останется верен Отону. Решив, однако, что

он может потерять ушедшую вперед пехоту и кавалерию, считая, что он добьется большей славы, если удержит в руках Италию, и полагая, что, где бы ни произошла решающая битва, Норик так или иначе достанется в награду победителям, Цецина двинулся через Пенинский перевал и сумел провести не только пешие и конные отряды, но даже и тяжеловооруженные легионы, с обозами и воинским имуществом, через Альпы, покрытые еще в эту пору года глубоким снегом.

71. Между тем Отон, против всеобщего ожидания, не предавался ни утехам, ни праздности. Отказавшись от любовных похождений и скрыв на время свое распутство, он всеми силами старался укрепить императорскую власть. Правда, такое поведение внушало еще больший ужас, ибо все понимали, что доблести эти притворны и что его дурные страсти, едва им снова дадут волю, окажутся страшнее, чем раньше. Чтобы прослыть великодушным к человеку, пользующемуся доброй славой, но ненавидимому окружением императора, Отон приказал привести на Капитолий Мария Цельза — кандидата в консулы, которого он в свое время заключил в тюрьму и спас таким образом от ярости солдат. Цельз не только подтвердил, что оставался верным Гальбе, но и дал понять Отону, какую пользу могут принести ему самому люди, умеющие хранить верность своему принцепсу. Отон не стал вести себя как государь, прощающий преступника; он призвал богов в свидетели того, что они с Цельзом примиряются как равный с равным, тут же ввел его в число своих самых близких друзей и вскоре отправил на войну вместе с другими полководцами. Цельз, как бы преследуемый злым роком, был и на этот раз столь же верен своему императору, столь же стоек и столь же несчастен. Знать встретила помилование Цельза с удовлетворением, чернь — с шумной радостью и даже солдаты ничего не имели против,— теперь они восхищались доблестью Мария, которая прежде приводила их в такую ярость.

72. Некоторое время спустя столь же бурную радость вызвало и другое событие — казнь Тигеллина. Софоний Тигеллин, человек темного происхождения, провел молодость в грязи, а старость — в бесстыдстве. Избрав более короткий путь, он подлостью достиг долж-

ностей, которые обычно даются в награду за доблесть,— стал префектом городской стражи, префектом претория, занимал и другие посты, отличаясь на первых порах жестокостью, а потом и жадностью,— пороками, которых трудно было ожидать в столь изнеженном человеке. Тигеллин не только вовлек Нерона в преступления, но и позволял себе многое за его спиной, а в конце концов его же покинул и предал. Ничьей казни поэтому в Риме не требовали с таким упорством, как казни Тигеллина; движимые противоположными чувствами, ее добивались и те, кто ненавидел Нерона, и те, кто его любил. При Гальбе его защищал могущественный Тит Виний, оправдывавшийся тем, что Тигеллин спас его дочь. Спас он ее, конечно, не по доброте — откуда бы ей быть у убийцы стольких людей,— а стараясь обеспечить себе лазейку на будущее: дурной человек тому, что есть, не доверяет, а перемен боится и ищет спасения от ненависти общества в покровительстве того или другого частного лица, заботится не о своей порядочности, а о безнаказанности. Теперь, когда к презрению, которое все издавна к нему питали, прибавилась еще и ярость против Виния, народ возненавидел Тигеллина окончательно. Граждане собирались на Палатине, на рынках и площадях, чернь — там, где она чувствует себя вольготнее,— в цирке и театрах, и, не считаясь ни с какими распоряжениями властей, все в один голос требовали смерти Тигеллина. Наконец, Тигеллин, находившийся в это время на лечебных водах в Синуессе, получил приказ лишить себя жизни. Окруженный наложницами, среди бесстыдных ласк, он долго старался оттянуть конец, пока не перерезал себе бритвой глотку, завершив и без того подлую жизнь запоздалой и отвратительной смертью.

73. Около того же времени народ требовал также казни Кальвии Криспиниллы, но император с помощью хитрости и обмана спас ее, хотя и сильно повредив себе этим в общественном мнении. В свое время Криспинилла устраивала для Нерона все его постыдные развлечения, потом отправилась в Африку с целью убедить Клодия Макра взяться за оружие и, не стесняясь, добивалась там принятия мер, которые должны были вызвать в Риме голод. Позже она тем не менее приобрела уважение всего города: вышла замуж за консу-

лярия, сумела уцелеть при Гальбе, Отоне и Вителлии и пользовалась большим влиянием благодаря богатству и бездетности — двум преимуществам, которые играют свою роль в любые времена, и дурные, и хорошие.

74. Между тем Отон вновь и вновь писал Вителлию письма, преисполненные ухищрений, к которым прибегают разве что женщины, предлагая ему свою милость, деньги, спокойную и обеспеченную жизнь в любом месте, которое тот пожелает выбрать. Вителлий делал подобные же предложения Отону. Сначала они обменивались любезностями, причем каждый прибегал к глупым и недостойным уловкам, стараясь обмануть соперника, но вскоре начали перебраниваться и упрекать друг друга — в обоих случаях с полным основанием — в подлостях и преступлениях. Отон вернул легатов Гальбы и вместо них отправил в обе германские армии, в Италийский легион и в войска, расквартированные вокруг Лугдунума, других людей, представив их как посланцев сената. Посланные с такой готовностью остались в лагере Вителлия, что трудно было поверить, будто их там задержали силой. Отон послал с ними, якобы для большего почета, отряд преторианцев, которых тут же отправили обратно, не дав им времени вступить в сношения с легионерами. Фабий Валент дал им с собой письмо, обращенное от имени германской армии к преторианской гвардии и городской страже, где писал о подавляющих силах вителлианцев, об их готовности прийти к соглашению и обвинял преторианцев в том, что они передали Отону императорскую власть, давно уже принадлежавшую Вителлию.

75. Таким образом была предпринята попытка подействовать на преторианцев одновременно обещаниями и угрозами и убедить их в том, что война им не по силам, а мир не сулит ничего дурного. Тем не менее поколебать их верность Отону этим путем не удалось. Несколько позже Вителлий подослал в Рим, а Отон в Германию своих агентов. Это, однако, тоже ничего не дало: вителлианцы, хоть сами и уцелели, ничего не сумели сделать, так как затерялись в огромной массе римского населения и не смогли установить связь друг с другом; отонианцы же сразу выдали себя, ибо были посторонними в лагере, где каждый знал друг друга.

Вителлий написал брату Отона Тициану, угрожая, что убьет и его самого, и его сына, если тот не обеспечит безопасность матери и детям Вителлия. И та, и другая семья остались невредимы. Говорили, что Отон не тронул семью Вителлия из страха. Когда же Вителлий, одержав победу, тем не менее пощадил родных Отона, все стали прославлять его за великодушие.

76. Первое сообщение, внушившее Отону уверенность в своих силах, пришло из Иллирии: на верность ему присягнули легионы Далмации, Паннонии и Мёзии. Подобное же известие было доставлено из Испании. Но едва Отон успел особым эдиктом поблагодарить за это Клувия Руфа, тут же выяснилось, что Испания уже перешла на сторону Вителлия. Аквитания поклялась Юлию Корду остаться верной Отону, но тоже очень скоро нарушила свои обещания. Никто не руководствовался ни верностью долгу, ни привязанностью к принцепсу, каждая провинция присоединялась к той или другой партии из страха или по необходимости: так, видя, какая опасность над ней нависла, и понимая, что всегда легче примкнуть к тому, кто ближе и сильнее, перешла на сторону Вителлия Нарбоннская Галлия. Более отдаленные провинции и армии, находившиеся за морем, оставались верны Отону, но не из преданности отонианской партии, а потому, что испытывали великое уважение к имени Рима и к достоинству сената, да и услыхали они об Отоне раньше, чем о Вителлии. В Иудее Веспасиан и Муциан в Сирии привели свои легионы к присяге Отону. Под его властью оставались также Египет и другие провинции, расположенные дальше на восток. Верность ему сохраняла и провинция Африка, где зачинщиком выступил Карфаген: здесь вольноотпущенник Нерона Кресценс — в дурные времена и подобные люди начинают вмешиваться в государственные дела,— не дожидаясь решения проконсула Випстана Априниана, устроил для черни пир в честь Отона, и народ поспешно признал нового императора, ознаменовав это признание всякого рода безобразиями и бесчинствами. Примеру Карфагена последовали и прочие города.

77. Теперь, когда провинции и армии разделились на две враждующие партии, Вителлий стал еще сильнее стремиться к войне, которая ему была необходима, чтобы захватить верховную власть, а Отон, как будто

в мире царило полнейшее спокойствие, занялся текущими делами империи; некоторые из них он решал в соответствии с достоинством государства, большинство же — в нарушение принятых обычаев, сообразуясь лишь с обстоятельствами. Консулами на срок до мартовских календ стали он сам и его брат Тициан, на следующий срок он, рассчитывая таким путем польстить германским войскам, сделал консулом Вергиния, а его коллегой — Помпея Вописка, по старой дружбе, как утверждал он сам, или чтобы проявить уважение к жителям Виенны, как говорили многие. На остальные месяцы были сохранены те назначения, которые произвели еще Нерон и Гальба и которые Вителлий после своей победы также оставил в силе: до июльских календ — Целий и Флавий Сабины, до сентябрьских — Аррий Антонин и Марий Цельз. Стариков, которые в свое время уже занимали высшие государственные должности, Отон, дабы достойно завершить их почетную деятельность, произвел в понтифики и в авгуры, а недавно возвращенным из ссылки молодым нобилям вернул, чтобы их хоть как-то утешить, жреческие должности, принадлежавшие их отцам и дедам. Кадий Руф, Педий Блез и Сцевин Приск вновь заняли в сенате свои места, которых они были лишены при Клавдии и Нероне за хищения и взятки. Чтобы добиться их оправдания, изменили формулировку обвинения, и то, что на деле было вымогательством, назвали оскорблением величия: возмущение, которое вызывали процессы этого последнего рода, заставило забыть и справедливый закон о вымогательствах.

78. Стремясь подобной же щедростью привлечь к себе симпатии союзных племен и жителей провинций, Отон допустил новые семьи в число полноправных колонистов Гиспала и Эмериты, распространил на все племя лингонов право римского гражданства, передал несколько мавританских городов в дар провинции Бетика, ввел новые законы в Каппадокии и в Африке; все эти реформы были нужны Отону лишь для завоевания популярности; он и не рассчитывал, что они останутся в силе сколько-нибудь длительное время. Среди всех этих дел, которые еще можно было оправдать требованиями момента и надвигавшейся опасностью, Отон, однако, не забывал и о своих былых увлечениях: он провел через сенат декрет о восстановле-

нии статуй Поппеи и даже, как говорили, подумывал об устройстве торжеств в память Нерона, надеясь таким образом привлечь чернь на свою сторону. Нашлись люди, выставившие изображения Нерона перед своими домами, и дело дошло до того, что народ и солдаты, как бы желая еще больше превознести знатность и славу Отона, в течение нескольких дней приветствовали его именем Нерона Отона. Сам он никак не высказал своего отношения к этому новому титулу, то ли боясь его отвергнуть, то ли стыдясь его принять.

79. У всех мысли были заняты гражданской войной, и границы стали охраняться менее тщательно. Сарматское племя роксоланов, предыдущей зимой уничтожившее две когорты и окрыленное успехом, вторглось в Мёзию. Их конный отряд состоял из девяти тысяч человек, опьяненных недавней победой, помышлявших больше о грабеже, чем о сражении. Они двигались поэтому без определенного плана, не принимая никаких мер предосторожности, пока неожиданно не встретились со вспомогательными силами третьего легиона. Римляне наступали в полном боевом порядке, у сарматов же к этому времени одни разбрелись по округе в поисках добычи, другие тащили тюки с награбленным добром; лошади их ступали неуверенно, и они, будто связанные по рукам и ногам, падали под мечами солдат. Как это ни странно, сила и доблесть сарматов заключены не в них самих: нет никого хуже и слабее их в пешем бою, но вряд ли существует войско, способное устоять перед натиском их конных орд. В тот день, однако, шел дождь, лед таял, и они не могли пользоваться ни пиками, ни своими длиннейшими мечами, которые сарматы держат обеими руками; лошади их скользили по грязи, а тяжелые панцири не давали им сражаться. Эти панцири, которые у них носят все вожди и знать, делаются из пригнанных друг к другу железных пластин или из самой твердой кожи; они действительно непроницаемы для стрел и камней, но если врагам удается повалить человека в таком панцире на землю, то подняться он сам уже не может. Вдобавок ко всему их лошади вязли в глубоком и рыхлом снегу, и это отнимало у них последние силы. Римские солдаты, свободно двигавшиеся в своих легких кожаных панцирях, засыпали их дротиками

и копьями, а если ход битвы того требовал, переходили в рукопашную и пронзали своими короткими мечами ничем не защищенных сарматов, у которых даже не принято пользоваться щитами. Немногие, которым удалось спастись, бежали в болото, где погибли от холода и ран. После того как весть об этой победе достигла Рима, проконсул Мёзии Марк Апоний был награжден триумфальной статуей, а легаты легионов Фульв Аврелий, Юлиан Теттий и Нумизий Луп — консульскими знаками отличия. Отон был весьма обрадован, приписал славу этой победы себе и старался создать впечатление, будто военное счастье ему улыбается, а его полководцы и его войска стяжали государству новую славу.

80. Между тем в Риме по ничтожному поводу, никому не внушавшему никаких опасений, возникли беспорядки, едва не приведшие к гибели всего города. Отон еще раньше приказал вызвать в Рим из Остии семнадцатую когорту и поручил трибуну преторианцев Варию Криспину обеспечить ее оружием. Криспин, решив выполнить приказ, когда он сам не занят, а в лагере уже всё успокаивается, дождался сумерек, велел открыть арсенал и начал грузить оружие на принадлежавшие когорте повозки. Выбранное Криспином время показалось преторианцам подозрительным, намерения его преступными, и чем тише он старался все делать, тем больший шум поднимался в лагере. Пьяные солдаты, увидев оружие, захотели пустить его в ход, стали обвинять центурионов и трибунов в измене, кричать, что они хотят погубить Отона и для этого вооружают сенаторских клиентов; некоторые кричали, потому что были пьяны и не понимали толком, что происходит, другие — худшие,— надеясь, что, может быть, удастся пограбить, чернь, как всегда,— из любви к беспорядкам; солдаты, верные своему долгу, не могли помешать происходящему из-за наступившей темноты. Трибуна, пытавшегося обуздать мятеж, убили, убиты были и самые строгие и требовательные из центурионов; расхватав оружие, обнажив мечи, солдаты вскочили на коней и устремились в город и на Палатин.

81. У Отона в это время был большой пир, устроенный им для знатнейших женщин и мужчин. Перепуганные гости, не зная, как объяснить вспышку солдатской

ярости — видеть ли в ней случайность, приписать ли ее коварству императора, не понимая, что́ опаснее — оставаться на месте, рискуя быть схваченным, или бежать и оказаться один на один с толпой, то храбрились, то выдавали весь свой испуг и не сводили глаз с Отона; как часто случается с людьми, не в меру проницательными, они усматривали опасность для себя в словах и поступках Отона, которые на самом деле были продиктованы одним лишь страхом. Опасаясь за самого себя не меньше, чем за сенаторов, он сразу же послал префектов претория навстречу солдатам с поручением успокоить их, а гостям велел немедленно разойтись. Высшие должностные лица государства, побросав знаки своего достоинства и избегая свиты клиентов и рабов, кинулись врассыпную; старики и женщины брели по улицам ночного города. Мало кто направлялся домой, большинство искало приюта у друзей или в глухих трущобах, у самого незаметного из клиентов.

82. Солдат не удалось остановить даже у входа во дворец; они ворвались в зал, где шел пир, ранили трибуна Юлия Марциала и префекта легиона Вителлия Сатурнина, пытавшихся их задержать, и стали громко требовать, чтобы им показали Отона. Потрясая оружием, преторианцы угрожали то центурионам и трибунам, то сенату и, обезумев от слепого страха, не зная, на ком выместить свою ярость, были готовы расправиться со всеми сразу. Наконец, Отон, позабыв о достоинстве императора, вскочил на ложе и, обливаясь слезами, стал умолять солдат успокоиться. С великим трудом он убедил их вернуться в лагерь; солдаты ушли, но неохотно, чувствуя свою вину. На следующий день город выглядел так, будто его захватили враги: дома заперты, на улицах почти не видно граждан; простой народ, удрученный, молчит; солдаты, скорее озлобленные, чем смущенные, ходят, опустив глаза в землю. Префекты Лициний Прокул и Плотий Фирм обошли манипулы, обращаясь к солдатам каждый на свой лад — один с увещеваниями, другой с угрозами; впрочем, речи обоих заканчивались обещанием выплатить каждому преторианцу по пять тысяч сестерциев. Только после этого Отон отважился вступить в лагерь. Здесь его обступили трибуны и центурионы; побросав наземь знаки своего достоинства, они стали требовать,

чтобы Отон спас их от гибели и освободил от службы. Солдаты поняли, чем вызвана эта просьба, снова начали подчиняться приказам командиров и сами потребовали наказания зачинщиков мятежа.

83. Отон видел, что положение остается неспокойным и что в армии нет единодушия. Среди солдат лучшие требовали покончить с распространившейся повсюду распущенностью, большинство же было радо бунтовать, помыкать властями и стремилось перейти от грабежей и беспорядков к гражданской войне. Отон понимал также, что власть, захваченную преступлением, нельзя удержать, внезапно вернувшись к умеренности и древней суровости нравов; беспокоило его и то, что город оказался в опасности, а над сенатом нависла угроза. Взвесив все это, он обратился к преторианцам со следующей речью. «Не с тем пришел я к вам, друзья, чтобы пробудить в вас еще большую любовь к себе или поощрить вашу доблесть,— и та, и другая выше всяких похвал. Я пришел потребовать, чтобы вы умерили свое мужество и сдержали изъявления своей верности. Недавние неурядицы возникли не от алчности или ненависти, которые так часто порождают беспорядки в других войсках, не от непослушания или страха перед опасностью. Их вызвала ваша преданность, в выражении которой вы проявили больше страсти, чем осмотрительности: если действовать не подумавши, то и самые похвальные намерения часто приводят к дурным последствиям. Мы стоим на пороге войны. Разве можно в такую минуту, в столь чрезвычайных обстоятельствах, выслушивать при всех каждое новое сообщение, всенародно обсуждать каждый новый план? Есть вещи, о которых солдатам надлежит ведать, и есть вещи, которых им лучше не знать. Власть полководца и незыблемый порядок в армии зиждутся именно на том, что даже трибуны и центурионы во многих случаях должны только лишь выполнять приказы. Если каждый, получив приказание, начнет спрашивать, зачем да почему оно нужно, прахом пойдет дисциплина, а за ней погибнет и государство. Что же, и на войне вы броситесь среди ночи расхватывать оружие? И там один-два пьяных негодяя — ибо я не хочу верить, что вчерашнее безумие захватило многих,— будут пятнать руки кровью центурионов и трибунов, станут ломиться в шатер своего императора.

84. То, что вы сделали,— вы сделали для меня. Но если нет порядка, если повсюду царят смятение и мрак, то открываются пути силам, которые враждебны и мне. Имей Вителлий и его приспешники возможность выбирать, в каком настроении хотели бы они нас видеть? Что доставило бы им большую радость, чем распри и ссоры в наших рядах? Они только и мечтают, чтобы наши солдаты перестали подчиняться центурионам, центурионы — трибунам и чтобы все мы, пешие и конные, позабыв о порядке и дисциплине, устремились навстречу собственной гибели. Мощь армии, друзья, основана на том, что солдаты подчиняются приказам полководца, а не стараются разузнать побольше о его планах, и в час опасности то войско оказывается сильнее, которое перед тем было более сплоченным и спокойным. Пусть остаются при вас ваше мужество и ваше оружие, а думать и направлять вашу доблесть предоставьте мне. Провинились среди вас немногие, наказаны будут лишь двое, остальные пусть навсегда забудут о событиях этой позорной ночи, пусть ни в одной армии никогда не узнают об угрозах сенату, раздававшихся здесь. На высший совет империи, где заседают лучшие люди всех провинций, не решились бы поднять руку, клянусь Геркулесом, даже варвары-германцы, которых Вителлий изо всех сил старается натравить на нас. Так может ли быть, чтобы подлинные сыны Италии стали требовать убийств и казней сенаторов, чтобы истинно римское юношество посягнуло на сословие, придающее славу и блеск нашему делу и ставящее нас неизмеримо выше того сброда, что окружает Вителлия? Он захватил земли нескольких племен, у него есть какое-то подобие армии, но сенат с нами, значит, государство здесь, а там — враги государства. Ужели вы думаете, что лишь дома, крыши, нагромождения камня составляют этот прекрасный город? Их можно разрушить, можно отстроить заново,— ничего от этого не изменится. Но неколебимо стоит Рим, мир царит в мире, и мы с вами живы до тех пор, пока цел и невредим сенат. По велению богов создал его прародитель и основатель нашего города; вечный и нерушимый, простоял он от времени царей до времени принцепсов; таким мы приняли его от предков, таким передадим и потомкам нашим;

ибо как из вас выходят сенаторы, так из сенаторов выходят государи».

85. Преторианцы благосклонно приняли речь Отона, рассчитанную на то, чтобы пристыдить их и одновременно им польстить, покарать виновных и, однако, сделать это в мягкой форме,— не случайно из всех зачинщиков мятежа он велел наказать лишь двоих. Этой речью он сумел хотя бы на время достичь того, чего не мог добиться с помощью силы,— заставить солдат соблюдать дисциплину и подчиняться приказам. Спокойствие тем не менее не возвращалось. Рим был полон звона оружия и выглядел как город, охваченный войной. Сообща преторианцы больше не затевали никаких смут, однако поодиночке и тайком солдаты, действуя якобы от имени и в интересах государства, продолжали нападать на дома наиболее знатных, богатых и вообще чем-либо известных граждан; к тому же по городу распространился слух, будто в Рим проникли солдаты Вителлия, чтобы выведать настроения различных группировок, и многие этой сплетне верили. Поэтому все всех подозревали, и даже разговоры, которые люди вели у себя дома, при закрытых дверях, не были до конца безопасны. Но больше всего страху натерпелись те, кому приходилось принимать участие в государственных делах: какую бы весть ни принесла молва, каждый старался настроиться на нужный лад и придать своему лицу подходящее к случаю выражение, как бы кто не подумал, что он легкомысленно относится к дурным известиям или недостаточно обрадован хорошими. Особенно сложно было правильно держать себя на заседаниях сената, где молчание могло показаться строптивостью, а независимость подозрительной. Впрочем, Отон, который еще недавно сам был частным лицом и вел себя точно так же, хорошо знал цену всем этим уловкам. На разные лады все называли Вителлия врагом и изменником, наиболее дальновидные ограничивались обычными бранными выражениями, другие осуждали его более резко, но старались, чтобы слова их прозвучали неясно или утонули в общем шуме.

86. В довершение бед на всех наводили ужас доходившие с разных сторон слухи о чудесах и знамениях. На Капитолии статуя Победы, стоящая на колеснице, запряженной парой коней, выронила из рук вожжи; из придела Юноны в Капитолийском храме внезапно вы-

шел призрак выше человека ростом; в ясный безветренный день Тибр тек совершенно спокойно, как вдруг стоявшая на острове посреди реки обращенная на запад статуя божественного Юлия повернулась лицом к востоку; в Этрурии заговорил бык; животные рожали странных уродцев, и происходило еще множество всяких чудес. В далеком прошлом, исполненном невежества и дикости, люди и в обычное время с благоговением и ужасом относились к разным странным явлениям, сейчас же на них обращают внимание только когда все охвачены страхом. Но главным событием этих дней было неожиданное наводнение, которое и само по себе принесло много несчастий, и вселило в граждан еще больший страх перед будущим. Уровень воды в Тибре резко поднялся, река сорвала стоявший на сваях мост и разбила мол, перегораживавший течение; масса обломков рухнула в поток, и вытесненные воды затопили не только кварталы, примыкавшие к Тибру, но и части города, всегда считавшиеся безопасными. Волны смывали людей на улицах, настигали их в домах и лавках; народ голодал, заработков не было, продовольствия не хватало; вода подмыла основания огромных доходных домов, и когда река отступила, они обрушились. Едва прошел первый страх, все увидели, что непроходимы стали Марсово поле и Фламиниева дорога, а тем самым оказался закрытым путь, по которому Отон должен был выступать в поход. В этом обстоятельстве, порожденном естественными причинами или возникшем по воле случая, тут же усмотрели знамение, указывавшее на неизбежное поражение.

87. Отон, совершив обряд очищения города, принес очистительные жертвы и, взвесив все возможные планы кампании, решил двинуться к Нарбоннской Галлии, так как Пеннинские и Коттианские Альпы, а равно все другие подступы к галльским провинциям были заграждены вителлианскими войсками. Избирая такой план, Отон рассчитывал на силу и преданность своего флота: он выпустил из тюрьмы солдат морской пехоты, уцелевших во время резни у Мульвиева моста, которых Гальба с присущей ему жестокостью велел держать в заточении, сформировал из них особые подразделения в составе легиона, а остальным дал понять, что в будущем они могут рассчитывать на более почет-

ную службу. Флоту были приданы некоторые когорты городской стражи и преторианцы, по численности и боевым качествам составлявшие главную силу армии, охранявшие полководцев и даже дававшие им советы. Верховное командование было поручено примипилариям Антонию Новеллу и Сведию Клементу, а также Эмилию Пацензу, которому Отон вернул должность трибуна, отнятую у него Гальбой. Кораблями по-прежнему ведал вольноотпущенник Мосх; Отон поручил ему даже следить за людьми, которые по рождению были гораздо его выше. Командовать пешими и конными войсками назначили Светония Паулина, Мария Цельза и Анния Галла, но самым доверенным лицом был префект претория Лициний Прокул. Отличившийся во время службы в римском гарнизоне, но неопытный в военном деле, он избрал легкий путь к почестям: стал клеветать на других командиров, отрицая те хорошие качества, которые у каждого из них были,— способность Паулина внушать к себе уважение, стойкость Цельза, опытность Галла, и в результате благодаря своей ловкости и подлости добился превосходства над людьми порядочными и скромными.

88. Примерно в эти же дни был выслан в Аквин, под гласный и не слишком строгий надзор, Корнелий Долабелла, он не совершил никакого преступления, но был под подозрением как человек из древней фамилии и родственник Гальбы. Многие из высших должностных лиц и большинство консуляриев получили от Отона приказ выехать вместе с ним в армию,— не для участия в военных операциях или содействия им, а для того только, чтобы состоять в его свите; среди них находился и Луций Вителлий; Отон обращался с ним с обычной своей любезностью, не как с братом императора, но и не как с братом врага. Приказ Отона вызвал в городе переполох. Люди всех сословий боялись происходящего и опасались за будущее: наиболее заслуженные сенаторы были дряхлы и за долгие годы мирной жизни обленились, изнеженные аристократы отвыкли от походов, всадники никогда их и не знали. Чем больше каждый старался скрыть свой страх и трепет, тем очевиднее они становились. Немало было и таких, кого обуревало бессмысленное тщеславие; они покупали дорогое оружие, породистых лошадей и уместные разве что на пирах и попойках

предметы роскоши, которые они тоже считали частью военного снаряжения. Люди мудрые думали о том, как обеспечить интересы мира и государства; самые легкомысленные, неспособные заглянуть в будущее, тешили себя пустыми надеждами; многие из тех, кто в обычное время со страхом скрывается от кредиторов, теперь среди неурядиц и беспорядков приободрились и чувствовали себя в безопасности.

89. Мало-помалу, однако, и чернь, и простонародье, которых обычно не задевают беды, переживаемые государством, начали испытывать на себе тяготы войны: все деньги уходили на нужды армии, цены на продукты питания росли. Во время восстания Виндекса эти трудности мало коснулись населения; тогда город чувствовал себя в безопасности, борьба легионов с галлами, разворачивавшаяся в провинциях, казалось, шла за рубежами империи. Вообще с тех пор, как божественный Август положил начало власти цезарей, римский народ вел войны на далеких окраинах империи, а все заботы и почет выпадали на долю одного человека. При Тиберии Гае государство страдало от бед, преследующих людей и в мирное время; восстание Скрибониана против Клавдия оказалось уже подавлено, когда весть о нем достигла Рима; Нерон был свергнут не силой оружия, а слухами и молвой. Теперь же на театр военных действий были выведены легионы и флоты, были выведены — что прежде бывало очень редко — войска городской стражи и преторианцы; западные и восточные провинции со всеми сосредоточенными в них армиями образовывали тыл, и, при других полководцах, такая война могла бы затянуться надолго. Отон был уже совсем готов к походу, но ему стали советовать проявить уважение к древним обрядам и повременить с выступлением, пока не будут возвращены на место священные щиты; он же не допускал и мысли об отсрочке, говоря, что подобное промедление сгубило Нерона. К тому же Цецина уже перешел Альпы и надо было спешить.

90. Накануне мартовских ид Отон поручил сенату заботы о делах государства и распорядился передать лицам, возвращенным из ссылки, деньги, вырученные от распродажи их имущества, конфискованного Нероном, если только эти суммы не были уже взяты в казну. При всей справедливости и эффектности этого

распоряжения практически оно ничего не дало, ибо конфискации эти производились Нероном очень поспешно. Вскоре затем Отон созвал собрание граждан, где говорил о величии Рима, превозносил единодушие, с которым сенат и народ его поддерживают, и весьма осторожно коснулся легионеров-вителлианцев, обвиняя их скорее в незнании подлинного положения дел, чем в неподчинении. О Вителлии он не упомянул совсем,— то ли потому, что сам опасался говорить о нем, то ли человек, писавший ему речь, боясь за себя, предпочел обойтись без нападок на Вителлия: говорили, что в гражданских делах Отон пользовался знаниями и способностями Галерия Трахала, точно так же как в военных опирался на советы Светония Паулина и Мария Цельза. Некоторые даже утверждали, что уловили в речи Отона ораторскую манеру Трахала, прославившегося частыми выступлениями в суде,— его многословный и звучный слог, поражающий рядового слушателя. Льстивые, как всегда, крики и рукоплескания толпы были преувеличенно громки и неискренни: можно было подумать, что в поход провожают диктатора Цезаря или императора Августа. Стараясь превзойти друг друга, все наперебой желали Отону удачи и призывали на него благословение богов, не из страха или особой преданности, а как бы наслаждаясь собственным пресмыкательством; так, в частном доме, в толпе рабов и клиентов каждый преследует свои корыстные цели, и даже мысль о чести семьи не приходит никому в голову. Отправляясь в поход, Отон поручил наблюдать за спокойствием в городе и ведать делами государства своему брату Сальвию Тициану.

КНИГА ВТОРАЯ

1. МЕЖДУ тем на другом конце Земли по воле фортуны незаметно зрела новая власть, которой суждено было принести государству множество великих удач и ужасных бед, породить принцепсов, знавших безоблачное счастье, и правителей, встретивших бесславную гибель. Гальба еще был облечен всей полнотой власти, когда Тит Веспасиан выехал по поручению отца из Иудеи в Рим. Тит ехал, как объяснял он сам, чтобы воздать почести государю и обратить на себя его внимание; юноша вступал в тот возраст, когда пора уже думать о занятии почетных государственных должностей. Среди черни же, всегда склонной к выдумкам, разнесся слух, будто Тит хочет добиться, чтобы Гальба его усыновил. Пересуды эти были вызваны преклонным возрастом принцепса, его бездетностью и привычкой людей гадать о том, кто захватит власть, пока кто-нибудь один еще не завладел ею. Всё поддерживало эти слухи — ум и характер Тита, дававшие ему основания претендовать на любое, самое высокое положение, его красивая, даже величественная, внешность, успехи Веспасиана, предсказания, оракулы и, наконец, случайные происшествия, в которых легковерные люди склонны видеть предуказания судьбы. Тит находился в городе Коринфе, в Ахайе, когда до него дошли бесспорные известия о гибели Гальбы; кое-кто в его окружении уже поговаривал также о восстании Вителлия и гражданской войне. Встревоженный, он собрал нескольких друзей, чтобы обсудить с ними две различные возможности дальнейшего поведения: если он явится сейчас в Рим, то не встретит никакой благодарности за знаки внимания, изначально предназначавшиеся другому, и рискует оказаться в заложниках у Вителлия или Отона; если же он теперь повернет назад, то будущий принцепс, разумеется, оскорбится таким поступком. Но кто окажется по-

бедителем, пока что неизвестно, а кроме того, отец, признав власть нового государя, заставит его тем самым простить и сына. Наконец, если Веспасиан сам вмешается в борьбу за власть, ни Отон, ни Вителлий, занятые гражданской войной, не станут вспоминать о былых обидах.

2. Так или примерно так размышлял Тит, колеблясь между надеждой и страхом, пока не остановился на решении, внушавшем более всего надежд. Кое-кто думал, что повернуть обратно заставила Тита страсть, которой он пылал к царице Беренике. Юноша и в самом деле не был к ней равнодушен, что, однако, нисколько не мешало ему вести свои дела разумно и осмотрительно. В молодости он был действительно склонен к утехам и развлечениям и еще в годы правления своего отца вел себя далеко не столь сдержанно, как позже, когда сам сделался императором. Он не стал двигаться вдоль берегов Ахайи и Азии и, оставив влево от себя море, их омывающее, отправился прямо к островам Родосу и Кипру, а оттуда — в Сирию, т. е. избрал путь, требовавший особого мужества. На Кипре Тит пожелал посетить и осмотреть храм Венере Пафосской, слава которого гремела среди местных жителей и приезжих. Я думаю, не займет много времени, если я в нескольких словах расскажу о возникновении здешнего культа, о храмовых обрядах и о том, как выглядит изображение богини, нигде не имеющее себе подобных.

3. Древние сказания называют основателем храма царя по имени Аэрия, хотя кое-кто и полагает, что это — имя самой богини. Более позднее предание гласит, что храм поставил Кинир — на том самом месте, куда прибой вынес рожденную морем богиню; учение же и искусство гаруспиков занес на Кипр киликиец Тамир. При этом было по взаимному согласию решено, что культ будут отправлять совместно потомки обеих семей. Впоследствии, однако, чтобы царский род не оказался в менее почетном положении, чем род пришельцев, новые поселенцы перестали пользоваться учением, ими же самими введенным, и жреческие должности начали занимать лишь потомки Кинира. В храме принимают любых жертвенных животных, каких кто принесет, но для заклания выбирают самцов; прорицания считаются самыми верными, если они со-

ставлены по внутренностям молодых козлят. Обливать жертвенники кровью запрещается, лишь молитвы и чистое пламя возносятся с алтарей, и, хотя они находятся под открытым небом, не было еще случая, чтобы дождь залил огонь. Идол богини не имеет человеческого облика, а напоминает мету на ристалищах — круглый внизу и постепенно сужающийся кверху. Почему он такой — неизвестно.

4. Осмотрев драгоценности, царские подношения и прочие вещи, которые, как уверяли любящие старину греки, были подарены храму еще в незапамятные времена, Тит сразу же постарался выяснить, можно ли плыть дальше. Узнав, что путь открыт и море спокойно, он принес обильные жертвы и лишь после этого осторожно попытался выяснить, какая судьба ждет его в будущем. Сострат (так звали жреца), увидев по благоприятному расположению внутренностей, что богиня согласна ответить на вопросы столь знатного посетителя, сперва ограничился несколькими словами, обычными в таких случаях, а потом, явившись к Титу тайком, открыл ему будущее, которое его ожидает. Воспрянув духом, Тит прибыл к отцу в тот самый момент, когда положение в войсках и провинциях было крайне неустойчивым, и переполнявшая его вера в свое будущее заставила чашу весов склониться на сторону Флавиев.

Веспасиан тем временем почти окончил войну в Иудее, хотя ему еще и предстояло взять Иеросолиму,— дело трудное, требовавшее большого напряжения,— и не из-за того, что в городе скопилось много сил и жители легко переносили тяготы осады, а главным образом потому, что Иеросолима стояла на недоступной круче, а осажденные упорствовали в своих суевериях. Как я уже упоминал, тремя закаленными в боях легионами командовал сам Веспасиан и еще четыре находились под началом Муциана. Хотя этим последним не приходилось еще участвовать в войне, их нельзя было назвать слабыми, ибо слава, которую стяжали их товарищи, возбуждала соперничество между обеими армиями и разжигала их боевой дух. Солдаты Веспасиана были сильны благодаря перенесенным трудностям и опасностям, легионы Муциана — потому, что хорошо отдохнули и не были измучены войной. Оба полководца располагали вспомога-

тельными когортами и конницей, флотами, армиями местных царей, оба были, хотя и по-разному, знамениты.

5. Веспасиан обычно сам шел во главе войска, умел выбрать место для лагеря, днем и ночью помышлял о победе над врагами, а если надо, разил их могучею рукой, ел, что придется, одеждой и привычками почти не отличался от рядового солдата,— словом, если бы не алчность, его можно было бы счесть за римского полководца древних времен. Муциан, напротив того, отличался богатством и любовью к роскоши, привык окружать себя великолепием, у частного человека невиданным; он лучше владел словом, был опытен в политике, разбирался в делах и умел предвидеть их исход. Какой образцовой получился бы принцепс, если бы можно было, отбросив пороки, слить воедино достоинства того и другого! Они, однако, не ладили друг с другом, так как правили, один — Сирией, а другой — Иудеей, двумя соседними и потому соперничавшими провинциями. Лишь после смерти Нерона они перестали враждовать и начали советоваться друг с другом; посредниками между ними были сначала друзья, а потом Тит, который быстро и ко взаимной выгоде покончил с разделявшими их мелочными дрязгами, сумел благодаря своему врожденному обаянию и тонкой обходительности понравиться даже Муциану и вскоре стал опорой и вдохновителем их дружбы. Трибуны, центурионы и рядовые солдаты поддерживали этот союз,— кто из верности долгу, а кто из желания поживиться, одни — движимые доблестью, другие — пороками.

6. Еще до возвращения Тита обе армии были уведомлены о захвате власти Отоном и присягнули ему на верность. Такие вести всегда доходят быстро, но много нужно времени и многое приходится преодолеть, прежде чем решиться на гражданскую войну, о которой тогда впервые начали подумывать восточные провинции, столько лет остававшиеся послушными и спокойными. Самые крупные гражданские войны издавна разворачивались в Италии или в Галлии и вели их войска, расположенные в западных провинциях. Ни Помпею, ни Кассию, ни Бруту, ни Антонию — никому из тех, кто пробовал перенести гражданскую войну на восток,— не удавалось добиться здесь победы. Сирия

и Иудея больше слышали о государях, чем видели их. В то время как в других местах все уже пришло в движение в ожидании гражданской войны, здесь царил безмятежный покой; никаких беспорядков не было и в легионах; лишь изредка, с переменным успехом, вступали они в схватки с парфянами. Легионы спокойно принесли присягу Гальбе, но вскоре распространился слух, что Отон и Вителлий, стремясь захватить императорский престол, затевают друг против друга преступную войну. Тогда-то солдаты испугались, что власть со всеми ее благами попадет в руки другим, а на их долю останется одна лишь тяжкая служба. Они стали оглядываться вокруг, дабы посмотреть, какими силами располагают: здесь на месте — семь легионов с приданными им крупными вспомогательными армиями Сирии и Иудеи, дальше — Египет с двумя легионами, а с другой стороны — Каппадокия, Понт, гарнизоны, цепью охватывающие Армению, Азия и другие провинции, многолюдные и богатые, бесчисленные острова, омываемые морем, наконец, и само море, отделяющее эти земли от Рима, обеспечивающее их безопасность и дающее возможность исподволь готовить гражданскую войну.

7. Полководцы видели мятежные настроения солдат, но пока что предпочитали выжидать и смотреть, как будут воевать другие. Победители и побежденные в гражданской войне, рассуждали они, никогда не примиряются надолго. Гадать же сейчас, кому удастся взять верх — Отону или Вителлию, не имеет смысла: добившись победы, даже выдающиеся полководцы начинают вести себя неожиданно, а уж эти двое, ленивые, распутные, вечно со всеми ссорящиеся, все равно погибнут оба,— один оттого, что проиграл войну, другой — оттого, что ее выиграл. Поэтому Веспасиан и Муциан решили, что вооруженное выступление необходимо, но что его надо отложить до более подходящего случая. Остальные по разным соображениям давно уже придерживались того же мнения,— лучших вела любовь к отечеству, многих подталкивала надежда пограбить, иные рассчитывали поправить свои домашние дела. Так или иначе, и хорошие люди, и дурные, все по разным причинам, но с равным пылом, жаждали войны.

8. Примерно в это же время в Ахайе и в Азии распространились ложные вести о появлении Нерона, вы-

звавшие ужас в этих провинциях. Чем больше ходило слухов об обстоятельствах гибели Нерона, тем больше встречалось людей, утверждавших, что он жив, и таких, что этому верили. В дальнейшем ходе моего повествования я расскажу о судьбе самозванцев, пытавшихся выдавать себя за Нерона, тот же, о котором сейчас идет речь, был рабом из Понта или, как говорят иные, вольноотпущенником из Италии. Он хорошо пел и играл на кифаре, и это вселило в него уверенность, что ему удастся выдать себя за Нерона, на которого он к тому же походил лицом. Наобещав великое множество всяких благ каким-то нищим бродягам из беглых солдат, он увлек их за собой и вместе с ними пустился в море. Буря прибила их к острову Цитну, где они повстречались с солдатами из восточных легионов, находившимися здесь в отпуске; самозванец часть из них уговорил следовать за собой, тех же, кто отказался, велел убить и, ограбив нескольких купцов, вооружил самых сильных и крепких из рабов. Центуриона Сисенну, который от имени сирийской армии вез преторианцам изображение переплетенных правых рук — символ мира и согласия, он всяческими уловками пытался перетянуть на свою сторону, так что перепуганный центурион, опасаясь за свою жизнь, бежал с острова. С этого момента паника стала распространяться все шире; славное имя Нерона привлекало многих — и любителей перемен, и недовольных существующим. Успех смутьянов ширился день ото дня, пока случай не положил ему конец.

9. Еще до всех этих событий Гальба поручил Кальпурнию Аспренату управление провинциями Галатия и Памфилия. Тот отправился к месту назначения с почетным эскортом из двух трирем, взятых из состава Мизенского флота, с которыми и прибыл на остров Цитн. Здесь нашлись люди, передавшие командирам обоих кораблей приглашение от имени Нерона. Прикинувшись удрученным и взывая к чувству долга солдат, некогда столь верно ему служивших, он стал убеждать их поддержать начатое им дело в Сирии и в Египте. То ли вправду заколебавшись, то ли из хитрости, триерархи пообещали соответствующим образом настроить солдат, перетянуть их на его сторону и тогда вернуться; сами же пошли и все честно расска-

зали Аспренату. По его призыву солдаты штурмом взяли корабль самозванца, где этого человека — кто бы он на самом деле ни был — и убили. Голову его, поражавшую дикостью взгляда, косматой гривой и свирепым выражением лица, отправили в Азию, а оттуда в Рим.

10. Государство терзали распри; из-за частой смены принцепсов в Риме царила свобода, граничившая с распущенностью; мелкие повседневные дела шли здесь своим чередом под шум потрясавших империю великих событий. Вибий Крисп, которому его богатство, власть и таланты стяжали больше известности, чем уважения, возбудил в сенате дело против всадника Анния Фавста, сделавшего при Нероне своим ремеслом сочинение доносов: в начале принципата Гальбы сенаторы приняли решение о том, что они сами будут разбирать дела доносчиков. Это сенатское постановление в одних случаях применялось со всей строгостью, в других о нем едва вспоминали, в зависимости от того, был ли обвиняемый богат или беден, но в общем сохраняло всю свою силу. Крисп набросился на Фавста, донесшего в свое время на его брата, со всей страстью лично заинтересованного человека и убедил бо́льшую часть сенаторов потребовать казни Фавста, не выслушав ни защитников, ни его собственных оправданий. Некоторых сенаторов, однако, именно непомерное влияние обвинителя больше всего настраивало в пользу обвиняемого. Они считали, что улики отнюдь не очевидны, что торопиться не к чему, и повторяли, что, сколь бы ненавистен и виновен Фавст ни был, надо следовать обычаям и выслушать его. На первых порах сторонники этого взгляда взяли верх, и следствие было отложено на несколько дней, но тем не менее вскоре Фавст был осужден. Его осуждение, правда, не вызвало в обществе того одобрения, которого Фавст заслужил своими пороками. Вспоминали, что и сам Крисп с великой для себя выгодой занимался такими же доносами; словом, все были довольны, что преступление наказано, но никому не нравился тот, кто добился наказания.

11. Между тем для Отона война начиналась счастливо: на его поддержку двинулись войска из Далмации и Паннонии — четыре легиона, каждый из которых выслал вперед авангард из двух тысяч человек и основ-

ными силами следовал за ними на небольшом расстоянии. То были созданный Гальбой седьмой, закаленные в боях одиннадцатый и тринадцатый и знаменитый четырнадцатый, прославившийся подавлением восстания в Британии, позже отмеченный Нероном как сильнейший легион римской армии и потому долго сохранявший ему верность, а теперь полностью преданный Отону. Эти легины располагали огромным количеством людей и оружия, а поэтому высоко ценили свою помощь и не спешили. Перед каждым двигались входившие в его состав конные отряды и вспомогательные когорты. Силы, выступившие из Рима, тоже были весьма немалые — пять когорт и конные отряды преторианцев, первый легион и две тысячи гладиаторов — постыдная разновидность вспомогательного войска, которой, однако, в пору гражданских войн не брезговали и более взыскательные полководцы. Командовать этой армией было поручено Аннию Галлу, и он ушел вперед, чтобы вместе с Ветрицием Спуринной занять долину Пада: хотя первоначальный план кампании провалился, так как Цецина тем временем уже перешел Альпы, Отон все же рассчитывал, что вителлианцев удастся остановить в галльских провинциях. Самого Отона сопровождали отборные отряды, составленные из особо заслуженных солдат, остальные когорты претория, преторианцы-ветераны и значительные силы морской пехоты. В походе Отон не выказывал ни изнеженности, ни любви к роскоши: в железном панцире, просто одетый, он шел перед строем, впереди боевых значков, суровый, непохожий на того Отона, которого знала молва.

12. Судьба была благосклонна к замыслам Отона; флот обеспечивал ему контроль над большей частью Италии, вплоть до Приморских Альп, и он поручил Сведию Клементу, Антонию Новеллу и Эмилию Пацензу продвинуться с находившимися под их командованием войсками к этим горам и выйти на границу Нарбоннской провинции. Но Паценз был схвачен и заточен вышедшими из повиновения солдатами, Антоний Новелл не пользовался никаким авторитетом, и командовал фактически один Сведий Клемент, заигрывавший с солдатами, потерявший всякое представление о воинской дисциплине и старавшийся, где только можно, начать военные действия. Казалось, что

он идет не по Италии, не по полям и селениям своей родины, а опустошает чужие берега, выжигает и грабит вражеские города. Это было тем отвратительнее, что никто и не думал защищаться — на полях кипела работа, дома стояли открытыми. Хозяева, уверенные, что кругом царят мир и безопасность, с женами и детьми выбегали навстречу войскам, и тут их настигала война со всеми ее ужасами. Прокуратором Приморских Альп был в это время Марий Матур. Он собрал местных жителей, среди которых было много молодежи, и задумал, опираясь на нее, преградить отонианцам путь в свою провинцию. Но уже в первой схватке горцы были перебиты или разбежались, как того и следовало ожидать от людей, наспех собранных, не имевших представления ни об устройстве лагерей, ни о едином командовании; таким солдатам и победа не в славу, и бегство не в укор.

13. Сражение это только раздражило солдат Отона, и они решили выместить свою досаду на жителях города Альбинтимилия. Победа не принесла никакой добычи, так как крестьяне были нищи и плохо вооружены, захватить их, чтобы продать в рабство, тоже не удалось, потому что они прекрасно знали местность и ловко прятались. Алчность отонианцев хоть как-то насытилась лишь страданиями ни в чем не повинных горожан. Ненависть к солдатам Клемента еще возросла, когда пример редкой доблести явила одна из лигурийских женщин. Она где-то укрыла своего сына, доверив ему, как полагали солдаты, все свои богатства. Они пыткой хотели добиться от женщины, где она прячет сына, но она указала себе на живот и ответила, что скрывает его в своем теле. Ни угрозы, ни смерть не заставили ее отречься от своих гордых слов.

14. К Фабию Валенту явились перепуганные гонцы из Нарбоннской Галлии и донесли, что флот Отона угрожает этой провинции, присягнувшей на верность Вителлию. Одновременно к нему через своих легатов обратились за помощью и колонии. Валент послал им две тунгрские когорты, четыре эскадрона и всю тревирскую конницу, поставив во главе их Юлия Классика. Часть этих войск он позже задержал в колонии Форум Юлия, опасаясь, что, отведя в глубь страны все свои силы, он упустит контроль над морем и ускорит этим нападение отонианского флота. Путь на врага

продолжали двенадцать конных отрядов и пехотинцы, набранные из солдат обеих когорт. К ним добавили когорту лигурийцев, которые издавна знали местность и потому могли оказать большую помощь, а также пятьсот новобранцев из Паннонии, еще не успевших принести присягу. Битвы пришлось ждать недолго. Отонианская армия была расположена так, что приморские холмы занимала часть солдат морской пехоты вместе с местными ополченцами, прибрежную равнину — преторианцы, а море — флот, в полном боевом порядке, грозно развернутый фронтом к берегу и готовый в нужную минуту прийти на помощь. Вителлианцы, главную силу которых составляла не пехота, а кавалерия, разместили в ближних ущельях отряды горцев, а когорты поставили тесными рядами позади конницы. Конные отряды тревиров, позабыв осторожность, далеко вырвались вперед. Их встретили ветераны претория, а с фланга стали засыпать камнями ополченцы, благо метать камни вполне по силам и крестьянам; рассеянные среди солдат, они все — и храбрецы, и трусы — с равным пылом стремились к победе. Вителлианцы были уже разбиты, когда с тыла на них обрушился флот, обративший их в полное замешательство. Окруженные со всех сторон, они были бы начисто истреблены, если бы спустившаяся ночная тьма не остановила победителей и не скрыла бегущих.

15. Хотя вителлианцы и были побеждены, они не успокоились. Подтянув вспомогательные войска, они напали на врагов, которые после одержанной победы чувствовали себя в безопасности и действовали не так решительно, как раньше. Часовые были перебиты, оборона лагерей прорвана, и схватки закипели уже у самых кораблей. Тут только преторианцы пришли в себя и, заняв соседний холм, начали сопротивляться, а вскоре и сами перешли в наступление. Резня была ужасная; погибли, засыпанные дротами, префекты тунгрских когорт, долго удерживавшие своих солдат в боевом строю. Отонианцам тоже победа стоила немало крови: они так увлеклись преследованием конников Вителлия, что те, повернув лошадей, сами окружили и разбили их. Затем, как бы заключив перемирие и опасаясь, одни — внезапной атаки кавалерии, другие — неожиданного нападения флота, противники разошлись: вителлианцы отошли к Антиполису, горо-

ду в Нарбоннской Галлии; отонианцы вернулись в Альбигаун, во внутренней Лигурии.

16. Слава победоносного флота разнеслась по Корсике, Сардинии, по другим соседним островам и заставила их сохранить верность Отону. Корсику, однако, чуть не погубило безрассудство прокуратора Декума Пакария, принесшее ему самому смерть, а пользы в столь долгой и трудной войне не оказавшее никому. Из ненависти к Отону он решил поддержать Вителлия силами корсиканцев, чем оказал бы ему, даже если бы задуманный план и удался, лишь незначительную помощь. Собрав всех, кто пользовался на острове влиянием, Пакарий рассказал о своих намерениях, а возражавших ему триерарха либурнских судов Клавдия Пиррика и всадника Квинтия Церта велел убить; остальные, устрашенные их гибелью, присягнули на верность Вителлию. Толпа, ничего не понимавшая в происходящем и, как всегда, готовая трепетать, если трепещут другие, тут же последовала их примеру. Однако, когда Пакарий приступил к воинскому набору и начал требовать от местных жителей, не привыкших ни к какому порядку, строгого исполнения воинских обязанностей, они стали проклинать обрушившиеся на них тяготы и раздумывать о своем бедственном положении. Мы живем на острове, рассуждали они, Германия и легионы от нас далеко, а флот — рядом. Не раз ведь уж было, что моряки уничтожали население и губили людей, даже надежно защищенных пешими и конными войсками. Все как один отвернулись от Пакария, но, не решаясь пока что выступить открыто и прибегнуть к силе, выжидали подходящего времени для мятежа. Он был убит раздетый и беспомощный, вместе со своими слугами, когда однажды, проводив гостей, собирался сесть в ванну. Убийцы сами доставили Отону их головы, будто головы врагов. Однако они не получили ни награды от Отона, ни наказания от Вителлия: в бурном течении событий это преступление затерялось среди других, несравненно бóльших.

17. Как я уже говорил, силианская кавалерия перенесла войну в Италию. В здешних местах никто не испытывал особой любви к Отону, но вовсе не потому, что предпочитали ему Вителлия,— просто долгие годы мирной жизни приучили людей бессильно склоняться

перед каждым, захватившим власть, и не задумываться, кто из них лучше. Тем временем когорты, высланные Нециной вперед, уже спустились в Транспаданскую Галлию, и эта цветущая область Италии, со всеми городами и военными поселениями, разбросанными между Падом и Альпами, оказалась под контролем вителлианской армии. Солдаты Вителлия захватили возле Кремоны паннонскую когорту, между Плаценцией и Тицином — сотню всадников и тысячу солдат морской пехоты, так что реки и морской берег теперь тоже перестали представлять для них опасность. Батавам и зарейнским германцам не терпелось переправиться через Пад. Неожиданно для всех они перешли эту реку около Плаценции, захватили в плен несколько человек из патрульного отряда отонианской армии и так перепугали остальных, что те разбежались в ужасе, разнося повсюду весть, будто в Циспаданской Галлии находится уже вся армия Цецины.

18. Спуринна, который командовал гарнизоном Плаценции, достоверно знал, что Цецина еще далеко. Но, даже если бы вителлианцы действительно оказались близко, он все равно рассчитывал держать своих солдат за городскими укреплениями и не думал пытаться противопоставить свои три преторианские когорты, тысячу легионеров и небольшое число всадников закаленной в боях армии. Но разнузданные и непривычные к походам солдаты, не обращая внимания на центурионов и трибунов, захватывают боевые значки и вымпелы, устремляются вон из лагеря и угрожают дротами командующему, который пытается их удержать. Слышатся крики, будто Отона предали, будто Цецину призвали в город. Спуринне пришлось согласиться на безрассудные требования солдат. Сначала он не скрывал, что действует по принуждению, но потом прикинулся, будто и сам хочет того же, рассчитывая, что мятеж все равно затихнет, а ему таким путем удастся сохранить власть.

19. Пад уже скрылся из виду и спускалась ночь, когда было решено разбить лагерь и обнести его валом, но солдаты римского гарнизона не привыкли к такой тяжелой работе и вскоре приуныли. Самые старые принялись сетовать на свою опрометчивость и объяснять более молодым, какая опасность нависнет над ними, если Цецина со своей армией здесь, в чистом поле,

окружит несколько их когорт. Солдаты утихли, центурионы и трибуны вмешались в беседу и вскоре все с похвалой заговорили о мудрой проницательности командующего, намеревавшегося сделать главным узлом обороны колонию, с ее богатствами и силами, в ней сосредоточенными. Наконец, выступил и сам Спуринна, который не стал особенно пенять солдатам за их поведение, а вместо того разъяснил все преимущества своего плана. Оставив лазутчиков, он с остальными повернул назад и привел их в Плаценцию уже не столь буйными, а послушными его власти. Стены города были исправлены, перед ними сооружены новые укрепления, возведены башни, усилено не столько вооружение войска, сколько дисциплина и порядок — единственное, чего не хватало сторонникам Отона, на мужество которых жаловаться не приходилось.

20. Солдаты Цецины, как бы оставив по ту сторону Альп свою жестокость и распущенность, вели себя в Италии, по которой они теперь шли, сдержанно и дисциплинированно. Осуждение колонистов и горожан вызывала, правда, одежда самого Цецины: они видели высокомерие в том, что он носил длинные штаны, короткий полосатый плащ и в таком виде позволял себе разговаривать с людьми, облаченными в тоги. Жена его, Салонина, ехала на великолепном скакуне, покрытом пурпурным чепраком, и, хотя никому никакого вреда в том не было, это тоже раздражало жителей. Так уж устроены люди: с неодобрением смотрят они на каждого, кто внезапно возвысился, и ни от кого не требуют такой скромности, как от человека, еще недавно бывшего им равным. Перейдя Пад и сделав попытку уговорами и обещаниями перетянуть отонианцев на свою сторону, попытку, на которую они отвечали тем же, так что немало времени прошло в столь же высокопарных, сколь и бессмысленных разговорах о мире и согласии, Цецина решил сосредоточить все свои мысли и силы на осаде Плаценции. Он хотел, чтобы взятие этого города подействовало устрашающе, ибо хорошо понимал, что от первых шагов войны зависит, как будут относиться к ней в дальнейшем.

21. В первый день, однако, события разворачивались скорее по воле страстей, чем по планам, продиктованным военным искусством. Вителлианцы появились под стенами города, слишком плотно поев, пьяные, без

прикрытий и позабыв о всякой осторожности. Во время сражения сгорел расположенный за городскими стенами прекрасный амфитеатр. Может быть, его подожгли нападающие, когда забрасывали в город горящие лучины, раскаленные ядра и зажигательные стрелы, а может быть, и осажденные, которые, возвращаясь после вылазки к себе, проходили через этот амфитеатр. Склонная к подозрениям городская чернь решила, что здание подожгли из зависти люди, подосланные соседними колониями, ибо нигде в Италии не было столь огромного амфитеатра. От чего бы это ни произошло, пока жителям Плаценции грозили еще бо́льшие беды, они не слишком сокрушались о сгоревшем амфитеатре, когда же все успокоилось, стали так горевать, будто ничего худшего с ними не могло и случиться. Пролитая кровь не давала Цецине покоя, и он употребил всю ночь на подготовку к новому штурму. Вителлианцы плели фашины, сколачивали щиты и навесные крыши, которые защищали бы нападающих, пока они будут вести подкоп под стены; отонианцы острили колья, собирали в огромные кучи камни, куски свинца и меди, чтобы обрушивать их на нападающих и уничтожать их осадные машины. И те и другие боятся позора и жаждут славы, и тех и других командиры подбадривают, напоминая одним о мощи германской армии и ее легионов, другим — о чести римского гарнизона и преторианских когорт; здесь поносят преторианцев — слабосильных бездельников, не знающих ничего, кроме цирков и театров; там — легионеров, которые, скитаясь на чужбине, забыли о родине, и чужестранцев, им помогающих; здесь, чтобы подзадорить солдат, ругают Отона и превозносят Вителлия, там, наоборот, Отона расхваливают, а Вителлия поносят, благо в обоих случаях оснований для осуждения больше, чем поводов для похвал.

22. Едва забрезжил день, защитники города высыпали на стены, поля покрылись войсками и засверкали оружием. Сомкнутым строем двигались легионы, врассыпную шли вспомогательные отряды, стрелами и камнями засыпая стены там, где они были повыше, и устремляясь на приступ в местах, где они небрежно охранялись или обветшали. Сверху, со стен, откуда было легче целиться и удобнее размахнуться, отонианцы метали дроты в отчаянно лезущих на приступ герман-

цев из вспомогательных когорт. По обычаю своих предков, германцы наступали полуголые, потрясая над головой щитами и опьяняя себя боевыми песнопениями. Легионеры, прикрытые навесами и плетеными крышами, подкапывали стены, насыпали валы, пытались разбить ворота. Преторианцы с грохотом скатывали на них нарочно приготовленные для этой цели огромные тяжелые камни, которые увлекали за собой наступающих, давили и калечили раненых. Вителлианцы дрогнули, число убитых стало еще больше, град камней, дротов и стрел со стен усилился, и, наконец, вителлианцы стали отходить, навсегда расставаясь со славой, сопутствовавшей дотоле партии Вителлия. Снедаемый стыдом из-за столь безрассудно начатой осады, Цецина решил покинуть лагеря, где все смеялось над ним и напоминало о его пустом тщеславии, вновь перейти Пад и попытать свои силы под Кремоной. Цецина уже уходил, когда к нему присоединились Туруллий Цериал, со множеством солдат морской пехоты, и небольшое число конников во главе с Юлием Бригантиком. Бригантик был префект кавалерии, родом из Батавии, а Цериал — примипилярий, служивший в свое время центурионом в Германии и потому знавший Цецину.

23. Когда Спуринне стало известно, куда направился противник, он послал Аннию Галлу донесение, в котором описал оборону Плаценции, рассказал обо всем, что случилось, и о дальнейших намерениях Цецины. Галл в это время вел первый легион на поддержку гарнизона Плаценции. Зная, как мало в городе войск, он опасался, что они не выдержат осады и не смогут долго сопротивляться германской армии. Получив сведения о том, что Цецина отброшен и движется на Кремону, он с большим трудом — солдаты до того рвались в бой, что едва не взбунтовались,— остановил свой легион у Бедриака. Селение это находится на полпути между Вероной и Кремоной и пользуется недоброй славой из-за двух поражений, которые потерпело здесь римское войско.

В эти же дни неподалеку от Кремоны одержал победу Марций Макр. Человек храбрый и решительный, он на лодках перевез через Пад отряды гладиаторов и внезапно появился с ними на том берегу реки. Вспомогательные отряды вителлианцев были смяты, те, кто

оказал сопротивление, вырезаны, остальные бежали по направлению к Кремоне. Опасаясь, однако, что противник получит подкрепление и сумеет повернуть ход битвы в свою пользу, Макр приказал победителям прекратить преследование. Отонианцам, которые и без того истолковывали в худшую сторону все поступки своих командиров, это показалось подозрительным. Каждый, кто был трус в душе, но боек на язык, спешил взвести всяческие обвинения на Анния Галла, Светония Паулина и Мария Цельза, которым Отон поручил командовать войсками. Особенно рьяно сеяли смуту и подстрекали к мятежу убийцы Гальбы. Содеянное преступление и страх лишали их уверенности; они стремились к беспорядкам и с этой целью то открыто призывали к бунту, то тайно писали доносы Отону. Отон всегда доверял любому ничтожеству и опасался честных людей. Неуверенный в успехе, лишь в несчастье обнаруживавший лучшие стороны своего характера, он находился в постоянном волнении. Наконец, он вызвал своего брата Тициана и поручил ведение войны ему.

24. Тем временем дела отонианцев под руководством Паулина и Цельза шли блестяще. Цецина дошел до отчаяния оттого, что каждый предпринятый им шаг оказывался неудачным и слава его армии меркла на глазах. От Плаценции его отбросили, вспомогательные отряды свои он только что потерял, даже в стычках разведчиков, не заслуживающих упоминания, но происходивших весьма часто, его солдаты неизменно терпели поражение. К тому же Фабий Валент был уже близко, и Цецина, чтобы не уступать ему славу победителя, стремился возможно быстрей добиться успеха, проявляя при этом больше нетерпения, чем разума. В двенадцати милях от Кремоны есть место, по названию Касторы, где лес подходит к самой дороге. Цецина расположил здесь наиболее боеспособные из своих вспомогательных отрядов, а коннице приказал продвинуться дальше вперед, завязать бой и внезапно отступить, заманив преследователей в засаду. Этот план стал известен полководцам отонианской армии. Паулин взял на себя командование пехотой, а Цельз — всадниками. Одно подразделение тринадцатого легиона, четыре вспомогательные когорты и пятьсот всадников встали слева, середину дороги за-

няли построенные в колонну три когорты преторианцев, правый фланг образовал первый легион с двумя вспомогательными когортами и пятьюстами всадниками. Наконец, сзади всех расположился конный отряд претория и конники вспомогательных войск — всего тысяча человек, готовых закрепить успех в случае победы или прийти на помощь в случае неудачи.

25. Войска еще не успели сойтись врукопашную, как вителлианцы стали отступать, но Цельз, зная о задуманной ловушке, удержал своих солдат на месте. Вителлианцы, которые были спрятаны в лесу, позабыв всякую осторожность, бросились преследовать медленно отходившего Цельза и, вырвавшись слишком далеко вперед, сами попали в засаду: на флангах у них оказались когорты, впереди — легионы, сзади — конница, внезапным маневром преградившая им путь к отступлению. Однако Светоний Паулин ввел в бой пехоту не сразу. Человек по природе своей медлительный и предпочитавший случайному успеху осторожные и продуманные действия, он приказал сначала засыпать канавы, расчистить поле битвы и лишь тогда строем развернул свои войска. «Предусмотри все, чтобы тебя не разбили,— говорил он,— а победа придет в свое время». Его медлительность дала возможность вителлианцам укрыться в виноградниках, где преследовать их было трудно из-за перепутанных лоз, тянувшихся от дерева к дереву. Рядом находился небольшой лесок, откуда они, осмелев, сделали вылазку и убили самых неосторожных из конных преторианцев. Ранен был и царь Эпифан, ревностно призывавший всех сражаться за Отона.

26. В это время в бой ринулась отонианская пехота. Сокрушив основные силы противника, пехотинцы одно за другим обращали в бегство подходившие на помощь своим подразделения вителлианцев. Дело в том, что Цецина вводил в бой свои когорты не сразу, а по одной; это вызвало смятение, ибо страх, владевший бежавшими с поля битвы солдатами, передавался и тем, что порознь и неуверенно приближались к месту сражения. В лагере вителлианцев начался бунт. Возмущенные тем, что их не посылают в бой всех сразу, солдаты схватили и заковали в цепи префекта лагеря Юлия Грата, утверждая, будто он изменяет им в угоду своему брату, воевавшему на стороне Отона;

брат его, трибун Юлий Фронтон, был в это же самое время арестован отонианцами на основании точно такого же обвинения. Между тем повсюду — на подступах к полю боя и при отступлении с него, в центре битвы и под валами укреплений — вителлианцами владел такой ужас, что все войско Цецины можно было бы уничтожить, если бы Светоний Паулин не приказал дать отбой; слух о конце сражения быстро распространился по обеим армиям. По словам Паулина, он решил так поступить из опасения, как бы его солдаты, утомленные боем и долгой дорогой, не оторвались от своих и не попали возле лагеря вителлианцев под удар свежих сил противника. Эти соображения командующего кое-кто считал правильными, но массой солдат его решение было встречено неодобрительно.

27. Это поражение не столько напугало вителлианцев, сколько заставило их стать более дисциплинированными,— и не в одной только армии Цецины, который обвинял во всем солдат, думавших, по его словам, больше о бунте, чем о битве; в войске Фабия Валента (дошедшем тем временем до Тицина) тоже перестали с презрением отзываться о противнике; движимые желанием вернуть утраченную славу, солдаты и здесь стали вести себя сдержаннее и почтительнее по отношению к командующему и подчиняться его приказам. Между тем все сильнее разгоралось большое восстание, о начале которого можно рассказать, лишь вернувшись несколько назад: говорить о нем ранее не было возможности, ибо это нарушило бы связность повествования о Цецине и его делах. Я уже упоминал, что батавские когорты, которые Нерон, готовясь к войне, вывел из состава четырнадцатого легиона, услышали, находясь на пути в Британию, о восстании Вителлия и присоединились в земле лингонов к Фабию Валенту. Батавы эти вскоре стали вести себя нагло и самоуверенно: они приходили в палатки солдат и говорили, будто именно они, батавы, заставили выступить четырнадцатый легион, будто тем самым Нерон из-за них потерял Италию и будто вообще от одних батавов зависит исход войны. Солдат это оскорбляло, командующего раздражало. Перебранки и драки ослабляли дисциплину, и в конце концов Валент стал опасаться, что батавы, начав с дерзостей, кончат изменой.

28. По всем этим причинам, когда Валент получил сообщение, что конница тревиров и тунгры разбиты флотом Отона, а Нарбоннская Галлия окружена, он решил защитить союзников и прибегнуть к военной хитрости: разделить охваченные брожением когорты, представлявшие собой, пока они находились вместе, столь опасную силу, и отдал приказ части батавов выступить на поддержку осажденной провинции. Слух об этом приказе быстро распространился по армии, союзные войска пришли в уныние, а легионы — в ярость. «У нас забирают лучших воинов,— говорили солдаты.— Именно сейчас, когда враг стоит прямо перед нами, отправить ветеранов, победителей в стольких сражениях,— это все равно что выгнать их из строя перед битвой. Если провинция важнее Рима и спасения империи, то всем нам надо идти туда; если же исход войны и судьба нашего дела решаются в Италии, то отделить сейчас от армии эти когорты — все равно что отсечь от тела самые могучие его члены».

29. Валент попытался было подавить восстание силами ликторов, но разъяренные солдаты бросились на него, кидали в него камни, а когда он обратился в бегство, устремились за ним, крича, что он присвоил себе и добычу, взятую у галлов, и золото, полученное от жителей Виенны, и все деньги, полагавшиеся им за труды. Пока Валент, переодетый рабом, прятался у одного из декурионов кавалерии, они разворотили тюки с его добром, сорвали его палатку и даже землю под ней перекопали дротами и копьями. Вскоре префект лагеря Алфен Вар, заметив, что восстание понемногу идет на убыль, решил покончить с ним хитростью: он запретил центурионам обходить посты, а трубачам не велел сзывать войско на работу и учения. Солдаты увидели, что никто ими не командует, и это больше всего испугало их. Сначала они как бы застыли в оцепенении, потом начали растерянно озираться, замолкли, притихли и, наконец, стали со слезами молить о прощении. Когда же Валент, которого все считали погибшим, появился,— плачущий, в безобразной одежде, но здравый и невредимый,— солдатами овладели радость, сострадание и любовь к своему полководцу. Чернь в веселии так же необузданна, как и в ярости. Ликующая толпа окружила Валента боевыми значками когорт и орлами легионов и понесла к трибуналу, всячески восхваляя его и желая ему сча-

стья. Он проявил разумную снисходительность и не стал требовать ничьей казни, хорошо зная, что во время гражданских войн солдатам позволено больше, чем полководцам. В то же время опасаясь, как бы войска не сочли подобную умеренность неискренней, он все-таки назвал несколько человек и указал на них как на виновных.

30. Армия занималась постройкой укреплений возле Тицина, когда пришло известие о том, что Цецина разбит. Сообщение это чуть было снова не вызвало мятежа; солдаты решили, что Валент медлил нарочно, из желания досадить Цецине, и что именно поэтому они опоздали к сражению. Позабыв об отдыхе и не дожидаясь приказа командующего, воины устремились вперед; они обгоняли знаменосцев, упрашивали их идти быстрее,— армия шла форсированным маршем и вскоре соединилась с войсками Цецины. Солдаты Цецины были настроены против Валента и жаловались, что он оставил их маленькую группу на милость несравненно более сильного неприятеля, который к тому же располагал свежими, отдохнувшими войсками. Говоря так, они, с одной стороны, льстили вновь прибывшим, приписывая решающую роль их армии, и в то же время снимали с себя обвинение в трусости и неспособности добиться победы. Хотя Валент действительно командовал почти вдвое большим числом легионов и вспомогательных войск, любимцем солдат все-таки оставался Цецина. Он находился в расцвете лет и сил, вызывал в людях безотчетную симпатию, а его радушие и щедрость привлекали к нему все сердца. Отсюда и пошла распря между полководцами. Цецина издевался над Валентом, называя его человеком подлым и грязным. Валент насмехался над Цециной, выставляя его гордецом и хвастуном. Однако оба, затаив ненависть, служили одному делу. Уже не рассчитывая на прощение, они без устали сочиняли памфлеты против Отона, в которых осыпали его самыми позорными обвинениями; из полководцев Отона ни один не писал ничего подобного, хотя Вителлий и мог бы дать для таких сочинений богатейшую пищу.

31. Пока оба они не погибли — Отон, стяжав громкую славу, а Вителлий — окончательно себя опозорив, римляне больше боялись бешеных вождений первого, чем ленивого сластолюбия второго. Убийство Гальбы

еще увеличило ненависть и страх, которые внушал Отон, Вителлия же, однако, никто не обвинял в том, что он развязал гражданскую войну. Своим обжорством и пьянством Вителлий позорил самого себя, в то время как распутный, жестокий и наглый Отон казался опасным для государства.

Когда войска Цецины и Валента соединились, вителлианцы решили больше не медлить и дать сражение всеми имевшимися у них силами. Отон со своей стороны тоже начал задумываться, стоит ли ему и дальше затягивать войну или лучше попытать счастья в решающей битве.

32. Светоний Паулин, считавший, что репутация самого искусного полководца своего времени дает ему право судить об общем ходе кампании, настаивал на том, что поспешность выгодна только противнику, а в интересах отонианцев — всячески затягивать военные действия. «В Италию спустилась вся армия вителлианцев,— говорил он,— в тылу у нее почти не осталось резервов. Между тем в галльских провинциях зреет бунт, а снять войска с берегов Рейна нельзя, ибо это грозит вторжением враждебных племен. Британские легионы отрезаны от нас морем, да и враг, с которым им там приходится иметь дело, приковывает их к месту. Войска, сосредоточенные в Испании, не так уж велики. Нарбоннская провинция не в силах еще прийти в себя от страха после проигранного сражения и нападения нашего флота. Транспаданская Италия не может рассчитывать на помощь с моря, с суши ее окружают Альпы; край этот опустошен прошедшими здесь войсками и не в состоянии обеспечить армию продовольствием, без продовольствия же не может продержаться долго ни одно войско. Германцы, представляющие для нас наибольшую опасность, плохо переносят непривычный им климат, и если нам удастся затянуть боевые действия до лета, они совсем выбьются из сил. Многие войны, бурно, с успехом начатые, затянувшись и утомив всех, кончались ничем. Напротив того, все, что есть в мире надежного и сильного,— все на нашей стороне: хорошо отдохнувшие и крепкие духом армии Паннонии, Мёзии, Далмации и восточных провинций; Италия и Рим — столица мира, его сенат, его народ,— имена эти не померкли, хоть тень иногда и падала на них; несметные сокровища, принадлежа-

щие государству и частным лицам, огромные суммы денег, которые в пору гражданских смут важнее оружия; солдаты, либо привыкшие к Италии, либо служившие в местах, где они научились переносить еще большую жару. Нас прикрывают река Пад и города с сильными гарнизонами и крепкими стенами, из которых, как показал пример Плаценции, ни один не уступит врагу. Надо, следовательно, затягивать войну. Через несколько дней здесь будет четырнадцатый легион, а с ним мёзийские войска. Тогда мы сможем снова обсудить положение, и если уж принимать бой, то располагая бóльшими силами, чем теперь».

33. Марий Цельз поддержал доводы Паулина; послали узнать мнение Анния Галла, который за несколько дней до того упал с лошади и лежал больной; он велел отвечать, что думает то же самое. Тем не менее Отон был склонен принять сражение. Брат его Тициан и префект претория Прокул, оба люди неопытные, и слышать не хотели о промедлении. Они уверяли, что судьба, боги, удача, неизменно сопутствующая Отону,— все будет на их стороне, если только они рискнут, и, стремясь пресечь всякие возражения, подкрепляли свои доводы лестью по адресу принцепса. После того как было решено дать сражение, возник вопрос, участвовать ли императору в битве или находиться вдали от нее. Те же злополучные советчики настояли, чтобы Отон уехал в Брикселл и там, не подвергаясь случайностям и риску, сосредоточился лишь на самых главных вопросах управления государством и общем руководстве империей. Паулин и Цельз на этот раз не возражали, опасаясь создать впечатление, будто они хотят подвергнуть опасности жизнь принцепса. Этот день и положил начало бедствиям отонианцев: с принцепсом ушла значительная часть войска, состоявшая из преторианских когорт, наиболее заслуженных солдат и отрядов конницы; оставшиеся пали духом, ибо к полководцам они относились подозрительно и верили одному только Отону, который и сам по-настоящему полагался только на солдат. Кроме того, Отон, уходя, не распределил точно обязанностей между командующими.

34. Ни одна из этих мер не ускользала от внимания вителлианцев благодаря перебежчикам, которых бывает так много во время гражданских войн,— да и ла-

зутчики, стараясь выведать, как идут дела у врага, не умели скрыть положение в собственной армии. Спокойно и пристально наблюдали Цецина и Валент за противником, совершавшим одну ошибку за другой, и раз уж сами не могли придумать ничего умного, выжидали, пока другие наделают глупостей. Чтобы создать впечатление, будто они готовятся напасть на стоявших против них на другом берегу гладиаторов и в то же время не дать своим солдатам разлениться, они начали строить мост через Пад. Корабли расставили на равных расстояниях друг от друга, связали их крепкими балками, перекинутыми от носа к носу и от кормы к корме, а чтобы мост не снесло, суда укрепили якорями, удерживавшими их носом прямо против течения; якорные канаты, однако, не были натянуты и свисали свободно: если бы вода прибыла, корабли всплыли бы и мост остался бы цел. Мост замыкался башней, построенной на переднем корабле, откуда можно было, пользуясь машинами и метательными снарядами, обстреливать позиции врага. Отонианцы на своем берегу тоже возвели башню, откуда осыпали противника камнями и зажигательными стрелами.

35. Посредине реки был остров. Пока гладиаторы собирались добраться до него на кораблях, германцы переплыли реку и захватили его. Увидев, что на острове скопилось их довольно много, Макр посадил на быстроходные суда отборных гладиаторов и напал на германцев. Однако гладиаторы по своему боевому опыту не могли сравниться с солдатами, да и стрелять с качающихся кораблей им было гораздо труднее, чем германцам, стоявшим на твердой земле. Они перебегали от одного борта к другому, суда от этого раскачивались все сильнее, пока, наконец, бойцы, назначенные первыми выскочить на берег, не смешались в одну беспорядочную толпу с гребцами. Тут-то германцы по мелководью бросились к кораблям, хватались за корму, вскакивали на борт, тащили суда за собой и топили их. Все это происходило на глазах обеих армий, и чем громче радовались вителлианцы, тем больше отонианцы проникались ненавистью к Макру, который все это затеял и довел их до такого разгрома.

36. Сражение кончилось тем, что уцелевшие и не попавшие в руки германцев корабли вернулись восво-

яси. Солдаты требовали казни Макра, кто-то издали метнул в него дротик; он был ранен и несомненно погиб бы, если бы трибуны и центурионы не подоспели ему на помощь. Через некоторое время Вестриций Спуринна по приказу Отона оставил в Плаценции небольшой гарнизон и, выступив из города, присоединился к основным силам армии. Во главе войск, которыми командовал прежде Макр, Отон поставил кандидата в консулы Флавия Сабина. Солдаты радовались, как всегда при смене командира; командиры же, видя, что в войсках все чаще вспыхивают бунты, неохотно соглашались командовать такой разложившейся армией.

37. У некоторых писателей мне доводилось читать, будто войска боялись, что война затянется, и испытывали отвращение к обоим принцепсам, о преступлениях и низостях которых с каждым днем говорили все более открыто; будто они поэтому подумывали, не отказаться ли им вообще от вооруженной борьбы и либо принять всем вместе какое-то решение, либо поручить сенату выбрать нового императора; будто командиры отонианской армии потому и советовали всячески затягивать кампанию, что искали нового принцепса и возлагали главные надежды на Паулина,— старшего среди консуляриев, прекрасного полководца, стяжавшего своими британскими походами громкую славу. Вполне допуская, что были люди, в глубине души предпочитавшие спокойствие распрям, а хорошего и ничем не запятнанного принцепса — двум дурным и преступным, я в то же время не думаю, будто такой трезвый человек, как Паулин, живя в на редкость испорченное время, мог ожидать от черни благоразумия и надеяться, что люди, нарушившие мир из любви к войне, теперь откажутся от войны из любви к миру. Трудно поверить, кроме того, чтобы такое единодушие могло охватить армию, состоявшую из разнородных частей, отличных друг от друга по языку и обычаям; да и вряд ли легаты и командиры, хорошо знавшие, насколько большинство из них погрязло в долгах, распутстве и преступлениях, стали бы терпеть императора, который не был бы столь же обесславлен, как они, и не зависел бы во всем от их услуг.

38. Жажда власти, с незапамятных времен присущая людям, крепла вместе с ростом нашего государства и, наконец, вырвалась на свободу. Пока римляне жили

скромно и неприметно, соблюдать равенство было нетрудно, но вот весь мир покорился нам, города и цари, соперничавшие с нами, были уничтожены, и для борьбы за власть открылся широкий простор. Вспыхнули раздоры между сенатом и плебсом; то буйные трибуны, то властолюбивые консулы одерживали верх один над другим; на Форуме и на улицах Рима враждующие стороны пробовали силы для грядущей гражданской войны. Вскоре вышедший из плебейских низов Гай Марий и кровожадный аристократ Луций Сулла оружием подавили свободу, заменив ее самовластьем. Явившийся им на смену Гней Помпей был ничем их не лучше, только действовал более скрытно; и с этих пор борьба имела одну лишь цель — принципат. У Фарсалии и под Филиппами легионы, состоявшие из римских граждан, не поколебались поднять оружие друг против друга,— нечего и говорить, что войска Отона и Вителлия тоже не сложили бы оружие по доброй воле. Все тот же гнев богов и все то же людское безумие толкали их на борьбу друг с другом, все те же причины породили и эту преступную войну, и только из-за бездарности правителей подобные войны оканчиваются после первой же битвы.

Однако размышления о нравах былых и нынешних времен завели меня слишком далеко; возвращаюсь к моему рассказу.

39. После того как Отон отправился в Брикселл, весь почет, подобающий главнокомандующему, выпал на долю брата его Тициана, действительную же власть сосредоточил в своих руках префект претория Прокул. Цельз и Паулин, с их умом и дальновидностью, оказались не у дел, и им ничего не оставалось, как прикрывать своим званием полководцев ошибки, которые совершали другие. Трибуны и центурионы, видя, что лучшие люди в опале, а худшие в силе, помалкивали. Солдаты были настроены бодро, но предпочитали обсуждать приказы командиров, вместо того чтобы выполнять их. Лагерь решили перенести на четыре мили в сторону от Бедриака, но при этом обнаружили такую неопытность, что в самый разгар весны, в местности, орошаемой множеством рек, армия страдала от нехватки воды. Надо ли принимать сражение — все еще оставалось неясным. Отон присылал письма, в которых требовал быстрее дать бой; солдаты настаивали,

чтобы император сам принял в нем участие; многие предлагали привести войска, находившиеся по ту сторону Пада. Рассудить, какой образ действия был бы здесь самым лучшим, труднее, чем решить, не был ли избранный самым худшим.

40. Снарядившись так, будто ей предстоит не битва, а поход, армия двинулась к месту слияния Адуи и Пада, расположенному в шестнадцати милях от лагеря. Цельз и Паулин доказывали, что нельзя ставить солдат, изнуренных переходом и перегруженных поклажей, под удар противника, который, конечно, не упустит возможности, пройдя налегке только четыре мили, напасть на отонианцев, пока они либо находятся на марше и не построены для боя, либо, разделившись на небольшие группы, заняты постройкой лагеря. Тициан и Прокул не могли ничего противопоставить этим доводам, но данной им властью решили действовать по-своему. От Отона прискакал гонец-нумидиец и привез письмо, в котором император в угрожающем тоне обвинял своих полководцев в нерадивости и приказывал им дать решительное сражение,— не в силах ждать дольше, он горел нетерпением увидеть, сбудутся ли его надежды.

41. В тот же день к Цецине, который находился у строящегося моста и изо всех сил торопил окончание работ, явились трибуны двух преторианских когорт. Они просили принять их, и Цецина только что собрался выслушать их предложения и выдвинуть свои, когда примчавшиеся во весь опор разведчики сообщили о приближении неприятеля. Переговоры были тут же прерваны, и так и осталось неясным, что привело обоих трибунов — желание устроить ловушку Цецине, измена собственной армии или, напротив того, намерения серьезные и достойные. Отпустив трибунов, Цецина вернулся в лагерь и увидел, что Фабий Валент уже распорядился протрубить сигнал к бою и что солдаты стоят в полном вооружении. Пока легионы тянули жребий, определявший расстановку их во время битвы, конница вителлианцев бросилась в атаку. Странно сказать, но горстки отонианцев оказалось достаточно, чтобы обратить их в бегство, и всадники были бы прижаты к валу, если бы не находчивость Италийского легиона: выставив обнаженные мечи, легионеры заставили конников повернуть обратно и вернуться в бой.

Остальные вителлианские легионы спокойно строились для битвы; хотя враг находился совсем рядом, они не видели его из-за густых зарослей. В отонианской армии тем временем командиры трусили, солдаты им не доверяли; обозы и повозки маркитантов ломали строй; войску предстояло наступать по дороге, вдоль которой шли две глубокие канавы, и проезжая часть была настолько узка, что по ней было трудно двигаться и в обычных условиях. Одни строились, другие разыскивали значки своей когорты, с криком подбегали и метались по всему лагерю солдаты — те, кто посмелей, протискивались в передние ряды, кто потрусливей, забивались назад.

42. Внезапно прошел слух, будто армия Вителлия отступилась от своего вождя. Страх и уныние тут же сменились весельем, которое лишь еще больше ослабило солдат. Распустили эту весть лазутчики Вителлия или она возникла в отонианском лагере — по чьему-либо злому умыслу, а может быть, и случайно — установить трудно. От боевого подъема отонианцев не осталось и следа; мало этого, они приветствовали армию противника, ответившую им глухим враждебным ропотом. Большинство отонианцев не понимало, что означают эти приветственные крики, и в испуге решило, что часть солдат изменила их делу. В этот-то момент на них и устремилась двигавшаяся стройными рядами неприятельская армия, превосходившая их мощью и числом. Отонианцы, хотя их было меньше, хотя они не успели построиться и были изнурены переходом, мужественно приняли бой. Деревья и вьющиеся виноградные лозы мешали солдатам: им приходилось то сходиться врукопашную, то вести бой на расстоянии, то схватываться мелкими группами, то нападать на неприятеля, построившись клином, так что каждый участок битвы выглядел на свой лад. На дороге бились грудь с грудью, щит о щит; за дроты никто не брался; панцири и шлемы разлетались в куски под ударами мечей и секир. Сражаясь на глазах у всех против людей, которых он знал издавна, каждый солдат вел себя так, будто от его мужества зависел исход войны.

43. На поле, раскинувшемся между Падом и дорогой, случай свел гордый своей давней боевой славой двадцать первый легион, по прозванию Стремительный,

стоявший за Вителлия, и сражавшийся на стороне Отона первый Вспомогательный, солдаты которого в подлинном сражении еще не бывали, но яростно рвались в бой, дабы стяжать себе первые лавры. Прорвав передовые линии двадцать первого легиона, отонианцы овладевают его орлом. Взбешенные легионеры отбрасывают нападающих, убивают их легата Орфидия Бенигна и захватывают множество значков и вымпелов. На другом участке под натиском пятого легиона отступает тринадцатый, со всех сторон окружен превосходящими силами противника четырнадцатый. Полководцы Отона давно уже обратились в бегство, а Цецина с Валентом продолжают вводить в бой все новые и новые подкрепления. Неожиданно на поле боя появился Алфен Вар со своими батавами. Стоявшие напротив них на другом берегу реки отряды гладиаторов начали переправляться через Пад, но батавы перебили их прямо на кораблях и теперь, окрыленные победой, наступали на левый фланг отонианцев.

44. Когда прорванным оказался и центр, отонианцы повсюду обратились в бегство, стремясь возможно скорей добраться до Бедриака. Путь, который им предстояло пройти, был бесконечен; дороги завалены трупами; резня становилась все более жестокой — в гражданской войне не берут пленных, раз их нельзя продать. Светоний Паулин и Лициний Прокул отступали по разным дорогам, и ни тот, ни другой в лагерь не вернулись. Легат тринадцатого легиона Ведий Аквила, ничего не соображая от страха, сам себя выставил на поругание: он поднялся на вал, когда было еще совсем светло, и бежавшие с поля боя, вышедшие из повиновения солдаты накинулись на него с криком, с проклятиями и побоями, называя его дезертиром и изменником. Никакой особой вины за Аквилой не было, но чернь всегда обвиняет других в преступлениях, которые совершила сама. Тициану и Цельзу помогла темнота ночи — к тому времени как они добрались до лагеря, солдат уже удалось успокоить и повсюду были расставлены караулы. Действуя то увещаниями и просьбами, то приказами, Анний Галл сумел убедить отонианцев не отягчать понесенное поражение кровопролитием в своем же стане. «Кончится ли на этом война,— говорил он,— решим ли мы продол-

жать борьбу, одна только сплоченность может спасти побежденных». Солдаты чувствовали себя подавленными. Преторианцы жаловались, что были преданы, а не разбиты в честном бою. «Разве не пришлось вителлианцам кровью заплатить за победу? — спрашивали они.— Конница их понесла поражение, один легион потерял своего орла; Отон по-прежнему с нами, с нами его войска, находящиеся по ту сторону Пада, и приближающиеся мёзийские легионы, и вся армия, которая стоит в Бедриаке,— их-то во всяком случае никто еще не победил. А если уж приходится умирать, то всегда почетнее погибнуть в бою». Охваченные такими размышлениями, солдаты то дрожали от страха, то вдруг возгорались жаждой мщенья. Ими все сильнее овладевало отчаяние, и, ослепленные гневом, они забывали об опасности.

45. Вителлианская армия остановилась на ночь возле пятого камня, не доходя Бедриака. Командиры ее не решились штурмовать отонианский лагерь в тот же день да и надеялись, что противник капитулирует сам. Заночевали они налегке, в том, в чем вышли сражаться; не валы, а мечи и дроты охраняли их сон, согревали их не палатки, а радость и гордость одержанной победой. На следующий день рассеялись последние сомнения относительно того, чтó намерена предпринять отонианская армия,— теперь даже самые ожесточенные противники Вителлия были готовы выразить свое раскаяние. Отонианцы выслали парламентеров; полководцы Вителлия согласились заключить с ними мир. Парламентеры возвратились не сразу, и вся армия ждала, затаив дыхание, гадая, удалось ли склонить победителей к миру. Вскоре послы вернулись; распахнулись ворота лагеря; обливаясь слезами, мешая горе и радость, проклиная гражданскую войну, победители и побежденные бросились друг к другу; в палатках перевязывали раны — брат брату, родственник родственнику. Мечты о наградах, честолюбивые надежды — все казалось спорным, бесспорны были только страдания и кровь; не было воина, которого пощадила бы злая судьба — каждому было кого оплакивать. Тело легата Орфидия отыскали и сожгли с подобающими воинскими почестями. Немногих похоронили друзья, трупы других остались валяться на земле.

46. Отон ожидал известия об исходе битвы без всякого волнения, твердо зная, что ему делать дальше. Сначала по неясно доносившимся до него мрачным слухам, а потом по рассказам солдат, бежавших с поля боя, он понял, что сражение проиграно. Охваченные боевым пылом солдаты не стали ждать, пока император заговорит с ними. «Мужайся,— кричали они ему,— есть у нас еще свежие силы! Да и сами мы на все готовы, все вынесем!» Они не лгали: войска действительно пылали яростью, жаждой мести и рвались в бой спасать дело своей партии. Стоявшие в задних рядах протягивали к Отону руки, те, что были поближе, обнимали его колени. Особенно выделялся префект претория Плотий Фирм, умолявший Отона не бросать войско, столь ему верное, не покидать солдат, столь доблестно ему служивших. Он убеждал Отона, что достойнее переносить трудности, чем избегать их, что люди доблестные и сильные даже вопреки судьбе не перестают надеяться, что отчаиваются при виде опасности лишь трусы и глупцы. Солдаты сопровождали слова Плотия Фирма то криками радости, когда видно было, что Отон к ним прислушивается, то стонами и жалобами, если им казалось, что он упорствует. Так вели себя не только преторианцы, издавна преданные Отону; солдаты из мёзийского авангарда с не меньшей настойчивостью повторяли, что армия их приближается, что легионы уже вступили в Аквилею, лишь бы убедить всех, что существует возможность и дальше продолжать эту ужасную, губительную войну, не сулящую ничего верного ни побежденным, ни победителям.

47. Когда Отон заговорил, было ясно, что он уже оставил всякую мысль о войне. «Вы, по-моему, слишком высоко цените мою жизнь,— начал он,— если готовы с такой твердостью и мужеством идти ради нее навстречу гибели. Чем больше надежд, по вашим словам, мне остается, тем прекраснее предпочесть жизни смерть. Мы с судьбой достаточно долго испытывали друг друга, и не стоит гадать, смогу ли я еще раз добиться ее милости: чем яснее понимаешь, что счастье дано тебе ненадолго, тем труднее вовремя перестать за него цепляться. Из-за Вителлия началась гражданская война. По его вине мы с оружием в руках вступили в борьбу за принципат; я готов дать пример того, что не следует ее затягивать; по этому поступку пусть

судят меня потомки. Я предоставляю Вителлию наслаждаться любовью брата, жены, детей, я не хочу мстить, не хочу искать утешения в чужом горе. Другие дольше меня пользовались императорской властью; но никто не проявил такого мужества, расставаясь с ней. Могу ли я допустить, чтобы столько римских юношей, столько замечательных солдат бездыханные устилали землю и гибли без всякой пользы для государства? Мысль о том, что вы готовы были умереть за меня, я унесу с собой, но вы оставайтесь и живите. Не будем дольше тратить время, я не должен мешать вам спастись, вы не должны мешать мне выполнить мое твердое решение. Много говорит о смерти лишь тот, кто ее боится. Мое же решение умереть — неколебимо. Вы видите, что это правда хотя бы уже потому, что я никого ни в чем не обвиняю: только пока человек держится за жизнь, он продолжает нападать на богов и людей».

48. Окончив речь, Отон сказал солдатам, что они лишь вызовут гнев победителей, если и дальше будут медлить с капитуляцией, и посоветовал им поскорей отправляться. Стариков он об этом просил, от молодежи требовал, ласков был со всеми. Он велел им сдержать свою скорбь, и черты его были ясны, а голос тверд. Отон распорядился обеспечить отъезжавших судами и повозками. Уничтожил памфлеты и письма, авторы которых неумеренно выражали преданность ему или поносили Вителлия. Роздал деньги, проявив при этом бережливость, необычную в человеке, решившем умереть. Он стал утешать своего племянника Сальвия Кокцейана, совсем еще мальчика, дрожавшего от ужаса и горя, хвалил его за преданность, стыдил за робость. «Вся семья Вителлия,— говорил он,— осталась цела и невредима, не может быть, чтобы у него хватило жестокости не ответить нам тем же; своей скорой смертью я тоже заслужил милость победителя; наша армия стремится в бой, и, следовательно, смерть моя вызвана не отчаянной крайностью, а желанием избавить государство от гибели». Отон говорил далее, что стяжал достаточно славы себе и своему потомству, ибо после Юлиев, Клавдиев, Сервиев был первым, кто, происходя из недавно возвысившегося рода, добился императорской власти. Пусть же юноша преисполнит-
 ся бодрости и продолжает жить, пусть никогда не за-

бывает, что он племянник Отона, но и не думает об этом слишком часто.

49. Отпустив всех, Отон прилег отдохнуть. Он уже обратился мыслями к близкой смерти, но внезапный шум отвлек его. Ему доложили, что удрученные горем разбушевавшиеся солдаты угрожают смертью тем, кто решил уйти и сдаться Вителлию. Самую лютую ненависть вызывал у них Вергиний, чей дом, запертый со всех сторон, подвергся настоящей осаде. Выбранив зачинщиков, Отон вернулся к себе и стал прощаться с друзьями, не торопясь, стараясь, чтобы никто не имел повода на него обидеться. День уже клонился к вечеру. Отон зачерпнул пригоршню ледяной воды и напился. Ему принесли два кинжала, он попробовал, какой острее, выбрал один и спрятал его под изголовьем. Проверив, все ли друзья ушли, он лег, провел ночь спокойно и, как говорят, даже поспал, а с первыми лучами солнца бросился грудью на подставленный кинжал. Прибежавшие на стоны умирающего вольноотпущенники, рабы и префект претория Плотий Фирм увидели на теле его только одну рану. Погребение было совершено быстро,— он сам перед смертью усиленно просил об этом,— чтобы враги не отрубили голову и не стали глумиться над ней. Тело несли преторианцы. Они восхваляли покойного, целовали его руки, рану на груди. Возле костра несколько солдат покончили с собой: за ними не было никакой вины, и им нечего было бояться; они хотели показать свою любовь к принцепсу и затмить других столь славной гибелью. Смерть их вызвала восхищение и в Бедриаке, и в Плаценции, и в других лагерях. Над могилой Отона возвели гробницу — скромную и прочную. Так кончил он свою жизнь тридцати семи лет от роду.

50. Отон происходил из муниципия Ферентина. Отец его был консулярий, дед претор, мать родилась в семье не столь видной, но не лишенной заслуг. Как прошли его детство и молодость, я уже рассказывал. Он увековечил память о себе двумя поступками — одним позорным, другим благородным — и приобрел у потомков и добрую, и дурную славу. Повторять россказни и тешить читателей вымыслами несовместно, я думаю, с достоинством труда, мной начатого, однако я не решаюсь не верить вещам, всем известным и сохранившимся в преданиях. Как вспоминают местные жители, в день битвы под Бедриаком неподалеку от Регия

Лепида, в роще, где обычно бывает много народу, опустилась некая невиданная птица. Она не испугалась стечения людей, и летавшие кругом птицы не могли прогнать ее; но она исчезла из глаз в ту самую минуту, когда Отон покончил с собой. Вспоминая об этом впоследствии, люди поняли, что странная птица сидела неподвижно как раз все то время, пока Отон готовился к смерти.

51. Во время похорон Отона солдаты, охваченные смятением и горем, снова взбунтовались, и на этот раз некому было их успокоить. Они бросились к Вергинию и, мешая мольбы с угрозами, просили его то принять императорскую власть, то отправиться в качестве легата к Цецине и Валенту. Вергиний тайком вышел из дома через заднюю дверь; только так, обманом, ему удалось спастись от ворвавшихся к нему солдат. Рубрий Галл отправился от имени когорт, расположенных в Брикселле, заявить, что они сдаются, и капитуляция их была немедленно принята. Флавий Сабин тоже передал победителям войска, которыми командовал.

52. Уже после того как военные действия повсюду кончились, едва не погибло множество сенаторов, выехавших вместе с Отоном из Рима. Отон оставил их в Мутине, где они и получили известие о поражении под Бедриаком. Солдаты не хотели ему верить и решили, что сенаторы, настроенные враждебно к Отону, нарочно распускают подобные слухи. Они начали следить за сенаторами; в их словах, одежде и выражении лица им виделась измена, наконец, они принялись осыпать сенаторов бранью и оскорблениями, чтобы таким образом получить повод и начать резню. В довершение бед над сенаторами нависла еще одна опасность: время шло, Вителлий с его сторонниками уже одержали победу и могли подумать, что сенаторы нарочно медлят с выражением своей радости. Никто не отваживался самостоятельно принять решение; перепуганные опасностями, грозившими им с обеих сторон, сенаторы сошлись вместе, решив, что уж если быть виноватыми, то всем сразу, и что так оно спокойнее. Затруднительность их положения увеличили еще декурионы Мутины, которые явились к сенаторам и, весьма некстати называя их отцами отечества, принялись предлагать им оружие и деньги.

53. На этом собрании разразилась громкая ссора: Лициний Цецина обрушился на Эприя Марцелла, утверждая, что тот выступил в сенате нарочито неопределенно и двусмысленно. Другие сенаторы говорили не более определенно, чем Марцелл, но Цецина выбрал именно его, стяжавшего своими доносами всеобщую ненависть и тем самым более уязвимого: как человек новый и недавно допущенный в сенат, он хотел во что бы то ни стало привлечь к себе внимание и поэтому старался нападать на людей известных. Самые благоразумные и умеренные из сенаторов разняли их, и все вернулись в Бононию, так как надеялись там скорее получить новые сведения и тогда еще раз обсудить создавшееся положение. На дороги, ведущие к Бононии, были высланы люди, которые расспрашивали каждого новоприбывшего. Среди последних оказался вольноотпущенник Отона. Его спросили, почему он покинул своего господина; вольноотпущенник отвечал, что несет предсмертные распоряжения Отона, что, когда он уходил, Отон был еще жив, но уже порвал все нити, связывающие его с этим миром, и помышлял лишь о мнении потомства. Сенаторы пришли в восхищение от доблести Отона, из уважения к смерти не стали расспрашивать дальше и тотчас обратили все помыслы к Вителлию.

54. На совещаниях сенаторов присутствовал его брат Луций Вителлий. Он уже принимал льстивые выражения преданности, как вдруг ужасная весть, принесенная вольноотпущенником Нерона Ценом, привела всех в оцепенение: прибыл четырнадцатый легион, войска соединились в Брикселле, победители уничтожены, борющиеся стороны поменялись местами. Цен распустил этот слух, чтобы с помощью столь радостного известия вновь придать силу подорожной, данной ему Отоном и которой никто не хотел подчиняться. Цен действительно был немедленно доставлен в Рим, но там через несколько дней казнен по приказу Вителлия. Однако солдаты-отонианцы поверили распространившемуся слуху, и положение сенаторов стало еще опаснее. Паника росла, ибо все решили, будто отъезд сенаторов из Мутины носил официальный характер и знаменовал их отказ поддерживать дальше партию Отона. Теперь сенаторы вообще перестали собираться, каждый принимал решения на свой страх и риск. Наконец, прибыло письмо от Фабия Валента,

которое рассеяло все страхи. К тому же смерть Отона была столь прекрасна, что молва о ней распространилась очень быстро, и дольше сомневаться в ней было невозможно.

55. В Риме волнений не знали. В установленный обычаем срок были устроены игры в честь Цереры. Когда актеры в театре объявили, что Отон умер и префект Рима Флавий Сабин привел все находящиеся в городе войска к присяге Вителлию, имя победителя было встречено аплодисментами. Народ обходил храмы, неся украшенные лаврами и цветами изображения Гальбы, неподалеку от бассейна Курция, на том месте, которое умирающий Гальба обагрил своей кровью, из венков сложили нечто вроде могильного холма. Сенат разом присвоил Вителлию все почести, которые были придуманы за долгие годы правления других принцепсов. Постановили воздать хвалу и благодарность германской армии и отправить легатов, которые бы выразили войскам удовлетворение сената. Письма Фабия Валента консулам были прочитаны и найдены весьма умеренными; с еще большей благосклонностью отметили скромность Цецины, не приславшего никаких писем.

56. Между тем Италия терпела беды и страдания еще худшие, чем во время войны. Рассыпавшиеся по колониям и муниципиям вителлианцы крали, грабили, насиловали; жадные и продажные, они любыми правдами и неправдами старались захватить побольше и не щадили ни имущества людей, ни достояния богов. Находились и такие, что переодевались солдатами, дабы расправиться со своими врагами. Легионеры, хорошо знавшие местность, выбирали самые цветущие усадьбы и самых зажиточных хозяев, нападали на них и грабили, а если встречали сопротивление, то и убивали; командиры понимали, что находятся во власти солдат, и не решались запрещать им что бы то ни было. Цецина был занят только своими честолюбивыми планами, Валент же так запятнал себя хищениями и вымогательством, что ему ничего не оставалось, как покрывать преступления других. Италия, и без того уже разоренная, едва могла прокормить все эти пешие и конные войска, едва выносила все эти несчастья и оскорбления.

57. Тем временем Вителлий, ничего еще не зная о своей победе и готовясь к длительной войне, стяги-

вал остальные силы германской армии. Он оставил в зимних лагерях немногих престарелых солдат и поспешно вербовал рекрутов в галльских провинциях, чтобы пополнить свои легионы. Охрану рейнского берега он поручил Гордеонию Флакку и присоединил к своим войскам восемь тысяч солдат из британской армии. Едва он продвинулся на несколько дневных переходов, как получил известие о том, что битва при Бедриаке выиграна и смерть Отона положила конец войне. Вителлий тут же собрал войска и воздал солдатам хвалу за проявленную ими доблесть. Армия стала требовать, чтобы он даровал права всадника своему вольноотпущеннику Азиатику. Вителлий отказался выполнить эту просьбу, слишком уж отдававшую грубой лестью, но потом, с присущим ему непостоянством, негласно сделал то, на что не хотел согласиться открыто, и на пиру вручил кольца Азиатику, подлому рабу и злобному пройдохе.

58. В эти же дни прибыло сообщение о том, что на сторону Вителлия перешли обе Мавритании и что прокуратор этих провинций Альбин убит. Лукцей Альбин был назначен управлять Мавританией Цезарейской еще Нероном. После того как Гальба распространил его полномочия и на Тингитанскую провинцию, в его руках оказались крупные силы: девятнадцать когорт, пять эскадронов конницы и большой отряд мавританцев, которые столько грабили и насильничали, что тоже приобрели немалый военный опыт. После убийства Гальбы Альбин, который склонялся на сторону Отона и которому Африка представлялась слишком тесным полем деятельности, стал угрожать Испании, отделенной от Мавритании лишь узким проливом. Это вызвало опасения у Клувия Руфа. Он приказал десятому легиону выйти к побережью и делать вид, будто готовится переправа в Африку, а сам выслал вперед центурионов и поручил им склонить мавров на сторону Вителлия. Сделать это им было нетрудно, ибо слава германской армии гремела в этих провинциях. В довершение всего распространился слух, будто Альбин брезгует должностью прокуратора, украшает себя царскими регалиями и принял имя Юбы.

59. Настроение в мавританских провинциях изменилось. Префект кавалерии Азиний Поллион, один из ближайших друзей прокуратора, и префекты когорт Фест и Сципион были удавлены, Альбин убит, когда

он, прибыв морем из Тингитанской провинции в Цезарейскую, сходил на берег, жена его сама подставила грудь ножам убийц и была ими зарезана. Никого из тех, кто все это проделал, Вителлий так и не привлек к ответу, не способный ни к чему серьезному, он и более важные дела выслушивал лишь краем уха.

Армии своей он приказал продолжать путь пешком, а сам плыл вниз по реке Арар, без всякого великолепия, подобающего принцепсу, выставляя на всеобщее обозрение свою нищету, пока, наконец, правитель Лугдунской Галлии Юний Блез, человек знатный, щедрый и богатый, не дал ему людей для его штата и не окружил блестящей свитой, за что Вителлий его возненавидел, хотя и прикрывал свои чувства самой низкой лестью. В Лугдунуме его ждали полководцы обеих партий — победители и побежденные. Воздав перед строем войск хвалу Валенту и Цецине, он усадил их по обеим сторонам своего курульного кресла. Вскоре затем Вителлий велел принести своего новорожденного сына, укутал его боевым плащом и приказал войскам дефилировать перед ребенком, которого держал прижатым к груди; он назвал сына Германиком и облек его всеми знаками императорского достоинства; почести эти, в те счастливые дни ребенку ненужные, стали позже, когда все для него изменилось к худшему, единственным его утешением.

60. Вскоре затем самые храбрые и преданные из центурионов-отонианцев были убиты, что сразу оттолкнуло от Вителлия солдат иллирийской армии; под их влиянием другие легионы, и без того недолюбливавшие германские войска и завидовавшие им, тоже стали помышлять о войне. Светония Паулина и Лициния Прокула Вителлий долгое время держал под угрозой обвинения, пока, наконец, не дал им аудиенции, во время которой они старались обелить себя с помощью аргументов, продиктованных скорее их безвыходным положением, чем искренностью. Они дошли до того, что изобразили сами себя изменниками и приписали своим проискам и длиннейший переход, и утомление войск перед битвой, и давку, которую произвели повозки, замешавшиеся в ряды солдат, и даже все те перенесенные отонианцами невзгоды, что были вызваны простой случайностью. Вителлий им поверил и простил людей, бывших образцом верности, лишь когда

 счел их изменниками. Никаких обвинений не было

предъявлено брату Отона Тициану: его достаточно оправдывали и подчиненное положение, и полная бездарность. Марий Цельз остался консулом; ходили, однако, слухи, будто Цецилий Симплекс пытался (во всяком случае такое обвинение ему было вскоре предъявлено в сенате) за деньги приобрести эту должность и подстроить гибель Цельза. Вителлий на это не согласился и позже сам отдал Цецилию консулат, за который тому не пришлось платить ни преступлением, ни деньгами. Трахала спасла от обвинителей Галерия, жена Вителлия.

61. Рассказывая о несчастьях, обрушившихся на стольких замечательных людей, стыдно даже упоминать некоего Марикка из племени бойев, который возымел наглость добиваться власти и пойти против римского оружия, утверждая, что действует по велению неба. Он называл себя богом и мстителем за дело галлов; благодаря этому ему удалось собрать восемь тысяч человек, и они начали грабить окружающие деревни эдуев. Тогда это племя, славящееся суровой чистотой нравов, послало против них лучшую часть своего юношества, Вителлий — несколько когорт, и они вместе разогнали беснующуюся толпу. Марикка в этом сражении захватили в плен и бросили диким зверям, но звери не тронули его, и невежественная чернь была убеждена, что его охраняет высшая сила до тех пор, пока присутствовавший здесь Вителлий не велел его убить.

62. Больше не было принято никаких мер против сторонников Отона, и никто не покушался на их имущество. Завещания людей, погибших, сражаясь за Отона, исполнялись; если завещаний не было, действовали согласно закону о наследовании. Вообще если бы Вителлий мог справиться со своим обжорством, алчности его опасаться не приходилось. Он отличался отвратительной, ненасытной страстью к еде. Дороги, ведшие от обоих морей, дрожали под грохотом повозок, доставлявших из Рима и Италии все, что могло еще возбудить его аппетит. В городах устраивались пиры, своим великолепием разорявшие магистратов и истощавшие городские запасы продовольствия. Солдаты отвыкали от труда и воинской доблести, ибо все больше погружались в разврат и проникались презрением к своему вождю. Вителлий отправил в Рим эдикт, которым отклонял звание Цезаря и, до времени, звание

Августа, но сохранял за собой всю полноту власти. Звездочеты были изгнаны из Италии. Строжайше запрещено римским всадникам позорить себя участием в гладиаторских боях. При прежних принцепсах их склоняли к этому деньгами, а чаще силой; многие муниципии и колонии наперебой старались подкупить наиболее развращенных из своих молодых людей, чтобы сделать их гладиаторами.

63. Все больше людей, стремившихся навязать Вителлию свои советы по управлению государством, втирались в его доверие; вскоре к ним присоединился брат императора, и под их общим влиянием принцепс становился день ото дня заносчивей и кровожадней. Он приказал умертвить Долабеллу, который, как я уже упоминал, был выслан Отоном в Аквинскую колонию. Получив известие о смерти Отона, Долабелла прибыл в Рим, где Планций Вар, бывший претор и его ближайший друг, донес на него префекту города Флавию Сабину. Планций уверял, будто Долабелла самовольно вернулся из ссылки, чтобы взять на себя руководство разбитой партией, и будто он пытался склонить к измене стоявшую в Остии когорту солдат. Все эти обвинения ни на чем не были основаны; позже Планций всячески в них раскаивался и старался оправдаться, но преступление было уже совершено. Флавий Сабин медлил, но жена Луция Вителлия Триария, отличавшаяся невиданной в женщине жестокостью, в угрожающем тоне потребовала, чтобы он не пытался прослыть гуманным и милосердным, спасая преступников, представляющих угрозу для принцепса. Сабин, человек по характеру добрый, но в минуты опасности терявшийся и легко менявший свои решения, стал бояться уже за самого себя и подтолкнул падающего, дабы не подумали, что он пытается его спасти.

64. Новый принцепс не только боялся Долабеллы, но и ненавидел его, потому что тот сочетался браком с Петронией, вскоре после ее развода с Вителлием. Вызвав Долабеллу к себе письмом, Вителлий приказал тем, кто его вез, свернуть с оживленной Фламиниевой дороги на Интерамну и там его убить. Убийце, однако, все это показалось слишком сложным; в одном из трактиров по дороге он просто повалил Долабеллу на землю и перерезал ему горло. Убийство Долабеллы возбудило ненависть к новому принцепсу, впервые обнаружившему свой подлинный нрав. Не-

обузданная свирепость Триарии выступала лишь еще отчетливее при сравнении со скромностью жены императора Галерии, принадлежавшей к тому же тесному кругу, но не запятнавшей себя участием ни в одном из злодеяний. Подобной же древней чистотой нравов отличалась и мать братьев Вителлиев Секстилия. Рассказывают, будто, получив первое письмо от сына, она сказала, что рожала не Германика, а Вителлия. И позже ей не принесли радости ни милости судьбы, ни лесть всего государства,— до того чувствовала она себя чужой своей семье.

65. Вителлий уже выступил из Лугдунума, когда его догнал, бросив в Испании все свои дела, Клувий Руф; с виду он был полон радости и горячо поздравлял нового императора, в душе же скрывал страх, так как знал о взводимых на него обвинениях. Вольноотпущенник Цезаря Гиларий донес, будто Клувий Руф, узнав о провозглашении принцепсами Отона и Вителлия, тоже решил захватить власть и овладеть Испанией, будто именно поэтому он не ставил имени ни того, ни другого из принцепсов на выдаваемых им подорожных и будто некоторые из его речей были рассчитаны на завоевание популярности и оскорбительны для Вителлия. Уважение, которым пользовался Клувий, оказалось сильнее этих наветов, и Вителлий даже велел наказать вольноотпущенника. Клувий присоединился к свите принцепса, в Испанию не вернулся и стал управлять ею на расстоянии по примеру Луция Аррунция. Аррунция Тиберий Цезарь не отпускал от себя из страха, Клувия же Вителлий оставил при себе без всяких тайных мыслей. Требеллий Максим, который, спасаясь от ярости солдат, бежал из Британии, не был удостоен подобной чести,— на его место Вителлий послал нового легата Веттия Болана, человека из своего ближайшего окружения.

66. Вителлия серьезно беспокоило настроение, царившее в разбитых легионах. Разбросанные по всей Италии среди легионов победившей армии, они были рассадниками слухов и разговоров, враждебных новому принцепсу. Особенно буйствовали солдаты четырнадцатого легиона, которые вообще не считали себя побежденными. Под Бедриаком, говорили они, поражение потерпели одни лишь приданные легиону отряды, а главных наших сил там и не было. Вителлий счел за лучшее отправить их обратно в Британию, откуда Не-

рон некогда их вывел, а пока что поместить в одном лагере с когортами батавов, издавна враждовавших с солдатами четырнадцатого легиона. Батавы и легионеры, ненавидевшие друг друга и при этом вооруженные, недолго жили в мире. В колонии Августа Тавринов один батав обругал какого-то ремесленника изменником; легионер, стоявший у этого ремесленника на квартире, за него вступился; на помощь тому и другому подоспели товарищи, и дело, начавшись с перебранки, кончилось резней. Драка превратилась бы во всеобщее побоище, если бы две преторианские когорты не встали на сторону легионеров, умножив тем самым их силы и напугав батавов. За проявленную преданность Вителлий влил батавов в состав своей армии, а легиону приказал перевалить через Грайские Альпы и двигаться дальше, минуя Виенну, так как жители этой колонии тоже опасались буйства легионеров. В ночь, когда четырнадцатый легион уходил из Таврины, от больших костров, оставленных повсюду солдатами, начался пожар, уничтоживший часть города. Беда эта, как и многие, порожденные войной, была позже вытеснена из памяти людей худшими несчастьями, которые пришлось перенести другим городам. Когда легион спустился с Альп, некоторые самые мятежные его подразделения свернули на дорогу, ведущую к Виенне, но лучшие солдаты подавили бунт, и легион благополучно переправился в Британию.

67. Немногим меньше, чем побежденных легионов, боялся Вителлий преторианских когорт. Сначала их изолировали, затем предложили почетную отставку на льготных условиях; наконец, они сдали трибунам оружие, но едва распространился слух о войне, начатой Веспасианом,— снова вернулись в строй и составили главную опору флавианской партии. Первый легион морской пехоты отправили в Испанию, дабы он успокоился, живя на отдыхе, вдали от военных столкновений, одиннадцатый и седьмой вернулись в свои зимние лагеря; тринадцатый получил приказ приступить к сооружению амфитеатров: Цецина в Кремоне, а Валент в Бононии готовили гладиаторские игры, ибо Вителлий никогда не был в состоянии настолько предаться делам, чтобы забыть об удовольствиях.

68. Вителлию таким образом удалось без шума разъединить и изолировать силы побежденной партии, но

 как раз в это время начался мятеж в стане победите-

лей. Повод для его возникновения был незначителен, но количество жертв, которое он за собой повлек, еще увеличило ненависть к новому принцепсу. Однажды Вителлий обедал в Тицине; среди приглашенных был Вергиний. В лагере Вителлия легаты и трибуны подражали императору: то старались перещеголять друг друга суровостью нравов, то начинали пировать среди бела дня; солдаты вели себя точно так же: то удивляли всех послушанием, то буйствовали. Вообще в лагерях вителлианской армии не прекращались беспорядки и пьянство, все здесь походило больше на ночную пирушку или вакханалию, чем на воинский лагерь. Два солдата, один из пятого легиона, другой — из галльских вспомогательных войск, затеяли борьбу, сначала в шутку, потом, разозлившись,— всерьез; легионер упал, галл стал всячески поносить его; зрители разделились; сбежавшиеся легионеры набросились на солдат вспомогательных войск и перебили две когорты. Побоище прекратилось, только когда поднялся новый переполох: кто-то, завидев вдали клубы пыли и блеск оружия, крикнул, что это возвращается на помощь своим четырнадцатый легион. На самом деле то было тыловое охранение уходившего легиона, и едва это стало ясно, как волнение улеглось. Тем временем солдаты случайно повстречали на улице принадлежавшего Вергинию раба, стали обвинять его в убийстве Вителлия и бросились в дом, где шел пир, требуя смерти Вергиния. Вителлий, обычно трепетавший от всякого рода подозрений, на этот раз не сомневался, что обвинение ложно; ему, однако, стоило большого труда усмирить солдат, с криками требовавших смерти консулярия, еще недавно бывшего их полководцем. Вообще трудно найти человека, которому бы столько раз грозили смертью мятежные войска; солдатам казалось, будто Вергиний их презирает, и они не могли простить ему этого, хотя преклонялись перед его доблестью и славой.

69. На следующий день Вителлий принял представителей сената (он еще раньше приказал им дожидаться его в Тицине), а затем отправился в лагерь и произнес речь, в которой хвалил войска за преданность и дисциплину. Солдаты вспомогательных отрядов, увидев, что легионеры, после всех бесчинств, ими содеянных, остаются безнаказанными, пришли в ярость. Опасаясь их гнева и буйства, Вителлий отправил батавов назад

в Германию, сделав первый шаг к той войне, одновременно и внешней, и междоусобной, которую готовила нам судьба. Вернули в свои племена и галльских ополченцев: они были набраны немедленно после измены, набраны в несметном количестве и во время военных действий оказались совершенно бесполезными. Впоследствии Вителлий, опасаясь, что императорской казне не хватит денег на все его расходы, распорядился сократить кадровый состав легионов и вспомогательных войск, впредь пополнений не проводить и стал всем и каждому предлагать выход в отставку. Эти меры, губительные для государства, не одобряли и солдаты: раз людей становилось меньше, а труды и опасности оставались те же, на долю каждого их должно было приходиться больше. Армия теряла силы в распутстве и наслаждениях и все больше забывала древнюю дисциплину, установления предков, при которых Римское государство стояло твердо, ибо зиждилось на доблести, а не на богатстве.

70. Из Тицина Вителлий свернул на Кремону и, посмотрев устроенные Цециной гладиаторские игры, выразил желание побывать на поле сражения у Бедриака, чтобы своими глазами увидеть места, где его войска недавно добились победы. Зрелище, открывшееся глазам Вителлия, вызывало лишь отвращение и ужас. Со времени сражения прошло уже сорок дней; повсюду виднелись растерзанные тела, отрубленные члены, гниющие останки людей и коней, пропитанная кровью земля дышала миазмами, деревья были поломаны, посевы вытоптаны, кругом расстилалась мертвая пустыня. Дорога, шедшая через эти нагромождения трупов, выглядела еще ужаснее оттого, что кремонцы, следуя обычаям восточных деспотий, разбросали по ней цветы и лавровые ветки и соорудили алтари, на которых убивали жертвенных животных. Кремонцы ликовали, но прошло совсем немного времени, и эти самые торжества обернулись для них несчастьями и бедами. Валент и Цецина рассказывали о ходе битвы и показывали Вителлию места, где разворачивались те или иные ее эпизоды,— здесь легионы бросились в атаку, отсюда налетела конница, оттуда вспомогательные войска двинулись на окружение противника. В разговор вмешались трибуны и префекты; каждый восхвалял свои подвиги, примешивая к правде всяческие преувеличения, а то и прямую ложь. Сол-

даты с шумом и веселыми криками разбрелись по полю, узнавая места, где происходили схватки, дивились на горы оружия и груды трупов. Некоторые же, видя, сколь превратно бывает счастье человеческое, сокрушались и плакали. Вителлий, однако, не пришел в ужас, не опустил глаза при виде стольких тысяч своих сограждан, оставшихся без погребения; не зная еще, что готовит ему судьба, он радостно приносил жертвы местным богам.

71. Затем в Бононии бои гладиаторов устроил и Фабий Валент. За оружием и всем необходимым для этих зрелищ он послал в Рим. Чем ближе подъезжали посланные им люди к столице, тем больше окружали они себя роскошью и распутничали. К ним присоединялись бродячие актеры, целые шайки миньонов и множество других подобных же лиц, обычно составлявших свиту Нерона,— было известно, что Вителлий восхищался Нероном и присутствовал обычно на всех его выступлениях не по принуждению, как многие достойные люди, а потому только, что любил разврат и готов был продаться в рабство каждому, кто хорошо угостит. Чтобы предоставить почетные должности Валенту и Цецине, Вителлий стал сокращать консульские сроки других. Без всякого шума был освобожден от обязанностей консула как один из руководителей отонианской партии Марций Макр; не получил полагавшейся ему должности выдвинутый в консулы еще Гальбой Валерий Марин,— он ни в чем не провинился, а просто был известен как человек покладистый и терпеливо сносящий обиды. Обошли консульским званием и Педания Косту,— Вителлий, хоть и приводил другие основания, на самом деле не любил его за то, что Коста осмеливался выступать против Нерона и поддерживать Вергиния. Следуя рабским обыкновениям того времени, все они выразили Вителлию благодарность.

72. В это время объявился новый самозванец, продержавшийся, несмотря на сопутствовавший ему вначале успех, лишь несколько дней. Он выдавал себя за Скрибониана Камерина и утверждал, будто бежал при Нероне в Истрию, где сохранились поместья и клиенты Крассов и где имя их было окружено почетом. Набрав несколько человек из самой сволочи, которые согласились сыграть назначенные роли в задуманной им комедии, он вскоре привлек на свою сторону чернь, все-

гда верящую разным слухам, и некоторых солдат, либо не понявших, где правда, либо надеявшихся поживиться во время беспорядков; но тут его схватили и доставили к Вителлию. Император начал расспрашивать его, чтó он за человек, но никакой веры словам его придать было нельзя. Когда же бывший хозяин узнал его и оказалось, что он — беглый раб по имени Гета, то его казнили,— так, как обычно казнят рабов.

73. Сейчас нам даже трудно представить себе, до чего возгордился Вителлий и какая беспечность им овладела, когда прибывшие из Сирии и Иудеи гонцы сообщили, что восточные армии признали его власть. До тех пор в народе на Веспасиана смотрели как на возможного кандидата в принцепсы и слухи о его намерениях, хоть и смутные, хоть и неизвестно кем распускаемые, не раз приводили Вителлия в волнение и ужас. Теперь и он сам, и его армия, не опасаясь больше соперников, предались, словно варвары, жестокостям, распутству и грабежам.

74. Веспасиан между тем еще и еще раз взвешивал, насколько он готов к войне, насколько сильны его армии, подсчитывал, на какие войска у себя в Иудее и в других восточных провинциях он может опереться. Когда он первым произносил слова присяги Вителлию и призывал на него милость богов, солдаты слушали его молча, и было ясно, что они готовы восстать немедленно. Муциан к Веспасиану относился сдержанно-благожелательно, а Титу явно симпатизировал; префект Египта Тиберий Александр знал о замыслах Веспасиана и одобрял их; Веспасиан полностью полагался на третий легион, переведенный им из Сирии в Мёзию, и рассчитывал, что остальные иллирийские легионы в нужный момент тоже последуют за ним. На то были основания: вся армия возмущалась наглостью солдат, приезжавших сюда от имени Вителлия, их свирепым видом, их грубой речью, их манерой насмехаться над окружающими и считать всех ниже себя. Но нелегко решиться на такое дело, как гражданская война, и Веспасиан медлил, то загораясь надеждами, то снова и снова перебирая в уме все возможные препятствия. Два сына в расцвете сил, шестьдесят лет жизни за плечами,— неужели настал день, когда все это надо отдать на волю слепого случая, воинской удачи? Частный человек волен сам решать, добиваться ли осуществления своих замыслов или отказаться от них, он мо-

жет взять от судьбы больше или меньше, как захочет. Перед тем же, кто идет на борьбу за императорскую власть, один лишь выбор — подняться на вершину или сорваться в бездну.

75. Перед глазами Веспасиана проходили германские армии, мощь которых он, старый полководец, хорошо знал. «Мои легионы,— думал он,— не имеют опыта гражданской войны, а легионы Вителлия одушевлены только что одержанной победой; на побежденных рассчитывать нельзя — они охотнее жалуются, чем дерутся. Солдаты, пережившие столько гражданских смут, все вместе ненадежны, а поодиночке — опасны. Что пользы в пеших когортах и конных отрядах, если один-два солдата в расчете на награду, которая ждет их в лагере противника, могут внезапно броситься на полководца и покончить с ним? Так погиб в правление Клавдия Скрибониан, а его убийца Волагиний неожиданно поднялся из низов и дошел до высших военных должностей. Легче увлечь за собою целую толпу, чем избежать коварства одного человека».

76. Друзья и приближенные старались развеять мрачные мысли Веспасиана. Муциан, который и раньше через тайных посредников не раз убеждал его решиться на восстание, встретился, наконец, с Веспасианом и обратился к нему со следующими словами: «Каждый, кто отваживается на великое дело, должен взвесить, принесет ли оно пользу государству и славу ему самому, как скоро удастся его осуществить и не сопряжено ли оно со слишком большими трудностями. Надо убедиться также, готов ли человек, толкающий тебя на такое дело, разделить весь риск, с ним связанный, надо предугадать, кому в случае удачи достанется наибольший почет. Я призываю тебя, Веспасиан, взять императорскую власть, которую сами боги отдают тебе в руки; государству это принесет спасение, тебе — великую славу. Не думай, что слова мои продиктованы желанием польстить тебе: стать императором после Вителлия скорее унизительно, чем почетно. Мы не пытались бороться ни с могучим и мудрым божественным Августом, ни с подозрительным стариком Тиберием, мы не шли против Гая, Клавдия или Нерона — все они принадлежали к семье, власть которой была долгой и прочной; ты склонился и перед Гальбой, но бездействовать далее, наблюдать, как государство идет к поруганию и гибели,— трусость и позор;

бесчестным трусом сочтут тебя, если ты предпочтешь ценой унижений и покорности обеспечить себе безопасность. Теперь уже никто не подумает, что ты хочешь захватить императорскую власть из честолюбия, она для тебя — единственное спасение. Или ты забыл о гибели Корбулона? Я понимаю, что благородством происхождения он превосходил нас с тобой, но ведь и Нерон вышел из более знатной семьи, чем Вителлий. Трусу представляется великим и знатным каждый, кто внушает страх. Вителлий, сделавшийся императором без денег, без боевых заслуг, благодаря одной лишь ненависти солдат к Гальбе, по собственному опыту знает, что, опираясь на поддержку армии, можно стать принцепсом. Сейчас он сокращает состав легионов, разоружает преторианские когорты, вызывая раздражение, которое каждый день может привести к новой гражданской войне. Ведь Отон погиб не оттого, что противник превосходил его стратегическим искусством или численностью, а оттого лишь, что слишком рано счел свое дело проигранным; теперь же, видя, сколь нелепо управляет империей Вителлий, люди начинают скорбеть об Отоне как о великом государе и вспоминать о нем с сожалением. Если у вителлианских солдат и были энергия и боевой пыл, то они, по примеру своего принцепса, растратили их по трактирам и пирушкам. У тебя же в Иудее, Сирии и Египте стоят девять нетронутых легионов, не утомленных походами, не развращенных смутами; солдаты здесь закалены, привыкли смирять врагов-иноземцев, боевой мощи исполнены эскадры кораблей, конные отряды и пешие когорты, целиком преданы нам местные цари, и ты превосходишь всех соперников опытом полководца.

77. Для себя я хотел бы только одного — не считаться хуже Валента и Цецины. Не пренебрегай мной как союзником только потому, что я не стремлюсь с тобой соперничать. Я ставлю себя выше Вителлия, тебя же — выше себя. Ты триумфом прославил свое родовое имя, у тебя двое сыновей, один из которых уже может управлять государством и еще юношей стяжал себе славу, сражаясь в германской армии. Если бы я был императором, я сам бы выбрал его в наследники; поэтому я поступаю разумно, с самого начала уступая тебе императорскую власть. Мало этого, удача и неудача в затеваемом деле по-разному отзовутся на каждом

из нас: если мы победим, я получу лишь ту награду, которую ты мне даруешь, перед лицом же опасностей и смерти мы равны. Лучше всего, если ты сохранишь в своих руках верховное командование и не станешь подвергать себя риску, а все превратности военного счастья пусть выпадут на мою долю. Настроение в побежденной армии сейчас лучше, чем у победителей,— солдатам разбитого войска гнев, ненависть и жажда мщения заменяют доблесть; силы же их бывших противников ослаблены спесью и упрямством. Война сорвет корку, которая сейчас скрывает от глаз гноящиеся раны вителлианства, и я еще больше рассчитываю на лень, невежество и жестокость Вителлия, чем на твою проницательность, бережливость и мудрость. Так или иначе, война сулит нам меньше опасностей, чем мир, ибо того, что мы говорим сейчас, уже достаточно, чтобы нас сочли изменниками».

78. Муциан умолк. Все окружили Веспасиана, требовали, чтобы он решился на затеваемое дело, напоминали ему о благоприятных ответах прорицателей и счастливом расположении светил. Веспасиан не был чужд суеверий — недаром, уже ставши владыкой мира, он открыто держал при себе некоего Селевка, звездочета и прорицателя, и прислушивался к его советам. И сейчас давние предзнаменования всплыли у него в памяти. Он был еще юношей, когда у него в имении неожиданно рухнул на землю огромный кипарис. На следующий день упавший ствол сам вернулся на свое место и стал расти и зеленеть пуще прежнего. Гаруспики в один голос истолковали это как предсказание величия и счастья, которое сулит юному Веспасиану судьба, как предвестие славы, его ожидающей. Триумф, консулат, победа в Иудейской войне казались ему исполнением пророчества; теперь, когда все это уже было позади, он стал думать, не предрекало ли ему это давнее знамение и императорскую власть. Между Сирией и Иудеей есть место, где высится гора Кармел и где чтут божество того же имени. Тут стоит его алтарь, тут возносят ему молитвы, но по заветам предков ему не строят храмов и не ставят изображений. Здесь-то, в ту пору, когда тайные надежды уже владели его душой, Веспасиан совершал жертвоприношение. Жрец Басилид долго всматривался в расположение внутренностей жертвенного животного и, наконец, сказал: «Что бы ты ни замышлял, Веспасиан:

постройку дома, расширение своих поместий или покупку новых рабов — все даруют тебе боги,— и пышные палаты, и бескрайние владения, и власть над множеством людей». Загадочные слова эти сразу же стали достоянием молвы, но лишь теперь люди начали понимать их тайный смысл, и среди черни только и было речи, что об этом пророчестве. Еще больше толковали о нем в доме Веспасиана: если человек вынашивает какие-либо планы, близкие обычно предсказывают ему успех.

Муциан и Веспасиан разъехались. Один направился в столицу Сирии Антиохию, другой — в Цезарею, столицу Иудеи. И тот, и другой понимали, что жребий брошен.

79. Первым признал Веспасиана императором Тиберий Александр. С торопливостью, пожалуй чрезмерной, он уже в июльские календы привел к присяге стоявшие в Александрии легионы. В дальнейшем именно эта дата праздновалась как первый день правления Веспасиана, хотя он сам принял присягу иудейской армии лишь на пятые сутки после июльских нон. Случилось это так внезапно, что не дождались даже Тита, возвращавшегося в это время из Сирии, где он выполнял роль посредника между отцом и Муцианом. Никто не собирал легионы, никто не устраивал сходки — все решил энтузиазм солдат.

80. Еще никто не знал, где и когда начнется сходка, еще не решили,— в таких случаях это всегда самое трудное,— кто заговорит первым, люди то надеялись, то пугались, то пытались все рассчитать, то полагались на случай, а уж несколько солдат, собравшихся у шатра Веспасиана, чтобы как обычно воздать ему почести, подобающие легату, неожиданно приветствовали его как императора. Немедленно сбежались остальные и тут же присвоили ему титулы Цезаря, Августа и все прочие звания, полагающиеся принцепсу. Страх исчез, солдаты уверовали в свою счастливую судьбу. Сам Веспасиан в этих новых и необычных обстоятельствах оставался таким же, как прежде — без малейшей важности, без всякой спеси. Едва прошло первое волнение, густым туманом застилающее глаза каждому, кто попадает на вершину могущества, он обратился к войску с несколькими словами, по-солдатски простыми и суровыми. В ответ со всех сторон раздались громкие крики ликования и преданности. Радостный подъ-

ем охватил также легионы, стоявшие в Сирии, и Муциан, с нетерпением ожидавший начала событий, тотчас привел их к присяге Веспасиану. Затем он явился в антиохийский театр, где местные жители обычно собираются, чтобы поговорить о делах, и обратился к толпе с речью, встреченной со льстивой восторженностью. Муциан был искусен в делах и словах, на всем, что он говорил или делал, всегда лежала печать какого-то артистизма, и речь его, хотя произнесенная по-гречески, получилась яркой и красивой. Слова Муциана о том, что Вителлий решил перевести германские легионы в Сирию, где служить выгодно и спокойно, а в германские лагеря, с их суровым климатом и тяжелым режимом, отправить войска из Сирии, вызвали бурное возмущение провинциалов и солдат. Возмущались они потому, что и провинциалы привыкли к стоявшим в этих местах войскам, хорошо относились к солдатам, со многими из них породнились и вели общие дела, и солдаты, после стольких лет службы, стали смотреть на лагерь как на родной дом.

81. Еще до июльских ид присягу приняла вся Сирия. К восставшим примкнули Сохем со своим царством и находившимися под его властью немалыми боевыми силами, а также Антиох — самый крупный среди местных подчиненных Риму царьков, знаменитый своими богатствами, доставшимися ему от предков. Вскоре затем Агриппа, получив секретное сообщение от своих приближенных, покинул Рим и по-прежнему ничего не подозревавшего Вителлия, стремительно пересек море и вернулся к себе. Царица Береника также решительно встала на сторону восставших. Молодая и красивая, она даже старого Веспасиана обворожила любезностью и роскошными подарками. Все приморские провинции вплоть до границ Азии и Ахайи, и все внутренние, вплоть до Понта и Армении, присягнули на верность Веспасиану. Правда, легионы в Каппадокию тогда еще введены не были и легаты всех этих провинций не располагали военными силами. Чтобы обсудить наиболее важные вопросы, в Берите было собрано совещание. Муциан прибыл туда, окруженный легатами, трибунами, самыми блестящими центурионами и солдатами; отборных своих представителей прислала и иудейская армия. Все эти пешие и конные воины, цари, соревнующиеся друг с другом в роскоши,

придавали совещанию такой вид, будто именно здесь принимали настоящего принцепса.

82. Подготовку к войне Веспасиан начал с того, что набрал рекрутов и призвал в армию ветеранов; наиболее зажиточным городам поручили создать у себя мастерские по производству оружия, в Антиохии начали чеканить золотую и серебряную монету. Эти меры спешно проводились на местах особыми доверенными лицами. Веспасиан показывался всюду, всех подбадривал, хвалил людей честных и деятельных, растерянных и слабых наставлял собственным примером, лишь изредка прибегая к наказаниям, стремился умалить не достоинства своих друзей, а их недостатки. Он роздал должности префектов и прокураторов и назначил новых членов сената, в большинстве своем людей выдающихся, вскоре занявших высокое положение в государстве; встречались, однако, и такие, которым счастливый случай помог больше, чем собственные достоинства. Что до денежного подарка солдатам, то Муциан на первой же сходке предупредил, что он будет весьма умеренным, и Веспасиан обещал войскам за участие в гражданской войне не больше, чем другие платили им за службу в мирное время: он был непримиримым противником бессмысленной щедрости по отношению к солдатам, и поэтому армия у него всегда была лучше, чем у других. К парфянам и в Армению были посланы легаты, и были приняты меры к тому, чтобы после ухода легионов на гражданскую войну границы не оказались незащищенными. Тит остался в Иудее, Веспасиан занял ворота Египта,— было решено, что для победы над Вителлием хватит лишь части войск и такого командующего, как Муциан, а также славы, окружавшей имя Веспасиана; во всем остальном они полагались на фортуну, которая может сокрушить любые препятствия. Были подготовлены письма ко всем армиям и легатам, командирам приказано переманивать на свою сторону преторианцев, настроенных враждебно к Вителлию, обещая им в награду возвращение на службу.

83. Муциан вел себя не как доверенное лицо Веспасиана, а скорее как его соправитель. Выступив в путь во главе отборного отряда, он двигался не слишком медленно, дабы не подумали, будто он затягивает кампанию, но и не слишком быстро, ибо знал, что войск у него немного, и армия, которую еще никто не видел,

 всегда кажется опаснее, и ужас, ею вызываемый, тем

больше, чем медленнее она приближается. Правда, двигавшиеся за ним шестой легион и насчитывавшие тринадцать тысяч бойцов самостоятельные отряды и без того производили весьма внушительное впечатление. Муциан приказал кораблям выйти из Понта и собраться в Византии. План кампании не был ему еще до конца ясен, но он все более склонялся к мысли, оставив Мёзию в стороне, двинуться пешими и конными силами к Диррахию, одновременно заперев большими кораблями выход из моря, омывающего Италию. Это давало возможность закрыть доступ в Ахайю и Азию, которые иначе пришлось бы укреплять особыми гарнизонами или оставить безоружными на милость Вителлия. Если бы этот план удался, Вителлий оказался бы в растерянности, не зная, какую часть Италии защищать от нападения вражеского флота,— Брундизий или Тарент, берега Калабрии или Лукании.

84. Провинции содрогались от грохота оружия, поступи легионов, передвижений флотов. Хуже всего, однако, им приходилось от денежных поборов. Муциан часто повторял, что деньги — становая жила войны; при сборе их поэтому он исходил только из величия задач, перед ним стоявших, и не считался ни с правом, ни с реальными возможностями провинций. Доносы сыпались к нему со всех сторон, все богатые имения были разграблены. Эти свирепые и безжалостные меры в условиях войны еще можно было оправдать, но их продолжали применять и в мирное время. В начале своего правления Веспасиан только не мешал злоупотреблениям других, позднее же, избалованный удачами, поощряемый дурными советчиками, стал позволять их себе и сам. Муциан тратил на военные нужды немало и собственных денег,— тем охотнее, что он их с лихвой возмещал из государственных сумм. Другие следовали его примеру и тоже расходовали свои средства, но восполнять их теми способами, какие применял он, позволяли себе весьма немногие.

85. Дела Веспасиана пошли еще успешнее, после того как на его сторону перешла иллирийская армия. В Мёзии третий легион подал пример остальным, т. е. восьмому и седьмому Клавдиеву, которые, хотя и не участвовали в битве при Бедриаке, были страстно преданы Отону. Заняв Аквилею, они разогнали всех, кто распространял сведения о смерти Отона, разгромили

отряды, несшие на своих значках изображения Вителлия, и кончили тем, что разграбили и поделили между собой казну. Оказавшись таким образом в лагере противников принцепса, они испугались, а испугавшись, сообразили, что провинности перед Вителлием можно представить как заслуги перед Веспасианом. Тогда они отправили в Паннонию письмо, в котором убеждали стоявшую там армию присоединиться к ним, а на случай отказа стали готовиться к вооруженному столкновению. В разгар всех этих событий правитель Мёзии Апоний Сатурнин решился на гнусное преступление: прикрывая политическими соображениями личную вражду, он поручил одному из центурионов убить легата седьмого легиона Теттия Юлиана. Юлиан, узнав о грозящей ему опасности, связался с людьми, хорошо знающими тамошние места, окольными дорогами пересек Мёзию и скрылся по ту сторону Гэмских гор. Он и в дальнейшем не принимал участия в гражданской войне: выехав к Веспасиану, он то замедлял, то ускорял свой путь в зависимости от поступавших к нему вестей и в конце концов так до Веспасиана и не добрался.

86. Тем временем в Паннонии тринадцатый и седьмой Гальбанский легионы, удрученные и обозленные разгромом под Бедриаком, без всяких промедлений присоединились к Веспасиану, главным образом под влиянием Прима Антония. Этот человек, не уважавший законы, осужденный при Нероне за подлог, был возвращен в число сенаторов,— как будто и без того война принесла нам мало бедствий. Поставленный Гальбой во главе седьмого легиона, Антоний, если верить молве, много раз писал Отону и вызывался возглавить его сторонников. Отон пренебрег его предложениями, и во время отонианской войны Антоний остался не у дел. Когда положение Вителлия только начало колебаться, он перешел на сторону Веспасиана, и этот переход имел тогда большое значение. Антоний был лихой рубака, бойкий на язык, мастер сеять смуту, ловкий зачинщик раздоров и мятежей, грабитель и расточитель, в мирное время нестерпимый, но на войне небесполезный. Мёзийская и паннонская армии, таким образом, объединились и увлекли за собой войска, расположенные в Далмации, хотя консульские легаты в этих провинциях вовсе не были склонны к мятежу. Паннонией правил Тампий Флавиан, Далма-

цией — Помпей Сильван, и тот, и другой — люди богатые и старые. Был там, однако, еще и прокуратор Корнелий Фуск, человек в расцвете сил и знатного рода. Еще в ранней молодости, горя желанием побыстрее разбогатеть, он вышел из сенаторского сословия. Он был одним из главных магистратов своей родной колонии и вместе с ней перешел на сторону Гальбы, что принесло ему, наконец, вожделенное место прокуратора; присоединившись же к Веспасиану, Фуск сделался ярым вдохновителем войны. Опасности он любил больше, чем блага, добываемые их ценой, крайние и рискованные меры предпочитал испытанным и верным. Фуск объединился с Антонием, и они вместе принялись разжигать ненависть солдат, напоминая об обидах, некогда им нанесенных, и бередя старые раны. Было составлено обращение к солдатам четырнадцатого легиона, расположенного в Британии, и первого, стоявшего в Испании,— оба они не так давно выступали на стороне Отона против Вителлия; галльские провинции были засыпаны подметными письмами, и в мгновение ока на огромных пространствах забушевала война. Иллирийская армия открыто изменила Вителлию, остальные решили положиться на судьбу.

87. Пока Веспасиан и руководители его партии вели в провинциях эти приготовления, Вителлий лениво двигался к Риму, останавливаясь в каждом муниципии, на каждой вилле, где только можно было приятно провести время. День ото дня он становился все более беспомощным и вызывал к себе все большее презрение. За ним следом шло шестьдесят тысяч разнузданных и наглых солдат, еще больше войсковой прислуги и обозных рабов, выделявшихся своей развращенностью даже среди невольников, и свита, состоявшая из такого количества официальных лиц и знакомых императора, что с ними нельзя было бы справиться и при самой строгой дисциплине. Толпа эта еще увеличивалась за счет сенаторов и всадников, которые выехали из столицы навстречу принцепсу, одни — движимые страхом, другие — подобострастием, остальные, число которых понемногу росло,— боязнью отстать от других. Со всех сторон сбегались шуты, лицедеи, возницы; некогда они тешили Вителлия своим искусством, он не забыл этих участников своих постыдных похождений и встречал их с радостью, повергавшей многих в недоумение. Вся эта масса войск опустошала

не только колонии и муниципии, но даже усадьбы земледельцев; нивы, уже колосившиеся новым урожаем, они вытаптывали, как будто шли по земле врага.

88. Со времени беспорядков в Тицине легионеры продолжали враждовать с солдатами вспомогательных войск; они беспрерывно ссорились, убивали друг друга и примирялись, только чтобы выступить вместе против мирных жителей. Самое большое побоище произошло у седьмого камня, не доходя Рима. Вителлий начал здесь раздавать солдатам паек — каждому поодиночке, будто откармливал гладиаторов; сбежавшиеся со всех сторон местные жители проникли в лагерь и смешались с солдатами. Несколько человек из простонародья придумали нелепую шутку: они потихоньку срезали портупеи у ничего не подозревавших солдат, а потом спрашивали, где их оружие. Воины, не привыкшие сносить насмешки, возмутились и с обнаженными мечами бросились на безоружную толпу. Среди прочих был убит отец одного из них, пришедший проводить сына; когда это стало известно, солдаты утихли и решили пощадить ни в чем не повинных людей. Рим тем не менее был охвачен паникой, так как жители успели познакомиться с солдатами, вступившими в город еще до прибытия армии. Солдаты эти стремились прежде всего попасть на Форум: им не терпелось взглянуть на то место, где несколькими месяцами ранее лежал труп Гальбы. Одетые в звериные шкуры, с огромными дротами, наводившими ужас на окружающих, они представляли дикое зрелище. Непривычные к городской жизни, они то попадали в самую гущу толпы и никак не могли выбраться, то скользили на мостовой, падали, если кто-нибудь с ними сталкивался, тут же разражались руганью, лезли в драку и, наконец, хватались за оружие. Даже трибуны и префекты носились по городу во главе вооруженных банд, наводя повсюду страх и трепет.

89. Сам Вителлий, в боевом плаще, опоясанный мечом, верхом на великолепном скакуне, тронулся с Мульвиева моста, гоня перед собой сенаторов и народ, как победитель, въезжающий в покоренный город. Друзья, однако, посоветовали ему так в Рим не входить; он испугался, сменил плащ на тогу и вступил в столицу во главе армии, шедшей в сомкнутом строю. Впереди двигались орлы четырех легионов, по обеим их сторонам — вымпелы четырех остальных, сле-

дом — двенадцать значков кавалерийских отрядов, легионеры, конница и тридцать четыре пешие когорты, разделенные по племенам и видам оружия. Перед орлами шагали, все в белом, префекты лагерей, трибуны и первые центурионы первых десяти манипул; остальные центурионы, сверкая оружием и знаками отличия, шли каждый впереди своей центурии; фалеры и нагрудные украшения солдат блестели на солнце. Великолепное зрелище, великолепная армия, достойная не такого полководца, как Вителлий! Он поднялся на Капитолий, обнял мать и назвал ее почетным именем Августы.

90. На следующий день Вителлий произнес пышную речь, в которой восхвалял самого себя, свою энергию и миролюбие. Можно было подумать, что он выступает перед сенатом и народом чужой страны: ведь и приближенные, и те, кто сейчас слушали его, и Италия, по которой он только что прошел, бесстыдно выставляя напоказ свое распутство и лень,— все были свидетелями его преступлений. И тем не менее неспособная отличать истину от лжи, приученная к лести бессмысленная толпа покрыла его речь возгласами одобрения. Как он ни отказывался, его заставили принять имя Августа — титул, который никак не пристал Вителлию, независимо от того, соглашался он принять его или нет.

91. В нашем государстве люди склонны искать толкование для любого события, и когда Вителлий, ставши верховным понтификом, распорядился провести в пятнадцатый день августовских календ публичное богослужение, все восприняли это как недоброе предзнаменование: день этот, отмеченный поражением на Кремере и аллийским разгромом, издавна считался несчастливым. Вителлий, однако, ничего не смыслил ни в человеческих, ни в божественных установлениях, он поступал по советам друзей, столь же глупых и легкомысленных, как его вольноотпущенники, и к тому же всегда казавшихся пьяными. Правда, он, как простой гражданин, отстаивал на консульских комициях своих кандидатов, ходил в театры, аплодировал в цирке и, сидя там, внимательно прислушивался ко всем мнениям, высказывавшимся в толпе, вплоть до самых вздорных. Такое поведение, будь оно выражением высоких душевных качеств, конечно, обеспечило бы Вителлию любовь и популярность, но так как все помни-

ли его прошлую жизнь, то оно выглядело непристойным и вульгарным. Он часто бывал в сенате, даже когда там обсуждались незначительные вопросы. Однажды кандидат в преторы Приск Гельвидий выступил против него. В первую минуту Вителлий вспылил, но овладел собой и лишь обратился к народным трибунам с просьбой защитить авторитет власти, попранный в его лице. Друзья, опасаясь, как бы гнев не завел его далеко, стали его успокаивать. «Нет ничего странного в том,— отвечал Вителлий,— что два сенатора, обсуждая государственные дела, разошлись во мнениях», и добавил, что сам он много раз выступал против Тразеи. Сравнение было настолько нескромным, что многие рассмеялись; некоторым, однако, понравилось, что в качестве подлинного образца он назвал Тразею, а не кого-нибудь из стоявших у власти.

92. Во главе претория Вителлий поставил префекта одной из когорт Публилия Сабина и центуриона Юлия Приска; первому покровительствовал Цецина, второму — Валент. Окруженный распрями, Вителлий не имел настоящей власти,— Цецина и Валент правили за него. Их давняя ненависть друг к другу, которую в походах и лагерях как-то удавалось скрывать, теперь в столице, где поводы для ссор столь обильны, разжигаемая коварными друзьями, разгорелась еще сильнее. Они старались перещеголять друг друга числом сторонников, пышностью свиты, обилием клиентов, ожидавших их выхода по утрам. Вителлий, непостоянный в своих привязанностях, склонялся на сторону то одного, то другого; на власть, зависящую от произвола правителя, никогда нельзя по-настоящему положиться. Оба они презирали и боялись принцепса, вечно колебавшегося, осыпавшего их то беспричинными оскорблениями, то неуместными ласками, что не мешало им захватывать дома, сады, сокровища казны, в то время как толпы аристократов, возвращенных Гальбой из ссылки, обремененных детьми, жалких и нищих, не получали от принцепса никакого вспомоществования. Эти отпрыски знатнейших родов государства с радостью приняли распоряжение Вителлия, одобренное даже и чернью, по которому вернувшимся из ссылки гарантировались обычные права патрона на своих вольноотпущенников. Хитрые рабы, однако, всячески нарушали это распоряжение, то пряча свои деньги, то

 помещая их под чье-либо высокое покровительство;

некоторые даже жили теперь в императорском дворце и стали могущественнее своих господ.

93. Солдаты не умещались в лагере, переполняли портики и храмы, бродили по всему городу. Они забыли о строе, о дежурствах, об укрепляющей тело работе и предались таким развлечениям, о которых даже стыдно говорить; безделье губило их тела, низкие страсти — душу. Даже о сохранении своей жизни люди перестали заботиться — многие расположились лагерем в гиблом Ватиканском овраге и умирали один за другим. Томимые жарой и постоянным желанием освежиться, галлы и германцы, и без того болезненные, беспрерывно купались в протекавшем неподалеку Тибре, и это ослабляло их еще больше. Обычный порядок прохождения службы был нарушен из-за интриг и всеобщей распущенности: формировалось шестнадцать когорт претория и четыре городской стражи, по тысяче человек каждая, и Валент, утверждавший, что он некогда спас Цецину от гибели, на этом основании набирал теперь в преторианцы и городскую стражу кого ему заблагорассудится. Появление Валента с войсками в свое время действительно обеспечило победу вителлианцев; удачный исход сражения заставил забыть недобрые слухи о том, что Валент шел к Бедриаку подозрительно медленно, и теперь все солдаты нижнегерманской армии были на его стороне. Говорят, что именно в эти дни Цецина впервые поколебался в своей преданности Вителлию.

94. Впрочем, если Вителлий и закрывал глаза на своеволие командиров, еще больше потакал он солдатам. Каждый сам выбирал себе род войск. Любой, пусть и недостойный, мог, если только ему взбрело на ум, проходить службу в столице, и наоборот, даже самый хороший солдат, стоило ему захотеть, оставался в легионах или кавалерийских отрядах. Немало легионеров, измученных болезнями и жарой, выражали такое желание. Так или иначе, легионы лишились основных своих сил, а престижу римского гарнизона, в который влили двадцать тысяч человек, навербованных без разбора по всей армии, был нанесен тяжкий удар.

Однажды, когда Вителлий проводил солдатскую сходку, раздались голоса, требовавшие казни Азиатика, Флава и Руфина — галльских вождей, воевавших на стороне Виндекса, и Вителлий даже не попытался обуздать крикунов. Дело заключалось не только в его

природной глупости и слабости: он понимал, что приближается день, когда солдатам придется выдать вознаграждение, денег у него не было, и он старался задобрить их любым другим способом. На императорских вольноотпущенников наложили подать по числу рабов, которым каждый из них владел. Сам же Вителлий, умевший только тратить, строил конюшни своим возничим, свозил отовсюду гладиаторов и диких зверей для зрелищ, которые собирался устраивать, как будто владел несметными богатствами.

95. День рождения Вителлия, прежде никем не отмечавшийся, Цецина и Валент отпраздновали с редким великолепием, устроив гладиаторские бои в каждом квартале Рима. Радость негодяев и возмущение людей порядочных вызвали жертвоприношения в память Нерона, устроенные Вителлием у жертвенника, сооруженного для этой цели на Марсовом поле. Жертвенных животных убивали и сжигали во славу римского народа, жертвенный огонь разводили жрецы-августалы,— был восстановлен весь обряд, созданный Ромулом в честь царя Татия и Цезарем Тиберием для прославления рода Юлиев. Не прошло еще и четырех месяцев со времени победы Вителлия, а уж его вольноотпущенник Азиатик возбудил к себе такую же ненависть, как в былые годы поликлиты, патробии и им подобные. Никто в этом доме не пытался выдвинуться с помощью честности или трудолюбия, к власти вел только один путь — тешить ненасытные вожделения Вителлия оргиями и пирами, один другого роскошней и расточительней. Сам принцепс радовался тому, что может наслаждаться, пока есть время, о будущем старался не думать и, как говорят, за несколько месяцев проел двести миллионов сестерциев. Целый год пришлось злосчастному городу терпеть Отона и Вителлия, сносить обиды и оскорбления от виниев, фабиев, икелов, азиатиков, пока не явились Муциан и Марцелл,— другие люди, но с теми же нравами.

96. Первое сообщение о мятеже в армии, полученное Вителлием, касалось третьего легиона и было послано Апонием Сатурнином еще до того, как сам он примкнул к партии Веспасиана. По письму Апония, перепуганного внезапно развернувшимися событиями, трудно было судить, какой размах они приняли, льстивые же придворные старались преуменьшить значение

 случившегося, уверяя, что взбунтовался всего-навсего

один легион и что остальная армия сохраняет верность императору. В этом духе Вителлий и произнес речь перед солдатами. Он обрушился на недавно демобилизованных преторианцев, которые, по его словам, занимались распространением всех этих ложных слухов, не упомянул ни об опасности гражданской войны, ни даже имени Веспасиана и разослал по городу солдат, приказав им пресекать все опасные разговоры. Эта последняя мера как раз и дала больше всего пищи для разнотолков.

97. Тем не менее Вителлий стал вызывать войска из Германии, Британии и Испании, не торопясь и делая вид, что ему не грозит никакая опасность. Не спешили и провинции во главе со своими легатами. Гордеоний Флакк, которому поведение батавов уже тогда начало казаться подозрительным, больше думал о войне, угрожавшей ему самому; Веттий Болан управлял страной, где никогда не было настоящего спокойствия; оба колебались, не зная, на чью сторону лучше стать. Из испанских провинций, лишенных в ту пору единой верховной власти, тоже никто не торопился на помощь Вителлию; легаты всех трех легионов были равны по своему положению; если бы удача сопутствовала Вителлию, они стремились бы перещеголять друг друга в угодливости, теперь же, когда его положение пошатнулось, они с редким единодушием старались держаться от него подальше. В Африке легион и отдельные когорты, набранные Клодием Макром и вскоре распущенные Гальбой, по приказу Вителлия снова вернулись в строй. Молодежь, не попавшая в этот набор, тоже охотно записывалась в солдаты. Дело в том, что и Вителлий, и Веспасиан в разное время были проконсулами Африки, и первого вспоминали здесь с уважением и благодарностью, в то время как имя второго повторяли с ненавистью и злобой. На этих-то воспоминаниях провинциалы и строили свои предположения о будущем правлении каждого из них, предположения, опровергнутые дальнейшим ходом событий.

98. Сначала легат Валерий Фест от всей души поощрял эти настроения провинциалов. Вскоре, однако, он повел двойную игру: в донесениях и эдиктах открыто поддерживал Вителлия, а секретно сообщаемыми сведениями втайне помогал Веспасиану, рассчитывая выждать и выступить на стороне той партии, которая

возьмет верх. Из числа солдат и центурионов, разосланных Веспасианом с письмами и эдиктами по Реции и галльским провинциям, лишь немногие были схвачены, доставлены к Вителлию и казнены, остальным удалось обмануть бдительность вителлианцев: одних спрятали друзья, другие сумели скрыться сами. Так или иначе, о приготовлениях Вителлия было известно все, о замыслах Веспасиана — почти ничего. Причиной тому были и глупость Вителлия, и заставы в Паннонских Альпах, задерживавшие гонцов, и этезийские ветры, благоприятные кораблям, шедшим на Восток, но мешавшие тем, кто плыл в противоположную сторону.

99. Перепуганный продвижением противника и доходившими со всех сторон зловещими вестями, Вителлий приказал Цецине и Валенту двинуться на врага. Цецина отправился вперед; Валент задержался в Риме, так как был еще слишком слаб после только что перенесенной тяжелой болезни. Уходившие из города войска мало походили на прежнюю германскую армию: воины не чувствовали более ни сил в теле, ни бодрости в душе; они шли медленно, несомкнутым строем, оружие едва не падало из ослабевших рук, кони шатались от истощения. Измученные жарой, пылью, резкими переменами погоды, солдаты были изнурены и неспособны переносить трудности походной жизни, но тем более склонны к бунтам и ссорам. Сам Цецина, обычно полный энергии, теперь как бы впал в оцепенение,— то ли этот баловень судьбы растратил в оргиях все свои силы, то ли вынашивал измену и разложение армии входило в его планы. Многие думали, что к измене он начал склоняться под влиянием Флавия Сабина. Действовавший по поручению Сабина Рубрий Галл уверял Цецину, что Веспасиан примет все его условия, разжигал его зависть и ненависть к Валенту, убеждал добиваться влияния при новом дворе и милостей нового принцепса, раз Вителлий не оценил его по заслугам.

100. Вителлий осыпал Цецину почестями, обнял его на прощание, и тот выступил в поход, отправив вперед часть кавалерии с приказом занять Кремону. Вслед за Цециной двинулись отдельные подразделения первого, четвертого, пятнадцатого и шестнадцатого легионов, за ними — пятый и двадцать второй; наконец, по-

 ходным строем пошли двадцать первый Стремитель-

ный и первый Италийский, сопровождаемые отдельными подразделениями трех британских легионов и отборными отрядами вспомогательных войск. Уже после того как Цецина выступил, Валент написал в те легионы, которыми прежде командовал, письмо, прося солдат остановиться и подождать его и уверяя, что о задержке этой он с Цециной договорился. Цецина сам шел с армией и, воспользовавшись этим, убедил солдат, что договоренность его с Валентом будто бы была позже изменена и что не следует дробить войско перед лицом надвигающейся опасности. Одним легионам он приказал быстро идти на Кремону, другим — двигаться на Гостилию, сам же, под предлогом, что ему нужно договориться с флотом, свернул на Равенну и вскоре, в поисках возможности начать тайные переговоры с противником, оказался в Патавии. Во главе Равеннского и Мизенского флотов стоял Луцилий Басс. Вителлий назначил его — простого префекта кавалерийского отряда — командиром двух флотов. Луцилий, однако, счел себя оскорбленным тем, что его тут же следом не сделали префектом претория, и принялся с подлым коварством выискивать, на чем бы выместить свою бессмысленную ярость. Сейчас уже нельзя сказать, он ли увлек за собой Цецину или, как это часто бывает,— у недобрых людей мысли сходятся,— одни и те же дурные наклонности двигали обоими.

101. Писатели, которые рассказывали историю этой войны во время правления Флавиев, из лести объясняли измену Цецины и других их заботами о мире и любовью к родине. Нам же кажется, что людьми этими,— не говоря уж об их непостоянстве и готовности, раз изменив Гальбе, изменять кому угодно,— двигали соперничество и зависть; они готовы были погубить Вителлия, лишь бы не уступить его расположение кому-нибудь другому. Вернувшись к своим легионам, Цецина принялся разными хитростями восстанавливать центурионов и солдат против Вителлия, которому они были фанатически преданы. Басс действовал в том же направлении, но ему было не так трудно добиться своей цели: моряки, еще недавно воевавшие за Отона, и без того склонялись к измене.

АННАЛЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

1. ГОРОДОМ Римом от его начала правили цари: народовластие и консулат установил Луций Брут. Лишь на короткое время вводилась единоличная диктатура; власть децемвиров длилась не дольше двух лет, недолго существовали и консульские полномочия военных трибунов. Ни владычество Цинны, ни владычество Суллы не было продолжительным, и могущество Помпея и Красса вскоре перешло к Цезарю, а оружие Лепида и Антония — к Августу, который под именем принцепса принял под свою руку истомленное гражданскими раздорами государство. Но о древних делах народа римского, счастливых и несчастливых, писали прославленные историки; не было недостатка в блестящих дарованиях и для повествования о времени Августа, пока их не отвратило от этого все возраставшее пресмыкательство пред ним. Деяния Тиберия и Гая, а также Клавдия и Нерона, покуда они были всесильны, из страха пред ними были излагаемы лживо, а когда их не стало — под воздействием оставленной ими по себе еще свежей ненависти. Вот почему я намерен, в немногих словах рассказав о событиях под конец жизни Августа, повести в дальнейшем рассказ о принципате Тиберия и его преемников, без гнева и пристрастия, причины которых от меня далеки.

2. Когда после гибели Брута и Кассия республиканское войско перестало существовать и когда Помпей был разбит у Сицилии, отстранен от дел Лепид, умер Антоний, не осталось и у юлианской партии другого вождя, кроме Цезаря, который, отказавшись от звания триумвира, именуя себя консулом и якобы довольствуясь трибунскою властью для защиты прав простого народа, сначала покорил своими щедротами воинов, раздачами хлеба — толпу и всех вместе — сладостными

благами мира, а затем, набираясь мало-помалу силы, начал подменять собою сенат, магистратов и законы, не встречая в этом противодействия, так как наиболее непримиримые пали в сражениях и от проскрипций, а остальные из знати, осыпанные им в меру их готовности к раболепию богатством и почестями и возвысившиеся благодаря новым порядкам, предпочитали безопасное настоящее исполненному опасностей прошлому. Не тяготились новым положением дел и провинции: ведь по причине соперничества знати и алчности магистратов доверие к власти, которой располагали сенат и народ, было подорвано, и законы, нарушаемые насилием, происками, наконец подкупом, ни для кого не были надежною защитой.

3. И вот Август, стремясь упрочить свое господство, возвеличил Клавдия Марцелла, еще совсем юного сына своей сестры, сделав его верховным жрецом, а также курульным эдилом, и Марка Агриппу, родом незнатного, но хорошего полководца, разделявшего с ним славу победы,— предоставляя ему консульство два года сряду и позднее, после кончины Марцелла, взяв его в зятья. Своих пасынков Тиберия Нерона и Клавдия Друза он наделил императорским титулом, хотя все его дети были тогда еще живы. Ведь он принял в род Цезарей сыновей Агриппы, Гая и Луция, и страстно желал, чтобы они, еще не снявшие отроческую претексту, были провозглашены главами молодежи и наперед избраны консулами, хотя по видимости и противился этому. После того как Агриппы не стало, Луция Цезаря, направлявшегося к испанским войскам, и Гая, возвращавшегося из Армении с изнурительной раною, унесла смерть, ускоренная судьбой или кознями мачехи Ливии, а Друз умер еще ранее, Нерон остался единственным пасынком принцепса. Все внимание теперь устремляется на него одного. Август усыновляет его, берет себе в соправители, делит с ним трибунскую власть; и уже не в силу темных происков Ливии, как прежде,— теперь его открыто почитают и превозносят во всех войсках. Более того, Ливия так подчинила себе престарелого Августа, что тот выслал на остров Планазию единственного своего внука Агриппу Постума, молодого человека с большой телесной силой, буйного и неотесанного, однако не уличенного ни в каком преступлении. Правда, во главе восьми легионов на Рейне Август все же поставил сы-

на Друза — Германика и приказал Тиберию усыновить его: хотя у Тиберия был родной сын юношеского возраста, представлялось желательным укрепить семью дополнительною опорой. Войны в эти годы не было, за исключением войны против германцев, продолжавшейся скорее для того, чтобы смыть позор поражения и гибели целого войска вместе с Квинтилием Варом, чем из стремления распространить римскую власть или ради захвата богатой добычи. Внутри страны все было спокойно, те же неизменные наименования должностных лиц; кто был помоложе, родился после битвы при Акции, даже старики, и те большей частью — во время гражданских войн. Много ли еще оставалось тех, кто своими глазами видел республику?

4. Итак, основы государственного порядка претерпели глубокое изменение, и от общественных установлений старого времени нигде ничего не осталось. Забыв о еще недавнем всеобщем равенстве, все наперебой ловили приказания принцепса; настоящее не порождало опасений, покуда Август, во цвете лет, деятельно заботился о поддержании своей власти, целостности своей семьи и гражданского мира. Когда же в преклонном возрасте его начали томить недуги и телесные немощи и стал приближаться его конец, пробудились надежды на перемены и некоторые принялись толковать впустую о благах свободы, весьма многие опасались гражданской войны, иные — желали ее. Большинство, однако, на все лады разбирало тех, кто мог стать их властелином: Агриппа — жесток, раздражен нанесенным ему бесчестием и ни по летам, ни по малой опытности в делах непригоден к тому, чтобы выдержать такое бремя; Тиберий Нерон — зрел годами, испытан в военном деле, но одержим присущей роду Клавдиев надменностью, и часто у него прорываются, хотя и подавляемые, проявления жестокости. С раннего детства он был воспитан при дворе принцепса; еще в юности превознесен консульствами и триумфами; и даже в годы, проведенные им на Родосе под предлогом уединения, а в действительности изгнанником, он не помышлял ни о чем ином, как только о мести, притворстве и удовлетворении тайных страстей. Ко всему этому еще его мать с ее женской безудержностью: придется рабски повиноваться жен-
 щине и, сверх того, двоим молодым людям, которые

какое-то время будут утеснять государство, а когда-нибудь и расчленят его.

5. Пока шли эти и им подобные толки, здоровье Августа ухудшилось, и некоторые подозревали, не было ли тут злого умысла Ливии. Ходил слух, что за несколько месяцев перед тем Август, открывшись лишь нескольким избранным и имея при себе только Фабия Максима, отплыл на Планазию, чтобы повидаться с Агриппой; здесь с обеих сторон были пролиты обильные слезы и явлены свидетельства взаимной любви, и отсюда возникло ожидание, что юноша будет возвращен пенатам деда; Максим открыл эту тайну своей жене Марции, та — Ливии. Об этом стало известно Цезарю; и когда вскоре после того Максим скончался,— есть основания предполагать, что он лишил себя жизни,— на его похоронах слышали причитания Марции, осыпавшей себя упреками в том, что она сама была причиною гибели мужа. Как бы то ни было, но Тиберий, едва успевший прибыть в Иллирию, срочно вызывается материнским письмом; не вполне выяснено, застал ли он Августа в городе Ноле еще живым или уже бездыханным. Ибо Ливия, выставив вокруг дома и на дорогах к нему сильную стражу, время от времени, пока принимались меры в соответствии с обстоятельствами, распространяла добрые вести о состоянии принцепса, как вдруг молва сообщила одновременно и о кончине Августа, и о том, что Нерон принял на себя управление государством.

6. Первым деянием нового принципата было убийство Агриппы Постума, с которым, застигнутым врасплох и безоружным, не без тяжелой борьбы справился действовавший со всею решительностью центурион. Об этом деле Тиберий не сказал в сенате ни слова; он создавал видимость, будто так распорядился его отец, предписавший трибуну, приставленному для наблюдения за Агриппой, чтобы тот не замедлил предать его смерти, как только принцепс испустит последнее дыхание. Август, конечно, много и горестно жаловался на нравы этого юноши и добился, чтобы его изгнание было подтверждено сенатским постановлением; однако никогда он не ожесточался до такой степени, чтобы умертвить кого-либо из членов своей семьи, и маловероятно, чтобы он пошел на убийство внука ради безопасности пасынка. Скорее Тиберий и Ливия — он из

страха, она из свойственной мачехам враждебности — поторопились убрать внушавшего подозрения и ненавистного юношу. Центуриону, доложившему согласно воинскому уставу, об исполнении отданного ему приказания, Тиберий ответил, что ничего не приказывал и что отчет о содеянном надлежит представить сенату. Узнав об этом, Саллюстий Крисп, который был посвящен в эту тайну (он сам отослал трибуну письменное распоряжение) и боясь оказаться виновным — ведь ему было равно опасно и открыть правду, и поддерживать ложь,— убедил Ливию, что не следует распространяться ни о дворцовых тайнах, ни о дружеских совещаниях, ни об услугах воинов и что Тиберий не должен умалять силу принципата, обо всем оповещая сенат: такова природа власти, что отчет может иметь смысл только тогда, когда он отдается лишь одному.

7. А в Риме тем временем принялись соперничать в изъявлении раболепия консулы, сенаторы, всадники. Чем кто был знатнее, тем больше он лицемерил и подыскивал подобающее выражение лица, чтобы не могло показаться, что он или обрадован кончиною принцепса, или, напротив, опечален началом нового принципата; так они перемешивали слезы и радость, скорбные сетования и лесть. Консулы Секст Помпей и Секст Аппулей первыми принесли присягу на верность Тиберию; они же приняли ее у Сея Страбона, префекта преторианских когорт, и Гая Туррания, префекта по снабжению продовольствием; вслед за тем присягнули сенат, войска и народ. Ибо Тиберий все дела начинал через консулов, как если бы сохранялся прежний республиканский строй и он все еще не решался властвовать; даже эдикт, которым он созывал сенаторов на заседание, был издан им с ссылкою на трибунскую власть, предоставленную ему в правление Августа. Эдикт был немногословен и составлен с величайшею сдержанностью: он намерен посоветоваться о почестях скончавшемуся родителю; он не оставляет заботы о теле покойного, и это единственная общественная обязанность, которую он присвоил себе. Между тем после кончины Августа Тиберий дал пароль преторианским когортам, как если бы был императором; вокруг него были стража, телохранители и все прочее,

 что принято при дворе. Воины сопровождали его на

форум и в курию. Он направил войскам послания, словно принял уже титул принцепса, и вообще ни в чем, кроме своих речей в сенате, не выказывал медлительности. Основная причина этого — страх, как бы Германик, опиравшийся на столькие легионы, на сильнейшие вспомогательные войска союзников и исключительную любовь народа, не предпочел располагать властью, чем дожидаться ее. Но Тиберий все же считался с общественным мнением и стремился создать впечатление, что он скорее призван и избран волей народною, чем пробрался к власти происками супруги принцепса и благодаря усыновлению старцем. Позднее обнаружилось, что он притворялся колеблющимся ради того, чтобы глубже проникнуть в мысли и намерения знати; ибо, наблюдая и превратно истолковывая слова и выражения лиц, он приберегал все это для обвинений.

8. На первом заседании сената Тиберий допустил к обсуждению только то, что имело прямое касательство к последней воле и похоронам Августа, в чьем завещании, доставленном девами Весты, было записано, что его наследники — Тиберий и Ливия; Ливия принималась в род Юлиев и получала имя Августы. Вторыми наследниками назначались внуки и правнуки, а в третью очередь — наиболее знатные граждане, и среди них очень многие, ненавистные принцепсу, о которых он упомянул из тщеславия и ради доброй славы в потомстве. Завещанное не превышало оставляемого богатыми гражданами, если не считать сорока трех миллионов пятиста тысяч сестерциев, отказанных казне и простому народу, и денег для раздачи по тысяче сестерциев каждому воину преторианских когорт, по пятисот — воинам римской городской стражи и по триста — легионерам и воинам из когорт римских граждан. Затем перешли к обсуждению погребальных почестей; наиболее значительные были предложены Галлом Азинием — чтобы погребальное шествие проследовало под триумфальною аркой, и Луцием Аррунцием — чтобы впереди тела Августа несли заголовки законов, которые он издал, и наименования покоренных им племен и народов. К этому Мессала Валерий добавил, что надлежит ежегодно возобновлять присягу на верность Тиберию; на вопрос Тиберия, выступает ли он с этим предложением, по его, Тиберия, просьбе, тот ответил, что говорил по

своей воле и что во всем, касающемся государственных дел, он намерен и впредь руководствоваться исключительно своим разумением, даже если это будет сопряжено с опасностью вызвать неудовольствие; такова была единственная разновидность лести, которая оставалась еще неиспользованной. Сенат единодушными возгласами выражает пожелание, чтобы тело было отнесено к костру на плечах сенаторов. Тиберий с высокомерною скромностью отклонил это и обратился к народу с эдиктом, в котором увещевал его не препятствовать сожжению тела на Марсовом поле в установленном месте и не пытаться совершить это на форуме, возбуждая из чрезмерного рвения беспорядки, как некогда на похоронах божественного Юлия. В день похорон Августа воины были расставлены словно для охраны, и это вызвало многочисленные насмешки всех, кто видел собственными глазами или знал по рассказам родителей события того знаменательного дня, когда еще не успели привыкнуть к порабощению и была столь несчастливо снова обретена свобода и когда убийство диктатора Цезаря одним казалось гнуснейшим, а другим величайшим деянием; а теперь старика принцепса, властвовавшего столь долго и к тому же снабдившего своих наследников средствами против народовластия, считают необходимым охранять с помощью воинской силы, дабы не было потревожено его погребение.

9. И затем — бесконечные толки о самом Августе, причем очень многих занимал такой вздор, как то, что тот же день года, в который некогда он впервые получил власть, стал для него последним днем жизни и что жизнь свою он окончил в Ноле, в том же доме и том же покое, где окончил ее и Октавий, его отец. Называли также число его консульств, которых у него было столько же, сколько у Валерия Корва и Гая Мария вместе; трибунская власть находилась в его руках на протяжении тридцати семи лет, титулом императора он был почтен двадцать один раз, и неоднократно возобновлялись другие его почетные звания и присуждались новые. Среди людей мыслящих одни на все лады превозносили его жизнь, другие — порицали. Первые указывали на то, что к гражданской войне — а ее нельзя ни подготовить, ни вести, соблюдая добрые нравы,— его принудили почтительная любовь к отцу и бедст-

венное положение государства, в котором тогда не было места законам. Во многом он пошел на уступки Антонию, стремясь отомстить убийцам отца, во многом — Лепиду. После того как этот утратил влияние по неспособности, а тот опустился, погрязнув в пороках, для истощаемой раздорами родины не оставалось иного спасения, кроме единовластия; но, устанавливая порядок в государстве, он не присвоил себе ни царского титула, ни диктатуры, а принял наименование принцепса: ныне империя ограждена морем Океаном и дальними реками; легионы, провинции, флот — все между собою связано; среди граждан — правосудие, в отношении союзников — умеренность; сам город украсился великолепным убранством; лишь немногого было совершено насилием, чтобы во всем остальном были обеспечены мир и покой.

10. Другие возражали на это: почтительная любовь к отцу и тяжелое положение государства — не более как предлог; из жажды власти он привлек ветеранов щедрыми раздачами; будучи еще совсем молодым человеком и частным лицом, он набрал войско, подкупил легионы консула, изображал приверженность к партии помпеянцев; затем, когда по указу сената он получил фасции и права претора и когда были убиты Гирций и Панса,— принесли ли им гибель враги или Пансе — влитый в его рану яд, а Гирцию — его же воины и замысливший это коварное дело Цезарь,— он захватил войска того и другого; вопреки воле сената, он вырвал у него консульство, и оружие, данное ему для борьбы с Антонием, обратил против республики; далее, проскрипции граждан, разделы земель, не находившие одобрения даже у тех, кто их проводил. Пусть конец Кассия и обоих Брутов — это дань враждебности к ним в память отца, хотя подобало бы забыть личную ненависть ради общественной пользы; но Помпей был обманут подобием мира, а Лепид личиною дружбы; потом и Антоний, усыпленный соглашениями в Таренте и Брундизии, а также браком с его сестрой, заплатил смертью за это коварно подстроенное родство. После этого, правда, наступил мир, однако запятнанный кровью: поражения Лоллия и Вара, умерщвление в Риме таких людей, как Варрон, Эгнаций, Юл. Не забывали и домашних дел Августа: он отнял у Нерона жену и издевательски запросил верхов-

ных жрецов, дозволено ли, зачав и не разрешившись от бремени, вступать во второе замужество. Говорили и о роскоши Тедия и Ведия Поллиона; наконец, также о Ливии, матери, опасной для государства, дурной мачехе для семьи Цезарей. Богам не осталось никаких почестей, после того как он пожелал, чтобы его изображения в храмах были почитаемы фламинами и жрецами как божества. И Тиберия он назначил своим преемником не из любви к нему или из заботы о государстве, но потому, что, заметив в нем заносчивость и жестокость, искал для себя славы от сравнения с тем, кто был много хуже. Ведь несколько лет назад, требуя от сенаторов, чтобы они снова предоставили Тиберию трибунскую власть, Август, хотя речь его и была хвалебною, обронил кое-что относительно осанки, образа жизни и нравов Тиберия, в чем под видом извинения заключалось порицание. Но так или иначе, после того как погребение было совершено с соблюдением всех полагающихся обрядов, сенат постановил воздвигнуть Августу храм и учредить его культ.

11. Затем обращаются с просьбами к Тиберию. А он в ответ уклончиво распространялся о величии империи, о том, как недостаточны его силы. Только уму божественного Августа была под стать такая огромная задача; призванный Августом разделить с ним его заботы, он познал на собственном опыте, насколько тяжелое бремя — единодержавие, насколько все подвластно случайностям. Поэтому пусть не возлагают на него одного всю полноту власти в государстве, которое опирается на стольких именитых мужей; нескольким объединившим усилия будет гораздо легче справляться с обязанностями по управлению им. В этой речи было больше напыщенности, нежели искренности; Тиберий, то ли от природы, то ли по привычке, и тогда, когда ничего не утаивал, обычно выражался расплывчато и туманно. Теперь, когда он старался как можно глубже упрятать подлинный смысл своих побуждений, в его словах было особенно много неясного и двусмысленного. Но сенаторы, которые больше всего боялись как-нибудь обнаружить, что они его понимают, не поскупились на жалобы, слезы, мольбы, они простирали руки к богам, к изображению Августа, к коленям Тиберия; тогда он приказал принести и прочесть памятную

записку. В ней содержались сведения о государственной казне, о количестве граждан и союзников на военной службе, о числе кораблей, о царствах, провинциях, налогах прямых и косвенных, об обычных расходах и суммах, предназначенных для раздач и пожалований. Все это было собственноручно написано Августом, присовокуплявшим совет держаться в границах империи,— неясно, из осторожности или из ревности.

12. На одну из бесчисленных униженных просьб, с которыми сенат простирался перед Тиберием, тот заявил, что, считая себя непригодным к единодержавию, он, тем не менее, не откажется от руководства любой частью государственных дел, какую бы ему ни поручили. Тогда к Тиберию обратился Азиний Галл: «Прошу тебя, Цезарь, указать, какую именно часть государственных дел ты предпочел бы получить в свое ведение?» Растерявшись от неожиданного вопроса, Тиберий не сразу нашелся; немного спустя, собравшись с мыслями, он сказал, что его скромности не пристало выбирать или отклонять что-либо из того, от чего в целом ему было бы предпочтительнее всего отказаться. Тут Галл (по лицу Тиберия он увидел, что тот раздосадован) разъяснил, что со своим вопросом он выступил не с тем, чтобы Тиберий выделил себе долю того, что вообще неделимо, но чтобы своим признанием подтвердил, что тело государства едино и должно управляться волею одного. Он присовокупил к этому восхваление Августу, а Тиберию напомнил его победы и все выдающееся, в течение стольких лет совершенное им на гражданском поприще. Все же он не рассеял его раздражения, издавна ненавистный ему, так как, взяв за себя Випсанию, дочь Марка Агриппы, в прошлом жену Тиберия, он заносился, как казалось Тиберию, выше дозволенного рядовым гражданам, унаследовав высокомерие своего отца Азиния Поллиона.

13. После этого говорил Луций Аррунций, речь которого, мало чем отличавшаяся по смыслу от выступления Галла, также рассердила Тиберия, хотя он и не питал к нему старой злобы; но богатый, наделенный блестящими качествами и пользовавшийся такой же славою в народе, он возбуждал в Тиберии подозрения. Ибо Август, разбирая в своих последних беседах, кто, будучи способен заместить принцепса, не согласится

на это, кто, не годясь для этого, проявит такое желание, а у кого есть для этого и способности, и желание, заявил, что Маний Лепид достаточно одарен, но откажется, Азиний Галл алчет, но ему это не по плечу, а Луций Аррунций достоин этого и, если представится случай, дерзнет. В отношении первых двоих сообщения совпадают, а вместо Аррунция некоторые называют Гнея Пизона. Все они, за исключением Лепида, по указанию принцепса были впоследствии обвинены в различных преступлениях. Квинт Гатерий и Мамерк Скавр также затронули за живое подозрительную душу Тиберия: Гатерий — сказав: «Доколе же, Цезарь, ты будешь терпеть, что государство не имеет главы?» а Скавр — выразив надежду на то, что просьбы сената не останутся тщетными, раз Тиберий не отменил своей трибунскою властью постановления консулов. На Гетерия Тиберий немедленно обрушился, слова Скавра, к которому возгорелся более непримиримой злобой, обошел молчанием. Наконец, устав от общего крика и от настояний каждого в отдельности, Тиберий начал понемногу сдаваться и не то чтобы согласился принять под свою руку империю, но перестал отказываться и тем самым побуждать к уговорам. Рассказывают, что Гатерий, явившись во дворец, чтобы отвести от себя гнев Тиберия, и бросившись к коленям его, когда он проходил мимо, едва не был убит дворцовою стражей, так как Тиберий, то ли случайно, то ли наткнувшись на его руки, упал. Его не смягчила даже опасность, которой подвергся столь выдающийся муж; тогда Гатерий обратился с мольбою к Августе, и лишь ее усердные просьбы защитили его.

14. Много лести расточали сенаторы и Августе. Одни полагали, что ее следует именовать родительницей, другие — матерью отечества, многие, что к имени Цезаря нужно добавить — сын Юлии. Однако Тиберий, утверждая, что почести женщинам надлежит всячески ограничивать, что он будет придерживаться такой же умеренности при определении их ему самому, а в действительности движимый завистью и считая, что возвеличение матери умаляет его значение, не дозволил назначить ей ликтора, запретил воздвигнуть жертвенник Удочерения и воспротивился всему остальному в таком же роде. Но для Цезаря Германи-
 ка он потребовал пожизненной проконсульской вла-

сти, и сенатом была направлена к нему делегация, чтобы оповестить об этом и вместе с тем выразить соболезнование в связи с кончиною Августа. Для Друза надобности в таком назначении не было, так как он находился в то время в Риме и был избран консулом на следующий год. Тиберий назвал двенадцать одобренных им кандидатов на должности преторов — это число было установлено Августом — и в ответ на настоятельные просьбы сенаторов увеличить его поклялся, что оно останется неизменным.

15. Тогда впервые избирать должностных лиц стали сенаторы, а не собрания граждан на Марсовом поле, ибо до этого, хотя все наиболее важное вершилось по усмотрению принцепса, кое-что делалось и по настоянию триб. И народ, если не считать легкого ропота, не жаловался на то, что у него отняли исконное право, да и сенаторы, избавленные от щедрых раздач и унизительных домогательств, охотно приняли это новшество, причем Тиберий взял на себя обязательство ограничиться выдвижением не более четырех кандидатов, которые, впрочем, не подлежали отводу и избрание которых было предрешено. Народные трибуны между тем обратились с ходатайством, чтобы им было разрешено устраивать на свой счет театральные зрелища, которые были бы занесены в фасты и назывались по имени Августа августалиями. Но на это были отпущены средства из казны, и народным трибунам было предписано присутствовать в цирке в триумфальных одеждах, однако приезжать туда на колесницах им разрешено не было. Впоследствии эти ежегодные празднования были переданы в ведение претора, занимавшегося судебными тяжбами между римскими гражданами и чужестранцами.

16. Таково было положение дел в городе Риме, когда в легионах, стоявших в Паннонии, внезапно вспыхнул мятеж, без каких-либо новых причин, кроме того, что смена принцепса открывала путь к своеволию и беспорядкам и порождала надежду на добычу в междоусобной войне. В летнем лагере размещались вместе три легиона, находившиеся под командованием Юния Блеза. Узнав о кончине Августа и о переходе власти к Тиберию, он в ознаменование траура освободил воинов от несения обычных обязанностей. Это повело к тому, что воины распустились, начали бунтовать,

прислушиваться к речам всякого негодяя и в конце концов стали стремиться к праздности и роскошной жизни, пренебрегая дисциплиною и трудом. Был в лагере некий Перценний, в прошлом глава театральных клакёров, затем рядовой воин, бойкий на язык и умевший благодаря своему театральному опыту распалять сборища. Людей бесхитростных и любопытствовавших, какой после Августа будет военная служба, он исподволь разжигал в ночных разговорах или, когда день склонялся к закату, собирая вокруг себя, после того как все благоразумные расходились, неустойчивых и недовольных.

17. Наконец, когда они были уже подготовлены и у него явились сообщники, подстрекавшие воинов к мятежу, он принялся спрашивать их, словно выступая перед народным собранием, почему они с рабской покорностью повинуются немногим центурионам и трибунам, которых и того меньше. Когда же они осмелятся потребовать для себя облегчения, если не сделают этого безотлагательно, добиваясь своего просьбами или оружием от нового и еще не вставшего на ноги принцепса? Довольно они столь долгие годы потворствовали своей нерешительностью тому, чтобы их, уже совсем одряхлевших, и притом очень многих с изувеченным ранами телом, заставляли служить по тридцати, а то и по сорока лет. Но и уволенные в отставку не освобождаются от несения службы: перечисленные в разряд вексиллариев, они под другим названием претерпевают те же лишения и невзгоды. А если кто, несмотря на столько превратностей, все-таки выживет, его гонят к тому же чуть ли не на край света, где под видом земельных угодий он получает болотистую трясину или бесплодные камни в горах. Да и сама военная служба — тяжелая, ничего не дающая: душа и тело оцениваются десятью ассами в день; на них же приходится покупать оружие, одежду, палатки, ими же откупаться от свирепости центурионов, ими же покупать у них освобождение от работ. И, право же, побои и раны, суровые зимы, изнуряющее трудами лето, беспощадная война и не приносящий им никаких выгод мир — вот их вечный удел. Единственное, что может улучшить их положение,— это служба на определенных условиях, а именно: чтобы им платили по денарию в день, чтобы после шестнадцатилетнего пре-

бывания в войске их увольняли, чтобы, сверх этого, не удерживали в качестве вексиллариев и чтобы вознаграждение отслужившим свой срок выдавалось тут же на месте и только наличными. Или воины преторианских когорт, которые получают по два денария в день и по истечении шестнадцати лет расходятся по домам, подвергаются бóльшим опасностям? Он не хочет выражать пренебрежение к тем, кто охраняет столицу; но ведь сами они, пребывая среди диких племен, видят врагов тут же за порогом палаток.

18. Толпа шумела в ответ; отовсюду слышались возбужденные возгласы: одни, разражаясь проклятиями, показывали рубцы, оставленные на их теле плетьми, другие — свои седины; большинство — превратившуюся в лохмотья одежду и едва прикрытое тело. Под конец они до того распалились, что надумали свести три легиона в один; отказавшись от этого из-за соперничества — ведь каждый хотел, чтобы его легиону было отдано предпочтение,— они обратились к другому: и трех орлов и значки когорт составили вместе; кроме того, чтобы их местонахождение было заметнее, они тут же рядом, нанеся дерну, начали выкладывать из него трибунал. За этим делом их застал Блез; он принялся упрекать их и уговаривать каждого по отдельности, восклицая: «Уж лучше омочите руки в моей крови: убить легата — меньшее преступление, чем изменить императору; или целый и невредимый я удержу легионы верными долгу, или, погибнув, подтолкну вас моей смертью к раскаянью!».

19. Тем не менее они продолжали выкладывать дерн, который поднялся уже высотою по грудь, но тут наконец победила настойчивость Блеза, и они оставили начатое дело. Блез с большим красноречием говорил о том, что пожелания воинов нельзя доводить до Цезаря, прибегая к мятежу и бесчинствам, что ни их предки у своих полководцев, ни они сами у божественного Августа никогда не просили о таких новшествах и что совсем не ко времени обременять заботами принцепса в самом начале его правления. Если, однако, они все же хотят попытаться предъявить в мирное время требования, которых не предъявляли даже победители в гражданских войнах, то к чему нарушать привычное повиновение, прибегать к силе наперекор установленной дисциплине? Пусть лучше назначат уполномочен-

ных и в его присутствии дадут им наказ. Собравшиеся закричали, что избирают уполномоченным сына Блеза, трибуна; пусть он добивается ограничения срока службы шестнадцатью годами; прочие требования они назовут после удовлетворения этого. Молодой человек отправился в путь, и наступило некоторое успокоение; но воины стали заносчивее, так как всякому было ясно, что, отправив сына легата ходатаем за общее дело, они угрозами и насилием добились того, чего не добились бы смиренными просьбами.

20. Между тем манипулы, еще до того, как разразился мятеж, отправленные в Навпорт для починки дорог и мостов и ради других надобностей, узнав о беспорядках в лагере, повернули назад и разграбили ближние деревни и самый Навпорт, имевший положение муниципия; на центурионов, старавшихся удержать их от этого, они сначала обрушили насмешки и оскорбления, а под конец и побои, причем их озлобление в особенности излилось на префекта лагеря Авфидиена Руфа, которого они стащили с повозки и, нагрузив поклажею, погнали перед собой, издевательски спрашивая, нравится ли ему столь непомерный груз и столь длинный путь. Дело в том, что Руф, сначала рядовой воин, затем центурион и, наконец, префект лагеря, насаждал старинную суровую дисциплину и, состарившись среди трудов и лишений, был тем беспощаднее, что сам в свое время все это испытал на себе.

21. С их прибытием мятеж возобновляется с новою силой, и, разбредясь в разные стороны, бунтовщики принимаются грабить окрестности. Некоторых из них, главным образом тех, кто был схвачен с добычею, Блез, чтобы устрашить остальных, приказал высечь плетьми и бросить в темницу; центурионы и наиболее надежные воины тогда еще оказывали легату повиновение. Арестованные, сопротивляясь, стали обнимать колени окружающих и призывать на помощь то поименно своих товарищей, то центурию, в какой они состояли, то когорту, то легион и кричали, что то же самое угрожает и всем остальным. Вместе с тем они осыпают бранью легата, взывают к небу и богам, не упускают ничего, что могло бы возбудить ненависть, сострадание, страх и гнев. Отовсюду сбегаются воины и, взломав темницу, освобождают их от оков и укрывают дезертиров и осужденных за уголовные преступления.

22. После этого мятеж разгорается еще сильнее, умножается число его вожаков. Некий Вибулен, рядовой воин, поднявшись перед трибуналом Блеза на плечи окружающих, обратился к возбужденной и напряженно ожидавшей его слов толпе: «Вот вы вернули этим несчастным и неповинным людям свет и дыхание; но кто вернет жизнь моему брату, а мне — брата? Ведь его, направленного к вам германскою армией, дабы сообща обсудить дела, клонящиеся к общему благу, Блез умертвил минувшею ночью руками своих гладиаторов, которых он держит и вооружает на погибель нам, воинам. Отвечай, Блез, куда ты выбросил труп? Ведь даже враги, и те не отказывают в погребении павшим. Когда я утолю мою скорбь поцелуями и слезами, прикажи умертвить и меня, и пусть обоих убитых безо всякой вины, но только из-за того, что мы думали, как помочь легионам, погребут здесь присутствующие!».

23. Свою речь он подкреплял громким плачем, ударяя себя в грудь и в лицо; затем, оттолкнув тех, кто поддерживал его на своих плечах, он спрыгнул наземь и, припадая к ногам то того, то другого, возбудил к себе такое сочувствие и такую ненависть к Блезу, что часть воинов бросилась вязать гладиаторов, находившихся у него на службе, часть — прочих его рабов, тогда как все остальные устремились на поиски трупа. И если бы вскоре не стало известно, что никакого трупа не найдено, что подвергнутые пыткам рабы решительно отрицают убийство и что у Вибулена никогда не было брата, они бы не замедлили расправиться с легатом. Все же они прогнали трибунов и префекта лагеря, разграбили личные вещи бежавших и убили центуриона Луцилия, которого солдатское острословие отметило прозвищем «Давай другую», ибо, сломав лозу о спину избиваемого им воина, он зычным голосом требовал, чтобы ему дали другую и еще раз другую. Остальные скрылись; бунтовщиками был задержан лишь Юлий Клемент, который благодаря своей природной находчивости был сочтен ими подходящим для сношений с начальством. Ко всему восьмой и пятнадцатый легионы едва не подняли друг против друга оружие, так как одни хотели предать смерти центуриона по имени Сирпик, а другие его защищали. Столкновение было предотвращено только уговорами,

а когда уговоры не действовали, то и угрозами воинов девятого легиона.

24. Хотя Тиберий был скрытен и особенно тщательно утаивал наиболее неприятные обстоятельства, все же, узнав о случившемся, он решил направить в Паннонию своего сына Друза и вместе с ним высших сановников государства, а также две преторианские когорты; Друз не получил от него прямых указаний, и ему было предоставлено действовать смотря по обстановке. Когорты были сверх обычного усилены отборными воинами. Вместе с ними выступила значительная часть преторианской конницы и лучшие из германцев, охранявших в то время особу императора; тут же находился и префект преторианцев Элий Сеян, имевший большое влияние на Тиберия; он был назначен в сотоварищи Страбону, своему отцу, и должен был руководить юным Друзом, а всем остальным быть как бы напоминанием об ожидающих их опасностях и наградах. Навстречу Друзу вышли, словно выполняя тягостную обязанность, мятежные легионы, не изъявлявшие подобающей такой встрече радости и не блиставшие воинскими отличиями, но безобразно неряшливые и с лицами, на которых под напускной скорбью выражалось скорее своеволие.

25. После того как Друз миновал укрепления и оказался по ту сторону вала, они ставят у ворот караулы и велят крупным отрядам находиться в определенных местах внутри лагеря и быть наготове; остальные окружили плотной стеной трибунал. На нем стоял Друз, требуя рукою молчания. Мятежники, оглядываясь на толпу, всякий раз разражались угрожающими возгласами, а посмотрев на Цезаря, впадали в трепет; смутный ропот, дикие крики, внезапная тишина. Противоположные движения души побуждали их то страшиться, то устрашать. Наконец, воспользовавшись временным успокоением, Друз огласил послание отца, в котором было написано, что заботу о доблестных легионах, с которыми им было проделано столько походов, он считает своей первейшею обязанностью и, как только душа его оправится от печали, доложит сенаторам о пожеланиях воинов; а пока он направляет к ним сына, дабы тот безотлагательно удовлетворил их во всем, в чем можно немедленно пойти им навстречу; решение всего прочего следует предоставить сенату, ибо

не подобает лишать его права миловать или прибегать к строгости.

26. В ответ на это собравшиеся заявили, что их требования поручено изложить центуриону Клементу. Тот начинает с увольнения в отставку после шестнадцати лет, далее говорит о вознаграждении отслужившим свой срок, о том, чтобы солдатское жалованье было по денарию в день, чтобы ветеранов не задерживали на положении вексиллариев. Когда Друз возразил, что это могут решить только сенат и отец, его прервали громкими криками. Зачем же он прибыл, если у него нет полномочий ни повысить воинам жалованье, ни облегчить их тяготы, ни, наконец, хоть чем-нибудь улучшить их положение? А вот плети и казни разрешены, видят боги, всем и каждому. Когда-то Тиберий, отклоняя пожелания воинов, имел обыкновение прикрываться именем Августа. Те же уловки повторяет ныне и Друз. Неужели к ним никогда не пришлют никого иного, кроме младших членов семейства? Но вот и нечто новое: император отсылает к сенату только в тех случаях, когда дело идет о выгоде воинов! Пусть же сенат запрашивают всякий раз и тогда, когда должна быть совершена казнь или дано сражение. Или награды распределяют властители государства, а наказания налагает кто вздумает?

27. Наконец, толпившиеся у трибунала начали расходиться; встречая кого-нибудь из преторианцев или из приближенных Цезаря, они грозили им кулаками, стараясь разжечь раздор и затеять вооруженное столкновение. Особенную враждебность вызывал Гней Лентул, так как считалось, что, превосходя всех остальных годами и военною славой, он удерживает Друза от каких-либо уступок и первым выступил с осуждением этих волнений в войске. Когда немного спустя, уйдя с собрания вместе с Цезарем, он в предвидении опасности направлялся к зимнему лагерю, его окружили мятежники, спрашивая, куда же он так торопится, уж не к императору ли или к сенаторам, чтобы и там помешать легионам в осуществлении их надежд; вслед за тем они устремляются на него и кидают в него камнями. Раненный брошенным камнем, обливаясь кровью, он был уже уверен в неизбежной гибели, но его спасла толпа подоспевших к нему на помощь из числа тех, которые прибыли с Друзом.

28. Наступила ночь, в которую едва не разразились ужасные преступления, чему воспрепятствовала только случайность: сиявшая на ясном небе луна начала меркнуть. Не зная, в чем причина происходящего, воины увидели в нем знамение, относящееся к тому, что́ их больше всего занимало, и затмение небесного светила поставили в связь со своей борьбой: если богиня снова обретет свое сияние и яркость, то благополучно разрешится и то, что они предприняли. И они принялись бряцать медью, трубить в трубы и рожки; смотря по тому, становилась ли луна ярче или, напротив, тускнела, они радовались или печалились; и после того как набежавшие облака скрыли ее от глаз и все сочли, что она окончательно исчезла во мраке и что этим им возвещаются страдания на вечные времена — ведь единожды потрясенные души легко склоняются к суевериям,— они предались скорби, думая, что боги порицают их поведение. Цезарь, решив, что нужно воспользоваться этими настроениями и обратить ко благу ниспосланное случаем, приказал обойти палатки мятежников: призываются центурион Клемент, а также другие, кто снискал расположение воинов, не совершив вместе с тем ничего дурного. Они расходятся по охранениям, дозорам, караулам у ворот лагеря, подают надежды, внушают страх: «До каких пор мы будем держать в осаде сына нашего императора? Где конец раздорам? Или мы присягнем Перценнию и Вибулену? Перценний и Вибулен будут выплачивать воинам жалованье, а отслужившим срок раздавать земли? Или вместо Неронов и Друзов возьмут на себя управление римским народом? Не лучше ли нам, примкнувшим последними к мятежу, первыми заявить о своем раскаянии? Не скоро можно добиться того, чего домогаются сообща, но тем, кто действует сам за себя, благоволение приобретается сразу, как только ты его заслужил». Внеся этими разговорами смятение в души, породив взаимное недоверие, они отрывают новобранцев от ветеранов, легион от легиона. И постепенно возвращается привычная готовность к повиновению; мятежники снимают караулы возле ворот и относят значки, собранные в начале мятежа в одном месте, туда, где они были ранее.

29. С наступлением дня Друз созывает собрание воинов и, хотя он не был красноречив, с прирожденным

достоинством упрекает их за поведение в прошлом и одобряет их последние действия; он заявляет, что не уступит устрашению и угрозам; если он убедится, что они готовы повиноваться, если они обратятся к нему с мольбами, он напишет отцу, чтобы тот благосклонно отнесся к ходатайству легионов. По их просьбе к Тиберию посылают снова того же Блеза, Луция Апония, римского всадника из числа приближенных Друза, и Юста Катония, центуриона первого манипула. Между тем в окружении Цезаря мнения разделились: одни полагали, что впредь до возвращения посланных нужно ублаготворять воинов ласковым обращением, другие — что следует прибегнуть к более решительным средствам: чернь не знает середины, — если она не боится, то устрашает, а после того как сама проникнется страхом, с ней можно совсем не считаться; пока она все еще под воздействием суеверия, необходимо, устранив зачинщиков мятежа, заставить ее трепетать перед военачальником. Друз по своему душевному складу был склонен к крутым мерам; вызвав к себе Перценния и Вибулена, он приказал их умертвить. Многие говорят, что их трупы были зарыты в палатке военачальника, другие — что выброшены за вал в назидание всем остальным.

30. Затем были схвачены главнейшие вожаки мятежа; одних, скрывавшихся за пределами лагеря, убили центурионы и воины преторианских когорт; других в доказательство своей преданности выдали сами манипулы. Немало забот доставила воинам и преждевременная зима с непрерывными и до того сильными ливнями, что не только нельзя было выходить из палаток и устраивать сходки, но и оберегать значки, уносимые ветром или водою, можно было лишь с величайшим трудом. Не утихал и страх перед гневом небес: ведь не без причины во устрашение нечестивцев затмеваются светила и обрушиваются бури; единственный способ облегчить бедствия — это покинуть злополучный и оскверненный лагерь и, искупив вину, уйти каждому в свои зимние лагери. Сначала снялся восьмой, потом пятнадцатый легионы; воины девятого легиона кричали, что следует дождаться ответа Тиберия, но и они, оставшись в одиночестве после ухода всех остальных, предупредили в конце концов по своей воле то, что им пришлось бы сделать в силу необходимости. И Друз

не стал дожидаться возвращения посланных и, так как наступило успокоение, вернулся в Рим.

31. Почти в те же самые дни и по тем же причинам взбунтовались и германские легионы, и тем более бурно, чем они были многочисленнее; они рассчитывали на то, что Германик не потерпит власти другого и примет сторону легионов, которые, опираясь на свою силу, увлекут за собою всех остальных. На берегу Рейна стояло два войска; то, которое носило название Верхнего, было подчинено легату Гаю Силию; Нижним начальствовал Авл Цецина. Верховное командование принадлежало Германику, занятому в то время сбором налогов в Галлии. Те, что были под началом у Силия, колебались и выжидали, к чему поведет мятеж, поднятый их соседями; но воины Нижнего войска загорелись безудержной яростью; начало возмущению было положено двадцать первым и пятым легионами, увлекшими за собою первый и двадцатый, которые, размещаясь в том же летнем лагере, в пределах убиев, пребывали в праздности или несли необременительные обязанности. Так, прослышав о смерти Августа, многие из пополнения, прибывшего после недавно произведенного в Риме набора, привыкшие к разнузданности, испытывающие отвращение к воинским трудам, принялись мутить бесхитростные умы остальных, внушая им, что пришло время, когда ветераны могут потребовать своевременного увольнения, молодые — прибавки жалованья, все вместе — чтобы был положен конец их мучениям, и когда можно отмстить центурионам за их жестокость. И все это говорил не кто-либо один, как Перценний среди паннонских легионов, и не перед боязливо слушающими воинами, оглядывавшимися на другие, более могущественные войска; здесь мятеж располагал множеством уст и голосов, постоянно твердивших, что в их руках судьба Рима, что государство расширяет свои пределы благодаря их победам и что их именем нарекаются полководцы.

32. И легат не воспротивился этому: безумие большинства лишило его твердости. Внезапно бунтовщики, обнажив мечи, бросаются на центурионов: они издавна ненавистны воинам и на них прежде всего обрушивается их ярость. Поверженных наземь восставшие избивают плетьми, по шестидесяти каждого, чтобы

сравняться числом с центурионами в легионе; затем, подхватив изувеченных, а частью и бездыханных, они кидают их перед валом или в реку Рейн. Септимия, прибежавшего к трибуналу и валявшегося в ногах у Цецины, они требовали до тех пор пока он не был выдан им на смерть. Кассий Херея, снискавший впоследствии у потомков известность тем, что убил Гая Цезаря, тогда отважный и воинственный молодой человек, проложил себе дорогу мечом сквозь обступившую его вооруженную толпу. Ни трибун, ни префект лагеря больше не имели никакой власти; сами воины распределяют дозоры и караулы и сами распоряжаются в соответствии с текущими надобностями. Для способных глубже проникнуть в солдатскую душу важнейшим признаком размаха и неукротимости мятежа было то, что не каждый сам по себе и не по наущению немногих, а все вместе они и распалялись, и вместе хранили молчание, с таким единодушием, с такой твердостью, что казалось, будто ими руководит единая воля.

33. Весть о кончине Августа застала Германика в Галлии, где он занимался, как мы сказали, сбором налогов. Он был женат на внучке Августа Агриппине и имел от нее нескольких детей; сам он был сыном Друза, брата Тиберия, и внуком Августа, и все же его постоянно тревожила скрытая неприязнь дяди и бабки, тем более острая, чем несправедливее были ее причины. Римский народ чтил память Друза, и считалось, что если бы он завладел властью, то восстановил бы народоправство; отсюда такое же расположение и к Германику и те же связанные с его именем упования. И в самом деле, этот молодой человек отличался гражданской благонамеренностью, редкостной обходительностью и отнюдь не походил речью и обликом на Тиберия, надменного и скрытного. Отношения осложнялись и враждой женщин, так как Ливия, по обыкновению мачех, преследовала своим недоброжелательством Агриппину; да и Агриппина была слишком раздражительна, хотя и старалась из преданности мужу и из любви к нему обуздывать свою неукротимую вспыльчивость.

34. Но чем доступнее была для Германика возможность захвата верховной власти, тем ревностнее он действовал в пользу Тиберия. Он привел к присяге на

верность Тиберию секванов и соседствующие с ними племена белгов. Затем, узнав о возмущении легионов, он поспешно направился к ним, и они вышли из лагеря ему навстречу, потупив глаза, как бы в раскаянии. После того как, пройдя вал, он оказался внутри укрепления, начали раздаваться разноголосые жалобы. И некоторые из воинов, схватив его руку как бы для поцелуя, всовывали в свой рот его пальцы, чтобы он убедился, что у них не осталось зубов; другие показывали ему свои обезображенные старостью руки и ноги. Он приказал собравшейся вокруг него сходке, казавшейся беспорядочным скопищем, разойтись по манипулам — так они лучше услышат его ответ — и выставить перед строем знамена, чтобы хоть этим обозначались когорты; они нехотя повиновались. Начав с прославления Августа, он перешел затем к победам и триумфам Тиберия, в особенности восхваляя те из них, которыми тот отличился в Германии вместе с этими самыми легионами. Далее он превозносит единодушие всей Италии, верность Галлии: нигде никаких волнений или раздоров. Это было выслушано в молчании или со слабым ропотом.

35. Но когда он заговорил о поднятом ими бунте, спрашивая, где же их воинская выдержка, где безупречность былой дисциплины, куда они дели своих трибунов, куда — центурионов, все они обнажают тела, укоризненно показывая ему рубцы от ран, следы плетей; потом они наперебой начинают жаловаться на взятки, которыми им приходится покупать увольнение в отпуск, на скудость жалования, на изнурительность работ, упоминают вал и рвы, заготовку сена, строительного леса и дров, все то, что вызывается действительной необходимостью или изыскивается для того, чтобы не допускать в лагере праздности. Громче всего шумели в рядах ветеранов, кричавших, что они служат по тридцати лет и больше, и моливших облегчить их, изнемогающих от усталости, и не дать им умереть среди тех же лишений, но, обеспечив средствами к существованию, отпустить на покой после столь трудной службы. Были и такие, что требовали раздачи денег, завещанных божественным Августом; при этом они высказывали Германику наилучшие пожелания и изъявляли готовность поддержать его, если он захочет достигнуть верховной власти. Тут Германик, как бы за-

пятнанный соучастием в преступлении, стремительно соскочил с трибунала. Ему не дали уйти, преградили дорогу, угрожая оружием, если он не вернется на прежнее место, но он, воскликнув, что скорее умрет, чем нарушит долг верности, обнажил меч, висевший у него на бедре, и, занеся его над своей грудью, готов был поразить ее, если бы находившиеся рядом не удержали силою его руку. Однако кучка участников сборища, толпившаяся в отдалении, а также некоторые, подошедшие ближе, принялись — трудно поверить! — всячески побуждать его все же пронзить себя, а воин по имени Калузидий протянул ему свой обнаженный меч, говоря, что он острее. Эта выходка показалась чудовищной и вконец непристойной даже тем, кто был охвачен яростью и безумием. Воспользовавшись мгновением замешательства, приближенные Цезаря увлекли его с собою в палатку.

36. Там они принялись обсуждать, как справиться с мятежом; к тому же стало известно, что мятежники собираются послать своих представителей к Верхнему войску, чтобы склонить его на свою сторону, и что они задумали разорить город убиев и, захватив добычу, устремиться вооруженными шайками в Галлию, дабы разграбить и ее. Положение представлялось тем более угрожающим, что враги знали о восстании в римском войске и было очевидно, что они не преминут вторгнуться, если берег Рейна будет оставлен римлянами; а двинуть против уходящих легионов вспомогательные войска и союзников — значило положить начало междоусобной войне. Пагубна строгость, а снисходительность — преступление; уступить во всем воинам или ни в чем им не уступать — одинаково опасно для государства. Итак, взвесив все эти соображения, они порешили составить письмо от имени принцепса; в нем говорилось, что отслужившие по двадцати лет подлежат увольнению, отслужившим по шестнадцати лет дается отставка с оставлением в рядах вексиллариев, причем они освобождаются от каких-либо обязанностей, кроме одной — отражать врага; то, что было завещано Августом и чего они домогались, выплачивается в двойном размере.

37. Воины поняли, что эти уступки сделаны с расчетом на время, и потребовали немедленного осуществления обещаний. Трибуны тут же провели увольне-

ние; что касается денежных выдач, то их отложили до возвращения в зимние лагери. Однако воины пятого и двадцать первого легиона отказывались покинуть лагерь, пока им тут же на месте не выдали денег, собранных из того, что приближенными Цезаря и им самим предназначалось для дорожных расходов. Первый и двадцатый легионы легат Цецина отвел в город убиев; их походный порядок был постыден на вид, так как денежные ящики, похищенные у полководца, они везли посреди значков и орлов. Отправившись к Верхнему войску, Германик тотчас же по прибытии привел к присяге на верность Тиберию второй, тринадцатый и шестнадцатый легионы; воины четырнадцатого легиона проявили некоторое колебание: им были выданы деньги и предоставлено увольнение, хоть они и не предъявляли никаких требований.

38. В стране хавков начали волноваться размещенные там вексилларии взбунтовавшихся легионов; немедленной казнью двух воинов беспорядки, однако, на некоторое время были пресечены. Приказ о казни исходил от префекта лагеря Мания Энния, опиравшегося скорее на необходимость устрашающего примера, чем на свои права. Позднее, когда возмущение разгорелось с новой силою, он бежал, но был схвачен и, так как убежище его не укрыло, нашел защиту в отваге, воскликнув, что они наносят оскорбление не префекту, но полководцу Германику, но императору Тиберию. Устрашив этим тех, кто его обступил, он выхватил знамя и понес его по направлению к Рейну; крича, что, кто покинет ряды, тот будет числиться дезертиром, он привел их назад в зимний лагерь,— раздраженных, но ни на что не осмелившихся.

39. Между тем к Германику, возвратившемуся туда, где находился жертвенник убиев, прибывают уполномоченные сената. Там зимовали два легиона — первый и двадцатый, а также ветераны, только что переведенные на положение вексиллариев. Последних, обеспокоенных прибытием делегации и тревожимых нечистою совестью, охватывает страх, что этим посланцам сената дано повеление отнять у них добытое мятежом. И так как обычно водится находить виноватого в бедствии, даже если само бедствие — выдумка, они проникаются ненавистью к главе делегации, бывшему консулу Мунацию Планку, считая, что сенатское по-

становление принято по его почину; поздней ночью ветераны принимаются требовать свое знамя, находившееся в доме Германика. Сбежавшись к дверям, они их выламывают и, грозя смертью насильственно поднятому с постели Германику, вынуждают его передать знамя в их руки. Затем, рассыпавшись по улицам, они сталкиваются с представителями сената, которые, прослышав о беспорядках, направлялись к Германику. Накинувшись на них с оскорблениями, они собираются расправиться с ними, причем наибольшей опасности подвергается Планк, которому его сан не позволил бежать и которому не оставалось ничего иного, как укрыться в лагере первого легиона. Там, обняв значки и орла, он искал спасения под защитою этих святынь, но, если бы орлоносец Кальпурний не уберег его от насильственной смерти, случилось бы то, что недопустимо даже в стане врага: и посланец римского народа, находясь в римском лагере, окропил бы своею кровью жертвенники богов. Наконец, на рассвете, когда стало видно, кто полководец, кто воин и что происходит, Германик, явившись в лагерь, приказывает привести к себе Планка и приглашает его рядом с собою на трибунал. Затем, осудив роковое безумие и сказав, что его породил гнев не воинов, а богов, он разъясняет, зачем прибыли делегаты; в красноречивых выражениях он скорбит о покушении на неприкосновенность послов, о тяжелом и незаслуженном оскорблении, нанесенном Планку, и о позоре, которым покрыл себя легион, и так как собранные на сходку воины были скорее приведены в замешательство, чем успокоены его речью, он отсылает послов под охраной отряда вспомогательной конницы.

40. В эти тревожные дни все приближенные порицали Германика: почему он не отправляется к Верхнему войску, в котором нашел бы повиновение и помощь против мятежников? Он совершил слишком много ошибок, предоставив увольнение ветеранам, выплатив деньги, проявив чрезмерную снисходительность. Пусть он не дорожит своей жизнью, но почему малолетнего сына, почему беременную жену держит он при себе среди беснующихся и озверевших насильников? Пусть он хотя бы их вернет деду и государству. Он долго не мог убедить жену, которая говорила, что она внучка божественного Августа и не отступает перед опасно-

стями, но, наконец, со слезами, прижавшись к ее лону и обнимая их общего сына, добился ее согласия удалиться из лагеря. Выступало горестное шествие женщин и среди них беглянкою жена полководца, несущая на руках малолетнего сына и окруженная рыдающими женами приближенных, которые уходили вместе с нею, и в неменьшую скорбь были погружены остающиеся.

41. Вид Цезаря не в блеске могущества и как бы не в своем лагере, а в захваченном врагом городе, плач и стенания привлекли слух и взоры восставших воинов: они покидают палатки, выходят наружу. Что за горестные голоса? Что за печальное зрелище? Знатные женщины, но нет при них ни центуриона, ни воинов для охраны, ничего, подобающего жене полководца, никаких приближенных; и направляются они к треверам, полагаясь на преданность чужестранцев. При виде этого в воинах просыпаются стыд и жалость; вспоминают об Агриппе, ее отце, о ее деде Августе; ее свекор — Друз; сама она, мать многих детей, славится целомудрием; и сын у нее родился в лагере, вскормлен в палатках легионов, получил воинское прозвище Калигулы, потому что, стремясь привязать к нему простых воинов, его часто обували в солдатские сапожки. Но ничто так не подействовало на них, как ревность к треверам: они удерживают ее, умоляют, чтобы она вернулась, осталась с ними; некоторые устремляются за Агриппиной, большинство возвратилось к Германику. А он, все еще исполненный скорби и гнева, обращается к окружившим его со следующими словами.

42. «Жена и сын мне не дороже отца и государства, но его защитит собственное величие, а Римскую державу — другие войска. Супругу мою и детей, которых я бы с готовностью принес в жертву, если б это было необходимо для вашей славы, я отсылаю теперь подальше от вас, впавших в безумие, дабы эта преступная ярость была утолена одной моею кровью и убийство правнука Августа, убийство невестки Тиберия не отягчили вашей вины. Было ли в эти дни хоть что-нибудь, на что вы не дерзнули бы посягнуть? Как же мне назвать это сборище? Назову ли я воинами людей, которые силой оружия не выпускают за лагерный вал сына своего императора? Или гражданами — не ставящих ни во что власть сената? Вы попрали права, в ко-

торых не отказывают даже врагам, вы нарушили неприкосновенность послов и все то, что священно в отношениях между народами. Божественный Юлий усмирил мятежное войско одним-единственным словом, назвав квиритами тех, кто пренебрегал данной ему присягой; божественный Август своим появлением и взглядом привел в трепет легионы, бившиеся при Акции; я не равняю себя с ними, но все же происхожу от них, и если бы испанские или сирийские воины ослушались меня, это было бы и невероятно, и возмутительно. Но ты, первый легион, получивший значки от Тиберия, и ты, двадцатый, его товарищ в стольких сражениях, возвеличенный столькими отличиями, ужели вы воздадите своему полководцу столь отменною благодарностью? Ужели, когда изо всех провинций поступают лишь приятные вести, я буду вынужден донести отцу, что его молодые воины, его ветераны не довольствуются ни увольнением, ни деньгами, что только здесь убивают центурионов, изгоняют трибунов, держат под стражею легатов, что лагерь и реки обагрены кровью и я сам лишь из милости влачу существование среди враждебной толпы?

43. Зачем в первый день этих сборищ вы, непредусмотрительные друзья, вырвали из моих рук железо, которым я готовился пронзить себе грудь?! Добрее и благожелательнее был тот, кто предлагал мне свой меч. Я пал бы, не ведая о стольких злодеяниях моего войска; вы избрали бы себе полководца, который хоть и оставил бы мою смерть безнаказанной, но зато отмстил бы за гибель Вара и трех легионов. Да не допустят боги, чтобы белгам, хоть они и готовы на это, достались слава и честь спасителей блеска римского имени и покорителей народов Германии. Пусть душа твоя, божественный Август, взятая на небо, пусть твой образ, отец Друз, и память, оставленная тобою по себе, ведя за собой этих самых воинов, которых уже охватывают стыд и стремление к славе, смоют это пятно и обратят гражданское ожесточение на погибель врагам. И вы также, у которых, как я вижу, уже меняются и выражения лиц, и настроения, если вы и вправду хотите вернуть делегатов сенату, императору — повиновение, а мне — супругу и сына, удалитесь от заразы и разъедините мятежников; это будет залогом раскаянья, это будет доказательством верности».

44. Те, изъявляя покорность и признавая, что упреки Германика справедливы, принимаются умолять его покарать виновных, простить заблуждавшихся и повести их на врага; пусть он возвратит супругу, пусть вернет легионам их питомца и не отдает его галлам в заложники. Он ответил, что возвратить Агриппину не может ввиду приближающихся родов и близкой зимы, сына вызовет, а что касается прочего, то пусть они распорядятся по своему усмотрению. Совершенно преображенные, они разбегаются в разные стороны и, связав вожаков мятежа, влекут их к легату первого легиона Гаю Цетронию, который над каждым из них в отдельности следующим образом творил суд и расправу. Собранные на сходку, стояли с мечами наголо легионы; подсудимого выводил на помост и показывал им трибун; если раздавался общий крик, что он виновен, его сталкивали с помоста и приканчивали тут же на месте. И воины охотно предавались этим убийствам, как бы снимая с себя тем самым вину; да и Цезарь не препятствовал этому; так как сам он ничего не приказывал, на одних и тех же ложились и вина за жестокость содеянного, и ответственность за нее. Ветераны, последовавшие примеру легионеров, вскоре были отправлены в Рецию под предлогом защиты этой провинции от угрожавших ей свебов, но в действительности — чтобы удалить их из лагеря, все еще мрачного и зловещего столько же из-за суровости наказания, сколько и вследствие воспоминания о свершенных в нем преступлениях. Затем Германик произвел смотр центурионам. Каждый вызванный императором называл свое имя, звание, место рождения, количество лет, проведенных на службе, подвиги в битвах и, у кого они были, боевые награды. Если трибуны, если легион подтверждали усердие и добросовестность этого центуриона, он сохранял свое звание; если, напротив, они изобличали его в жадности или жестокости, он тут же увольнялся в отставку.

45. Так были улажены эти дела, но не меньшую угрозу составляло упорство пятого и двадцать первого легионов, зимовавших у шестидесятого милиария, в месте, носящем название Старые лагеря. Они первыми подняли возмущение; наиболее свирепые злодеяния были совершены их руками; возмездие, постигшее товарищей по оружию, их нисколько не устрашило, и, не

проявляя раскаяния, они все еще были возбуждены и не желали смириться. Итак, Цезарь снаряжает легионы, флот, союзников, чтобы отправить их вниз по Рейну, решившись начать военные действия, если мятежники откажутся повиноваться.

46. А в Риме, где еще не знали о том, каков был исход событий в Иллирии, но прослышали о мятеже, поднятом германскими легионами, горожане, охваченные тревогой, обвиняли Тиберия, ибо, пока он обманывал сенат и народ, бессильных и безоружных, своей притворною нерешительностью, возмутившихся воинов не могли усмирить два молодых человека, еще не располагавших нужным для этого авторитетом. Он должен был самолично во всем блеске императорского величия отправиться к возмутившимся; они отступили бы, столкнувшись с многолетнею опытностью и с высшей властью казнить или миловать. Почему Август в преклонном возрасте мог столько раз посетить Германию, а Тиберий во цвете лет упорно сидит в сенате, перетолковывая слова сенаторов? Для порабощения Рима им сделано все, что требовалось; а вот солдатские умы нуждаются в успокоительных средствах, дабы воины и в мирное время вели себя подобающим образом.

47. Тиберий, однако, к этим речам оставался глух и был непреклонен в решении не покидать столицу государства и не подвергать случайностям себя и свою державу. Ибо его тревожило множество различных опасений: в Германии — более сильное войско, но находящееся в Паннонии — ближе; одно опирается на силы Галлии, второе угрожает Италии. Какое же из них посетить первым? И не восстановит ли он против себя тех, к которым прибудет позднее и которые сочтут себя оскорбленными этим? Но если в обоих войсках будут находиться сыновья, его величие не претерпит никакого ущерба, ибо чем он дальше и недоступнее, тем большее внушает почтение. К тому же молодым людям простительно оставить некоторые вопросы на усмотренье отца, и он сможет либо умиротворить, либо подавить силою сопротивляющихся Германику или Друзу. А если легионы откажут в повиновении самому императору, где тогда искать помощи? Впрочем, он избрал себе спутников, точно вот-вот двинется в путь, подготовил обозы, оснастил корабли и, ссылаясь то на зиму, то на дела, обманывал некоторое время

людей здравомыслящих, долее — простой народ в Риме и дольше всего — провинции.

48. Снарядив войско и готовый обрушить возмездие на восставших, Германик все же решил предоставить им время одуматься и последовать недавнему примеру их сотоварищей; с этой целью он отправил письмо Цецине, извещая его, что выступает с крупными силами и что, если они до его прибытия не расправятся с главарями, он будет казнить их поголовно. Это письмо Цецина доверительно прочитал орлоносцам, значконосцам и другим наиболее благонадежным в лагере, добавив от себя увещание, чтобы они избавили их всех от бесчестья, а самих себя от неминуемой смерти; ибо в мирное время учитываются смягчающие вину обстоятельства и заслуги, но, когда вспыхивает война, гибнут наравне и виновные, и безвинные. Испытав тех, кого они сочли подходящими, и выяснив, что большинство в легионах привержено долгу, они назначают по уговору с легатом время, когда им напасть с оружием в руках на самых непримиримых и закоренелых мятежников. И вот по условленному знаку они вбегают в палатки и, набросившись на ничего не подозревающих, принимаются их убивать, причем никто, за исключением посвященных, не понимает, ни откуда началась эта резня, ни чем она должна кончиться.

49. Тут не было ничего похожего на какое бы то ни было междоусобное столкновение изо всех случавшихся когда-либо прежде. Не на поле боя, не из враждебных лагерей, но в тех же палатках, где днем они вместе ели, а по ночам вместе спали, разделяются воины на два стана, обращают друг против друга оружие. Крики, раны, кровь повсюду, но причина происходящего остается скрытой; всем вершил случай. Были убиты и некоторые благонамеренные, так как мятежники, уразумев, наконец, над кем творится расправа, также взялись за оружие. И не явились сюда ни легат, ни трибун, чтобы унять сражавшихся: толпе было дозволено предаваться мщению, пока она им не пресытится. Вскоре в лагерь прибыл Германик; обливаясь слезами, он сказал, что происшедшее — не целительное средство, а бедствие, и повелел сжечь трупы убитых.

Все еще не остывшие сердца воинов загорелись жгучим желанием идти на врага, чтобы искупить этим

свое безумие: души павших товарищей можно умилостивить не иначе, как только получив честные раны в нечестивую грудь. Цезарь поддержал охвативший воинов пыл и, наведя мост, переправил на другой берег двенадцать тысяч легионеров, двадцать шесть когорт союзников и восемь отрядов конницы, дисциплина которых во время восстания была безупречною.

50. Пока нас задерживали сначала траур по случаю смерти Августа, а затем междоусобица, обитавших невдалеке германцев никто не тревожил. Между тем римляне, двигаясь с большой быстротой, пересекают Цезийский лес и линию пограничных укреплений, начатую Тиберием; на этой линии они располагаются лагерем, защищенным с фронта и с тыла валами, а с флангов — засеками. Отсюда они устремляются в глухие, поросшие лесом горы и здесь обсуждают, избрать ли из двух возможных путей короткий и хорошо знакомый или более трудный и неизведанный и потому не охраняемый неприятелем. Отдав предпочтение более длинной дороге, они идут возможно быстрее, так как поступает сообщение от разведчиков, что этой ночью германцы справляют праздник с торжественными пирами и игрищами. Цецина получает от Германика приказание двигаться впереди с когортами налегке и расчищать дорогу в лесу; следом за ним на небольшом расстоянии идут легионы. Помогала ясная лунная ночь; подошли к селениям марсов, расположили вокруг них заслоны, а марсы безо всякого опасения продолжали спать или бражничать, не расставив даже дозорных,— до того все было у них в расстройстве из-за беспечности и настолько они не ждали нападения неприятеля; впрочем, не было у них и подобающего в мирное время порядка, а повсюду — лишь безобразие и распущенность, как это водится между пьяными.

51. Чтобы разорить возможно бо́льшую площадь, Цезарь разделил рвавшиеся вперед легионы на четыре отряда и построил их клиньями; огнем и мечом опустошил он местность на пятьдесят миль в окружности. Не было снисхождения ни к полу, ни к возрасту; наряду со всем остальным сравнивается с землею и то, что почиталось этими племенами священным, и прославленное у них святилище богини Танфаны, как они его называли. Среди воинов, истреблявших полусонных, безо-

ружных, беспорядочно разбегавшихся в разные стороны, ни один не был ранен. Эта резня возмутила бруктеров, тубантов и узипетов, и они засели в лесистых ущельях, по которым пролегал обратный путь войска. Полководец узнал об этом и, выступая в поход, приготовился к отражению неприятеля. Впереди шла часть конницы и когорты вспомогательных войск, за ними первый легион; воины двадцать первого легиона прикрывали левый фланг находившихся посередине обозов, воины пятого — правый, двадцатый легион обеспечивал тыл, позади него двигались остальные союзники. Враги, пока войско не втянулось в ущелья, оставались в бездействии, но затем, слегка беспокоя головные части и фланги, обрушились всеми силами на двигавшихся последними. Под напором густо наседавших врагов когорты легковооруженных начали было приходить в замешательство, но Цезарь, подскакав к воинам двадцатого легиона, стал зычным голосом восклицать, что пришла пора искупить участие в мятеже: пусть они постараются, пусть торопятся покрыть свою вину воинскими заслугами. И сердца воинов распалились; прорвав боевые порядки врагов стремительным натиском, они гонят их на открытое место и там разбивают наголову; одновременно передовые отряды вышли из леса и укрепили лагерь. В дальнейшем поход протекал спокойно, и воины, ободренные настоящим и забыв о прошлом, размещаются на зимовку.

52. Эта весть доставила Тиберию и радость, и заботу: он радовался подавлению мятежа, но был встревожен возросшей военною славой Германика и тем, что раздачею денег и досрочным увольнением ветеранов он снискал расположение воинов. Тем не менее он доложил сенату обо всем, им достигнутом, многократно напоминая о его доблести в таких напыщенных выражениях, что никто не поверил в искренность его слов. Менее пространно он воздал хвалу Друзу и пресечению иллирийского мятежа, но высказал ее с большей ясностью и в речи, внушавшей доверие. Все уступки Германика он распространил и на паннонское войско.

53. В том же году скончалась Юлия, некогда из-за распутного поведения заточенная своим отцом Августом на острове Пандатерии, а затем в городе тех регийцев, которые обитают у Сицилийского пролива.

При жизни Гая и Луция Цезарей она была замужем за Тиберием, но пренебрегала им как неравным по происхождению; это и было главнейшей причиной его удаления на Родос. Теперь, достигнув власти, он извел ее — ссыльную, обесславленную и после убийства Агриппы Постума потерявшую последние надежды — лишениями и голодом, рассчитывая, что ее умерщвление останется незамеченным вследствие продолжительности ссылки. По сходным побуждениям он расправился и с Семпронием Гракхом, который, знатный, наделенный живым умом и злоязычный, соблазнил ту же Юлию, состоявшую в браке с Марком Агриппой. Но его любострастие не успокоилось и тогда, когда она была выдана замуж за Тиберия. Упорный любовник разжигал в ней своенравие и ненависть к мужу; и считали, что письмо с нападками на Тиберия, которое Юлия написала своему отцу Августу, было сочинено Гракхом. И вот, сосланный на Керкину, остров Африканского моря, он прожил в изгнании четырнадцать лет. Воины, посланные туда, чтобы его умертвить, нашли его на выдававшемся в море мысе не ожидающим для себя ничего хорошего. По их прибытии он обратился к ним с просьбою немного повременить, чтобы он мог написать письмо с последними распоряжениями своей жене Аллиарии. После этого он подставил шею убийцам; своей мужественной смертью он показал себя более достойным имени Семпрониев, чем при жизни. Некоторые передают, что воины были посланы к нему не из Рима, а Луцием Аспренатом, проконсулом Африки, по приказанию Тиберия, который тщетно рассчитывал, что ответственность за это убийство молва возложит на Аспрената.

54. В том же году учреждается жреческая коллегия августалов, подобно тому как некогда Титом Татием была основана для поддержания священнодействий сабинян коллегия титиев, и вводятся новые религиозные празднества. Ее членами были по жребию избраны наиболее видные граждане в количестве двадцати одного, не считая Тиберия, Друза, Клавдия и Германика Впервые устроенные тогда августалами публичные зрелища были омрачены беспорядками, вызванными соревнованием мимов. Август снисходил к этой забаве из уважения к Меценату, страстно любившему Батилла, да и сам он не чуждался развлечений подобного рода, считая гражданской заслугой разделять

с толпой ее удовольствия. Взгляды Тиберия были иными, но он еще не решался навязывать более суровые нравы народу, на протяжении стольких лет привыкшему к мягкому управлению.

55. В консульство Друза Цезаря и Гая Норбана Германику назначается триумф, несмотря на то что война еще не закончилась. Хотя он деятельно готовился к тому, чтобы развернуть ее с наступлением лета, он выступил раньше и в начале весны внезапным набегом устремился на хаттов. Дело в том, что появилась надежда на разделение врагов на два стана — приверженцев Арминия и Сегеста, из которых один был примечателен своим коварством по отношению к нам, другой — верностью. Арминий — возмутитель Германии; а Сегест неоднократно извещал нас о том, что идет подготовка к восстанию, и в последний раз он говорил об этом на пиршестве, после которого германцы взялись за оружие; больше того, он советовал Вару, чтобы тот бросил в оковы его самого, Арминия, и других видных вождей; простой народ ни на что не осмелится, если будут изъяты его предводители; а вместе с тем будет время разобрать, на чьей стороне вина и кто ни в чем не повинен. Но Вар пал по воле судьбы и сломленный силой Арминия. Сегест, хоть и был вовлечен в войну общим движением племени, все же оставался в разладе с Арминием; к тому же между ними усилилась личная вражда, так как Арминий похитил у него дочь, обещанную другому; зять был ненавистен тестю, и то, что у живущих в согласии скрепляет узы любви, у них, исполненных неприязни друг к другу, возбуждало взаимное озлобление.

56. Итак, Германик отдает под начало Цецине четыре легиона, пять тысяч воинов из вспомогательных войск и наспех собранные отряды германцев, обитавших по эту сторону Рейна; сам он ведет на врага столько же легионов и двойное число союзников. Построив крепостцу на развалинах оборонительных сооружений, возведенных его отцом на горе Тавне, он устремляется ускоренным походом на хаттов, оставив Луция Апрония для прокладки дорог и постройки мостов. Ибо, двигаясь благодаря сухости почвы и низкому уровню вод (что бывает в этих краях очень редко) быстро и беспрепятственно, он опасался дождей и подъема рек на обратном пути. К хаттам он подошел настолько

внезапно, что все, кто из-за возраста или пола не мог спастись бегством, были либо захвачены в плен, либо перебиты на месте. Мужчины зрелого возраста, переправившись вплавь через реку Адрану, мешали римлянам приступить к наведению моста. Отогнанные затем метательными снарядами и стрелами лучников и тщетно попытавшись начать переговоры о мире, некоторые из них перебежали к Германику, а остальные, покинув свои поселения и деревни, рассеиваются в лесах. Предав огню Маттий (главный город этого племени) и опустошив открытую местность, Цезарь повернул к Рейну; враги не осмелились тревожить тыл отходящих, что у них было в обыкновении, когда они отступали больше из хитрости, чем из страха. У херусков было намерение оказать помощь хаттам, но их устрашил Цецина, то здесь, то там появлявшийся с войском; и марсов, отважившихся напасть на него, он обуздал удачно проведенною битвой.

57. Немного спустя прибыли послы от Сегеста с просьбой о помощи против насилия соплеменников, которые его осаждали; Арминий был влиятельнее, так как настаивал на войне; ведь у варваров в ком больше дерзости, тот и пользуется бо́льшим доверием и, когда поднимается народное движение, берет верх над всеми другими. Вместе с послами Сегест направил и своего сына по имени Сегимунд; но тот медлил, зная за собою вину перед нами. Ибо назначенный жрецом при святилище убиев в том же году, когда восстала Германия, он, сорвав с себя жреческие повязки, перебежал в лагерь восставших. Все же, положившись на милость римлян, он доставил письмо отца и, принятый благосклонно, был переправлен с охраной на галльский берег. Германик решил, что ради этого дела стоит повернуть войско; произошел бой с державшими в осаде Сегеста, и он был вызволен с большим числом родичей и клиентов. Здесь были и знатные женщины, и среди них жена Арминия, она же — дочь Сегеста, более приверженная устремлениям мужа, чем отца, и не унизившая себя до слез или мольбы, со скрещенными на груди руками и глазами, опущенными к своему отягощенному бременем чреву. Тут же несли доспехи, захваченные при поражении Вара и в качестве военной добычи розданные многим из тех, кто теперь передался римлянам; вместе со всеми был тут и Сегест, выде-

лявшийся ростом и осанкою и спокойный от сознания, что всегда безупречно соблюдал союз с нами.

58. Он сказал следующее: «Сегодня я не впервые приношу доказательства моей верности и преданности народу римскому; с той поры как божественный Август даровал мне права гражданства, я избирал себе друзей и врагов, помышляя только о вашем благе, и не из ненависти к родной стране (ведь предатели омерзительны даже тем, кому они отдают предпочтение), а потому, что считал одно и то же полезным для римлян и германцев и мир мне был дороже войны. Итак, похитителя моей дочери и нарушителя договора, заключенного с вами, я обвинил пред Варом, который тогда начальствовал вашим войском. Встретив равнодушие со стороны полководца и не находя достаточной защиты в правосудии, я просил бросить в оковы меня самого, Арминия и остальных заговорщиков: свидетельница — та ночь,— о если б она была для меня последнею! Все случившееся в дальнейшем позволительнее оплакивать, чем оправдывать; и Арминий был закован мною в цепи, и я сам претерпел их от его приверженцев. И когда явилась возможность обратиться к тебе, я предпочел старое новому и покой — волнениям, и не ради награды, но чтобы снять с себя подозрение в вероломстве и стать полезным германскому народу посредником, если он предпочтет раскаяние гибели. Прошу снисходительно отнестись к юношеским заблуждениям сына; о дочери скажу откровенно, что она прибыла не по своей воле: тебе дано рассудить, что перевешивает: то ли, что она зачала от Арминия или что порождена мною». Цезарь в милостивом ответе обещает его детям и родичам безнаказанность, а ему самому — пребывание в прежней провинции. После этого он отвел назад войско и по внесенному Тиберием предложению получил титул императора. Жена Арминия родила ребенка мужского пола, который был воспитан в Равенне; о том, как над мальчиком насмеялась судьба, я расскажу в своем месте.

59. Слух о том, что Сегест передался римлянам и ему оказан благосклонный прием, воспринимается одними с надеждой, другими — с горечью, смотря по тому, были ли они против войны или стремились к ней. Похищение жены и то, что ее будущее дитя обречено рабству, приводили Арминия, гневливого и от приро-

ды, в безудержную ярость, и он носился среди херусков, требуя, чтобы они подняли оружие на Сегеста, оружие на Цезаря. Не воздерживался он и от поношений: превосходный отец, выдающийся полководец, храброе войско, столько рук, которыми увезена одна женщина! Перед ним полегли три легиона и столько же легатов; он ведет войну не предательски и не против беременных женщин, но открыто и против вооруженных врагов. В священных рощах германцев еще можно видеть значки римского войска, которые он там развесил в дар отечественным богам. Пусть Сегест живет на покоренном берегу, пусть его сын снова станет жрецом у алтаря смертному,— германцы вовек не простят, что между Альбисом и Рейном им пришлось увидеть розги, и секиры, и тогу. Другие народы, не знакомые с римским владычеством, не испытали казней, не знают податей. Германцы же избавились от всего этого, и с пустыми руками ушел от них этот причисленный к богам Август, этот его избранник Тиберий; так неужели они станут бояться неопытного юнца и мятежного войска? Если они предпочитают родину, предков и старину господам над собою и новым колониям, пусть лучше пойдут за Арминием, который ведет их к свободе и славе, чем за Сегестом, ведущим к постыдному рабству.

60. Эти речи подняли не только херусков, но и соседние племена; примкнул к Арминию и его дядя со стороны отца Ингвиомер, издавна пользовавшийся у римлян большим уважением, и это еще больше озаботило Цезаря. Чтобы не встретиться с объединенными силами неприятеля, он посылает Цецину с сорока когортами римлян пройти через земли бруктеров к реке Амизии и отвлечь врага, а конницу ведет в область фризов префект Педон. Сам Цезарь перевозит на кораблях по озерам четыре легиона; пехота, конница и корабли одновременно прибыли к названной реке. Нашими союзниками в этой войне стали и хавки, предложившие выставить вспомогательные отряды. Бруктеров, поджегших свои селения, рассеял Луций Стертиний, посланный Германиком с отрядом легковооруженных; истребляя неприятеля, он среди добычи обнаруживает орла девятнадцатого легиона, захваченного врагами при поражении Вара. Затем войско проследовало до наиболее отдаленных границ бруктеров

и опустошило земли между реками Амизией и Лупией, неподалеку от Тевтобургского леса, в котором, как говорили, все еще лежали непогребенными останки Вара и его легионов.

61. Тогда Цезаря охватывает желание отдать последний долг воинам и полководцу; и все находившееся с ним войско было взволновано скорбью о родственниках и близких и мыслями о превратностях войн и судьбе человеческой. Выслав вперед Цецину, чтобы обследовать чащи горных лесов, навести мосты и проложить гати через трясины и заболоченные луга, они вступают в унылую местность, угнетавшую и своим видом, и печальными воспоминаниями. Первый лагерь Вара большими размерами и величиной главной площади свидетельствовал о том, что его строили три легиона; далее полуразрушенный вал и неполной глубины ров указывали на то, что тут оборонялись уже остатки разбитых легионов: посреди поля белелись скелеты, где одинокие, где наваленные грудами, смотря по тому, бежали ли воины или оказывали сопротивление. Были здесь и обломки оружия, и конские кости, и человеческие черепа, пригвожденные к древесным стволам. В ближних лесах обнаружились жертвенники, у которых варвары принесли в жертву трибунов и центурионов первых центурий. И пережившие этот разгром, уцелев в бою или избежав плена, рассказывали, что тут погибли легаты, а там попали в руки врагов орлы; где именно Вару была нанесена первая рана, а где он нашел смерть от своей злосчастной руки и обрушенного ею удара; с какого возвышения произнес речь Арминий, сколько виселиц для расправы с пленными и сколько ям было для них приготовлено, и как, в своем высокомерии, издевался он над значками и орлами римского войска.

62. Итак, присутствовавшее здесь войско на шестой год после поражения Вара предало погребению останки трех легионов, и хотя никто не мог распознать, прикрывает ли он землей кости чужих или своих, их всех хоронили как близких, как кровных родственников, с возросшей ненавистью к врагам, проникнутые и печалью, и гневом. В основание насыпанного затем над их могилой холма первую дернину положил Цезарь, принося усопшим дань признательности и уважения и разделяя со всеми скорбь. Это не встретило одобре-

ния у Тиберия, то ли потому, что все поступки Германика он всегда истолковывал в худшую сторону, то ли потому, что, по его мнению, вид убитых и оставшихся непогребенными должен был ослабить боевой дух войска и возбудить в нем страх перед врагом; к тому же полководцу, облеченному саном авгура и отправляющему древнейшие священнодействия, не подобало заниматься погребением мертвых.

63. Германик, следуя за Арминием, отступавшим в непроходимые дебри, при первой представившейся возможности приказывает коннице захватить стремительным натиском поле, на котором расположились враги. Арминий, повелев своим сомкнуться как можно теснее и направиться к лесу, внезапно поворачивает назад, а затем спрятанному им в лесистом ущелье отряду подает знак устремиться на римлян. Свежими силами неприятеля наша конница была приведена в замешательство, а посланные ей на подмогу вспомогательные когорты, смятые толпой беглецов, усугубили смятение; и они были бы загнаны в топь, хорошо известную одолевающим и гибельную для ничего не знавших о ней, если бы Цезарь не подоспел с легионами и не построил их в боевые порядки; это испугало врагов и вселило уверенность в наших: противники разошлись без перевеса на чьей-нибудь стороне. Затем, снова приведя войско к Амизии, Цезарь переправляет легионы на кораблях, точно так же, как их доставил; части конницы было приказано следовать вдоль берега Океана до Рейна; Цецине, который вел свой старый отряд, было дано указание миновать как можно скорее, несмотря на то, что он возвращался уже известным путем, длинные гати. Это узкая тропа среди расстилавшихся на большом пространстве болот, которая была когда-то проложена Луцием Домицием; вдоль нее все было илистым, вязким от густой грязи и ненадежным из-за обильных ручьев. Вокруг — леса, подымавшиеся на пологих склонах и занятые Арминием, который, двигаясь кратчайшей дорогой и с предельной поспешностью, опередил наших обремененных поклажей и оружием воинов. Цецина, будучи неуверен, сможет ли он одновременно чинить обветшавшие гати и отражать неприятеля, решил расположиться лагерем тут же на месте, чтобы одни принялись за работу, а другие вступили в бой.

64. Варвары, стараясь прорвать выставленные заслоны и ринуться на ведущих работы, затевают стычки, обходят, наступают с разных сторон; смешиваются крики работающих и сражающихся. Все было неблагоприятно для римлян: топкая почва, засасывавшая остановившихся и скользкая для пытавшихся двигаться, тела, стесненные панцирями; и воины, увязавшие в жидкой грязи, не могли как следует метать дротики. Херуски, напротив, привыкли сражаться в болотах, отличались большим ростом и своими огромными копьями могли разить с очень далекого расстояния. Только ночь избавила от разгрома дрогнувшие уже легионы. Но германцы, воодушевленные успехом, и тут не дали себе отдыха, и всю воду, рождавшуюся на окрестных возвышенностях, отвели в низину; она залила ее и смыла то, что уже было сделано, удвоив работу воинам. Сороковой год служил в рядах войска Цецина и как подчиненный, и как начальник; повидав и хорошее и плохое, он был благодаря этому неустрашим. Обдумав, как могут в дальнейшем обернуться дела, он не нашел лучшего выхода, как удерживать в лесах неприятеля, пока не продвинутся вперед раненые и весь громоздкий обоз; ибо между горною цепью и болотами расстилалась равнина, на которой можно было обороняться, построив войско неглубокими боевыми порядками. Итак, назначаются легионы: пятый на правый фланг, двадцать первый — на левый, первый — чтобы вести за собой остальных, двадцатый — отражать преследующего врага.

65. Ночь и в том, и в другом лагере прошла неспокойно: варвары праздничным пиршеством, радостным пением или грозными кликами оглашали разбросанные внизу долины и отвечавшие эхом ущелья, а у римлян — тусклые огни, заглушенные голоса, воины, здесь и там прикорнувшие возле вала или бродившие между палаток, скорее бессонные, нежели бдительные. И военачальника устрашил тревожный сон, ибо он видел и слышал Квинтилия Вара, поднявшегося из болотной пучины и залитого кровью и как бы его призывавшего, но не последовал за ним и оттолкнул его протянутую руку. На рассвете легионы, посланные на фланги, покинули отведенные им участки, то ли из страха, то ли из своеволия, и поспешно расположились на поле за заболоченною низиной. Арминий,

однако, напал не сразу, хотя и мог это сделать, не встретив сопротивления; и лишь когда обозы увязли в грязи и рытвинах, пришли в смятение находившиеся возле них воины, был нарушен порядок движения, все сбилось в кучу, и, как это бывает в подобных обстоятельствах, каждый думал более всего о себе, и уши стали плохо воспринимать приказания, лишь тогда он велит германцам броситься в бой, воскликнув: «Вот он Вар и вторично скованные той же судьбой легионы!». И он тотчас же с отборными воинами врезается в ряды римского войска, поражая по преимуществу лошадей. Те, скользя в своей крови и в болотной топи, стряхивают с себя всадников, опрокидывают встречных, топчут упавших. Особенное смятение возникло вокруг орлов: не было возможности ни нести их под градом копий и стрел, ни воткнуть в топкую почву. Цецину, пытавшегося навести порядок в рядах, сбросил подколотый снизу конь, и он был бы окружен неприятелем, если б к нему не пришли на выручку воины первого легиона. Нашим помогла жадность врага, ради грабежа добычи прекратившего битву, и под вечер легионы выбрались наконец на ровное место и на твердую почву. Но и здесь их бедствиям еще не пришел конец. Нужно было насыпать вал и таскать для него землю, но многое из того, на чем ее носят и чем вырезают дерн, было потеряно; манипулы не имели палаток, нечем было перевязывать раненых; деля между собою забрызганные грязью и кровью припасы, воины горестно сетовали на надвигавшуюся гробовую тьму и на то, что для стольких тысяч людей пришел последний день.

66. Случилось, что сорвавшаяся с привязи лошадь, испугавшись какого-то крика, бросилась бежать и сбила с ног нескольких оказавшихся на ее пути воинов. Из-за этого среди римлян, решивших, что в лагерь вторглись германцы, возникло такое смятение, что все устремились к воротам, и особенно к задним, так как, находясь с противоположной от врага стороны, они сулили спасавшимся бо́льшую безопасность. Цецина, установив, что обуявший их ужас порожден ложной тревогой, тщетно пытался, приказывая, прося и даже хватая за руки, остановить или задержать воинов и наконец лег в самом проходе ворот, преградив таким образом дорогу бегущим, которые посовестились пройти

по телу легата; к тому же центурионам и трибунам удалось разъяснить толпе, что ее страх ложен.

67. Затем, собрав всех на главной лагерной площади, он призвал их к молчанию и разъяснил, чего требуют сложившиеся обстоятельства. Единственное спасение в оружии, но применить его нужно обдуманно и оставаться внутри укрепленного лагеря, пока неприятель, рассчитывая захватить его приступом, не подойдет вплотную к нему; а тогда необходимо со всех сторон обрушиться на врага; благодаря этой вылазке они смогут достигнуть Рейна. Если они предпочтут бежать, их ожидают еще более глухие леса, еще более глубокие топи, свирепый и беспощадный враг; если одержат победу — почет и слава. Он напоминает им и о том, что́ каждому из них дорого на родине, и об их воинской чести; о трудностях их положения он умолчал. После этого он раздает коней, начав со своих и не делая исключения ни для легатов, ни для трибунов, наиболее доблестным воинам, чтобы они первыми ринулись на врага, увлекая за собой пехотинцев.

68. Не менее беспокойно было и у германцев, возбужденных надеждами, нетерпением и разногласием между вождями: Арминий советовал не препятствовать римлянам выйти из лагеря и затем снова загнать их в болота и непроходимые топи, тогда как Ингвиомер склонял к более решительным и желанным для варваров действиям, предлагая пойти на укрепления приступом: так они быстро захватят лагерь, им достанется больше пленных и добыча будет в полной сохранности. Итак, с первым светом они принимаются засыпать рвы, заваливать их валежником, расшатывать частокол на валу, на котором, словно оцепенев от страха, неподвижно стояли редкие воины. И когда враги сгрудились у вала, когортам был подан знак к выступлению и раздаются звуки рожков и труб. Римляне с громкими кликами бросаются на германцев, заходя на них с тыла и крича, что тут им не леса и болота и что на ровном месте все равны пред богами. Врагов, надеявшихся на то, что они с легкостью разгромят римлян и что биться придется с немногочисленным и кое-как вооруженным противником, звуки труб и сверкающее оружие приводят в тем большее замешательство, чем неожиданнее они для них были, и они гибнут, столь же беспомощные при неудаче, насколько бывают дерзкими при успехе. Арминий вы-

шел из боя целый и невредимый. Ингвиомер — с тяжелою раной; остальных римляне истребляли, пока длился день и не была утолена жажда мщения. Легионы вернулись в лагерь лишь ночью, и, хотя раненых было больше, чем накануне, и по-прежнему не хватало продовольствия, в одержанной победе для них было все — и сила, и здоровье, и изобилие.

69. Между тем распространилась молва об окружении римского войска и о том, что несметные силы германцев идут с намерением вторгнуться в Галлию, и если бы не вмешательство Агриппины, был бы разобран наведенный на Рейне мост, ибо нашлись такие, которые в страхе были готовы на столь позорное дело. Но эта сильная духом женщина взяла на себя в те дни обязанности военачальника и, если кто из воинов нуждался в одежде или в перевязке для раны, оказывала необходимую помощь. Гай Плиний, описавший германские войны, рассказывает, что при возвращении легионов она стояла в головной части моста и встречала их похвалами и благодарностями. Все это глубоко уязвляло Тиберия: неспроста эти ее заботы, не о внешнем враге она помышляет, домогаясь преданности воинов. Нечего делать полководцам там, где женщина устраивает смотры манипулам, посещает подразделения, заискивает раздачами, как будто ей недостаточно для снискания благосклонности возить с собою повсюду сына главнокомандующего в простой солдатской одежде и выражать желание, чтобы его называли Цезарем Калигулой. Агриппина среди войска могущественнее, чем легаты, чем полководцы: эта женщина подавила мятеж, против которого было бессильно имя самого принцепса. Сеян разжигал и усугублял эти подозрения: хорошо изучив нрав Тиберия, он заранее сеял в нем семена ненависти, чтобы тот таил ее про себя, пока она вырастет и созреет.

70. Германик между тем из перевезенных на судах легионов второй и четырнадцатый передает Публию Вителлию и приказывает ему вести их дальше сухим путем; это было сделано ради того, чтобы облегченные корабли свободнее плавали в обильных мелями водах и с меньшей опасностью садились на них при отливе. Вителлий сначала беспрепятственно двигался по суше, лишь слегка увлажняемой во время прилива; вскоре, однако, северный ветер и созвездие равноденствия,

от которого особенно сильно вздувается Океан, обрушились на войско тяжелыми ударами. И земля была залита: море, берег, поля — все стало одинаковым с виду, и нельзя было отличить трясину от твердой земли, мелководье от глубокой пучины. Воинов опрокидывают волны, поглощают водовороты; лошади, грузы, трупы плавают между ними и преграждают им путь. Перемешиваются между собою манипулы; воины бредут в воде то по грудь, то по шею и порою, когда теряют дно под ногами, отрываются друг от друга или тонут. Ни крики, ни взаимные ободрения не помогают против набегающих волн; исчезло различие между проворным и вялым, рассудительным и неразумным, между предусмотрительностью и случайностью: все с одинаковой яростью сокрушается волнами. Наконец, Вителлий, добравшись до более высокого места, вывел туда свое войско. Ночевали без необходимой утвари, без огня, многие раздетые и израненные, едва ли не более жалкие, нежели те, кто окружен врагом: ибо там смерть по крайней мере почетна, тогда как здесь их ожидала лишь бесславная гибель. Рассвет возвратил им сушу, и они дошли до реки, куда с флотом направился Цезарь. Легионы были посажены на суда, между тем как распространился слух, что они утонули: и никто не верил в их спасение, пока люди не увидели своими глазами Цезаря и вернувшееся с ним войско.

71. Между тем Стертиний, высланный навстречу пожелавшему передаться нам Сегимеру, брату Сегеста, доставил его вместе с сыном в город убиев. Обоим было дано прощение; Сегимеру — легко, сыну — после некоторых колебаний, так как говорили о том, что он глумился над трупом Квинтилия Вара. Галлия, Испания и Италия, соревнуясь друг с другом в усердии, предлагали в возмещение понесенных войском потерь оружие, лошадей, золото — что кому было сподручнее. Похвалив их рвение, Германик принял только оружие и лошадей, необходимых ему для военных действий, а воинам помог из собственных средств. И для того чтобы смягчить в них воспоминание о пережитом бедствии еще и ласковым обращением, он обходит раненых и каждого из них превозносит за его подвиги; осматривая их раны, он укрепляет в них,— в ком ободрением, в ком обещанием славы, во всех — беседою

и заботами,— чувство преданности к нему и боевой дух.

72. В этом году Авлу Цецине, Луцию Апронию и Гаю Силию присуждаются триумфальные знаки отличия за деяния, совершенные ими вместе с Германиком. Тиберий отклонил титул отца отечества, который ему не раз предлагался народом; несмотря на принятое сенатом решение, он не позволил присягнуть на верность его распоряжениям, повторяя, что все человеческое непрочно и что чем выше он вознесется, тем более скользким будет его положение. Это, однако, не внушило доверия к его гражданским чувствам. Ибо он уже восстановил закон об оскорблении величия, который, нося в былое время то же название, преследовал совершенно другое: он был направлен лишь против тех, кто причинял ущерб войску предательством, гражданскому единству — смутами и, наконец, величию римского народа — дурным управлением государством; осуждались дела, слова не влекли за собой наказания. Первым, кто на основании этого закона повел дознание о злонамеренных сочинениях, был Август, возмущенный дерзостью, с какою Кассий Север порочил знатных мужчин и женщин в своих наглых писаниях; а затем и Тиберий, когда претор Помпей Макр обратился к нему с вопросом, не возобновить ли дела об оскорблении величия, ответил, что законы должны быть неукоснительно соблюдаемы. И его также раздражили распространявшиеся неизвестными сочинителями стихи о его жестокости и надменности и неладах с матерью.

73. Тут будет, пожалуй, нелишним рассказать о первых обвинениях подобного рода, испытанных на незначительных римских всадниках Фалании и Рубрии, чтобы стало понятно, с чего пошло это наитягчайшее зло, с каким искусством Тиберий дал ему возможность неприметно пустить ростки, как затем оно было подавлено, как в дальнейшем вспыхнуло с новою силой и, наконец, заразило решительно все. Фаланию обвинитель вменял в преступление принятие им в число блюстителей культа Августа,— которые были во всех домах, на положении жреческих коллегий,— некоего мима Кассия, известного телесным непотребством, и еще то, что, продав сад, он уступил вместе с ним в собственность покупателю и статую Августа. Рубрий обвинялся в том, что клятвопреступлением оскорбил святы-

ню Августа. Когда это стало известно Тиберию, он написал консулам, что его отец признан небожителем не для того, чтобы это воздаваемое ему почитание было обращено на погибель гражданам; лицедей Кассий вместе со своими товарищами по ремеслу постоянно принимает участие в зрелищах, посвящаемых его, Тиберия, матерью памяти Августа; если статуи Августа, как и другие изображения богов, при сделках на дома и сады переходят вместе с ними во владение покупателей, то это не является святотатством; на нарушение клятвы нужно смотреть так же, как если бы был обманут Юпитер: оскорбление богов — забота самих богов.

74. Немного спустя претора Вифинии Грания Марцелла обвинил в оскорблении величия его квестор Цепион Криспин, заявление которого было поддержано и Романом Гиспоном. Этот Криспин первым вступил на жизненный путь, который впоследствии сделали обычным тяжелые времена и человеческое бесстыдство. Нищий, безвестный, неугомонный, пока при помощи лживых наветов, питавших жестокость принцепса, не втерся к нему в доверие, он стал опасен для самых выдающихся людей государства и, сделавшись могущественным у одного и ненавистным для всех, подал пример, последовав которому многие, превратившись из бедняков в богачей и из презираемых во внушающих страх, приуготовили гибель другим, а под конец и самим себе. Что до Марцелла, то его он изобличал в поносных речах против Тиберия — неотвратимое обвинение, так как, выбрав из характера Тиберия самое мерзкое, обвинитель передавал это как слова обвиняемого. И так как все, о чем он говорил, было правдой, казалось правдой и то, что это было сказано обвиняемым. К этому Гиспон добавил, что свою собственную статую Марцелл поставил у себя в доме выше, чем статуи Цезарей, и что, отбив у другой статуи голову Августа, он заменил ее головою с лицом Тиберия. Выслушав это, Тиберий до того распалился, что, нарушив обычное для него молчание, заявил, что по этому делу открыто подаст свое мнение, подкрепив его клятвою, чтобы побудить и остальных поступить так же, как он. Но тогда еще сохранялись следы умиравшей свободы. И Гней Пизон на это сказал: «Когда же, Цезарь, намерен ты высказаться? Если первым, я буду знать, чему следовать; если последним, то опасаюсь,

как бы, помимо желания, я не разошелся с тобой во мнении». Смущенный словами Пизона и тем больше раскаиваясь в своей горячности, чем неожиданнее она была для него самого, он позволил снять с подсудимого обвинение в оскорблении величия; разбор дела о вымогательстве был поручен рекуператорам.

75. Не довольствуясь дознаниями в сенате, он присутствовал и в обыкновенных судах, сидя в углу трибунала, чтобы не сгонять претора с курульного кресла; и в его присутствии было принято немало решений вопреки проискам и ходатайствам власть имущих. Однако, способствуя торжеству справедливости, он тем самым ущемлял свободу. Так, например, сенатор Аврелий Пий, жалуясь, что прокладка проезжей дороги и постройка водопровода расшатали и привели в негодное состояние его дом, обратился к сенату за вспомоществованием. Преторы казначейства ответили на его просьбу отказом, и тогда Цезарь пришел ему на помощь и оплатил Аврелию стоимость его дома, желая, чтобы все выплаты из казны производились по-честному; эту добродетель, утратив все остальные, он сохранял в течение долгого времени. Бывшему претору Проперцию Целеру, просившему о своем исключении ввиду бедности из сенаторского сословия, он выдал миллион сестерциев, убедившись, что нужда была унаследована им от отца. Однако, когда другие попытались добиться того же, Тиберий велел им представить сенату доказательства своей недостаточности: из желания быть суровым он проявлял черствость и в том, что делал по справедливости. По этой причине прочие предпочли молчание и нужду признанию в ней и благодеяниям.

76. В том же году из-за непрерывных дождей Тибр вышел из берегов и затопил низкие части Рима; после спада воды обрушилось много построек, и под ними погибли люди. По этому поводу Азиний Галл предложил обратиться к Сивиллиным книгам. Тиберий, одинаково боявшийся гласности как в относящемся к воле богов, так и в делах человеческих, воспротивился этому, и изыскать средства к обузданию своенравной реки было поручено Атею Капитону и Луцию Аррунцию. Было решено освободить на время от проконсульской власти и передать в управление Цезарю Ахайю и Македонию, просивших облегчить им бремя

налогов. Распоряжаясь на гладиаторских играх, даваемых им от имени его брата Германика и своего собственного, Друз слишком открыто наслаждался при виде крови, хотя и низменной; это ужаснуло, как говорили, простой народ и вынудило отца выразить ему свое порицание. Почему Тиберий воздержался от этого зрелища, объясняли по-разному: одни — тем, что сборища внушали ему отвращение, некоторые — прирожденной ему угрюмостью и боязнью сравнения с Августом, который на таких представлениях неизменно выказывал снисходительность и благожелательность. Не думаю, чтобы он умышленно предоставил сыну возможность обнаружить перед всеми свою жестокость и навлечь на себя неприязнь народа, хотя было высказано и это мнение.

77. В театре еще больше усилились беспорядки, начавшиеся в минувшем году: было убито не только несколько человек из народа, но также воины и центурион, был ранен трибун преторианской когорты, когда они пытались пресечь буйство черни, обрушившейся с бранью на магистратов. Эти волнения обсуждались в сенате, и было внесено предложение предоставить преторам право налагать на актеров наказание розгами. Против этого заявил протест народный трибун Гатерий Агриппа, на которого напустился с бранной речью Азиний Галл, между тем как Тиберий хранил молчание, оставляя сенату эту видимость свободы. Все же протест трибуна возымел силу, так как божественный Август некогда заявил, что актеры не подлежат телесному наказанию, и Тиберию не подобало отменять его решение. Были приняты постановления о размере жалованья актерам и против разнузданности их поклонников; из этих постановлений важнейшие: чтобы сенатор не посещал мимов у них на дому, чтобы римские всадники не толпились вокруг них в общественном месте и не встречались с ними нигде, кроме как в театре; сверх того, преторы были наделены властью карать изгнанием распущенность зрителей.

78. Испанцам, согласно их просьбе, было дано разрешение на постройку в Тарраконской колонии храма Августу, и это послужило примером для всех прочих провинций. Народ обратился с ходатайством отменить налог с оборота в размере одной сотой его, введенный после междоусобных войн, на что Тиберий ответил

эдиктом, в котором указывал, что у военной казны нет иных источников пополнения; вместе с тем он заявил, что государство не выдержит бремени непомерных расходов, если воины будут служить менее двадцати лет. Таким образом, непродуманные уступки, сделанные в силу необходимости во время последнего мятежа и сокращавшие срок службы в войске до шестнадцати лет, были отменены.

79. Затем Аррунцием и Атеем был поставлен перед сенатом вопрос, считает ли он возможным для уменьшения разливов Тибра запрудить реки и озера, из-за которых и повышается его уровень; по этому поводу были выслушаны представители муниципиев и колоний, причем флорентинцы просили ни в коем случае не отводить Кланиса из привычного русла и не направлять его в Арн, так как это было бы для них гибельно. Близкое к этому заявляли и жители Интерамны: плодороднейшие земли Италии придут в запустение, если река Нар, спущенная в канавы (как это предполагалось), заболотит близлежащую местность. Не молчали и реатинцы, возражая против постройки плотины на Велинском озере, в том месте, где из него изливается Нар, и говоря, что оно выйдет из берегов и затопит окрестности; что природа, определившая рекам их устья и течение, истоки и разливы, достаточно позаботилась о делах человеческих; к тому же нельзя не считаться с обычаями и верованьями союзников, посвятивших рекам родной страны обряды, рощи и жертвенники, да и сам Тибр не желает, чтобы у него отняли соседствующие с ним реки и его течение стало от этого менее величавым. Оказались ли тут решающими просьбы колоний, или трудности работ, или, наконец, суеверия, но взяло верх высказанное Гнеем Пизоном мнение, что все следует оставить как оно есть.

80. За Поппеем Сабином была сохранена провинция Мезия с добавлением еще Ахайи и Македонии. И вообще у Тиберия было обыкновение удерживать большинство должностных лиц во главе тех же войск и тех же гражданских управлений. Объясняют это по-разному: одни говорят, что он оставлял в силе свои назначения из нежелания затруднять себя дополнительными заботами, некоторые — что делал это по злобе, чтобы не расточать милостей многим; есть и такие, которые полагают, что, будучи весьма проницателен умом, он

был столь же нерешителен в суждениях. С одной стороны, он не выказывал предпочтения добродетелям, а с другой — ненавидел порочность: в выдающихся людях он видел опасность для себя, в дурных — общественное бесчестье. В этих колебаниях он дошел до того, что не раз поручал провинции тем, кого не согласился бы выпустить из Рима.

81. Что касается консульских выборов, происходивших тогда впервые при этом принцепсе и всех последовавших за ними в годы его правления, то я едва ли решусь сказать по этому поводу что-либо определенное: до того разноречивы сведения не только у писавших о них, но и содержащиеся в речах самого Тиберия. Иногда, не называя имен кандидатов, он с такими подробностями говорил об их происхождении, образе жизни, проделанных ими походах, что всем было ясно, о ком идет речь; иногда, воздерживаясь даже и от таких объяснений, он увещевал кандидатов не осложнять выборов происками и подкупом и давал обещание взять на себя заботу об их избрании. В большинстве случаев он утверждал, что о своем желании выступить соискателями ему заявили лишь те, чьи имена он сообщил консулам; могут сделать подобное заявление и другие, если рассчитывают на общее расположение и свои заслуги; но это были красивые слова, на деле пустые и исполненные коварства, и чем больше в них было видимости свободы, тем большее порабощение они с собою несли.

КНИГА ВТОРАЯ

1. В КОНСУЛЬСТВО Сизенны Статилия (Тавра) и Луция Либона было нарушено спокойствие в царствах Востока и в римских провинциях. Началось с парфян, которые, испросив у Рима и получив оттуда царя, гнушались им, как чужестранцем, невзирая на то, что он принадлежал к роду Арсакидов. Это был Вонон, отданный Фраатом в заложники Августу. Ибо Фраат, хотя он и изгнал римское войско и его полководцев, все же оказывал Августу всяческое почтение и ради укрепления дружбы отослал к нему часть своего потомства не столько из страха пред нами, сколько из недоверия к своим соплеменникам.

2. После смерти Фраата и следовавших за ним царей парфянская знать вследствие кровавых междоусобиц направила в Рим послов, призвавших на царство старшего из детей Фраата — Вонона. Цезарь воспринял это как дань высокого уважения к себе и возвысил Вонона богатыми дарами. Варвары встретили его ликованием, как это чаще всего бывает при воцарении новых властителей. Вскоре, однако, их охватил стыд: выродились парфяне; на другом конце света вымолили они себе царя, отравленного воспитанием во вражеском стане; трон Арсакидов уже предоставляется наравне с римскими провинциями. Где слава тех, кто умертвил Красса, изгнал Антония, если раб Цезаря, на протяжении стольких лет прозябавший в неволе, повелевает парфянами? Да и сам Вонон давал пищу этой враждебности: чуждый обычаям предков, он редко охотился и был равнодушен к конным забавам; на улицах городов появлялся не иначе как на носилках и пренебрегал такими пирами, какими они были на его родине. Вызывали насмешки и его приближенные греки, и то, что любая безделица из его утвари хранилась под замком и опечатанной. Его доступность, ласковость и доброжелательность — добродетели, неве-

домые у парфян,— были, на их взгляд, не более чем пороками; и поскольку все это было несходно с их нравами, они питали равную ненависть и к дурному, и к хорошему в нем.

3. Итак, они вызывают Артабана, по крови Арсакида, выросшего среди дагов; разбитый в первом сражении, он собирает новые силы и овладевает Парфянским царством. Побежденный Вонон укрылся в Армении, которая тогда оставалась без государя и, находясь между могущественными державами парфян и римлян, была в отношении нас ненадежна вследствие бесчестного поступка Антония, завлекшего под личиною дружбы, затем бросившего в оковы и, наконец, предавшего смерти армянского царя Артавазда. Его сын Артаксий, враждебный нам в память отца, обезопасил себя и свое царство, опираясь на мощь Арсакидов. После того как Артаксий был предательски убит родичами, Цезарь дал армянам Тиграна, которого возвел на престол Тиберий Нерон. Но ни царствование Тиграна, ни царствование его детей, соединившихся по чужеземному обычаю в браке и правивших сообща, не были длительными.

4. Потом по приказанию Августа власть над армянами получил Артавазд, который спустя короткое время был свергнут ими не без ущерба для нас. Тогда, чтобы навести порядок в Армении, туда был направлен Гай Цезарь. С согласия и одобрения армян он поставил царем над ними Ариобарзана, родом мидянина, отличавшегося телесною красотой и выдающимися душевными качествами. После того как его постигла смерть от несчастного случая, армяне не пожелали терпеть царями его детей; испытали они и правление женщины, которую звали Эрато, но и она была вскоре низложена; и вот растерянные и скорее потому, что были лишены государя, чем по свободному выбору, они принимают на царство бежавшего к ним Вонона. Но так как ему начал угрожать Артабан,— а если б мы стали его защищать, нам пришлось бы вступить в войну с парфянами,— правитель Сирии Кретик Силан вызвал Вонона к себе и, сохранив ему прежнюю роскошь и царский титул, окружил его стражею. Как поступил Вонон, чтобы снять с себя это бесчестье, мы сообщим в свое время.

5. Неурядицы на Востоке не были, впрочем, неприятны Тиберию: это был хороший предлог, чтобы разлучить Германика с преданными ему легионами и, назначив его правителем новых провинций, сделать его доступным и для коварства, и для случайностей. А Германик, чем бо́льшую преданность выказывали ему воины, а неприязнь — дядя, тем упорнее стремился ускорить победу и тщательно вникал в ход сражений и причины всех неудач и успехов, выпавших на его долю за время войны, которую он вел уже третий год. Он видел, что германцы не могут устоять в правильных битвах на подходящей для этого местности; им помогают леса, болота, короткое лето и ранняя зима; в действиях против германцев воины не столько страдают от ран, сколько от больших расстояний, которые им приходится проходить, и от убыли вооружения; Галлия больше не в состоянии поставлять лошадей; длинная вереница обозов уязвима для засад, и охранять ее трудно. Но если отправиться морем, то римлян оно не страшит, тогда как врагам совершенно неведомо; в этом случае можно раньше начинать военные действия и одновременно с легионами перевозить необходимое им продовольствие; всадники и лошади, переправленные по устьям и течениям рек, прибудут свежими в самое сердце Германии.

6. Итак, он приступает к осуществлению своего замысла. Послав в Галлию для сбора податей Публия Вителлия и Гая Анция, он поручает Силию, Антею и Цецине руководить постройкою флота. Было сочтено достаточным соорудить тысячу судов, и вскоре они были готовы — одни короткие, с тупым носом и такой же кормой, но широкие посредине, чтобы лучше переносить волнение на море, другие — плоскодонные, чтобы могли без повреждения садиться на мели; у большинства кормила были прилажены и сзади, и спереди, чтобы, гребя то вперед, то назад, можно было причалить, где понадобится; многие суда с настланными палубами для перевозки метательных машин были вместе с тем пригодны и для того, чтобы перевозить на них лошадей или продовольствие; приспособленные для плавания под парусами и быстроходные на веслах, эти суда, несшие на себе умелых и опытных воинов, могли устрашить уже одним своим видом. Местом сбора был назначен Батавский остров, так как тут было легко причалить и погрузить войско, с тем

чтобы переправить его туда, где намечались военные действия. Дело в том, что Рейн, который на всем протяжении имеет одно-единственное русло или обтекает небольшие острова, у границы земли батавов расчленяется как бы на две разные реки, причем там, где он проходит мимо Германии, он сохраняет то же название и ту же стремительность, пока не смешивается с водами Океана; у галльского же берега он разливается вширь и течет гораздо спокойнее. Местные жители, дав ему другое название, именуют его здесь Вагалом; а затем, сменив и это наименование на имя реки Мозы, он огромным устьем изливается в тот же Океан.

7. Между тем Цезарь в ожидании подхода судов приказывает легату Силию с налегке снаряженным отрядом сделать набег на хаттов; сам же, узнав, что поставленное на реке Лупии укрепление осаждено неприятелем, ведет туда шесть легионов. Но ни Силию из-за внезапно разразившихся ливней не удалось сделать что-либо большее, чем захватить незначительную добычу, а также жену и дочь вождя хаттов Арпа, ни Цезарю — дать сражение осаждающим, так как, прослышав о его приближении, они сняли осаду и рассеялись. Все же враги разметали могильный холм, недавно насыпанный над останками воинов Вара, и разрушили старый жертвенник, некогда поставленный Друзу. Полководец восстановил этот жертвенник и торжественно провел мимо него свои легионы, воздав отцу эту почесть. Насыпать еще раз могильный холм он счел излишним. И все пространство между укреплением Ализоном и Рейном было ограждено новыми пограничными сооружениями и валами.

8. Между тем прибыл флот; выслав заранее продовольствие и распределив суда между легионами и союзниками, Германик, войдя в канал, носивший имя Друза, обратился с мольбой к отцу Друзу, чтобы тот благосклонно и милостиво отнесся к сыну, дерзнувшему пойти по его следам, и помог ему своим примером и напоминанием о своих замыслах и деяниях; затем он в благополучном плавании прошел озера и Океан вплоть до Амизии. Войско высадилось с судов у устья Амизии, у левого ее берега, и это было ошибкой, так как воинов, направлявшихся в земли, лежащие по правую руку от этой реки, не подвезли и не переправили куда следовало; из-за этого было потеряно много

дней, потраченных на наводку мостов. И конница, и легионы бесстрашно перешли первые затопляемые низины, так как они еще не были залиты приливной волной, но шедшие последними вспомогательные отряды союзников, и среди них батавы, желая показать свое умение плавать и бросившись в воду, смешались, и некоторые были ею поглощены. Цезарь был занят разбивкой лагеря, когда пришло известие об отпадении у него в тылу ангривариев: посланный против них с конницей и легковооруженными воинами Стертиний огнем и мечом покарал их вероломство.

9. Между римлянами и херусками протекала река Визургий. На ее берег пришел Арминий с другими вождями. Осведомившись, прибыл ли Цезарь, и получив утвердительный ответ, он попросил разрешения переговорить с братом. Этот брат, находившийся в нашем войске, носил имя Флава; отличаясь безупречной преданностью, Флав, служа под начальством Тиберия, за несколько лет до этого был ранен и потерял глаз. Получив дозволение на свидание, Флав вышел вперед, и Арминий обратился к нему с приветствием, затем он отослал своих спутников и потребовал, чтобы ушли и наши лучники, которые были расставлены на берегу. После того как это было исполнено, Арминий спрашивает брата, откуда у него на лице увечье. Когда тот назвал место и битву, Арминий допытывается, какую награду он за него получил. Флав ответил, что ему увеличили жалованье и дали ожерелье, венец и другие воинские награды, и Арминий стал насмехаться над ним, говоря, что это дешевая плата за рабство.

10. После этого между ними разгорается спор; один говорит о римском величии, о мощи Цезаря, о суровом возмездии, ожидающем побежденных, о милости, обеспеченной всякому, кто покорится, о том, что с женою и сыном Арминия не обращаются как с врагами; другой — о долге перед родиной, об унаследованной от предков свободе, об исконных германских богах, о том, что и мать также призывает Флава вернуться и быть не перебежчиком и предателем в отношении родственников и близких, наконец всего племени, а его предводителем. Понемногу дело дошло до ссоры, и даже разделявшая их река не помешала бы им схватиться друг с другом, если бы подскакавший Стертиний не удержал распаленного гневом Флава, требо-

вавшего оружие и коня. На другом берегу был виден Арминий, который разражался угрозами и вызывал римлян на бой; в свою речь он вставлял многое на латинском языке, так как когда-то служил в римском войске, начальствуя над своими соотечественниками.

11. На следующий день германцы построились в боевом порядке на той стороне Визургия. Сочтя, что долг полководца возбраняет ему подвергнуть легионы величайшей опасности, когда мосты не наведены и надежные заслоны не выставлены, Цезарь переправляет вброд только конницу. Возглавляли ее Стертиний и центурион первого манипула Эмилий, которые бросились в воду на некотором расстоянии друг от друга, чтобы разъединить силы врага. Там, где поток был особенно бурным, пробился к тому берегу Хариовальда, вождь батавов. Херуски притворным бегством завлекли его на поляну, окруженную поросшими лесом холмами; здесь, снова появившись пред ним и высыпав отовсюду, они теснят противников, преследуют отходящих и поражают собравшихся в круг батавов, кто, вступая с ними в рукопашную схватку, кто — издали. Хариовальда, долгое время сдерживавший яростный натиск врагов, призвав своих сплотиться и прорвать напирающие на них толпы херусков, пробивается вперед и оказывается в самой их гуще; там, осыпаемый дротиками и стрелами, он падает с раненого коня, и рядом с ним — многие из знатных батавов. Других спасли от гибели собственная их сила и подоспевшие к ним на помощь всадники со Стертинием и Эмилием.

12. Переправившись через Визургий, Цезарь узнал из показания перебежчика, какое поле сражения выбрал Арминий и что другие племена собрались в посвященном Геркулесу лесу и решили произвести ночное нападение на римский лагерь. Это показание внушало доверие, да и были видны неприятельские костры; к тому же разведчики, пробравшиеся поближе к врагам, донесли, что слышно конское ржание и смутный шум, поднимаемый огромным и беспорядочным людским скопищем. Итак, сочтя, что перед решающей битвой следует ознакомиться с настроением воинов, Германик принялся размышлять, каким образом получить о нем неискаженные сведения. Трибуны и центурионы

 чаще всего сообщают скорее приятные, чем достовер-

ные вести, вольноотпущенники по своей природе угодливы, приближенным свойственно льстить; если он созовет легионы на сходку, то чтó на ней скажут немногие первые, то и будет подхвачено остальными. Глубже можно познать душу воинов лишь тогда, когда, оставшись в своей среде и выйдя из-под надзора, они делятся за солдатской едой своими надеждами и опасениями.

13. С наступлением ночи, выйдя всего с одним провожатым из авгурала и пробираясь с накинутой на плечи звериною шкурой по неведомым ночной страже темным закоулкам, он обходит лагерные дорожки, останавливается возле палаток, слышит, что о нем говорят: один превозносит похвалами знатность своего полководца, другой — его благородную внешность, большинство — его выдержку и обходительность, постоянство характера и в важных делах, и в шутках, и все они приходят к решению, что должны отблагодарить его на поле сражения и что вероломных нарушителей мира нужно принести в жертву мщению и славе. И в это самое время один из врагов, знавший латинский язык, подскакав к валу, громко объявил, что Арминий обещает каждому, кто перейдет в войско германцев, жен и поля и по сто сестерциев в день, пока не закончатся военные действия. Это оскорбление разбудило гнев легионов: пусть только наступит срок и начнется сражение; они захватят земли германцев и завладеют их женами; они принимают только что явленное им предзнаменование и предназначают себе в добычу женщин и имущество врагов. Около третьей стражи на лагерь пытались совершить набег, но неприятелем не было брошено ни одного дротика, так как он обнаружил, что на укреплениях плотно стоят когорты и все надежно защищено.

14. Той же ночью Германику приснился хороший сон; ему снилось, что, принося жертву, он забрызгал себе претексту священною кровью и получил из рук своей бабки Августы другую, еще красивее. Окрыленный этим знамением и подкрепившими его ауспициями, он созывает воинскую сходку и излагает, чему учит предусмотрительность и как следует действовать в предстоящей битве. Римский воин может успешно сражаться не только в открытом поле, но, если разумно использует обстановку, то и в лесах, и в поросших лесом горах; ведь огромные щиты варваров и их непомерно

длинные копья менее пригодны для боя среди древесных стволов и низкой поросли, чем римские дротики и мечи и покрывающие тело доспехи. Нужно учащать удары, направляя острие оружия в лицо: у германцев нет панцирей, нет шлемов, да и щиты у них не обиты ни железом, ни кожею — они сплетены из прутьев или сделаны из тонких выкрашенных дощечек. Только сражающиеся в первом ряду кое-как снабжены у них копьями, а у всех остальных — обожженные на огне колья или короткие дротики. И тела их, насколько они страшны с виду и могучи при непродолжительном напряжении, настолько же невыносливы к ранам; германцы, не стыдясь позора, нисколько не думая о своих вождях, бросают их, обращаются в бегство, трусливые при неудаче, попирающие законы божеские и человеческие, когда возьмут верх. Если его воины хотят покончить с тяготами походов и плаваний, то это сражение приближает желанный отдых. Теперь река Альбис ближе, чем Рейн, а за нею воевать не с кем, лишь бы ему, идущему по той же земле, что отец и дядя, и ступающему по их следам, они добыли решительную победу.

15. Речь полководца воспламенила воинов, и был подан знак к началу сражения. Арминий и остальные вожди германцев также не переставали убеждать своих соплеменников, что это те самые римляне — наиболее быстрые в бегстве, какие были в войске у Вара,— которые, чтобы больше не воевать, подняли возмущение; они предстанут перед ожесточившимся снова врагом, пред разгневанными ими богами, часть — заклейменные ранами в спину, часть — с перебитыми в морских бурях членами, без малейшей надежды на спасение. Они прибегли к кораблям и окольному переходу по Океану, чтобы, направляясь сюда, не встретиться с теми, кто стал бы на их пути, кто, нанеся им поражение, преследовал бы их по пятам; но где сходятся врукопашную, там побежденные не найдут помощи у ветров и вёсел: «Вспомним о римской алчности, жестокости и надменности; есть ли у нас другой выход, как только отстоять свою независимость или погибнуть, не давшись в рабство?»

16. Распаленных такими речами и требующих боя воинов они выводят на равнину, носящую название Идиставизо. Расположенная между Визургием и холмами,

она имеет неровные очертания и различную ширину, смотря по тому, отступают ли берега реки или этому препятствуют выступы гор. В тылу у германцев поднимался высокоствольный лес с голой землей между деревьями. Равнины и опушки лесов занимали отряды варваров; только херуски засели на вершинах холмов, чтобы во время сражения обрушиться сверху на римлян. Наше войско двигалось так: впереди вспомогательные отряды галлов и германцев, за ними — пешие лучники; затем — четыре легиона и Цезарь с двумя преторианскими когортами и отборною конницей; далее столько же других легионов и легковооруженные воины вместе с конными лучниками и когортами союзников. Воины были готовы вступить в бой, соблюдая тот же порядок, в каком они шли.

17. Увидев яростно устремившиеся вперед толпы херусков, Германик приказывает наиболее доблестным всадникам напасть на них с фланга, а Стертинию с остальной конницей обойти врага и ударить на него с тыла; сам он должен был в подходящий момент оказать им поддержку. Между тем внимание полководца привлекло прекрасное предзнаменование: восемь орлов пролетели по направлению к лесу и там опустились. Увидав это, он воскликнул, обращаясь к воинам, чтобы они последовали за римскими птицами, исконными святынями легионов. Навстречу херускам устремляются пехотинцы, и одновременно их тыл и фланги теснит высланная заранее конница. И удивительное дело! Два отряда врагов пускаются бежать в противоположные стороны, те, что были в лесу,— на открытое поле, а те, что стояли на поле,— в лес. Находившихся между ними херусков римляне теснили с холмов; среди врагов виднелся Арминий, который словом, примером в бою, стойкостью в перенесении ран побуждал их держаться. И он опрокинул бы лучников и прорвался, если бы ему не преградили пути когорты ретов, винделиков и галлов. Употребив всю свою силу и быстроту коня, он все же пробился, измазав себе лицо своею кровью, чтобы остаться неузнанным. Некоторые передают, что хавки, сражавшиеся среди римских вспомогательных войск, узнали его, но дали ему ускользнуть. Такая же доблесть или хитрость спасла и Ингвиомера; остальные были перебиты. Большинство пытавшихся переплыть Визургий погибло от пу-

щенных в них стрел и дротиков или в стремнинах реки, наконец — в потоке бегущих или от обвалов под их тяжестью берегов. Некоторые, в позорном бегстве взобравшиеся на верхушки деревьев и прятавшиеся там между ветвей, расстреливались забавы ради подоспевшими лучниками, другие были раздавлены сваленными под ними деревьями.

18. Это была большая победа и почти не стоившая нам крови. С пятого часа дня и до ночи наши рубили врагов; на протяжении десяти тысяч шагов все было усеяно их трупами и оружием, причем среди доставшейся нам добычи были обнаружены цепи, которые, не сомневаясь в исходе битвы, запасли для римлян германцы. Воины тут же на поле сражения провозгласили Тиберия императором и, выложив насыпь, водрузили на нее в виде трофея оружие с надписью, в которой были поименованы побежденные племена.

19. Не столько раны, потери и поражение, сколько вид этой насыпи наполнил германцев скорбью и яростью. Только что собиравшиеся покинуть свои селения и уйти за Альбис, они теперь жаждут боя, хватаются за оружие; простые и знатные, молодежь, старики — все совершают внезапные набеги на продвигавшееся римское войско и приводят его в расстройство. Наконец, они выбирают поле сражения, зажатое между рекой и лесами, с тесной и топкой равниною посередине; да и леса отовсюду были окружены непроходимым болотом, кроме той стороны, где ангриварии, чтобы отгородиться от херусков, возвели широкую насыпь. Здесь стала пехота, а всадники укрылись в ближайших рощах, с тем чтобы оказаться в тылу у вошедших в лес легионов.

20. Цезарь был обо всем этом осведомлен: он знал замыслы и места расположения неприятеля, все явное и все тайное, и обращал его хитрость ему же на погибель. Легату Сею Туберону он поручает конницу и открытое поле; пехотинцев же выстраивает таким образом, чтобы часть их вошла в лес ровной дорогой, а другая — преодолев противолежащую насыпь. Более трудное он оставляет себе, остальное поручает легатам. Кому выпало наступать по равнине, те вторглись без трудностей, но кому досталось захватить насыпь, на тех сверху посыпались удары, как если бы они подошли к крепостной стене. Полководец понял, что

ближний бой невыгоден римлянам, и, отведя поодаль легионы, приказывает пращникам и камнеметателям бить по врагу. Извергали копья и метательные машины, и чем больше защитников показывалось на насыпи, тем большее число раненых сваливалось с нее. По овладении валом Цезарь первым во главе преторианских когорт ворвался в лес, и там завязалась рукопашная схватка; у врагов к тылу примыкало болото, у римлян — река и горы; и тем и другим некуда было податься: они могли рассчитывать только на свою доблесть, их спасение было только в победе.

21. Германцы дрались с неменьшей отвагой, чем римляне, но условия боя и их оружие были неблагоприятны для них: стиснутые во множестве на узком пространстве, они не могли ни наносить ударов своими чрезмерно длинными копьями, ни быстро отводить их назад, ни применять выпады, используя свою подвижность и ловкость; напротив, римские воины, у которых щит был тесно прижат к груди, а рука крепко держала рукоятку меча, пронзали огромные тела варваров и их ничем не защищенные лица, пробивая себе дорогу в гуще повергаемых ими врагов; да и Арминий действовал с меньшей стремительностью, чем прежде, то ли потому, что был утомлен непрерывными битвами, или, может быть, свежая рана сковывала его движения. И Ингвиомера, который носился по всему полю боя, скорее покинуло военное счастье, чем личная доблесть. Германик, чтобы его легче могли узнать в рядах римлян, снял шлем с головы и призывал своих не прекращать сечу: не нужны пленные, только уничтожение племени положит конец войне. Уже на исходе дня он вывел из боя один легион, чтобы разбить лагерь; прочие легионы лишь с наступлением темноты пресытились вражеской кровью. Всадники сражались с переменным успехом.

22. Созвав сходку воинов и воздав на ней хвалу победителям, Цезарь повелел сложить в груду захваченное оружие с гордой надписью: «Одолев народы между Рейном и Альбисом, войско Тиберия Цезаря посвятило этот памятник Марсу, Юпитеру и Августу». О самом себе Германик ничего не добавил, опасаясь ли зависти или довольствуясь сознанием выполненного им дела. Вслед за тем он поручает Стертинию пойти походом на ангривариев, если они не поторопятся изъявить по-

корность. Те смиренно попросили пощады на любых условиях и получили прощение за все прошлое.

23. Но так как первая половина лета уже миновала, Цезарь, отправив сухим путем несколько легионов в зимние лагери, посадил остальную, бóльшую, часть своего войска на корабли и провел их по реке Амизии в Океан. Сначала спокойствие морской глади нарушалось только движением тысячи кораблей, шедших на веслах или под парусами; но вскоре из клубящихся черных туч посыпался град; от налетавших со всех сторон вихрей поднялось беспорядочное волнение: пропала всякая видимость, и стало трудно управлять кораблями; перепуганные, не изведавшие превратностей моря воины или мешали морякам в их работе, или, помогая им несвоевременно и неумело, делали бесплодными усилия самых опытных кормчих. Затем и небом, и морем безраздельно завладел южный ветер, который, набравшись силы от влажных земель Германии, ее полноводных рек и проносящегося над нею нескончаемого потока туч и став еще свирепее от стужи близкого севера, подхватил корабли и раскидал их по открытому Океану или повлек к островам, опасным своими отвесными скалами или неведомыми мелями. Лишь с большим трудом удалось немного от них отойти, но, когда прилив сменился отливом, который понес корабли в ту же сторону, куда их относил ветер, стало невозможно держаться на якоре и вычерпывать беспрерывно врывавшуюся воду; тогда, чтобы облегчить корабли, протекавшие по бокам и захлестываемые волнами, стали выбрасывать в море лошадей, вьючный скот, снаряжение воинов и даже оружие.

24. Насколько Океан яростнее прочих морей и климат в Германии суровее, чем где бы то ни было, настолько и это бедствие выдавалось небывалыми размерами. Кругом были враждебные берега или такое бесконечное и глубокое море, что казалось, будто оно на краю света и земли больше не будет. Часть кораблей поглотила пучина, большинство было отброшено к лежащим вдалеке островам; и так как они были необитаемы, воины, за исключением тех, кого поддержали выкинутые прибоем конские трупы, погибли от голода. Только трирема Германика причалила к земле хавков; дни и ночи проводил он на прибрежных утесах или вдававшихся в море мысах, называя себя виновником

этого бедствия, и приближенные с большим трудом удержали его от того, чтобы он не нашел себе смерть в том же море. Наконец, вместе с приливом и попутным ветром вернулись разбитые корабли с немногочисленными гребцами и одеждой, натянутой взамен парусов, иные — влекомые менее пострадавшими. Поспешно починив корабли, Германик отправил их обойти острова; благодаря этой его заботливости было подобрано немало воинов; многие были возвращены недавно принятыми под нашу власть ангривариями, выкупившими их у жителей внутренних областей; некоторые были увезены в Британию и отпущены тамошними царьками. И каждый, вернувшись из дальних краев, рассказывал чудеса о невероятной силе вихрей, невиданных птицах, морских чудовищах, полулюдях-полузверях — обо всем, что он видел или во что со страху уверовал.

25. Слух о гибели флота возродил в германцах воинственный пыл, и это заставило Цезаря принять необходимые меры. Он велит Гаю Силию с тридцатью тысячами пехотинцев и тремя тысячами всадников выступить в поход против хаттов; сам он с еще большим войском нападает на марсов, недавно передавшийся римлянам вождь которых Малловенд сообщил, что зарытый в находящейся поблизости роще орел одного из легионов Квинтилия Вара охраняется ничтожными силами. Туда немедленно был выслан отряд с предписанием отвлечь неприятеля на себя, и другой — чтобы, обойдя его с тыла, выкопать орла из земли; и тем и другим сопутствовала удача. Тем решительнее Цезарь устремляется внутрь страны, опустошает ее, истребляет врага, не смевшего сойтись в открытом бою или если кое-где и оказывавшего сопротивление, тотчас же разбиваемого и никогда, как стало известно от пленных, не трепетавшего так перед римлянами. Ибо они, как утверждали марсы, непобедимы и не могут быть сломлены никакими превратностями: ведь, потеряв флот, лишившись оружия, усеяв берега трупами лошадей и людей, они с той же доблестью и тем же упорством и как будто в еще большем числе вторглись в их земли.

26. После этого воины были отведены в зимние лагери, и у них было радостно на душе оттого, что несчастье на море они уравновесили удачным походом. Во-

одушевил их и Цезарь своею щедростью, возместив каждому заявленный им урон. Было очевидно, что неприятель пал духом и склоняется к решению просить мира и что нужно еще одно лето, и тогда можно будет закончить войну. Но Тиберий в частых письмах напоминал Германику, чтобы тот прибыл в Рим и отпраздновал дарованный ему сенатом триумф. Довольно уже успехов, довольно случайностей. Он дал счастливые и большие сражения, но не должен забывать, что ветры и бури, без вины полководца, причинили жестокий и тяжелый ущерб. Божественный Август девять раз посылал самого Тиберия в Германию, и благоразумием он добился там большего, нежели силою. Именно так были им подчинены отдавшиеся под власть римлян сугамбры и укрощены мирным договором свебы и царь Маробод. И херусков, и остальные непокорные племена, после того как римляне им должным образом отмстили, можно предоставить их собственным междоусобицам и раздорам. В ответ на просьбу Германика дать ему год для завершения начатого Тиберий еще настойчивее пытается разжечь в нем тщеславие, предлагая ему консульство на второй срок, с тем чтобы свои обязанности он отправлял лично и находясь в Риме. К этому Тиберий добавлял, что если все еще необходимо вести войну, то пусть Германик оставит и своему брату Друзу возможность покрыть себя славою, так как при отсутствии в то время других врагов он только в Германии может получить императорский титул и лавровый венок. И Германик не стал дольше медлить, хотя ему было ясно, что все это вымышленные предлоги и что его желают лишить уже добытой им славы только из зависти.

27. В это же время на Либона Друза из рода Скрибониев поступил донос, обвинявший его в подготовке государственного переворота. О возникновении, ходе и окончании этого дела я расскажу подробнее, так как тогда впервые проявилось то зло, которое столько лет разъедало государство. Сенатор Фирмий Кат, один из ближайших друзей Либона, склонил этого недальновидного и легковерного юношу к увлечению предсказаниями халдеев, таинственными обрядами магов и снотолкователями; настойчиво напоминая ему, что Помпей — его прадед, Скрибония, некогда жена Августа, — тетка, Цезари — двоюродные братья и что его

дом полон изображений прославленных предков, он, соучаствуя в его разгульном образе жизни и помогая ему в добывании взаймы денег, всячески побуждал его к роскошеству и вводил в долги, чтобы собрать возможно больше изобличающих его улик.

28. Найдя достаточное число свидетелей и хорошо осведомленных рабов, он начинает домогаться свидания с принцепсом, предварительно сообщив ему через римского всадника Флакка Вескулария, имевшего доступ к Тиберию, о преступлении и виновном в нем. Отнюдь не отвергая доноса, Цезарь все же отказался встретиться с Катом: ведь они могут общаться при посредстве того же Флакка. Между тем Тиберий жалует Либона претурой, допускает на свои пиршества, разговаривает с ним, не меняясь в лице и ни словом не выказывая своего раздражения — так глубоко затаил он гнев! И хотя он легко мог сдержать Либона, Тиберий выжидает, предпочитая знать все его слова и дела, пока некий Юний, которого Либон попросил вызвать заклятиями тени из подземного царства, не донес об этом Фульцинию Триону. Этот Трион среди обвинителей слыл выдающимся и дорожил своей недоброю славой Он тотчас же берет на себя обвинение, отправляется к консулам, требует, чтобы сенат произвел расследование. И сенаторы созываются на заседание, оповещенные о том, что предстоит рассмотреть важное и ужасное дело.

29. Между тем в траурной одежде, в сопровождении знатных женщин Либон ходит из дома в дом, упрашивает родственников, ищет у них поддержки против грозящей ему опасности, но под разными предлогами, а в действительности вследствие все той же боязни ему повсюду в этом отказывают. В день сенатского заседания его, измученного страхом и телесным недугом или, как утверждали некоторые, притворившегося больным, доставляют на носилках к дверям курии, и он, опираясь на брата, протягивает руки и обращает слова мольбы к Тиберию, но тот встречает его с окаменевшим лицом. Затем Цезарь оглашает доносы и вызывает свидетелей, стараясь показать, что он беспристрастно относится к обвинениям, не смягчая и не отягощая их.

30. К Триону и Кату присоединились в качестве обвинителей также Фонтей Агриппа и Гай Вибий, и у них

возник спор, кому должно быть предоставлено право произнесения обвинительной речи, пока наконец Вибий не заявил, что, поскольку они не смогли между собою договориться и Либон явился в суд без защитника, он по отдельности изложит обвинения, после чего предъявил письма Либона, настолько нелепые, что в одном из них, например, им задавался магам вопрос, будет ли он настолько богат, чтобы покрыть деньгами Аппиеву дорогу вплоть до Брундизия. За этим письмом следовали другие, столь же глупые и вздорные, а если отнестись к ним снисходительнее — в высшей степени жалкие. Было, однако, и такое письмо, в котором по утверждению обвинителя, возле имен Цезарей и некоторых сенаторов рукою Либона были добавлены зловещие или таинственные и непонятные знаки. И так как подсудимый отрицал, что это сделано им, было решено допросить под пыткою принадлежавших ему и свидетельствовавших против него рабов. Однако старинным сенатским постановлением воспрещалось пытать рабов, когда дело шло о жизни или смерти их господина, и искусный изобретатель судебных новшеств Тиберий повелел казначейству приобрести через своего представителя нескольких рабов Либона, дабы их можно было подвергнуть допросу под пыткою, не нарушая сенатского постановления. Вследствие этого обвиняемый попросил отложить на день разбирательство его дела и, возвратившись домой, через своего родственника Публия Квириния обратился к принцепсу с просьбою о прощении.

31. Ему было отвечено, чтобы свое ходатайство он направил сенату. Между тем дом его окружили воины; они толпились у самого входа, так что их можно было и слышать, и видеть, и тогда Либон, измученный пиршеством, которым он пожелал насладиться в последний раз, начинает призывать, чтобы кто-нибудь поразил его насмерть, хватает рабов за руки, протягивает им меч, а они, трепеща от страха, разбегаясь от него в разные стороны, опрокидывают находившийся на столе светильник, и в уже объявшей его как бы могильной тьме он двумя ударами пронзил свои внутренности. На стон, который он издал падая, сбежались вольноотпущенники, между тем как воины, увидев, что он мертв, удалились. Однако в сенате дело Либона

 разбиралось с прежним рвением; ему был вынесен об-

винительный приговор, и Тиберий поклялся, что попросил бы сохранить ему жизнь, сколь бы виновным он ни был, если бы он сам не избрал добровольную смерть.

32. Имущество Либона было поделено между его обвинителями, и тем из них, кто принадлежал к сенаторскому сословию, вне установленного порядка были даны претуры. Тогда же Котта Мессалин предложил, чтобы на похоронах потомков Либона его изображение не допускалось к участию в шествии, а Гней Лентул — чтобы никто из рода Скрибониев не принимал фамильное имя Друз. По предложению Помпония Флакка были назначены дни благодарственных молебствий богам, а решения о дарах Юпитеру, Марсу, Согласию и о том, чтобы день сентябрьских ид, в который Либон покончил самоубийством, отныне считался праздничным, добились Луций Пизон, Галл Азиний, Папий Мутил и Луций Апроний; я остановился на этих угодливых предложениях, чтобы показать, сколь давнее это зло в нашем государстве. Были приняты также сенатские постановления об изгнании из Италии астрологов и магов; из их числа Луций Питуаний был сброшен с Тарпейской скалы, а Публия Марция консулы, повелев трубить в трубы, предали за Эсквилинскими воротами казни принятым в старину способом.

33. На следующем заседании сената пространно говорили против распространившейся в государстве роскоши бывший консул Квинт Гатерий и бывший претор Октавий Фронтон, и было принято постановление, воспрещавшее употреблять на пирах массивную золотую посуду и унижать мужское достоинство шелковыми одеждами. Фронтон шел и дальше, требуя установить предельную меру для домашнего серебра, утвари и проживающих при доме рабов (ведь тогда у сенаторов еще было в обычае высказываться, когда подходила их очередь голосовать, обо всем, что они считали существенным для общего блага). Но против этого выступил с возражениями Азиний Галл: с увеличением государства возросли и частные средства, и в этом нет ничего нового, так повелось с древнейших времен: одно состояние было у Фабрициев, иное у Сципионов; все соотносится с общественным достоянием; если оно скромно, тесны и дома граждан, но, после того как оно

достигло такого великолепия, богатеет и каждый в отдельности. А что касается количества находящихся при доме рабов, серебра и всего прочего, приобретаемого для удовлетворения наших потребностей, то чрезмерное или умеренное определяется здесь только одним: совместимо ли оно с возможностями владельца. Имущественные цензы сената и всадников выше не потому, что они по природе отличаются от остальных граждан, но для того, чтобы имея преимущество в местах, звании и общественном положении, они располагали им также и в том, что необходимо для душевного удовлетворения и телесного здоровья, если только людей, наиболее выдающихся, которые должны брать на себя больше забот и подвергаться бо́льшим опасностям, чем кто бы то ни было, не следует лишать средств, приносящих смягчение этих забот и опасностей. Признание за пороками права называться благопристойными именами и приверженность к ним со стороны слушателей легко доставили Галлу общую поддержку. Да и Тиберий добавил, что дальнейшие ограничения в роскоши несвоевременны, но, если нравы хоть в чем-нибудь пошатнутся, то найдется кому заняться их исправлением.

34. На этом заседании выступил и Луций Пизон, который обрушился на происки при введении общественных дел, на подкупность судов, на дерзость ораторов, угрожающих обвинениями, и заявил, что он удаляется и покидает Рим, чтобы поселиться в глухой и дальней деревне; закончив речь, он направился к выходу из сената. Это взволновало Тиберия, и, хотя ему удалось успокоить Пизона ласковыми словами, он, сверх того, обратился к его родственникам и близким, чтобы они удерживали его своим влиянием или просьбами. Вскоре тот же Пизон с неменьшей свободой проявил свое недовольство существующими порядками, вызвав на суд Ургуланию, которую дружба Августы поставила выше законов. Ургулания, пренебрегая Пизоном и не явившись на вызов, отправилась во дворец Цезаря, но и Пизон не отступился от своего иска, несмотря на жалобы Августы, что ее преследуют и унижают. Тиберий, полагая, что ему следует пойти навстречу пожеланиям матери хотя бы открытым заявлением, что он отправится к трибуналу претора и окажет поддержку Ургулании, вышел из дворца, повелев воинам следовать за

ним в некотором отдалении. Встречный народ мог наблюдать, как, затевая с бесстрастным лицом безразличные разговоры, он всячески тянул время и медлил в пути, пока Августа не приказала внести причитавшиеся с Ургулании деньги, так как попытки родственников Пизона убедить его отказаться от своих притязаний оказались напрасными. Так и закончилось это дело, из которого и Пизон вышел не посрамленным, и Цезарь с вящею для себя славою. Все же могущество Ургулании было настолько неодолимым для должностных лиц, что, являясь свидетельницей в каком-то деле, которое разбиралось в сенате, она не пожелала туда явиться; к ней пришлось послать претора, допросившего ее на дому, хотя, в соответствии с давним обыкновением, всякий раз как весталкам требовалось свидетельствовать, их выслушивали на форуме или в суде.

35. Я не стал бы рассказывать, что разбирательство дел, подлежащих суду сената, было в этом году отложено, если бы не считал заслуживающими упоминания противоположные мнения, высказанные по этому вопросу Гнеем Пизоном и Азинием Галлом. Пизон полагал, что, хотя Цезарь, как он сам сообщил, будет в отъезде, эти дела тем более должны быть подвергнуты рассмотрению и что государству послужит к чести, если сенат и всадники, несмотря на отсутствие принцепса, смогут отправлять возложенные на них обязанности. Галл, которого Пизон опередил в показном свободолюбии, настаивал, напротив, на том, что без Цезаря и не у него на глазах не может быть ничего блистательного и возвеличивающего римский народ, и поэтому нужно повременить с разбирательством дел, на которое соберется вся Италия и стекутся провинции, до его возвращения. Тиберий все это слушал, сохраняя молчание, хотя обе стороны спорили с большою горячностью; разбирательство дел все же было отложено.

36. У Галла возник спор с Цезарем. Он предложил избирать высших должностных лиц сразу на пятилетие, так, чтобы легаты, начальствовавшие над легионами и занимавшие в войсках эту должность до получения ими претуры, уже заранее были избираемы в преторы и чтобы принцепс ежегодно называл двенадцать своих кандидатов. Не было ни малейших сомнений, что предложенные им новшества метят гораздо глубже

и затрагивают самую сущность единодержавия. Однако Тиберий, словно дело шло о возвеличении его власти, возражал Галлу следующим образом: для его скромных способностей непосильно выдвигать или отклонять столько кандидатур. Даже при выборах на один год едва удается не нанести кому-либо обиды, хотя потерпевший неудачу в данном году может легко утешиться надеждами на успех в следующем; сколько же неприязни возникнет среди тех, чье избрание будет отложено на целое пятилетие? И разве можно предвидеть, какими будут по истечении столь долгого промежутка времени образ мыслей, домашние обстоятельства и состояние у каждого заранее избранного? Люди проникаются высокомерием даже при избрании за год вперед; чего же можно от них ожидать, если своей должностью они будут кичиться в течение пятилетия? Все это означает не больше, не меньше как пятикратное увеличение числа высших должностных лиц, как ниспровержение действующих законов, установивших для соискателей определенные сроки, в течение которых они должны показать себя достойными своих притязаний, быть включенными в число кандидатов и вступить в должность. При помощи этой по видимости заслуживающей одобрения речи Тиберий сохранил за собой безраздельную власть.

37. Некоторым сенаторам он помог восполнить их состояние до уровня, требуемого законом. Тем более непонятно, почему просьбу Марка Гортала, молодого человека знатного рода, пребывавшего в явной нужде, он встретил с открытой неприязнью. Гортал, внук оратора Квинта Гортензия, был склонен щедростью божественного Августа, который пожаловал ему миллион сестерциев, взять жену и вырастить детей, чтобы не угас столь прославленный род. Итак, поставив своих четырех сыновей у порога курии, Гортал, когда до него дошла очередь голосовать (на этот раз сенат заседал во дворце), устремляя взгляд то на изображение Квинта Гортензия, находившееся среди изображений ораторов, то на изображение Августа, начал речь таким образом: «Почтеннейшие сенаторы, тех, число и малолетство которых вы воочию видите, я вырастил не по своей воле, но потому, что таково было желание принцепса; да и предки мои заслужили, чтобы у них

 были потомки, ибо я, из-за превратности обстоятельств

не имевший возможности ни унаследовать, ни достигнуть — ни богатства, ни народного расположения, ни красноречия, этого исконного достояния нашего рода, был бы доволен своею судьбой, если бы моя бедность не покрывала меня позором и не была в тягость другим. Я женился по повелению императора. Вот потомство и отпрыски стольких консулов, стольких диктаторов. Я вспоминаю об этом не из тщеславия, но чтобы привлечь сострадание. В твое правление, Цезарь, они получат от тебя почетные должности, которыми ты их соблаговолишь одарить; а пока спаси от нищеты правнуков Квинта Гортензия и тех, к кому благоволил божественный Август!»

38. Благожелательность сената к Горталу повела лишь к тому, что Тиберий тем резче обрушился на него, высказавшись примерно в таких словах: «Если все бедняки, сколько их ни есть, станут являться сюда и выпрашивать для своих детей деньги, то никто из них никогда не насытится, а государство между тем впадет в нищету. И, конечно, не для того дозволено нашими предками отвлекаться порою от обсуждаемого предмета и вместо подачи голоса высказывать клонящиеся к общему благу суждения, чтобы мы устраивали здесь наши дела и умножали свои состояния, навлекая на сенат и принцепсов неприязнь, снисходят ли они к просьбе или отказывают в ней. Ведь это — не просьба, а вымогательство, несвоевременное и неожиданное, подниматься со своего места, когда сенаторы собрались для обсуждения совсем иных дел, и давить на добрые чувства сената числом и малолетством своих детей, применять то же насилие и надо мною и как бы взламывать государственную сокровищницу, пополнить которую, если мы опустошим ее своими искательствами, можно будет лишь преступлениями. Да, божественный Август даровал тебе, Гортал, деньги, но он сделал это по доброй воле и не беря на себя обязательства, что они будут выдаваться тебе и впредь. Притом же иссякнет старательность и повсюду распространится беспечность, если основание для своих опасений или надежд никто не будет видеть в себе самом, но все станут беззаботно ждать помощи со стороны, бесполезные для себя, а нам — в тягость». Это и прочее в том же роде, хотя и выслушанное с одобрением теми, у кого в обычае восхвалять все, что исходит от

принцепсов, будь оно честным или бесчестным, большинство восприняло в молчании или с глухим ропотом. Тиберий это почувствовал и, немного помедлив, сказал, что таково его мнение по делу Гортала, но, если сенаторы пожелают, он выдаст его детям мужского пола по двести тысяч сестерциев каждому. Сенаторы стали изъявлять Тиберию благодарность, но Гортал молчал, то ли от волнения, то ли, несмотря на жалкие свои обстоятельства, сохраняя унаследованное от предков душевное благородство. Позднее Тиберий больше не проявлял к его семье сострадания, хотя род Гортензиев и впал в позорную нищету.

39. В том же году дерзость одного раба могла бы, не будь своевременно приняты меры, привести к смуте и гражданской войне и потрясти государство. Раб Агриппы Постума по имени Клемент, узнав о кончине Августа, задумал с несвойственной рабской душе отвагою отплыть на остров Планазию и, похитив там силою или обманом Агриппу, доставить его затем к войску, стоявшему против германцев. Осуществлению его замысла помешала медлительность торгового судна, и расправа над Агриппой была совершена. Тогда Клемент, решившись на еще большее и более дерзновенное, выкрадывает его прах и, перебравшись на мыс в Этрурии Козу, скрывается в уединенных местах, пока у него не отросли волосы и борода; а внешностью и годами он был похож на своего господина. Затем, при посредстве сообщников, пригодных для этого и знающих его тайну, он распространяет слух, что Агриппа жив, о чем сначала они говорят с осторожностью, как это обычно бывает, когда речь заходит о чем-нибудь недозволенном, а затем широко и открыто перед людьми бесхитростными и легковерными, готовыми ловить их слова, или недовольными существующими порядками и жаждавшими поэтому перемен. Клемент и сам, после того как стемнеет, посещал муниципии, избегая, однако, показываться на людях и нигде подолгу не оставаясь, и так как истина утверждает себя доступностью взорам и временем, а ложь — неопределенностью и суетливостью, он здесь оставлял по себе молву, а там упреждал ее.

40. Между тем по всей Италии распространился слух, что попечением богов Агриппа спасся от гибели; верили этому и в Риме: уже в народе шли толки о его при-

бытии в Остию, уже в городе происходили тайные сборища, а Тиберий, озабоченный и встревоженный, все еще метался между двумя решениями, обуздать ли своего раба военною силой или выждать, чтобы этот нелепый слух со временем рассеялся сам собою: колеблясь между стыдом и страхом, он то утверждался в мысли, что нельзя пренебрегать никакими мерами, то — что не подобает всего бояться. Наконец, он поручает Саллюстию Криспу взяться за это дело. Тот выбирает из своих клиентов двоих (по словам некоторых — воинов) и внушает им, чтобы, притворившись единомышленниками Клемента, они посетили его, предложили ему денег и уверили в своей преданности и готовности разделить с ним опасности. Они поступили как им было приказано. Затем, выждав ночь, когда он остался без всякой охраны, и взяв с собою достаточно сильный отряд, они связали Клемента и, заткнув ему рот кляпом, доставили во дворец. Рассказывают, что на вопрос Тиберия, как же он стал Агриппою, Клемент ответил: «Так же, как ты — Цезарем». Его не смогли принудить выдать сообщников. И Тиберий, не решившись открыто казнить Клемента, повелел умертвить его в одном из глухих помещений дворца, а труп тайно вынести. И хотя говорили, что многие придворные, а также всадники и сенаторы снабжали Клемента средствами и помогали ему советами, дальнейшего расследования произведено не было.

41. В конце года близ храма Сатурна была освящена арка по случаю возвращения потерянных при гибели Вара значков, отбитых под начальством Германика при верховном руководстве Тиберия; на берегу Тибра, в садах, завещанных народу диктатором Цезарем, был также освящен храм в честь богини Фортуны, а в Бовиллах — святилище рода Юлиев и статуя божественному Августу.

В консульство Гая Целия и Луция Помпония, в седьмой день до июньских календ, Цезарь Германик справил триумф над херусками, хаттами, ангривариями и другими народами, какие только ни обитают до реки Альбис. Везли добычу, картины, изображавшие горы, реки, сражения; вели пленных; и хотя Тиберий не дал Германику закончить войну, она была признана завершенной. Особенно привлекали взоры зрителей прекрасная внешность самого полководца и ко-

лесница, в которой находилось пятеро его детей. Многие, однако, испытывали при этом затаенные опасения, вспоминая, что всеобщее поклонение не принесло счастья его отцу Друзу, что его дядя Марцелл еще совсем молодым был похищен смертью у горячей народной преданности; что недолговечны и несчастливы любимцы римского народа.

42. Впрочем, Тиберий роздал от имени Германика по триста сестерциев на человека и выдвинул себя ему в сотоварищи на время его консульства. Но не добившись этим веры в искренность своей любви и привязанности к Германику, он порешил удалить молодого человека под видом почестей и для этого измыслил уважительные причины или, быть может, ухватился за случайно представившиеся. Царь Архелай пятидесятый год владел Каппадокией и был ненавистен Тиберию, так как в бытность того на Родосе не оказал ему никакого внимания. Поступил же Архелай таким образом не из надменности, но вследствие предостережения приближенных Августа, ибо пока был в силе Гай Цезарь, посланный тогда на Восток для устроения дел, дружба с Тиберием считалась небезопасной. Завладев после пресечения рода Цезарей императорской властью, Тиберий заманил Архелая написанным Августой письмом, в котором, не умалчивая о нанесенных сыну обидах, она предлагала ему его милость, если он прибудет, чтобы ее испросить. И Архелай, не заподозрив коварства или опасаясь насильственных действий, если поймут, что он его разгадал, поспешил отправиться в Рим; неприязненно принятый принцепсом и затем обвиненный в сенате, он преждевременно завершил дни своей жизни, то ли по своей воле, то ли по велению рока, но не потому, чтобы сознавал за собой приписываемые ему мнимые преступления, а от охватившей его тревоги, старческого изнурения и оттого, что царям непривычно пребывать даже на положении равного, не говоря уже об униженном положении. Царство его было превращено в провинцию, и Цезарь, заявив, что доходы с нее позволяют снизить налог, составлявший до этого одну сотую с торгового оборота, повелел ограничиться в будущем одной двухсотой. Тем временем скончались Антиох, царь коммагенский, и Филопатор, царь киликийский, что вызвало среди их народов волнения, причем большинство выражало же-

лание, чтобы ими правили римляне, а остальные — чтобы их собственные цари; тогда же провинции Сирия и Иудея, обремененные непомерно большими поборами, обратились с ходатайством о снижении податей.

43. Итак, Тиберий выступил перед сенаторами с изложением всего этого, а также того, что я уже упоминал об Армении, утверждая, что со смутою на Востоке может справиться лишь мудрость Германика; ведь сам он уже в преклонных летах, а Друз еще не вполне достиг зрелого возраста. Тогда сенат вынес постановление, которым Германик назначался правителем всех заморских провинций, располагая, куда бы он ни направился, большею властью, нежели та, какою обычно наделялись избранные по жребию или назначенные по повелению принцепса. Вместе с тем Тиберий отстранил от управления Сирией Кретика Силана, связанного свойством с Германиком, так как дочь Силана была помолвлена с Нероном, старшим из сыновей Германика, и поставил на его место Гнея Пизона, человека неукротимого нрава, не способного повиноваться; эту необузданность он унаследовал от отца, того Пизона, который во время гражданской войны своею кипучей деятельностью немало помог в борьбе против Цезаря враждовавшей с ним партии, когда она снова поднялась в Африке, и который, примкнув затем к Бруту и Кассию, после того как получил разрешение возвратиться, упорно воздерживался от соискания государственных должностей, пока его не уговорили принять предложенное ему Августом консульство. Впрочем, помимо унаследованного им от отца духа строптивости, гордыня его находила для себя обильную пищу в знатности и богатстве его супруги Планцины; он едва подчинялся Тиберию, а к детям его относился с пренебрежением, ставя их много ниже себя. Он нисколько не сомневался, что Тиберий остановил на нем выбор и поставил во главе Сирии с тем, чтобы пресечь надежды Германика. Некоторые считали, что и Тиберий дал ему тайные поручения, но не подлежит сомнению то, что Августа, преследуя Агриппину женским соперничеством, восстановила против нее Планцину. Ибо весь двор был разделен на два противостоящих друг другу стана, молчаливо отдававших предпочтение или Германику, или Друзу. Тиберий благоволил к Друзу,

так как тот был его кровным сыном; холодность дяди усиливала любовь к Германику со стороны всех остальных; этому же способствовало и то, что он стоял выше Друза знатностью материнского рода, имея своим дедом Марка Антония и двоюродным дедом — Августа. Напротив, прадед Друза Помпоний Аттик, простой римский всадник, считался недостойным родословной Клавдиев, да и супруга Германика Агриппина превосходила числом рожденных ею детей и доброю славой Ливию, жену Друза. Впрочем, братья жили в примерном согласии, и распри близких нисколько не отражались на их отношениях.

44. Вскоре Друз был отправлен в Иллирию; это было сделано для того, чтобы он освоился с военною службой и снискал расположение войска; Тиберий считал, что молодого человека разумнее держать в лагере, вдали от соблазнов столичной роскоши, а вместе с тем что и сам он обеспечит себе бо́льшую безопасность, если легионы будут распределены между обоими его сыновьями. В качестве предлога Тиберий воспользовался просьбою свебов помочь им против херусков, ибо, после ухода римлян, избавившись от страха перед внешним врагом, оба племени, как это постоянно случается у германцев, а на этот раз борясь к тому же за первенство, обратили друг против друга оружие. Силы этих племен и доблесть властвовавших над ними вождей были равны; однако титул царя, который носил Маробод, был ненавистен его соплеменникам, тогда как Арминий, отстаивая свободу, находил повсюду сочувствие и поддержку.

45. Таким образом, в войну со свебами вступили не только херуски и их союзники — давние воины Арминия,— но и примкнувшие к нему, отмежевавшись от Маробода, свебские племена семнонов и лангобардов. После их присоединения Арминий был бы сильнее противника, если бы к Марободу не перешел с отрядом зависимых от него воинов Ингвиомер, сделавший это не по какой-либо иной причине, как только из-за того, что, приходясь Арминию дядей и будучи в летах, он не желал повиноваться молодому племяннику, сыну своего брата. Войска устремляются в бой с равною надеждою на успех; и германцы не бросаются беспорядочно на врага, как это некогда бывало у них, и не дерутся нестройными толпами; ибо за время дли-

тельной войны с нами они научились следовать за значками, приберегать силы для решительного удара и повиноваться военачальникам; и вот Арминий, верхом объезжая войско и наблюдая за ходом сражения, напоминает каждому отряду, что не кто иной, как он, Арминий, возвратил им свободу и уничтожил римские легионы, и указывает при этом на захваченные у римлян оружие и доспехи, которыми все еще пользовались многие из его воинов; Маробода он называет жалким трусом, уклонявшимся от сражений и укрывавшимся в чаще Герцинского леса, впоследствии добившимся посредством даров и посольств заключения мира с римлянами, предателем родины, заслуживающим, чтобы его отвергли с такою же беспощадностью, с какою они истребляли легионы Квинтилия Вара. Пусть они вспомнят о стольких битвах, исход которых, равно как и последовавшее затем изгнание римлян, в достаточной мере показывают, кто взял верх в этой войне.

46. И Маробод также не воздерживался от самовосхваления и поношений врага: держа за руку Ингвиомера, он заявлял, что в нем одном воплощена вся слава херусков и что победа была достигнута исключительно благодаря его советам и указаниям; между тем Арминий — человек безрассудный и в делах совершенно несведущий — присваивает чужую славу, ибо коварным образом завлек три заблудившихся легиона и их полководца, не подозревавшего об обмане, что, однако, навлекло на Германию великие бедствия, а на него самого — позор, поскольку его жена и сын все еще томятся в рабстве. А он, Маробод, выдержав натиск двенадцати легионов, во главе которых стоял сам Тиберий, сохранил непомеркнувшей славу германцев, а затем заключил мир на равных условиях, и он отнюдь не раскаивается, что теперь зависит от них самих, предпочтут ли они новую войну с римлянами или бескровный мир. Помимо этих речей, которыми были распалены оба войска, у них были и собственные причины, побудившие их к столкновению, ибо херуски и лангобарды сражались, отстаивая былую славу или только что обретенную ими свободу, а их противники — ради усиления своего владычества. Никогда прежде они не устремлялись друг против друга с такой яростью, и никогда исход боя не оставался столь же неясным; ожи-

дали, что сражение разразится с новою силой, но Маробод отошел на возвышенности, где и расположился лагерем. Это свидетельствовало о том, что он потерпел поражение; лишившись в конце концов из-за большого числа перебежчиков почти всего своего войска, он отступил в пределы маркоманов и отправил послов к Тиберию с мольбою о помощи. Ему ответили, что он не вправе призывать римское войско для борьбы против херусков, так как ничем не помог в свое время римлянам, сражавшимся с тем же врагом. Впрочем, как мы уже сообщили, ради пресечения этих усобиц отправили Друза.

47. В том же году были разрушены землетрясением двенадцать густо населенных городов Азии, и так как это произошло ночью, бедствие оказалось еще неожиданнее и тяжелее. Не было спасения и в обычном в таких случаях бегстве на открытое место, так как разверзшаяся земля поглощала бегущих. Рассказывают, что осели высочайшие горы; вспучилось то, что было дотоле равниной; что среди развалин полыхали огни. Больше всего пострадали жители Сард, и они же удостоились наибольших милостей со стороны Цезаря, ибо он пообещал им десять миллионов сестерциев и на пять лет освободил от всех платежей, которые они вносили в государственное казначейство или в казну императора. Жители Магнесии, что поблизости от горы Сипил, чей город пострадал почти так же, как Сарды, получили сходное вспомоществование. Было принято постановление освободить на тот же срок от уплаты податей жителей Темна, Филадельфии, Эги, Аполлониды, тех, кого называют мостенцами или македонскими гирканами, а также города Гиерокесарию, Мирину, Киму и Тмол, и послать к ним сенатора, который на месте ознакомился бы с их положением и оказал необходимую помощь. Избран был для этого Марк Атей, бывший претор, так как Азией управлял бывший консул; тем самым устранялась опасность соперничества между людьми равного звания, из-за чего могли бы возникнуть нежелательные помехи.

48. Эту благородную щедрость в делах общественных Цезарь подкрепил милостивыми пожалованиями, доставившими ему не меньшую благодарность: имущество Эмилии Музы, на которое притязала императорская казна, так как эта богатая женщина не оставила

завещания, он уступил Эмилию Лепиду, поскольку умершая принадлежала, по-видимому, к его роду, а наследство после состоятельного римского всадника Пантулея, хотя ему самому в нем была отказана доля, отдал Марку Сервилию по более раннему и не внушавшему подозрения завещанию, единственному, как он узнал, наследнику Пантулея, причем, объясняя свое решение, Тиберий сказал, что знатности того и другого нужно оказать денежную поддержку. И вообще он принимал наследство только в том случае, если считал, что заслужил его своею дружбой, и решительно от него отказывался, если оно было завещано человеком, ему неизвестным, питавшим вражду ко всем прочим и лишь поэтому назначившим своим наследником принцепса. Облегчая честную бедность людей добродетельных, он вместе с тем удалил из сената — или не возражал, чтобы они ушли из него по своей воле,— заведомых расточителей или впавших в нужду по причине распутства, а именно ВибидияВаррона, Мария Непота, Аппия Аппиана, Корнелия Суллу и Квинта Вителлия.

49. Тогда же Тиберий освятил обветшавшие или пострадавшие от огня древние храмы, восстановление которых было начато Августом: храм Либеру, Либере и Церере возле Большого цирка, построенный по обету диктатора Авла Постумия, находящийся там же храм Флоре, возведенный эдилами Луцием и Марком Публициями, и святилище Янусу, сооруженное близ Овощного рынка Гаем Дуилием, первым из римлян одержавшим победу на море и удостоенным морского триумфа над карфагенянами. Храм Надежде был освящен Германиком,— обет построить его дал во время той же войны Авл Атилий.

50. Закон об оскорблении величия приобретал между тем все бóльшую силу: на его основании доносчик привлек к ответственности внучку сестры Августа Аппулею Вариллу, которая, как он утверждал, издевалась в поносных словах над божественным Августом и Тиберием, равно как и над его матерью, и, кроме того, являясь родственницей Цезаря, пребывала в прелюбодейной связи. Что касается прелюбодеяния, то сочли, что оно в достаточной мере наказуется по закону Юлия, но оскорбление величия Цезарь потребовал выделить и, подвергнув особому разбирательству, по-

карать Аппулею, если она действительно отзывалась непочтительно о божественном Августе; за сказанное ему, Тиберию, в поношение он не желает преследовать ее по суду. На вопрос консула, каково будет его решение касательно того, что обвиняемая якобы говорила о его матери, Цезарь ничего не ответил; на следующем заседании сената он попросил, однако, от имени матери не вменять кому-либо в вину слова, сказанные против нее. В конце концов он снял с Вариллы обвинение в оскорблении величия; он также ходатайствовал о том, чтобы за прелюбодеяние ей не было назначено чрезмерно сурового наказания, и посоветовал, чтобы, последовав в этом примеру предков, ее выслали за двухсотый милиарий от Рима. Прелюбодею Манлию было запрещено проживать в Италии, а также в Африке.

51. В связи с назначением претора на место умершего Випстана Галла разгорелась борьба. Германик и Друз (оба тогда еще были в Риме) поддерживали родственника Германика Гатерия Агриппу; напротив, большинство настаивало на том, чтобы из числа кандидатов предпочтение было отдано наиболее многодетному, что отвечало и требованиям закона. Тиберий радовался, что сенату приходится выбирать между его сыновьями и законом. Закон, разумеется, был побежден, но не сразу и незначительным большинством голосов, как побеждались законы и в те времена, когда они еще обладали силою.

52. В том же году в Африке началась война, возглавляемая со стороны неприятеля Такфаринатом. Нумидиец родом, он служил в римском лагере во вспомогательном войске; бежав оттуда, он принялся ради грабежа и захвата добычи набирать всякий привычный к разбою сброд, а затем, создав по принятому в войске обыкновению отряды пеших и конных, стал вождем уже не беспорядочной шайки, как это было вначале, но целого племени мусуламиев. Племя это, значительное и сильное, обитавшее близ африканских пустынь и тогда совершенно не знавшее городской жизни, взялось за оружие и вовлекло в войну с нами соседних мавританцев, которыми предводительствовал Мазиппа. Неприятельское войско было разделено на две части: Такфаринат держал в лагере отборных и вооруженных на римский лад воинов, приучая их к дисцип-

лине и повиновению, тогда как Мазиппа, неожиданно налетая с легковооруженными, жег, убивал и сеял повсюду ужас. Они успели подбить на то же самое и кинифиев, народ немалочисленный и отнюдь не слабый, когда проконсул Африки Фурий Камилл повел на врага легион вместе с воинами вспомогательных войск, какие только у него были,— ничтожную силу, если сравнить ее с множеством нумидийцев и мавританцев; и все же римский военачальник больше всего опасался, как бы враги из страха не уклонились от битвы. Но надежда на победу привела их к поражению. Итак, легион располагается посередине, а по флангам — когорты легковооруженных и два конных отряда. Такфаринат не отказался от боя. Нумидийцы были разбиты, и вновь после долгих лет имя Фуриев украсилось воинской славою. Ибо после знаменитого освободителя Рима и его сына Камилла полководческая слава принадлежала другим родам, да и сам Фурий, про которого мы здесь вспоминаем, считался человеком, в военном деле несведущим. Тем охотнее Тиберий превознес в сенате его деяния, а сенаторы присудили ему триумфальные почести, что́, по причине непритязательного образа жизни Камилла, прошло для него безнаказанно.

53. В следующем году Тиберий получил консульство в третий раз, Германик — вторично. В эту должность, однако, он вступил в ахейском городе Никополе, куда прибыл, следуя вдоль иллирийского побережья, чтобы повидать брата, находившегося в Далмации, после тяжелого плаванья сначала по Адриатическому, а затем Ионическому морю. В Никополе он провел несколько дней, пока чинились корабли его флота; вместе с тем он побывал в Актийском заливе и посетил знаменитый храм, построенный Августом на вырученные от продажи добычи средства, а также места, где находился лагерь Антония, вспоминая о своих предках. Ибо, как я уже говорил, Август был ему дядей, Антоний — дедом, и там пред ним постоянно витали великие образы радости и скорби. Отсюда направился он в Афины, где в честь союзного, дружественного и древнего города оставил при себе только одного ликтора. Греки приняли его с изысканнейшими почестями,— непрерывно превознося дела и слова своих предков, чтобы тем самым придать бо́льшую цену расточаемой ими лести.

54. Отплыв затем на Евбею, он переправился оттуда на Лесбос, где Агриппина родила ему Юлию, своего последнего ребенка. Потом, пройдя мимо крайней оконечности Азии, он посещает фракийские города Перинф и Византий, минует пролив Пропонтиды и достигает выхода в Понт, движимый желанием познакомиться с этими древними и прославленными молвою местами; одновременно он пытается успокоить и ободрить провинции, изнуренные внутренними раздорами и утеснениями со стороны магистратов. На обратном пути дувший навстречу северный ветер помешал ему добраться до Самофраки, где он хотел увидать тамошние священнодействия. Итак, посетив Илион и осмотрев в нем все, что было достойно внимания как знак изменчивости судьбы и как памятник нашего происхождения, он снова направляется в Азию и пристает к Колофону, чтобы выслушать прорицания Кларосского Аполлона. Здесь не женщина, как принято в Дельфах, но жрец, приглашаемый из определенных семейств и почти всегда из Милета, осведомляется у желающих обратиться к оракулу только об их числе и именах; затем, спустившись в пещеру и испив воды из таинственного источника, чаще всего не зная ни грамоты, ни искусства стихосложения, жрец излагает складными стихами ответы на те вопросы, которые каждый мысленно задал богу. И рассказывали, что Германику иносказательно, как это в обычае у оракулов, была возвещена преждевременная кончина.

55. Между тем Гней Пизон, торопясь приступить к осуществлению своих целей, обрушивается со злобною речью на испуганный его стремительным появлением город афинян, задев в ней косвенным образом и Германика, слишком ласково, по его мнению, обошедшегося не с подлинными афинянами, которые истреблены столькими бедствиями, а с носящим то же название сбродом племен и народов: ведь это они заодно с Митридатом пошли против Суллы, заодно с Антонием — против божественного Августа. Он упрекал их также за прошлое, за их неудачи в борьбе с македонянами, за насилия, которые они чинили над своими согражданами, питая при этом и личную неприязнь к их городу, так как, невзирая на его просьбы, они не про-

стили некоего Теофила, осужденного за подлог ареопагом. Затем, поспешно совершив плаванье с заходом на Киклады и всячески сокращая путь по морю, Пизон настигает у острова Родоса Германика, для которого не было тайною, с какими нападками тот обрушился на него; но Германик повел себя с таким великодушием, что, когда разразившаяся буря понесла Пизона на скалы и гибель его могла бы найти объяснение в случайном несчастье, Германиком были высланы на помощь ему триремы, благодаря чему тот избежал кораблекрушения. Это, однако, нисколько не смягчило Пизона, и, едва переждав один день, он покинул Германика и, опережая его, отправился дальше. Прибыв в Сирию и встав во главе легионов, щедрыми раздачами, заискиванием, потворством самым последним из рядовых воинов, смещая вместе с тем старых центурионов и требовательных трибунов и назначая на их места своих ставленников или тех, кто отличался наиболее дурным поведением, а также терпя праздность в лагере, распущенность в городах, бродяжничество и своеволие воинов в сельских местностях, он довел войско до такого всеобщего разложения, что получил от толпы прозвище «Отца легионов». Да и Планцина не держалась в границах того, что прилично для женщин, но присутствовала на учениях всадников, на занятиях когорт, поносила Агриппину, поносила Германика, причем кое-кто даже из добропорядочных воинов изъявлял готовность служить ей в ее кознях, так как ходили смутные слухи, что это делается не против воли самого принцепса. Все это было известно Германику, но он считал своей первейшей заботой как можно скорее прибыть к армянам.

56. Этот народ испокон века был ненадежен и вследствие своего душевного склада, и вследствие занимаемого им положения, так как земли его, гранича на большом протяжении с нашими провинциями, глубоко вклиниваются во владения мидян; находясь между могущественнейшими державами, армяне по этой причине часто вступают с ними в раздоры, ненавидя римлян и завидуя парфянам. Царя в то время, по устранении Вонона, они не имели; впрочем, благоволение народа склонялось к сыну понтийского царя Полемона Зенону, так как, усвоив с раннего детства обычаи и образ жизни армян, он своими охотами, пиршествами и всем,

что в особой чести у варваров, пленил в равной мере и придворных, и простолюдинов. Итак, Германик в городе Артаксате, с полного одобрения знатных и при стечении огромной толпы, возложил на его голову знаки царского достоинства. Присутствовавшие, величая царя, нарекли его Артаксием, каковое имя они дали ему по названию города. Между тем жители Каппадокии, преобразованной в римскую провинцию, приняли правителем легата Квинта Верания; при этом, чтобы породить надежду, что римское управление окажется более мягким, были снижены кое-какие из царских налогов над жителями Коммагены, тогда впервые подчиненной преторской власти, ставится правителем Квинт Сервей.

57. И хотя государственные дела были успешно улажены, Германика это не радовало из-за заносчивости Пизона, который пренебрег его приказанием либо самому привести часть легионов в Армению, либо отправить их со своим сыном. Встретились они только в Кирре, зимнем лагере десятого легиона,— оба с непроницаемыми и бесстрастными лицами,— Пизон, чтобы показать, что он ничего не боится, Германик — чтобы не выдать своего раздражения: ведь он был, как я уже сказал, мягким и снисходительным. Но злокозненные друзья, стремясь разжечь в нем вражду, преувеличивали в своих сообщениях правду, нагромождали ложь и всеми возможными способами чернили в его глазах и Пизона, и Планцину, и их сыновей. Наконец, в присутствии нескольких приближенных, Цезарь, стремясь подавить в себе гнев, первым обратился к Пизону; тот принес извинения, в которых, однако, чувствовались упорство и своеволие; и они разошлись с открытой обоюдною ненавистью. После этого Пизон редко бывал в трибунале, заседавшем под председательством Цезаря, а когда ему все же случалось присутствовать на его заседаниях, был мрачен и всем своим видом выражал несогласие. А однажды, когда на пиру у царя набатеев Цезарю и Агриппине были предложены массивные золотые венки, а Пизону и остальным — легковесные, он громко сказал, что это пиршество дается не в честь сына царя парфян, а в честь сына римского принцепса, и, оттолкнув от себя венок, добавил многое в осуждение роскоши, что, сколь бы неприятным оно ни было для Германика, тот молча стерпел.

58. Между тем явились послы от парфянского царя Артабана. Он направил их ради того, чтобы они напомнили римскому полководцу о дружбе и договоре и заявили о его, Артабана, желании возобновить прежние связи: стремясь оказать Германику честь, он прибудет, помимо того, к берегам Евфрата; а пока он просит о том, чтобы Вонон не оставался более в Сирии и не подстрекал к смуте вождей парфянских племен, посылая своих людей в близлежащие местности. Германик в достойных словах отозвался о союзе римлян с парфянами, а на сообщение о приезде царя и о воздании ему, Германику, почестей ответил любезно и скромно. Вонон был удален в Помпейополь, приморский город Киликии. Цезарь сделал это не только идя навстречу просьбам царя, но и с тем, чтобы задеть Пизона, который был весьма расположен к Вонону, пленившему Планцину многочисленными услугами и подарками.

59. В консульство Марка Силана и Луция Норбана Германик отбывает в Египет для ознакомления с его древностями. Впрочем, он ссылался на необходимость позаботиться об этой провинции и, действительно, открыв государственные хлебные склады, снизил благодаря этому цены на хлеб и сделал много добра простому народу; здесь он повсюду ходил без воинской стражи, в открытой обуви и в таком же плаще, какой носили местные греки, подражая в этом Публию Сципиону, который, как мы знаем сходным образом поступал в Сицилии, невзирая на то, что война с Карфагеном была еще в полном разгаре. Тиберий, слегка попеняв Германику за его одежду и образ жизни, суровейшим образом обрушился на него за то, что, вопреки постановлению Августа, он прибыл в Александрию, не испросив на это согласия принцепса. Ибо Август наряду с прочими тайными распоряжениями во время своего правления, запретив сенаторам и виднейшим из всадников приезжать в Египет без его разрешения, преградил в него доступ, дабы кто-нибудь, захватив эту провинцию и ключи к ней на суше и на море и удерживая ее любыми ничтожно малыми силами против огромного войска, не обрек Италию голоду.

60. Но Германик, еще не зная о том, что его поездка осуждается принцепсом, отплыл из города Канопа по

Нилу. Основали этот город спартанцы, похоронившие здесь корабельного кормчего, прозывавшегося Канопом, что произошло в те времена, когда Менелай, возвращаясь в Грецию, был отброшен бурею в противолежащее море, к земле Ливии. Затем Германик направился в ближайший отсюда рукав реки, посвященный Геркулесу, относительно которого туземные жители утверждают, что он родился в этих местах и является древнейшим их обитателем и что те, кто позднее обладал такою же доблестью, были наречены его именем; посетил Германик и величественные развалины древних Фив. На обрушившихся громадах зданий там все еще сохранялись египетские письмена, свидетельствующие о былом величии, и старейший из жрецов, получив приказание перевести эти надписи, составленные на его родном языке, сообщил, что некогда тут обитало семьсот тысяч человек, способных носить оружие, что именно с этим войском царь Рамсес овладел Ливией, Эфиопией, странами мидян, персов и бактрийцев, а также Скифией и что, сверх того, он держал в своей власти все земли, где живут сирийцы, армяне и соседящие с ними каппадокийцы, между Вифинским морем, с одной стороны, и Ликийским — с другой. Были прочитаны надписи и о податях, налагавшихся на народы, о весе золота и серебра, о числе вооруженных воинов и коней, о слоновой кости и благовониях, предназначавшихся в качестве дара храмам, о том, какое количество хлеба и всевозможной утвари должен был поставлять каждый народ,— и это было не менее внушительно и обильно, чем взимаемое ныне насилием парфян или римским могуществом.

61. Но Германик обратил внимание и на прочие чудеса Египта, из которых главнейшими были вытесанное из камня изображение Мемнона, издающее, когда его коснутся солнечные лучи, громкий звук, похожий на человеческий голос, пирамиды наподобие гор среди сыпучих и непроходимых песков, возведенные иждивением соревнующихся царей, озеро, искусно вырытое в земле и принимающее в себя полые нильские воды, и еще находящиеся в другом месте теснины, через которые пробивается Нил, здесь настолько глубокий, что никому не удается измерить его глубину. Отсюда он прибыл на Элефантину и в Сиену, некогда пограничные твердыни Римского государства, которое простирается ныне вплоть до Красного моря.

62. Пока для Германика это лето проходило во многих провинциях, Друз, подстрекая германцев к раздорам, чтобы довести уже разбитого Маробода до полного поражения, добился немалой для себя славы. Был между готонами знатный молодой человек по имени Катуальда, в свое время бежавший от чинимых Марободом насилий и, когда тот оказался в бедственных обстоятельствах, решившийся ему отомстить. С сильным отрядом он вторгается в пределы маркоманов и, соблазнив подкупом их вождей, вступает с ними в союз, после чего врывается в столицу царя и расположенное близ нее укрепление. Тут были обнаружены захваченная свебами в давние времена добыча, а также маркитанты и купцы из наших провинций, которых — каждого из своего края — занесли во вражескую страну свобода торговли, жажда наживы и, наконец, забвение родины.
63. Для Маробода, всеми покинутого, не было другого прибежища, кроме милосердия Цезаря. Переправившись через Дунай там, где он протекает вдоль провинции Норик, он написал Тиберию,— однако, не как изгнанник или смиренный проситель, но как тот, кто все еще помнит о своем былом положении и достоинстве: хотя его, некогда прославленного властителя, призывают к себе многие племена, он предпочел дружбу римлян. На это Цезарь ответил, что пребывание в Италии, если он пожелает в ней оставаться, будет для него почетным и безопасным; если же его обстоятельства сложатся по-иному, он сможет покинуть ее так же свободно, как прибыл. В сенате, однако, Тиберий доказывал, что ни Филипп для афинян, ни Пирр или Антиох для народа римского не представляли столь грозной опасности. Сохранилась речь Тиберия, в которой он говорит о могуществе этого человека, о неукротимости подвластных ему племен, о том, как близко от Италии находится этот враг, и сообщает о мерах, которые он предполагает принять, чтобы его сокрушить. И Маробода поселили в Равенне, всячески давая понять, что ему будет возвращена царская власть, если свебы начнут своевольничать; но он в течение восемнадцати лет не покидал пределов Италии и состарился там, немало омрачив свою славу чрезмерной привязанностью к жизни. Сходной оказалась и судьба Кату-

альды, и убежище он искал там же, где Маробод. Изгнанный несколько позже силами гермундуров, во главе которых стоял Вибилий, и принятый римлянами, он был отправлен в Форум Юлия, город в Нарбоннской Галлии. Сопровождавшие того и другого варвары, дабы их присутствие не нарушило спокойствия мирных провинций, размещаются за Дунаем между реками Маром и Кузом, и в цари им дается Ванний из племени квадов.

64. Получив одновременно известие о том, что Германик поставил Артаксия царем над армянами, сенаторы постановили предоставить Германику и Друзу триумфальное вступление в Рим. По бокам храма Марсу Мстителю были возведены арки с изображениями обоих Цезарей; и Тиберию, достигшему мира разумным ведением дел, он принес бо́льшую радость, чем если б война была закончена на поле сражения. Таким образом, он решает действовать хитростью и против царя Фракии Рескупорида. Всеми фракийцами правил ранее Реметалк; после его кончины власть над одной частью фракийцев Август отдал его брату Рескупориду, а над другой — его сыну Котису. При этом разделе пашни и города — все, что находится по соседству с греками,— отошло к Котису, тогда как все невозделанное, дикое и граничащее с врагами — Рескупориду; различны были и нравы самих царей; первый был уступчив и мягок, тогда как второй — свиреп, жаден и неуживчив. Все же вначале они жили в притворном согласии; но затем Рескупорид стал понемногу выходить за пределы своих земель, присваивать отданное во владение Котису, а если тот оказывал сопротивление, то и применять против него насилие; при жизни Августа, который предоставил царства и тому, и другому и пред которым Рескупорид испытывал страх, так как он мог бы его покарать за самоуправство и ослушание, действия его были нерешительны и осторожны, но, прослышав о смене принцепса, он принялся засылать в царство Котиса шайки разбойников и разрушать его крепости, выискивая поводы к открытой войне.

65. Ни о чем Тиберий так не тревожился, как о том, чтобы не нарушалось улаженное. Он выбирает центуриона и велит ему возвестить обоим царям, чтобы они прекратили вооруженные споры, после чего Котис не-

медленно распустил набранные им вспомогательные отряды. Рескупорид, лицемерно изображая покорность воле Тиберия, предлагает Котису выбрать место, где бы они могли встретиться, чтобы разрешить распри посредством переговоров. Они быстро пришли к соглашению о времени, месте, а потом и об условиях мира, так как один из миролюбия, а другой из коварства уступали и шли навстречу друг другу. Рескупорид, ведя речь о закреплении договора, устраивает пир и посреди веселья, затянувшегося до поздней ночи, налагает оковы на Котиса, который беззаботно пил за пиршественным столом, а когда, наконец, раскрылось вероломство Рескупорида, тщетно пытался воззвать к его совести, напоминая ему о святости царского сана, о том, что они одного и того же рода и поклоняются тем же богам, о законах гостеприимства. Завладев всею Фракией, Рескупорид написал Тиберию, что против него строились козни и он предупредил коварного злоумышленника; вместе с тем под предлогом войны против бастарнов и скифов он укрепил свои силы вновь набранными всадниками и пехотинцами. На это Цезарь в сдержанных выражениях ответил ему, что если он не обманывает, то может положиться на свою невиновность; впрочем, ни он сам, ни сенат, не рассмотрев дела, не могут решить, на чьей стороне право и кто допустил насилие; поэтому пусть, передав римлянам Котиса, он выезжает в Рим, чтобы отстранить от себя возможное обвинение.

66. Это письмо пропретор Мезии Латиний Пандуса отправил во Фракию с воинами, которым Рескупорид должен был передать Котиса. Колеблясь между страхом и злобой, Рескупорид в конце концов предпочел быть обвиненным не в задуманном только, но в уже совершенном злодеянии: он велит убить Котиса и измышляет, будто тот сам себя лишил жизни. Цезарь, однако, не изменил полюбившемуся ему образу действий, и после смерти Пандусы, на которого Рескупорид жаловался, что тот питает к нему неприязнь, назначил правителем Мезии старого воина Помпония Флакка, остановившись на нем главным образом потому, что, связанный с царем тесною дружбою, он был наиболее пригодным, чтобы его обмануть.

67. Флакк прибыл во Фракию и, надавав царю далеко идущие обещания, склонил его, несмотря на колеба-

ния, которые вызывало в нем сознание своей преступности, посетить вместе с ним пограничное укрепление римлян. Здесь царя под видом почетной охраны окружил сильный отряд, и трибуны с центурионами стали завлекать его сначала приглашениями и уговорами, а когда отошли подальше, прибегая и к более откровенному принуждению, и, наконец, осознавшего, что он попал в западню, повезли в Рим. Обвиненный в сенате женою Котиса, он присуждается к изгнанию из своего царства. Фракия была поделена между сыном его Реметалком, о котором было известно, что он не одобрял козней отца, и детьми Котиса, и так как они были тогда малолетними, к ним приставили бывшего претора Требеллена Руфа, чтобы тот некоторое время правил за них, подобно тому как наши предки послали в Египет Марка Лепида опекать детей Птолемея. Рескупорида отправили в Александрию, и там он был убит, то ли пытаясь бежать, то ли по чьему-то навету.

68. В это самое время Вонон, об удалении которого в Киликию я упоминал выше, предпринял попытку перебежать в Армению, чтобы перебраться оттуда к альбанам и гениохам и далее к своему родичу царю скифов. Отдалившись под предлогом охоты от моря, он укрылся в чаще горных лесов, а затем, используя резвость своего коня, примчался к реке Пираму; но на реке не оказалось мостов, так как, прослышав о бегстве царя, их разрушили местные жители, а переправа через нее вброд была невозможна. На берегу этой реки он и был схвачен Вибием Фронтоном, префектом всадников, и здесь же ветеран Ремий, который был прежде приставлен к царю, чтобы за ним надзирать, якобы придя в ярость, пронзил его насмерть мечом. Принимая во внимание все обстоятельства, более вероятно, однако, что, будучи пособником этого преступления, он умертвил Вонона, страшась его показаний.

69. На обратном пути из Египта Германик узнал, что все его распоряжения, касавшиеся войска и городов, или отменены, или заменены противоположными. Отсюда — тяжкие упреки, которые он обрушивал на Пизона и не менее ожесточенные выпады последнего против Цезаря. Наконец, Пизон решил удалиться из Сирии. Болезнь Германика задержала, однако, его отъезд, и, когда его известили, что Германик попра-

вился и что в городе выполняют обеты, данные ради его исцеления, он разгоняет, послав своих ликторов, жертвенных животных у алтарей, тех, кто совершал жертвоприношения, и толпу участвующих в праздничном торжестве антиохийцев. После этого он отбывает в Селевкию, где ждет исхода болезни, снова одолевшей Германика. Свирепую силу недуга усугубляла уверенность Германика в том, что он отравлен Пизоном; и действительно, в доме Германика не раз находили на полу и на стенах извлеченные из могил остатки человеческих трупов, начертанные на свинцовых табличках заговоры и заклятия и тут же — имя Германика, полуобгоревший прах, сочащийся гноем, и другие орудия ведовства, посредством которых, как считают, души людские препоручаются богам преисподней. И тех, кто приходил от Пизона, обвиняли в том, что они являются лишь затем, чтобы выведать, стало ли Германику хуже.

70. Все это наполняло Германика столько же гневом, сколько и тревогою: если его порог осаждают, если придется испустить дух на глазах у врага, то какая же участь уготована его несчастной жене, его малолетним детям? Действие яда Пизону, видимо, кажется чересчур медленным: он спешит и торопит, чтобы единолично властвовать над провинцией, над легионами. Но Германик еще в состоянии постоять за себя, и убийца не извлечет выгоды из своего злодеяния. И он составляет письмо, в котором отказывает Пизону в доверии; многие утверждают, что в нем, сверх того, Пизону предписывалось покинуть провинцию. И Пизон, не задерживаясь, отплывает на кораблях, но умышленно замедляет плаванье, чтобы поскорее вернуться, если смерть Германика снова откроет перед ним Сирию.

71. На короткое время Цезарь проникся надеждою, но вскоре силы его иссякли, и, видя близкую кончину, он обратился к находившимся возле него друзьям с такими словами: «Если бы я уходил из жизни по велению рока, то и тогда были бы справедливы мои жалобы на богов, преждевременной смертью похищающих меня еще совсем молодым у моих родных, у детей, у отчизны; но меня злодейски погубили Пизон и Планцина, и я хочу запечатлеть в ваших сердцах мою последнюю просьбу: сообщите отцу и брату, какими горестями терзаемый, какими кознями окруженный, я закон-

чил мою несчастливую жизнь еще худшею смертью. Все, кого связывали со мною возлагаемые на меня упования, или кровные узы, или даже зависть ко мне живому, все они будут скорбеть обо мне, о том, что, дотоле цветущий, пережив превратности стольких войн, я пал от коварства женщины. Вам предстоит подать в сенат жалобу, воззвать к правосудию. Ведь первейший долг дружбы — не в том, чтобы проводить прах умершего бесплодными сетованьями, а в том, чтобы помнить, чего он хотел, выполнить все, что он поручил. Будут скорбеть о Германике и люди незнакомые, но вы за него отомстите, если питали преданность к нему, а не к его высокому положению. Покажите римскому народу мою жену, внучку божественного Августа, назовите ему моих шестерых детей. И сочувствие будет на стороне обвиняющих, и люди не поверят и не простят тем, кто станет лживо ссылаться на какие-то преступные поручения». И друзья, касаясь руки умирающего, поклялись ему в том, что они скорее испустят последнее дыхание, чем пренебрегут отмщением.

72. Затем, повернувшись к жене, он принялся ее умолять, чтобы она, чтя его память и ради их общих детей, смирила свою заносчивость, склонилась пред злобною судьбой и, вернувшись в Рим, не раздражала более сильных, соревнуясь с ними в могуществе. Это было сказано им перед всеми, а оставшись с нею наедине, он, как полагали, открыл ей опасность, угрожающую со стороны Тиберия. Немного спустя он угасает, и вся провинция и живущие по соседству народы погружаются в великую скорбь. Оплакивали его и чужеземные племена, и цари: так ласков был он с союзниками, так мягок с врагами; и внешность, и речь его одинаково внушали к нему глубокое уважение, и, хотя он неизменно держался величаво и сдержанно, как подобало его высокому сану, он был чужд недоброжелательства и надменности.

73. Похоронам Германика — без изображений предков, без всякой пышности — придала торжественность его слава и память о его добродетелях. Иные, вспоминая о его красоте, возрасте, обстоятельствах смерти и, наконец, также о том, что он умер поблизости от тех мест, где окончилась жизнь Александра Великого, сравнивали их судьбы. Ибо и тот, и другой, отличаясь
 благородною внешностью и знатностью рода, прожи-

ли немногим больше тридцати лет, погибли среди чужих племен от коварства своих приближенных; но Германик был мягок с друзьями, умерен в наслаждениях, женат единственный раз и имел от этого брака законных детей; а воинственностью он не уступал Александру, хотя и не обладал его безрассудной отвагою, и ему помешали поработить Германию, которую он разгромил в стольких победоносных сражениях. Будь он самодержавным вершителем государственных дел, располагай царскими правами и титулом, он настолько быстрее, чем Александр, добился бы воинской славы, насколько превосходил его милосердием, воздержностью и другими добрыми качествами. Перед сожжением обнаженное тело Германика было выставлено на форуме антиохийцев, где его и предали огню; проступили ли на нем признаки отравления ядом, осталось невыясненным,— ибо всякий, смотря по тому, скорбел ли он о Германике, питая против Пизона предвзятое подозрение, или, напротив, был привержен Пизону, толковал об этом по-разному.

74. Затем легаты и оказавшиеся налицо другие сенаторы стали совещаться о том, кому поручить управление Сирией. И так как все остальные не очень стремились к этому назначению, его долго оспаривали между собой Вибий Марс и Гней Сенций, пока Марс не уступил старшему возрастом и более настойчивому Сенцию. И Сенций, по настоянию Вителлия, Верания и других, собиравших доказательства и готовившихся предъявить обвинение, как если бы дело шло об уже изобличенных преступниках, отправил в Рим известную в этой провинции и чрезвычайно любимую Планциной смесительницу ядов Мартину.

75. Агриппина, изнуренная горем и страдающая телесно и все же нетерпимая ко всему, что могло бы задержать мщение, поднимается с прахом Германика и детьми на один из кораблей отплывавшего вместе с ней флота, провожаемая общим состраданием: женщина выдающейся знатности, еще так недавно счастливая мать семейства, окруженная общим уважением и добрыми пожеланиями, она несла теперь, прижимая к груди, останки супруга, неуверенная, удастся ли ей отомстить, страшащаяся за себя и подверженная стольким угрозам судьбы в своей многодетности, не принесшей ей счастья. Между тем Пизона у острова

Коса настигает известие о кончине Германика. Приняв его с торжеством, он устраивает жертвоприношения и посещает храмы, не скрывая своих истинных чувств, а Планцина ведет себя еще непристойнее и, сняв тогда впервые траурную одежду, которую носила по случаю смерти сестры, сменяет ее на нарядное платье.

76. Между тем к Пизону стекались центурионы и убеждали его в готовности легионов оказать ему всяческую поддержку: ему нужно только вернуться в провинцию, отнятую у него незаконно и все еще не имеющую правителя. На совещании, которое он собрал, чтобы решить, как следует действовать, его сын Марк Пизон предложил поспешить в Рим: еще не сделано никаких непоправимых шагов и нечего опасаться ни вздорных подозрений, ни пустой болтовни. Раздоры с Германиком могут, пожалуй, навлечь на его отца ненависть, но они не подлежат наказанию; к тому же отнятие у него провинции вполне удовлетворило его врагов. Но если он туда возвратится, то вследствие сопротивления Сенция дело не обойдется без гражданской войны, а центурионы и воины недолго будут оставаться на его стороне, так как возьмет верх еще свежая память об их полководце и глубоко укоренившаяся преданность Цезарям.

77. Напротив, Домиций Целер, один из ближайших друзей Пизона, настаивал, что нужно использовать случай: Пизон, а не Сенций поставлен правителем Сирии, и ему вручены фасции, преторская власть и легионы. Если туда вторгнется враг, то кому же еще отражать его силой оружия, как не тому, кто получил легатские полномочия и особые указания? Со временем толки теряют свою остроту, а побороть свежую ненависть чаще всего не под силу и людям, ни в чем неповинным. Но если Пизон сохранит за собой войско, укрепит свою мощь, многое, что не поддается предвидению, быть может, обернется по воле случая в лучшую сторону. «Или мы поторопимся, чтобы причалить одновременно с прахом Германика, чтобы тебя, Пизон, невыслушанного и не имевшего возможности отвести от себя обвинение, погубили при первом же твоем появлении рыдания Агриппины и невежественная толпа? Августа — твоя сообщница, Цезарь благоволит к тебе, но негласно; и громче всех оплакивают смерть Германика те, кто наиболее обрадован ею».

78. Неизменно склонный к решительным мерам, Пизон легко присоединяется к этому мнению и в письме, отосланном им Тиберию, обвиняет Германика в высокомерии и чрезмерно роскошном образе жизни: изгнанный Германиком из провинции, чтобы не мешать ему в осуществлении государственного переворота, он снова и с прежнею преданностью берет на себя попечение о войсках. Одновременно он приказывает Домицию отплыть на триреме в Сирию, держа курс мимо островов и подальше от берега. Тем временем Пизон распределяет собравшихся у него перебежчиков по манипулам, вооружает нестроевых, и, переправившись кораблями на материк, перехватывает подразделение шедших в Сирию новобранцев, и пишет киликийским царькам, чтобы они помогли ему своими отрядами; в этих военных приготовлениях принимает участие и молодой Марк Пизон, не разделявший, однако, взгляда, что нужно открыть военные действия.

79. Следуя вдоль берегов Ликии и Памфилии, они встретились с кораблями, сопровождавшими Агриппину, и обе стороны схватились было за оружие, но вследствие страха, который они друг другу внушали, дело ограничилось перебранкой, причем Марс Вибий вызвал Пизона в Рим для судебного разбирательства. Тот насмешливо ответил ему, что, разумеется, не замедлит туда прибыть, как только ведающим делами об отравлениях претором будет назначен день явки подсудимому и обвинителям. Между тем Домиций, пристав к сирийскому городу Лаодикее, направился на зимние квартиры шестого легиона, так как считал его наиболее пригодным для осуществления своих планов, но его опередил легат Пакувий. Сенций обращается к Пизону с письмом, в котором сообщает ему об этом и увещевает его не возбуждать лагерь засылкою в него возмутителей, а провинцию — военными действиями. Собрав всех, о ком ему было известно, что они чтят память Германика или враждебны его врагам, он настойчиво убеждает их в том, что Пизон поднимает оружие на величие императора, на Римское государство; и Сенций выводит навстречу Пизону сильный и готовый к бою отряд.

80. Несмотря на неудачи, постигавшие Пизона в его начинаниях, он не упустил случая обезопасить себя,

насколько это было возможно при сложившихся обстоятельствах, и занял сильную киликийскую крепость Келендерий; пополнив перебежчиками, недавно перехваченными новобранцами и рабами, своими и Планцины, присланные ему на помощь царьками отряды киликийцев, он довел численность своих сил до уровня легиона. Он заверял своих, что его, легата Цезаря, не пускают в провинцию, отданную ему в управление, не воины легионов (ибо они и призвали его возвратиться), но Сенций из личной ненависти к нему, которую он прикрывает ложными обвинениями. Так пусть же они выйдут на поле боя — ведь легионеры не станут сражаться, когда поймут, что Пизон, кого они еще так недавно звали своим отцом, одержит верх, если спор будет решаться на основании права, и не бессилен, если — оружием. Затем он располагает свои манипулы у стен крепости на обрывистом и крутом холме,— с других сторон ее окружало море. Против них стояли построенные боевыми порядками ветераны и резервы; здесь было преимущество в выучке воинов, там — в труднодоступной местности, но у тех, кто ее занимал, не было ни боевого пыла, ни веры в успех, ни даже оружия, кроме того, каким располагают сельские жители, или изготовленного наспех. Когда враги сошлись врукопашную, исход битвы мог вызывать сомнение лишь до тех пор, пока когорты римлян не вышли на ровное место; киликийцы бежали и заперлись в крепости.

81. Между тем Пизон тщетно попытался овладеть флотом, ожидавшим невдалеке исхода сражения; возвратившись к стенам крепости, он, то ударяя себя в грудь, то называя по имени римских воинов и суля им награды, старался склонить их к измене и успел привести их в такое смущение, что значконосец шестого легиона перешел к нему со значком. Тогда Сенций приказал трубить в рожки и трубы, устремиться к валу, установить лестницы и наиболее храбрым и ловким пойти на приступ, а всем остальным, используя метательные машины, осыпа́ть врага дротиками, камнями и горящими факелами. Когда наконец упорство защитников было сломлено, Пизон стал просить, чтобы, по сдаче оружия, ему было дозволено оставаться в крепости, пока не придет указание Цезаря, кому править Сирией. Эти условия были, однако, отклоне-

ны, и единственное, что было ему предоставлено,— это корабли и безопасное возвращение в Рим.

82. А в Риме, лишь только стали доходить вести о болезни Германика, как все доходящие издалека, до последней степени мрачные, воцарились общая скорбь и гнев, а порой прорывались и громкие сетования. Для того, очевидно, и сослали его на край света, для того и дали Пизону провинцию; вот к чему привели тайные совещания Августы с Планциною. И сущую правду говорили старики относительно Друза: не по нраву пришлась властителям приверженность к народоправству их сыновей, и их погубили не из-за чего-либо иного, как только за то, что они замышляли вернуть римскому народу свободу и уравнять всех в правах. Весть о смерти Германика настолько усилила в толпе эти толки, что прежде указа властей, прежде сенатского постановления все погружается в траур, пустеют площади, запираются дома. Повсюду безмолвие, прерываемое стенаниями, нигде ничего показного; если кто и воздерживается от внешних проявлений скорби, то в душе горюет еще безутешнее. Случилось так, что купцы, выехавшие из Сирии, когда Германик был еще жив, привезли более благоприятные вести о его состоянии. Этим вестям сразу поверили, и они тотчас же распространились по всему городу; и всякий, сколь бы непроверенным ни было то, что он слышал, сообщает добрую новость каждому встречному, а те передают ее, приукрашивая от радости, в свою очередь, дальше. Люди носятся по всему городу, взламывают двери храмов, и ночь немало способствует их легковерию, так как во мраке всякий скорее поддается внушению. Тиберий не пресекал ложных слухов, предоставив им рассеяться с течением времени; и народ погрузился в еще бо́льшую скорбь, как если бы Германик был у него отнят вторично.

83. Между тем для Германика были придуманы почести, какие только могла внушить каждому в меру его изобретательности любовь к умершему, и сенат постановил следующее: чтобы имя Германика провозглашалось в песнопении салиев; чтобы всюду, где отведены места для жрецов августалов, были установлены курульные кресла Германика с дубовыми венками над ними; чтобы перед началом цирковых зрелищ было проносимо его изображение из слоновой кости; чтобы

фламины или авгуры, выдвигаемые на его место, избирались только из рода Юлиев. К этому были добавлены триумфальные арки в Риме, на берегу Рейна и на сирийской горе Амане, с надписями, оповещавшими о его деяниях и о том, что он отдал жизнь за отечество; гробница в Антиохии, где его тело подверглось сожжению, и траурный постамент в Эпидафне, где он скончался. И нелегко перечислить все его статуи и места поклонения его памяти. Но когда было предложено поместить большой золотой щит с его изображением среди таких же изображений столпов римского красноречия, Тиберий решительно заявил, что он посвятит Германику щит такой же и того же размера, что и все остальные: ведь красноречие оценивается не по высокому положению в государстве, и пребывать среди древних писателей — уже само по себе достаточно почетно. Сословие всадников присвоило имя Германика тому сектору амфитеатра, который носил название Сектора младших, и, кроме того, постановило, чтобы в июльские иды отряды всадников следовали позади его статуи. Бóльшая часть упомянутого сохраняется в силе и посейчас, кое-что сразу же было заброшено или забылось за давностью лет.

84. Немного позднее, при все еще свежей печали по случаю смерти Германика, сестра его Ливия, жена Друза, родила двух младенцев мужского пола. Событие это, редкое и приносящее радость даже в простых семьях, наполнило принцепса таким ликованием, что он не удержался, чтобы не похвалиться им перед сенаторами, подчеркивая, что ни у кого из римлян такого сана не рождались до этого близнецы: ведь решительно все, даже случайное, он неизменно обращал во славу себе. При сложившихся обстоятельствах народу, однако, и это доставило огорчение, ибо он опасался, как бы Друз, обогатившись потомством, не оттеснил еще больше семью Германика.

85. В том же году были изданы строгие указы сената против распутного поведения женщин и строжайше воспрещено промышлять своим телом тем, чьи деды, отцы или мужья были римскими всадниками. Поводом было то, что Вистилия, дочь претора, объявила эдилам, что занимается проституцией,— поступила же она так в соответствии с принятым у наших предков обыкновением, согласно которому достаточной карою для

продажных женщин почиталось их собственное признание в своем позоре. Были потребованы и от Титидия Лабеона, мужа Вистилии, объяснения, почему он не наказал, согласно закону, свою изобличенную в непотребстве жену. И так как в свое оправдание он сослался на то, что предоставленные ему по закону шестьдесят дней на обдумывание еще не прошли, сочли достаточным принять постановление против Вистилии, и она была сослана на остров Сериф. Обсуждался и вопрос о запрещении египетских и иудейских священнодействий, и сенат принял постановление вывезти на остров Сардинию четыре тысячи зараженных этими суевериями вольноотпущенников, пригодных по возрасту для искоренения там разбойничьих шаек, полагая, что если из-за тяжелого климата они перемрут, то это не составит большой потери; остальным предписывалось покинуть Италию, если до определенного срока они не откажутся от своих нечестивых обрядов.

86. После этого Цезарь сообщил о необходимости избрать девственницу на место Окции, которая в течение пятидесяти семи лет с величайшим благочестием руководила священнодействиями весталок; при этом он выразил благодарность Фонтею Агриппе и Домицию Поллиону за то, что, предлагая взамен нее своих дочерей, они соревновались в преданности государству. Предпочтение было отдано дочери Поллиона, ибо супружеские узы ее родителей продолжали пребывать нерушимыми, тогда как Агриппа расторжением первого брака нанес урон доброй славе своей семьи. Цезарь, впрочем, утешил отвергнутую, даровав ей приданое в размере миллиона сестерциев.

87. Вследствие жалоб народа на дороговизну хлеба Тиберий, установив цену, которую должен был платить покупатель, объявил, что хлеботорговцы будут получать от него дополнительно по два нумма за модий. Предложенный ему за это и предлагавшийся ранее титул отца отечества он, однако, не принял и высказал суровое порицание тем, кто называл его попечение о народе божественным, а его самого — государем. Вот почему любое высказывание в присутствии принцепса, которому свобода внушала страх, а лесть — подозрения, бывало сдержанным и настороженным.

88. У историков и сенаторов того времени я нахожу сообщение о письме предводителя хаттов Адгандестрия,

которое было оглашено в сенате и в котором он предлагал умертвить Арминия, если ему пришлют яду, чтобы он мог осуществить это убийство; Адгандестрию было отвечено, что римский народ отмщает врагам, не прибегая к обману, и не тайными средствами, но открыто и силой оружия. Благородством ответа Тиберий сравнялся с древними полководцами, запретившими отравить царя Пирра и открывшими ему этот замысел. Впрочем, притязая после ухода римлян и изгнания Маробода на царский престол, Арминий столкнулся со свободолюбием соплеменников; подвергшись с их стороны преследованию, он сражался с переменным успехом и пал от коварства своих приближенных. Это был, бесспорно, освободитель Германии, который выступил против римского народа не в пору его младенчества, как другие цари и вожди, но в пору высшего расцвета его могущества, и хотя терпел иногда поражения, но не был побежден в войне. Тридцать семь лет он прожил, двенадцать лет держал в своих руках власть; у варварских племен его воспевают и посейчас; греческие анналы его не знают, так как их восхищает только свое, римские — уделяют ему меньше внимания, чем он заслуживает, ибо, превознося старину, мы недостаточно любопытны к недавнему прошлому.

ГАЙ СВЕТОНИЙ ТРАНКВИЛЛ

ЖИЗНЬ ДВЕНАДЦАТИ ЦЕЗАРЕЙ

КНИГА ПЕРВАЯ

БОЖЕСТВЕННЫЙ ЮЛИЙ

. . . .

1. НА ШЕСТНАДЦАТОМ году он потерял отца. Год спустя, уже назначенный жрецом Юпитера, он расторг помолвку с Коссуцией, девушкой из всаднического, но очень богатого семейства, с которой его обручили еще подростком,— и женился на Корнелии, дочери того Цинны, который четыре раза был консулом. Вскоре она родила ему дочь Юлию. Диктатор Сулла никакими средствами не мог добиться, чтобы он развелся с нею. (2) Поэтому, лишенный и жреческого сана, и жениного приданого, и родового наследства, он был причислен к противникам диктатора и даже вынужден скрываться. Несмотря на мучившую его перемежающуюся лихорадку, он должен был почти каждую ночь менять убежище, откупаясь деньгами от сыщиков, пока, наконец, не добился себе помилования с помощью девственных весталок и своих родственников и свойственников — Мамерка Эмилия и Аврелия Котты. (3) Сулла долго отвечал отказами на просьбы своих преданных и видных приверженцев, а те настаивали и упорствовали; наконец, как известно, Сулла сдался, но воскликнул, повинуясь то ли божественному внушению, то ли собственному чутью: «Ваша победа, получайте его! но знайте: тот, о чьем спасении вы так стараетесь, когда-нибудь станет погибелью для дела оптиматов, которое мы с вами отстаивали: в одном Цезаре таится много Мариев!».

2. Военную службу он начал в Азии, в свите претора Марка Терма. Отправленный им в Вифинию, чтобы привести флот, он надолго задержался у Никомеда. Тогда и пошел слух, что царь растлил его чистоту; а он усугубил этот слух тем, что через несколько дней опять поехал в Вифинию под предлогом взыскания

долга, причитавшегося одному его клиенту-вольноотпущеннику. Дальнейшая служба принесла ему больше славы, и при взятии Митилен он получил от Терма в награду дубовый венок.

3. Он служил и в Киликии при Сервилии Исаврике, но недолго: когда пришла весть о кончине Суллы, и явилась надежда на новую смуту, которую затевал Марк Лепид, он поспешно вернулся в Рим. Однако от сообщества с Лепидом он отказался, хотя тот и прельщал его большими выгодами. Его разочаровал как вождь, так и самое предприятие, которое обернулось хуже, чем он думал.

4. Когда мятеж был подавлен, он привлек к суду по обвинению в вымогательстве Корнелия Долабеллу, консуляра и триумфатора; но подсудимый был оправдан. Тогда он решил уехать на Родос, чтобы скрыться от недругов и чтобы воспользоваться досугом и отдыхом для занятий с Аполлонием Молоном, знаменитым в то время учителем красноречия. Во время этого переезда, уже в зимнюю пору, он возле острова Фармакуссы попался в руки пиратам, и к великому своему негодованию оставался у них в плену около сорока дней. При нем были только врач и двое служителей: (2) остальных спутников и рабов он сразу разослал за деньгами для выкупа. Но когда, наконец, он выплатил пиратам пятьдесят талантов и был высажен на берег, то без промедления собрал флот, погнался за ними по пятам, захватил их и казнил той самой казнью, какой не раз, шутя, им грозил. Окрестные области опустошал в это время Митридат; чтобы не показаться безучастным к бедствиям союзников, Цезарь покинул Родос, цель своей поездки, переправился в Азию собрал вспомогательный отряд и выгнал из провинции царского военачальника, удержав этим в повиновении колеблющиеся и нерешительные общины.

5. Первой его должностью по возвращении в Рим была должность войскового трибуна, присужденная ему народным голосованием. Здесь он деятельно помогал восстановлению власти народных трибунов, урезанной при Сулле. Кроме того, он воспользовался постановлением Плотия, чтобы вернуть в Рим Луция Цинну, брата своей жены, и всех, кто вместе с ним во время гражданской войны примкнул к Лепиду, а по-

сле смерти Лепида бежал к Серторию; и он сам произнес об этом речь.

6. В бытность квестором он похоронил свою тетку Юлию и жену Корнелию, произнеся над ними, по обычаю, похвальные речи с ростральной трибуны. В речи над Юлией он, между прочим, так говорит о предках ее и своего отца: «Род моей тетки Юлии восходит по матери к царям, по отцу же к бессмертным богам: ибо от Анка Марция происходят Марции-цари, имя которых носила ее мать, а от богини Венеры — род Юлиев, к которому принадлежит и наша семья. Вот почему наш род облечен неприкосновенностью, как цари, которые могуществом превыше всех людей, и благоговением, как боги, которым подвластны и самые цари».

(2) После Корнелии он взял в жены Помпею, дочь Квинта Помпея и внучку Луция Суллы. Впоследствии он дал ей развод по подозрению в измене с Публием Клодием. О том, что Клодий проник к ней в женском платье во время священного праздника, говорили с такой уверенностью, что сенат назначил следствие по делу об оскорблении святынь.

7. В должности квестора он получил назначение в Дальнюю Испанию. Там он, по поручению претора объезжая однажды для судопроизводства общинные собрания, прибыл в Гадес и увидел в храме Геркулеса статую Великого Александра. Он вздохнул, словно почувствовав отвращение к своей бездеятельности,— ведь он не совершил еще ничего достопамятного, тогда как Александр в этом возрасте уже покорил мир,— и тотчас стал добиваться увольнения, чтобы затем в столице воспользоваться первым же случаем для более великих дел. (2) На следующую ночь его смутил сон — ему привиделось, будто он насилует собственную мать; но толкователи еще больше возбудили его надежды, заявив, что сон предвещает ему власть над всем миром, так как мать, которую он видел под собой, есть не что иное, как земля, почитаемая родительницей всего живого.

8. Покинув, таким образом, свою провинцию раньше срока, он явился в латинские колонии, которые добивались тогда для себя гражданских прав. Несомненно, он склонил бы их на какой-нибудь дерзкий шаг, если бы консулы, опасаясь этого, не задержали на время отправку набранных для Киликии легионов.

9. Это не помешало ему вскоре пуститься в Риме на еще более смелое предприятие. Именно, за несколько дней до своего вступления в должность эдила, он был обвинен в заговоре с Марком Крассом, консуляром, и с Публием Суллой и Луцием Автронием, которые должны были стать консулами, но оказались уличены в подкупе избирателей. Предполагалось, что в начале нового года они нападут на сенат, перебьют намеченных лиц, Красс станет диктатором, Цезарь будет назначен начальником конницы и, устроив государственные дела по своему усмотрению, они вернут консульство Автронию и Сулле. (2) Об этом заговоре упоминают Танузий Гемин в истории, Марк Бибул в эдиктах, Гай Курион Старший в речах; то же самое, по-видимому, имеет в виду и Цицерон, когда в одном из писем к Аксию говорит, что Цезарь, став консулом, утвердился в той царской власти, о которой помышлял еще эдилом. Танузий добавляет, что из раскаяния или из страха Красс не явился в назначенный для избиения день, а потому и Цезарь не подал условленного знака: по словам Куриона, было условлено, что Цезарь спустит тогу с одного плеча. (3) Тот же Курион, а с ним и Марк Акторий Назон сообщают, что Цезарь вступил в заговор также с молодым Гнеем Пизоном; а когда возникло подозрение, что в Риме готовится заговор, и Пизон без просьбы и вне очереди получил назначение в Испанию, то они договорились, что одновременно поднимут мятеж — Цезарь в Риме, а Пизон в провинции — при поддержке амбронов и транспаданцев. Смерть Пизона разрушила замыслы обоих.

10. В должности эдила он украсил не только комиций и форум с базиликами, но даже на Капитолии выстроил временные портики, чтобы показывать часть убранства от своей щедрости. Игры и травли он устраивал как совместно с товарищем по должности, так и самостоятельно, поэтому даже общие их траты приносили славу ему одному. Его товарищ Марк Бибул открыто признавался, что его постигла участь Поллукса: как храм божественных близнецов на форуме называли просто храмом Кастора, так и его совместную с Цезарем щедрость приписывали одному Цезарю.

 (2) Вдобавок Цезарь устроил и гладиаторский бой, но

вывел меньше сражающихся пар, чем собирался: собранная им отовсюду толпа бойцов привела его противников в такой страх, что особым указом было запрещено кому бы то ни было держать в Риме больше определенного количества гладиаторов.

11. Снискав расположение народа, он попытался через трибунов добиться, чтобы народное собрание предоставило ему командование в Египте. Поводом для внеочередного назначения было то, что александрийцы изгнали своего царя, объявленного в сенате союзником и другом римского народа: в Риме это вызвало общее недовольство. Он не добился успеха из-за противодействия оптиматов. Стараясь в отместку подорвать их влияние любыми средствами, он восстановил памятники побед Гая Мария над Югуртой, кимврами и тевтонами, некогда разрушенные Суллой; а председательствуя в суде по делам об убийствах, он объявил убийцами и тех, кто во время проскрипций получал из казны деньги за головы римских граждан, хотя Корнелиевы законы и делали для них исключение.

12. Он даже нанял человека, который обвинил в государственной измене Гая Рабирия, чьими стараниями незадолго до того сенат подавил мятеж трибуна Луция Сатурнина. А когда жребий назначил его судьей в этом деле, он осудил Рабирия с такой страстностью, что тому при обращении к народу более всего помогла ссылка на враждебность судьи.

13. Оставив надежду получить провинцию, он стал домогаться сана великого понтифика с помощью самой расточительной щедрости. При этом он вошел в такие долги, что при мысли о них он, говорят, сказал матери, целуя ее утром перед тем, как отправиться на выборы: «Или я вернусь понтификом, или совсем не вернусь». И действительно, он настолько пересилил обоих своих опаснейших соперников, намного превосходивших его и возрастом и положением, что даже в их собственных трибах он собрал больше голосов, чем оба они во всех вместе взятых.

14. Он был избран претором, когда был раскрыт заговор Катилины и сенат единогласно осудил заговорщиков на смертную казнь. Он один предложил разослать их под стражей по муниципиям, конфисковав имущество. При этом, живописуя народную ненависть, кото-

рую навеки навлекут сторонники более крутых мер, он нагнал на них такого страху, что Децим Силан, назначенный консул, решился даже смягчить свое первоначальное мнение — переменить его открыто было бы позором — и заявил, будто оно было истолковано суровее, чем он имел в виду. (2) Цезарь привлек на свою сторону многих, в том числе брата консула Цицерона, и добился бы победы, если бы колеблющемуся сенату не придала стойкости речь Марка Катона. Но и тогда он не переставал сопротивляться, пока римские всадники, вооруженной толпой окружавшие сенат под предлогом охраны, не стали угрожать ему смертью за его непомерное упорство. Они уже подступали к нему с обнаженными клинками, сидевшие рядом сенаторы покинули его, и лишь немногие приняли его под защиту, заключив в объятия и прикрыв тогой. Лишь тогда в явном страхе он отступил и потом до конца года не показывался в сенате.

15. В первый же день своей претуры он потребовал, чтобы Квинт Катул дал перед народом отчет о восстановлении Капитолия, и даже внес предложение передать это дело другому. Но он был бессилен против единодушного сопротивления оптиматов: увидев, как они сбегаются толпами, покидая новоизбранных консулов, полные решимости дать отпор, он отказался от этого предприятия.

16. Тем не менее, когда народный трибун Цецилий Метелл, невзирая на запрет других трибунов, выступил с самыми мятежными законопредложениями, Цезарь встал на его защиту и поддерживал его с необычайным упорством, пока сенат указом не отстранил обоих от управления государством. Несмотря на это, он отважился остаться в должности и править суд; лишь когда он узнал, что ему готовы воспрепятствовать силой оружия, он распустил ликторов, снял преторскую тогу и тайком поспешил домой, решив при таких обстоятельствах не поднимать шуму. (2) Через день к его дому сама собой, никем не подстрекаемая, собралась огромная толпа и буйно предлагала свою помощь, чтобы восстановить его в должности; но он сумел ее унять. Так как этого никто не ожидал, то сенат, спешно созванный по поводу этого сборища, выразил ему благодарность через лучших своих представите-

лей; его пригласили в курию, расхвалили в самых лестных выражениях и, отменив прежний указ, полностью восстановили в должности.

17. Но ему угрожала новая опасность: он был объявлен сообщником Катилины. Перед следователем Новием Нигром об этом заявил доносчик Луций Веттий, а в сенате — Квинт Курий, которому была назначена государственная награда за то, что он первый раскрыл замыслы заговорщиков. Курий утверждал, что слышал об этом от Катилины, а Веттий даже обещал представить собственноручное письмо Цезаря Катилине. (2) Цезарь, не желая этого терпеть, добился от Цицерона свидетельства, что он сам сообщил ему некоторые сведения о заговоре. Курия этим он лишил награды, а Веттий, наказанный взысканием залога и конфискацией имущества, едва не растерзанный народом прямо перед ростральной трибуной, был брошен им в тюрьму вместе со следователем Новием, принявшим жалобу на старшего по должности.

18. После претуры он получил по жребию Дальнюю Испанию. Его не отпускали кредиторы; он отделался от них с помощью поручителей и уехал в провинцию, не дождавшись, вопреки законам и обычаям, распоряжений и средств. Неизвестно, опасался ли он грозившего ему частного иска или торопился прийти на помощь умоляющим союзникам.

Наведя порядок в провинции, он с той же поспешностью, не дожидаясь преемника, устремился в Рим искать триумфа и консульства. (2) Но срок выборов был уже назначен, и он мог выступить соискателем, лишь вступив в город как частный человек. Он пытался добиться для себя исключения из закона, но встретил сопротивление и должен был отказаться от триумфа, чтобы не потерять консульство.

19. Соискателей консульства было двое: Марк Бибул и Луций Лукцей; Цезарь соединился с последним. Так как тот был менее влиятелен, но очень богат, они договорились, что Лукцей будет обещать центуриям собственные деньги от имени обоих. Оптиматы, узнав об этом, испугались, что Цезарь не остановится ни перед чем, если будет иметь товарищем по высшей должности своего союзника и единомышленника: они дали Бибулу полномочия на столь же щедрые обещания

и многие даже снабдили его деньгами. Сам Катон не отрицал, что это совершается подкуп в интересах государства.

(2) Так он стал консулом вместе с Бибулом. По той же причине оптиматы позаботились, чтобы будущим консулам были назначены самые незначительные провинции — одни леса да пастбища. Такая обида побудила его примкнуть во всех своих действиях к Гнею Помпею, который в это время был не в ладах с сенатом, медлившим подтвердить его распоряжения после победы над Митридатом. С Помпеем он помирил Марка Красса — они враждовали еще со времени их жестоких раздоров во время совместного консульства — и вступил в союз с обоими, договорившись не допускать никаких государственных мероприятий, не угодных кому-либо из троих.

20. По вступлении в должность он первый приказал составлять и обнародовать ежедневные отчеты о собраниях сената и народа. Далее, он восстановил древний обычай, чтобы в те месяцы, когда фаски находились не у него, перед ним всюду ходил посыльный, а ликторы следовали сзади. Когда же он внес законопроект о земле, а его коллега остановил его, ссылаясь на дурные знаменья, он силой оружия прогнал его с форума. На следующий день тот подал жалобу в сенат, но ни в ком не нашел смелости выступить с докладом о таком насилии или хотя бы предложить меры, обычные даже при меньших беспорядках. Это привело Бибула в такое отчаяние, что больше он не выходил из дому до конца своего консульства, и лишь в эдиктах выражал свой протест.

(2) С этого времени Цезарь один управлял всем в государстве по своей воле. Некоторые остроумцы, подписываясь свидетелями на бумагах, даже помечали их в шутку не консульством Цезаря и Бибула, а консульством Юлия и Цезаря, обозначая, таким образом, одного человека двумя именами; а вскоре в народе стал ходить и такой стишок:

В консульство Цезаря то, а не в консульство Бибула было:
В консульство Бибула, друг, не было впрямь ничего.

(3) Стеллатский участок, объявленный предками неприкосновенным, и Кампанское поле, оставленное в аренде для пополнения казны, он разделил без жре-

бия между двадцатью тысячами граждан, у которых было по трое и больше детей. Откупщикам, просившим о послаблении, он сбавил третью часть откупной суммы и при всех просил их быть умеренней, когда придется набавлять цену на новые откупа. Вообще он щедро раздавал все, о чем бы его ни просили, не встречая противодействия или подавляя его угрозами. (4) Марка Катона, выступившего в сенате с запросом, он приказал ликтору вытащить из курии и отвести в тюрьму. Луция Лукулла, который слишком резко ему возражал, он так запугал ложными обвинениями, что тот сам бросился к его ногам. Цицерон однажды в суде оплакивал положение государства — Цезарь в тот же день, уже в девятом часу, перевел из патрициев в плебеи врага его, Публия Клодия, который добивался этого долго и тщетно. (5) Наконец, он нанял доносчика против всей враждебной партии в целом: тот должен был объявить, что его подговаривали на убийство Помпея, и, представ перед рострами, назвать условленные имена подстрекателей. Но так как одно или два из этих имен были названы напрасно и только возбудили подозрение в обмане, он разочаровался в успехе столь опрометчивого замысла и, как полагают, устранил доносчика ядом.

21. Около того же времени он женился на Кальпурнии, дочери Луция Пизона, своего преемника по консульству, а свою дочь Юлию выдал за Гнея Помпея, отказав ее первому жениху Сервилию Цепиону, хотя тот и был его главным помощником в борьбе против Бибула. Породнившись с Помпеем, он стал при голосовании спрашивать мнение у него первого, тогда как раньше он начинал с Красса, а обычай требовал держаться в течение всего года того порядка спроса, какой был принят консулом в январские календы.

22. При поддержке зятя и тестя он выбрал себе в управление из всех провинций Галлию, которая своими богатыми возможностями и благоприятной обстановкой сулила ему триумфы. Сначала он получил по Ватиниеву закону только Цизальпинскую Галлию с прилежащим Иллириком, но вскоре сенат прибавил ему и Косматую Галлию: сенаторы боялись, что в случае их отказа он получит ее от народа. (2) Окрыленный радостью, он не удержался, чтобы не похвалиться через

несколько дней перед всем сенатом, что он достиг цели своих желаний, несмотря на недовольство и жалобы противников, и что теперь-то он их всех оседлает. Кто-то оскорбительно заметил, что для женщины это нелегко; он ответил, как бы шутя, что и в Сирии царствовала Семирамида, и немалой частью Азии владели некогда амазонки.

23. По окончании его консульства преторы Гай Меммий и Луций Домиций потребовали расследования мероприятий истекшего года. Цезарь поручил это сенату, но сенат отказался. Потратив три дня в бесплодных пререканиях, он уехал в провинцию. Тотчас, как бы в знак предупреждения ему, был взят под суд по нескольким обвинениям его квестор; а вскоре и его самого потребовал к ответу народный трибун Луций Антистий, и только обратясь к другим трибунам, Цезарь добился, чтобы его не привлекали к суду, пока он отсутствует по делам государства. (2) А чтобы быть уверенным и в будущем, он особенно старался иметь каждый год среди магистратов людей, ему обязанных, и только тем соискателям помогал или допускал их до власти, которые соглашались защищать его во время отсутствия; он доходил до того, что от некоторых требовал клятвы и даже расписки.

24. Но когда Луций Домиций, выдвинутый в консулы, стал открыто грозить, что, став консулом, он добьется того, чего не добился претором, и отнимет у Цезаря его войско,— тогда Цезарь вызвал Красса и Помпея в Луку, один из городов своей провинции, и убедил их просить второго консульства, чтобы свалить Домиция; для себя же он с их помощью добился сохранения командования еще на пять лет. (2) Полагаясь на это, он вдобавок к легионам, полученным от государства, набрал новые на собственный счет, в том числе один — из трансальпинских галлов (он носил галльское название «алауда»), которых он вооружил и обучил по римскому образцу и которым впоследствии всем даровал римское гражданство.

(3) С этих пор он не упускал ни одного случая для войны, даже для несправедливой или опасной, и первым нападал как на союзные племена, так и на враждебные и дикие, так что сенат однажды даже постановил направить комиссию для расследования поло-

жения в Галлии, а некоторые прямо предлагали выдать его неприятелю. Но когда его дела пошли успешно, в его честь назначались благодарственные молебствия чаще и дольше, чем для кого-либо ранее.

25. Вот что он совершил за девять лет своего командования. Всю Галлию, что лежит между Пиренейским хребтом, Альпами, Севеннами и реками Роданом и Рейном, более 3200 миль в охвате, он целиком, за исключением лишь союзных или оказавших Риму услуги племен, обратил в провинцию и наложил на нее 40 миллионов ежегодного налога. (2) Первым из римлян он напал на зарейнских германцев и, наведя мост, нанес им тяжелые поражения. Он напал и на британцев, дотоле неизвестных, разбил их и потребовал с них выкупа и заложников. Среди стольких успехов он только три раза потерпел неудачу: в Британии его флот был почти уничтожен бурей, в Галлии один из его легионов был разбит наголову при Герговии, в германской земле попали в засаду и погибли легаты Титурий и Аврункулей.

26. В эти же годы он потерял сначала мать, потом дочь и вскоре затем внука. Между тем убийство Публия Клодия привело в смятение все государство, и сенат постановил избрать только одного консула, назвав имя Гнея Помпея. Народные трибуны хотели назначить Цезаря в товарищи Помпею, но Цезарь посоветовал им лучше попросить у народа, чтобы ему было позволено домогаться второго консульства еще до истечения срока командования и не торопиться для этого в Рим, не кончив войны.

(2) Достигнув этого, он стал помышлять о большем и, преисполненный надежд, не упускал ни одного случая выказать щедрость или оказать услугу кому-нибудь, как в государственных, так и в частных делах. На средства от военной добычи он начал строить форум: одна земля под ним стоила больше ста миллионов. В память дочери он обещал народу гладиаторские игры и пир — до него этого не делал никто. Чтобы ожидание было напряженней, он готовил угощение не только у мясников, которых нанял, но и у себя на дому. (3) Знаменитых гладиаторов, в какой-нибудь схватке навлекших немилость зрителей, он велел отбивать силой и сохранять для себя. Молодых бойцов он отда-

вал в обучение не в школы и не к ланистам, а в дома римских всадников и даже сенаторов, которые хорошо владели оружием; по письмам видно, как настойчиво просил он их следить за обучением каждого и лично руководить их занятиями. Легионерам он удвоил жалованье на вечные времена, отпускал им хлеб без меры и счета, когда его бывало вдоволь, а иногда дарил каждому по рабу из числа пленников.

27. Чтобы сохранить родство и дружбу с Помпеем, он предложил ему в жены Октавию, внучку своей сестры, хотя она и была уже замужем за Гаем Марцеллом, а сам просил руки его дочери, помолвленной с Фавстом Суллой. Всех друзей Помпея и большую часть сенатов он привязал к себе, ссужая им деньги без процентов или под ничтожный процент. Граждан из других сословий, которые приходили к нему сами или по приглашению, он осыпал щедрыми подарками, не забывая и их вольноотпущенников и рабов, если те были в милости у хозяина или патрона. (2) Наконец, он был единственной и надежнейшей опорой для подсудимых, для задолжавших, для промотавшихся юнцов, кроме лишь тех, кто настолько погряз в преступлениях, нищете или распутстве, что даже он не мог им помочь; таким он прямо и открыто говорил, что спасти их может только гражданская война.

28. С таким же усердием привлекал он к себе и царей и провинции по всему миру: одним он посылал в подарок тысячи пленников, другим отправлял на помощь войска куда угодно и когда угодно, без одобрения сената и народа. Крупнейшие города не только в Италии, Галлии и Испании, но и в Азии и Греции он украшал великолепными постройками.

(2) Наконец, когда уже все в изумлении только гадали, куда он клонит, консул Марк Клавдий Марцелл, объявив эдиктом, что имеет дело большой государственной важности, предложил сенату: преемника Цезарю назначить раньше срока, так как война закончена, мир установлен и победителю пора распустить войско; а на выборах кандидатуру Цезаря в его отсутствие не принимать, так как и Помпей не сделал для него оговорки в народном постановлении. (3) Дело в том, что Помпей в своем законе о правах должностных лиц воспретил домогаться должностей заочно

и по забывчивости не сделал исключения даже для Цезаря, исправив эту ошибку лишь тогда, когда закон был уже вырезан на медной доске и сдан в казначейство. Не довольствуясь лишением Цезаря его провинций и льгот, Марцелл предложил также лишить гражданского права поселенцев, выведенных Цезарем по Ватиниеву закону в Новый Ком, на том основании, что гражданство им было даровано с коварным умыслом и противозаконно.

29. Цезаря это встревожило. Он был убежден — и это часто от него слышали,— что теперь, когда он стал первым человеком в государстве, его не так легко столкнуть с первого места на второе, как потом со второго на последнее. Поэтому он стал всеми силами сопротивляться, отчасти — с помощью вмешательства трибунов, отчасти — при содействии второго консула Сервия Сульпиция. В следующем году Гай Марцелл сменил в должности консула своего двоюродного брата Марка и возобновил его попытки; тогда Цезарь за огромные деньги нашел себе защитника в лице его коллеги Эмилия Павла и самого отчаянного из трибунов — Гая Куриона. (2) Но увидев, что против него действуют все настойчивей и что даже консулы будущего года избраны враждебные ему, он обратился к сенату с письмом, прося не отнимать у него дар римского народа,— или же пусть другие полководцы тоже распустят свои войска. Как полагают, он надеялся, что при желании ему будет легче созвать своих ветеранов, чем Помпею — новых воинов. Противникам же он предложил согласиться на том, что он откажется от восьми легионов и Трансальпинской Галлии и сохранит до избрания в консулы только два легиона и Цизальпинскую провинцию или даже один легион и Иллирик. **30.** Когда же ни сенат не пожелал вмешаться, ни противники — идти на какое бы то ни было соглашение о делах государственных, тогда он перешел в Ближнюю Галлию и, покончив с судебными собраниями, остановился в Равенне, угрожая войною, если сенат примет суровые меры против вступившихся за него трибунов.

(2) Это, конечно, был только предлог для гражданской войны; причины же ее, как полагают, были другие. Так, Гней Помпей неоднократно утверждал, что

Цезарь оттого пошел на всеобщую смуту и переворот, что из своих частных средств он не мог ни окончить построек, которые начал, ни оправдать ожидания, которые возбуждало в народе его возвращение. (3) Другие говорят, будто он боялся, что ему придется дать ответ за все, что он совершил в свое первое консульство вопреки знаменьям, законам и запретам: ведь и Марк Катон не раз клятвенно заявлял, что привлечет его к суду тотчас, как он распустит войско, и в народе говорили, что вернись он только частным человеком, и ему, как Милону, придется защищать себя в суде, окруженном вооруженной охраной. (4) Это тем правдоподобнее, что и Азиний Поллион рассказывает, как Цезарь при Фарсале, глядя на перебитых и бегущих врагов, сказал дословно следующее: «Они сами этого хотели! меня, Гая Цезаря, после всего, что я сделал, они объявили бы виновным, не обратись я за помощью к войскам!» (5) Некоторые, наконец, полагают, что Цезаря поработила привычка к власти, и поэтому он, взвесив свои и вражеские силы, воспользовался случаем захватить верховное господство, о котором мечтал с ранних лет. Так думал, по-видимому, и Цицерон, когда в третьей книге «Об обязанностях» писал, что у Цезаря всегда были на устах стихи Еврипида, которые он переводит так:

Коль преступить закон — то ради царства,
А в остальном его ты должен чтить.

31. И вот, когда приспело известие, что вмешательство трибунов не имело успеха и что им самим пришлось покинуть Рим, Цезарь тотчас двинул вперед когорты; а чтобы не возбуждать подозрений, он и присутствовал для виду на народных зрелищах, и обсуждал план гладиаторской школы, которую собирался строить, и устроил, как обычно, многолюдный ужин. (2) Но когда закатилось солнце, он с немногими спутниками, в повозке, запряженной мулами с соседней мельницы, тайно тронулся в путь. Факелы погасли, он сбился с дороги, долго блуждал и только к рассвету, отыскав проводника, пешком, по узеньким тропинкам вышел, наконец, на верную дорогу. Он настиг когорты у реки Рубикона, границы его провинции. Здесь он помедлил и, раздумывая, на какой шаг он отваживается, сказал,

обратившись к спутникам: «Еще не поздно вернуться; но стоит перейти этот мостик, и все будет решать оружие».

32. Он еще колебался, как вдруг ему явилось такое видение. Внезапно поблизости показался неведомый человек дивного роста и красоты: он сидел и играл на свирели. На эти звуки сбежались не только пастухи, но и многие воины со своих постов, среди них были и трубачи. И вот у одного из них этот человек вдруг вырвал трубу, бросился в реку и, оглушительно протрубив боевой сигнал, поплыл к противоположному берегу. «Вперед,— воскликнул тогда Цезарь,— вперед, куда зовут нас знаменья богов и несправедливость противников! Жребий брошен».

33. Так перевел он войска; и затем, выведя на общую сходку бежавших к нему изгнанников-трибунов, он со слезами, разрывая одежду на груди, стал умолять солдат о верности. Говорят даже, будто он пообещал каждому всадническое состояние, но это — недоразумение. Дело в том, что он, взывая к воинам, часто показывал на свой палец левой руки, заверяя, что готов отдать даже свой перстень, чтобы вознаградить защитников своей чести; а дальние ряды, которым легче было видеть, чем слышать говорящего, приняли мнимые знаки за слова, и отсюда пошла молва, будто он посулил им всаднические кольца и четыреста тысяч сестерциев.

34. Дальнейшие его действия, вкратце и по порядку, были таковы. Он вступил в Пицен, Умбрию, Этрурию; Луция Домиция, противозаконно назначенного ему преемником и занимавшего Корфиний, он заставил сдаться и отпустил; затем по берегу Верхнего моря он двинулся к Брундизию, куда бежали консулы и Помпей, спеша переправиться за море. (2) После безуспешных попыток любыми средствами воспрепятствовать их отплытию, он повернул в Рим. Обратившись здесь к сенаторам с речью о положении государства, он направился против сильнейших войск Помпея, находившихся в Испании под начальством трех легатов: Марка Петрея, Луция Афрания и Марка Варрона; перед отъездом он сказал друзьям, что сейчас он идет на войско без полководца, а потом вернется к полководцу без войска. И хотя его задерживали как осада Массилии, закрывшей ворота у него на пути, так и край-

ний недостаток продовольствия, вскоре он подчинил себе все.

35. Вернувшись из Испании в Рим, он переправился в Македонию и там, продержав Помпея почти четыре месяца в кольце мощных укреплений, разбил его, наконец, в фарсальском сражении и преследовал бегущего до Александрии, где нашел его уже убитым. Так как он видел, что царь Птолемей и против него замышляет злое, ему пришлось вести здесь необычайно трудную войну, в невыгодном месте и в невыгодное время: зимой, без припасов, без подготовки, в столице богатого и хитрого врага. Победив, он отдал египетское царство Клеопатре и ее младшему брату, не решаясь обратить его в провинцию, чтобы какой-нибудь предприимчивый наместник не смог опереться на нее для новых смут. (2) Из Александрии он направился в Сирию и затем в Понт, обеспокоенный вестями о Фарнаке, сыне Митридата Великого, который воспользовался случаем начать войну и уже был опьянен многими успехами. На пятый день своего прибытия, через четыре часа после его появления, Цезарь разгромил его в одном-единственном бою. Потом он часто поминал, как посчастливилось Помпею стяжать славу полководца победами над неприятелем, который не умеет воевать. После этого он победил в Африке Сципиона и Юбу, у которых искали прибежища остатки неприятелей, а в Испании — сыновей Помпея.

36. Во всей междоусобной войне он не понес ни одного поражения. Терпеть неудачи случалось лишь его легатам: так, Гай Курион погиб в Африке, Гай Антоний попал в плен к врагу в Иллирике, Публий Долабелла потерял в том же Иллирике свой флот, а Гней Домиций Кальвин в Понте — свое войско. Сам же Цезарь неизменно сражался с замечательной удачей, не зная даже сомнительных успехов, за исключением двух лишь случаев: один раз при Диррахии, когда, обращенный Помпеем в бегство, но не преследуемый, он воскликнул, что Помпей не умеет побеждать, и другой раз в последнем сраженье в Испании, когда, отчаявшись в победе, он уже помышлял о добровольной смерти.

37. По окончании войны он отпраздновал пять триумфов: четыре за один месяц, но с промежутками,— после победы над Сципионом, и пятый — после

победы над сыновьями Помпея. Первый и самый блистательный триумф был галльский, за ним — александрийский, затем — понтийский, следующий — африканский, и наконец — испанский: каждый со своей особой роскошью и убранством. (2) Во время галльского триумфа на Велабре у него сломалась ось, и он чуть не упал с колесницы; на Капитолий он вступил при огнях, сорок слонов с факелами шли справа и слева. В понтийском триумфе среди прочих предметов в процессии несли надпись из трех слов: «Пришел, увидел, победил»,— этим он отмечал не события войны, как обычно, а быстроту ее завершения.

38. Своим старым легионерам он выдал из добычи по двадцать четыре тысячи сестерциев, не считая двух тысяч, выплаченных еще при начале междоусобной войны. Он выделил им и землю, но не сплошной полосой, чтобы не сгонять прежних владельцев. Народу он роздал по десять мер зерна и по стольку же фунтов масла, деньгами же по триста сестерциев, обещанных ранее, и еще по сотне за то, что пришлось ждать. (2) Тех, кто платил за жилье в Риме до двух тысяч сестерциев и в Италии до пятисот, он на год освободил от платы. Вдобавок он устроил пир и раздачу мяса, а после испанского триумфа — еще два обеда: первый показался ему скудным и недостойным его щедрости, поэтому через четыре дня он дал второй, неслыханно богатый.

39. Зрелища он устраивал самые разнообразные: и битву гладиаторов, и театральные представления по всем кварталам города и на всех языках, и скачки в цирке, и состязания атлетов, и морской бой. В гладиаторской битве на форуме бились насмерть Фурий Лептин из преторского рода и Квинт Кальпен, бывший сенатор и судебный оратор. Военный танец плясали сыновья вельмож из Азии и Вифинии. (2) В театре римский всадник Децим Лаберий выступал в миме собственного сочинения; получив в награду пятьсот тысяч сестерциев и золотой перстень, он прямо со сцены через орхестру прошел на свое место в четырнадцати первых рядах. На скачках, для которых цирк был расширен в обе стороны и окружен рвом с водой, знатнейшие юноши правили колесницами четверней и парой и показывали прыжки на лошадях. Троян-

скую игру исполняли двумя отрядами мальчики старшего и младшего возраста. (3) Звериные травли продолжались пять дней; в заключение была показана битва двух полков по пятисот пехотинцев, двадцать слонов и триста всадников с каждой стороны; чтобы просторнее было сражаться, в цирке снесли поворотные столбы и на их месте выстроили два лагеря друг против друга. Атлеты состязались в течение трех дней на временном стадионе, нарочно сооруженном близ Марсова поля. (4) Для морского боя было выкопано озеро на малом Кодетском поле: в бою участвовали биремы, триремы и квадриремы тирийского и египетского образца со множеством бойцов. На все эти зрелища отовсюду стеклось столько народу, что много приезжих ночевало в палатках по улицам и переулкам; а давка была такая что многие были задавлены до смерти, в том числе два сенатора.

40. Затем он обратился к устройству государственных дел. Он исправил календарь: из-за нерадивости жрецов, произвольно вставлявших месяцы и дни, календарь был в таком беспорядке, что уже праздник жатвы приходился не на лето, а праздник сбора винограда — не на осень. Он установил, применительно к движению солнца, год из 365 дней, и вместо вставного месяца ввел один вставной день через каждые четыре года. (2) Чтобы правильный счет времени велся впредь с очередных январских календ, он вставил между ноябрем и декабрем два лишних месяца, так что год, когда делались эти преобразования, оказался состоящим из пятнадцати месяцев, считая и обычный вставной, также пришедшийся на этот год.

41. Он пополнил сенат, к старым патрициям прибавил новых, увеличил число преторов, эдилов, квесторов и даже младших должностных лиц. Тех, кто был лишен звания цензорами или осужден по суду за подкуп, он восстановил в правах. (2) Выборы он поделил с народом: за исключением соискателей консульства, половина кандидатов избиралась по желанию народа, половина — по назначению Цезаря. Назначал он их в коротких записках, рассылаемых по трибам: «Диктатор Цезарь — такой-то трибе. Предлагаю вашему вниманию такого-то, дабы он по вашему выбору получил искомое им звание». Он допустил к должностям

и сыновей тех, кто был казнен во время проскрипций. В суде он оставил только две судейские декурии: сенаторскую и всадническую; третью, декурию эрарных трибунов, он упразднил.

(3) Перепись граждан он произвел не в обычном месте и не обычным порядком, а по кварталам и через домовладельцев, и число получавших хлеб из казны сократил с трехсот двадцати тысяч до ста пятидесяти тысяч. А чтобы при обновлении списков не могли возникнуть новые беспорядки, он постановил, чтобы каждый год претор по жребию замещал умерших получателей новыми из числа не попавших в списки.

42. Кроме того, восемьдесят тысяч граждан он расселил по заморским колониям. Желая пополнить поредевшее население города, он издал закон, чтобы никакой гражданин старше двадцати и моложе сорока лет, не находящийся на военной службе, не покидал бы Италию дольше, чем на три года; чтобы никто из сенаторских детей не уезжал из страны иначе, как в составе военной или гражданской свиты при должностном лице; и чтобы скотовладельцы не менее трети своих пастухов набирали из взрослых свободнорожденных людей. Всем, кто в Риме занимался медициной, и всем преподавателям благородных искусств он даровал римское гражданство, чтобы они и сами охотнее селились в городе и привлекали других.

(2) Он не оправдал не раз возникавших надежд на отмену долговых обязательств, но постановил, наконец, чтобы платежи должников заимодавцам определялись той стоимостью, какую имели их имения до гражданской войны, и чтобы с общей суммы долга были списаны все выплаты или перечисления по процентам; а это сокращало долг почти на четверть. (3) Он распустил все коллегии, за исключением самых древних. Он усилил наказания преступникам; а так как богатые люди оттого легче шли на беззакония, что все их состояние и в изгнании оставалось при них, он, по словам Цицерона, стал наказывать за убийство гражданина лишением всего имущества, а за иные преступления — половины.

43. Суд он правил необычайно тщательно и строго Тех, кто был осужден за вымогательство, он даже изгонял из сенаторского сословия. Брак одного бывшего

претора с женщиной, которая только накануне развелась с мужем, он объявил недействительным, хотя подозрений в измене и не было. На иноземные товары он наложил пошлину. Носилки, а также пурпурные платья и жемчужные украшения он оставил в употреблении только для определенных лиц, определенных возрастов и в определенные дни. (2) Особенно строго соблюдал он законы против роскоши: вокруг рынка он расставил сторожей, чтобы они отбирали и приносили к нему запрещенные яства, а если что ускользало от сторожей, он иногда посылал ликторов с солдатами, чтобы забирать уже поданные блюда прямо со столов.

44. День ото дня он задумывал все более великие и многочисленные планы устроения и украшения столицы, укрепления и расширения державы: прежде всего, воздвигнуть храм Марса, какого никогда не бывало, засыпав для него и сровняв с землею то озеро, где устраивал он морской бой, а на склоне Тарпейской скалы устроить величайший театр; (2) гражданское право привести в надлежащий порядок, отобрав в нескольких книгах все самое лучшее и самое нужное из огромного множества разрозненных законов; открыть как можно более богатые библиотеки, греческие и латинские, поручив их составление и устройство Марку Варрону; осушить Помптинские болота; (3) спустить Фуцинское озеро; проложить дорогу от Верхнего моря через Апеннинский хребет до самого Тибра; перекопать каналом Истм; усмирить вторгшихся во Фракию и Понт дакийцев; а затем пойти войной на парфян через Малую Армению, но не вступать в решительный бой, не познакомившись предварительно с неприятелем.

(4) Среди таких замыслов и дел его застигла смерть. Однако прежде чем говорить о ней, нелишним будет вкратце изложить все, что касается его наружности, привычек, одежды, нрава, а также его занятий в военное и мирное время.

45. Говорят, он был высокого роста, светлокожий, хорошо сложен, лицо чуть полное, глаза черные и живые. Здоровьем он отличался превосходным: лишь под конец жизни на него стали нападать внезапные обмороки и ночные страхи, да два раза во время занятий

у него были приступы падучей. (2) За своим телом он ухаживал слишком даже тщательно, и не только стриг и брил, но и выщипывал волосы, и этим его многие попрекали. Безобразившая его лысина была ему несносна, так как часто навлекала насмешки недоброжелателей. Поэтому он обычно зачесывал поредевшие волосы с темени на лоб; поэтому же он с наибольшим удовольствием принял и воспользовался правом постоянно носить лавровый венок.

(3) И одевался он, говорят, по-особенному: он носил сенаторскую тунику с бахромой на рукавах и непременно ее подпоясывал, но слегка: отсюда и пошло словцо Суллы, который не раз советовал оптиматам остерегаться плохо подпоясанного юнца.

46. Жил он сначала в скромном доме на Субуре, а когда стал великим понтификом, то поселился в государственном здании на Священной дороге. О его великой страсти к изысканности и роскоши сообщают многие. Так, говорят, что он заложил и отстроил за большие деньги виллу близ озера Неми, но она не совсем ему понравилась, и он разрушил ее до основания, хотя был еще беден и в долгах. В походах он возил с собою штучные и мозаичные полы. **47.** В Британию он вторгся будто бы в надежде найти там жемчуг: сравнивая величину жемчужин, он нередко взвешивал их на собственных ладонях. Резные камни, чеканные сосуды, статуи, картины древней работы он всегда собирал с увлечением. Красивых и ученых рабов он покупал по таким неслыханным ценам, что сам чувствовал неловкость и запрещал записывать их в книги.

48. В провинциях он постоянно давал обеды на двух столах: за одним возлежали гости в воинских плащах или в греческом платье, за другим гости в тогах вместе с самыми знатными из местных жителей. Порядок в доме он соблюдал и в малых и в больших делах настолько неукоснительно и строго, что однажды заковал в колодки пекаря за то, что он подал гостям не такой хлеб, как хозяину, а в другой раз он казнил смертью своего любимого вольноотпущенника за то, что тот обольстил жену римского всадника, хотя на него никто и не жаловался.

49. На целомудрии его единственным пятном было сожительство с Никомедом, но это был позор тяжкий

и несмываемый, навлекавший на него всеобщее поношение. Я не говорю о знаменитых строках Лициния Кальва:

...и все остальное,
Чем у вифинцев владел Цезарев задний дружок.

Умалчиваю о речах Долабеллы и Куриона старшего, в которых Долабелла называет его «царевой подстилкой» и «царицыным разлучником», а Курион — «злачным местом Никомеда» и «вифинским блудилищем». (2) Не говорю даже об эдиктах Бибула, в которых он обзывает своего коллегу вифинской царицей и заявляет, что раньше он хотел царя, а теперь царства; в то же время, по словам Марка Брута, и некий Октавий, человек слабоумный и потому невоздержанный на язык, при всем народе именовал Помпея царем, а Цезаря величал царицей. Но Гай Меммий прямо попрекает его тем, что он стоял при Никомеде виночерпием среди других любимчиков на многолюдном пиршестве, где присутствовали и некоторые римские торговые гости, которых он называет по именам. (3) А Цицерон описывал в некоторых своих письмах, как царские служители отвели Цезаря в опочивальню, как он в пурпурном одеянии возлег на золотом ложе и как растлен был в Вифинии цвет юности этого потомка Венеры; мало того, когда однажды Цезарь говорил перед сенатом в защиту Нисы, дочери Никомеда, и перечислял все услуги, оказанные ему царем, Цицерон его перебил: «Оставим это, прошу тебя: всем отлично известно, что дал тебе он и что дал ему ты!» (4) Наконец, во время галльского триумфа его воины, шагая за колесницей, среди других насмешливых песен распевали и такую, получившую широкую известность:

Галлов Цезарь покоряет, Никомед же Цезаря:
Нынче Цезарь торжествует, покоривший Галлию,—
Никомед не торжествует, покоривший Цезаря.

50. На любовные утехи он, по общему мнению, был падок и расточителен. Он был любовником многих знатных женщин — в том числе Постумии, жены Сервия Сульпиция, Лоллии, жены Авла Габиния, Тертуллы, жены Марка Красса, и даже Муции, жены Гнея Помпея. Действительно, и Курионы, отец и сын, и многие

другие попрекали Помпея за то, что из жажды власти он женился на дочери человека, из-за которого прогнал жену, родившую ему троих детей, и которого не раз со стоном называл своим Эгистом. (2) Но больше всех остальных любил он мать Брута, Сервилию: еще в свое первое консульство он купил для нее жемчужину, стоившую шесть миллионов, а в гражданскую войну, не считая других подарков, он продал ей с аукциона богатейшие поместья за бесценок. Когда многие дивились этой дешевизне, Цицерон остроумно заметил: «Чем плоха сделка, коли третья часть остается за продавцом?» Дело в том, что Сервилия, как подозревали, свела с Цезарем и свою дочь Юнию Третью.

51. И в провинциях он не отставал от чужих жен: это видно хотя бы из двустишья, которое также распевали воины в галльском триумфе:

> Прячьте жен: ведем мы в город лысого развратника.
> Деньги, занятые в Риме, проблудил ты в Галлии.

52. Среди его любовниц были и царицы — например, мавританка Эвноя, жена Богуда: и ему и ей, по словам Назона, он делал многочисленные и богатые подарки. Но больше всех он любил Клеопатру: с нею он и пировал не раз до рассвета, на ее корабле с богатыми покоями он готов был проплыть через весь Египет до самой Эфиопии, если бы войско не отказалось за ним следовать; наконец, он пригласил ее в Рим и отпустил с великими почестями и богатыми дарами, позволив ей даже назвать новорожденного сына его именем. (2) Некоторые греческие писатели сообщают, что этот сын был похож на Цезаря и лицом и осанкой. Марк Антоний утверждал перед сенатом, что Цезарь признал мальчика своим сыном, и что это известно Гаю Матию, Гаю Оппию и другим друзьям Цезаря; однако этот Гай Оппий написал целую книгу, доказывая, что ребенок, выдаваемый Клеопатрой за сына Цезаря, в действительности вовсе не сын Цезаря (как будто это нуждалось в оправдании и защите!). (3) Народный трибун Гельвий Цинна многим признавался, что у него был написан и подготовлен законопроект, который Цезарь приказал провести в его отсутствие: по этому закону Цезарю позволялось брать жен сколько угодно и каких угодно, для рождения наследников. Наконец,

чтобы не осталось сомнения в позорной славе его безнравственности и разврата, напомню, что Курион старший в какой-то речи называл его мужем всех жен и женою всех мужей.

53. Вина он пил очень мало: этого не отрицают даже его враги. Марку Катону принадлежат слова: «Цезарь один из всех берется за государственный переворот трезвым». В отношении же еды он, как показывает Гай Оппий, был настолько неприхотлив, что когда у кого-то на обеде было подано старое масло вместо свежего и остальные гости от него отказались, он один брал его даже больше обычного, чтобы не показать, будто он упрекает хозяина в небрежности или невежливости.

54. Бескорыстия он не обнаружил ни на военных, ни на гражданских должностях. Проконсулом в Испании, по воспоминаниям некоторых современников, он, как нищий, выпрашивал у союзников деньги на уплату своих долгов, а у лузитанов разорил, как на войне, несколько городов, хотя они соглашались на его требования и открывали перед ним ворота. (2) В Галлии он опустошал капища и храмы богов, полные приношений, и разорял города чаще ради добычи, чем в наказание. Оттого у него и оказалось столько золота, что он распродавал его по Италии и провинциям на вес, по три тысячи сестерциев за фунт. (3) В первое свое консульство он похитил из капитолийского храма три тысячи фунтов золота, положив вместо него столько же позолоченной меди. Он торговал союзами и царствами: с одного Птолемея он получил около шести тысяч талантов за себя и за Помпея. А впоследствии лишь неприкрытые грабежи и святотатства позволили ему вынести издержки гражданских войн, триумфов и зрелищ.

55. В красноречии и в военном искусстве он стяжал не меньшую, если не большую славу, чем лучшие их знатоки. После обвинения Долабеллы все без спору признали его одним из лучших судебных ораторов Рима. Во всяком случае, Цицерон, перечисляя ораторов в своем «Бруте», заявляет, что не видел никого, кто превосходил бы Цезаря, и называет его слог изящным, блестящим, и даже великолепным и благородным. (2) А Корнелию Непоту он писал о нем так: «Как? Кого

предпочтешь ты ему из тех ораторов, которые ничего не знают, кроме своего искусства? Кто острее или богаче мыслями? Кто пышнее или изящнее в выражениях?» По-видимому, за образец красноречия, по крайней мере, в молодости, он выбрал Цезаря Страбона; из его речи в защиту сардинцев он даже перенес кое-что дословно в свою предварительную речь. Как передают, говорил он голосом звонким, с движениями и жестами пылкими, но приятными. (3) Он оставил несколько речей; однако некоторые среди них приписываются ему ложно. Так, Август не без основания считал, что речь за Квинта Метелла не была издана самим Цезарем, а скорее записана скорописцем, плохо поспевавшим за словами оратора: в некоторых списках я даже нашел заглавие не «За Метелла», а «Для Метелла», хотя Цезарь говорит в ней от своего лица, защищая себя и Метелла от обвинений, возводимых на них общими недоброжелателями. (4) Точно так же не решается Август приписать Цезарю речь перед воинами в Испании: между тем, известны целых две такие речи, одна перед первым боем и другая — перед вторым, хотя Азиний Поллион и пишет, что тут у него перед стремительным натиском неприятеля не было времени ни для каких речей.

56. Он оставил и «Записки» о своих действиях в галльскую войну и в гражданскую войну с Помпеем. Кому принадлежат записки об александрийской, африканской и испанской войнах, неизвестно: одни называют Оппия, другие — Гирция, который дописал также последнюю книгу «Галльской войны», не завершенную Цезарем. О «Записках» Цезаря Цицерон так отзывается в том же «Бруте»: (2) «Записки, им сочиненные, заслуживают высшей похвалы: в них есть нагая простота и прелесть, свободные от пышного ораторского облачения. Он хотел только подготовить все, что нужно для тех, кто пожелает писать историю, но угодил, пожалуй, лишь глупцам, которым захочется разукрасить его рассказ своими завитушками, разумные же люди после него уже не смеют взяться за перо». (3) А Гирций о тех же «Записках» заявляет так: «Они встретили такое единодушное одобрение, что, кажется, не столько дают, сколько отнимают материал у историков. Мы больше, чем кто-нибудь другой, восхищаемся ими: все

знают, как хорошо и точно, а мы еще знаем, как легко и быстро написал их Цезарь». (4) Азиний Поллион находит, что они написаны без должной тщательности и заботы об истине: многое, что делали другие, Цезарь напрасно принимал на веру, и многое, что делал он сам, он умышленно или по забывчивости изображает превратно; впрочем, Поллион полагает что он переделал бы их и исправил.

(5) Еще он оставил две книги «Об аналогии», столько же книг «Против Катона» и, наконец, поэму под заглавием «Путь». Первое из этих сочинений он написал во время перехода через Альпы, возвращаясь с войском из Ближней Галлии после судебных собраний; второе — в пору битвы при Мунде; последнее — когда он за двадцать четыре дня совершил переход из Рима в Дальнюю Испанию. (6) Существуют также его донесения сенату: как кажется, он первый стал придавать им вид памятной книжки со страницами, тогда как раньше консулы и военачальники писали их прямо на листах сверху донизу Существуют и его письма к Цицерону и письма к близким о домашних делах: в них, если нужно было сообщить что-нибудь негласно, он пользовался тайнописью, то есть менял буквы так, чтобы из них не складывалось ни одного слова. Чтобы разобрать и прочитать их, нужно читать всякий раз четвертую букву вместо первой, например, D вместо А и так далее. (7) Известно также о некоторых сочинениях, писанных им в детстве и юности,— «Похвала Геркулесу», трагедия «Эдип», «Собрание изречений»; но издавать все эти книжки Август запретил в своем коротком и ясном письме к Помпею Макру, которому было поручено устройство библиотек.

57. Оружием и конем он владел замечательно, выносливость его превосходила всякое вероятие. В походе он шел впереди войска, обычно пеший, иногда на коне, с непокрытой головой, несмотря ни на зной, ни на дождь. Самые длинные переходы он совершал с невероятной быстротой, налегке, в наемной повозке, делая по сотне миль в день, реки преодолевая вплавь или с помощью надутых мехов, так что часто опережал даже вестников о себе.

58. Трудно сказать, осторожности или смелости было больше в его военных предприятиях. Он никогда не

вел войска по дорогам удобным для засады, не разведав предварительно местности; в Британию он переправился не раньше, чем сам обследовал пристани, морские пути и подступы к острову. И он же, узнав об осаде его лагерей в Германии, сквозь неприятельские посты, переодетый в галльское платье, проскользнул к своим. (2) Из Брундизия в Диррахий он переправился зимой, между вражескими кораблями, оставив войскам приказ следовать за ним; а когда они замешкались, и он напрасно торопил их, посылая гонцов, то, наконец, сам, ночью, втайне, один, закутавшись в плащ, пустился к ним на маленьком суденышке, и не раньше открыл себя, не раньше позволил кормчему отступить перед бурей, чем лодку почти затопило волнами.

59. Никогда никакие суеверия не вынуждали его оставить или отложить предприятие. Он не отложил выступления против Сципиона и Юбы из-за того, что при жертвоприношении животное вырвалось у него из рук. Даже когда он оступился, сходя с корабля, то обратил это в хорошее предзнаменование, воскликнув: «Ты в моих руках, Африка!» В насмешку над пророчествами, сулившими имени Сципионов в этой земле вечное счастье и непобедимость, он держал при себе в лагере ничтожного малого из рода Корнелиев, прозванного за свою распутную жизнь Салютионом.

60. В сражения он вступал не только по расчету, но и по случаю, часто сразу после перехода, иногда в самую жестокую непогоду, когда меньше всего этого от него ожидали. Только под конец жизни он стал осторожнее принимать бой: чем больше за ним побед, рассуждал он, тем меньше следует полагаться на случай, так как никакая победа не принесет ему столько, сколько может отнять одно поражение. Обращая неприятеля в бегство, он всякий раз отбивал у него и лагерь, не давая ему оправиться от испуга. Если успех колебался, он отсылал прочь лошадей, прежде всего — свою, чтобы воины держались поневоле, лишенные возможности к бегству. **61.** (А лошадь у него была замечательная, с ногами, как у человека, и с копытами, расчлененными, как пальцы: когда она родилась, гадатели предсказали ее хозяину власть над всем миром, и тогда Цезарь ее бережно выходил и первый

объездил — других седоков она к себе не подпускала,— а впоследствии даже поставил ей статую перед храмом Венеры-Прародительницы.) **62.** Если же его войско начинало отступать, он часто один восстанавливал порядок: бросаясь навстречу бегущим, он удерживал воинов поодиночке и, схватив их за горло, поворачивал лицом к неприятелю. А паника бывала такова, что однажды схваченный им знаменосец замахнулся на него острием значка, а другой знаменосец оставил древко у него в руке.

63. Не меньшим было и его присутствие духа, а обнаруживалось оно еще разительнее. После сражения при Фарсале, уже отправив войско в Азию, он переправлялся в лодке перевозчика через Геллеспонт, как вдруг встретил враждебного ему Луция Кассия с десятью военными кораблями; но вместо того, чтобы обратиться в бегство, Цезарь, подойдя к нему вплотную, сам потребовал его сдачи, и тот, покорный, перешел к нему. **64.** В Александрии, во время битвы за мост, он был оттеснен внезапно прорвавшимся неприятелем к маленькому челноку; но так как множество воинов рвалось за ним туда же, он спрыгнул в воду и вплавь спасся на ближайший корабль, проплыв двести шагов с поднятой рукой, чтобы не замочить свои таблички и закусив зубами волочащийся плащ, чтобы не оставить его в добычу неприятелю.

65. Воинов он ценил не за нрав и не за род и богатство, а только за мужество; а в обращении с ними одинаково бывал и взыскателен и снисходителен. Не всегда и не везде он держал их в строгости, а только при близости неприятеля; но тогда уже требовал от них самого беспрекословного повиновения и порядка, не предупреждал ни о походе, ни о сражении, и держал в постоянной напряженной готовности внезапно выступить, куда угодно. Часто он выводил их даже без надобности, особенно в дожди и в праздники. А нередко, отдав приказ не терять его из виду, он скрывался из лагеря днем или ночью и пускался в далекие прогулки, чтобы утомить отстававших от него солдат.

66. Когда распространялись устрашающие слухи о неприятеле, он для ободрения солдат не отрицал и не преуменьшал вражеских сил, а напротив, преувеличивал их собственными выдумками. Так, когда все были

в страхе перед приближением Юбы, он созвал солдат на сходку и сказал: «Знайте: через несколько дней царь будет здесь, а с ним десять легионов, да всадников тридцать тысяч, да легковооруженных сто тысяч, да слонов три сотни. Я это знаю доподлинно, так что кое-кому здесь лучше об этом не гадать и не ломать голову, а прямо поверить моим словам; а не то я таких посажу на дырявый корабль и пущу по ветру на все четыре стороны»

67. Проступки солдат он не всегда замечал и не всегда должным образом наказывал. Беглецов и бунтовщиков он преследовал и карал жестоко, а на остальное смотрел сквозь пальцы. А иногда после большого и удачного сражения он освобождал их от всех обязанностей и давал полную волю отдохнуть и разгуляться, похваляясь обычно, что его солдаты и среди благовоний умеют отлично сражаться. (2) На сходках он обращался к ним не «воины!», а ласковее: «соратники!». Заботясь об их виде, он награждал их оружием, украшенным серебром и золотом, как для красоты, так и затем, чтобы они крепче держали его в сражении из страха потерять ценную вещь. А любил он их так, что при вести о поражении Титурия отпустил волосы и бороду и остриг их не раньше, чем отомстил врагам.

68. Всем этим он добился от солдат редкой преданности и отваги. Когда началась гражданская война, все центурионы всех легионов предложили ему снарядить по всаднику из своих сбережений, а солдаты обещали ему служить добровольно, без жалованья и пайка: те, кто побогаче, брались заботиться о тех, кто победнее. И за все время долгой войны ни один солдат не покинул его; а многие пленники, которым враги предлагали оставить жизнь, если они пойдут воевать против Цезаря, отвечали на это отказом. (2) Голод и прочие лишения они, будучи осаждаемыми или осаждающими, переносили с великой твердостью: когда Помпей увидел в укреплениях Диррахия хлеб из травы, которым они питались, он воскликнул, что с ним дерутся звери, а не люди, и приказал этот хлеб унести и никому не показывать, чтобы при виде терпения и стойкости неприятеля не пали духом его собственные солдаты. (3) А как доблестно они сражались, видно из того, что после единственного неудачного боя при Дирра-

хии они сами потребовали себе наказанья, так что полководцу пришлось больше утешать их, чем наказывать. В других сражениях они не раз легко одолевали бесчисленные полчища врага во много раз меньшими силами. Так, одна когорта шестого легиона, обороняя укрепление, в течение нескольких часов выдерживала натиск четырех легионов Помпея и почти вся полегла под градом вражеских стрел, которых внутри вала было найдено сто тридцать тысяч. (4) И этому не приходится удивляться, если вспомнить подвиги отдельных воинов, например, центуриона Кассия Сцевы или рядового Гая Ацилия, не говоря об остальных. Сцева, с выбитым глазом, раненный насквозь в бедро и плечо, со щитом, пробитым сто двадцатью ударами, все же не подпустил врага к воротам вверенного ему укрепления; Ацилию в морском бою при Массилии отрубили правую руку, когда он схватился ею за вражескую корму, но он, по примеру славного у греков Кинегира, перепрыгнул на неприятельский корабль и одним щитом погнал перед собой противников.

69. Мятежей в его войсках за десять лет галльских войн не случилось ни разу, в гражданской войне — лишь несколько раз; но солдаты тотчас возвращались к порядку, и не столько из-за отзывчивости полководца, сколько из уважения к нему: Цезарь никогда не уступал мятежникам, а всегда решительно шел против них. Девятый легион перед Плаценцией он на месте распустил с позором, хотя Помпей еще не сложил оружия, и только после долгих и униженных просьб восстановил его, покарав предварительно зачинщиков. **70.** А когда солдаты десятого легиона в Риме с буйными угрозами потребовали увольнения и наград, несмотря на еще пылавшую в Африке войну, и уже столица была в опасности, тогда Цезарь, не слушая отговоров друзей, без колебания вышел к солдатам и дал им увольнение; а потом, обратившись к ним «граждане!» вместо обычного «воины!», он одним этим словом изменил их настроение и склонил их к себе: они наперебой закричали, что они — его воины, и добровольно последовали за ним в Африку, хоть он и отказывался их брать. Но и тут он наказал всех главных мятежников, сократив им на треть обещанную долю добычи и земли.

71. Верностью и заботой о клиентах он отличался смолоду. Знатного юношу Масинту он защищал от царя Гиемпсала с такой горячностью, что во время спора схватил за бороду царского сына Юбу. А когда Масинта все же был объявлен царским данником, он вырвал его из рук тащивших его, долго скрывал у себя, а потом, отправляясь после претуры в Испанию, увез его с собою в носилках, окруженный толпой провожающих и фасками ликторов.

72. К друзьям он был всегда внимателен и добр. когда однажды он ехал с Гаем Оппием через глухой лес, и того свалила внезапная болезнь, он уступил другу единственный кров, а сам ночевал на голой земле под открытым небом. А когда он уже стоял у власти, то некоторых людей самого низкого звания он возвысил до почетных должностей, и в ответ на упреки прямо сказал, что если бы он был обязан своим достоинством разбойникам и головорезам, он и им отплатил бы такой же благодарностью.

73. Напротив, вражды у него ни к кому не было настолько прочной, чтобы он от нее не отказался с радостью при первом удобном случае. Гаю Меммию на его свирепые речи он отвечал с такой же язвительностью, но когда вскоре тот выступил соискателем консульства, он охотно его поддержал. Гаю Кальву, который, ославив его эпиграммами, стал через друзей искать примирения, он добровольно написал первый. Валерий Катулл, по собственному признанию Цезаря, заклеймил его вечным клеймом в своих стишках о Мамурре, но когда поэт принес извинения, Цезарь в тот же день пригласил его к обеду, а с отцом его продолжал поддерживать обычные дружеские отношения.

74. Даже во мщении обнаруживал он свою природную мягкость. Пиратам, у которых он был в плену, он поклялся, что они у него умрут на кресте, но когда он их захватил, то приказал сперва их заколоть и лишь потом распять. Корнелию Фагитте, к которому он, больной беглец, когда-то ночью попал в засаду и лишь с трудом, за большие деньги, умолил не выдавать его Сулле, он не сделал потом никакого зла. Раба Филемона, своего секретаря, который обещал врагам извести его ядом, он казнил смертью, но без пыток. (2) Когда Публий Клодий, обольститель его жены Помпеи,

был по этому поводу привлечен к суду за оскорбление святынь, то Цезарь, вызванный свидетелем, заявил, что ему ничего не известно, хотя мать его Аврелия и сестра Юлия уже рассказали всю правду перед теми же судьями. А на вопрос, почему же он тогда развелся с женою, он ответил: «Потому что мои близкие, как я полагаю, должны быть чисты не только от вины, но и от подозрений».

75. Его умеренность и милосердие, как в ходе гражданской войны, так и после победы, были удивительны. Между тем, как Помпей объявил своими врагами всех, кто не встанет на защиту республики, Цезарь провозгласил, что тех, кто воздержится и ни к кому не примкнет, он будет считать друзьями. Всем, кого он произвел в чины по советам Помпея, он предоставил возможность перейти на сторону Помпея. (2) Когда при Илерде велись переговоры о сдаче, и оба войска находились уже в непрестанном общении и сношениях, Афраний и Петрей, внезапно передумав, захватили врасплох и казнили всех цезарианских солдат в своем лагере; но Цезарь не стал подражать этому испытанному им вероломству. При Фарсале он призвал своих воинов щадить жизнь римских граждан, а потом позволил каждому из своих сохранить жизнь одному из неприятелей. (3) Никто не погиб от него иначе, как на войне, если не считать Афрания с Фавстом и молодого Луция Цезаря; но и они, как полагают, были убиты не по воле Цезаря, хотя первые двое, уже будучи однажды им прощены, снова подняли против него оружие, а третий огнем и мечом жестоко расправился с его вольноотпущенниками и рабами, перерезав даже зверей, приготовленных им для развлечения народа. (4) Наконец, в последние годы он даже позволил вернуться в Италию всем, кто еще не получил прощения, и открыл им доступ к государственным должностям и военным постам. Даже статуи Луция Суллы и Помпея, разбитые народом, он приказал восстановить. И когда впоследствии против него говорилось или замышлялось что-нибудь опасное, он старался это пресекать, но не наказывать. (5) Так, обнаруживая заговоры и ночные сборища, он ограничивался тем, что в эдикте объявлял, что это ему небезызвестно; тем, кто о нем злобно говорил, он только посоветовал в собрании

больше так не делать; жестокий урон, нанесенный его доброму имени клеветнической книжкой Авла Цецины и бранными стишками Пифолая, он перенес спокойно, как простой гражданин.

76. Однако все это перевешивают его слова и дела иного рода: поэтому даже считается, что он был повинен в злоупотреблении властью и убит заслуженно.

Мало того, что он принимал почести сверх всякой меры: бессменное консульство, пожизненную диктатуру, попечение о нравах, затем имя императора, прозвание отца отечества, статую среди царских статуй, возвышенное место в театре,— он даже допустил в свою честь постановления, превосходящие человеческий предел: золотое кресло в сенате и суде, священную колесницу и носилки при цирковых процессиях, храмы, жертвенники, изваяния рядом с богами, место за угощением для богов, жреца, новых луперков, название месяца по его имени; и все эти почести он получал и раздавал по собственному произволу. (2) В свое третье и четвертое консульство он был консулом лишь по имени, довольствуясь одновременно предложенной ему диктаторской властью; в замену себе он каждый раз назначал двух консулов, но лишь на последние три месяца, так что в промежутке даже народные собрания не созывались, кроме как для выбора народных трибунов и эдилов: ибо и преторов он заменил префектами, которые вели городские дела в его отсутствие. Когда один консул внезапно умер накануне нового года, он отдал освободившееся место одному соискателю на несколько оставшихся часов. (3) С таким же своевластием он вопреки отеческим обычаям назначил должностных лиц на много лет вперед, даровал десяти бывшим преторам консульские знаки отличия, ввел в сенат граждан, только что получивших гражданские права, и в их числе нескольких полудиких галлов. Кроме того, заведовать чеканкой монеты и государственными податями он поставил собственных рабов, а управление и начальство над оставленными в Александрии тремя легионами передал своему любимчику Руфину, сыну своего вольноотпущенника.

77. Не менее надменны были и его открытые высказывания, о каких сообщает Тит Ампий: «республи-

ка — ничто, пустое имя без тела и облика»; «Сулла не знал и азов, если отказался от диктаторской власти»; «с ним, Цезарем, люди должны разговаривать осторожнее и слова его считать законом». Он дошел до такой заносчивости, что когда гадатель однажды возвестил о несчастном будущем — зарезанное животное оказалось без сердца,— то он заявил: «Все будет хорошо, коли я того пожелаю; а в том, что у скотины нету сердца, ничего удивительного нет».

78. Но величайшую, смертельную ненависть навлек он на себя вот каким поступком. Сенаторов, явившихся в полном составе поднести ему многие высокопочетнейшие постановления, он принял перед храмом Венеры-Прародительницы, сидя. Некоторые пишут, будто он пытался подняться, но его удержал Корнелий Бальб; другие, напротив, будто он не только не пытался, но даже взглянул сурово на Гая Требация, когда тот предложил ему встать. (2) Это показалось особенно возмутительным оттого, что сам он, проезжая в триумфе мимо трибунских мест и увидев, что перед ним не встал один из трибунов по имени Понтий Аквила, пришел тогда в такое негодование, что воскликнул: «Не вернуть ли тебе и республику, Аквила, народный трибун?» И еще много дней, давая кому-нибудь какое-нибудь обещание, он непременно оговаривал: «если Понтию Аквиле это будет благоугодно».

79. Безмерно оскорбив сенат своим открытым презрением, он прибавил к этому и другой, еще более дерзкий поступок. Однажды, когда он возвращался после жертвоприношения на Латинских играх, среди небывало бурных народных рукоплесканий, то какой-то человек из толпы возложил на его статую лавровый венок, перевитый белой перевязью, но народные трибуны Эпидий Марулл и Цезетий Флав приказали сорвать перевязь с венка, а человека бросить в тюрьму. Цезарь, в досаде на то ли, что намек на царскую власть не имел успеха, на то ли, что у него, по его словам, отняли честь самому от нее отказаться, сделал трибунам строгий выговор и лишил их должности. (2) Но с этих пор он уже не мог стряхнуть с себя позор стремления к царскому званию,— несмотря на то, что однажды он ответил плебею, величавшему его царем: «Я Цезарь, а не царь!», а в другой раз, когда на Лупер-

калиях перед ростральной трибуной консул Антоний несколько раз пытался возложить на него диадему, он отверг ее и отослал на Капитолий в храм Юпитера Благого и Величайшего. (3) Более того, все чаще ходили слухи, будто он намерен переселиться в Александрию или в Илион и перевести туда все государственные средства, обескровив Италию воинскими наборами, а управление Римом поручив друзьям, и будто на ближайшем заседании сената квиндецимвир Луций Котта внесет предложение провозгласить Цезаря царем, так как в пророческих книгах записано, что парфян может победить только царь. **80.** Это и заставило заговорщиков ускорить задуманные действия, чтобы не пришлось голосовать за такое предложение.

Уже происходили тут и там тайные сходки, где встречались два-три человека: теперь все слилось воедино. Уже и народ не был рад положению в государстве: тайно и явно возмущаясь самовластием, он искал освободителей. (2) Когда в сенат были приняты иноземцы, появились подметные листы с надписью: «В добрый час! не показывать новым сенаторам дорогу в сенат!» А в народе распевали так:

Галлов Цезарь вел в триумфе, галлов Цезарь ввел в сенат.
Сняв штаны, они надели тогу с пурпурной каймой.

(3) Когда Квинт Максим, назначенный консулом на три месяца, входил в театр, и ликтор, как обычно, всем предложил его приветствовать, отовсюду раздались крики: «Это не консул!» После удаления от должности трибунов Цезетия и Марулла на ближайших выборах было подано много голосов, объявлявших их консулами. Под статуей Луция Брута кто-то написал: «О если б ты был жив!», а под статуей Цезаря:

Брут, изгнав царей из Рима, стал в нем первым консулом.
Этот, консулов изгнавши, стал царем в конце концов.

(4) В заговоре против него участвовало более шестидесяти человек; во главе его стояли Гай Кассий, Марк Брут и Децим Брут. Сперва они колебались, убить ли его на Марсовом поле, когда на выборах он призовет трибы к голосованию,— разделившись на две части, они хотели сбросить его с мостков, а внизу подхватить и заколоть,— или же напасть на него на Свя-

щенной дороге или при входе в театр. Но когда было объявлено, что в иды марта сенат соберется на заседание в курию Помпея, то все охотно предпочли именно это время и место.

81. Между тем приближение насильственной смерти было возвещено Цезарю самыми несомненными предзнаменованиями. За несколько месяцев перед тем новые поселенцы, выведенные по Юлиеву закону в Капую, раскапывали там древние могилы, чтобы поставить себе усадьбы, и очень усердствовали, так как им случилось отыскать в земле несколько сосудов старинной работы; и вот в гробнице, где по преданию был похоронен основатель Капуи, Капий, они нашли медную доску с греческой надписью такого содержания: когда потревожен будет Капиев прах, тогда потомок его погибнет от руки сородичей и будет отмщен великим по всей Италии кровопролитием. (2) Не следует считать это басней или выдумкой: так сообщает Корнелий Бальб, близкий друг Цезаря. А за несколько дней до смерти Цезарь узнал, что табуны коней, которых он при переходе Рубикона посвятил богам и отпустил пастись на воле, без охраны, упорно отказываются от еды и проливают слезы. (3) Затем, когда он приносил жертвы, гадатель Спуринна советовал ему остерегаться опасности, которая ждет его не поздней, чем в иды марта. Затем, уже накануне этого дня в курию Помпея влетела птичка королек с лавровой веточкой в клюве, преследуемая стаей разных птиц из ближней рощицы, и они ее растерзали. А в последнюю ночь перед убийством ему привиделось во сне, как он летает под облаками, и потом как Юпитер пожимает ему десницу; жене его Кальпурнии снилось, что в доме их рушится крыша, и что мужа закалывают у нее в объятиях; и двери их спальни внезапно сами собой распахнулись настежь.

(4) Из-за всего этого, а также из-за нездоровья он долго колебался, не остаться ли ему дома, отложив свои дела в сенате. Наконец, Децим Брут уговорил его не лишать своего присутствия многолюдное и давно ожидающее его собрание, и он вышел из дому уже в пятом часу дня. Кто-то из встречных подал ему записку с сообщением о заговоре: он присоединил ее к другим запискам, которые держал в левой руке, со-

бираясь прочесть. Потом он принес в жертву нескольких животных подряд, но благоприятных знамений не добился; тогда он вошел в курию, не обращая внимания на дурной знак и посмеиваясь над Спуринной за то, что вопреки его предсказанию, иды марта наступили и не принесли никакой беды. «Да, пришли, но не прошли»,— ответил тот.

82. Он сел, и заговорщики окружили его, словно для приветствия. Тотчас Тиллий Цимбр, взявший на себя первую роль, подошел к нему ближе, как будто с просьбой, и когда тот, отказываясь, сделал ему знак подождать, схватил его за тогу выше локтей. Цезарь кричит: «Это уже насилие!» — и тут один Каска, размахнувшись сзади, наносит ему рану пониже горла. (2) Цезарь хватает Каску за руку, прокалывает ее грифелем, пытается вскочить, но второй удар его останавливает. Когда же он увидел, что со всех сторон на него направлены обнаженные кинжалы, он накинул на голову тогу и левой рукой распустил ее складки ниже колен, чтобы пристойнее упасть прикрытым до пят; и так он был поражен двадцатью тремя ударами, только при первом испустив не крик даже, а стон — хотя некоторые и передают, что бросившемуся на него Марку Бруту он сказал: «И ты, дитя мое?»

(3) Все разбежались; бездыханный, он остался лежать, пока трое рабов, взвалив его на носилки, со свисающей рукою, не отнесли его домой. И среди стольких ран только одна, по мнению врача Антистия, оказалась смертельной — вторая, нанесенная в грудь.

(4) Тело убитого заговорщики собирались бросить в Тибр, имущество конфисковать, законы отменить, но не решились на это из страха перед консулом Марком Антонием и начальником конницы Лепидом.

83. По требованию Луция Пизона, тестя убитого, было вскрыто и прочитано в доме Антония его завещание, составленное им в Лавиканском поместье в сентябрьские иды прошлого года и хранившееся у старшей весталки. Квинт Туберон сообщает, что со времени консульства и до самого начала гражданской войны он обычно объявлял своим наследником Гнея Помпея и даже читал это перед войском на сходке. (2) Но в этом последнем завещании он назначал наследниками трех внуков своих сестер: Гаю Октавию оставлял

три четверти имущества, Луцию Пинарию и Квинту Педию — последнюю четверть. В конце завещания он сверх того усыновлял Гая Октавия и передавал ему свое имя. Многие убийцы были им названы в качестве опекунов своего сына, буде таковой родится, а Децим Брут — даже среди наследников во второй степени. Народу он завещал сады над Тибром в общественное пользование и по триста сестерциев каждому гражданину.

84. День похорон был объявлен, на Марсовом поле близ гробницы Юлии сооружен погребальный костер, а перед ростральной трибуной — вызолоченная постройка наподобие храма Венеры-Прародительницы; внутри стояло ложе слоновой кости, устланное пурпуром и золотом, в изголовье — столб с одеждой, в которой Цезарь был убит. Было ясно, что всем, кто шел с приношениями, не хватило бы дня для процессии: тогда им велели сходиться на Марсово поле без порядка, любыми путями. (2) На погребальных играх, возбуждая негодование и скорбь о его смерти, пели стихи из «Суда об оружии» Пакувия —

Не я ль моим убийцам был спасителем? —

и из «Электры» Ацилия сходного содержания. Вместо похвальной речи консул Антоний объявил через глашатая постановление сената, в котором Цезарю воздавались все человеческие и божеские почести, затем клятву, которой сенаторы клялись все блюсти жизнь одного, и к этому прибавил несколько слов от себя. (3) Погребальное ложе принесли на форум должностные лица этого года и прошлых лет. Одни предлагали сжечь его в храме Юпитера Капитолийского, другие — в курии Помпея, когда внезапно появились двое неизвестных, подпоясанные мечами, размахивающие дротиками, и восковыми факелами подожгли постройку. Тотчас окружающая толпа принялась тащить в огонь сухой хворост, скамейки, судейские кресла, и все, что было принесенного в дар. (4) Затем флейтисты и актеры стали срывать с себя триумфальные одежды, надетые для такого дня, и, раздирая, швыряли их в пламя; старые легионеры жгли оружие, которым они украсились для похорон, а многие женщины — свои уборы, что были на них, буллы и платья детей. (5) Сре-

ди этой безмерной всеобщей скорби множество иноземцев то тут, то там оплакивали убитого каждый на свой лад, особенно иудеи, которые и потом еще много ночей собирались на пепелище.

85. Тотчас после погребения народ с факелами ринулся к домам Брута и Кассия Его с трудом удержали; но встретив по пути Гельвия Цинну, народ убил его, спутав по имени с Корнелием Цинной, которого искали за его произнесенную накануне в собрании речь против Цезаря; голову Цинны вздели на копье и носили по улицам. Впоследствии народ воздвиг на форуме колонну из цельного нумидийского мрамора, около двадцати футов вышины, с надписью «Отцу отечества». У ее подножия еще долгое время приносили жертвы, давали обеты и решали споры, принося клятву именем Цезаря.

86. У некоторых друзей осталось подозрение, что Цезарь сам не хотел дольше жить, а оттого и не заботился о слабеющем здоровье и пренебрегал предостережениями знамений и советами друзей. Иные думают, что он полагался на последнее постановление и клятву сената и после этого даже отказался от сопровождавшей его охраны из испанцев с мечами; (2) другие, напротив, полагают, что он предпочитал один раз встретиться с грозящим отовсюду коварством, чем в вечной тревоге его избегать. Некоторые даже передают, что он часто говорил: жизнь его дорога не столько ему, сколько государству — сам он давно уж достиг полноты власти и славы, государство же, если что с ним случится, не будет знать покоя, а только ввергнется во много более бедственные гражданские войны. **87.** Как бы то ни было, в одном согласны почти все: именно такого рода смерть была ему почти желанна. Так, когда он читал у Ксенофонта, как Кир в предсмертном недуге делал распоряжения о своем погребенье, он с отвращением отозвался о столь медленной кончине и пожелал себе смерти внезапной и быстрой. А накануне гибели, за обедом у Марка Лепида в разговоре о том, какой род смерти самый лучший, он предпочел конец неожиданный и внезапный.

88. Он погиб на пятьдесят шестом году жизни и был сопричтен к богам, не только словами указов, но и убеждением толпы. Во всяком случае, когда во время игр,

которые впервые в честь его обожествления давал его наследник Август, хвостатая звезда сияла в небе семь ночей подряд, появляясь около одиннадцатого часа, то все поверили, что это душа Цезаря, вознесенного на небо. Вот почему изображается он со звездою над головой. В курии, где он был убит, постановлено было застроить вход, а иды марта именовать днем отцеубийственным и никогда в этот день не созывать сенат.

89. Из его убийц почти никто не прожил после этого больше трех лет и никто не умер своей смертью. Все они были осуждены и все погибли по-разному: кто в кораблекрушении, кто в битве. А некоторые поразили сами себя тем же кинжалом, которым они убили Цезаря.

КНИГА ВТОРАЯ

БОЖЕСТВЕННЫЙ АВГУСТ

1. РОД Октавиев некогда был в Велитрах одним из виднейших: об этом говорит многое. Там есть переулок в самой населенной части города, который издавна называется Октавиевым; и там показывают алтарь, посвященный одному из Октавиев. Будучи военачальником в одной пограничной войне, он приносил однажды жертвы Марсу, как вдруг пришла весть о набеге врагов: выхватив из огня внутренности жертвы, он рассек их полусырыми, пошел на бой и вернулся с победой. Существовало даже общественное постановление, чтобы и впредь жертвенные внутренности приносились Марсу таким же образом, а остатки жертвы отдавались Октавиям.

2. Этот род был введен в сенат Тарквинием Древним в числе младших родов, затем причислен Сервием Туллием к патрициям, с течением времени опять перешел в плебс, и лишь много спустя божественный Юлий вновь вернул ему патрицианское достоинство. Первым из этого рода был избран народом на государственную должность Гай Руф. (2) Он был квестором и оставил сыновей Гнея и Гая, от которых пошли две ветви рода Октавиев, имевшие различную судьбу. А именно, Гней и затем его потомки все достигали самых почетных должностей, между тем как Гай с его потомством волей судьбы или по собственному желанию состояли во всадническом сословии вплоть до отца Августа. Прадед Августа во Вторую пуническую войну служил в Сицилии войсковым трибуном под начальством Эмилия Папа. Дед его довольствовался муниципальными должностями и дожил до старости спокойно и в достатке.

(3) Но так сообщают другие; сам же Август пишет только о том, что происходит из всаднического рода, древнего и богатого, в котором впервые стал сенато-

ром его отец. А Марк Антоний попрекает его тем, будто прадед его был вольноотпущенник, канатчик из Фурийского округа, а дед — ростовщик. Вот все, что я мог узнать о предках Августа по отцу.

3. Отец его Гай Октавий с молодых лет был богат и пользовался уважением; можно только удивляться, что и его некоторые объявляют ростовщиком и даже раздатчиком взяток при сделках на выборах. Выросши в достатке, он и достигал почетных должностей без труда, и отправлял их отлично. После претуры он получил по жребию Македонию; по дороге туда, выполняя особое поручение сената, он уничтожил остатки захвативших Фурийский округ беглых рабов из отрядов Спартака и Катилины. (2) Управляя провинцией, он обнаружил столько же справедливости, сколько и храбрости: бессов и фракийцев он разбил в большом сражении, а с союзными племенами обходился так достойно, что Марк Цицерон в сохранившихся письмах к своему брату Квинту, который в то время бесславно правил провинцией Азией, побуждал и увещевал его в заботах о союзниках брать пример с его соседа Октавия.

4. Возвращаясь из Македонии, он скоропостижно умер, не успев выдвинуть свою кандидатуру на консульство. После него осталось трое детей: Октавия Старшая — от Анхарии, Октавия Младшая и Август — от Атии.

Атия была дочерью Марка Атия Бальба и Юлии, сестры Гая Цезаря. Бальб по отцу происходил из Ариции, и среди его предков было немало сенаторов, а по матери находился в близком родстве с Помпеем Великим. Он был претором, а потом в числе двадцати уполномоченных занимался разделом кампанских земель между гражданами по Юлиеву закону. (2) Однако тот же Антоний, позоря предков Августа и с материнской стороны, попрекал его тем, будто его прадед был африканцем и держал в Ариции то ли лавку с мазями, то ли пекарню. А Кассий Пармский в одном письме обзывает Августа внуком не только пекаря, но и ростовщика: «Мать твоя выпечена из муки самого грубого арицийского помола, а замесил ее грязными от лихоимства руками нерулонский меняла».

5. Август родился в консульство Марка Туллия Цице-
 рона и Гая Антония, в девятый день до октябрьских

календ, незадолго до рассвета, у Бычьих голов в палатинском квартале, где теперь стоит святилище, основанное вскоре после его смерти. Действительно, в сенатских отчетах записано, что некто Гай Леторий, юноша патрицианского рода, обвиненный в прелюбодействе, умоляя смягчить ему жестокую кару из внимания к его молодости и знатности, ссылался перед сенаторами и на то, что он является владельцем и как бы блюстителем той земли, которой коснулся при рождении божественный Август, и просил помилования во имя этого своего собственного и наследственного божества. Тогда и было постановлено превратить эту часть дома в святилище.

6. Его детскую, маленькую комнату, похожую на кладовую, до сих пор показывают в загородной усадьбе его деда близ Велитр, и окрестные жители уверены, что там он и родился. Входить туда принято только по необходимости и после обряда очищения, так как есть давнее поверье, будто всякого, кто туда вступает без почтения, обуревает страх и ужас. Это подтвердилось недавно, когда новый владелец усадьбы, то ли случайно, то ли из любопытства решил там переночевать, но через несколько часов, среди ночи, был выброшен оттуда внезапной неведомой силой, и его вместе с постелью нашли, полуживого, уже за порогом.

7. В младенчестве он был прозван Фурийцем в память о происхождении предков, а может быть, о победе, вскоре после его рождения одержанной его отцом Октавием над беглыми рабами в Фурийском округе. О том, что он был прозван Фурийцем, я сообщаю с полной уверенностью: мне удалось найти маленькое бронзовое изваяние старинной работы, изображающее его ребенком, и на нем было написано это имя железными, почти стершимися буквами. Это изваяние я поднес императору, который благоговейно поместил его среди Ларов в своей опочивальне. Впрочем, и Марк Антоний часто называет его в письмах Фурийцем, стараясь этим оскорбить; но Август в ответ на это только удивляется, что его попрекают его же детским именем. (2) Впоследствии же он принял имя Гая Цезаря и прозвище Августа — первое по завещанию внучатного дяди, второе по предложению Мунация Планка. Другие предлагали ему тогда имя Ромула, как второму основателю Рима, но было решено, что лучше ему имено-

ваться Августом: это было имя не только новое, но и более возвышенное, ибо и почитаемые места, где авгуры совершили обряд освящения, называются «августейшими» (augusta) — то ли от слова «увеличение» (auctus), то ли от полета или кормления птиц (avium gestus gustusve); это показывает и стих Энния:

По августейшем гаданье основан был Рим знаменитый.

8. В четыре года он потерял отца. На двенадцатом году он произнес перед собранием похвальную речь на похоронах своей бабки Юлии. Еще четыре года спустя, уже надев тогу совершеннолетнего, он получил военные награды в африканском триумфе Цезаря, хотя сам по молодости лет в войне и не участвовал. Когда же затем его внучатный дядя отправился в Испанию против сыновей Помпея, то он, еще не окрепнув после тяжкой болезни, с немногими спутниками, по угрожаемым неприятелем дорогам, не отступив даже после кораблекрушения, пустился ему вслед; а заслужив его расположение этой решительностью при переезде, он вскоре снискал похвалу и своими природными дарованиями.

(2) Задумав после покорения Испании поход против дакийцев и затем против парфян, Цезарь заранее отправил его в Аполлонию, и там он посвятил досуг занятиям. При первом известии, что Цезарь убит и что он — его наследник, он долго колебался, не призвать ли ему на помощь стоявшие поблизости легионы, но отверг этот замысел как опрометчивый и преждевременный. Однако он отправился в Рим и вступил в наследство, несмотря ни на сомнения матери, ни на решительные возражения отчима, консуляра Марция Филиппа. (3) И с этих пор, собрав войска, он стал править государством: сперва в течение двенадцати лет — вместе с Марком Антонием и Марком Лепидом, а затем с одним Марком Антонием, и наконец, в течение сорока четырех лет — единовластно.

9. Обрисовав его жизнь в общих чертах, я остановлюсь теперь на подробностях, но не в последовательности времени, а в последовательности предметов, чтобы можно было их представить нагляднее и понятнее.

Гражданских войн вел он пять: мутинскую, филиппийскую, перузийскую, сицилийскую, актийскую; пер-

вую и последнюю из них — против Марка Антония, вторую — против Брута и Кассия, третью — против Луция Антония, брата триумвира, и четвертую — против Секста Помпея, сына Гнея.

10. Начало и причина всех этих войн были таковы. Считая первым своим долгом месть за убийство дяди и защиту всего, что тот сделал, он тотчас по приезде из Аполлонии хотел напасть врасплох на Брута и Кассия с оружием в руках; а после того, как те, предвидя опасность, скрылись, он решил прибегнуть к силе закона и заочно обвинить их в убийстве. Он сам устроил игры в честь победы Цезаря, когда те, кому они были поручены, не решились на это. (2) А чтобы с уверенностью осуществить и дальнейшие свои замыслы, он выступил кандидатом на место одного внезапно скончавшегося народного трибуна, хотя и был патрицием и еще не заседал в сенате. Но консул Марк Антоний, на чью помощь он едва ли не больше всего надеялся, выступил против его начинаний и ни в чем не оказывал ему даже обычной, предусмотренной действующими законами поддержки иначе, как выговорив себе огромное вознаграждение. Тогда он перешел на сторону оптиматов, так как видел, что Антоний им ненавистен — главным образом, тем, что он осадил Децима Брута в Мутине и пытался лишить его провинции, назначенной ему Цезарем и утвержденной сенатом. (3) По совету некоторых лиц, он подослал к Антонию наемных убийц; а когда этот умысел раскрылся, он, опасаясь ответной угрозы, стал самыми щедрыми подарками собирать ветеранов, чтобы защитить себя и республику. Набранное войско он должен был возглавить в чине пропретора и вместе с новыми консулами Гирцием и Пансой повести его на помощь Дециму Бруту.

Эту порученную ему войну он закончил в два месяца двумя сражениями. (4) В первом сражении он, по словам Антония, бежал и появился только через день, без плаща и без коня; во втором, как известно, ему пришлось не только быть полководцем, но и биться как солдату, а когда в гуще боя был тяжело ранен знаменосец его легиона, он долго носил его орла на собственных плечах.

11. В этой войне Гирций погиб в бою, Панса вскоре умер от раны: распространился слух, что это он поза-

ботился об их смерти, чтобы теперь, когда Антоний бежал, а республика осталась без консулов, он один мог захватить начальство над победоносными войсками. В особенности смерть Пансы внушала столько подозрений, что врач его Гликон был взят под стражу по обвинению в том, что вложил яд в его рану. А Нигер Аквилий утверждает, что и второго консула, Гирция, Октавий убил своею рукой в замешательстве схватки.

12. Однако узнав, что бежавший Антоний нашел поддержку у Лепида и что остальные полководцы и войска выступили на их стороне, он без колебаний оставил партию оптиматов. Для видимого оправдания такой перемены он ссылался на слова и поступки некоторых из них: одни будто бы говорили, что он мальчишка, другие — что его следует вознести в небеса, чтобы не пришлось потом расплачиваться с ним и с ветеранами. А чтобы лучше показать, как он раскаивается в своем прежнем союзе с ними, он обрушился на жителей Нурсии, которые над павшими при Мутине соорудили на общественный счет памятник с надписью «Пали за свободу»: он потребовал с них огромных денег, а когда они не смогли их выплатить, выгнал их, бездомных, из города.

13. Вступив в союз с Антонием и Лепидом, он, несмотря на свою слабость и болезнь, окончил в два сражения и филиппийскую войну; при этом в первом сражении он был выбит из лагеря и едва спасся бегством на другое крыло к Антонию. Тем не менее, после победы он не выказал никакой мягкости: голову Брута он отправил в Рим, чтобы бросить ее к ногам статуи Цезаря, а вымещая свою ярость на самых знатных пленниках, он еще и осыпал их бранью. (2) Так, когда кто-то униженно просил не лишать его тело погребения, он, говорят, ответил: «Об этом позаботятся птицы!» Двум другим, отцу и сыну, просившим о пощаде, он приказал решить жребием или игрою на пальцах, кому остаться в живых, и потом смотрел, как оба они погибли — отец поддался сыну и был казнен, а сын после этого сам покончил с собой. Поэтому иные, и среди них Марк Фавоний, известный подражатель Катона, проходя в цепях мимо полководцев, приветствовали Антония почетным именем императора, Октавию же бросали в лицо самые жестокие оскорбления.

(3) После победы по разделу полномочий Антоний должен был восстановить порядок на Востоке, Октавий — отвести в Италию ветеранов и расселить их на муниципальных землях. Но и здесь им не были довольны ни землевладельцы, ни ветераны: те жаловались, что их сгоняют с их земли, эти — что они получают меньше, чем надеялись по своим заслугам.

14. В это самое время поднял мятеж Луций Антоний, полагаясь на свой консульский сан и на могущество брата. Октавий заставил Луция отступить в Перузию и там измором принудил к сдаче, но и сам не избегнул немалых опасностей как перед войной, так и в ходе войны. Так, однажды в театре, увидев рядового солдата, сидевшего во всаднических рядах, он велел прислужнику вывести его; недоброжелатели тотчас пустили слух, будто он тут же и пытал и казнил этого солдата, так что он едва не погиб в сбежавшейся толпе разъяренных воинов; его спасло то, что солдат, которого искали, вдруг появился сам, цел и невредим. А под стенами Перузии он едва не был захвачен во время жертвоприношения отрядом гладиаторов, совершивших внезапную вылазку.

15. После взятия Перузии он казнил множество пленных. Всех, кто пытался молить о пощаде или оправдываться, он обрывал тремя словами: «Ты должен умереть!» Некоторые пишут, будто он отобрал из сдавшихся триста человек всех сословий и в иды марта у алтаря в честь божественного Юлия перебил их, как жертвенный скот. Были и такие, которые утверждали, что он умышленно довел дело до войны, чтобы его тайные враги и все, кто шел за ним из страха и против воли, воспользовались возможностью примкнуть к Антонию и выдали себя, и чтобы он мог, разгромив их, из конфискованных имуществ выплатить ветеранам обещанные награды.

16. Сицилийская война была одним из первых его начинаний, но тянулась она долго, с частыми перерывами: то приходилось отстраивать флот, потерпевший крушенье в двух бурях, несмотря на летнее время, то заключать перемирие по требованию народа, страдавшего от прекращения подвоза и усиливающегося голода. Наконец, он заново выстроил корабли, посадил на весла двадцать тысяч отпущенных на волю рабов,

устроил при Байях Юлиеву гавань, соединив с морем Лукринское и Авернское озера; и после того, как его войска обучались там в течение всей зимы, он разбил Помпея между Милами и Навлохом. Перед самым сражением его внезапно охватил такой крепкий сон, что друзьям пришлось будить его, чтобы дать сигнал к бою. (2) Это, как я думаю, и дало Антонию повод оскорбительно заявлять, будто он не смел даже поднять глаза на готовые к бою суда — нет, он валялся как бревно, брюхом вверх, глядя в небо, и тогда только встал и вышел к войскам, когда Марк Агриппа обратил уже в бегство вражеские корабли. А другие ставят ему в вину вот какое слово и дело: когда буря погубила его флот, он будто бы воскликнул, что и наперекор Нептуну он добьется победы, и на ближайших цирковых празднествах удалил из торжественной процессии статую этого бога. (3) В самом деле, ни в какой другой войне он не подвергался таким и стольким опасностям, как в этой. Когда, переправив часть войск в Сицилию, он возвращался на материк к остальным войскам, на него неожиданно напали военачальники Помпея Демохар и Аполлофан, и он с трудом ускользнул от них с единственным кораблем. В другой раз он шел пешком мимо Локров в Регий и увидел биремы Помпея, двигавшиеся вдоль берега; приняв их за свои, он спустился к морю и едва не попал в плен. А когда после этого он спасался бегством по узким тропинкам, то раб его спутника Эмилия Павла попытался его убить, воспользовавшись удобным случаем, чтобы отомстить за Павла-отца, казненного во время проскрипций.

(4) После бегства Помпея он отнял войско у своего товарища по триумвирату Марка Лепида, который по его вызову явился на помощь из Африки. И в заносчивой надежде на свои двадцать легионов, грозя и пугая, требовал себе первого места в государстве. Лишь после униженных просьб он сохранил Лепиду жизнь, но сослал его в Цирцеи до конца дней.

17. С Марком Антонием его союз никогда не был надежным и прочным и лишь кое-как подогревался различными соглашениями. Наконец он порвал с ним; и чтобы лучше показать, насколько Антоний забыл свой гражданский долг, он распорядился вскрыть

и прочесть перед народом оставленное им в Риме завещание, в котором тот объявлял своими наследниками даже детей от Клеопатры. (2) Однако он отпустил к названному врагу всех его родичей и друзей, в том числе Гая Сосия и Тита Домиция, которые еще были консулами. Жители Бононии, давних клиентов рода Антониев, он даже милостиво освободил от присяги себе, которую приносила вся Италия. Немного спустя он разбил Антония в морском сражении при Акции: бой был таким долгим, что победителю за поздним временем пришлось ночевать на корабле. (3) От Акция он направился на зиму в Самос; но получив тревожную весть, что отборные отряды, отосланные им после победы в Брундизий, взбунтовались и требуют наград и отставки,— он тотчас пустился обратно в Италию. Дважды в пути его застигали бури — один раз между оконечностями Пелопоннеса и Этолии, другой раз против Керавнийских гор; в обеих бурях часть его либурнийских галер погибла, а на корабле, где плыл он сам, были сорваны снасти и поломан руль. В Брундизии он задержался только на двадцать семь дней, пока не устроил все по желанию солдат, а затем обходным путем через Азию и Сирию направился в Египет, осадил Александрию, где укрылись Антоний и Клеопатра, и быстро овладел городом.

(4) Антоний предлагал запоздалые условия мира; но он заставил его умереть и сам смотрел на его труп. Клеопатру он особенно хотел сохранить в живых для триумфа, и когда она умерла, по общему мнению, от укуса змеи, он даже посылал к ней псиллов, чтобы высосать яд и заразу. Обоих он дозволил похоронить вместе и с почетом, а недостроенную ими гробницу приказал закончить. (5) Молодого Антония, старшего из двух сыновей, рожденных Фульвией, после долгих и тщетных молений искавшего спасения у статуи божественного Юлия, он велел оттащить и убить. Цезариона, которого Клеопатра объявляла сыном, зачатым от Цезаря, он схватил во время бегства, вернул и казнил. Остальных детей Антония и царицы он оставил в живых и впоследствии поддерживал их и заботился о них, как о близких родственниках, сообразно с положением каждого.

18. В это же время он осмотрел тело Великого Александра, гроб которого велел вынести из святилища: в знак преклонения он возложил на него золотой венец и усыпал тело цветами. А на вопрос, не угодно ли ему взглянуть и на усыпальницу Птолемеев, он ответил, что хотел видеть царя, а не мертвецов. (2) Египет он обратил в провинцию; чтобы она была плодороднее и больше давала бы хлеба столице, он заставил солдат расчистить заплывшие от давности илом каналы, по которым разливается Нил. Чтобы слава актийской победы не слабела в памяти потомков, он основал при Акции город Никополь, учредил там праздничные игры через каждые пять лет, расширил древний храм Аполлона, а то место, где стоял его лагерь, украсил добычею с кораблей и посвятил Нептуну и Марсу.

19. Мятежи, заговоры и попытки переворотов не прекращались и после этого, но каждый раз он раскрывал их своевременно по доносам и подавлял раньше, чем они становились опасны. Возглавляли эти заговоры молодой Лепид, далее — Варрон Мурена и Фанний Цепион, потом — Марк Эгнаций, затем — Плавтий Руф и Луций Павел, муж его внучки; а кроме того — Луций Авдасий, уличенный в подделке подписей, человек преклонных лет и слабого здоровья, Азиний Эпикад — полуварвар из племени парфинов, и, наконец, Телеф — раб-именователь одной женщины. Поистине, не избежал он заговоров и покушений даже от лиц самого низкого состояния. (2) Авдасий и Эпикад предполагали похитить и привезти к войскам его дочь Юлию и племянника Агриппу с островов, где они содержались, а Телеф, обольщаясь пророчеством, сулившим ему высшую власть, задумывал напасть и на него и на сенат. Наконец однажды ночью возле его спальни был схвачен даже какой-то харчевник из иллирийского войска с охотничьим ножом на поясе, сумевший обмануть стражу; был ли он сумасшедшим или только притворялся, сказать трудно: пыткой от него не добились ни слова.

20. Из внешних войн только две он вел лично: далматскую — еще юношей, и кантабрийскую — после поражения Антония. В далматской войне он даже был ранен: в одном бою камень попал ему в правое колено, в другом он повредил голень и обе руки при обва-

ле моста. Остальные войны он поручал своим легатам, хотя при некоторых походах в Германии и Паннонии присутствовал сам или находился неподалеку, выезжая для этого из столицы до Равенны, Медиолана или Аквилеи. **21.** Так, частью под его начальством, частью под его наблюдением покорены были Кантабрия, Аквитания, Паннония, Далмация со всем Иллириком и далее — Ретия и альпийские племена винделиков и салассов. Он положил конец набегам дакийцев, перебив трех вождей их с огромным войском, оттеснил германцев за Альбий, а подчинившихся ему свевов и сигамбров перевел в Галлию и поселил на полях близ Рейна. Другие беспокойные племена он также привел к покорности.

(2) Никакому народу он не объявлял войны без причин законных и важных. Он настолько был далек от стремления распространять свою власть или умножать воинскую славу, что некоторых варварских вождей он заставлял в храме Марса Мстителя присягать на верность миру, которого они сами просили; а с некоторых впервые пробовал брать заложниками женщин, так как видел, что заложниками-мужчинами они не дорожат; впрочем, всем и всегда он возвращал заложников по первому требованию. Всех, кто бунтовал слишком часто или вероломно, он наказывал только тем, что продавал их пленниками в рабство с условием, чтобы рабскую службу они несли вдалеке от родины и освобождение не получали раньше, чем через тридцать лет. (3) Слава о такой достойной его умеренности побудила даже индейцев и скифов, лишь понаслышке нам известных, просить через послов о дружбе Августа и римского народа. А парфяне по его требованию и уступили ему беспрекословно Армению, и вернули ему знамена, отбитые у Марка Красса и Марка Антония, и добровольно предложили заложников, и даже царем своим выбрали из нескольких притязателей того, которого одобрил Август.

22. Храм Януса Квирина, который от основания города и до его времени был закрыт только раз или два, он за весьма короткое время запирал трижды в знак мира на суше и на море. Два раза он вступал в город с овацией — после филиппийской и после сицилийской войны. Настоящих триумфов он праздновал

три — далматский, актийский и александрийский — в течение трех дней подряд.

23. Тяжелые и позорные поражения испытал он только дважды, и оба раза в Германии: это были поражения Лоллия и Вара. Первое принесло больше позора, чем урона, но второе было почти гибельным: оказались уничтожены три легиона с полководцем, легатами и всеми вспомогательными войсками. При вести об этом Август приказал расставить по городу караулы во избежание волнений; наместникам провинций он продлил власть, чтобы союзников держали в подчинении люди опытные и привычные; (2) Юпитеру Благому и Величайшему он дал обет устроить великолепные игры, если положение государства улучшится, как делалось когда-то во время войн с кимврами и марсами. И говорят, он до того был сокрушен, что несколько месяцев подряд не стриг волос и бороды и не раз бился головою о косяк, восклицая: «Квинтилий Вар, верни легионы!», а день поражения каждый год отмечал трауром и скорбью.

24. В военном деле он ввел много изменений и новшеств, а кое в чем восстановил и порядки старины. Дисциплину он поддерживал с величайшей строгостью. Даже своим легатам он дозволял свидания с женами только в зимнее время, да и то с большой неохотой. Римского всадника, который двум юношам-сыновьям отрубил большие пальцы рук, чтобы избавить их от военной службы, он приказал продать с торгов со всем его имуществом; но увидев, что его порываются купить откупщики, он присудил его своему вольноотпущеннику с тем, чтобы тот дал ему свободу, но отправил в дальние поместья. (2) Десятый легион за непокорность он весь распустил с бесчестием. Другие легионы, которые неподобающим образом требовали отставки, он уволил без заслуженных наград. В когортах, отступивших перед врагом, он казнил каждого десятого, а остальных переводил на ячменный хлеб. Центурионов, а равно и рядовых, покинувших строй, он наказывал смертью, за остальные проступки налагал разного рода позорящие взыскания: например, приказывал стоять целый день перед преторской палаткой, иногда — в одной рубахе и при поясе, иной раз — с саженью или с дерновиной в руках.

25. После гражданских войн он уже ни разу ни на сходке, ни в приказе не называл воинов «соратниками», а только «воинами», и не разрешал иного обращения ни сыновьям, ни пасынкам, когда они были военачальниками: он находил это слишком льстивым и для военных порядков, и для мирного времени, и для достоинства своего и своих ближних. (2) Вольноотпущенников он принимал в войска только для охраны Рима от пожаров или от волнений при недостатке хлеба, а в остальных случаях — всего два раза: в первый раз для укрепления колоний на иллирийской границе, во второй раз для защиты берега Рейна. Но и этих он нанимал еще рабами у самых богатых хозяев и хозяек и тотчас отпускал на волю, однако держал их под отдельным знаменем, не смешивал со свободнорожденными и вооружал по-особому. (3) Из воинских наград он охотнее раздавал бляхи, цепи и всякие золотые и серебряные предметы, чем почетные венки за взятие стен и валов: на них он был крайне скуп, и не раз присуждал их беспристрастно даже простым солдатам. Марка Агриппу после морской победы в Сицилии он пожаловал лазоревым знаменем. Только триумфаторам, даже тем, кто сопровождал его в походах и участвовал в победах, он не считал возможным давать награды, так как они сами имели право их распределять по своему усмотрению.

(4) Образцовому полководцу, по его мнению, меньше всего пристало быть торопливым и опрометчивым. Поэтому он часто повторял изречения: *«Спеши не торопясь»*, *«Осторожный полководец лучше безрассудного»* и *«Лучше сделать поудачней, чем затеять побыстрей»*.

Поэтому же он никогда не начинал сражение или войну, если не был уверен, что при победе выиграет больше, чем потеряет при поражении. Тех, кто домогается малых выгод ценой больших опасностей, он сравнивал с рыболовом, который удит рыбу на золотой крючок: оторвись крючок,— никакая добыча не возместит потери.

26. Высшие и почетнейшие государственные должности он получал досрочно, в том числе некоторые новые или бессменные. Консульство он захватил на двадцатом году, подступив к Риму с легионами, как

неприятель, и через послов потребовав этого сана от имени войска; а когда сенат заколебался, центурион Корнелий, глава посольства, откинув плащ и показав на рукоять меча, сказал в глаза сенаторам: «Вот кто сделает его консулом, если не сделаете вы!» (2) Второе консульство он получил через девять лет; третье — еще через год; следующие, вплоть до одиннадцатого,— ежегодно; после этого ему еще много раз предлагали консульский сан, но он отказывался и в двенадцатый раз принял его лишь после большого перерыва, в семнадцать лет; наконец, тринадцатое консульство он сам испросил для себя два года спустя, чтобы в этой высшей должности вывести к народу своих сыновей Гая и Луция в день совершеннолетия каждого. (3) Пять средних консульств, с шестого по десятое, он занимал по году, остальные — по девять, по шесть, по четыре или три месяца, а второе — в течение лишь нескольких часов: в день нового года он с утра сел на консульское кресло перед храмом Юпитера и, недолго посидев, сложил должность и назначил себе преемника. Не всегда он вступал в должность в Риме: четвертое консульство он принял в Азии, пятое — на острове Самосе, восьмое и девятое — в Тарраконе.

27. Триумвиром для устроения государства он был в течение десяти лет. В этой должности он сперва противился коллегам и пытался предотвратить проскрипции; но когда проскрипции были все же объявлены, он превзошел жестокостью их обоих. Тех еще многим удавалось умилостивить мольбами и просьбами — он один твердо стоял на том, чтобы никому не было пощады. Он даже внес в список жертв своего опекуна Гая Торания, который был товарищем по эдильству его отца Октавия. (2) Более того, Юлий Сатурнин сообщает, что по совершении проскрипций Марк Лепид извинялся перед сенатом за случившееся и выражал надежду, что с наказаниями покончено и отныне наступит время милосердия; Октавий же, напротив, заявил, что он хоть и прекращает проскрипции, но оставляет за собой полную свободу действий. Правда, впоследствии, как бы раскаиваясь в своем упорстве, он

 возвел во всадническое достоинство Тита Виния Фи-

лопемена, так как о нем говорили, что он во время проскрипций укрыл своего патрона от убийц.

(3) Будучи триумвиром, он многими поступками навлек на себя всеобщую ненависть. Так, Пинарий, римский всадник, что-то записывал во время его речи перед солдатами в присутствии толпы граждан; заметив это, он приказал заколоть его у себя на глазах, как лазутчика и соглядатая. Тедия Афра, назначенного консула, который язвительно отозвался о каком-то его поступке, он угрозами довел до того, что тот наложил на себя руки. (4) Квинт Галлий, претор, пришел к нему для приветствия с двойными табличками под одеждой: Октавий заподозрил, что он прячет меч, однако не решился обыскать его на месте, опасаясь ошибиться; но немного спустя он приказал центурионам и солдатам стащить его с судейского кресла, пытал его, как раба, и, не добившись ничего, казнил, своими руками выколов сперва ему глаза. Сам он, однако, пишет, что Галлий под предлогом беседы покушался на его жизнь, а за это был брошен в тюрьму, потом выслан из Рима и погиб при кораблекрушении или при нападении разбойников.

(5) Трибунскую власть он принял пожизненно, и раз или два назначал себе товарища на пять лет Принял он и надзор за нравами и законами, также пожизненно; в силу этого полномочия он три раза производил народную перепись, хотя и не был цензором: в первый и третий раз — с товарищем, в промежутке — один.

28. О восстановлении республики он задумывался дважды: в первый раз — тотчас после победы над Антонием, когда еще свежи были в памяти частые обвинения его, будто единственно из-за Октавия республика еще не восстановлена; и во второй раз — после долгой и мучительной болезни, когда он даже вызвал к себе домой сенаторов и должностных лиц и передал им книги государственных дел. Однако, рассудив, что и ему опасно будет жить частным человеком, и республику было бы неразумно доверять своеволию многих правителей, он без колебания оставил власть за собой; и трудно сказать, что оказалось лучше, решение или его последствия. (2) Об этом решении он не раз заявлял вслух, а в одном эдикте он свидетельству-

ет о нем такими словами: «Итак, да будет мне дано установить государство на его основе целым и незыблемым, дабы я, пожиная желанные плоды этого свершения, почитался творцом лучшего государственного устройства, и при кончине унес бы с собой надежду, что заложенные мною основания останутся непоколебленными». И он выполнил свой обет, всеми силами стараясь, чтобы никто не мог пожаловаться на новый порядок вещей.

(3) Вид столицы еще не соответствовал величию державы, Рим еще страдал от наводнений и пожаров. Он так отстроил город, что по праву гордился тем, что принял Рим кирпичным, а оставляет мраморным; и он сделал все, что может предвидеть человеческий разум, для безопасности города на будущие времена.

29. Общественных зданий он выстроил очень много; из них важнейшие — форум с храмом Марса Мстителя, святилище Аполлона на Палатине, храм Юпитера Громовержца на Капитолии. Форум он начал строить, видя, что для толп народа и множества судебных дел уже недостаточно двух площадей и нужна третья; поэтому же он поспешил открыть этот форум, не дожидаясь окончания Марсова храма, и отвел его для уголовных судов и для жеребьевки судей. (2) О храме Марса он дал обет во время филиппийской войны, в которой он мстил за отца; и он постановил, чтобы здесь принимал сенат решения о войнах и триумфах, отсюда отправлялись в провинции военачальники, сюда приносили украшения триумфов полководцы, возвращаясь с победой. (3) Святилище Аполлона он воздвиг в той части палатинского дворца, которую, по словам гадателей, избрал себе бог ударом молнии, и к храму присоединил портики с латинской и греческой библиотекой; здесь на склоне лет он часто созывал сенат и просматривал списки судей. Юпитеру Громовержцу он посвятил храм в память избавления от опасности, когда во время кантабрийской войны при ночном переходе молния ударила прямо перед его носилками и убила раба, который шел с факелом. (4) Некоторые здания он построил от чужого имени, от лица своих внуков, жены и сестры — например, портик и базилику Гая и Луция, портики Ливии и Октавии, театр Марцелла. Да и другим видным гражданам он на-

стойчиво советовал украшать город по мере возможностей каждого, воздвигая новые памятники или восстанавливая и улучшая старые. (5) И много построек было тогда воздвигнуто многими гражданами: Марцием Филиппом — храм Геркулеса Мусагета, Луцием Корнифицием — храм Дианы, Азинием Поллионом — атрий Свободы, Мунацием Планком — храм Сатурна, Корнелием Бальбом — театр, Статилием Тавром — амфитеатр, а Марком Агриппой — многие другие превосходные постройки.

30. Весь город он разделил на округа и кварталы, постановив, чтобы округами ведали по жребию должностные лица каждого года, а кварталами — старосты, избираемые из окрестных обывателей. Для охраны от пожаров он расставил посты и ввел ночную стражу, для предотвращения наводнений расширил и очистил русло Тибра, за много лет занесенное мусором и суженное обвалами построек. Чтобы подступы к городу стали легче со всех сторон, он взялся укрепить Фламиниеву дорогу до самого Аримина, а остальные дороги распределил между триумфаторами, чтобы те вымостили их на деньги от военной добычи.

(2) Священные постройки, рухнувшие от ветхости или уничтоженные пожарами, он восстановил и наравне с остальными украсил богатыми приношениями. Так, за один раз он принес в дар святилищу Юпитера Капитолийского шестнадцать тысяч фунтов золота и на пятьдесят миллионов сестерциев жемчуга и драгоценных камней. **31.** В сане великого понтифика — сан этот он принял только после смерти Лепида, не желая отнимать его при жизни,— он велел собрать отовсюду и сжечь все пророческие книги, греческие и латинские, ходившие в народе безымянно или под сомнительными именами, числом свыше двух тысяч. Сохранил он только сивиллины книги, но и те с отбором; их он поместил в двух позолоченных ларцах под основанием храма Аполлона Палатинского. (2) Календарь, введенный божественным Юлием, но затем по небрежению пришедший в расстройство и беспорядок, он восстановил в прежнем виде; при этом преобразовании он предпочел назвать своим именем не сентябрь, месяц своего рождения, а секстилий, месяц своего первого консульства и славнейших побед. (3) Он

увеличил и количество жрецов, и почтение к ним, и льготы, в особенности для весталок. Когда нужно было выбрать новую весталку на место умершей, и многие хлопотали, чтоб их дочери были освобождены от жребия, он торжественно поклялся, что если бы хоть одна из его внучек подходила для сана по возрасту, он сам предложил бы ее в весталки. (4) Он восстановил и некоторые древние обряды, пришедшие в забвение, например, гадание о благе государства, жречество Юпитера, игры на луперкалиях, столетние торжества, праздник перепутий. На луперкалиях он запретил безусым юношам участвовать в беге, на столетних играх разрешил молодым людям обоего пола присутствовать при ночных зрелищах не иначе как в сопровождении старших родственников. Ларов на перепутьях он повелел дважды в год украшать весенними и летними цветами.

(5) После бессмертных богов он больше всего чтил память вождей, которые вознесли державу римского народа из ничтожества к величию. Поэтому памятники, ими оставленные, он восстановил с первоначальными надписями, а в обоих портиках при своем форуме каждому из них поставил статую в триумфальном облачении, объявив эдиктом, что это он делает для того, чтобы и его, пока он жив, и всех правителей после него граждане побуждали бы брать пример с этих мужей. А напротив царского портика, что при театре Помпея, он поставил над мраморной аркою статую Помпея, перенеся ее из той курии, где был убит Юлий Цезарь.

32. Общей погибелью были многие злые обычаи, укоренившиеся с привычкой к беззаконию гражданских войн или даже возникшие в мирное время. Немало разбойников бродили среди бела дня при оружии, будто бы для самозащиты; по полям хватали прохожих, не разбирая свободных и рабов, и заключали в эргастулы помещиков; под именем новых коллегий собирались многочисленные шайки, готовые на любые преступления. Против разбоев он расставил в удобных местах караулы, эргастулы обыскал, все коллегии, за исключением древних и дозволенных, распустил. (2) Списки давних должников казны, дававшие больше всего поводов к нареканиям, он сжег; спорные

казенные участки в Риме уступил их держателям; затянувшиеся процессы, в которых унижение обвиняемых только тешило обвинителей, он прекратил, пригрозив равным взысканием за возобновление иска.

Чтобы никакое преступление или судебное дело не оставалось без наказания и не затягивалось, он оставил для разбирательств и те тридцать с лишним дней, которые магистраты посвящали играм. (3) К трем судейским декуриям он прибавил четвертую, низшего состояния, назвав этих судей «двухсотниками» и отдав им тяжбы о небольших суммах. Судей он назначал только с тридцати лет, то есть на пять лет раньше обычного. И лишь когда многие стали избегать судейской должности, он нехотя согласился, чтобы каждая декурия по очереди в течение года была свободна от дел и чтобы в ноябре и декабре обычных разбирательств вовсе не производилось.

33. Сам он правил суд с большим усердием, иногда даже ночью; если же бывал болен — то с носилок, которые ставили возле судейских мест, или даже дома, лежа в постели. При судопроизводстве он обнаруживал не только высокую тщательность, но и мягкость: например, желая спасти одного несомненного отцеубийцу от мешка и утопления — а такая казнь назначалась только признавшимся,— он, говорят, обратился к нему так: «Значит, ты не убивал своего отца?» (2) А когда разбирался подлог завещания и все, приложившие к нему руку, подлежали наказанию по Корнелиеву закону, он велел раздать судьям для голосования, кроме двух обычных табличек, оправдательной и обвинительной, еще и третью, объявлявшую прощение тем, кто дал свою подпись по наущению или по недомыслию. (3) Апелляции от граждан он каждый год передавал городскому претору, апелляции от провинциалов — лицам консульского звания, которых он назначал для разбора по одному на каждую провинцию.

34. Он пересмотрел старые законы и ввел некоторые новые: например, о роскоши, о прелюбодеянии и разврате, о подкупе, о порядке брака для всех сословий. Этот последний закон он хотел сделать еще строже других, но бурное сопротивление вынудило его отменить или смягчить наказания, дозволить трехлетнее

вдовство и увеличить награды. (2) Но и после этого однажды на всенародных играх всадники стали настойчиво требовать от него отмены закона; тогда он, подозвав сыновей Германика, на виду у всех посадил их к себе и к отцу на колени, знаками и взглядами убеждая народ не роптать и брать пример с молодого отца. А узнав, что некоторые обходят закон, обручаясь с несовершеннолетними или часто меняя жен, он сократил срок помолвки и ограничил разводы.

35. Сенат давно уже разросся и превратился в безобразную и беспорядочную толпу — в нем было больше тысячи членов, и среди них люди самые недостойные, принятые после смерти Цезаря по знакомству или за взятку, которых в народе называли «замогильными» сенаторами. Он вернул сенат к прежней численности и к прежнему блеску, дважды произведя пересмотр списков: в первый раз выбор делали сами сенаторы, называя друг друга, во второй раз это делал он сам вместе с Агриппой. Говорят, что при этом он сидел на председательском кресле в панцире под одеждой и при оружии, а вокруг стояли десять самых сильных его друзей из сената; (2) Кремуций Корд пишет, что и сенаторов к нему подпускали лишь поодиночке и обыскав. Некоторых он усовестил, так что они добровольно отреклись от звания, и даже после отречения он сохранил за ними сенаторское платье, место в орхестре на зрелищах и участие в общем обеде. (3) Чтобы избранные и утвержденные сенаторы несли свои обязанности с большим благоговением, он предписал каждому перед заседанием приносить жертву вином и ладаном на алтарь того бога, в храме которого происходило собрание; а чтобы эти обязанности не были обременительны, он постановил созывать очередные заседания сената лишь два раза в месяц, в календы и в иды, причем в сентябре и октябре достаточно было присутствия части сенаторов, выбранных по жребию для принятия постановлений. При себе он завел совет, выбираемый по жребию на полгода: в нем он обсуждал дела перед тем, как представить их полному сенату. (4) О делах особой важности он опрашивал сенаторов не по порядку и обычаю, а по своему усмотрению, словно затем, чтобы каждый был наготове и решал бы сам, а не присоединялся бы к мнению других.

36. Он установил и другие новшества: чтобы отчеты сената не обнародовались; чтобы должностные лица отправлялись в провинции не тотчас по сложении должности; чтобы наместникам отпускались деньги на мулов и палатки, тогда как раньше все это поставляли подрядчики; чтобы казною ведали не городские квесторы, а преторы и бывшие преторы; чтобы суд центумвиров созывали децемвиры, а не бывшие квесторы, как раньше.

37. Чтобы больше народу участвовало в управлении государством, он учредил новые должности: попечение об общественных постройках, о дорогах, о водопроводах, о русле Тибра, о распределении хлеба народу, городскую префектуру, комиссию триумвиров для выбора сенаторов и другую такую же комиссию — для проверки турм всадников в случае необходимости. Впервые после долгого перерыва он назначил цензоров; число преторов он увеличил; он требовал даже, чтобы ему позволено было в каждое свое консульство иметь двух товарищей вместо одного, но безуспешно: все стали кричать, что и так уже он умаляет свое достоинство тем, что занимает высшую должность не один, а с товарищем.

38. Не скупился он и на почести за военные подвиги: более тридцати полководцев получили при нем полные триумфы, и еще больше — триумфальные украшения. (2) Чтобы сыновья сенаторов раньше знакомились с государственными делами, он позволил им тотчас по совершеннолетии надевать сенаторскую тогу и присутствовать на заседаниях. Когда они вступали на военную службу, он назначал их не только трибунами легионов, но и префектами конницы; а чтобы никто из них не миновал лагерной жизни, он обычно ставил их по двое над каждым конным отрядом.

(3) Всадническим турмам он устраивал частые проверки, восстановив после долгого перерыва обычай торжественного проезда. Однако при этом он никому не разрешал сходить с коня по требованию обвинителя, как то делалось раньше; старым и увечным он дал право выходить на вызов пешком, а коня проводить в строю; наконец, тем, кто достиг тридцати пяти лет и не хотел более служить, он позволил возвращать коня государству. **39.** Испросив у сената десять помощни-

ков, он заставил каждого всадника дать отчет о своей жизни; и тех, кто этого заслуживал, он наказывал или взысканием, или бесчестием, по большей же части порицаниями разного рода. В виде самого мягкого порицания он вручал им перед строем таблички, которые они должны были тут же читать про себя. Некоторых он судил за то, что они занимали деньги под малые проценты и ссужали под большие.

40. Если на выборах в трибуны недоставало кандидатов сенаторского звания, он назначал их из всадников с тем, чтобы по истечении должностного срока они сами выбирали, в каком сословии оставаться. Так как многие всадники обеднели в гражданских войнах и не решались в театре садиться на всаднические места, опасаясь закона о зрелищах, он объявил, что наказанию не подлежат те, кто когда-нибудь владел или чьи родители владели всадническим состоянием.

(2) Перепись народа он произвел по улицам. Чтобы народ не слишком часто отвлекался от дел из-за раздач хлеба, он велел было выдавать тессеры трижды в год на четыре месяца сразу, но по общему желанию ему пришлось возобновить прежний обычай ежемесячных раздач. В народном собрании он восстановил древний порядок выборов,— сурово наказывая за подкуп; в двух своих трибах, Фабианской и Скаптийской, он в дни выборов раздавал из собственных средств по тысяче сестерциев каждому избирателю, чтобы они ничего уже не требовали от кандидатов.

(3) Особенно важным считал он, чтобы римский народ оставался неиспорчен и чист от примеси чужеземной или рабской крови. Поэтому римское гражданство он жаловал очень скупо, а отпуск рабов на волю ограничил. Тиберий просил его о римском гражданстве для своего клиента-грека — он написал в ответ, что лишь тогда согласится на это, когда тот сам убедит его в законности своих притязаний. Ливия просила за одного галла из податного племени — он освободил его от подати, но отказал в гражданстве, заявив, что ему легче перенести убыток для его казны, чем унижение для чести римских граждан. (4) А для рабов он поставил множество препятствий на пути к свободе и еще больше — на пути к полноправной свободе: он тщательно предусмотрел и количество, и положение,

и состояние отпускаемых, и особо постановил, чтобы раб, хоть раз побывавший в оковах или под пыткой, уже не мог получить гражданства ни при каком отпущении.

(5) Даже одежду и платье он старался возродить древние. Увидев однажды в собрании толпу людей в темных плащах, он воскликнул в негодовании: «Вот они —

Рима сыны, владыки земли, облаченные в тогу!» —

и поручил эдилам позаботиться впредь, чтобы все, кто появляется на форуме и поблизости, снимали плащи и оставались в тогах.

41. Щедрость по отношению ко всем сословиям он при случае выказывал не раз. Так, когда в александрийском триумфе он привез в Рим царские сокровища, то пустил в оборот столько монеты, что ссудные проценты сразу понизились, а цены на землю возросли; а впоследствии, когда у него бывал избыток денег от конфискаций, он на время ссужал их безвозмездно тем, кто мог предложить заклад на двойную сумму. Сенаторам он повысил ценз с восьми до двенадцати сотен тысяч сестерциев, а у кого такого состояния не оказалось, тем он сам его пополнил. (2) Народу он то и дело раздавал денежные подарки, но не всегда одинаковые: то по четыреста, то по триста, а то и по двести пятьдесят сестерциев на человека; при этом он не обходил и малолетних, хотя обычно мальчики допускались к раздаче лишь с одиннадцати лет. При трудностях со снабжением он часто раздавал гражданам и хлеб по самой малой цене или даже даром, а денежные выдачи удваивал.

42. Однако при этом заботился он не о собственной славе, а об общем благе: это видно из того, что когда горожане стали жаловаться на недостаток и дороговизну вина, он унял их строгими словами: «Мой зять Агриппа достаточно построил водопроводов, чтобы никто не страдал от жажды!» (2) В другой раз, когда народ стал требовать обещанных подарков, он ответил, что умеет держать свое слово; когда же толпа стала домогаться подарков не обещанных, он эдиктом выразил порицание ее наглости и бесстыдству и объявил, что подарков не даст, хотя и собирался. Такую же твердость и достоинство обнаружил он, когда узнал,

что после его обещания раздать подарки много рабов получило свободу и было внесено в списки граждан: он заявил, что кому не было обещано, те ничего и не получат, а остальным дал меньше, чем обещал, чтобы общая сумма осталась прежней. (3) Однажды во время сильного неурожая, от которого трудно было найти средства, он выселил из Рима всех работорговцев с их рабами и ланист с их гладиаторами, всех иноземцев, кроме врачей и учителей, и даже часть рабов. Когда же снабжение наладилось, он, по его собственным словам, собирался навсегда отменить хлебные выдачи, так как из-за них приходило в упадок земледелие; но он оставил эту мысль, понимая, что рано или поздно какой-нибудь честолюбец снова мог бы их восстановить. Однако после этого он умерил выдачи так, чтобы соблюсти выгоды не только горожан, но и землепашцев и зерноторговцев.

43. В отношении зрелищ он превзошел всех предшественников: его зрелища были более частые, более разнообразные, более блестящие. По его словам, он давал игры четыре раза от своего имени и двадцать три раза от имени других магистратов, когда они были в отлучке или не имели средств. Театральные представления он иногда устраивал по всем кварталам города, на многих подмостках, на всех языках: гладиаторские бои — не только на форуме или в амфитеатре, но также и в цирке и в септах (впрочем, иногда он ограничивался одними травлями); состязания атлетов — также и на Марсовом поле, где были построены деревянные трибуны; наконец, морской бой — на пруду, выкопанном за Тибром, где теперь Цезарева роща. В дни этих зрелищ он расставлял по Риму караулы, чтобы уберечь обезлюдевший город от грабителей.

(2) В цирке у него выступали возницы, бегуны и зверобои: иногда это были юноши из самых знатных семейств. Устраивал он не раз и Троянскую игру с участием старших и младших мальчиков, чтобы они по славному древнему обычаю показали себя достойными своих благородных предков. Когда в этой потехе упал и разбился Ноний Аспренат, он подарил ему золотое ожерелье и позволил ему и его потомкам именоваться Торкватами. Однако ему пришлось прекратить

 эти развлечения, когда оратор Азиний Поллион гнев-

но и резко стал жаловаться в сенате на то, что его внук Эзернин тоже сломал себе ногу при падении. (3)Для театральных и гладиаторских представлений он привлекал иногда и римских всадников, пока сенат не запретил это декретом; после этого он один только раз показал с подмостков знатного юношу Луция, и то лишь как диковинку, потому что он был двух футов ростом, семнадцати фунтов весом, но голос имел неслыханно громкий. (4) Парфянских заложников, впервые прибывших в Рим в праздничный день, он также привлек на зрелища и, проведя их через арену, посадил во втором ряду над собой. Но даже и в дни, свободные от зрелищ, он выставлял напоказ в разных местах все, что привозилось в Рим невиданного и любопытного: например, носорога — в септе, тигра — в театре, змею в пятьдесят локтей длиной — на комиции.

(5) Однажды в цирке во время обетных игр он занемог и возглавлял процессию, лежа в носилках. В другой раз, когда он открывал праздник при освящении театра Марцелла, у его консульского кресла разошлись крепления, и он упал навзничь. На играх, которые он давал от имени внуков, среди зрителей вдруг началось смятение — показалось, что рушится амфитеатр; тогда, не в силах унять их и образумить, он сошел со своего места и сам сел в той части амфитеатра, которая казалась особенно опасной.

44. Среди зрителей, которые ранее сидели беспорядочно и вели себя распущенно, он навел и установил порядок. Поводом послужила обида одного сенатора, которому в Путеолах на многолюдных зрелищах никто из сидящей толпы не захотел уступить места; тогда и было постановлено сенатом, чтобы на всяких общественных зрелищах первый ряд сидений всегда оставался свободным для сенаторов. Послам свободных и союзных народов он запретил садиться в орхестре, так как обнаружил, что среди них бывали и вольноотпущенники. Солдат он отделил от граждан. (2) Среди простого народа он отвел особые места для людей женатых, отдельный клин — для несовершеннолетних, и соседний — для их наставников, а на средних местах воспретил сидеть одетым в темные плащи. Женщинам он даже на гладиаторские бои не дозволял смотреть иначе, как с самых верхних мест, хотя по

старому обычаю на этих зрелищах они садились вместе с мужчинами. (3) Только девственным весталкам он предоставил в театре отдельное место напротив преторского кресла. С атлетических же состязаний он удалил женщин совершенно: и когда на понтификальных играх народ потребовал вывести пару кулачных бойцов, он отложил это на утро следующего дня, сделав объявление, чтобы женщины не появлялись в театре раньше пятого часа.

45. Сам он смотрел на цирковые зрелища из верхних комнат в домах своих друзей или вольноотпущенников, а иногда — со священного ложа, сидя вместе с женой и детьми. Часто он уходил с представлений на несколько часов, иногда даже на целый день, испросив прощения и назначив вместо себя распорядителя. Но когда он присутствовал, то ничем уже более не занимался: то ли он хотел избежать нареканий, которым на его памяти подвергался его отец Цезарь за то, что во время игр читал письма и бумаги или писал на них ответы, то ли просто любил зрелища и наслаждался ими, чего он никогда не скрывал и в чем не раз откровенно признавался. (2) Поэтому даже не на своих зрелищах и играх он раздавал от себя и венки и много дорогих подарков, поэтому и на всяком греческом состязании он непременно награждал по заслугам каждого атлета. Но больше всего он любил смотреть на кулачных бойцов, в особенности латинских: и не только на обученных и признанных, которых он иногда даже стравливал с греками, но и на простых горожан, которые в переулочках бились стена на стену, без порядка и правил. (3) Одним словом, он не обошел вниманием никого из участников народных зрелищ: атлетам он сохранил и умножил их привилегии, гладиаторам воспретил биться без пощады, актеров разрешил наказывать только в театре и во время игр, а не всегда и везде, как это позволялось должностным лицам по старому закону. (4) Тем не менее, и на состязаниях борцов, и на битвах гладиаторов он всегда соблюдал строжайший порядок, а вольности актеров сурово пресекал: узнав, что Стефанион, актер римской комедии, держит в услужении матрону, постриженную под мальчика, он высек его в трех театрах и от-

 правил в ссылку; пантомима Гиласа он по жалобе пре-

тора наказал плетью при всех в атрии своего дома, а Пилада выслал из Рима и Италии за то, что он со сцены оскорбительно показал пальцем на зрителя, который его освистал.

46. Вот каким образом устроил он город и городские дела.

В Италии он умножил население, основав двадцать восемь колоний. Он украсил их постройками, обогатил податями и даже отчасти приравнял их по правам и значению к столице: именно, он установил, чтобы декурионы каждой колонии участвовали в выборах столичных должностных лиц, присылая свои голоса за печатями в Рим ко дню общих выборов. И чтобы у именитых людей не уменьшалось влияние, а у простых — потомство, он всех, кого город представлял ко всаднической службе, с готовностью к ней допускал, а всех, кто мог похвастаться сыновьями или дочерями, он при своих разъездах по областям награждал тысячей сестерциев за каждого.

47. Из провинций он взял на себя те, которые были значительнее и управлять которыми годичным наместникам было трудно и небезопасно; остальные он отдал в управление проконсулам по жребию. Впрочем, некоторые он в случае надобности обменивал, а при объездах часто посещал и те и другие. Некоторые союзные города, своеволием увлекаемые к гибели, он лишил свободы; другие города он или поддержал в их долгах, или отстроил после землетрясения, или наградил латинским или римским гражданством за заслуги перед римским народом. Как кажется, нет такой провинции, которую бы он не посетил, если не считать Африки и Сардинии: он и туда готовился переправиться из Сицилии после победы над Секстом Помпеем, но ему помешали сильные и непрерывные бури, а потом для этого уже не представилось ни времени, ни повода.

48. Царства, которыми он овладел по праву войны, он почти все или вернул прежним их властителям, или передал другим иноземцам. Союзных царей он связывал друг с другом взаимным родством, с радостью устраивая и поощряя их брачные и дружеские союзы. Он заботился о них, как о частях и членах единой державы, приставлял опекунов к малолетним или слабо-

умным, пока они не подрастут или не поправятся, а многих царских детей воспитывал или обучал вместе со своими.

49. Из военных сил легионы и вспомогательные войска он разместил по провинциям, один флот поставил у Мизена, а другой — у Равенны, для обороны Верхнего и Нижнего морей. Остальные отряды он отобрал отчасти для охраны столицы, отчасти — для своей собственной, так как сопровождавшую его калагурританскую стражу он распустил после победы над Антонием, а германскую — после поражения Вара. Однако он никогда не держал в Риме более трех когорт, да и то без укрепленного лагеря; остальные он обычно рассылал на зимние и летние квартиры в ближние города. (2) Всем воинам, где бы они ни служили, он назначил единое жалованье и наградные, определив для каждого чины и сроки службы и пособие при отставке, чтобы после отставки ни возраст, ни бедность не побуждали их к мятежам. Чтобы средства для жалованья и наград всегда были наготове, он учредил военную казну и обеспечил ее за счет новых налогов.

(3) Желая быстрее и легче получать вести и сообщения о том, что происходит в каждой провинции, он сначала расположил по военным дорогам через небольшие промежутки молодых людей, а потом расставил и повозки, чтобы можно было в случае надобности лично расспросить тех гонцов, которые доставляли донесения прямо с мест. **50.** Подорожные, бумаги и письма он первое время запечатывал изображением сфинкса, потом изображением Александра Великого и наконец — своим собственным, резьбы Диоскурида; им продолжали в дальнейшем пользоваться и его преемники. В письмах он всегда точно помечал время их написания, указывая час дня и даже ночи.

51. Милосердие его и гражданственная умеренность засвидетельствованы многими примечательными случаями. Не буду перечислять, скольким и каким своим противникам он не только даровал прощение и безопасность, но и допустил их к первым постам в государстве. Плебея Юния Новата он наказал только денежной пеней, а другого, Кассия Патавина,— только легким изгнанием, хотя первый распространял о нем

 злобное письмо от имени молодого Агриппы, а второй

при всех заявлял на пиру, что полон желания и решимости его заколоть. (2) А однажды на следствии, когда Эмилию Элиану из Кордубы в числе прочих провинностей едва ли не больше всего вменялись дурные отзывы о Цезаре, он обернулся к обвинителю и сказал с притворным гневом: «Докажи мне это, а уж я покажу Элиану, что и у меня есть язык: ведь я могу наговорить о нем еще больше»,— и более он ни тогда, ни потом не давал хода этому делу. (3) А когда Тиберий в письме жаловался ему на то же самое, но с большей резкостью, он ответил ему так: «Не поддавайся порывам юности, милый Тиберий, и не слишком возмущайся, если кто-то обо мне говорит дурное: довольно и того, что никто не может нам сделать дурного».

52. Храмов в свою честь он не дозволял возводить ни в какой провинции иначе, как с двойным посвящением ему и Риму. В столице же он от этой почести отказывался наотрез. Даже серебряные статуи, уже поставленные в его честь, он все перелил на монеты, и из этих денег посвятил два золотых треножника Аполлону Палатинскому.

Диктаторскую власть народ предлагал ему неотступно, но он на коленях, спустив с плеч тогу, обнажив грудь, умолял его от этого избавить. **53.** Имени «государь» он всегда страшился как оскорбления и позора. Когда при нем на зрелищах мимический актер произнес со сцены:

— О добрый, справедливый государь! —

и все, вскочив с мест, разразились рукоплесканиями, словно речь шла о нем самом, он движением и взглядом тотчас унял непристойную лесть, а на следующий день выразил зрителям порицание в суровом эдикте. После этого он даже собственных детей и внуков не допускал ни в шутку, ни всерьез называть его господином, и даже между собой запретил им пользоваться этим лестным обращением. (2) Не случайно он старался вступать и выступать из каждого города и городка только вечером или ночью, чтобы никого не беспокоить приветствиями и напутствиями. Когда он бывал консулом, то обычно передвигался пешком, когда не был консулом — в закрытых носилках. К общим утренним приветствиям он допускал и простой народ, принимал от него прошения с необычайной ласковостью:

одному оробевшему просителю он даже сказал в шутку, что тот подает ему просьбу, словно грош слону. (3) Сенаторов в дни заседаний он приветствовал только в курии на их местах, к каждому обращаясь по имени, без напоминания, даже уходя и прощаясь, он не заставлял их вставать с места. Со многими он был знаком домами и не переставал бывать на семейных праздниках, пока однажды в старости не утомился слишком сильно на чьей-то помолвке. С сенатором Церринием Галлом он не был близок, но когда тот вдруг ослеп и решил умереть от голоду, он посетил его и своими утешениями убедил не лишать себя жизни.

54. Однажды в сенате во время его речи кто-то сказал: «Не понимаю!»,— а другой: «Я бы тебе возразил, будь это возможно!» Не раз, возмущенный жестокими спорами сенаторов, он покидал курию; ему кричали вслед: «Нельзя запрещать сенаторам рассуждать о государственных делах!» При пересмотре списков, когда сенаторы выбирали друг друга, Антистий Лабеон подал голос за жившего в ссылке Марка Лепида, давнего врага Августа, и на вопрос Августа, неужели не нашлось никого достойнее, ответил: «У каждого свое мнение». И все-таки за вольные или строптивые речи от него никто не пострадал. **55.** Даже подметные письма, разбросанные в курии, его не смутили: он обстоятельно их опроверг и, не разыскивая даже сочинителей, постановил только впредь привлекать к ответу тех, кто распространяет под чужим именем порочащие кого-нибудь стихи или письма. **56.** В ответ на задевавшие его дерзкие или злобные шутки он также издал эдикт; однако принимать меры против вольных высказываний в завещаниях он запретил.

Присутствуя на выборах должностных лиц, он всякий раз обходил трибы со своими кандидатами и просил за них по старинному обычаю. Он и сам подавал голос в своей трибе, как простой гражданин. Выступая свидетелем в суде, он терпел допросы и возражения с редким спокойствием. (2) Он уменьшил ширину своего форума, не решаясь выселить владельцев из соседних домов. Представляя вниманию народа своих сыновей, он всякий раз прибавлял: «Если они того заслужат». Когда перед ними, еще подростками, встал

 и разразился рукоплесканиями целый театр, он был

этим очень недоволен. Друзей своих он хотел видеть сильными и влиятельными в государственных делах, но при тех же правах и в ответе перед теми же судебными законами, что и прочие граждане. (3) Когда его близкий друг Ноний Аспренат был обвинен Кассием Севером в отравлении, он спросил в сенате, как ему следует поступить: он боится, что, по общему мнению, если он вмешается, то отнимет из-под власти законов подсудимого, а если не вмешается, то покинет и обречет на осуждение друга. И с одобрения всех он несколько часов просидел на свидетельских скамьях, но все время молчал, и не произнес даже обычной в суде похвалы подсудимому. (4) Присутствовал он и на процессах клиентов, например, у некоего Скутария, солдата на сверхсрочной службе, обвиненного в насилии. Только одного из подсудимых и только откровенными просьбами спас он от осуждения, перед лицом судей умолив обвинителя отступиться: это был Кастриций, от которого он узнал о заговоре Мурены.

57. Какой любовью пользовался он за эти достоинства, нетрудно представить. О сенатских постановлениях я не говорю, так как их могут считать вынужденными или льстивыми. Всадники римские добровольно и по общему согласию праздновали его день рождения каждый год два дня подряд. Люди всех сословий по обету ежегодно бросали в Курциево озеро монетку за его здоровье, а на новый год приносили ему подарки на Капитолий, даже если его и не было в Риме; на эти средства он потом купил и поставил по всем кварталам дорогостоящие статуи богов — Аполлона-Сандалиария, Юпитера-Трагеда и других. (2) На восстановление его палатинского дома, сгоревшего во время пожара, несли деньги и ветераны, и декурии, и трибы, и отдельные граждане всякого разбора, добровольно и кто сколько мог; но он едва прикоснулся к этим кучам денег и взял не больше, чем по денарию из каждой. При возвращении из провинции его встречали не только добрыми пожеланиями, но и пением песен. Следили даже за тем, чтобы в день его въезда в город никогда не совершалось казней.

58. Имя отца отечества было поднесено ему всем народом, внезапно и единодушно. Первыми это сделали плебеи, отправив к нему посольство в Анций, а после

его отказа — приветствуя его в Риме при входе в театр, огромной толпою в лавровых венках; вслед за ними и сенат высказал свою волю, но не в декрете и не общим криком, а в выступлении Валерия Мессалы. По общему поручению он сказал так: «Да сопутствует счастье и удача тебе и дому твоему, Цезарь Август! Такими словами молимся мы о вековечном благоденствии и ликовании всего государства: ныне сенат в согласии с римским народом поздравляет тебя отцом отечества». Август со слезами на глазах отвечал ему такими словами: привожу их в точности, как и слова Мессалы: «Достигнув исполнения моих желаний, о чем еще могу я молить бессмертных богов, отцы сенаторы, как не о том, чтобы это ваше единодушие сопровождало меня до скончания жизни!»

59. Врачу Антонию Музе, исцелившему его от смертельной болезни, сенаторы на свои деньги поставили статую возле изваяния Эскулапа. А некоторые отцы семейства в завещаниях приказывали, чтобы их наследники совершили на Капитолии обетные жертвы за то, что Август их пережил, и чтобы перед жертвенными животными несли соответствующую надпись.

В Италии некоторые города день, когда он впервые их посетил, сделали началом нового года. Многие провинции не только воздвигали ему храмы и алтари, но и учреждали пятилетние игры чуть ли не в каждом городке. **60.** Цари, его друзья и союзники, основывали каждый в своем царстве города под названием Цезарея, а все вместе, сложившись, намеревались достроить и посвятить гению Августа храм Юпитера Олимпийского в Афинах, заложенный еще в древности; и не раз они покидали свои царства, чтобы повседневно сопровождать его не только в Риме, но и в провинциях, без царских отличий, одетые в тоги, прислуживая ему, как клиенты.

61. Изложив, таким образом, каков был Август на военных и гражданских должностях и как вел он государственные дела во всех концах земли в мирное и военное время, я перейду теперь к его частной и семейной жизни и опишу, каков он был и что с ним было дома, среди близких, с юных лет его и до последнего дня.

(2) Мать потерял он в первое свое консульство, сестру Октавию — на пятьдесят четвертом году. К обеим он и при жизни выказывал высокое почтение, и после смерти воздал им величайшие почести.

62. Помолвлен он был еще в юности с дочерью Публия Сервилия Исаврика. Однако после первого примирения с Антонием, когда их воины потребовали, чтобы оба полководца вступили в родственную связь, он взял в жены Клавдию, падчерицу Антония, дочь Фульвии от Публия Клодия, хотя она едва достигла брачного возраста; но поссорившись со своей тещей Фульвией, он, не тронув жены, отпустил ее девственницей. (2) Вскоре он женился на Скрибонии, которая уже была замужем за двумя консулярами и от одного имела детей; но и с нею он развелся, «устав от ее дурного нрава», как он сам пишет. После этого он тотчас вступил в брак с Ливией Друзиллой, которую беременной отнял у ее мужа Тиберия Нерона; и ее он, как никого, любил и почитал до самой смерти.

63. От Скрибонии у него родилась дочь Юлия, от Ливии он детей не имел, хотя больше всего мечтал об этом; зачатый ею младенец родился преждевременно. Юлию он выдал сперва за Марцелла, сына своей сестры, когда тот едва вышел из детского возраста; после его смерти — за Марка Агриппу, уговорив сестру уступить ему зятя, так как Агриппа уже был женат на одной из сестер Марцелла и имел от нее детей; (2) а когда и Агриппа умер, он долго искал для дочери мужа даже среди всаднического сословия и наконец выбрал ей супругом своего пасынка Тиберия, заставив его развестись с женою, беременной уже вторым ребенком. Марк Антоний пишет, что сперва Юлия была обручена с его сыном Антонием, а потом — с гетским царем Котизоном, и тогда же сам Октавий за это просил себе в жены царскую дочь.

64. Внуков он имел от Агриппы троих — Гая, Луция и Агриппу; внучек — двоих, Юлию и Агриппину. Юлию он выдал за Луция Павла, сына цензора, Агриппину — за Германика, внука своей сестры. Гая и Луция он усыновил, купив их у Агриппы по древнему обычаю; их он с детства приблизил к государственным делам и посылал в провинции и к войскам как назначенных консулов. (2) Дочь и внучек он воспитывал так,

что они умели даже прясть шерсть; он запрещал им все, чего нельзя было сказать или сделать открыто, записав в домашний дневник; и он так оберегал их от встреч с посторонними, что Луция Виниция, юношу знатного и достойного, он письменно упрекнул в нескромности за то, что в Байях он подошел приветствовать его дочь. (3) Внуков он обычно сам обучал и читать, и плавать, и другим начальным знаниям, в особенности стараясь, чтобы они перенимали его почерк. Когда он обедал, они всегда сидели при нем на нижнем ложе, а когда он путешествовал, они ехали впереди в повозке или скакали по сторонам.

65. Но среди этих радостей и надежд на процветание и добронравие потомства счастье вдруг его покинуло. Обеих Юлий, дочь и внучку, запятнанных всеми пороками, ему пришлось сослать. Гая и Луция он потерял одного за другим через восемнадцать месяцев — Гай скончался в Ликии, Луций — в Массилии. Он усыновил на форуме перед собранием курий своего третьего внука Агриппу и пасынка Тиберия — но от Агриппы за его низкий и жестокий нрав он вскоре отрекся и сослал его в Соррент. (2) Смерть близких была ему не так тяжела, как их позор. Участь Гая и Луция не надломила его; но о дочери он доложил в сенате лишь заочно, в послании, зачитанном квестором, и после этого долго, терзаясь стыдом, сторонился людей и подумывал даже, не казнить ли ее. По крайней мере, когда около этого времени повесилась одна из ее сообщниц, вольноотпущенница Феба, он сказал, что лучше бы ему быть отцом Фебы. (3) Сосланной Юлии он запретил давать вино и предоставлять малейшие удобства; он не подпускал к ней ни раба, ни свободного без своего ведома, и всегда в точности узнавал, какого тот возраста, роста, вида, и даже какие у него телесные приметы или шрамы. Только пять лет спустя он перевел ее с острова на материк и немного смягчил условия ссылки; но о том, чтобы совсем ее простить, бесполезно было его умолять. В ответ на частые и настойчивые просьбы римского народа он только пожелал всему собранию таких же жен и таких же дочерей. (4) Ребенка, родившегося у младшей Юлии после ее осуждения, он не захотел ни признавать, ни воспитывать. Агриппу, который не становился мягче и

с каждым днем все более терял рассудок, он перевез на остров и, сверх того, заключил под стражу; особым сенатским постановлением он приказал держать его там пожизненно. А на всякое упоминание о нем или о двух Юлиях он только восклицал со стоном:

Лучше бы мне и безбрачному жить и бездетному сгинуть! —

и называл их не иначе, как тремя своими болячками и язвами.

66. Дружбу он завязывал нелегко, но верность соблюдал неуклонно, и не только должным образом награждал заслуги и достоинства друзей, но и готов был сносить их пороки и провинности,— до известной, конечно, меры. Примечательно, что из всех его друзей нельзя найти ни одного опального, если не считать Сальвидиена Руфа и Корнелия Галла. Обоих он возвысил из ничтожного состояния, одного — до консульского сана, другого — до наместничества в Египте. (2) Первого, замышлявшего переворот, он отдал для наказания сенату; второму, за его неблагодарность и злокозненность, он запретил появляться в своем доме и в своих провинциях. Но когда погиб и Галл, доведенный до самоубийства нападками обвинителей и указами сената, Август, поблагодарив за преданность всех своих столь пылких заступников, не мог удержаться от слез и сетований на то, что ему одному в его доле нельзя даже сердиться на друзей сколько хочется. (3) Остальные же его друзья наслаждались богатством и влиянием до конца жизни, почитаясь первыми в своих сословиях, хотя и ими подчас он бывал недоволен. Так, не говоря об остальных, он не раз жаловался, что даже Агриппе недостает терпимости, а Меценату — умения молчать, когда Агриппа из пустого подозрения, будто к нему охладели и предпочитают ему Марцелла, бросил все и уехал в Митилены, а Меценат, узнав о раскрытии заговора Мурены, выдал эту тайну своей жене Теренции.

(4) В свою очередь, и сам он требовал от друзей такой же ответной привязанности как при жизни, так и после смерти. Действительно, хотя он нимало не домогался наследств и никогда ничего не принимал по завещаниям людей незнакомых, но к последним заветам друзей был необычайно чувствителен, и если в завещании о нем упоминалось небрежно и скупо, то не-

притворно огорчался, а если почтительно и лестно, то откровенно радовался. Когда завещатели оставляли детей, он или тотчас передавал им свою долю наследства и отказанные ему подарки, или же сохранял ее на время их малолетства, а в день совершеннолетия или свадьбы возвращал с процентами.

67. Хозяином и патроном был он столь же строгим, сколько милостивым и мягким. Многих вольноотпущенников он держал в чести и близости — например Ликина, Келада и других. Косм, его раб, оскорбительно о нем отзывался — он удовольствовался тем, что заковал его в цепи. Диомед, его управляющий, сопровождал его на прогулке, но когда на них вдруг выскочил дикий кабан, перепугался и бросил хозяина одного — он побранил его не за провинность, а только за трусость, и опасное происшествие обратил в шутку, так как злого умысла тут не было. И в то же время он заставил умереть Пола, одного из любимых своих вольноотпущенников, узнав, что тот соблазнял замужних женщин; Таллу, своему писцу, он переломал ноги за то, что тот за пятьсот денариев выдал содержание его письма; а когда наставник и служители его сына Гая, воспользовавшись болезнью и смертью последнего, начали бесстыдно и жадно обирать провинцию, он приказал швырнуть их в реку с грузом на шее.

68. В ранней юности он стяжал дурную славу многими позорными поступками. Секст Помпей обзывал его женоподобным, Марк Антоний уверял, будто свое усыновление купил он постыдной ценой, а Луций, брат Марка,— будто свою невинность, початую Цезарем, он предлагал потом в Испании и Авлу Гирцию за триста тысяч сестерциев, и будто икры себе он прижигал скорлупою ореха, чтобы мягче был волос. Мало того — весь народ однажды на зрелищах встретил шумными рукоплесканиями брошенный со сцены стих, угадав в нем оскорбительный намек на его счет,— речь шла о жреце Матери богов, ударяющем в бубен:

— Смотри, как все покорствует развратнику!

69. Что он жил с чужими женами, не отрицают даже его друзья; но они оправдывают его тем, что он шел на это не из похоти, а по расчету, чтобы через женщин легче выведывать замыслы противников. А Марк Антоний, попрекая его, поминает и о том, как не терпе-

лось ему жениться на Ливии и о том, как жену одного консуляра он на глазах у мужа увел с пира к себе в спальню, а потом привел обратно, растрепанную и красную до ушей, и о том, как он дал развод Скрибонии за то, что она позволяла себе ревновать к сопернице, и о том, как друзья подыскивали ему любовниц, раздевая и оглядывая взрослых девушек и матерей семейств, словно рабынь у работорговца Торания. (2) Антоний даже писал ему по-приятельски, когда между ними еще не было ни тайной, ни явной вражды: «С чего ты озлобился? Оттого, что я живу с царицей? Но она моя жена, и не со вчерашнего дня, а уже девять лет. А ты как будто живешь с одной Друзиллой? Будь мне неладно, если ты, пока читаешь это письмо, не переспал со своей Тертуллой, или Терентиллой, или Руфиллой, или Сальвией Титизенией, или со всеми сразу,— да и не все ли равно, в конце концов, где и с кем ты путаешься?»

70. Его тайное пиршество, которое в народе называли «*пиром двенадцати богов*», также было у всех на устах: его участники возлежали за столом, одетые богами и богинями, а сам он изображал Аполлона. Не говоря уже о той брани, какою осыпал его Антоний, ядовито перечисляя по именам всех гостей, об этом свидетельствует и такой всем известный безымянный стишок:

Только лишь те господа подыскали для пира хорага
Шесть богов, шесть богинь Маллия вдруг увидал.
И между тем, как в обличье обманщика-Феба безбожный
Цезарь являл на пиру прелюбодейства богов,
Все от земли отвратили свой лик небесные силы
И, позолоченный трон бросив, Юпитер бежал.

(2) Слухи об этом пиршестве усугублялись тем, что в Риме тогда стояли нужда и голод: уже на следующий день слышались восклицания, что боги сожрали весь хлеб, и что Цезарь — впрямь Аполлон, но Аполлон-мучитель (под таким именем почитался этот бог в одном из городских кварталов). Ставили ему в вину и жадность к коринфским вазам и богатой утвари, и страсть к игре в кости. Так, во время проскрипций под его статуей появилась надпись:

Отец мой ростовщик, а сам я вазовщик,—

ибо уверяли, что он занес некоторых людей в списки жертв, чтобы получить их коринфские вазы; а во время сицилийской войны ходила такая эпиграмма:

Разбитый в море дважды, потеряв суда,
Он мечет кости, чтоб хоть в этом выиграть.

71. Из всех этих обвинений и нареканий он легче всего опроверг упрек в постыдном пороке, от которого жизнь его была чиста и тогда, и потом; а затем — упрек в роскоши, так как даже после взятия Александрии он не взял для себя из царских богатств ничего, кроме одной плавиковой чаши, а будничные золотые сосуды вскоре все отдал в переплавку. Сладострастным утехам он предавался и впоследствии и был, говорят, большим любителем молоденьких девушек, которых ему отовсюду добывала сама жена. Игроком прослыть он не боялся и продолжал играть для своего удовольствия даже в старости, попросту и открыто, не только в декабре месяце, но и в другие праздники и будни. (2) Это не подлежит сомнению: в собственноручном письме он пишет так: «За обедом, милый Тиберий, гости у нас были все те же, да еще пришли Виниций и Силий Старший. За едой и вчера и сегодня мы играли *по-стариковски:* бросали кости, и у кого выпадет «собака» или шестерка, тот ставил на кон по денарию за кость, а у кого выпадет «Венера», тот забирал деньги». (3) И в другом письме опять: «Милый Тиберий, мы провели Квинкватрии с полным удовольствием: играли всякий день, так что доска не остывала. Твой брат за игрой очень горячился, но в конечном счете проиграл немного: он был в большом проигрыше, но против ожидания помаленьку из него выбрался. Что до меня, то я проиграл тысяч двадцать, но только потому, что играл, не скупясь, на широкую руку, как обычно. Если бы стребовать все, что я каждому уступил, да удержать все, что я каждому одолжил, то был бы я в выигрыше на все пятьдесят тысяч. Но мне это не нужно: пусть лучше моя щедрость прославит меня до небес». (4) А дочери он пишет так: «Посылаю тебе двести пятьдесят денариев, как и всем остальным гостям, на случай, если кому за обедом захочется сыграть в кости или в чет и нечет». **72.** Во всем остальном, как известно, обнаруживал он величайшую воздержанность и не давал повода ни для каких подозрений.

Жил он сначала близ римского форума, над Колечниковой лестницей, в доме, принадлежавшем когда-то оратору Кальву, а потом — на Палатине, в доме Гортензия; но и этот дом был скромный, непримечательный ни размером, ни убранством,— даже портики были короткие, с колоннами альбанского камня, а в комнатах не было ни мрамора, ни штучных полов. Спал он больше сорока лет в одной и той же спальне зимой и летом, и зиму всегда проводил в Риме, хотя мог убедиться, что зимой город вреден для его здоровья. (2) Если он хотел заниматься тайно или без помехи, для этого у него была особая верхняя комнатка, которую он называл своими Сиракузами и *«мастеровушкой»;* тогда он перебирался или сюда или к кому-нибудь из вольноотпущенников на загородную виллу, а когда был болен, ложился в доме Мецената. Отдыхать он чаще всего уезжал или в Кампанию, на взморье и острова, или в городки неподалеку от Рима — в Ланувий Пренесте или Тибур, где он часто даже правил суд, сидя под портиком храма Геркулеса. (3) Больших и роскошных домов он не терпел, и даже стоивший немалых денег дворец Юлии младшей приказал разрушить до основания. Собственные виллы, очень скромные, он украшал не статуями и не картинами, а террасами и рощами, и собирал там древние и редкие вещи: например, на Капри — доспехи героев и огромные кости исполинских зверей и чудовищ, которые считают останками гигантов.

73. В простоте его обстановки и утвари можно убедиться и теперь по сохранившимся столам и ложам, которые вряд ли удовлетворили бы и простого обывателя. Даже спал он, говорят, на постели низкой и жестко постланной. Одежду надевал только домашнего изготовления, сработанную сестрой, женой, дочерью или внучками; тогу носил ни тесную, ни просторную, полосу на ней ни широкую, ни узкую, а башмаки подбивал толстыми подошвами, чтобы казаться выше. Впрочем, нарядную одежду и обувь он всегда держал под рукой в спальне на случай внезапной и неожиданной надобности.

74. Давал обеды он постоянно, и непременно со всеми блюдами, а приглашения посылал с большим разбором и званий и лиц. Валерий Мессала сообщает, что

ни один вольноотпущенник не допускался к его столу — исключение делалось только для Мены, да и то лишь после того, как за выдачу флота Секста Помпея он получил гражданство; а сам Август пишет, что однажды пригласил к обеду своего бывшего охранника, на вилле которого остановился. К столу он иногда приходил позже всех, а уходил раньше всех, так что гости начинали закусывать до его появления и оставались за столом после его ухода. За обедом бывало три перемены, самое большее — шесть, все подавалось без особой изысканности, но с величайшим радушием. Тех, кто молчал или беседовал потихоньку, он вызывал на общий разговор, а для развлечения приглашал музыкантов, актеров и даже бродячих плясунов из цирка, чаще же всего — сказочников.

75. Праздники и торжества справлял он обычно с большою пышностью, а иногда — только в шутку. Так, и на Сатурналиях и в другое время, ежели ему было угодно, он иногда раздавал в подарок и одежды, и золото, и серебро, иногда — монеты разной чеканки, даже царские и чужеземные, а иногда только войлок, губки, мешалки, клещи и тому подобные предметы с надписями двусмысленными и загадочными. Любил он также на пиру продавать гостям жребии на самые неравноценные предметы или устраивать торг на картины, повернутые лицом к стене, чтобы покупки то обманывали, то превосходили ожидания покупателей. Гости с каждого ложа должны были предлагать свою цену и потом делить убыток или выигрыш.

76. Что касается пищи — я и этого не хочу пропустить,— то ел он очень мало и неприхотливо. Любил грубый хлеб, мелкую рыбешку, влажный сыр, отжатый вручную, зеленые фиги второго сбора; закусывал и в предобеденные часы, когда и где угодно, если только чувствовал голод. Вот его собственные слова из письма: «В одноколке мы подкрепились хлебом и финиками». (2) И еще: «Возвращаясь из царской курии, я в носилках съел ломоть хлеба и несколько ягод толстокожего винограда». И опять: «Никакой иудей не справлял субботний пост с таким усердием, милый Тиберий, как я постился нынче: только в бане, через час после захода солнца, пожевал я кусок-другой перед тем, как растираться». Из-за такой беззаботности он не

раз обедал один, до прихода или после ухода гостей, а за общим столом ни к чему не притрагивался.

77. Вина по натуре своей он пил очень мало. В лагере при Мутине он за обедом выпивал не более трех кубков, как сообщает Корнелий Непот, а впоследствии, даже когда давал себе полную волю,— не более секстария; если он выпивал больше, то принимал рвотное. Больше всего любил он ретийское вино. Впрочем, натощак пил он редко, а вместо этого жевал либо хлеб, размоченный в холодной воде, либо ломтик огурца, либо ствол латука, либо свежие или сушеные яблоки с винным привкусом.

78. После дневного завтрака он, как был, одетый и обутый, ложился ненадолго отдохнуть, закутав ноги и заслонив рукой глаза. А после обеда он отправлялся на ложе для ночной работы и там оставался до поздней ночи, пока не заканчивал все или почти все дневные дела. Затем он ложился в постель, но спал, самое большее, часов семь, да и то не полных, потому что за это время раза три или четыре просыпался. (2) Если, как это бывает, ему не удавалось сразу опять заснуть, он посылал за чтецами или рассказчиками и тогда снова засыпал, не просыпаясь иной раз уже до света. Он не оставался в темноте без сна, если никого не было рядом. Рано вставать он не любил, и если ему нужно было встать раньше обычного для какого-нибудь дела или обряда, он для удобства ночевал по соседству в доме у кого-нибудь из близких. Но и так он часто недосыпал, и тогда не раз забывался дремотой в носилках, пока рабы несли их по улицам, и по временам останавливались передохнуть.

79. С виду он был красив и в любом возрасте сохранял привлекательность, хотя и не старался прихорашиваться. О своих волосах он так мало заботился, что давал причесывать себя для скорости сразу нескольким цирюльникам, а когда стриг или брил бороду, то одновременно что-нибудь читал или даже писал. Лицо его было спокойным и ясным, говорил ли он или молчал: один из галльских вождей даже признавался среди своих, что именно это поколебало его и остановило, когда он собирался при переходе через Альпы, приблизившись под предлогом разговора, столкнуть Августа в пропасть. (2) Глаза у него были светлые и бле-

стящие; он любил, чтобы в них чудилась некая божественная сила, и бывал доволен, когда под его пристальным взглядом собеседник опускал глаза, словно от сияния солнца. Впрочем, к старости он стал хуже видеть левым глазом. Зубы у него были редкие, мелкие, неровные, волосы — рыжеватые и чуть вьющиеся, брови — сросшиеся, уши — небольшие, нос — с горбинкой и заостренный, цвет кожи — между смуглым и белым. Росту он был невысокого — впрочем, вольноотпущенник Юлий Марат, который вел его записки, сообщает, что в нем было пять футов и три четверти,— но это скрывалось соразмерным и стройным сложением и было заметно лишь рядом с более рослыми людьми.

80. Тело его, говорят, было покрыто на груди и на животе родимыми пятнами, напоминавшими видом, числом и расположением звезды Большой Медведицы, кожа во многих местах загрубела и от постоянного расчесыванья и усиленного употребления скребка образовала уплотнения вроде струпьев. Бедро и голень левой ноги были у него слабоваты, нередко он даже прихрамывал; помогали ему от этого горячий песок и тростниковые лубки. А иногда ему не повиновался указательный палец правой руки: на холоде его так сводило, что только с помощью рогового наперстка он кое-как мог писать. Жаловался он и на боль в пузыре, которая ослабевала лишь когда камни выходили с мочой.

81. Тяжело и опасно болеть ему за всю жизнь случилось несколько раз, сильнее всего — после покорения Кантабрии: тогда его печень так страдала от истечений желчи, что он в отчаянии вынужден был обратиться к лечению необычному и сомнительному: вместо горячих припарок, которые ему не помогали, он по совету Антония Музы стал употреблять холодные. (2) Были у него и недомогания, повторяющиеся каждый год в определенное время: около своего дня рождения он обычно чувствовал расслабленность, ранней весною страдал от расширения предсердия, а при южном ветре — от насморка.

При таком расстроенном здоровье он с трудом переносил и холод и жару. **82.** Зимой он надевал не только четыре туники и толстую тогу, но и сорочку, и шерстяной нагрудник, и обмотки на бедра и голени. Летом он спал при открытых дверях, а иногда даже

в перистиле, перед фонтаном, обмахиваемый рабом. Солнца не терпел он и в зимнее время, и даже дома не выходил на воздух с непокрытой головой. Путешествовал он в носилках, ночами, понемногу и медленно, так что до Пренесте или Тибура добирался только за два дня; а если до места можно было доехать морем, он предпочитал плыть на корабле.

(2) Свое слабое здоровье он поддерживал заботливым уходом. Прежде всего, он редко купался: вместо этого он обычно растирался маслом или потел перед открытым огнем, а потом окатывался комнатной или согретой на солнце водой. А когда ему приходилось от ломоты в мышцах принимать горячие морские или серные ванны, он только окунал в воду то руки, то ноги, сидя на деревянном кресле, которое по-испански называл «дурета». **83.** Упражнения в верховой езде и с оружием на Марсовом поле он прекратил тотчас после гражданских войн. Некоторое время после этого он еще упражнялся с мечом, набитым или надутым, а потом ограничился верховыми и пешими прогулками; в конце каждого круга он переходил с шага на бег вприпрыжку, завернувшись в одеяло или простыню. Для умственного отдыха он иногда удил рыбу удочкой, а иногда играл в кости, камешки и орехи с мальчиками-рабами. Ему нравились их хорошенькие лица и их болтовня, и он покупал их отовсюду, особенно же из Сирии и Мавритании; а к карликам, уродцам и тому подобным он питал отвращение, видя в них насмешку природы и зловещее предзнаменование.

84. Красноречием и благородными науками он с юных лет занимался с охотой и великим усердием. В Мутинской войне среди всех своих забот он, говорят, каждый день находил время и читать, и писать, и декламировать. Действительно, он и впоследствии никогда не говорил ни перед сенатом, ни перед народом, ни перед войском, не обдумав и не сочинив свою речь заранее, хотя не лишен был способности говорить и без подготовки. (2) А чтобы не полагаться на память и не тратить времени на заучивание, он первый стал все произносить по написанному. Даже частные беседы, даже разговоры со своей Ливией в важных случаях он набрасывал заранее и держался своей записи. чтобы не сказать по ошибке слишком мало или слиш-

ком много. Выговор у него был мягкий и своеобразный, он постоянно занимался с учителем произношения; но иногда у него болело горло, и он обращался к народу через глашатая.

85. Он написал много прозаических сочинений разного рода; некоторые из них он прочитывал перед друзьями или перед публикой. Таковы «Возражения Бруту о Катоне»,— их он читал однажды уже в старости, но, не дойдя до конца, устал и отдал дочитывать Тиберию; таковы «Поощрение к философии» и сочинение «О своей жизни» в тридцати книгах, доведенное только до кантабрийской войны. (2) Поэзии он касался лишь бегло. Сохранилась одна книга, написанная гекзаметрами и озаглавленная «Сицилия», в соответствии с содержанием; сохранилась и другая книга, маленькая — «Эпиграммы», которые он по большей части сочинял в бане при купанье. За трагедию он было взялся с большим пылом, но не совладал с трагическим слогом и уничтожил написанное; а на вопрос друзей, что поделывает его Аякс, он ответил, что Аякс бросился на свою губку.

86. В слоге он стремился к изяществу и умеренности, избегая как пустых и звонких фраз, так и, по его выражению, «словес, попахивающих стариной»; больше всего он старался как можно яснее выразить свою мысль. Чтобы лучше этого достичь, ничем не смущая и не сбивая читателя или слушателя, он без колебания ставил предлоги при названиях городов и повторял союзы, без которых речь звучала бы легче, но понималась бы труднее. (2) Любителей старины и любителей манерности он одинаково осуждал за их противоположные крайности и не раз над ними издевался. В особенности он вышучивал своего друга Мецената за его, как он выражался, *«напомаженные завитушки»*, и даже писал на него пародии; но не щадил и Тиберия, который гонялся иной раз за старинными и обветшалыми словами. Марка Антония он прямо обзывает сумасшедшим, утверждая, будто его писаниям дивиться можно, но понять их нельзя; и потом, высмеивая его безвкусие и непостоянство в выборе слов, продолжает: (3) «Ты и не знаешь, с кого тебе брать пример: с Анния Цимбра и Верания Флакка, чтобы писать такими словесами, какие Саллюстий Крисп повы-

таскивал из Катоновых «Начал»? или с азиатских риторов, чтобы перенести в нашу речь их потоки слов без единой мысли?» А в письме к своей внучке Агриппине он хвалит ее хорошие задатки, но добавляет: «Однако старайся избегать деланности, когда говоришь и пишешь».

87. В повседневной речи некоторые выражения он употреблял особенно часто и своеобразно, об этом свидетельствуют его собственноручные письма. В них, чтобы сказать, что кто-то никогда не заплатит долга, он всякий раз пишет: «заплатит в греческие календы»; чтобы внушить, что любые обстоятельства следует переносить покорно, пишет: «довольно с нас и одного Катона»; а чтобы выразить быстроту и поспешность — «скорей, чем спаржа варится». (2) Вместо «дурак» он всегда пишет «дубина», вместо «черный» — «темный», вместо «сумасшедший» — «рехнувшийся», вместо «мне не по себе» — «меня мутит», вместо «чувствовать слабость» — «глядеть свеклой», а не «скапуститься», как говорят в просторечии. Далее, он пишет «они есть» вместо «они суть» и «в дому» вместо «в доме»; два последних выражения он употребляет только так, поэтому их следует считать не ошибкой, а привычкой. (3) И в почерке его я заметил некоторые особенности: он не разделяет слов и не делает переносов, а не поместившиеся в строке буквы подписывает тут же снизу, обведя их чертою.

88. Орфографию, то есть правила и предписания, установленные грамматиками, он не старался соблюдать и, по-видимому, разделял мнение тех, кто думает, что писать надо так, как говорят. Часто он переставляет или пропускает не только буквы, а даже слоги, но такие ошибки бывают у всех: я не стал бы это отмечать, если бы мне не казалось удивительным сообщение некоторых историков, будто бы Август сместил за невежество и безграмотность одного легата, бывшего консула, когда заметил, что тот написал ixi вместо ipsi. Когда он пользуется тайнописью, то пишет B вместо A, C вместо B и так далее таким же образом, а вместо X ставит двойное A.

89. Греческой словесностью занимался он с не меньшим усердием и достиг больших успехов. Его учителем красноречия был Аполлодор Пергамский, которо-

го он в молодости даже увез с собой из Рима в Аполлонию, несмотря на его преклонный возраст. Много разных познаний дала ему потом близость с философом Ареем и его сыновьями Дионисием и Никанором. Все же по-гречески он бегло не говорил и не решался что-либо сочинять, а в случае необходимости писал, что нужно, по-латыни и давал кому-нибудь перевести. Однако поэзию он знал хорошо, а древней комедией даже восхищался и не раз давал ее представления на зрелищах.

(2) Читая и греческих и латинских писателей, он больше всего искал в них советов и примеров, полезных в общественной и частной жизни, часто он выписывал их дословно и рассылал или своим близким, или наместникам и военачальникам, или должностным лицам в Риме, если они нуждались в таких наставлениях. Даже целые книги случалось ему читать перед сенатом и оглашать народу в эдиктах: например речь Квинта Метелла «Об умножении потомства» и речь Рутилия «О порядке домостроения»; этим он хотел показать, что не он первый обратился к таким заботам, но уже предкам были они близки. (3) Всем талантам своего времени он оказывал всяческое покровительство. На открытых чтениях он внимательно и благосклонно слушал не только стихотворения и исторические сочинения, но и речи и диалоги. Однако о себе дозволял он писать только лучшим сочинителям и только в торжественном слоге, и приказывал преторам следить, чтобы литературные состязания не нанесли урона его имени.

90. В делах веры и суеверия вот что о нем известно. Перед громом и молнией испытывал он не в меру малодушный страх: везде и всюду он носил с собою для защиты от них тюленью шкуру, а при первом признаке сильной грозы скрывался в подземное убежище,— в такой ужас повергла его когда-то ночью в дороге ударившая рядом молния, о чем мы уже говорили.

91. Сновидениям, как своим, так и чужим, относящимся к нему, он придавал большое значение. В битве при Филиппах он по нездоровью не собирался выходить из палатки, но вышел, поверив вещему сну своего друга; и это его спасло, потому что враги захватили его лагерь и, думая, что он еще лежит в носилках, исколо-

ли и изрубили их на куски. Сам он каждую весну видел сны частые и страшные, но пустые и несбывчивые, а в остальное время года сны бывали реже, но сбывались чаще. (2) После того, как он посвятил на Капитолии храм Юпитеру Громовержцу и часто в нем бывал, ему приснилось, будто другой Юпитер, Капитолийский, жалуется, что у него отбивают почитателей, а он ему отвечает, что Громовержец, стоя рядом, будет ему привратником, и вскоре после этого он украсил крышу Громовержца колокольчиками, какие обычно вешались у дверей. Под впечатлением другого ночного видения он каждый год в один и тот же день просил у народа подаяния, протягивая пустую ладонь за медными монетами.

92. Некоторые приметы и предзнаменования он считал безошибочными. Если утром он надевал башмак не на ту ногу, левый вместо правого, это было для него дурным знаком; если выпадала роса в день его отъезда в дальний путь по суше или по морю, это было добрым предвестием быстрого и благополучного возвращения. Но больше всего волновали его чудеса. Когда между каменных плит перед его домом выросла пальма, он перенес ее к водоему богов Пенатов и очень заботился, чтобы она пустила корни. (2) Когда на острове Капри с его приездом вновь поднялись ветви древнего дуба, давно увядшие и поникшие к земле, он пришел в такой восторг, что выменял у неаполитанцев этот остров на остров Энарию. Соблюдал он предосторожности и в определенные дни: после нундин не отправлялся в поездки, а в ноны не начинал никакого важного дела; правда, Тиберию он писал, что здесь его останавливает только *недоброе звучание* слова «ноны».

93. Из чужеземных обрядов он с величайшим почтением относился к древним и издавна установленным, но остальные презирал. Так, в Афинах он принял посвящение; а потом, когда однажды в Риме при нем разбирался процесс о привилегиях жрецов аттической Цереры и речь зашла о некоторых таинствах, он приказал судьям и толпе зрителей разойтись и один выслушал и истцов и ответчиков. И в то же время, путешествуя по Египту, он отказался свернуть с пути, чтобы посмотреть на Аписа, а своего внука Гая очень хва-

лил за то, что, проезжая через Иудею, он не пожелал совершить молебствие в Иерусалиме.

94. Заговорив об этом, не лишним будет сообщить и о событиях, случившихся до его рождения, в самый день рождения и впоследствии, по которым можно было ожидать его будущего величия и догадываться о его неизменном счастье.

(2) В Велитрах некогда молния ударила в городскую стену, и было предсказано, что гражданин этого города когда-нибудь станет властителем мира. В надежде на это жители Велитр и тогда и потом не раз воевали с римским народом, едва не погубив самих себя; но последующие события показали, что это знамение предвещало могущество Августа. (3) Юлий Марат сообщает, что за несколько месяцев до его рождения в Риме на глазах у всех совершилось чудо, возвестившее, что природа рождает римскому народу царя. Устрашенный сенат запретил выкармливать детей, которые родятся в этом году; но те, у кого жены были беременны, позаботились, чтобы постановление сената не попало в казначейство: каждый надеялся, что знамение относится к нему (4). У Асклепиада Мендетского в «Рассуждениях о богах» я прочитал, что Атия однажды в полночь пришла для торжественного богослужения в храм Аполлона и осталась там спать в своих носилках, между тем как остальные матроны разошлись по домам; и тут к ней внезапно скользнул змей, побыл с нею и скоро уполз, а она, проснувшись, совершила очищение, как после соития с мужем. С этих пор на теле у нее появилось пятно в виде змеи, от которого она никак не могла избавиться, и поэтому больше никогда не ходила в общие бани; а девять месяцев спустя родился Август и был по этой причине признан сыном Аполлона. Эта же Атия незадолго до его рождения видела сон, будто ее внутренности возносятся ввысь, застилая и землю и небо; а ее мужу Октавию приснилось, будто из чрева Атии исходит сияние солнца.

(5) В день его рождения, когда в сенате шли речи о заговоре Катилины, Октавий из-за родов жены явился с опозданием; и тогда, как всем известно и ведомо, Публий Нигидий, узнав о причине задержки и спросив о часе рождения, объявил, что родился повелитель

всего земного круга. А потом Октавий, проводя свое войско по дебрям Фракии, совершил в священной роще Вакха варварские гадания о судьбе своего сына, и жрецы ему дали такой же ответ: (6) в самом деле, когда он плеснул на алтарь вином, пламя так полыхнуло, что взметнулось выше кровли, до самого неба — а такое знаменье у этого алтаря было дано одному лишь Александру Великому, когда он приносил здесь жертвы. И в ту же ночь во сне Октавий увидел сына в сверхчеловеческом величии, с молнией, скипетром и в одеянии Юпитера Благого и Величайшего, в сверкающем венце, на увенчанной лаврами колеснице, влекомой двенадцатью конями сияющей белизны.

Еще во младенчестве, как о том повествует Гай Друз, однажды вечером нянька оставила его в колыбели на полу, а наутро его там не было. Только после долгих поисков его, наконец, нашли: он лежал в самой высокой башне дома, с лицом, обращенным к солнцу. (7) Только что научившись говорить, он однажды в дедовской усадьбе приказал замолчать надоедливым лягушкам и, говорят, с этих пор лягушки там больше не квакают. А когда он завтракал в роще на четвертой миле по кампанской дороге, орел неожиданно выхватил у него из рук хлеб, взлетел в вышину и вдруг, плавно снизившись, снова отдал ему хлеб. (8) Квинт Катул, освятив Капитолий, две ночи подряд видел сон: в первую ночь — будто Юпитер Благой и Величайший выбрал одного из подростков, резвившихся вокруг его алтаря, и положил ему на грудь изображенье богини Ромы, которое держал в руке; во вторую ночь — будто он увидел того же мальчика на коленях у Юпитера и приказал его оттащить, но бог удержал его, провещав, что в этом мальчике возрастает хранитель римского государства. А на следующий день Катул встретил Августа, которого никогда не видел, и всмотревшись в него, с восторгом сказал, как похож он на мальчика, который ему снился. Впрочем, некоторые рассказывают первый сон Катула иначе: будто Юпитер в ответ на крики мальчиков, требовавших себе заступника, указал им на одного из них, в котором сбудутся все их желания, и, коснувшись перстами его губ, поцеловал персты. (9) А Марк Цицерон, сопровождая Гая Цезаря на Капитолий, также расска-

зывал друзьям свой сон минувшей ночи: будто отрок с благородным лицом спустился с неба на золотой цепи, встал на пороге Капитолийского храма и из рук Юпитера принял бич; когда же он вдруг увидел Августа, никому еще не знакомого, который сопровождал своего дядю Цезаря к жертвоприношению, он воскликнул, что это тот самый, чей образ являлся ему во сне.

(10) Когда он впервые надевал тогу совершеннолетнего, его сенаторская туника разорвалась на обоих плечах и упала к его ногам; некоторые увидели в этом знак, что все сословие, носящее эту одежду, когда-нибудь подчинится ему. (11) При Мунде, когда божественный Юлий вырубал лес на месте будущего лагеря, он увидел среди деревьев пальму и велел сохранить ее как предвестье победы; а пальма внезапно пустила побег, который за несколько дней так разросся, что не только сравнялся с материнским стволом, но и покрыл его своей тенью; и в ветвях у него появились голубиные гнезда, хотя эти птицы больше всего не любят жесткой и грубой листвы. Именно это знаменье, говорят, и побудило Цезаря назначить своим преемником внука своей сестры вперед всех остальных. (12) В бытность свою в Аполлонии он поднялся с Агриппой на башню к астрологу Феогену. Агриппа обратился к нему первый и получил предсказание будущего великого и почти невероятного; тогда Август из стыда и боязни, что его доля окажется ниже, решил скрыть свой час рождения и упорно не хотел его называть. Когда же после долгих упрашиваний он нехотя и нерешительно назвал его, Феоген вскочил и благоговейно бросился к его ногам. С тех пор Август был настолько уверен в своей судьбе, что даже обнародовал свой гороскоп и отчеканил серебряную монету со знаком созвездия Козерога, под которым он был рожден.

95. Когда после убийства Цезаря он воротился из Аполлонии и вступал в Рим, вокруг солнца вдруг появилось радужное кольцо, хотя день был ясный и безоблачный, и тотчас в гробницу Юлии, дочери Цезаря, ударила молния. А в первое его консульство, когда он совершал гадание по птицам, ему, как некогда Ромулу, показались двенадцать коршунов; и когда он приносил жертвы, у всех животных печень оказалась раз-

двоенной снизу, что, по утверждению всех знатоков, предвещало счастливое и великое будущее.

96. Даже исход всех войн он предугадывал заранее Когда войска триумвиров сошлись перед Бононией, на его палатку сел орел; два ворона напали на него с двух сторон, но он отразил и поверг их на землю. Из этого все войско заключило, что между союзниками вскоре начнутся раздоры (как оно и случилось), и догадалось, чем они кончатся. При Филиппах один фессалиец возвестил ему предстоящую победу, услышав о ней от Юлия Цезаря, тень которого он встретил на непроезжей дороге. (2) Перед Перузией он совершал жертвоприношения, но не мог добиться добрых знамений и уже велел привести новых жертвенных животных, как вдруг неприятели сделали внезапную вылазку и захватили все принадлежности жертвоприношения. Тогда гадатели единодушно решили, что все беды и опасности, возвещенные жертвователю, должны пасть на того, кто завладел жертвенными внутренностями; и так оно и случилось. Накануне морского сражения за Сицилию, когда он гулял по берегу, из моря выбросилась рыба и упала к его ногам; а при Акции, когда он уже шел начинать бой, ему встретился погонщик с ослом, и погонщика звали *Удачник*, а осла — *Победитель:* им обоим поставил он после победы медную статую в святилище, устроенном на месте его лагеря.

97. Смерть его, к рассказу о которой я перехожу, и посмертное его обожествление также были предсказаны самыми несомненными предзнаменованиями. Когда он перед толпою народа совершал пятилетнее жертвоприношение на Марсовом поле, над ним появился орел, сделал несколько кругов, опустился на соседний храм и сел на первую букву имени Агриппы; заметив это, он велел своему коллеге Тиберию произнести обычные обеты на новое пятилетие, уже приготовленные и записанные им на табличках, а о себе заявил, что не возьмет на себя то, чего уже не исполнит. (2) Около того же времени от удара молнии расплавилась первая буква имени под статуей; и ему было объявлено, что после этого он проживет только сто дней, так как буква С означает именно это число, и что затем он будет причтен к богам, так как AESAR, осталь-

ная часть имени Цезаря, на этрусском языке означает «бог».

(3) Он собирался отправить Тиберия в Иллирик и сопровождать его до Беневента, но жалобщики удерживали его все новыми и новыми судебными делами. Тогда он воскликнул, что даже если все будет против него, в Риме он больше не останется. Потом эти слова тоже сочли предзнаменованием. Пустившись в путь, он доехал до Астуры, а оттуда, вопреки своему обыкновению, отплыл ночью, чтобы воспользоваться попутным ветром. От этого его прослабило: так началась его последняя болезнь.

98. Миновав берега Кампании и ближние острова, он четыре дня провел в своей вилле на Капри. Глубокое душевное спокойствие клонило его к отдыху и к мирным развлечениям. (2) Проезжая гавань Путеол, он встретил только что прибывший александрийский корабль; моряки и путешественники, в белых одеждах, в лавровых венках, с курениями в руках, приветствовали его добрыми пожеланиями и осыпали высочайшими хвалами: в нем вся их жизнь, в нем весь их путь, в нем их свобода и богатство. Безмерно этим польщенный, он подарил своим спутникам по сорока золотых, с каждого взяв клятвенное обещание потратить эти деньги только на покупку александрийских товаров. (3) Да и во все остальные дни он без конца раздавал разные подарки — например тоги и греческие плащи, с тем условием, чтобы римляне одевались и говорили по-гречески, а греки — по-римски. Подолгу смотрел он на упражнения эфебов, которых по старому обычаю много было на Капри; для них он устроил угощение в своем присутствии, и не только позволял, но даже побуждал их вольно шутить и расхватывать плоды, закуски и все, что он бросал в их толпу. Словом, никакое увеселение не было ему чуждо. (4) Соседний дом на Капри он назвал Апрагополем, потому что поселившиеся там его спутники проводили время в праздности. Одного из своих любимцев, Масгабу, он величал *Основателем*, как будто это он основал Апрагополь. Этот Масгаба умер годом раньше. Увидев однажды из обеденной комнаты, что вокруг его могилы толпится народ с факелами, он вслух произнес стих, тут же сочиненный:

Горят огни над прахом Основателя.

Обратясь к Фрасиллу, спутнику Тиберия, который лежал за столом против него и не знал, в чем дело, он спросил, из какого поэта, по его мнению, этот стих? Тот замялся; тогда Август добавил:

Ты видишь: в честь Масгабы пышут факелы! —

и повторил вопрос. А когда тот только и мог ответить, что стихи прекрасны, чьи бы они ни были, он расхохотался и стал осыпать его шутками.

(5) Вскоре он переехал в Неаполь, хотя желудок его еще не оправился от перемежающихся приступов болезни. Тем не менее он посетил гимнастические состязания, учрежденные в его честь, и проводил Тиберия до условленного места; но на обратном пути болезнь усилилась, в Ноле он слег, а Тиберия вернул с дороги. С ним он долго говорил наедине, и после этого уже не занимался никакими важными делами.

99. В свой последний день он все время спрашивал, нет ли в городе беспорядков из-за него. Попросив зеркало, он велел причесать ему волосы и поправить отвисшую челюсть. Вошедших друзей он спросил, как им кажется, хорошо ли он сыграл комедию жизни? И произнес заключительные строки:

Коль хорошо сыграли мы, похлопайте
И проводите добрым нас напутствием.

Затем он всех отпустил. В это время кто-то только что прибыл из Рима; он стал расспрашивать о дочери Друза, которая была больна, и тут внезапно испустил дух на руках у Ливии, со словами: «Ливия, помни, как жили мы вместе! Живи и прощай!»

Смерть ему выпала легкая, какой он всегда желал. (2) В самом деле, всякий раз, как он слышал, что кто-то умер быстро и без мучений, он молился о такой же *доброй смерти* для себя и для своих — так он выражался. До самого последнего вздоха только один раз выказал он признаки помрачения, когда вдруг испугался и стал жаловаться, что его тащат куда-то сорок молодцов. Но и это было не столько помрачение, сколько предчувствие, потому что именно сорок воинов-преторианцев вынесли потом его тело к народу.

100. Скончался он в той же спальне, что и его отец Октавий, в консульство двух Секстов, Помпея и Апу-

лея, в четырнадцатый день до сентябрьских календ, в девятом часу дня, не дожив тридцати пяти дней до полных семидесяти шести лет.

(2) Тело его от Нолы до Бовилл несли декурионы муниципиев и колоний. Шли они по ночам из-за жаркого времени, а днем оставляли тело в базилике или в главном храме каждого городка. В Бовиллах его всем сословием приняли всадники, внесли в столицу и поместили в сенях его дома. Сенаторы соперничали между собой, ревностно изыскивая, как пышнее устроить его похороны и прославить его память. В числе других почестей некоторые предлагали, чтобы шествие следовало через триумфальные ворота, впереди несли статую Победы из здания сената, а заплачку пели мальчики и девочки из лучших семейств; другие — чтобы в день похорон вместо золотых колец все надели железные; третьи — чтобы прах его собирали жрецы высочайших коллегий. (3) Кто-то убеждал перенести название августа на сентябрь, потому что в августе он умер, а в сентябре родился; другой предлагал все время от его рождения до кончины именовать веком Августа и под этим названием занести в летописи. Однако в принятых почестях мера все же была соблюдена. Похвальные речи ему говорились дважды: Тиберием — перед храмом Божественного Юлия и сыном Тиберия — Друзом — перед старой ростральной трибуной. Сенаторы на своих плечах отнесли его на Марсово поле и там предали сожжению. (4) Нашелся и человек преторского звания, клятвенно заявивший, что видел, как образ сожженного воспарил к небесам. Самые видные всадники, в одних туниках, без пояса, босиком, собрали его останки и положили в мавзолей. Это здание между Фламиниевой дорогой и берегом Тибра выстроил сам Август в свое шестое консульство и тогда же отдал в пользование народу окрестные рощи и места для прогулок.

101. Завещание его, составленное в консульство Луция Планка и Гая Силия, в третий день до апрельских нон, за год и четыре месяца до кончины, записанное в двух тетрадях частью его собственной рукой, частью его вольноотпущенниками Полибом и Гиларионом, хранилось у весталок и было ими представлено вместе

с тремя свитками, запечатанными таким же образом. Все это было вскрыто и оглашено в сенате. (2) Наследниками в первой степени он назначил Тиберия в размере двух третей и Ливию в размере одной трети; им он завещал принять и его имя. Во второй степени он назначил наследниками Друза, сына Тиберия, в размере одной трети, и Германика с его тремя детьми мужского пола — в остальной части; в третьей степени были поименованы многие родственники и друзья. Римскому народу отказал он сорок миллионов сестерциев, трибам — три с половиной миллиона, преторианцам — по тысяче каждому, городским когортам — по пятисот, легионерам — по триста: эти деньги он велел выплатить единовременно, так как они были у него заранее собраны и отложены. (3) Остальные подарки, размером до двадцати тысяч сестерциев, были назначены разным лицам и должны были быть выплачены через год; в извинение он ссылался на то, что состояние его невелико и что даже его наследникам останется не больше полутораста миллионов; правда, за последние двадцать лет он получил от друзей по завещаниям около тысячи четырехсот миллионов, но почти все эти деньги вместе с другими наследствами и двумя отцовскими имениями он израсходовал на благо государства. Обеих Юлий, дочь свою и внучку, если с ними что случится, он запретил хоронить в своей усыпальнице. (4) Из трех свитков в первом содержались распоряжения о погребении; во втором — список его деяний, который он завещал вырезать на медных досках у входа в мавзолей, в третьем — книга государственных дел: сколько где воинов под знаменами, сколько денег в государственном казначействе, в императорской казне и в податных недоимках; поименно были указаны все рабы и отпущенники, с которых можно было потребовать отчет.

КНИГА ВОСЬМАЯ

ДОМИЦИАН

1. ДОМИЦИАН родился в десятый день до ноябрьских календ, когда отец его был назначенным консулом и должен был в следующем месяце вступить в должность; дом, где он родился, на Гранатовой улице в шестом квартале столицы, был им потом обращен в храм рода Флавиев. Детство и раннюю молодость провел он, говорят, в нищете и пороке: в доме их не было ни одного серебряного сосуда, а бывший претор Клодий Поллион, на которого Нероном написано стихотворение «Одноглазый», хранил и изредка показывал собственноручную записку Домициана, где тот обещал ему свою ночь; некоторые вдобавок утверждали, что его любовником был и Нерва, будущий его преемник.

(2) Во время войны с Вителлием он вместе с дядей своим Сабином и отрядом верных им войск укрывался на Капитолии; когда ворвались враги и загорелся храм, он тайно переночевал у привратника, а поутру в одежде служителя Исиды, среди жрецов различных суеверий, с одним лишь спутником ускользнул на другой берег Тибра к матери какого-то своего товарища по учению, и там он спрятался так хорошо, что преследователи, гнавшиеся по пятам, не могли его найти. (3) Только после победы он вышел к людям и был провозглашен цезарем.

Он принял должность городского претора с консульской властью, но лишь по имени, так как все судопроизводство уступил своему ближайшему коллеге; однако всей властью своего положения он уже тогда пользовался с таким произволом, что видно было, каков он станет в будущем. Не вдаваясь в подробности, достаточно сказать, что у многих он отбивал жен, а на Домиции Лепиде даже женился, хоть она и была уже замужем за Элием Ламией, и что в один день он роз-

дал двадцать должностей в столице и в провинциях, так что Веспасиан даже говаривал, что удивительно, как это сын и ему не прислал преемника. **2.** Затеял он даже поход в Галлию и Германию, без всякой нужды и наперекор отцовским советникам, только затем, чтобы сравняться с братом влиянием и саном.

За все это он получил выговор и совет получше помнить о своем возрасте и положении. Поэтому жил он при отце, и во время выходов его несли в носилках за качалкой отца и брата, а во время иудейского триумфа он сопровождал их на белом коне. Поэтому же из шести его консульств только одно было очередным, да и то уступил ему и просил за него брат. (2) Он и сам изумительно притворялся человеком скромным и необыкновенным любителем поэзии, которой до того он совсем не занимался, а после того с презрением забросил: однако в это время он устраивал даже открытые чтения. Тем не менее, когда парфянский царь Вологез попросил у Веспасиана помощи против аланов с одним из его сыновей во главе, Домициан приложил все старания, чтобы послали именно его; а так как из этого ничего не вышло, он стал подарками и обещаниями побуждать к такой же просьбе других восточных царей.

(3) После смерти отца он долго колебался, не предложить ли ему войскам двойные подарки. Впоследствии он не стеснялся утверждать, что отец его оставил сонаследником власти, и завещание его было подделано, а против брата не переставал строить козни явно и тайно. Во время тяжелой болезни брата, когда тот еще не испустил дух, он уже велел всем покинуть его как мертвого, а когда тот умер, он не оказал ему никаких почестей, кроме обожествления, и часто даже задевал его косвенным образом в своих речах и эдиктах.

3. В первое время своего правления он каждый день запирался один на несколько часов и занимался тем, что ловил мух и протыкал их острым грифелем. Поэтому, когда кто-то спросил, нет ли кого с Цезарем, Вибий Крисп метко ответил: «Нет даже и мухи». Жена его Домиция во второе его консульство родила ему сына, который умер на другой год его правления. Он дал жене имя Августы, но развелся с ней, когда она запятнала себя любовью к актеру Парису; однако разлуки

с нею он не вытерпел и, спустя недолгое время, якобы по требованию народа, снова взял ее к себе.

(2) Его управление государством некоторое время было неровным: достоинства и пороки смешивались в нем поровну, пока, наконец, сами достоинства не превратились в пороки — можно думать, что вопреки его природе жадным его сделала бедность, а жестоким — страх.

4. Зрелища он устраивал постоянно, роскошные и великолепные, и не только в амфитеатре, но и в цирке. Здесь, кроме обычных состязаний колесниц четверкой и парой, он представил два сражения, пешее и конное, а в амфитеатре еще и морское. Травли и гладиаторские бои показывал он даже ночью при факелах, и участвовали в них не только мужчины, но и женщины. На квесторских играх, когда-то вышедших из обычая и теперь возобновленных, он всегда присутствовал сам и позволял народу требовать еще две пары гладиаторов из его собственного училища: они выходили последними и в придворном наряде. (2) На всех гладиаторских зрелищах у ног его стоял мальчик в красном и с удивительно маленькой головкой; с ним он болтал охотно и не только в шутку: слышали, как император его спрашивал, знает ли он, почему при последнем распределении должностей наместником Египта был назначен Меттий Руф? Показывал он и морские сражения, и сам на них смотрел, невзирая на сильный ливень: в них участвовали почти настоящие флотилии, и для них был выкопан и окружен постройками новый пруд поблизости от Тибра.

(3) Он отпраздновал и столетние игры, отсчитав срок не от последнего торжества при Клавдии, а от прежнего, при Августе; на этом празднестве в день цирковых состязаний он устроил сто заездов и, чтобы это удалось, сократил каждый с семи кругов до пяти. (4) Учредил он и пятилетнее состязание в честь Юпитера Капитолийского; оно было тройное — музыкальное, конное и гимнастическое — и наград на нем было больше, чем теперь: здесь состязались и в речах по-латыни и по-гречески, здесь кроме кифаредов выступали и кифаристы, в одиночку и в хорах, а в беге участвовали даже девушки. Распоряжался на состязаниях он сам, в сандалиях и в пурпурной тоге на греческий

лад, а на голове золотой венец с изображениями Юпитера, Юноны и Минервы; рядом сидели жрец Юпитера и жрецы Флавиев в таком же одеянии, но у них в венцах было еще изображение самого императора. Справлял он каждый год и Квинкватрии в честь Минервы в Альбанском поместье: для этого он учредил коллегию жрецов, из которой по жребию выбирались распорядители и устраивали великолепные травли, театральные представления и состязания ораторов и поэтов.

(5) Денежные раздачи для народа, по триста сестерциев каждому, он устраивал три раза. Кроме того, во время зрелищ на празднике Семи холмов он устроил щедрое угощение — сенаторам и всадникам были розданы большие корзины с кушаньями, плебеям — поменьше, и император первый начал угощаться. А на следующий день в театре он бросал народу всяческие подарки: и так как большая часть их попала на плебейские места, то для сенаторов и всадников он обещал раздать еще по пятидесяти тессер на каждую полосу мест.

5. Множество великолепных построек он восстановил после пожара, в том числе и Капитолий, сгоревший во второй раз; но на всех надписях он поставил только свое имя, без всякого упоминания о прежних строителях. Новыми его постройками были храм Юпитера-Охранителя на Капитолии и форум, который носит теперь имя Нервы, а также храм рода Флавиев, стадион, одеон и пруд для морских битв — тот самый, из камней которого был потом отстроен Большой Цирк, когда обе стены его сгорели.

6. Походы предпринимал он отчасти по собственному желанию, отчасти по необходимости: по собственному желанию — против хаттов, по необходимости — один поход против сарматов, которые уничтожили его легион с легатом, и два похода против дакийцев, которые в первый раз разбили консуляра Оппия Сабина, а во второй раз начальника преторианцев Корнелия Фуска, предводителя в войне против них. После переменных сражений он справил двойной триумф над хаттами и дакийцами, а за победу над сарматами только поднес лавровый венок Юпитеру Капитолийскому.

(2) Междоусобная война, которую поднял против него Луций Антоний, наместник Верхней Германии, закончилась еще в его отсутствие, и удивительно счастливо: как раз во время сражения внезапно тронулся лед на Рейне и остановил подходившие к Антонию полчища варваров. Об этой победе он узнал по знаменьям раньше, чем от гонцов: в самый день сражения огромный орел слетел в Риме на его статую и охватил ее крыльями с радостным клекотом; а весть о гибели Антония распространилась так быстро, что многие уверяли, будто сами видели, как несли в Рим его голову.

7. В общественных местах он также завел много нового: отменил раздачу съестного, восстановив настоящие застольные угощения; к четырем прежним цветам цирковых возниц прибавил два новых, золотой и пурпуровый; запретил актерам выступать на сцене, но разрешил показывать свое искусство в частных домах; запретил холостить мальчиков, а на тех евнухов, которые оставались у работорговцев, понизил цены. (2) Однажды по редкому изобилию вина при недороде хлеба он заключил, что из-за усиленной заботы о виноградниках остаются заброшенными пашни, и издал эдикт, чтобы в Италии виноградные посадки более не расширялись, а в провинциях даже были сокращены по крайней мере наполовину; впрочем, на выполнении этого эдикта он не настаивал. Некоторые важнейшие должности он передал вольноотпущенникам и всадничеству. (3) Запретил он соединять два легиона в одном лагере и принимать на хранение от каждого солдата больше тысячи сестерциев: дело в том, что Луций Антоний затеял переворот как раз на стоянке двух легионов и, по-видимому, главным образом надеялся именно на обилие солдатских сбережений. А жалованье солдатам он увеличил на четверть, прибавив им по три золотых в год.

8. Суд он правил усердно и прилежно, часто даже вне очереди, на форуме, с судейского места. Пристрастные приговоры центумвиров он отменял; рекуператоров не раз призывал не поддаваться ложным притязаниям рабов на свободу; судей, уличенных в подкупе, увольнял вместе со всеми советниками. (2) Он же предложил народным трибунам привлечь к суду за вымогательство одного запятнавшего себя эдила, а су-

дей для него попросить от сената. Столичных магистратов и провинциальных наместников он держал в узде так крепко, что никогда они не были честнее и справедливее; а между тем после его смерти многие из них на наших глазах попали под суд за всевозможные преступления.

(3) Приняв на себя попечение о нравах, он положил конец своеволию в театрах, где зрители без разбора занимали всаднические места; ходившие по рукам сочинения с порочащими нападками на именитых мужчин и женщин он уничтожил, а сочинителей наказал бесчестием; одного бывшего квестора за страсть к лицедейству и пляске он исключил из сената; дурным женщинам запретил пользоваться носилками и принимать по завещаниям подарки и наследства; римского всадника он вычеркнул из списка судей за то, что он, прогнав жену за прелюбодеяние, снова вступил с ней в брак; несколько лиц из всех сословий были осуждены по Скантиниеву закону. Весталок, нарушивших обет девственности,— что даже отец его и брат оставляли без внимания,— он наказывал на разный лад, но со всей суровостью: сперва смертной казнью, потом по древнему обычаю. (4) А именно сестрам Окулатам и потом Варронилле он приказал самим выбрать себе смерть, а любовников их сослал; но Корнелию, старшую весталку, однажды уже оправданную и теперь, много спустя, вновь уличенную и осужденную, он приказал похоронить заживо, а любовников ее до смерти засечь розгами на комиции — только одному, бывшему претору, позволил он уйти в изгнание, так как тот сам признал свою вину, когда дело было еще не решено, а допросы и пытки ничего не показали. (5) Не оставил он безнаказанными и преступлений против святынь: гробницу, которую один его вольноотпущенник построил для сына из камней, предназначенных для храма Юпитера Капитолийского, он разрушил руками солдат, а кости и останки, что были в ней, бросил в море.

9. В начале правления всякое кровопролитие было ему ненавистно: еще до возвращения отца он хотел эдиктом запретить приношение в жертву быков, так как вспомнил стих Вергилия:

Как нечестивый народ стал быков закалать себе в пищу...

Не было в нем и никаких признаков алчности или скупости, как до его прихода к власти, так и некоторое время позже: напротив, многое показывало, и не раз, его бескорыстие и даже великодушие. (2) Ко всем своим близким относился он с отменной щедростью и горячо просил их только об одном: не быть мелочными. Наследств он не принимал, если у завещателя были дети. Даже в завещании Русция Цепиона он отменил ту статью, которая предписывала наследнику ежегодно выдавать известное количество денег каждому сенатору, впервые вступающему в сенат. Всех, кто числился должниками государственного казначейства дольше пяти лет, он освободил от суда, и возобновлять эти дела дозволил не раньше, чем через год, и с тем условием, чтобы обвинитель, не доказавший обвинения, отправлялся в ссылку. (3) Казначейским писцам, которые, как водилось, занимались торговлей вопреки Клодиеву закону, он объявил прощение за прошлое. Участки, остававшиеся кое-где незанятыми после раздела полей между ветеранами, он уступил в пользование прежним владельцам. Ложные доносы в пользу казны он пресек, сурово наказав клеветников,— передавали даже его слова: «Правитель, который не наказывает доносчиков, тем самым их поощряет».

10. Однако такому милосердию и бескорыстию он оставался верен недолго. При этом жестокость обнаружил он раньше, чем алчность. Ученика пантомима Париса, еще безусого и тяжело больного, он убил, потому что лицом и искусством тот напоминал учителя. Гермогена Тарсийского за некоторые намеки в его «Истории» он тоже убил, а писцов, которые ее переписывали, велел распять. Отца семейства, который сказал, что гладиатор-фракиец не уступит противнику, а уступит распорядителю игр, он приказал вытащить на арену и бросить собакам, выставив надпись: «Щитоносец — за дерзкий язык».

(2) Многих сенаторов, и среди них нескольких консуляров, он отправил на смерть: в том числе Цивику Цереала — когда тот управлял Азией, а Сальвидиена Орфита и Ацилия Глабриона — в изгнание. Эти были казнены по обвинению в подготовке мятежа, остальные же — под самыми пустяковыми предлогами. Так, Элия Ламию он казнил за давние и безобидные шут-

ки, хотя и двусмысленные: когда Домициан увел его жену, Ламия сказал человеку, похвалившему его голос: «Это из-за воздержания!», а когда Тит советовал ему жениться вторично, он спросил: *«Ты тоже ищешь жену?»* (3) Сальвий Кокцеян погиб за то, что отмечал день рождения императора Отона, своего дяди; Меттий Помпузиан — за то, что про него говорили, будто он имел императорский гороскоп и носил с собою чертеж всей земли на пергаменте и речи царей и вождей из Тита Ливия, а двух своих рабов назвал Магоном и Ганнибалом; Саллюстий Лукулл, легат в Британии, — за то, что копья нового образца он позволил называть «Лукулловыми»; Юний Рустик — за то, что издал похвальные слова Тразее Пету и Гельвидию Приску, назвав их мужами непорочной честности; по случаю этого обвинения из Рима и Италии были изгнаны все философы. (4) Казнил он и Гельвидия Младшего, заподозрив, что в исходе одной трагедии он в лицах Париса и Эноны изобразил развод его с женою; казнил и Флавия Сабина, своего двоюродного брата, за то, что в день консульских выборов глашатай по ошибке объявил его народу не будущим консулом, а будущим императором.

(5) После междоусобной войны свирепость его усилилась еще более. Чтобы выпытывать у противников имена скрывающихся сообщников, он придумал новую пытку: прижигал им срамные члены, а некоторым отрубал руки. Как известно, из видных заговорщиков помилованы были только двое, трибун сенаторского звания и центурион: стараясь доказать свою невиновность, они притворились порочными развратниками, презираемыми за это и войском и полководцем.

11. Свирепость его была не только безмерной, но к тому же изощренной и коварной. Управителя, которого он распял на кресте, накануне он пригласил к себе в опочивальню, усадил на ложе рядом с собой, отпустил успокоенным и довольным, одарив даже угощеньем со своего стола. Арреция Клемента, бывшего консула, близкого своего друга и соглядатая, он казнил смертью, но перед этим был к нему милостив не меньше, если не больше, чем обычно, и в последний его день, прогуливаясь с ним вместе и глядя на доносчика, его погубившего, сказал: «Хочешь завтра мы по-

слушаем этого негодного раба?» (2) А чтобы больнее оскорбить людское терпение, все свои самые суровые приговоры начинал он заявлением о своем милосердии, и чем мягче было начало, тем вернее был жестокий конец. Нескольких человек, обвиненных в оскорблении величества, он представил на суд сената, объявив, что хочет на этот раз проверить, очень ли его любят сенаторы. Без труда он дождался, чтобы их осудили на казнь по обычаю предков, но затем, устрашенный жестокостью наказания, решил унять негодование такими словами — нелишним будет привести их в точности: «Позвольте мне, отцы сенаторы, во имя вашей любви ко мне, попросить у вас милости, добиться которой, я знаю, будет нелегко: пусть дано будет осужденным самим избрать себе смерть, дабы вы могли избавить глаза от страшного зрелища, а люди поняли, что в сенате присутствовал и я».

12. Истощив казну издержками на постройки, на зрелища, на повышенное жалованье солдатам, он попытался было умерить хотя бы военные расходы, сократив количество войска, но убедился, что этим только открывает себя нападениям варваров, а из денежных трудностей не выходит; и тогда без раздумья он бросился обогащаться любыми средствами. Имущества живых и мертвых захватывал он повсюду, с помощью каких угодно обвинений и обвинителей: довольно было заподозрить любое слово или дело против императорского величества. (2) Наследства он присваивал самые дальние, если хоть один человек объявлял, будто умерший при нем говорил, что хочет сделать наследником цезаря. С особой суровостью по сравнению с другими взыскивался иудейский налог: им облагались и те, кто открыто вел иудейский образ жизни, и те, кто скрывал свое происхождение, уклоняясь от наложенной на это племя дани. Я помню, как в ранней юности при мне в многолюдном судилище прокуратор осматривал девяностолетнего старика, не обрезан ли он.

(3) Скромностью он не отличался с молодых лет, был самоуверен и груб на словах и в поступках. Когда Ценида, наложница его отца, воротясь из Истрии, хотела его поцеловать, как обычно, он подставил ей руку; а рассердившись, что зять его брата тоже одевает слуг в белое, он воскликнул:

13. А достигнув власти, он беззастенчиво хвалился в сенате, что это он доставил власть отцу и брату, а они лишь вернули ее ему; принимая к себе жену после развода, он объявил в эдикте, что вновь возводит ее на священное ложе; а в амфитеатре в день всенародного угощения с удовольствием слушал клики: «Государю и государыне слава!» Даже на Капитолийском состязании, когда Пальфурий Сура, изгнанный им из сената, получил венок за красноречие, и все вокруг с небывалым единодушием умоляли вернуть его в сенат, он не удостоил их ответом и только через глашатая приказал им смолкнуть. (2) С не меньшей гордыней он начал однажды правительственное письмо от имени прокураторов такими словами: «Государь наш и бог повелевает...» — и с этих пор повелось называть его и в письменных и в устных обращениях только так. Статуи в свою честь он дозволял ставить на Палатине только золотые и серебряные, и сам назначал их вес. Ворота и арки, украшенные колесницами и триумфальными отличиями, он строил по всем кварталам города в таком множестве, что на одной из них появилась греческая надпись: *«Довольно!»* (3) Консулом он был семнадцать раз, как никто до него, в том числе семь раз подряд, год за годом; но все эти консульства были только званием, обычно он оставался в должности только до январских ид и никогда дольше майских календ. А после двух триумфов он принял прозвище Германика и переименовал по своим прозвищам месяцы сентябрь и октябрь в германик и домициан, так как в одном из этих месяцев он родился, а в другом стал императором.

14. Снискав всем этим всеобщую ненависть и ужас, он погиб, наконец, от заговора ближайших друзей и вольноотпущенников, о котором знала и его жена. Год, день и даже час и род своей смерти давно уже не были для него тайной: еще в ранней молодости все это ему предсказали халдеи, и когда однажды за обедом он отказался от грибов, отец его даже посмеялся при всех, что сын забыл о своей судьбе и боится иного больше, чем меча. (2) Поэтому жил он в вечном страхе и трепете, и самые ничтожные подозрения повергали его в несказанное волнение. Даже эдикт о вырубке ви-

ноградников он, говорят, не привел в исполнение только потому, что по рукам пошли подметные письма с такими стихами:

Как ты, козел, ни грызи виноградник, вина еще хватит
Вдоволь напиться, когда в жертву тебя принесут.

(3) Тот же страх заставил его, великого охотника до всяческих почестей, отвергнуть новое измышление сената, когда постановлено было, чтобы в каждое его консульство среди ликторов и посыльных его сопровождали римские всадники во всаднических тогах и с боевыми копьями.

(4) С приближением грозящего срока он день ото дня становился все более мнительным. В портиках, где он обычно гулял, он отделал стены блестящим лунным камнем, чтобы видеть по отражению все, что делается у него за спиной. Многих заключенных он допрашивал только сам и наедине, держа своими руками их цепи. Чтобы дать понять домочадцам, что даже с добрым намереньем преступно поднимать руку на патрона, он предал смертной казни Эпафродита, своего советника по делам прошений, так как думали, что это он своею рукою помог всеми покинутому Нерону покончить с собой. **15.** Наконец, он убил по самому ничтожному подозрению своего двоюродного брата Флавия Клемента чуть ли не во время его консульства, хотя человек это был ничтожный и ленивый, и хотя его маленьких сыновей он сам открыто прочил в свои наследники, переименовав одного из них в Веспасиана, а другого в Домициана. Именно этим он больше всего ускорил свою гибель.

(2) Уже восемь месяцев подряд в Риме столько видели молний и о стольких слышали рассказы, что он, наконец, воскликнул: «Пусть же разит, кого хочет!» Молнии ударяли в Капитолий, в храм рода Флавиев, в Палатинский дворец и его собственную спальню, буря сорвала надпись с подножия его триумфальной статуи и отбросила к соседнему памятнику, дерево, которое было опрокинуто и выпрямилось еще до прихода Веспасиана к власти, теперь внезапно рухнуло вновь. Пренестинская Фортуна, к которой он во все свое правление обращался каждый новый год и которая всякий раз давала ему один и тот же добрый от-

вет, дала теперь самый мрачный, вещавший даже о крови. (3) Минерва, которую он суеверно чтил, возвестила ему во сне, что покидает свое святилище и больше не в силах оберегать императора: Юпитер отнял у нее оружие. Но более всего потрясло его пророчество и участь астролога Асклетариона. На него донесли, что он своим искусством предугадывает и разглашает будущее, и он не отрицал; а на вопрос, как же умрет он сам, он ответил, что скоро его растерзают собаки. Домициан приказал тотчас его умертвить, но для изобличения лживости его искусства похоронить с величайшей заботливостью. Так и было сделано; но внезапно налетела буря, разметала костер, и обгорелый труп разорвали собаки; а проходивший мимо актер Латин приметил это и вместе с другими дневными новостями рассказал за обедом императору.

16. Накануне гибели ему подали грибы; он велел оставить их на завтра, добавив: «Если мне суждено их съесть»; и, обернувшись к окружающим, пояснил, что на следующий день Луна обагрится кровью в знаке Водолея и случится нечто такое, о чем будут говорить по всему миру. Около полуночи он вдруг вскочил с постели в страшном испуге. Наутро к нему привели германского гадателя, который на вопрос о молнии предсказал перемену власти; император выслушал его и приговорил к смерти. (2) Почесывая лоб, он царапнул по нарыву, брызнула кровь: «Если бы этим и кончилось!» — проговорил он. Потом он спросил, который час; был пятый, которого он боялся, но ему нарочно сказали, что шестой. Обрадовавшись, что опасность миновала, он поспешил было в баню, но спальник Парфений остановил его, сообщив, что какой-то человек хочет спешно сказать ему что-то важное. Тогда, отпустивши всех, он вошел в спальню и там был убит.

17. О том, как убийство было задумано и выполнено, рассказывают так. Заговорщики еще колебались, когда и как на него напасть — в бане или за обедом; наконец, им предложил совет и помощь Стефан, управляющий Домициллы, который в это время был под судом за растрату. Во избежание подозрения он притворился, будто у него болит левая рука, и несколько

дней подряд обматывал ее шерстью и повязками, а к назначенному часу спрятал в них кинжал. Обещав раскрыть заговор, он был допущен к императору; и пока тот в недоумении читал его записку, он нанес ему удар в пах. (2) Раненый пытался сопротивляться, но корникуларий Клодиан, вольноотпущенник Парфения Максим, декурион спальников Сатур и кто-то из гладиаторов набросились на него и добили семью ударами. При убийстве присутствовал мальчик-раб, обычно служивший спальным ларам: он рассказывал, что при первом ударе Домициан ему крикнул подать из-под подушки кинжал и позвать рабов, но под изголовьем лежали только пустые ножны, и все двери оказались на запоре; а тем временем император, сцепившись со Стефаном, долго боролся с ним на земле, стараясь то вырвать у него кинжал, то выцарапать ему глаза окровавленными пальцами.

(3) Погиб он в четырнадцатый день до октябрьских календ, на сорок пятом году жизни и пятнадцатом году власти. Тело его на дешевых носилках вынесли могильщики. Филлида, его кормилица, предала его сожжению в своей усадьбе по Латинской дороге, а останки его тайно принесла в храм рода Флавиев и смешала с останками Юлии, дочери Тита, которую тоже выкормила она.

18. Росту он был высокого, лицо скромное, с ярким румянцем, глаза большие, но слегка близорукие. Во всем его теле были красота и достоинство, особенно в молодые годы, если не считать того, что пальцы на ногах были кривые; но впоследствии лысина, выпяченный живот и тощие ноги, исхудавшие от долгой болезни, обезобразили его. (2) Он чувствовал, что скромное выражение лица ему благоприятствует, и однажды даже похвастался в сенате: «До сих пор, по крайней мере, вам не приходилось жаловаться на мой вид и нрав...» Зато лысина доставляла ему много горя, и если кого-нибудь другого в насмешку или в обиду попрекали плешью, он считал это оскорблением себе. Он издал даже книжку об уходе за волосами, посвятив ее другу, и в утешение ему и себе вставил в нее такое рассуждение:

 «Видишь, каков я и сам и красив и величествен видом? —

А ведь мои волосы постигла та же судьба! Но я стойко терплю, что кудрям моим суждена старость еще в молодости. Верь мне, что ничего нет пленительней красоты, но ничего нет и недолговечней ее».

19. Утомлять себя он не любил: недаром он избегал ходить по городу пешком, а в походах и поездках редко ехал на коне, и чаще в носилках. С тяжелым оружием он вовсе не имел дела, зато стрельбу из лука очень любил. Многие видели не раз, как в своем Альбанском поместье он поражал из лука по сотне зверей разной породы, причем некоторым нарочно метил в голову так, чтобы две стрелы, вонзившись, торчали, как рога. А иногда он приказывал мальчику стать поодаль и подставить вместо цели правую ладонь, раздвинув пальцы, и стрелы его летели так метко, что пролетали между пальцами, не задев.

20. Благородными искусствами он в начале правления пренебрегал. Правда, когда при пожаре погибли библиотеки, он не жалел денег на их восстановление, собирал списки книг отовсюду и посылал в Александрию людей для переписки и сверки. Однако ни знакомства с историей или поэзией, ни простой заботы о хорошем слоге он не обнаруживал никогда: кроме записок и указов Тиберия Цезаря, не читал он ничего, а послания, речи и эдикты составлял с чужой помощью. Однако речь его не лишена была изящества, и некоторые его замечания даже запомнились. Так, он говорил: «Я хотел бы стать таким красивым, каким Меций сам себе кажется!» Чью-то голову, где росли вперемежку волосы седые и рыжие, он назвал: снег с медом. **21.** Правителям, говорил он, живется хуже всего: когда они обнаруживают заговоры, им не верят, покуда их не убьют.

На досуге он всегда забавлялся игрою в кости, даже в будни и по утрам купался он среди дня, и за дневным завтраком наедался так, что за обедом ничего не брал в рот, кроме матианского яблока и вина из бутылочки. Пиры он устраивал частые и богатые, но недолгие: кончал он их всегда засветло и не затягивал попойками. Вместо этого он потом до отхода ко сну прогуливался в одиночестве.

22. Сладострастием он отличался безмерным. Свои ежедневные соития называл он *«постельной борьбой»*,

словно это было упражнение; говорили, будто он сам выщипывает волосы у своих наложниц и возится с самыми непотребными проститутками. Когда Тит предлагал ему в жены свою дочь, еще девушкою, он упорно отказывался, ссылаясь на свой брак с Домицией, но когда вскоре ее выдали за другого, он первый обольстил ее, еще при жизни Тита; а потом, после кончины ее отца и мужа, он любил ее пылко и не таясь, и даже стал виновником ее смерти, заставив вытравить плод, который она от него понесла.

23. К умерщвлению его народ остался равнодушным, но войско негодовало: солдаты пытались тотчас провозгласить его божественным, и готовы были мстить за него, но у них не нашлось предводителей; отомстили они немного спустя, решительно потребовав на расправу виновников убийства. Сенаторы, напротив, были в таком ликовании, что наперебой сбежались в курию, безудержно поносили убитого самыми оскорбительными и злобными возгласами, велели втащить лестницы и сорвать у себя на глазах императорские щиты и изображения, чтобы разбить их оземь, и даже постановили стереть надписи с его именем и уничтожить всякую память о нем.

За несколько месяцев до его гибели ворон на Капитолии выговорил: *«все будет хорошо!»* — и нашлись люди, которые истолковали это знаменье так:

> «Будет ужо хорошо!» — прокаркал с Тарпейской вершины
> Ворон,— не мог он сказать: «Вам и сейчас хорошо».

Говорят, и сам Домициан видел во сне, будто на спине у него вырос золотой горб, и не сомневался, что это обещает государству после его смерти счастье и благополучие. Так оно вскоре и оказалось, благодаря умеренности и справедливости последующих правителей.

Приложение

АППИАН

ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

1. МЕЖДУ римским народом и сенатом часто происходили взаимные распри по вопросам законодательства, отмены долговых обязательств, раздела общественной земли, выбора магистратов. Однако это не было в строгом смысле слова гражданские войны, которые доходили бы до применения насильственных действий. Дело шло лишь о разногласиях и пререканиях, которые протекали в рамках закона и улаживались, при соблюдении большого почтения к спорящим сторонам, путем взаимных уступок. В свое время вооруженный народ, затеявший такую распрю, не воспользовался бывшим в его руках оружием, а удалился на гору, получившую с тех пор наименование «Священной». Но и тогда он не дошел до насильственных действий. Народ лишь учредил магистратуру, призванную защищать его права, и назвал носителей ее трибунами. Они должны были по преимуществу противодействовать избираемым сенатом консулам, чтобы государственная власть не сосредоточилась всецело в их руках. С этих-то именно пор взаимоотношения между отдельными магистратами и стали особенно враждебными и влекли за собою соперничество. Сенат и народ как бы разделились на две партии, из которых каждая стремилась властвовать над другой своим превосходством. Во время этих раздоров Марций Кориолан, будучи противозаконно изгнан, бежал к вольскам и пошел войною против родины.

2. Таким образом, среди давних распрей был только один этот случай вооруженного столкновения, и оно поднято было перебежчиком. В других случаях меч еще не был поднят в народном собрании, не была пролита кровь граждан. Так дело продолжалось до тех пор, пока Тиберий Гракх, народный трибун, внесший свои законопроекты, первый погиб во время народно-

го волнения, причем были перебиты около храма на Капитолии многие его сторонники. После этого гнусного дела волнения уже не прекращались, причем всякий раз враждующие партии открыто поднимались одна против другой. Часто пускались в ход кинжалы, и то одно, то другое из должностных лиц в промежутках между волнениями находило себе смерть либо в храмах, либо в народном собрании, либо на форуме, и этими жертвами были то народные трибуны, то преторы, то консулы, то лица, добивавшиеся этих должностей, а то и просто люди, бывшие на виду. Все время, за исключением коротких промежутков, царила беззастенчивая наглость, постыдное пренебрежение к законам и праву. Зло росло все больше и больше; происходили открытые покушения на существующий государственный порядок, большие насильственные вооруженные действия против отечества со стороны лиц, подвергшихся изгнанию или осуждению по суду или соперничающих друг с другом из-за какой-либо должности, гражданской или военной. Во многих местах стали образовываться уже олигархические правительства с руководителями партий во главе, так как одни из враждующих не желали распускать врученные им народные войска, а другие по своему почину, без согласия на то государства, набирали войска из чужеземцев. Лишь только одной партии удавалось овладеть Римом, другая партия начинала борьбу — на словах против бунтовщиков, на деле же против родины. Они вторгались в родную страну, словно в неприятельскую, безжалостно уничтожали всех тех, кто становился им поперек дороги, других подвергали проскрипциям, изгнанию, конфискации имущества, а некоторых и тяжким пыткам.

3. Безобразия не прекратились до тех пор, пока пятьдесят приблизительно лет спустя после Гракха один из руководителей партии, Корнелий Сулла, желая уврачевать одно зло другим, не объявил себя единодержавным правителем на очень продолжительное время. Таких единодержавных правителей называли диктаторами, их назначали только при самых тяжелых обстоятельствах на шесть месяцев; однако давно уже этот порядок пришел в забвение. Сулла, действовавший силой и принуждением, на словах избранный

на определенный срок, на деле оказался пожизненным диктатором. И все же, насытившись властью, Сулла первый, как мне кажется, имел смелость добровольно сложить с себя тираническую власть, причем еще заметил, что он даже готов отчет в своей деятельности дать всякому, кто имеет к нему какие-либо претензии. На виду у всех Сулла как частный человек в течение долгого времени ходил на форум и возвращался с него домой, не испытав какого-либо ущерба. Таков был еще страх перед его властью у всех, кто его видел: или все были поражены его отставкой, или преклонялись перед его готовностью дать отчет о своей деятельности, или просто относились к нему человеколюбиво, или считали, наконец, что его тирания послужила на пользу. Как бы то ни было, партийные волнения при Сулле на короткое время прекратились, и уже это служило как бы воздаянием за причиненные им бедствия.

4. После Суллы снова разгорелись волнения и продолжались до тех пор, пока Гай Цезарь, пользовавшийся в течение долгого времени неограниченной властью по избранию народа, не получил от сената, находясь в Галлии, приказания сложить власть. Цезарь принес по этому поводу жалобу на сенат. Он стал обвинять Помпея, своего личного врага, командовавшего военными силами в Италии; он говорил, что Помпей строил козни против него, что он хочет лишить его власти. Цезарь предлагал одно из двух: или оба они, и Цезарь и Помпей, должны иметь свои армии для личной защиты от враждебных друг против друга действий, или же и Помпей также должен распустить свою армию и стать, по закону, частным человеком так же, как и он, Цезарь. Так как ни то, ни другое предложение Цезаря не встретило сочувствия, он повел свои войска из Галлии в Италию против Помпея. Итак, Цезарь вторгся в Италию. Помпей бежал, Цезарь его преследовал, одержал над ним в Фессалии большую, блестящую победу и, когда Помпей искал спасения в бегстве в Египет, пустился за ним в погоню. После того Помпей был убит египтянами, а Цезарь вернулся в Рим, устроив дела в Египте, где он оставался до тех пор, пока не поставил в Египте царя. Самого сильного партийного противника, прозванного за свои военные подвиги «Великим», Цезарь побеждал преимуществен-

но в открытой борьбе, и когда Помпей был уничтожен, никто уже не осмеливался ни в чем противоречить Цезарю, который и избран был — это было во второй раз после Суллы — пожизненным диктатором. Снова затихли все междоусобные распри, до тех пор пока Брут и Кассий, завидовавшие чрезвычайной власти Цезаря и желавшие вернуть исконный политический строй, не убили в сенате Цезаря, который был настроен вполне демократически и приобрел большую опытность в управлении. Народ очень горячо оплакивал его смерть; по всему городу искали убийц Цезаря, тело его похоронили в центре форума и над погребальным кострищем построили храм. Цезарю еще и теперь приносят жертвы как богу.

5. После смерти Цезаря снова начались большие междоусобные распри. Они все возрастали и возрастали и достигли чрезвычайных размеров. Происходили убийства, изгнания, проскрипции, осуждавшие на смерть сенаторов и так называемых всадников, и совершалось все это большей частью одновременно обеими партиями. Их руководители выдавали противников друг другу и при этом не давали пощады ни братьям, ни друзьям, до такой степени стремление одолеть противника одерживало верх над личными симпатиями. В конце концов дело дошло до того, что власть над Римом, как если бы она была частной собственностью, разделили между собой трое мужей: Антоний, Лепид и тот, кто раньше носил имя Октавий и приходился родственником Цезарю. По завещанию Цезаря Октавий был им усыновлен, и вследствие этого он был переименован в Цезаря. При дележе власти, как то и естественно, эти трое мужей вскоре же столкнулись между собой. Цезарь, превосходивший Антония и Лепида умом и опытностью, сначала отнял у последнего Африку, полученную им по жребию в управление, а затем после битвы при Акциуме лишил и Антония власти, простиравшейся на территорию от Сирии до Ионийского моря. Вслед за этими величайшими успехами, повергнувшими всех в смятение, Цезарь направился в Египет и захватил его; Египет от Александра (Великого) и до этого времени оставался дольше всех могущественнейшим государством, и обладания им до того времени не хватало римлянам. За

такие подвиги Цезарь первый стал в глазах римлян священным и получил от них еще при жизни прозвище Август. Сам Август, подобно Гаю Цезарю, хотя он был еще могущественнее последнего, был лишь правителем своего отечества и всех подвластных ему народов, причем вовсе не нуждался ни в выборах, ни в голосовании, ни в придуманном предлоге. После продолжительного правления, в течение которого Август обладал вполне окрепшей властью, был к тому же счастлив во всем и внушал к себе страх, он оставил наследника и преемника, пользовавшегося той же властью, что и он.

6. Так, после разнообразных междоусобных распрей римское государство объединилось под монархической властью. Как это произошло, я здесь сопоставил и изложил. И все это достойно удивления для всякого, кто желает наблюдать за безмерным честолюбием людей, за их страшным властолюбием, за неисчерпаемой настойчивостью, за бесчисленными и разнообразными бедствиями. Я счел необходимым предпослать все это изложению истории Египта, потому что последняя начинается и кончается борьбою Антония и Августа. Ведь Египет был завоеван во время этой борьбы, так как Клеопатра состояла в союзе с Антонием. Вследствие обилия материала пришлось провести подразделение его так, что сначала излагаются события от Семпрония Гракха до Суллы, затем от Суллы до смерти Гая Цезаря. В остальных книгах «Гражданских войн» рассказывается, что предпринимали триумвиры друг против друга и против римлян, вплоть до последней и самой значительной междоусобной распри, закончившейся битвой при Акциуме, которая была одновременно битвой Цезаря против Антония и против Клеопатры. Эта битва и послужит началом истории Египта.

7. Римляне, завоевывая по частям Италию, получали тем самым в свое распоряжение часть завоеванной земли и основывали на ней города или отбирали города, уже ранее существовавшие, для посылки в них колонистов из своей среды. Эти колонии они рассматривали как укрепленные пункты. В завоеванной земле они всякий раз выделенную часть ее тотчас или разделяли между поселенцами, или продавали, или сдавали в аренду, невозделанную же вследствие войн часть

земли, количество которой сильно возрастало, они не имели уже времени распределять на участки, а от имени государства предлагали возделывать ее всем желающим на условиях сдачи ежегодного урожая в таком размере: одну десятую часть посева, одну пятую насаждений. Определена была также плата и за пастбища для крупного и мелкого скота. Римляне делали все это с целью увеличения численности италийского племени, на которое они смотрели как на племя в высокой степени трудолюбивое, чтобы иметь в своей стране союзников. Но результат получился противоположный. Дело в том, что богатые, захватив себе бóльшую часть не разделенной на участки земли, с течением времени пришли к уверенности, что никто ее никогда у них не отнимет. Расположенные поблизости от принадлежащих им участков небольшие участки бедняков богатые отчасти скупали с их согласия, отчасти отнимали силою. Таким образом богатые стали возделывать обширные пространства земли на равнинах вместо участков, входивших в состав их поместий. При этом богатые пользовались покупными рабами как рабочей силой в качестве земледельцев и пастухов с тем, чтобы не отвлекать земледельческими работами свободнорожденных от несения военной службы. К тому же обладание рабами приносило богатым большую выгоду: у свободных от военной службы рабов беспрепятственно увеличивалось потомство. Все это приводило к чрезмерному обогащению богатых, а вместе с тем и увеличению в стране числа рабов. Напротив, число италийцев уменьшалось, они теряли энергию, так как их угнетали бедность, налоги, военная служба. Если даже они и бывали свободны от нее, все же они продолжали оставаться бездеятельными: ведь землею владели богатые, для земледельческих же работ они пользовались рабами, а не свободнорожденными. **8.** С неудовольствием смотрел на все это народ. Он боялся, что Италия не даст ему уже больше союзников в достаточном числе, да и создавшееся положение станет опасным из-за такой массы рабов. Как исправить это положение, народ не мог придумать. Оно было и тяжело и не во всех отношениях справедливо: нельзя же было такое количество людей, владевших столь долго своим достоянием, лишить принадлежавших им

насаждений, строений, всего оборудования. Некогда, по предложению, внесенному народными трибунами, народ, скрепя сердце, постановил, что никто не может владеть из общественной земли более чем 500 югеров и занимать пастбища более чем 100 югеров для крупного скота и 500 для мелкого. Для наблюдения за исполнением этого наказа назначено было определенное число лиц из свободнорожденных, которые должны были доносить о нарушении изданного постановления. Они принесли присягу, что будут верно соблюдать постановление, ставшее законом, определили наказание за его нарушение, имея в виду остальную землю распродать между бедняками небольшими участками. Но на деле оказалось, что они вовсе не заботились о соблюдении ни закона, ни клятвы. А те из них, которые, казалось, заботились, распределили, для отвода глаз, землю между своими домочадцами; большинство же относилось к соблюдению закона пренебрежительно.

9. Так продолжалось дело до тех пор, пока Тиберий Семпроний Гракх, человек знатного происхождения, очень честолюбивый, превосходный оратор, благодаря всем этим качествам очень хорошо всем известный, став народным трибуном, произнес пышную речь. Он говорил об италийском племени, о его чрезвычайной доблести, о его родственных отношениях к римлянам, о том, как это племя мало-помалу очутилось в бедственном положении, уменьшилось количественно и теперь не имеет никакой надежды поправить свое положение. С негодованием говорил Гракх о массе рабов, непригодных для военной службы, всегда неверной по отношению к своим соседям. Он напомнил о том, как незадолго до того в Сицилии господа пострадали от рабов, сильно увеличившихся в своем числе из-за нужды в рабских руках для земледельческих работ; как трудно и долго римлянам пришлось бороться с этими рабами; как затянулась эта борьба и сколько разнообразных и опасных перипетий она имела.

После своей речи Тиберий возобновил действие закона, в силу которого никто не должен был иметь более 500 югеров общественной земли. К этому закону Тиберий внес еще добавление, что сыновьям полагалось иметь половину указанного количества югеров.

Всю остальную землю должны распределить между бедными трое выборных лиц, сменяющихся ежегодно.

10. Последнее всего более досаждало богатым. Они не имели уже теперь возможности, как раньше, относиться с пренебрежением к закону, так как для раздела земли назначены были особые магистраты, да и покупка участков у владельцев прошла теперь мимо них. Гракх предусмотрительно запретил продавать землю. Часть богатых объединялась, выражала свои сетования, указывала бедным на сделанные прежними владельцами в давние еще времена насаждения, на возведенные ими постройки. Некоторые из них говорили: мы заплатили за наши участки господам; неужели мы должны лишиться вместе с этою землей и уплаченных денег? Другие указывали: на этой земле могилы наших отцов; поэтому имеющиеся у нас наделы являются наследственными. Третьи указывали на то, что на приобретение своих участков они израсходовали женино приданое, что свои земли они дали в приданое своим дочерям. Заимодавцы ссылались на долговые обязательства, связанные с землей; некоторые указывали, что земля их принадлежит кредиторам по долговым обязательствам. В общем стоял стон и негодование. С своей стороны бедные жаловались на то, что из людей, обладавших достатком, они обратились в крайних бедняков; что вследствие этого жены их бесплодны, что они не могут кормить своих детей, что их положение стало невыносимым. Они перечисляли все походы, совершенные ими за обладание своими участками, и негодовали, что они должны будут лишиться участия в общественном достоянии. Вместе с тем бедные поносили тех, кто вместо них, свободнорожденных граждан-воинов, брал на работы рабов, людей, не заслуживающих доверия, всегда враждебно настроенных и вследствие этого непригодных для несения военной службы. В то время как и богатые и бедные плакались и упрекали друг друга, появилась еще другая толпа народа, проживавшего в колониях или муниципиях или как-либо иначе имевшая свою долю в общественной земле. Теперь они тоже были в страхе за свои участки и присоединялись кто к богатым, кто к бедным. И у тех и у других, опиравшихся на свое многолюдство, настроение стало накаленным. В пла-

менных, не знающих границ волнениях, все ожидали исхода голосования законопроекта Тиберия. Одни не соглашались ни в коем случае допустить его утверждение, другие стояли за его утверждение во что бы то ни стало. Между богатыми, не допускавшими утверждения законопроекта, и бедными, добивавшимися его, неизбежно возникали распри. К назначенному для обсуждения законопроекта дню и богатые и бедные приготовили свои силы.

11. Цель Гракха заключалась не в том, чтобы создать благополучие бедных, но в том, чтобы в лице их получить для государства боеспособную силу. Воодушевленный главным образом тою большою и существенною пользою, которую достижение его цели могло принести Италии, Гракх не думал о трудности своего предприятия. Перед предстоявшим голосованием он произнес длинную, содержащую много заманчивого речь. В ней он поставил, между прочим, вопрос: разве было бы справедливо общественное достояние разделить между всеми? Разве гражданин такой же человек, что и раб? Разве воин не более полезен, чем человек несражающийся? Разве участник в общественном достоянии не будет радеть более об интересах государства? Оставив дальнейшие сравнения, как приносящие мало славы делу, Гракх перешел затем к тем надеждам, которые питает отечество, к страхам, которые его волнуют. Римляне, говорил он, завоевали бóльшую часть земли и владеют ею; они надеются подчинить себе и остальную часть; в настоящее время перед ними встает решающий вопрос: приобретут ли они остальную землю благодаря увеличению числа боеспособных людей, или же и то, чем они владеют, враги отнимут у них вследствие их слабости и зависти. Напирая на то, какая слава и какое благополучие ожидают римлян в первом случае, какие опасности и ужасы предстоят им во втором, Гракх увещевал богатых поразмыслить об этом и отдать добровольно, коль скоро это является необходимым, эту землю, ради будущих надежд, тем, кто воспитывает государству детей; не терять из виду большого, споря о малом. К тому же они получили уже достаточное вознаграждение за понесенные ими труды по обработке земли; каждый из них получает в вечное владение, законом под-

твержденное, бесплатно 500 югеров отличной земли, а дети их, у кого они есть, каждый половину этого количества. Своею длинною, такого содержания речью Гракх вызвал возбуждение неимущих и всех прочих, кто руководствовался бы скорее доводами разума, нежели жаждою приобретения, а затем приказал секретарю огласить свой законопроект.

12. Другого народного трибуна, Марка Октавия, крупные землевладельцы настроили на то, чтобы воспрепятствовать проведению законопроекта Тиберия. Так как у римлян тот трибун, который налагал на что-либо свое veto, обладал в данном случае бо́льшими полномочиями, то Октавий и запретил секретарю огласить законопроект. Гракх ограничился на этот раз упреками по адресу Октавия и перенес голосование на следующее народное собрание; при этом он поставил около себя значительный отряд стражи на тот случай, чтобы, если Октавий будет опять выступать против голосования, принудить его силой согласиться допустить его. Тиберий, угрожая секретарю, приказал ему огласить законопроект народу. Секретарь приступил к чтению, но вследствие veto со стороны Октавия замолчал. Между трибунами началась перебранка, народ сильно шумел. Тогда оптиматы предложили трибунам передать на рассмотрение сената пункты их разногласия. Гракх ухватился за это предложение. Рассчитывая, что его законопроект встретит одобрение со стороны всех благомыслящих людей, он устремился к курии. Там, в небольшом кругу, богачи стали издеваться над ним. Тогда Гракх снова побежал на форум, где и заявил, что в следующее народное собрание он предложит на голосование и свой законопроект и вопрос о полномочиях Октавия: должен ли трибун, действующий не в интересах народа, продолжать оставаться в своей должности. Так Тиберий и поступил. Когда Октавий снова смело ополчился на него, Гракх сначала поставил на голосование вопрос о нем. Когда первая триба высказалась за отрешение Октавия от должности, Гракх, обратившись к нему, стал упрашивать переменить свое мнение о законопроекте. Так как Октавий отказался, Тиберий собрал голоса остальных триб. Их было тогда 35. Семнадцать первых триб высказались с гневом против предложения Тиберия,

и восемнадцатая триба должна была решить все дело. Гракх снова, на виду у всего народа, стал горячо умолять Октавия, попавшего в критическое положение, не мешать делу, столь священному, столь полезному для всей Италии, не уничтожать столь великого рвения народа, для которого он, Октавий, по званию трибуна, если бы желал, то должен был бы сделать еще кое-какие уступки; для Октавия же в случае осуждения его будет далеко не безразлично лишиться своей должности. С этими словами Гракх, призвав богов в свидетели, что он против воли подвергает своего товарища бесчестию, ожидающему его, коль скоро он не мог убедить его, продолжал голосование. И Октавий, тотчас же после того как голосование оказалось против него, стал частным человеком и незаметно скрылся. Вместо него трибуном был избран Квинт Муммий.

13. Итак, аграрный закон был утвержден. Для раздела земли были избраны: Гракх, автор законопроекта, одноименный брат его и тесть автора законопроекта, Аппий Клавдий. Народ все еще сильно опасался, что закон не будет приведен в исполнение, если Гракх со всей своей фамилией не положит начало осуществлению закона. А он, гордясь проведенным законом, был сопровождаем до дома народом, смотревшим на него как на устроителя не одного какого-либо города, не одного племени, но всех народов Италии. После этого одержавшие верх в собрании разошлись по своим землям, откуда они пришли для проведения закона; потерпевшие же поражение продолжали питать недовольство и говорить: не обрадуется Гракх, когда он сам станет частным человеком, Гракх, надругавшийся над священною и неприкосновенною должностью народного трибуна, Гракх, давший такой толчок к распрям в Италии.

14. Между тем наступило уже лето, когда должны были происходить выборы народных трибунов на предстоящий год. По мере приближения выборов становилось совершенно ясно, что богатые приложили все усилия к тому, чтобы провести в народные трибуны лиц, наиболее враждебно настроенных к Гракху. Он же, предвидя угрожавшую ему опасность и боясь, что не попадет в трибуны на следующий год, стал созывать на предстоявшее голосование поселян. Послед-

ние были заняты, так как время было летнее. Гракх, будучи стеснен коротким сроком, назначенным для производства выборов, обратился к плебеям, проживавшим в городе и, по частям обходя их, просил избрать его трибуном на предстоящий год, указывая, что из-за защиты их интересов ему грозит опасность. При голосовании две первые трибы подали голоса за Гракха. Тогда оптиматы стали указывать на то, что двоекратное, без перерыва, исправление должности одним и тем же лицом противозаконно. Так как трибун Рубрий, получивший по жребию председательство в избирательном народном собрании, колебался, как ему поступить, то Муммий, избранный трибуном на место Октавия, приказал Рубрию передать председательство в собрании ему, Муммию. Тот согласился, но остальные трибуны требовали, чтобы жребий был брошен снова, кому председательствовать: коль скоро Рубрий, избранный по жребию в председатели, отпадает, жеребьевка должна быть произведена вновь между всеми трибунами. По поводу всего этого произошли также большие споры. Гракх, боясь не получить большинства голосов в свою пользу, перенес голосование на следующий день. Отчаявшись во всем деле, он хотя и продолжал еще оставаться в должности, надел траурную одежду, ходил остальную часть дня по форуму со своим сыном, останавливался с ним около отдельных лиц, поручал его их попечению, так как самому ему суждено очень скоро погибнуть от своих недругов.

15. Тогда бедные начали очень горевать. С одной стороны, они думали о самих себе: не придется им впредь пользоваться одинаковыми правами с прочими гражданами, но предстоит им насильственно быть в рабстве у богатых. С другой стороны, думали они и о Гракхе, который боится теперь за себя и который столько вытерпел из-за них. Вечером бедные пошли провожать с плачем Гракха до его дома, убеждали его смело встретить грядущий день. Гракх ободрился, собрал еще ночью своих приверженцев, дал им пароль на случай, если дело дойдет до драки, и захватил храм на Капитолии, где должно было происходить голосование, а также центр того места, где собиралось народное собрание. Выведенный из себя трибунами,

не позволявшими ставить на голосование его кандидатуру, Гракх дал условленный пароль. Внезапно поднялся крик среди его приверженцев, и с этого момента пошла рукопашная. Часть приверженцев Гракха охраняла его как своего рода телохранители, другие, подпоясав свои тоги, вырвали из рук прислужников жезлы и палки, разломали их на части и стали выгонять богатых из собрания. Поднялось такое смятение, нанесено было столько ран, что даже трибуны в страхе оставили свои места, а жрецы заперли храмы. В свою очередь многие бросились в беспорядке искать спасения в бегстве, причем стали распространяться недостоверные слухи, будто Гракх отрешил от должности всех остальных трибунов; такое предположение создалось на основании того, что трибунов не было видно, или что сам Гракх назначил себя, без голосования, трибуном на ближайший год. **16.** В это время сенат собрался в храме богини Верности. Меня удивляет следующее обстоятельство: столько раз в подобных же опасных случаях сенат спасал положение дела предоставлением одному лицу диктаторских полномочий, тогда же никому и в голову не пришло назначить диктатора; большинство ни тогда, ни позже даже не вспомнило об этом испытанном средстве, оказавшемся очень полезным в прежние времена. Сенат с принятым им решением отправился на Капитолий. Шествие возглавлял Корнелий Сципион Назика, верховный понтифик. Он громко кричал: «Кто хочет спасти отечество, пусть следует за мною». При этом Назика накинул на свою голову край тоги, для того ли, чтобы этою приметою привлечь большинство следовать за ним, или чтобы видели, что этим самым он как бы надел на себя шлем в знак предстоящей войны, или, наконец, чтобы скрыть от богов то, что он собирался сделать. Вступив в храм, Назика наткнулся на приверженцев Гракха; последние уступили ему дорогу из уважения к лицу, занимавшему такой видный пост, а также и потому, что они заметили сенаторов, следующих за Назикой. Последние стали вырывать из рук приверженцев Гракха куски дерева, скамейки и другие предметы, которыми они запаслись, собираясь идти в народное собрание, били ими приверженцев Гракха, преследовали их и сталкивали с обрывов Капитолия

вниз. Во время этого смятения погибли многие из приверженцев Гракха. Сам он, оттесненный к храму, был убит около дверей его, у статуй царей. Трупы всех погибших были брошены ночью в Тибр.

17. Так убит был на Капитолии, состоя еще в звании трибуна, Гракх, сын Гракха, бывшего два раза консулом, и Корнелии, дочери Сципиона, лишившего карфагенян их военного превосходства. Гракха погубил составленный им превосходный план, потому что Гракх для осуществления его прибег к насильственным мерам. Гнусное дело, случившееся в первый раз в народном собрании, потом неоднократно повторялось от времени до времени и применялось к другим подобным Гракху лицам. А из-за убийства Гракха Рим поделился надвое: одна часть печалилась, другая радовалась. Одни сожалели о себе, сожалели о Гракхе, сожалели о том положении, в каком находилось государство, где не было больше законного правления, но где господствовали кулачное право и насилие. Зато другие полагали, что они достигли исполнения всех своих желаний. Все эти события происходили в то время, когда Аристоник вел в Малой Азии борьбу с римлянами из-за власти.

18. После убийства Гракха и смерти Аппия Клавдия для раздела земли в противовес младшему Гракху были поставлены Фульвий Флакк и Папирий Карбон. Так как крупные собственники не торопились записывать за себя приходившиеся на их долю участки, то триумвиры для раздела земли стали привлекать их к судебной ответственности. В скором времени началось много сложных судебных процессов. Дело в том, что все другие, соседившие с наделом земли в том случае, если они были проданы или поделены между совладельцами, должны были подвергнуться обследованию, чтобы соблюсти установленную меру надела, а именно — нужно было установить, как земля была продана и как она была поделена. Между тем далеко не у всех сохранились заключенные при продаже и покупке договорные документы, касающиеся раздела на участки. То же, что и можно было отыскать, возбуждало сомнения. При новом обмере земли одни должны были переселяться с участков, засаженных садовыми культурами, покрытых строениями, на участ-

ки, лишенные растительности; другие — из участков обработанных на необработанные, либо на болота, на глинистую почву. Так как владельцы жили на участках, полученных в результате завоевания, то они и не могли точно указать свой первоначальный участок. Равным образом и государственное объявление — всякий желающий может обрабатывать не подвергшуюся разделу землю — побуждало многих обрабатывавших соседние участки придавать участкам одинаковый вид. К тому же и время изменило вид участков. Таким образом, несправедливые действия богатых, хотя они были и значительны, с трудом могли быть доказаны. В результате сдвинулись со своих участков все те, кто из прежних своих владений был снят и переселен в чужие.

19. Италийцы, не желая примириться со всем этим, равно как и с нажимом, который делали на них судьи, просили защитить их от чинимых им несправедливостей Корнелия Сципиона, разрушившего Карфаген. Сципион, которому в свое время оказали большую помощь италийцы во время его военных походов, не решился оставить без внимания их просьбы. Выступив в сенате, Сципион не стал порицать закон Гракха, очевидно, не желая раздражать народ, но, убедившись в трудности проведения закона в жизнь, он просил поручить разбирать спорные вопросы не тем, кто производил раздел земли, так как тяжущиеся относились к ним с подозрением, но передать это дело другим лицам. Своими доводами, казавшимися справедливыми, он вполне убедил сенат. Право судебного разбирательства было предоставлено тогдашнему консулу Тудитану. Занявшись этим делом и увидев всю его трудность, Тудитан отправился в поход в Иллирию и свой отъезд выставил как предлог избавиться от судебных разбирательств. Производившие раздел земли бездействовали, так как никто не обращался к ним за разрешением спорных вопросов. Все это послужило источником ненависти и негодования народа против Сципиона, которого народ ревниво любил, много боролся за него против оптиматов, вопреки закону два раза выбирал его консулом. Теперь народ видел, что Сципион противодействует народу в угоду италийцам. Враги Сципиона, заметив это, стали вопить: Сципион решил

совершенно аннулировать закон Гракха и собирается затем устроить вооруженную бойню. **20.** Народ, слыша все это, пришел в ужас. Между тем Сципион, вечером положивший около себя письменную дощечку, на которой ночью он собирался набросать речь, предназначенную им для произнесения в народном собрании, найден был мертвым без следов нанесения ран. Это было делом рук Корнелии, матери Гракха, с целью воспрепятствовать отмене проведенного им закона; она действовала в данном случае при помощи своей дочери Корнелии Семпронии, бывшей замужем за Сципионом; она была некрасива и бесплодна и не пользовалась его любовью, да и сама не любила его. По мнению некоторых, Сципион покончил самоубийством, чувствуя, что не будет в состоянии сдержать данные им обещания. Наконец, некоторые утверждали, будто рабы во время пытки заявили, что Сципиона задушили ночью иноземцы, проникшие к нему через помещение, находившееся в задней части того дома, где он жил; рабы добавляли, что они, узнав об этом, побоялись донести, так как народ был сердит еще на Сципиона и радовался его смерти.

Итак, умер Сципион, оказавший такие услуги упрочению римского могущества; он не был удостоен даже погребения на государственный счет. До такой степени минутное раздражение одержало верх над благодарностью за прежние его заслуги. И это обстоятельство, чрезвычайно важное само по себе, послужило как бы добавлением к распре, поднятой Гракхом.

21. Между тем владельцы земельных участков под различными предлогами все откладывали и откладывали на долгий срок раздел их. Некоторые предлагали даровать права римского гражданства всем союзникам, всего более сопротивлявшимся разделу земли. Италийцы с удовольствием приняли это предложение, предпочитая полям римское гражданство. Фульвий Флакк, консул и вместе с тем член комиссии по разделу земли, в особенности хлопотал за италийцев. Однако сенат был недоволен тем, что римские подданные получат одинаковые права с римскими гражданами. Таким образом, и эта попытка не имела успеха. А народ, до тех пор все еще надеявшийся получить землю, приходил в уныние. При таких обстоятельствах Гай

Гракх, младший брат Гракха, автора закона о разделе земли, бывший членом комиссии, которой поручено было это дело, охотно выставил свою кандидатуру в народные трибуны. В течение долгого времени Гай под влиянием неудачи, постигшей брата, оставался в бездействии. Но так как многие сенаторы относились к нему презрительно, он и выставил теперь свою кандидатуру в народные трибуны.

Блестяще избранный, Гракх тотчас же стал в оппозицию к сенату. Он провел постановление о ежемесячном распределении продовольственных денег из общественных сумм каждому плебею; ничего подобного до тех пор не было. Одним этим актом, в проведении которого он имел помощником Фульвия Флакка, Гай быстро добился расположения народа к себе и благодаря этому немедленно был избран трибуном и на следующий год.

Дело в том, что тем временем был утвержден такой закон: если при выборах народного трибуна недостает кандидата, народ должен избирать его из всех граждан.

22. Итак, Гай Гракх стал трибуном во второй раз. Подобно тому как раньше он подкупал народ, так теперь он склонил на свою сторону и так называемых всадников, занимавших по своему значению среднее положение между сенатом и плебеями. Воспользовался он при этом другим политическим маневром. Он передал суды, потерявшие свой престиж из-за допускавшегося в них взяточничества, от сенаторов всадникам. Первым он ставил в упрек преимущественно следующие, имевшие место незадолго до того случаи: Аврелий Котта, Салинатор и вслед за ним Маний Ацилий, завоевавший Малую Азию, несмотря на то, что они также были изобличены в явном взяточничестве, были, тем не менее, оправданы судьями, разбиравшими их дело. В Риме находились еще послы, выступавшие с обвинениями против указанных лиц и с горечью громогласно заявлявшие всем и каждому об их поступках. Сенат из-из большого стыда по поводу всего этого согласился на законопроект, предложенный Гаем, а народное собрание утвердило его. Таким образом суды перешли от сенаторов к всадникам. Говорят, Гай немедленно после того, как закон был принят, выра-

зился так: я одним ударом уничтожил сенат. Эти слова Гракха оправдались еще ярче позднее, когда реформа, произведенная Гракхом, стала осуществляться на практике. Ибо предоставление всадникам судейских полномочий над римлянами, всеми италийцами и самими сенаторами, полномочие карать их любыми мерами воздействия, денежными штрафами, лишением гражданских прав, изгнанием — все это вознесло всадников как магистратов над сенатом, а членов последнего сравняло со всадниками или даже поставило их в подчиненное положение. Как только всадники стали заодно с трибунами в вопросах голосования и в благодарность за это получили от трибунов все, чего бы они ни пожелали, сенаторам это начало внушать большие опасения. И скоро дело дошло до того, что самая основа государственного строя опрокинулась: сенат продолжал сохранять за собою лишь свой авторитет, вся же сила сосредоточилась в руках всадников. Продвигаясь в своем значении вперед, всадники не только стали заправлять всем в судах, но даже начали неприкрыто издеваться над сенаторами. Они переняли от последних свойственное им взяточничество и, получив вкус к наживе, еще более позорно и неумеренно пользовались возможностью служить ей. Против богатых всадники выдвигали подосланных обвинителей, процессы против взяточничества они совершенно отменили, столковавшись между собою или действуя друг против друга насилием. Обычай требовать отчет от должностных лиц вообще пришел в забвение, и судейский закон Гракха на долгое время повлек за собою распрю, не меньшую прежних.

23. Между тем Гракх стал проводить по Италии большие дороги, привлек на свою сторону массы подрядчиков и ремесленников, готовых исполнять все его приказания. Он вывел также много колоний. Латинов он побуждал требовать всех тех прав, какие имели римляне. Сенат не мог отказать в этом латинам под каким-либо благовидным предлогом, так как они были в родстве с римлянами. Остальным союзникам, не имевшим права голоса при выборах римских магистратов, Гай с этого времени даровал это право, чтобы иметь и их, при голосовании, на своей стороне. Взбешенный преимущественно этим сенат заставил консу-

лов обнародовать закон, что при предстоящем голосовании законопроекта Гая никто из не имеющих права голоса не может проживать в городе и приближаться к нему ближе 40 стадий. Другого трибуна, Ливия Друза, сенат убедил препятствовать проведению законопроектов Гракха, не объясняя народу причин, по которым он делает это. Такое право не объяснять причин дано было трибуну, выступавшему противником своего товарища по должности. Сенат дал полномочия Друзу, с целью задобрить народ, вывести 12 колоний. Это очень обрадовало народ, и он отнесся пренебрежительно к законопроекту Гракха.

24. Не добившись расположения к себе народа, Гракх отправился в Африку вместе с Фульвием Флакком, который после окончания своего консульства был избран для отправления туда. Послать же колонию в Африку было постановлено ввиду плодородия ее почвы. Основателями колонии были избраны Гай и Флакк с той целью, чтобы во время их отсутствия сенат хотя бы на короткое время мог заглушить нерасположение, питаемое к сенату народом. Гай и Флакк выбрали то место для основания колонии, где некогда стоял Карфаген, нисколько не считаясь с тем, что Сципион, когда разрушал его, произнес заклятие, по которому карфагенская территория должна была на веки вечные представлять собою пастбище для скота. Гай и Флакк записали в число колонистов 6000 человек, хотя в законе говорилось о меньшей цифре. Все это тоже делалось с целью расположить к себе народ. По возвращении в Рим они стали сзывать со всей Италии 6000 человек. В то время когда Гай и Флакк проектировали основание города в Африке, пришло известие что волки вытащили и разбросали пограничные столбы, поставленные Гракхом и Фульвием, и что авгуры истолковали это как дурное предзнаменование для будущей колонии. Сенат созвал народное собрание, в котором закон о ней должен был быть аннулирован. Гракх и Фульвий, потерпев и здесь неудачу, словно обезумевшие, стали утверждать, что сенат введен в обман рассказом о волках. Самые смелые из плебеев встали на их сторону и с кинжалами явились на Капитолий, где должно было заседать народное собрание по вопросу о колонии.

25. Когда народ уже собрался и Фульвий начал свою речь, Гракх, охраняемый стражей из числа своих приверженцев, поднялся на Капитолий; он был обеспокоен сознанием того, что совещание идет по необычному вопросу, поэтому он уклонился от участия в собрании и направился в портик, выжидая, что случится дальше. Находившегося в таком тревожном настроении Гракха увидел Антилл, плебей, совершавший жертвоприношение в портике, схватил его за руки и стал просить его пощадить родину; слышал ли о чем-либо Антилл, или подозревал что-нибудь, или что другое побудило его обратиться к Гракху, неизвестно. Гракх, пришедший в еще большее смущение и испугавшись, как если бы он уличен был в чем-нибудь, дико посмотрел на Антилла. Кто-то из присутствовавших при этом, хотя не было дано никакого ни сигнала, ни приказания, а только на основании дикого взгляда Гракха на Антилла вообразил, что уже пришла пора и, решив угодить чем-нибудь Гракху, первый принялся за дело: он извлек кинжал и поразил им Антилла. Поднялся крик, когда увидели его труп. Все бросились из храма в страхе пред такою бедою. Гракх, отправившись на форум, хотел там объяснить все случившееся. Но никто даже не остановился перед ним; все отступились от него как от человека, оскверненного убийством. Гракх и Флакк не знали, что делать. Они упустили удобный случай приступить к тому, о чем они решили говорить в собрании, и побежали к себе домой. Их сторонники собрались у них, а остальная толпа уже среди ночи, как если бы угрожала какая-нибудь беда, захватила форум. Консул Опимий, находившийся тогда в городе, дал приказ нескольким вооруженным лицам собраться рано утром на Капитолии и через глашатаев созвал туда сенат, а сам, выжидая, что произойдет дальше, находился в храме Диоскуров, расположенном в центре Капитолия. **26.** Так было дело. Сенат пригласил Гракха и Флакка покинуть их дома и явиться в сенат для оправдания. Но они, вооруженные, бежали на Авентинский холм, в надежде, что, если они его займут, сенат скорее вступит с ними в переговоры. Во время бегства они сзывали рабов, обещая им свободу, но никто их не слушал. Гракх и Флакк со своими приверженцами заняли храм Дианы и укрепи-

лись в нем, сына же Флакка, Квинта, послали к сенату с просьбой заключить перемирие с тем, чтобы дальше жить с сенатом в согласии. Сенат приказал Гракху и Флакку сложить оружие, явиться в сенат и объявить о своем желании, никаких же иных послов больше к сенату не посылать. Так как Квинт все-таки был отправлен вторично, то консул Опимий, руководствуясь ранее сделанным объявлением, приказал арестовать его, так как Квинт не имел уже больше полномочий посла, против же Гракха и его приверженцев Опимий отправил вооруженный отряд. Тогда Гракх бежал по свайному мосту на другую сторону Тибра, в рощу, в сопровождении одного только раба. Он подставил рабу свое горло, когда он ожидал, что будет схвачен. Флакк бежал в мастерскую одного своего знакомого. Преследовавшие, не зная дома, где Флакк скрылся, грозили сжечь дома по всей улице. Знакомый Флакка, принявший его к себе, не хотел донести на него, так как Флакк искал у него защиты, и приказал сделать это другому лицу. Флакк был тогда схвачен и убит. Головы Гракха и Флакка были принесены к Опимию, и последний дал принесшим столько золота, сколько весили головы. Народ бросился грабить их дома. Тех, кто принимал в этом участие, Опимий велел схватить, заключил в тюрьму и приказал их задушить. Квинту, сыну Флакка, Опимий предоставил умереть какою он захочет смертью. Затем Опимий совершил очищение города от скверны убийств. А сенат приказал Опимию воздвигнуть на форуме храм Согласия.

27. Так кончились смуты, связанные с выступлением второго Гракха. Его закон немного спустя был утвержден; владельцам спорных участков разрешено было продавать их, что со времени первого Гракха было запрещено. И немедленно богатые стали скупать участки у бедных, а иной раз под этим предлогом и насильно отнимали их. Положение бедных еще более ухудшилось, до тех пор пока народный трибун Спурий Торий внес законопроект, по которому земля не должна была более подлежать переделу, но принадлежать ее владельцам, которые обязаны были платить за нее народу налог, а получаемые с них деньги должны подлежать раздаче. Последнее несколько утешило неимущих, но пользы от этой меры, вследствие огромного их

количества, не получилось никакой. После того как Гракхов закон, наилучший и суливший наибольшую пользу, если бы он мог быть осуществлен, вследствие этих ухищрений был аннулирован, немного спустя другой трибун отменил и налог, взимаемый с земли, и народ вместе с тем лишился всего. Вследствие этого стал ощущаться еще больший недостаток в гражданах и в военной силе, доходов с земли стало поступать меньше, уменьшились и раздачи, и законы — 15 лет спустя после реформы Гракха — при разборе дел в судах перестали применяться.

28. В это же самое время консул Сципион приказал прекратить постройку театра, начатую Луцием Кассием и близившуюся уже к концу, или потому, что, по его мнению, театр этот после послужит началом междоусобных распрей другого рода, или потому, что он вообще считал вредным приучать римлян к эллинским развлечениям. Тогда же цензор Квинт Цецилий Метелл хотел сместить с занимаемых ими должностей сенатора Главкию и прежнего народного трибуна Апулея Сатурнина, обоих за их порочное поведение. Но Метелл не мог привести свое намерение в исполнение, так как его сотоварищ по должности не согласился поддержать его. Немного спустя Апулей, собираясь отомстить Метеллу, выставил свою кандидатуру в народные трибуны во второй раз, воспользовавшись тем, что Главкия был тогда претором и руководил голосованием при избрании народных трибунов. Однако трибуном был назначен Ноний, знатный человек, выступивший открыто против Апулея и поносивший Главкию. Апулей и Главкия, испугавшись, как бы Ноний как народный трибун не стал мстить им, подослали против него, когда он выходил из народного собрания, шумевшую толпу народа, которая убила его в какой-то гостинице, куда он убежал. Когда обнаружилось это ужасное, прискорбное дело, сторонники Главкии, еще до тех пор как успел собраться народ, ранним утром выбрали в трибуны Апулея. Вследствие того, что трибуном стал Апулей, о происшествии с Нонием перестали говорить, уличить же Апулея побаивались.

29. Апулей и Главкия подвергли изгнанию Метелла, после того как они склонили на свою сторону Гая Ма-

рия, тайного врага Метелла, исправлявшего тогда в шестой раз консульскую должность. Составленный ими тремя план действий сводился к следующему. По внесенному Апулеем законопроекту должна была быть разделена земля, которая теперь у римлян называется Галлия и которую занимали в свое время кимвры, кельтское племя. Их незадолго до того прогнал Марий, и самую землю, как уже не принадлежащую галлам, приобщил к Риму. К законопроекту было добавлено: если народ его утвердит, сенат в течение пяти дней должен под клятвою обязаться привести законопроект в исполнение; кто из сенаторов такой клятвы не даст, не может оставаться в сенате и должен уплатить в пользу народа 20 талантов. Всем этим имелось в виду отомстить тем, кто настроен был против Апулея, в том числе и Метеллу, который по своему настроению не мог согласиться дать упомянутую клятву. Таков был законопроект Апулея. Он назначил день для его рассмотрения, причем разослал гонцов с уведомлением об этом сельских жителей, на которых всего более рассчитывал, так как они служили в армии под командой Мария. Римский народ относился к законопроекту с неодобрением, потому что он направлен был на пользу италийцам.

30. В назначенный для обсуждения законопроекта день возникло волнение, причем те из трибунов, которые противодействовали его проведению и потому подвергались со стороны Апулея оскорблениям, сошли с ораторской трибуны. Городская чернь стала кричать, что во время заседания народного собрания был слышен гром, а вследствие этого у римлян нельзя было выносить никаких решений. Сторонники Апулея тем не менее насильственно продолжали заседание. Тогда горожане подпоясали свои плащи, схватили попавшиеся им под руку дубины и прогнали сельчан. Последние, в свою очередь, по призыву Апулея, бросились с дубинами же на горожан и насильственно провели законопроект. После того как он был утвержден, Марий как консул обратился к сенату с предложением подумать о соблюдении данной ими клятвы. Зная, что Метелл — человек твердый в своем мнении и стойкий в своих мыслях и словах, Марий с умыслом первый высказал свое мнение и заявил, что он лично ни-

когда по доброй воле такой клятвы не принесет. После того как и Метелл высказался в таком же смысле и все прочие одобрили его и Мария, последний закрыл заседание сената. Затем на пятый день — это, по законопроекту Апулея, был последний срок для принесения клятвы — Марий около девятого часа поспешно созвал сенат и объявил, что он боится народа, который очень ревностно относится к проведению законопроекта; впрочем, он нашел такое изворотливое средство: принести клятву повиноваться этому закону, когда он будет законом. Тогда ожидавшие его утверждения сельчане разойдутся по своим селам, а потом нетрудно уже будет доказать, что не может считаться законом тот законопроект, который утвержден, вопреки отеческим постановлениям, насильственно и под раскаты грома. **31.** После этих слов Марий не стал ожидать, чем дело кончится, и, в то время как от расставленной им ловушки и бесплодно потраченного времени все молчали в оцепенении, не дал им сроку обдумать все происшедшее и направился в храм Сатурна, где нужно было приносить клятву квесторам. Там Марий первый, а также его сторонники принесли клятву, принесли ее и все прочие, боясь каждый за самого себя. Один только Метелл не принес клятвы, но бесстрашно продолжал оставаться при своем первоначальном решении. На следующий день Апулей послал к Метеллу судебного пристава, который должен был удалить его из здания сената. Когда остальные трибуны стали его защищать, Главкия и Апулей бросились к сельчанам и начали говорить им, что не будет у них земли, не будет утвержден закон, если Метелл не будет изгнан. Тогда составили декрет об изгнании Метелла; консулы добавили к нему, что никто не должен допускать Метелла к пользованию ни огнем, ни водой, ни приютом, причем заранее назначили день, когда этот декрет должен подвергнуться обсуждению. Среди горожан поднялось страшное возмущение, и они стали все время сопровождать Метелла с кинжалами в руках. Метелл приветливо беседовал с ними, благодарил их за доброе к нему расположение, но сказал, что он не допустит, чтобы из-за него возникла какая-либо опасность для отечества. С этими словами Метелл и удалился из города. Апулей

утвердил декрет, а Марий распубликовал его содержание.

32. Так Метелл, человек, пользовавшийся наилучшей репутацией, отправился в изгнание, Апулей после этого стал в третий раз трибуном. Вместе с ним трибуном был какой-то беглый раб; таковым его считали, хотя он выдавал себя за сына старшего Гракха. При голосовании народ из расположения к Гракху был на стороне этого беглого раба. При ближайшем избрании консулов на одно место был избран без возражений Марк Антоний, а на другое претендовали вышеупомянутый Главкия и Меммий. Главкия и Апулей, опасаясь Меммия, пользовавшегося очень большою известностью, подослали к нему в день самых выборов каких-то людей с дубинами, которые избили его до смерти на виду у всех присутствующих. Народное собрание, приведенное этим в большое возмущение, было распущено, попраны были все законы, все судебные приговоры, забыт был всякий стыд. На следующий день народ сбежался в негодовании и гневе, чтобы покончить с Апулеем. Но Апулей собрал вокруг себя другую толпу народа из сельчан и вместе с Главкией и Гаем Сауфеем, квестором, захватил Капитолий. Сенат приговорил их к смертной казни, а Марий, как ему ни неприятно было это, должен был, правда с проволочкой, собрать кое-какую вооруженную силу. В то время как он медлил, был перерезан водопровод, шедший в храм Сатурна. Сауфей, погибавший от жажды, хотел поджечь храм. Главкия же и Апулей, понадеявшиеся, что их выручит Марий, сдались, сначала они, а за ними и Сауфей. Марий, в то время как все требовали немедленно же их казнить, заключил их в здании сената, чтобы, как он говорил, расправиться с ними, придерживаясь закона. Но народ, считая все это только уловкой, разобрал черепицу с крыши здания и бросал ее в сторонников Апулея до тех пор, пока не убил его самого, квестора, трибуна и претора, в то время когда все они еще были облечены знаками своей власти. **33.** При этом волнении погибло и много другого народа, в том числе и второй трибун, тот, который считался сыном Гракха и который в тот день впервые исполнял свою трибунскую должность. Дело дошло до того, что никого уже больше не могли защитить ни свобода, ни демократический строй, ни законы, ни ав-

торитет власти; поэтому и должность трибуна, священная и неприкосновенная, учрежденная для противодействия преступлениям и для охраны народа, подвергала насилию и испытывала его. После того как убиты были Апулей и его приверженцы, со стороны сената и народного собрания раздавались громкие голоса, требовавшие возвращения Метелла. Однако народный трибун Публий Фурий, бывший сыном не свободного гражданина, а вольноотпущенника, упорно сопротивлялся этому и остался непреклонен, не взирая на то, что его, в присутствии народа, со слезами и земными поклонами умолял Метелл, сын Метелла. За это он прозван был впоследствии благочестивым. В следующем году трибун Гай Капулей привлек Фурия по этому делу к суду, и народ, не выслушав его оправдания, растерзал его. Таким образом, ежегодно на форуме совершалось преступление. Теперь Метеллу даровано было разрешение вернуться, и, по рассказам, ему не хватило дня, чтобы принять у ворот поздравления лиц, его встречавших. Дело Апулея, после обоих Гракхов, доставившее римлянам столько хлопот, является третьим эпизодом в истории гражданских войн.

34. При таком положении вещей началась так называемая Союзническая война, в которой принимали участие многие италийские племена. Она началась неожиданно, приняла вообще большие размеры, и страх перед нею потушил на долгое время междоусобные распри. Однако при ее окончании она породила другие смуты и выдвинула более сильных руководителей партий, которые в борьбе между собою прибегали не к внесению законопроекта, не даже к заискиванию пред народом, но к сплоченной военной силе. Я включил поэтому и Союзническую войну в настоящее сочинение, так как она началась из-за бывших в Риме волнений и привела к другой, еще худшей смуте. Началась война так.

Консул Фульвий Флакк был, строго говоря, первый, кто совершенно открыто стал подстрекать италийцев добиваться прав римского гражданства с тем, чтобы из подчиненных стать участниками в римском владычестве. Когда Флакк внес свое предложение и упорно настаивал на его осуществлении, сенат отправил его

в какой-то военный поход. Во время этого похода истек срок консульской власти Флакка. Но он после окончания консульских полномочий получил звание трибуна вместе с младшим Гракхом, который вносил такого же рода проект относительно италийцев. Когда оба они, как рассказано мною ранее, были убиты, италийцы пришли в очень большое возбуждение. Они считали для себя недостойным числиться подданными вместо того, чтобы участвовать в управлении, они стыдились того, что Флакк и Гракх, действовавшие в их интересах, должны были испытать постигшую их участь.

35. После Флакка и Гракха трибун Ливий Друз, человек очень знатного происхождения, также обещал, по просьбе италийцев, снова внести законопроект о даровании им гражданских прав. Это было главное пожелание италийцев, так как они рассчитывали, что этим способом они тотчас же станут, вместо подвластных, полновластными. Ливий, подготовляя к этому народ, приманивал его на свою сторону тем, что организовал много колоний в Италии и Сицилии, выведение которых хотя и было решено с давних пор, однако не было приведено в исполнение. Сенат и всадников, враждовавших тогда между собою, в особенности из-за судов, Ливий пытался примирить законопроектом, одинаково приемлемым для тех и для других. Не имея возможности открыто вернуть судейские должности сенату, он придумал следующую уловку. Из-за происходивших тогда распрей число сенаторов едва доходило до трехсот; Ливий предложил прибавить к ним столько же сенаторов из числа всадников, руководствуясь знатностью происхождения, так чтобы на будущее время суды состояли из совокупности всех этих 600 лиц. Ливий присоединил к своему законопроекту еще то, чтобы члены сената производили расследование по делам о взяточничестве, преступлении, по которому тогда почти совершенно неизвестно было привлечение к суду, настолько взяточничество вошло в обычай и было беспрепятственно распространено. Ливий в своем законопроекте имел в виду и сенаторов и всадников, но случилось обратное тому, на что он рассчитывал. Сенат был в высшей степени раздражен тем, что в его состав войдет такое большое число членов из всадников, ко-

торые таким образом достигнут высшего звания в государстве; при этом сенат не без основания предполагал, что всадники, сделавшись сенаторами, будут с еще большей силой заводить распри с прежними сенаторами. В свою очередь, всадники подозревали, как бы при таком угодничестве Ливия суды не перешли на будущее время от всадников в ведение исключительно одного сената. Так как всадники хорошо нажились и пользовались большим влиянием, то они не без горького чувства выражали свое настроение. Многие из них к тому же и в своей среде были настроены подозрительно, должны были оказаться в затруднительном положении и относиться подозрительно друг к другу при мысли о том, кто же из их состава признан будет более достойным быть избранным в число трехсот. И зависть к более влиятельным из числа всадников овладела всеми прочими. Сверх всего этого они возбуждены были еще тем, что должны были снова всплыть обвинения во взяточничестве, которые, как они до сих пор были уверены, были уничтожены с корнем и притом в их интересах.

36. Таким образом, в ненависти против Друза сошлись в своем настроении и всадники и сенаторы, хотя и те и другие относились друг к другу враждебно; один лишь народ ликовал при мысли о выведении колоний. Но италийцы, ради которых Друз главным образом придумал все это, испугались закона о выведении колоний. Они боялись, как бы у них немедленно же не были отняты те общественные римские земли, которые не были еще поделены и которые одни из них возделывали, отчасти захватив их насильственным путем, отчасти скрытно; при этом италийцы сильно беспокоились и о своих собственных землях. Этруски и умбры, которые испытывали те же опасения, что и италийцы, и которые, как думали, были привлечены консулами в Рим под предлогом выступить с обвинениями против Друза, а на самом деле — с целью убить его, открыто поносили законопроект и поджидали только дня, когда он будет обсуждаться. Друз, обратив внимание на создавшееся напряженное положение, изредка выходил из дома, но все время занимался у себя, в слабо освещенном портике. Когда он однажды к вечеру отпускал от себя толпу народа, он вне-

запно вскрикнул: «я ранен», и с этими словами упал. Он был найден пронзенным в бедро сапожным ножом.

37. Таким образом, и Друз был убит во время исполнения им должности трибуна. Теперь всадники положили его политику в основу для доносов на своих противников. Они уговорили трибуна Квинта Вария выступить с таким законопроектом: должны быть привлечены к ответу все те, кто явно или тайно помогает италийцам выступать против государства. Всадники надеялись таким образом немедленно подвести всех влиятельных лиц под ненавистное обвинение, суд над ними забрать в свои руки и после того, как они будут устранены, получить в государстве еще бóльшую силу. Когда другие трибуны отказывались дать ход этому законопроекту, всадники с обнаженными кинжалами окружили их и заставили утвердить законопроект. После его утверждения тотчас же началась запись лиц, желающих выступить обвинителями против самых видных сенаторов. Один из последних, Бестия, не дождавшись вызова в суд, удалился в изгнание, чтобы не отдаться в руки противников; другой сенатор, Котта, правда, выступил в суде, произнес внушительную речь о своем образе действий, открыто поносил при этом всадников, но и он удалился из Рима до голосования. Завоеватель Греции Муммий, позорно попавшись на удочку к всадникам, обещавшим оправдать его, приговорен был к изгнанию и провел остаток своей жизни на Делосе.

38. Так как преследования аристократии все более и более росли, народ стал выражать неудовольствие, что ему приходится лишаться сразу стольких лиц, так много потрудившихся на пользу государства. Да и италийцы при вести о печальном конце Друза, о тех поводах, по которым упомянутые выше лица подверглись изгнанию, не считали возможным допустить, чтобы с людьми, действовавшими в их интересах, так поступали. Не усматривая далее никакого средства осуществить свои надежды на получение гражданских прав, италийцы решили открыто отложиться от римлян и повести против них вооруженную войну. Путем тайных переговоров между собою они условились об этом и для скрепления взаимной верности обменялись заложниками. В течение долгого времени римля-

не не знали о происходящем, так как в городе происходили судебные разбирательства и междоусобные распри. Но когда римлянам все это стало известно, они начали рассылать по италийским городам людей из своей среды, наиболее подходящих, с целью незаметно осведомиться, что такое происходит. Один из них, увидев, как одного мальчика ведут в качестве заложника из Аускула в другой город, донес об этом управлявшему этими местами проконсулу Сервилию; по-видимому, в то время и в некоторых местах Италии управляли проконсулы — эту магистратуру много времени спустя снова вызвал к жизни римский император Адриан, но она удержалась лишь короткое время после него. Сервилий со слишком большой горячностью бросился на Аускул в то время, когда жители его справляли праздник, жестоко пригрозил им и был убит, так как они убедились, что замыслы их уже открыты. Вместе с Сервилием был убит и Фонтей, его легат,— так называют римляне тех должностных лиц из числа сенаторов, которые следуют в качестве помощников за правителями провинций.

После того как убиты были Сервилий и Фонтей, и остальным римлянам в Аускуле не было уже никакой пощады; на всех римлян, какие находились в Аускуле, жители его напали, перебили, а имущество их разграбили.

39. Лишь только разнеслась весть о восстании в Аускуле, все соседние народы стали открыто готовиться к войне: марсы, пелигны, вестины, марруцины, вслед за ними пицентины, френтаны, гирпины, помпеяны, венузины, япиги, луканы, самниты. Все эти племена были настроены враждебно против римлян и раньше — вообще все племена, обитавшие от реки Лириса, называемой теперь, кажется, Литерном, вплоть до углубления, образуемого Ионийским заливом, по сухому и по морскому пути. Они отправили в Рим послов с жалобой на то, что они, хотя и содействовали во всем римлянам в укреплении их власти, за оказанную помощь не удостоены прав римского гражданства. Сенат дал им очень решительный ответ: если они раскаиваются во всем происшедшем, пусть отправят посольство к сенату — это непременное условие. Теперь у италийцев исчезла всякая надежда, и они стали готовиться

к войне. Их общая армия, помимо войск, расквартированных по городам, состояла приблизительно из 100 000 пехоты и такого же количества конницы. Римляне послали против них такие же военные силы, состоявшие частью из римлян, частью из оставшихся им верными союзников из числа италийских племен.

40. Римскою армиею командовали консулы Секст Юлий Цезарь и Публий Рутилий Луп. Они оба отправились в путь как на большую междоусобную войну. Остальные магистраты занимали ворота и укрепления Рима — ведь ему грозила опасность, или, по крайней мере, она была очень близка. Принимая в соображение, что война предстоит сложная, что она будет вестись во многих местах, римляне послали вместе с консулами наилучших в то время легатов к ним: к Рутилию — Гнея Помпея, отца так называемого Великого Помпея, Квинта Цепиона, Гая Перпенну, Гая Мария и Валерия Массалу, к Сексту Цезарю — Публия Лентула, брата Цезаря, Тита Дидия, Лициния Красса, Корнелия Суллу, Марцелла. Все эти лица, поделив между собою театр военных действий, служили под командою консулов, которые наблюдали за их действиями. Самим консулам римляне постоянно посылали еще других лиц — такою важной представлялась им эта война. У италийцев были свои предводители в каждом из городов, но сверх того были и общие предводители с неограниченною властью над всем союзным войском: Тит Лафрений, Гай Понтилий, Марий Эгнатий, Квинт Попедий, Гай Папий, Марк Лампоний, Гай Видацилий, Герий Азиний, Веттий Скатон. Они поделили между собою армию на равные части и действовали против римских командиров. Много успехов они одержали, но потерпели и много неудач. Самое достопримечательное и в том и в другом отношениях сводится в общих чертах к следующему.

41. Веттий Скатон обратил в бегство Секста Юлия, вывел у него из строя 2000 человек и оттеснил его к Эзернии, стоявшей на римской стороне. Луций Сципион и Луций Азиний, руководившие ее защитой, переоделись рабами и бежали, Эзерния была покорена временем и голодом; Марий Эгнатий, захвативший Венафр благодаря измене, истребил две римские когорты, стоявшие в нем. Публий Презентей, обратив в бегство

Перпенну, командовавшего 10 000 войска, положил на месте 4000 человек, а у большей части оставшихся в живых взял вооружение. Вследствие этого консул Рутилий отстранил Перпенну от командования и оставшуюся часть войска присоединил к армии Гая Мария. Марк Лампоний истребил до 8000 человек из армии Лициния Красса, а оставшихся в живых преследовал до города Грумента. **42.** Гай Папий взял Нолу благодаря измене и объявил двум тысячам римлян, находившихся в ней: если они перейдут на его сторону, он примет их в свое войско. Они перешли и служили под начальством Папия. Командиры их, не подчинившиеся приказанию, взяты были в плен, и Папий уморил их голодом. Папий захватил также Стабии, Минервий и Салерн, римскую колонию. Захваченных здесь пленных и рабов Папий присоединил к своему войску. Когда Папий предал пламени все окрестности Нуцерии, соседние города, напуганные этим, перешли на его сторону и по его требованию послали ему войско в количестве 10 000 пехоты и 1000 конницы. С этими силами Папий осадил Ацерры. Когда Секст Цезарь, взяв с собою 10 000 галльских пехотинцев, а также нумидийских и мавританских всадников и пехотинцев, направился к Ацеррам, Папий привел из Венузии сына бывшего нумидийского царя Югурты Оксинту, которого римляне держали под арестом в Венузии, облек его в царскую порфиру и часто показывал его нумидийцам, бывшим с Цезарем. Многие из них стали перебегать к Оксинте как своему царю. Тогда Цезарь отнесся с подозрением к прочим нумидийцам и отправил их в Африку. Теперь к нему приблизился надменно Папий и успел уже разрушить часть римского вала. Цезарь послал против Папия через другие ворота всадников и истребил из его отряда до 6000 человек, после чего отошел от Ацерр. Тем временем Канузий, Венузия и многие другие города в Апулии перешли на сторону Видацилия. Города, оказавшие ему неповиновение, он завоевал после осады и находившихся в них знатных римлян перебил, а простых граждан и рабов присоединил к своему войску.

43. Консул Рутилий и Гай Марий разрушили находившиеся недалеко от них мосты через реку Лирис, слу-

жившие для переправы. Против них, ближе к мосту Мария, расположился лагерем Веттий Скатон. Ночью тайно устроил он засаду в ущельях, находившихся около моста Рутилия. На рассвете он пропустил его пройти по мосту, а затем выступил с находившимися в засаде, многих из римлян перебил на берегу, многих сбросил в реку. Сам Рутилий, раненный во время этого дела стрелою в голову, спустя немного времени умер. Марий, находившийся у другого моста, по трупам, несшимся по течению, догадался о случившемся, оттеснил тех, кто мешал ему, переправился через реку и захватил охраняемый немногими вал Скатона, так что последний лишь переночевал на том месте, где он одержал победу, а затем, из-за недостатка в продовольствии, на рассвете должен был отступить. Тело Рутилия и многих других знатных римлян перевезены были в Рим для погребения. Нерадостно было при виде убитых консула и такого количества других лиц, и в течение многих дней по этому случаю в Риме был траур. После этого сенат решил хоронить убитых на войне там, где они погибли, чтобы зрелище похорон в Риме не отвращало других от военной службы. Враги, узнав об этом распоряжении сената, вынесли со своей стороны такое же постановление. **44.** На остающуюся часть года преемника Рутилию не было, так как Секст Цезарь не имел времени отправиться в Рим на выборы и вернуться обратно. Сенат передал армию Рутилия Гаю Марию и Квинту Цепиону. К последнему перешел, под видом перебежчика, неприятельский полководец Квинт Попедий и дал ему в качестве залога двух привезенных им молодых рабов, которых он выдавал за своих сыновей, а потому и одел их в отороченные пурпуром одежды. В залог он посылал также позолоченные и посеребренные свинцовые круглые пластинки. Попедий настаивал на том, чтобы Цепион как можно скорее следовал со своим войском и захватил лагерь Попедия, оставшийся без начальника. Цепион дал себя уговорить и выступил. Тогда Попедий, очутившись вблизи устроенной им засады, взбежал на какой-то холм с целью якобы высмотреть, где враги, и с холма дал им сигнал. Неприятели быстро явились и уничтожили Цепиона и многих бывших с ним. Оставшуюся часть войска Цепиона сенат присоединил

к армии Мария. **45.** Секст Цезарь с 30 000 пехоты и 15 000 конницы проходил по какому-то обрывистому ущелью, как вдруг напал на него Марий Эгнатий. Секст был отброшен в ущелье и спасся; его, так как он был болен, несли на ложе к одной реке, где был всего один мост. Здесь он потерял большую часть войска, у оставшихся в живых погибло вооружение. С трудом добравшись до Теана, Секст вооружил тут, по мере возможности, тех, кто еще оставался у него. Когда к нему поспешно подошел другой отряд войска, он вернулся к Ацеррам, все еще осаждаемым Папием. Неприятельские войска расположились лагерем друг против друга, но ни то, ни другое войско не осмеливалось идти в атаку.

46. Корнелий Сулла и Гай Марий энергично преследовали напавших на них марсов, пока они не наткнулись на изгородь из виноградных лоз. Марсы с большим трудом переходили через эту изгородь, но Марий и Сулла решили не преследовать их дальше. Корнелий Сулла, расположившись лагерем по ту сторону виноградников, узнав о происшедшем, выступил навстречу бегущим марсам и многих из них перебил. Вообще в тот день было убито более 6000 человек, и еще большее количество вооружения было захвачено римлянами. Раздраженные, подобно диким зверям, понесенным ими поражением марсы снова стали вооружаться и готовиться к нападению на римлян, причем последние не осмеливались предупредить их и первыми начать бой. Дело в том, что марсы — народ очень воинственный; говорят, над ними и состоялся только один триумф после упомянутого их поражения, а раньше говорили: ни над марсами, ни без марсов не было триумфа.

47. Около Фалернской горы Видацилий, Тит Лафрений и Публий Веттий, соединившись друг с другом, обратили в бегство Гнея Помпея и преследовали его до города Фирма. Они отправились теперь в другие места, за исключением Лафрения, который осадил Помпея, запертого в Фирме. Но последний, тотчас же вооружив оставшееся у него войско, не вступил в битву; после же того, как к нему подошло другое войско, послав Сульпиция в тыл Лафрению, сам напал на него с фронта. В возгоревшейся рукопашной схватке обе

стороны терпели урон. Сульпиций поджег неприятельский лагерь. Враги, заметив это, бежали в Аускул в беспорядке и без командира — Лафрений погиб во время битвы. Помпей пошел тогда против Аускула и приступил к его осаде. **48.** Аускул был родиной Видацилия. Опасаясь за город, Видацилий поспешил к нему на выручку с 8 когортами. Жителям Аускула через вестника он приказал поступить так: когда они заметят, что он издали подходит, сделать вылазку против осаждавших город, так чтобы враги с обеих сторон завязали бой. Но жители Аускула не решились на это. Тогда Видацилий прорвался в город через строй врагов и с силами, какие он мог собрать, обрушился на жителей Аускула за их трусость и неповиновение. Не надеясь отстоять город, Видацилий перебил всех своих врагов, которые и раньше жили с ним не в ладах и в то время, из-за нерасположения к Видацилию, отговорили народ исполнить его приказание. Затем в храме был сооружен костер, и на нем поставлено было ложе. Видацилий устроил, в компании своих друзей, пир; во время питья из круговой чаши он принял яд и, возлегши на костер, велел друзьям поджечь его. Таким образом Видацилий, сочтя своею честью умереть за родину, покончил с собою. Секст Цезарь по истечении срока его должности был избран сенатом в проконсулы; он напал на двадцатитысячный отряд врагов в то время, когда они меняли стоянку, перебил из них до 8000 человек и захватил еще гораздо больше вооружения. Он умер от болезни во время затянувшейся осады Аускула и назначил своим заместителем по командованию Гая Бебия.

49. Когда о событиях, происходивших в Италии, у Ионийского моря, стало известно обитателям по другую сторону Рима, это побудило к отпадению от римлян этрусков, умбров и некоторых других соседивших с ними племен. Сенат в страхе, как бы не оказаться в беззащитном положении в том случае, если война возгорится вокруг Рима, охранял при помощи вольноотпущенников морскую линию от Кум до Рима — тогда впервые вольноотпущенники, из-за недостатка в живой силе, зачислены были в ополчение. Вместе с тем сенат решил дать права римского гражданства тем италийцам, которые оставались верными союзу с Ри-

мом, к чему главным образом и стремились все италийцы. Это решение сената было распространено по Этрурии, и ее жители с радостью принимали это допущение их к римскому гражданству. Благодаря этой милости сенат сделал благорасположенных к Риму союзников еще более благорасположенными, укрепил в верности союзу колеблющихся, сделал более податливыми противников, вселив в них некоторую надежду добиться того же равноправия. Всех этих новых граждан сенат не зачислил в бывшие тогда в Риме 35 триб с тою целью, чтобы новые граждане, став более многочисленными по сравнению со старыми, не имели перевеса при голосовании, но установил для них новые десять триб, в которых они и голосовали последними. И зачастую голоса их не приносили пользы, так как 35 триб голосовали первыми, а число голосов их превышало половину. Сначала на это не было обращено новыми гражданами внимания, или италийцы довольны были вообще новым своим положением; но впоследствии, когда поняли в чем дело, это послужило толчком к новой распре.

50. Союзники, жившие у Ионийского моря, не зная еще об изменившемся настроении этрусков, отправили в Этрурию по длинным и непроходимым дорогам на помощь 15000 войска. Гней Помпей, ставший в то время консулом, напал на него и истребил около 5000. Половина оставшихся в живых, возвращаясь на родину по труднопроходимой территории, в суровую зиму, была вынуждена питаться желудями и также погибла. В ту же зиму Порций Катон, сотоварищ Помпея по консульству, во время войны с марсами был убит. Луций Клуенций с большою неустрашимостью расположился лагерем в трех стадиях от Суллы, стоявшего лагерем около Помпейских гор. Сулла, не будучи в состоянии пережить такой заносчивости Клуенция, напал на него, не дожидаясь даже возвращения своих фуражиров. И тогда Сулла потерпел поражение и бежал. Затем он присоединил к своему отряду фуражиров и обратил в бегство Клуенция. Тот тотчас же переместился со своим лагерем дальше, а когда к нему пришли на помощь галлы, снова приблизился к лагерю Суллы. Когда войска сошлись, один галл огромного роста выступил вперед и стал вызывать кого-либо

из римлян на бой. Выступил один мавританец маленького роста и убил галла. Галлы в страхе немедленно обратились в бегство. Когда боевой строй распался, остальное войско Клуенция не могло уже оставаться на месте, но в беспорядке направилось бежать в Нолу. Сулла бросился за ним вдогонку и истребил во время бегства до 30 000 человек. А когда жители Нолы согласились пропустить их только через одни ворота из опасения, как бы вместе с ними не вторглись и враги, Сулла около укреплений Нолы истребил еще до 20 000. Клуенций погиб во время сражения. **51.** Сулла перенес тогда свой лагерь на территорию другого племени, гирпинов, и подступил к Эклану. Жители его поджидали в тот же день помощи от луканов. Поэтому они просили Суллу дать им время на размышление. Сулла, поняв их уловку, дал им всего один час. Тем временем он обложил деревянную стену Эклана хворостом и по прошествии часа поджег ее. Жители Эклана испугались и сдали город. Его Сулла отдал на разграбление, так как он перешел на римскую сторону не из благорасположения к римлянам, а в силу нужды, остальные же города, переходившие на римскую сторону, Сулла щадил, пока не подчинил все племя. Затем Сулла повернул в Самниум, но не в том месте, где предводитель самнитов, Мотил, сторожил проходы, а в обход по другой дороге, чего самниты не ожидали. При внезапном нападении Сулла многих перебил. Из оставшихся в живых, бросившихся врассыпную, Мотил, раненый, спасся с немногими в Эзернию. Сулла, захватив его лагерь, пошел на Бовиан, где пребывал общий совет всех отпавших. В городе было три цитадели. В то время как жители Бовиана обратились против Суллы, последний послал в обход отряд с приказанием захватить, если возможно, одну из цитаделей и подать знак об этом дымом. Лишь только дым показался, Сулла напал с фронта и после трехчасовой жестокой битвы овладел городом. Вот какие удачи за это лето выпали на долю Суллы. **52.** С наступлением зимы он вернулся в Рим, чтобы там выставить свою кандидатуру в консулы. Тем временем Гней Помпей привел к покорности марсов, марруцинов, вестинов. Другой римский командир, Гай Косконий, подступил к Салапии и сжег ее, захватил Канны и, осадив Канузий,

энергично сопротивлялся пришедшим на помощь самнитам до тех пор, пока с обеих сторон не началась страшная резня, и Косконий, терпя урон, отступил в Канны. Предводитель самнитов Требаций — его и Коскония разделяла река — приказал сказать ему: или он должен, переправившись через реку, вступить с ним в битву, или отступить, чтобы мог переправиться он, Требаций. Косконий отступил и во время переправы Требация напал на него и одолел его в битве. Во время бегства врагов к реке Косконий истребил 15000 человек. Остальные, вместе с Требацием, бежали в Канузий. Косконий, опустошив территорию ларинатов, венузийцев и эскуланов, вторгся на территорию педикулов и в два дня присоединил это племя. **53.** Его преемник по командованию, Цецилий Метелл, вторгся в Япигию и одолел в битве япигов. При этом пал другой предводитель повстанцев, Попедий. Остальные предводители их постепенно один за другим бежали к Цецилию.

Таковы были главные события в Италии во время Союзнической войны. Они привели к тому, что все италийцы получили равноправие с римскими гражданами. Лишь Лукания и Самниум не получили его тогда. Но, кажется, и они позже добились того, чего желали. Все новые граждане, впрочем, подобно предыдущим, зачислены были в десять новых триб с тою целью, чтобы они не смешались с гражданами, находившимися в старых трибах, и при голосовании не получили перевеса вследствие своего многолюдства.

54. В то же время в Риме возникли волнения между должниками и заимодавцами. Последние стали требовать уплаты долгов с процентами, несмотря на то, что по одному старинному закону воспрещалось давать деньги в долг под проценты, причем виновный в этом должен был платить штраф. Мне кажется, древние римляне, подобно грекам, гнушались займов под проценты как барышничества, тягостного для неимущих, дававшего удобный повод для споров и вражды. На этом же основании и у персов ссуда денег считалась чем-то ведущим к обману и лжи. По долголетнему обычаю укрепилось взимание процентов. Поэтому и теперь заимодавцы стали требовать уплаты процентов, должники же оттягивали, ссылаясь на войны и на

внутренние волнения. Были и такие, кто стал грозить давшим ссуды штрафом, и претор Азеллион, в ведении которого было разбирательство этих дел, после неудачной попытки склонить стороны на мировую предоставил им обратиться в судебные инстанции, чтобы судьи разобрались в создавшемся противоречии между законом и обычаем. Заимодавцы были очень недовольны тем, что Азеллион возобновляет старый закон, и убили его при следующих обстоятельствах. Азеллион совершал жертвоприношение Диоскурам на форуме, и его окружала толпа, присутствовавшая при жертвоприношении. Кто-то сначала бросил в Азеллиона камень. Тогда он бросил чашу и бегом устремился в храм Весты. Но толпа захватила храм раньше, не допустила в него Азеллиона и заколола его в то время, когда он забежал в какую-то гостиницу. Многие из преследовавших Азеллиона, думая, что он убежал к весталкам, ворвались туда, куда мужчинам вход был воспрещен. Так-то и Азеллион в то время, когда он исправлял должность претора, совершал возлияние, одет был в священную, отороченную золотом одежду, был убит около второго часа дня среди форума, около храма. Сенат издал объявление: кто изобличит убийцу Азеллиона, тот, свободнорожденный, получит денежную награду, раб — свободу, соучастник в преступлении — прощение. Тем не менее никто не нашелся, кто сделал бы донос: так старательно заимодавцы скрыли это преступление.

55. Все эти убийства и гражданские волнения оставались пока делом отдельных партий. Но затем руководители партий боролись уже друг против друга как на войне, при помощи больших армий, причем сама родина служила им как бы призом. Начало и повод к этому тотчас же вслед за Союзнической войной дали такие обстоятельства.

Когда Митридат, царь Понта и других племен, вторгся в Вифинию, Фригию и в соседившие с ними части Малой Азии, как у меня рассказано об этом в предшествующей книге, Сулла, бывший тогда консулом, получил по жребию командование в эту войну над малоазийской армией. Он находился еще в Риме. Марий, считая предстоящую войну легкой и прибыльной и желая получить командование, склонил на свою

сторону многими обещаниями трибуна Публия Сульпиция помочь ему. Вместе с тем Марий обнадежил новых граждан из числа италийцев, составляющих при голосовании меньшинство, что он распределит их по всем трибам. При этом Марий ничего не говорил им еще наперед о той помощи, которую он рассчитывал получить от них для себя, но, разумеется, хотел воспользоваться ими, как готовыми на все прислужниками. Сообразуясь со всем этим, Сульпиций тотчас же внес законопроект. Если бы он был утвержден, осуществилось бы все, чего желали Марий и Сульпиций, так как новые граждане давали значительный перевес в сравнении со старыми. Последние это понимали и оказывали энергичное сопротивление новым гражданам. С той и с другой стороны были пущены в ход дубины и камни. Беда росла. Консулы боялись приближающегося дня, назначенного для обсуждения законопроекта, и объявили многие дни неприсутственными в течение зимнего срока, как это бывало во время праздников. Этою мерою консулы рассчитывали отсрочить голосование законопроекта и ожидаемого в связи с ним бедствия. **56.** Сульпиций, однако, не дождавшись окончания неприсутственных дней, приказал своей партии явиться на форум со спрятанными кинжалами и пустить их в дело, когда придет надобность, причем, если будет нужно, не давать пощады и консулам. Когда все было готово, Сульпиций заявил протест против объявления неприсутственных дней как противозаконного и требовал, чтобы консулы Корнелий Сулла и Квинт Помпей немедленно же отменили их и чтобы обсуждение законопроекта поставлено было в порядок дня. Поднялся шум. Подготовленные Сульпицием люди обнажили кинжалы и стали грозить убить сопротивлявшихся консулов, пока Помпею не удалось тайно убежать, а Сулла ушел, как бы собираясь обсудить создавшееся положение. В это время сторонники Сульпиция убили сына Помпея, приходившегося свойственником Суллы, за то, что он в своей речи говорил слишком свободно. Сулла вернулся и отменил неприсутственные дни. Сам он спешил в Капую к стоявшему там войску, чтобы оттуда переправиться в Малую Азию на войну против Митридата. Он тогда не подозревал, что против него велись интриги.

Сульпиций же, после того как неприсутственные дни были отменены и Сулла уехал из Рима, провел утверждение законопроекта и то, ради чего все это было устроено: немедленно же вместо Суллы полководцем в войне против Митридата был избран Марий. **57.** Когда об этом узнал Сулла, он счел необходимым решить дело вооруженной силой. Он созвал собрание своего войска, которое также стремилось в поход против Митридата, смотря на поход как на выгодное предприятие и думая, что теперь Марий наберет вместо них другое войско. На собрании Сулла говорил о наглом в отношении его поступке Сульпиция и Мария, не распространяясь ясно о всем прочем: он не решался еще говорить о предстоящей войне против них, а убеждал лишь войско быть готовым к исполнению его приказаний. Воины понимали, что у Суллы было на уме, и, боясь за самих себя, как бы им не пришлось потерять поход, сами открыли намерения Суллы и требовали от него вести их смело на Рим. Обрадованный Сулла тотчас же двинул в поход шесть легионов. Командиры войска, за исключением лишь одного квестора, не соглашаясь вести войско против своей родины, убежали в Рим. На пути Суллу встретили послы оттуда и спросили его: почему он с вооруженной силой идет на родину. Сулла отвечал им: освободить ее от тиранов. То же самое он дважды и трижды повторил другим послам, явившимся к нему, прибавив все-таки, что, если они хотят, то пусть соберут на Марсово поле сенат вместе с Марием и Сульпицием, и он тогда поступит согласно вынесенному решению. Когда Сулла приближался уже к Риму, явился его товарищ по консульству Помпей, одобрил его поступок, выражая свое удовольствие всем происходящим и предоставляя себя всецело в его распоряжение. Марий и Сульпиций, которым нужен был еще некоторый срок для подготовки к борьбе, послали новых послов к Сулле, как бы по поручению сената. Послы просили Суллу не располагаться лагерем ближе 40 стадий от Рима, пока сенат не обсудит создавшегося положения. Сулла и Помпей, хорошо поняв намерения Мария и Сульпиция, обещали так поступить, но лишь только послы удалились, последовали за ними. **58.** Сулла занял с одним легионом Эсквилинские ворота и укрепления, расположен-

ные около них; с другим легионом Помпей занял Коллинские ворота. Третий легион направился к деревянному мосту, четвертый оставался пред укреплениями в качестве резерва. С остальными двумя легионами Сулла вошел в город как враг и в мыслях и на деле. Поэтому окрестные жители, защищаясь от него, бросали в него сверху что попало и делали это до тех пор, пока он не пригрозил им спалить их дома. Тогда они остановились. Марий и Сульпиций встретили Суллу у Эсквилинского форума с теми силами, какие успели вооружить. И тут произошла встреча врагов, в первый раз в Риме, уже не в виде междоусобной распри, но по-настоящему, под звуки труб, в предшествии знамен, по военному обычаю. До такого бедствия довели междоусобные распри, на которые своевременно не было обращено внимания. Когда воины Суллы готовы были обратиться в бегство, он, схватив знамя, бросился вперед в бой. Из почтения перед вождем, из страха пред позором потерять знамя воины тотчас же остановились в своем бегстве. Сулла вызвал свежие силы из состава войска, послал других по так называемой Субурской дороге в обход врага, где они должны были ударить в тыл врага и окружить его. Отряд Мария плохо сражался с напавшими на него свежими войсками, боясь быть окруженным шедшими в обход его. Стали сзывать на бой всех прочих граждан, остававшихся еще в домах, обещали свободу рабам, если они примут участие в бою. Когда ни один человек к ним не явился, они все в отчаянии тотчас же убежали из города и вместе с ними же из числа знати те, которые действовали заодно с ними.

59. Сулла повернул затем на так называемую Священную дорогу. Там он тотчас же приказал подвергнуть наказанию на виду у всех некоторых из числа своих воинов, которые попутно занимались мародерством. После этого Сулла поставил во всех частях Рима караулы, обходил их в течение всей ночи сам вместе с Помпеем с тою целью, чтобы не произошло какого-либо насилия ни со стороны напуганных граждан, ни со стороны победителей. При наступлении дня Сулла и Помпей созвали народное собрание и в нем печаловались на то, что государство с давнего времени находится в руках лиц, гоняющихся за приобрете-

нием расположения народа, и что они вынуждены были предпринять все происшедшее. Сулла и Помпей внесли вместе с тем предложение не представлять в народное собрание ничего, что предварительно не было бы подвергнуто обсуждению в сенате, как это принято было с давних пор, но давно уже нарушалось; голосование должно происходить не по трибам, но, как это установил царь Тулл Гостилий, по центуриям. Этими двумя мерами Сулла и Помпей рассчитывали устроить так, чтобы ни один законопроект не вносим был в народное собрание, прежде чем он не будет обсужден в сенате, чтобы голосование было в руках не неимущих и самых смелых, но в руках лиц, обладающих достатком и здравым смыслом. Этим надеялись пресечь в дальнейшем поводы к междоусобным распрям. Лишив трибунов, власть которых приняла по преимуществу тиранический характер, многих прерогатив их власти, Сулла и Помпей зачислили в сенат, бывший тогда очень малолюдным и к тому же не пользовавшийся никаким влиянием, сразу 300 наиболее знатных людей. Все распоряжения Сульпиция, изданные консулами за время после объявления неприсутственных дней, были отменены как незаконные.

60. Таким образом междоусобные распри переходили из споров и борьбы на почве честолюбия в убийства, а из убийств в открытые войны, и гражданское ополчение тогда впервые вступило в родную землю как во вражескую страну. С тех пор междоусобные распри, которые решались с применением военной силы, не прекращались, происходили постоянные вторжения в Рим, бои около укреплений и все прочее, что полагается во время войн, так как среди действовавших насилием пропало всякое уважение к закону, государству, родине. Тогда удалены были из Рима в изгнание Сульпиций, бывший еще трибуном, и вместе с ним Марий, шесть раз отправлявший консульскую должность, сын Мария, Публий Цетег, Юний Брут, Гней и Квинт Граний, Публий Альбинован, Марк Леторий и другие, всего 12 человек. Всем им поставлено было в вину то, что они возбудили волнения, вели войну против консулов, объявили рабам свободу, чтобы побудить их к отложению. Все они объявлены были врагами римлян, и всякий встречный мог безнаказанно убить их или от-

вести к консулам. Имущество их было конфисковано. Против них посланы были сыщики, которые и захватили Сульпиция и убили его.

61. Марий бежал от них в Минтурны, один, без слуги и раба, и там нашел прибежище в одном не бросавшемся в глаза доме. Минтурнские власти, бывшие в страхе пред объявлением, охраняли человека, бывшего шесть раз консулом и совершившего много блестящих подвигов, и не захотели убить его сами. Они подослали к нему с мечом проживавшего в Минтурнах галла. Говорят, что галл, когда он подошел к Марию, лежавшему в темноте на соломе, испугался его; ему показалось, что глаза Мария блестят и горят как огонь. А когда Марий, приподнявшись со своего ложа, во всю мочь крикнул ему: — Как? Ты смеешь поднять руку на Мария? — галл стремглав выбежал из дома, словно сумасшедший, и вопил: — Не могу я убить Гая Мария! — После этого и на минтурнские власти, и раньше медлившие решиться покончить с Марием, напал какой-то непонятный страх: им вспомнилось предсказание, данное Марию в его детстве, что он будет семь раз консулом. В самом деле, рассказывают, будто на грудь мальчика Мария упали семь орлят, и тогда предсказатели объявили, что он будет семь раз занимать высшую должность. **62.** Припомнив это и решив, что и галл вдохновлен был какою-то божественною силою и потому испугался, минтурнские власти тотчас же выслали Мария из города туда, где он мог бы спастись. Марий знал, что Сулла ищет его, что конные солдаты гонятся за ним; он пробирался по непроходимым дорогам к морю и, встретив на пути хижину, расположился там на ночлег и набросал на свое тело листья, а заслышав шум, скрывался под ними. Когда шум стал слышен еще более, он вскочил в лодку одного старого рыбака и заставил старика, несмотря на бурю, отчалить, причем разрубил канат, расправил парус и предоставил судьбе нести его. Лодку пригнало к какому-то острову. Там Марий нашел корабль, принадлежавший знакомым ему людям, и на нем переправился в Африку. Так как правитель Африки Секстилий воспрепятствовал Марию как врагу высадиться на берег, он зимовал на море, недалеко за пределами Африки, у границ Нумидии. При известии о том,

что Марий пребывает на море, к нему приплыли осужденные вместе с ним Цетег, Граний, Альбинован, Леторий и другие, в том числе и сын Мария. Все они скрылись из Рима к правителю Нумидии Гиемпсалу, откуда потом убежали, подозревая, что последний их выдаст. Они, по примеру Суллы, замышляли насильственные действия против родины, но так как у них не было войска, они только следили за дальнейшим ходом событий.

63. Между тем в Риме Сулла, несмотря на то, что он как первый, захвативший город при помощи вооруженной силы, мог бы, пожалуй, стать единоличным владыкою, добровольно отказался от применения насилия, после того как отомстил своим врагам. Отослав войско в Капую, Сулла снова стал управлять как консул. С своей стороны, сторонники изгнанных, в особенности принадлежавшие к числу зажиточных, а также многие богатые женщины, придя в себя от страха пред вооруженными действиями, возбужденно добивались возвращения изгнанников. Они этого добивались всеми средствами, не останавливаясь ни перед какими затратами, ни перед злоумышлениями на жизнь консулов, зная, что, пока они живы, возвращение изгнанников невозможно. В распоряжении Суллы и после того, как истекло его консульство, было войско, врученное ему по декрету для войны с Митридатом, и оно охраняло его. Другого консула, Квинта Помпея, народ из жалости к опасному положению, в каком он был, назначил правителем Италии и командиром другой армии, которая должна была защищать ее и которая находилась тогда под командою Гнея Помпея. Последний, узнав о назначении на его место Квинта Помпея, был этим недоволен; однако, когда Квинт прибыл в его ставку, он принял его и на следующий день во время делового разговора показал вид, что он, как частный человек, готов уступить ему место. Но в это время окружавшие их в большом числе люди, делавшие вид, что они слушают беседу Квинта и Гнея, убили консула. Когда прочие бросились бежать, Гней вышел к ним, выразил свое негодование по поводу смерти противозаконно убитого консула, но, излив свой гнев, все же тотчас принял командование. **64.** Когда весть о смерти Помпея дошла до Рима, Сулла, испу-

гавшись за свою жизнь, тотчас отовсюду собрал вокруг себя своих друзей и ночью держал их при себе. Немного спустя он затем уехал в Капую к своей армии и оттуда переправился в Малую Азию. Тогда друзья изгнанников, рассчитывая на Цинну, ставшего преемником Суллы по консульству, начали подстрекать новых граждан, указывая им, что они, согласно намерению Мария, должны настаивать на зачислении их во все трибы — иначе голоса их, как подаваемые после всех, потеряют свое значение. Это послужило прелюдией к возвращению Мария и его сторонников. Когда старые трибы со всею энергиею восстали против допущения в их состав новых граждан, Цинна оказался на стороне последних, получив, как думают, взятку в 300 талантов. На защиту старых триб встал другой консул, Октавий. Сторонники Цинны заняли форум, имея при себе спрятанные кинжалы, и с криком требовали допущения новых граждан во все трибы. Лучшая часть народа, также со скрытыми кинжалами, примкнула к Октавию. Пока он дома у себя обдумывал предстоящее, разнеслось известие: большая часть трибунов налагает свое veto на все совершающееся, новые граждане волнуются и, обнажив свои кинжалы уже во время пути, теперь вскочили на ораторские кафедры и угрожают противящимся трибунам. Узнав об этом, Октавий направился по Священной дороге в сопровождении достаточно большой толпы к форуму, вбежал на него, словно разлившийся поток, проложил дорогу среди сплоченной массы и разделил ее. Напугав ее, Октавий пошел в храм Диоскуров, уклоняясь от встречи с Цинной. Спутники Октавия, без всякого приказания с его стороны, бросились на новых граждан, многих из них перебили, других обратили в бегство и преследовали их до ворот.

65. Цинна, понадеявшись на толпу новых граждан и рассчитывая, что ему удастся одержать верх силою, вопреки ожиданиям увидел, что находившиеся в меньшем числе благодаря своему смелому образу действий одерживают верх, пустился бегом по городу и стал сзывать к себе рабов, обещая им свободу. Но ни один раб к нему не присоединился. Тогда Цинна устремился в близлежащие города, незадолго до того получившие права гражданства, в Тибур, Пренесте и в прочие,

вплоть до Нолы. Всех их он подстрекал отложиться от римлян и при этом собирал деньги на войну. В то время как Цинна был занят этим, к нему прибежали некоторые сенаторы, разделявшие его образ мыслей, Гай Милоний, Квинт Серторий, Гай Марий второй. Сенат постановил отрешить Цинну от консульства, лишить его гражданских прав за то, что он, будучи консулом, оставил город, находившийся в опасном положении, и объявил свободу рабам. Вместо Цинны консулом был избран Луций Мерула, жрец Юпитера. Этот жрец называется фламином, и только он один постоянно ходит в головном уборе, в то время как остальные жрецы носят его лишь при священнодействии. Цинна добрался до Капуи, где стояла другая римская армия. Там он стал ухаживать за ее командирами и за проживавшими там сенаторами, выступил как консул среди войска, сложил пред ними фасции в знак того, что он теперь частный человек. Со слезами говорил Цинна.— Граждане, от вас я принял эту власть — ведь народ избрал меня, а теперь сенат лишил меня этой власти без вашего на то согласия. Испытав это бедствие на самом себе, я все же негодую за вас. К чему нам теперь ублажать трибы при голосованиях? К чему вы нам? Какую власть вы будете иметь в народных собраниях, при голосованиях, при консульских выборах, коль скоро вы не обеспечите то, что даете, и не отнимите данное вами, когда сами это решите? **66.** Эти слова вызвали возбуждение. Цинна, сильно разжалобив присутствующих своей участью, разорвал одежду, сбежал с кафедры, бросился в толпу и лежал там долгое время, до тех пор, пока она, тронутая всем этим, подняла его, посадила снова на кресло, подала ему фасции и убеждала его как консула быть смелым, а их вести на то, исполнение чего ему нужно. Этою переменою настроения воспользовались командиры войска, принесли Цинне воинскую присягу, и каждый из них привел к присяге свой отряд. Цинна же, обеспечив в Капуе безопасность своего положения, отправился по союзным городам, привел и их в возбуждение указанием на то, что из-за них главным образом на него обрушилось несчастье. Союзные города стали собирать для Цинны деньги и войско. К нему стало являться и много других влиятельных лиц из Ри-

ма, которым не нравился установившийся там порядок.

Так было дело с Цинной. Тем временем консулы Октавий и Мерула укрепляли город проведением рвов, ремонтировали укрепления, ставили боевые машины. За военною силою они послали в другие города, остававшиеся подчиненными Риму, и в близлежащую Галлию. Гнея Помпея, командовавшего в звании проконсула войском, стоявшим у Ионийского моря, консулы звали поспешно идти на помощь родине.

67. Он прибыл и расположился лагерем у Коллинских ворот. Цинна устремился против него и поместил свой лагерь около лагеря Помпея. Гай Марий, узнав обо всем этом, отплыл с бывшими при нем изгнанниками и с их рабами, явившимися к нему из Рима в числе до 500 человек, в Этрурию. Марий обходил этрускские города в грязной одежде, обросший волосами; жалко было смотреть на него. Он с гордостью указывал на выигранные им битвы, на свои кимврские трофеи, на свое шестикратное консульство. Он обещал жителям этрускских городов дать право голоса, чего они сильно желали. Так как Марию верили, он собрал вокруг себя 6000 этрусков. С ними он явился к Цинне, который радушно встретил его, так как в настоящее время их интересы совпадали. Когда Марий и Цинна объединились, они раскинули лагерь по реке Тибру, разделив войско на три части: Цинна и вместе с ним Карбон стояли против самого города, Серторий дальше, выше города, Марий — у моря. Серторий и Марий укрепились на обоих берегах реки при помощи настланного моста с намерением отрезать город от подвоза хлеба. Марий захватил и разграбил также Остию, Цинна послал отряд против Аримина и овладел им с целью не допустить в город никакого войска из подвластной Риму Галлии. **68.** Консулы были в страхе: они нуждались в добавочных военных силах. Суллу они не могли вызвать, так как он переправился уже в Малую Азию. Поэтому они послали приказ Цецилию Метеллу, заканчивавшему Союзническую войну против самнитов, чтобы тот, поскольку это возможно, заключил с ними почетный мир и поспешил на помощь к находившемуся в осаде отечеству. Тем временем Марий, узнав, что Метелл не сошелся с самнитами в предъявляемых ими

требованиях, заключил с ними союз на условии выполнить все то, что самниты требовали от Метелла. Таким образом, и самниты стали союзниками Мария. Римский холм, называемый Яникулом, охранял военный трибун Аппий Клавдий. Ему Марий напомнил об оказанном им некогда благодеянии и с его помощью вошел на рассвете в город через открытые трибуном ворота и ввел в него также и Цинну. Но Октавий и Помпей бросились на них и тотчас же их вытеснили. В это время в лагерь Помпея ударила во многих местах молния, и тут погибли как другие знатные люди, так среди них и Помпей.

69. После того как подвоз в Рим с моря и далее вверх по реке был отрезан Марием, он стал разъезжать по городам, расположенным вблизи Рима, где сосредоточены были для него хлебные запасы. Неожиданно он делал нападения на тех, кто эти запасы хранил, занял Анций, Арицию, Ланувий и другие города, причем были и такие, которые были захвачены вследствие измены. Когда Марий захватил в свои руки подвоз съестных припасов в Рим и по сухому пути, он смело двинулся тотчас же на Рим по так называемой Аппиевой дороге, прежде чем могли быть подвезены в город припасы из другого места. На расстоянии ста стадий от города расположились лагерем сам Марий, Цинна и служившие у них командирами Карбон и Серторий; Октавий, Красс и Метелл стали против них лагерем у Албанской горы и там ожидали дальнейшего хода событий. Хотя они считали, что превосходят врагов храбростью и численностью войска, все же они не решались одной битвой подвергнуть риску судьбу. Между тем Цинна послал в Рим глашатаев и обещал даровать свободу тем рабам, которые перебегут на их сторону. Тотчас же перебежало большое количество рабов. Сенат пришел в замешательство, ожидая со стороны народа больших эксцессов, если будет продолжаться далее недостаток в продовольствии. Поэтому сенат переменил свое решение и отправил к Цинне послов для заключения перемирия. Цинна спросил послов: К кому они явились? к консулу ли? к частному человеку? Те не знали, что ответить, и вернулись в Рим. Тогда и многие свободнорожденные массами стали устремляться к Цинне, одни из страха перед голодом,

другие потому, что они и раньше стояли на его стороне и только ожидали, как сложатся обстоятельства. **70.** Между тем Цинна уже с полным презрением к врагам приближался к городским укреплениям и расположился лагерем в расстоянии полета стрелы. В это время Октавий и его сторонники из-за происходивших перебежек и посольств к Цинне все еще не знали, что делать, пребывали в страхе и не решались что-либо предпринять. Сенат находился в очень затруднительном положении. Ему было тяжело отрешить от должности жреца Юпитера, Луция Мерулу, состоявшего консулом вместо Цинны и ни в чем не провинившегося. Скрепя сердце, ввиду грозивших несчастий сенат снова отправил к Цинне послов как к консулу. Не ожидая ничего хорошего, послы просили только об одном: пусть Цинна поклянется не производить резни. Принести клятву Цинна счел ниже своего достоинства, а обещал только, что по своей воле он не будет виновен в убийстве хотя бы одного человека. Октавию же, который по обходным дорогам чрез другие ворота вошел в город, Цинна рекомендовал не попадаться ему на глаза, чтобы с ним не случилось чего-либо против воли Цинны. Вот какой ответ дал послам Цинна, стоявший, как консул, на высокой кафедре. Марий, стоявший около кресла Цинны, держал себя спокойно, но по насупленному выражению его лица видно было, какая ожидается резня. Сенат принял условия Цинны и приглашал его и Мария войти в город. Сенат понимал, что это дело рук Мария, а Цинна только подписался под его условиями. Марий иронически заметил, что для изгнанников нет входа в город. И тотчас же трибуны постановили аннулировать изгнание Мария и всех прочих, изгнанных в консульство Суллы.

71. Лишь тогда Марий и Цинна вступили в город. Все встречали их со страхом. И прежде всего стало подвергаться беспрепятственному разграблению имущество тех лиц, которые, по мнению Мария и Цинны, были их противниками. Октавию они еще раньше послали клятвенное ручательство в его безопасности, а жрецы и предсказатели предвещали Октавию, что с ним ничего худого не произойдет. Однако друзья его советовали ему скрыться. Но Октавий, объявив, что он как

 консул никогда не покинет города, оставив его цен-

тральную часть, прошел со знатнейшими лицами и с частью войск на Яникул и там сел в консульском одеянии на кресло, имея по сторонам как консул ликторов с фасциями. Когда к Октавию устремился с несколькими всадниками Цензорин, когда снова друзья Октавия и стоявшее около него войско убеждали его бежать и даже привели к нему коня, Октавий и тогда не двинулся с места и ожидал смерти. Цензорин отрубил ему голову и принес ее Цинне. Впервые голова консула была повешена на форуме пред ораторской трибуной. Потом и головы всех прочих убитых стали вешать там же. И эта гнусность, начавшаяся с Октавия, не прекратилась и позже применялась в отношении всех тех, кто был убит их врагами. Тотчас же рассыпались во все стороны сыщики и стали искать врагов Мария и Цинны из числа сенаторов и так называемых всадников. Когда погибали всадники, дело этим и кончалось. Зато головы сенаторов, все без исключения, выставлялись пред ораторской трибуной. Во всем происходившем не видно было ни почтения к богам, ни боязни мести со стороны людей, ни страха перед мерзостью таких поступков. Мало было того, что поступки эти были дикие; с ними соединились и безнравственные картины. Сначала безжалостно людей убивали, затем перерезывали у убитых уже людей шеи и в конце концов выставляли жертвы напоказ, чтобы устрашить, запугать других или просто чтобы показать безнравственное зрелище.

72. Гай Юлий и Луций Юлий, родные братья, Ацилий Серран, Публий Лентул, Гай Нумиторий, Марк Бебий были убиты, будучи захвачены на пути. Красс, преследуемый вместе с сыном, во время преследования успел убить сына, сам же был убит преследователями. Оратор Марк Антоний укрылся в поместье. Землевладелец спрятал его и радушно принял. Но так как он чаще обыкновенного посылал раба на постоялый двор купить там вина, то продавец спросил, почему он так часто к нему заходит. Раб сказал продавцу на ухо почему и, купив вина, вернулся домой. Продавец тотчас же побежал к Марию, чтобы сделать донос. Марий, услышав, подскочил от радости и бросился сам расправляться с Антонием. Так как друзья удерживали Мария, был послан с отрядом войска в дом, где нахо-

дился Антоний, военный трибун. Антоний, мастер говорить, зачаровал их длинною речью, причем долго и на всякие лады распространялся обо всем и возбудил к себе сожаление. Наконец, трибун, не понимая в чем дело, сам вбежал в помещение, занимаемое Антонием, и нашел своих солдат слушающими его. Трибун убил Антония посреди его речи и голову его отослал Марию. **73.** Корнута, спрятавшегося в одной хижине, рабы спасли при помощи хитрости. Они отыскали какой-то труп и положили его на костер. Когда пришли сыщики, они подожгли костер и сказали, что это горит их господин, который задушил себя. Так Корнут спасся благодаря своим слугам. Квинт Анхарий подстерегал Мария в то время, когда тот собирался приносить жертву на Капитолии. Анхарий надеялся, что храм послужит ему местом примирения его с Марием. Но последний, начав жертвоприношение, приказал стоявшим около него умертвить тотчас же на Капитолии Анхария, когда тот подходил к нему и собирался его приветствовать; головы Анхария, оратора Антония, всех прочих, кто был или консулом, или претором, были выставлены на форуме. Никому не разрешено было предавать погребению кого-либо из числа убитых; тела их растерзали птицы и псы. Безнаказанно убивали друг друга политические противники; другие подвергнуты были изгнанию, у третьих было конфисковано имущество, четвертые были смещены с занимаемых ими должностей. Законы, изданные при Сулле, были отменены. Все друзья его предавались смерти, дома их отдавались на разрушение, имущество конфисковывалось, владельцы его объявлялись врагами отечества. Искали даже жену и детей Суллы, но они успели бежать. Вообще недостатка в многочисленных и разнообразных бедствиях не было.

74. Помимо всего этого, Марий и Цинна после стольких убийств, совершенных без судебного разбирательства, пожелали еще придать своей власти видимость законности и выдвинули обвинителей против жреца Юпитера Мерулы, будучи разгневаны на него за то, что он, хотя и с соблюдением законного порядка, был преемником Цинны по консульству. То же самое сде-
 лали они в отношении Лутация Катула, бывшего сото-

варищем Мария по консульству во время войны с кимврами и спасенного им в свое время. Дело в том, что Катул проявил в отношении Мария неблагодарность и самым решительным образом стоял за его изгнание. И Мерула и Катул содержались под тайным арестом, а когда наступил назначенный день, вызваны были в суд,— обвиненные могли быть привлечены к суду лишь после четырехкратного объявления и в законом установленные сроки. Мерула вскрыл себе артерии, оставив записку, в которой он писал, что, вскрывая себе артерию, он снял свой головной убор — не дозволено было в нем умирать жрецу. Катул в только что просмоленном и сыром еще помещении разогрел уголья и добровольно задохся. Так погибли они оба. Рабы же, перебежавшие к Цинне, согласно его объявлению получившие свободу и служившие теперь в войске Цинны, вторгались в дома, грабили их и убивали всех, кто попадался им под руку. Некоторые из рабов расправлялись преимущественно с своими бывшими господами. Цинна неоднократно запрещал им делать это, но они его не слушались. Тогда Цинна в одну ночь, когда рабы спали, окружил их отрядом, состоящим из галлов, которые всех рабов и перебили. Так рабы получили должное возмездие за проявленное ими неоднократно нарушение верности к своим господам.

75. На следующий год консулами были избраны Цинна во второй раз, Марий — в седьмой. Таким образом исполнилось предсказание о семи орлятах после изгнания и осуждения Мария на смерть как врага отечества. Однако Марий умер в первый же месяц своего консульства, в то время когда он строил всякого рода жестокие планы против Суллы. Избранного на место Мария Валерия Флакка Цинна откомандировал в Малую Азию, а после смерти его взял в товарищи по консульству Карбона.

76. Тем временем Сулла спешил вернуться в Рим и обратиться на своих врагов, быстро покончив, как мною рассказано, с Митридатовой войной; в течение менее трех лет он истребил 160 000 людей, подчинил римлянам Грецию, Македонию, Ионию, Малую Азию и многие другие народы, принадлежавшие ранее Митридату, самого царя лишил всего его флота и ограничил его власть обладанием исключительно только его от-

цовским наследием. Сулла возвратился с большим преданным ему войском, хорошо вышколенным, гордящимся его подвигами; он имел при себе также много кораблей, денег, замечательное вообще снаряжение. Враги Суллы настолько боялись его, что Карбон и Цинна, в страхе перед ним, отправили людей по всей Италии собирать деньги, войска, хлеб. Вместе с тем они привлекли в число своих сторонников знатных, а в италийских городах возбуждали в особенности новых граждан, указывая на то, что из-за них они попали в такую передрягу. Были отремонтированы суда, созван флот, стоявший в Сицилии. Он охранял морское побережье. Таким образом, и со стороны Цинны и Карбона, отчасти из страха, не было недостатка в быстрых и энергичных подготовительных действиях.

77. Тем временем Сулла, полный горделивых чувств, отправил в сенат послание, в котором перечислял, что он совершил, будучи еще квестором, в Африке против Югурты нумидийца, что, в качестве легата, в Кимврийскую войну, что, как претор, в Киликии, что, как консул, в Союзническую войну. Всего же более он гордился своими недавними подвигами против Митридата, причем перечислял подробно те народы, подвластные ранее последнему, которые он присоединил теперь к римлянам. Нисколько не менее гордился он и тем, что приютил у себя находившихся в бедственном положении бежавших к нему лиц, изгнанных из Рима Цинною, несчастия которых он облегчил. В награду за все это, писал Сулла, партийные недруги объявили его врагом отечества, разрушили его дом, убили его друзей; его жена и дети с трудом спаслись к нему. Теперь он немедленно же явится на помощь Риму и отомстит врагам за все ими содеянное. Всем прочим гражданам, в том числе и новым, Сулла обещал наперед полное прощение. Когда послание Суллы было прочитано, всех обуял страх. Были отправлены к нему послы, которые должны были постараться примирить его с его врагами и объявить: если он нуждается в обеспечении своей личной безопасности, пусть как можно скорее известит об этом сенат. Цинне и его сторонникам было запрещено набирать войско, пока не придет от Суллы ответ. Они обещали исполнить это. Но лишь только уехали послы, Цинна и Карбон тот-

час же сами назначили себя консулами и на следующий год, чтобы из-за выборов не спешить с возвращением. Вместе с тем Цинна и Карбон объезжали Италию, осматривали войско и переправляли его по частям на кораблях в Либурнию, чтобы оттуда выступить против Суллы.

78. Первый отряд войска благополучно переправился. А когда переправляли следующий отряд, поднялась буря, и те солдаты, которые успели спастись на сушу, немедленно же разбежались по своим городам под предлогом, что по доброй воле они не желают идти сражаться с гражданами. Тогда все прочие, узнав это, объявили, что они вовсе не желают отправляться в Либурнию. В гневе Цинна созвал их на собрание, чтобы там им пригрозить. Но солдаты явились тоже не с добрыми чувствами и собирались себя защищать. В это время один из ликторов, шедший пред Цинною, ударил одного попавшегося ему на глаза солдата. Тогда другой солдат ударил ликтора. Цинна приказал его схватить. Поднялся всеобщий крик, в Цинну полетели камни. Стоявшие близко к Цинне обнажили кинжалы и закололи его. Так и Цинна умер в бытность свою консулом. Карбон стал звать идти на Рим переправившихся из Либурнии, но сам, боясь всего происшедшего, не входил в Рим, несмотря на то, что народные трибуны очень звали его на выборы сотоварища по должности. Лишь после того как трибуны пригрозили Карбону объявить его частным человеком, он вернулся в Рим и назначил консульские выборы. Но в этот день были неблагоприятные знамения, и Карбон назначил другой день. Но и тогда молния ударила в храм Луны и Цереры, и авгуры перенесли выборы на летнее солнцестояние. Консулом остался один Карбон.

79. Послам, явившимся к Сулле от сената, он дал такой ответ: никогда он не будет другом людей, совершивших такие преступления, однако он не имеет ничего против, если сам город предоставит им возможность спастись; безопасность же в будущем как им, так и нашедшим у него приют он имеет возможность доставить в большей степени, имея на своей стороне преданное войско. Из одного этого ответа становилось совершенно ясно, что Сулла не собирается распустить свою армию и что он помышляет уже о тирании. Вме-

сте с тем Сулла потребовал от послов возвратить ему принадлежащее ему звание, его имущество, должность жреца, все привилегии, какими он раньше пользовался,— все полностью. Для переговоров об этом Сулла вместе с послами отправил своих людей. Они тотчас же, как только узнали, что Цинна умер и что в Риме нет правительства, вернулись из Брундизия к Сулле без всякого результата. Сулла с пятью италийскими легионами, 6000 конницы, присоединив отряды из Пелопоннеса и Македонии,— в общей сложности с сорокатысячной армией двинулся из Пирея в Патры, а из Патр в Брундизий на 1600 судах. Брундизий впустил Суллу без боя; за это он даровал городу позже освобождение от податей, которым он пользуется и по сие время. Из Брундизия Сулла двинулся с войском вперед. **80.** По собственному почину вышел к нему навстречу с отрядом союзного войска бывший тогда еще проконсулом Цецилий Метелл Пий; он давно уже был избран для окончания Союзнической войны, но не возвращался в Рим из-за господства там Цинны и Мария, а ожидал исхода событий в Лигурии. Лица, избранные в проконсулы, сохраняли свои полномочия до своего возвращения в Рим. Вслед за Метеллом явился к Сулле Гней Помпей, вскоре получивший прозвище Великого, сын Помпея, убитого молнией и не считавшегося в числе лиц, благорасположенных к Сулле. Помпей-сын, чтобы не возбудить против себя никаких подозрений, прибыл во главе легиона, набранного им в Пицене, где отец его снискал себе очень высокую репутацию. Вскоре после того Помпей-сын набрал и еще два легиона и оказался в высокой степени полезным Сулле. Поэтому-то он относился к Помпею, несмотря на его молодость, с почтением, так что, говорят, когда Помпей являлся к Сулле, последний только перед ним одним вставал. По окончании войны Сулла послал Помпея в Африку прогнать оттуда сторонников Карбона и водворить на царском престоле Гиемпсала, выгнанного нумидийцами. Сулла разрешил Помпею получить триумф над нумидийцами. Помпей тогда был еще молодым человеком и принадлежал только к сословию всадников. С тех пор Помпей пошел сильно в гору, послан был в Испанию против Сертория и позднее в Понт против

Митридата. К Сулле явился и Цетег, прежде злейший его противник из партии Цинны и Мария, изгнанный вместе с ними из Рима. Теперь Цетег пришел к Сулле в качестве умоляющего о защите и предоставлял свои услуги на все, чего Сулла ни пожелает. **81.** Обладая большим войском, имея на своей стороне многих друзей из числа знати и пользуясь ими в качестве подначальных по командованию лиц, Сулла и Метелл, оба в звании проконсулов, двинулись вперед. Сулла, получивший звание проконсула в войне с Митридатом, решил не слагать с себя этой должности, хотя Цинна и объявил его врагом отечества. Сулла шел в Рим, питая жесточайшую, хотя и скрываемую, вражду против своих врагов. Римляне, остававшиеся в городе, хорошо знавшие нрав Суллы и помнившие его прежний штурм и захват Рима, были в страхе при мысли об изданных против Суллы декретах, о разрушении его дома, о конфискации его имущества, об убийстве его друзей, о случайном спасении его потомства. Они считали, что средины для них нет — либо победа, либо окончательная гибель. Поэтому в страхе они примкнули к консулам против Суллы, послали в Италию за войском, продовольствием, деньгами; как бывает всегда во время крайней опасности, была проявлена тут большая энергия, огромное рвение. **82.** Гай Норбан и Луций Сципион, бывшие тогда консулами, вместе с ними Карбон, бывший консулом в прошлом году, одинаково с прочими враждебно были настроены к Сулле, но они испытывали большой страх при мысли о том, что они натворили. Норбан, Сципион и Карбон собрали в Риме армию, какую могли, присоединили к ней войско, набранное из Италии, и двинулись против Суллы, каждый в отдельности. Их армия состояла сначала из 200 когорт, по 500 человек в каждой, позже силы их увеличились. Общественное настроение было скорее в пользу консулов, чем на стороне Суллы, шедшего против родины, что создавало ему репутацию врага, тогда как консулы, хотя они и действовали в своих личных интересах, выступали все же на защиту отечества. К тому же большинство граждан в Риме чувствовало себя соучастниками во всех преступлениях, совершенных консулами, но стояло на их стороне из страха. Они хорошо знали, что Сулла дума-

ет не о наказании их либо об их исправлении, либо об их устрашении, но что у него в мыслях всеобщая гибель, смертные приговоры, конфискации, убийства. И в своих предположениях они не ошиблись. Война уничтожила все. Зачастую в одной битве гибло 10 000—20 000 человек, а в окрестностях Рима с обеих сторон погибло 50 000. В отношении каждого из оставшихся в живых, в отношении городов Сулла не останавливался ни перед какими жестокостями до тех пор, пока он не объявил себя единоличным владыкою всего римского государства на тот срок, который представлялся ему желательным и нужным.

83. Само божество, казалось, предсказало все это для теперешней войны. Необъяснимые ужасные явления наблюдаемы были многими, и отдельными лицами и массами, по всей Италии. Стали вспоминать об ужасных старинных предсказаниях. Было много чудес: мул разрешился от бремени, беременная женщина родила змею вместо ребенка, бог послал сильное землетрясение, в Риме рухнули некоторые храмы. Все это римляне воспринимали с тяжелым настроением. Капитолийский храм, построенный почти за 400 лет до того, сгорел, причем никто не знал причины пожара. Все это воспринималось массою как указания на предстоящую гибель Италии и самих римлян, как на завоевание самого города и ниспровержение существующего государственного строя.

84. Война началась с того момента, как Сулла в 174-ю олимпиаду высадился в Брундизии. Ее продолжительность в сравнении с значительностью всех происшедших событий, которые быстро следовали друг за другом, подгоняемые личной ненавистью к врагам, была незначительна. Поэтому и самые страдания, вызванные этим быстрым ходом событий, оказались более сильными, более острыми. И, тем не менее, война по всей Италии тянулась третий год, пока Сулла достиг господства. В Испании война продолжалась долгое время после смерти Суллы. Велико было число битв, перестрелок, осад городов и прочих разнообразных видов военных действий, в которых принимали участие полководцы, и все эти военные действия были замечательны. Наиболее же важные и достойные упоминания в общем были следующие.

Первая битва проконсулов с Норбаном была около Канузия. У Норбана погибло 6000, у Суллы 70 человек, много было раненых. Норбан отступил после этого в Капую. **85.** Против Суллы и Метелла, стоявших около Теана, выступил Луций Сципион с другим войском, вялым и желавшим мира. Узнав об этом, Сулла отправил к Сципиону послов с предложением заключить мир, не столько потому, что он надеялся добиться его или нуждался в нем, сколько потому, что он рассчитывал на волнения среди войска. Это и произошло. Сципион получил в результате состоявшегося свидания заложников, спустился на равнину; так как с обеих сторон в переговорах участвовало только трое, то нельзя было узнать содержание их. По-видимому, Сципион отложил окончательный ответ и послал насчет условий переговоров к своему сотоварищу по должности, Норбану, вестника Сертория, войска же противников оставались в бездействии, ожидая ответа Норбана. Серторий на пути захватил Суессу, бывшую на стороне Суллы. Сулла выразил за это претензию Сципиону, а последний, или потому, что он знал о том, что произошло с Суессой, или потому, что он не получил еще ответа от Норбана,— образ действия Сертория действительно был неожиданным,— отослал Сулле заложников. Немедленно после этого армия Сципиона, обвинявшая консулов в беспричинном захвате Суессы во время перемирия и в отсылке заложников, чего никто не требовал, тайно согласилась перейти на сторону Суллы, когда он подойдет ближе. После того как это произошло, тотчас же все войско Сципиона перешло на сторону Суллы, так что последний захватил консула Сципиона и его сына Луция, которые оставались одни из всего войска в шатре и были в большом затруднении. Мне кажется, это несчастье Сципиона обнаружило недостаток в нем способности командовать, коль скоро все его войско без его ведома могло заключить столь важный договор.

86. Сципиона и его сына, не будучи в состоянии их переубедить, Сулла отослал обратно, не причинив им никакого вреда. К Норбану в Капую он отправил для ведения мирных переговоров других лиц из опасения, что бóльшая часть Италии стоит еще на стороне консулов, или желая и в отношении Норбана, так же как

и в отношении Сципиона, действовать хитростью. Потерпев тут неудачу,— Норбан даже не дал никакого ответа Сулле, так как он, по-видимому, боялся, чтобы тот не поставил его в такое же незавидное положение пред войском, что и Сципиона,— Сулла снялся с лагеря и двинулся вперед, предавая всю вражескую территорию опустошению. Так же поступал на других дорогах Норбан. Карбон поспешил тем временем в Рим и вынес постановление считать врагами отечества Метелла и прочих сенаторов, примкнувших к Сулле. В это время сгорел Капитолийский храм. Болтали, что это дело рук или Карбона, или консулов, или кого-либо, подосланного Суллой. Точных сведений не было, и я не могу сообщить причины, почему храм сгорел. Серторий, давно уже избранный полководцем в Испанию, теперь, после взятия Суессы, бежал туда и, хотя прежние полководцы не хотели принять его, Серторий и в Испании причинил много хлопот римлянам. Между тем у консулов войско все прибывало и прибывало из большей части Италии, державшейся на их стороне, а также из соседившей с Эриданом Галлии. Не оставался в бездействии и Сулла. Он рассылал своих людей по Италии, куда только мог, и собирал войско, действуя дружелюбным обхождением, страхом, деньгами, обещаниями. В этих приготовлениях прошла остальная часть лета.

87. На следующий год консулами стали Папирий Карбон во второй раз и Марий, которому было всего 27 лет, племянник знаменитого Мария. Зима и большая стужа парализовали с обеих сторон все предприятия. В начале весны у реки Эзина, к юго-востоку, возгорелась жестокая битва между Метеллом и Кариною, полководцем Карбона. Карина понес большие потери, был обращен в бегство, все же окрестные места от консулов перешли на сторону Метелла. Самого Метелла настиг Карбон, расположился лагерем вокруг него и не выпускал его до тех пор, пока Марий второй, консул, не потерпел поражения в большой битве у Пренесте. Узнав об этом, Карбон перенес свою ставку и вошел в Аримин. Карбона с тыла теснил Помпей. С поражением же у Пренесте дело обстояло так. Сулла захватил Сетий, после чего Марий, расположив-

шийся лагерем вблизи него, подался немного назад. Прибыв к так называемой священной гавани, он выстроил войско в боевой порядок и дрался храбро. Когда левый фланг начал сдавать свои позиции, пять когорт пехоты и две турмы конницы не устояли и дали сигнал к отступлению, побросали свои знамена и передались на сторону Суллы. Для Мария это тотчас же послужило началом несчастного поражения. Все войско под ударами врагов побежало в Пренесте, а Сулла скорым маршем преследовал его. Жители Пренесте приняли первых из числа бежавших, но так как Сулла напал на Пренесте, его жители заперли городские ворота, и Марий был поднят в город на веревках. После того последовала новая большая резня у городских стен, причем Сулла захватил множество пленных; оказавшихся среди них самнитов, как бывших и всегда злыми врагами римлян, он велел всех перебить.

88. В те же самые дни Метелл одержал победу над другою армиею Карбона, причем Метеллу передались уцелевшие в битве пять когорт. Помпей победил Марция у города Сены и разграбил город. Сулла, заперев Мария в Пренесте, отрезал город от сообщения с остальным миром на большое расстояние посредством рва и укреплений, поручив исполнение всего этого дела Лукрецию Офелле; он хотел одолеть Мария уже не сражением, а голодом. Марий, не ожидая в дальнейшем ничего хорошего, поспешил прежде всего расправиться со своими личными врагами. Он послал приказ Бруту, бывшему претором в Риме, собрать под каким-нибудь предлогом сенат и уничтожить Публия Антистия, Папирия Карбона второго, Луция Домиция, Муция Сцеволу, исполнявшего в Риме высшую жреческую должность. Двое из поименованных лиц были, согласно приказанию Мария, умерщвлены в сенате, причем убийцы были допущены в самое помещение сената. Домиций был убит, когда он пустился бежать, выходя из сената, а недалеко от него убит был и Сцевола. Тела убитых были брошены в Тибр — уже вошло в обычай не хоронить их. Сулла вел свою армию, разделив ее на отряды, на Рим по различным дорогам, приказал ей захватить городские ворота, а в случае неудачи идти к Остии. Города, мимо

которых проходило войско, в страхе принимали Суллу, а самый Рим при его приближении открыл перед ним ворота. Жителей его угнетал голод; к тому же они привыкли ожидать в будущем более сильные бедствия по сравнению с настоящим.

89. Сулла, узнав об этом, тотчас подступил к Риму и расположил войско перед его воротами на Марсовом поле, а сам вошел в город. Все его противники разбежались. Их имущество было тотчас же конфисковано и пущено в продажу. Сулла созвал народ на собрание. Там он выразил сожаление о неизбежности всего происходящего, но приказал крепиться, так как все это тотчас же прекратится, и государственный порядок должным образом наладится. Поспешно устроив все необходимое и поставив во главе города некоторых из своих сторонников, он двинулся к Клузию, где война была еще в полном разгаре. В это время к консулам присоединилась кельтиберская конница, посланная находившимися в Испании полководцами. При происшедшей у реки Глания кавалерийской битве Сулла уничтожил 50 всадников, 270 кельтиберов перебежало к нему, остальных перебил Карбон или из досады на то, что сородичи их перебежали к врагу, или из страха, как бы этого не случилось и с этими. В то же время Сулла с другим отрядом войска разбил врагов у Сатурнии, а Метелл, продвигаясь обходным маршем в окрестностях Равенны, занял территорию Урии, богатую пшеницей равнину. Другие сторонники Суллы вошли посредством измены ночью в Неаполь, перебили всех жителей, кроме немногих успевших бежать, и захватили городские триремы. Между Суллою и Карбоном около Клузия шла жестокая битва с утра до вечера. Противники, оказавшиеся одинаково боеспособными, разошлись, когда стемнело. **90.** На Сполетской равнине Помпей и Красс, полководцы Суллы, перебили до 3000 человек из войска Карбона и приступили к осаде выступавшего против них Карины. Осада продолжалась до тех пор, пока Карбон не послал на подмогу Карине другое войско. Сулла, узнав об этом, устроил засаду и перебил до 2000 человек из проходившего мимо него войска. Карина ночью, в темноте, когда шел большой дождь, бежал. Осаждавшие

 что-то заметили, но из-за дождя не обратили на это

внимания. Карбон отправил к Пренесте Марию, своему сотоварищу по должности, Марция с 8 легионами, узнав, что Марий бедствует от голода. Помпей, устроив засаду в узком проходе, напал на эти легионы, обратил их в бегство, многих перебил, а остальных окружил на одном холме. Марций, не погасив сторожевых огней, бросился в бегство. Войско, поставив ему в вину то, что он попал в засаду, устроило большой бунт, и один легион целиком, со знаменами, не получив никакого приказания, вернулся в Аримин, а остальные по частям разошлись по своим родным городам, так что у полководца осталось всего лишь 7 когорт. Марций, потерпев такую неудачу, вернулся к Карбону. Тем временем Марк Лампоний из Лукании, Понтий Телесин из Самния, Гутта из Капуи с 70 000 человек спешили высвободить Мария из осады. Но Сулла в узком месте, через которое только и возможно было пробраться, отрезал им путь. Тогда Марий, отчаявшись откуда-нибудь получить помощь со стороны, воздвиг укрепление на большом открытом месте, свез туда боевые машины, собрал войско и пытался вооруженной силой одолеть Лукреция. Ничего не достигнув после многодневных и разнообразных попыток, Марий снова оказался запертым в Пренесте.

91. В те же самые дни Карбон и Норбан по пути к Фавенции подошли незадолго до вечера к лагерю Метелла и, несмотря на то, что оставался всего только один час дня, а кругом лежал частый виноградник, как бы совершенно потеряв рассудок и руководствуясь только раздражением, выстроили войска в боевой порядок, понадеявшись этим неожиданным маневром напугать Метелла. Они потерпели, конечно, поражение в местности, не пригодной для боя, к тому же в неурочное время и попали в гущу растений, причем потеряли много людей. Погибло около 10 000, перебежало к врагу до 6000, остальные настолько были разобщены между собою, что лишь 1000 в строевом порядке вернулась в Аримин. Другой легион луканцев, под предводительством Альбинована, узнав о поражении, перешел, несмотря на раздражение Альбинована, к Метеллу. Сам Альбинован не был в состоянии воспрепятствовать их стремительному порыву и вернулся к Норбану, а по прошествии немногих дней вступил

в тайные переговоры с Суллою. Получив от него заверение в своей безопасности, если он совершит что-либо замечательное, он пригласил в гости Норбана и бывших у него полководцев, Гая Антипатра и Флавия Фимбрию, брата того Фимбрии, который покончил с собою в Малой Азии, и всех других командиров из войска Карбона, которые тогда были налицо. Когда они все явились, за исключением Норбана,— он один только не пришел,— Альбинован всех их перебил в то время, когда они сидели за столом, а сам бежал к Сулле. Норбан, узнав, что после этого несчастья на сторону Суллы перешел Аримин и многие другие стоявшие поблизости войска, потерял всякое доверие к своим друзьям и уверенность в них — так всегда бывает при несчастьях,— сел на судно, принадлежавшее какому-то частному лицу, и отплыл на Родос. Когда позже Сулла стал требовать выдачи Норбана, а родосцы колебались, как им поступить, Норбан покончил с собою на городской площади.

92. Карбон послал Дамасиппа отвести два других легиона в Пренесте: он чрезвычайно спешил высвободить из осады Мария. Но и эти легионы не могли пройти через охраняемые Суллою узкие проходы. Вся часть Галлии, простирающаяся от Равенны до Альп, передалась целиком на сторону Метелла, а Лукулл одержал около Плаценции победу над другою частью войска Карбона. Узнав об этом, последний, хотя у него стояло еще 30 000 войска под Клузием, были два легиона Дамасиппа и другие два легиона Карины и Марция, хотя самниты сражались,— правда неудачно,— с рвением и с большими силами на его стороне около узких проходов, Карбон, несмотря на все это, потерял всякую надежду и по малодушию убежал с друзьями из Италии в Африку, будучи еще консулом; он намеревался укрепиться теперь вместо Италии в Африке. Оставшаяся часть войска Карбона, стоявшая под Клузием, вступила в битву с Помпеем и потеряла в ней до 20 000 человек. При этой очень чувствительной неудаче и остальная часть этой армии разбрелась по частям по разным городам. Карина, Марций и Дамасипп со всеми бывшими в их распоряжении военными силами отступили к узким проходам, чтобы совместно с самнитами с напряжением всех сил во что

бы то ни стало прорваться через проходы. Когда это не удалось, они двинулись против Рима, намереваясь овладеть городом, обезлюдевшим и лишенным продовольствия. В расстоянии ста стадий они раскинули лагерь на территории альбанцев.

93. Сулла, в тревоге за город, быстро отправил вперед конницу, чтобы преградить врагам путь, а сам, сосредоточив свои силы у Коллинских ворот, расположился в полдень лагерем около храма Венеры в то время, когда враги уже раскинули лагерь у города. В происшедшей к вечеру битве Сулла одержал верх на правом фланге, левый же фланг, потерпевший неудачу, бежал к воротам. Старые солдаты, стоявшие на стенах, завидев, что враги вбегают вместе с солдатами левого фланга в ворота, захлопнули ворота при помощи машины; при этом погибло много солдат и много сенаторов, а все остальные от страха и в силу необходимости обратились против неприятеля. Сражение продолжалось всю ночь, и много народа было перебито. В числе убитых были командиры Телесин и Альбин, лагери которых были захвачены. Луканец Лампоний, Марций, Карина и все прочие бывшие с ними командиры из партии Карбона бежали. С обеих сторон в этом деле погибло, кажется, 50 000 человек. Пленных, число которых превышало 8000 и большинство которых были самниты, Сулла приказал прикончить. Спустя день к нему были доставлены попавшие в плен Марций и Карина. И их обоих, хотя они и были римляне, Сулла не пощадил, а, убив, отослал их головы в Пренесте к Лукрецию, чтобы он пронес их вокруг стен города.

94. Жители его при виде этого и узнав, что вся армия Карбона погибла, что сам Норбан бежал из Италии, что вся прочая Италия и Рим добровольно подчинились Сулле, сдали Пренесте Лукрецию, Марий скрылся в подземный ров, где немного времени спустя и покончил с собою. Лукреций, отрубив его голову, отправил ее Сулле. Говорят, Сулла, положив ее на форуме пред рострами, надсмеялся над молодостью консула и сказал: «нужно сначала стать гребцом, а потом управлять рулем». Лукреций, одолев Пренесте, немедленно приказал казнить одних подначальных Марию командиров из числа сенаторов, других посадил под арест. Их убил прибывший затем в Пренесте Сулла. Всем

жителям Пренесте Сулла приказал выйти вперед, без оружия, на равнину. Когда они вышли, Сулла отделил очень немногих, тех, которые были ему в чем-либо полезны, остальным приказал собраться в три отдельные друг от друга группы, состоявшие из римлян, самнитов и пренестинцев. Когда они так сгруппировались, он объявил римлянам: хотя их поступки и достойны смерти, он их все-таки прощает, зато всех других приказал перебить, но их жен и детей он отпустил, не причинив им никакого вреда. Самый город, бывший среди тогдашних городов очень богатым, Сулла отдал на разграбление. Таким образом, пал и Пренесте. Но другой город, Норба, все еще энергично сопротивлялся, пока Эмилий Лепид не проник в него ночью при содействии измены. Жители Норбы, разгневанные этою изменою, одни сами покончили с собой, другие по взаимному соглашению убивали друг друга, третьи умерщвляли себя через повешение, наконец, были и такие, которые запирали двери своих домов и поджигали их. Поднявшийся сильный ветер так истребил огнем город, что от него не осталось никакой добычи. Так самоотверженно погибли жители Норбы.

95. Когда с войной в Италии было покончено мечом и огнем, полководцы Суллы стали объезжать города и в тех из них, которые возбуждали подозрение, ставили гарнизоны. Помпей был послан в Африку против Карбона и в Сицилию против тамошних его приверженцев. Сам Сулла созвал римлян в собрание, на котором он много и велеречиво говорил о себе, но вместе с тем наговорил и много ужасов для устрашения других. Он заявил, что улучшит положение народа, если его будут слушаться; зато по отношению к своим врагам он не будет знать никакой пощады вплоть до причинения им самых крайних бедствий; точно так же он жестоко расправится со всеми преторами, квесторами, военными трибунами, со всеми прочими, кто помогал его врагам с того дня, когда консул Сципион не сдержал заключенного с Суллою соглашения. Сразу же после этого Сулла присудил к смертной казни до 40 сенаторов и около 1600 так называемых всадников. Сулла, кажется, первый составил списки приговоренных к смерти и назначил при этом подарки тем, кто их убьет, деньги — кто донесет, наказания — кто пригово-

ренных укроет. Немного спустя он к проскрибированным сенаторам прибавил еще других. Все они, будучи захвачены, неожиданно погибали там, где их настигли,— в домах, в закоулках, в храмах; некоторые в страхе бросались к Сулле, и их избивали до смерти у ног его, других оттаскивали от него и топтали. Страх был так велик, что никто из видевших все эти ужасы даже пикнуть не смел. Некоторых постигло изгнание, других — конфискация имущества. Бежавших из города всюду разыскивали сыщики и, кого хотели, предавали смерти. **96.** Были убиты, подверглись изгнанию, конфискации имущества многие из числа тех италийцев, которые повиновались Карбону, Норбану, Марию или их подначальным командирам. По всей Италии учреждены были над этими лицами жестокие суды, причем выдвигались против них разнообразные обвинения. Их обвиняли или в том, что они были командирами, или в том, что служили в войске, или в том, что вносили деньги или оказывали другие услуги, или вообще в том, что они подавали советы, направленные против Суллы. Поводами к обвинению служили гостеприимство, дружба, дача или получение денег в ссуду. К суду привлекали даже за простую оказанную услугу или за компанию во время путешествия. И всего более свирепствовали против лиц богатых. Когда единоличные обвинения были исчерпаны, Сулла обрушился на города и их подвергал наказанию, либо срывая их цитадели, либо разрушая их стены, или налагая на граждан штрафы, или истощая их самыми тяжелыми поборами. В бóльшую часть городов Сулла отправил колонистов из служивших под его командою солдат, чтобы иметь по всей Италии свои гарнизоны; землю, принадлежавшую этим городам, находившиеся в них жилые помещения Сулла делил между колонистами. Это снискало их расположение к нему и после его смерти. Так как они не могли считать свое положение прочным, пока не укрепятся распоряжения Суллы, то они боролись за дело Суллы и после его кончины.

Пока все это происходило в Италии, Карбон со многими знатными убежал из Ливии в Сицилию, а оттуда на остров Корсику, где он был схвачен посланным Помпеем отрядом. И всех прочих Помпей приказал сопровождавшим его лицам убивать, не приводя

даже к нему. Карбона же, бывшего три раза консулом, он велел связанным привести к себе, поносил его при всем народе, а затем убил и голову его послал Сулле.

97. Когда Сулла расправился со своими врагами, как хотел, и когда у него оставался один только враг — Серторий, да и тот был далеко, он послал против него в Испанию Метелла. В Риме Сулла устроил все по своему желанию. Не было и речи о каких-либо законах или о голосованиях или о выборах по жребию: все от страха дрожали, попрятались, безмолвствовали. Было постановлено признать прочно закрепленными и не подлежащими контролю все распоряжения Суллы, сделанные им в бытность его консулом и проконсулом. Ему воздвигли позолоченную конную статую перед рострами и сделали подпись: «Статуя Корнелия Суллы, счастливого императора». «Счастливым» называли его льстецы вследствие постоянно сопутствующего ему счастья в борьбе с врагами. И лесть эта закрепилась затем в прозвище, данном Сулле. Я встретил в одном сочинении, что Сулла был провозглашен «Эпафродитом» в этом постановлении, и это сообщение мне показалось не невероятным, так как он носил также прозвище «Фавст»; последнее прозвище по своему значению очень близко к «счастливый» и «изящный». Имеется и подтверждающее это предсказание оракула, данное некогда Сулле, когда он вопрошал о своем будущем:

Римлянин, мне повинуйся! Киприда великую силу
Роду Энея дала. Бессмертным богам ежегодно
Первинки не забывай от плодов уделять и подарки
Богу Дельфийскому шли! У подножия снежного Тавра
Город обширный лежит,— он по имени назван Киприды,
В городе том обитают карийцы. Там сложишь секиру,
И осенит тебя власть своею широкою тенью.

Какое бы прозвище ни постановили даровать Сулле римляне, воздвигая его статую, мне кажется, они сделали это, либо желая скрыто подсмеяться над ним, либо умилостивить его. Сам он послал в Дельфы золотой венок и золотую секиру с такою надписью:

Сулла владычный дары посвящает тебе, Афродита,
Видел тебя он такою во сне,— ты в доспехах Ареса
Шла по рядам войсковым, бранной отвагой дыша!

98. Сулла поистине был царем или тираном не по избранию, а по силе и мощи. Ему, однако, нужна была хотя бы видимость того, что он избран, и он достиг этого следующим образом. Древние римские цари были царями в силу присущей им доблести. И когда кто-либо из них умирал, правили поочередно сенаторы в течение пяти дней, пока народ не ставил на царствование другого царя. Этого пятидневного правителя называли «междуцарем» — он был царем на пять дней. Потом при истечении срока консульства старые консулы всегда назначали выборы новых консулов; но если по какому-либо обстоятельству консула в данный момент не было налицо, то до выбора новых консулов назначался опять-таки междуцарь. Сулла ухватился за этот обычай. Консулов тогда не было: Карбон умер в Сицилии, Марий — в Пренесте. Сулла выехал недалеко от Рима и приказал сенату избрать так называемого междуцаря. Сенат избрал Валерия Флакка в надежде, что он внесет предложение устроить выборы консулов. Тогда Сулла поручил Флакку внести в народное собрание следующее предложение: по мнению его, Суллы, для Рима в настоящее время было бы полезно, чтобы в нем было диктаторское правление, хотя этот обычай прекратился 400 лет тому назад. Тот, кто будет избран, должен править не определенный срок, но до тех пор, пока Рим, Италия, вся римская держава, потрясенная междоусобными распрями и войнами, не укрепится. Это предложение имело в виду самого Суллу — в этом не было никакого сомнения. Сулла и сам не мог скрыть этого и в конце своего послания открыто заявлял, что, по его мнению, именно он в настоящее время будет полезен для Рима. **99.** Вот какое послание отправил Сулла. Римляне понимали, что им не приходится уже производить выборы по доброй воле, по закону, что вообще не они являются господами положения. В таком затруднительном положении они готовы были приветствовать хотя бы тень выборов как показную видимость свободы. Поэтому они выбрали Суллу на срок, на какой он хочет, полномочным правителем-тираном. Правда, и диктаторская власть в старину была неограниченной тиранией, но она ограничивалась коротким сроком. Тогда же впервые, не будучи

ограничена временем, она становилась вполне тиранией. Тем не менее для красного словца было прибавлено, что Сулла избирается диктатором для проведения законопроектов, которые он составит лично сам для упорядочения государственного строя. Так-то римляне, управлявшиеся царями в течение свыше 60 олимпиад, затем пользовавшиеся демократией и управлявшиеся консулами как годичными представителями государства в течение 100 олимпиад, снова испробовали царскую власть. Греки считали тогда 175-ю олимпиаду; впрочем, в Олимпии тогда не было никаких собраний, за исключением бега на стадии. Дело в том, что Сулла пригласил в Рим всех атлетов и устроил все прочие виды зрелищ во славу его подвигов в войне против Митридата или в Италии. Предлогом для устройства всех этих торжеств было дать передохнуть народу от страданий и поднять его настроение.

100. Чтобы сохранить видимость исконного государственного строя, Сулла допустил и назначение консулов. Консулами стали Марк Туллий и Корнелий Долабелла. Сам Сулла, как обладающий царской властью будучи диктатором, и стоял выше консулов. Пред ним, как пред диктаторами, носили 24 секиры, столько же, сколько носимо было и пред прежними царями. Многочисленные телохранители окружали Суллу. Существующие законы он начал отменять и вместо них издавал другие. Так, например, он воспретил занимать должность претора ранее отправления должности квестора и должность консула ранее отправления должности претора, он воспретил занимать вновь ту же самую должность до истечения 10 лет. Должность народных трибунов он почти совершенно уничтожил, лишив ее всякого значения и законом воспретив народному трибуну занимать какую-либо другую должность. Следствием этого было то, что все дорожившие своей репутацией или происхождением стали уклоняться в последующее время от должности трибуна. Впрочем, я не могу наверное сказать, был ли Сулла инициатором существующего теперь порядка, по которому назначение народных трибунов было перенесено из народного собрания в сенат. К числу членов

сената, совершенно обезлюдевшего из-за междоусобных распрей и войн, Сулла прибавил до 300 новых членов из наиболее знатных всадников, причем голосование каждого из них поручено было трибам. В состав народного собрания Сулла включил, даровав им свободу, свыше 10 000 наиболее молодых и крепких рабов, принадлежавших ранее убитым римлянам. Всех их Сулла объявил римскими гражданами, по своему имени назвав их Корнелиями, чтобы тем самым иметь возможность пользоваться голосами 10 000 таких членов народного собрания, которые готовы были исполнять все его приказания. То же самое он намеревался сделать и в отношении италийцев: он наделил служивших в его армии солдат 23 легионов, как об этом сказано мною ранее, большим количеством земли в городах, частью еще не подвергшейся переделу, частью отнятой в виде штрафа от городов.

101. Вообще Сулла был человек жестокий, крайне вспыльчивый. Квинт Лукреций Офелла, завоевавший для него Пренесте, одолевший путем осады консула Мария и тем самым завершивший победу Суллы, желал быть консулом, хотя он был еще только всадником и не отправлял ни квесторской, ни преторской должности. Лукреций претендовал на консульство, опираясь на старый обычай и основываясь на значительности всего им совершенного; он просил и граждан о поддержке его домогательства. Сулла стал препятствовать этому и старался удержать Лукреция, но не мог его убедить. Тогда он убил Лукреция на форуме. Созвав народ в собрание, Сулла сказал: «Вы, граждане, знаете и услышите это теперь от меня: я убил Лукреция, так как он меня не послушался». И к этим словам присоединил такой рассказ: «Вши кусали земледельца в то время, как он пахал. Два раза он оставлял плуг, снимал свое исподнее платье и очищал его. А когда вши его снова начали кусать, он, чтобы часто не приходилось ему прерывать свою работу, сжег платье. И я советую тем, кто дважды побежден мною, не просить у меня на третий раз огня». Такими речами Сулла запугал римлян и правил ими, как хотел. Он получил триумф за Митридатову войну. По этому поводу некоторые называли его власть в шутку царскою властью,

от которой он отрекается, так как он только скрывает имя царя. Другие говорили, что его действия доказывают обратное, и называли власть Суллы общепризнанной тиранией.

102. Такие горькие последствия имела эта война для Рима и для всей Италии. Последствия эти сказались и на всех народах за пределами Италии, которые еще ранее пострадали от войны с пиратами, с Митридатом, с Суллою или изнемогали от больших налогов, так как римская казна из-за междоусобных распрей страдала недостатком денежных средств. Ведь все народы, все союзные с Римом цари, все города, не только обязанные платить дань, но и те, которые присоединились к Риму и связаны были с ним договорами, скрепленными клятвами, все города, которые благодаря союзу с Римом или за какие-либо другие свои добродетели пользовались автономией и были свободны от уплаты податей,— все они получили теперь приказание платить дань и повиноваться. Некоторые города лишились своих территорий и гаваней, предоставленных им по договору с Римом. Александр, сын бывшего египетского царя Александра, воспитывался на Косе, был выдан косцами Митридату, бежал от него к Сулле и стал близким к нему человеком. Его Сулла назначил царем Александрии, руководствуясь тем, что там не было мужского представителя власти, а женщины, происходившие из царского рода, нуждались в родственнике мужчине. На самом деле Сулла рассчитывал хорошо поживиться с богатого царства. Молодой человек, опираясь на Суллу, стал править в Александрии слишком уж нехорошо. Поэтому после 19-дневного его управления александрийцы провели его из царского дворца в гимнасий и там убили. Так-то александрийцы, опираясь на силу своего государства и не испытав еще бедствий от внешнего врага, не боялись других.

103. В следующем году Сулла, хотя он был диктатором, притворно желая сохранить вид демократической власти, принял во второй раз консульство вместе с Метеллом Благочестивым. Может быть, поэтому и теперь еще римские императоры, назначая консулов в Риме,
 иногда объявляют самих себя таковыми, считая за

что-то прекрасное соединить с верховною властью также и консульство.

На следующий год народ, ублажая Суллу, снова избрал его консулом. Но Сулла не принял этого избрания, назначил консулом Сервилия Исаврика и Клавдия Пульхра, а сам добровольно сложил с себя свою большую власть, хотя никто его к этому не побуждал. И этот его поступок мне также представляется удивительным, именно, что один только Сулла, хотя никто на этом не настаивал, первый передал такую большую власть не своим детям, как это сделали Птолемей в Египте, Ариобарзан в Каппадокии, Селевк в Сирии, а тем, над кем он властвовал. Странно также и то, что Сулла добровольно сложил с себя ту власть, которой он овладел после того, как произвел для получения ее столько насилий, подвергся стольким опасностям. Не менее удивительно также и то, что он не побоялся сделать это после того, как в веденной им войне было истреблено более 100 000 цветущего населения, после того, как он убил и изгнал из числа своих врагов 90 сенаторов, до 15 консулов, 2600 так называемых всадников (вместе с изгнанными), причем у многих из всех этих лиц имущество было конфисковано, тела многих из них выброшены без погребения. Сулла, не побоявшись ни оставшихся в Риме, ни изгнанников, ни тех городов, которых он лишил цитаделей, стен, укреплений, денег, привилегий, объявил себя частным человеком. **104.** Столько было в этом человеке смелости, такое сопутствовало ему счастье! Говорят, когда Сулла сложил с себя власть, он прибавил на форуме, что, если кто-либо потребует, он готов дать ответ во всем происшедшем, что он отменил ликторов для себя, отставил своих телохранителей и в течение долгого времени один, лишь со своими друзьями, появлялся среди толпы, которая и теперь еще смотрела на него со страхом. Когда он возвращался домой, лишь один мальчик стал упрекать Суллу, и так как мальчика никто не сдерживал, он смело дошел с Суллой до его дома и на пути продолжал ругать его. И Сулла, распалявшийся гневом на высокопоставленных людей, на целые города, спокойно выносил ругань мальчика. Только при входе в дом он сознательно или случайно произнес

пророческие слова о будущем: «этот мальчик послужит помехою для всякого другого человека, обладающего такою властью, какою обладал я, слагать ее». И действительно, прошло короткое время, и римляне поняли, как Сулла был прав: Гай Цезарь своей власти не сложил. Причина, почему Сулла пожелал стать из частного человека тираном и из тирана обратиться снова в частного человека и после этого проводить жизнь в сельском уединении, заключается, на мой взгляд, в том, что он за всякое дело брался с пылом и проводил его со всей энергией. Сулла переехал в свое поместье в Кумах, в Италии, и там в тишине развлекался рыбной ловлей и охотой, не потому, что он остерегался вести жизнь частного человека, проживая в городе, не потому, что он не чувствовал в себе достаточно силы для новых предприятий. Он находился еще в цветущем возрасте и обладал полным здоровьем. В Италии к его услугам были 120 000 человек, недавно служивших под его начальством и теперь получивших от него большие подарки, обильные земельные наделы; в его распоряжении были в Риме 10 000 корнелиев и прочий народ, принадлежавший к числу его сторонников, преданный ему, страшный для других; все они как действовавшие раньше вместе с Суллой видели свою безопасность в том, чтобы он долго жил. Мне кажется, Сулла пресытился войнами, властью, Римом и после всего этого полюбил сельскую жизнь.

105. Лишь только Сулла удалился от дел, а римляне избавились от убийств и произвола, постепенно снова стали возгораться новые волнения. Назначенные консулы, Квинт Катул, из партии Суллы, и Эмилий Лепид, из противной ему партии, питали один к другому злейшую вражду, и между ними тотчас же началась размолвка. Ясно было, какие из всего этого произойдут беды.

Сулла, проживая в своем поместье, видел сон. Ему приснилось, что его уже зовет к себе его гений. Тотчас же, рассказав своим друзьям виденный им сон, он поспешно стал составлять завещание, окончил его в тот же день, приложил печать и к вечеру заболел лихорадкой, а ночью умер, будучи 60 лет. Это был, по-види-

мому, как показало и его имя, счастливейший человек во всем до конца своей жизни, если считать счастьем для человека исполнение его желаний. В Риме смерть Суллы вызвала тотчас же междоусобную распрю. Одни требовали, чтобы тело Суллы было провезено торжественно по всей Италии, выставлено в Риме на форуме и погребено на государственный счет. Но Лепид и его сторонники воспротивились этому. Одержали верх, однако, Катул и сулланцы. Тело Суллы провезено было по всей Италии и доставлено в Рим. Оно покоилось в царском облачении на золотом ложе. За ложем следовало много трубачей, всадников и прочая вооруженная толпа пешком. Служившие под начальством Суллы отовсюду стекались на процессию в полном вооружении, и по мере того, как они приходили, они тотчас выстраивались в должном порядке. Сбежались и другие массы народа, свободные от работы. Пред телом Суллы несли знамена и секиры, которыми он был украшен еще при жизни, когда был правителем. **106.** Наиболее пышный характер приняла процессия, когда она подошла к городским воротам и когда тело Суллы стали проносить через них. Тут несли больше 2000 золотых венков, поспешно изготовленных, дары от городов и служивших под командою Суллы легионов, от его друзей. Невозможно исчислить другие роскошные дары, присланные на похороны. Тело Суллы, из страха перед собравшимся войском, сопровождали все жрецы и жрицы по отдельным коллегиям, весь сенат, все должностные лица с отличительными знаками их власти. В пышном убранстве следовала толпа так называемых всадников и отдельными отрядами все войско, служившее под начальством Суллы. Оно все поспешно сбежалось, так как все солдаты торопились принять участие в печальной церемонии, со своими позолоченными знаменами, в посеребренном вооружении, какое и теперь еще обыкновенно употребляется в торжественных процессиях. Бесконечное количество было трубачей, игравших по очереди печальные похоронные песни. Громкие причитания произносили сначала по очереди сенаторы и всадники, далее войско, наконец, народ, одни истинно скорбя по Сулле, другие из страха перед

ним — и тогда они не меньше, чем при его жизни, боялись и его войска и его трупа. Ибо при виде всего происходящего, при воспоминании о том, что Сулла сделал, они преисполнялись страхом и должны были согласиться с противниками, что он был действительно счастливейшим из мужей, но и мертвый — самым страшным противником для них. Когда труп Суллы был поставлен на кафедре на форуме, откуда произносятся речи, надгробную речь держал самый лучший из тогдашних ораторов, потому что сын Суллы, Фавст, был еще очень молод. После того наиболее сильные из сенаторов подняли труп на плечи и понесли его к Марсову полю, где хоронили только царей. Траурный костер был окружен всадниками и войском.

107. Таков был конец Суллы. Сразу же, возвращаясь от погребального костра, консулы стали пререкаться и ссориться между собою; горожане же были одни на стороне одного консула, другие — другого. Лепид, желая привлечь и италийцев на свою сторону, говорил, что он отдаст им землю, отнятую у них Суллою. Сенат был в страхе и обязал под присягою обоих консулов не решать дела войною. Лепид, получивший по жребию Трансальпийскую Галлию, не прибыл на выборы, намереваясь на следующий год, невзирая на данную им клятву, без стеснения начать войну против приверженцев Суллы; Лепид думал, что клятва с него взята только на год его консульства. Так как он не скрывал своих планов, то сенат решил отозвать его из Галлии. Лепид, хорошо зная, почему его отзывают, явился со всем своим войском, собираясь войти с ним в город. Когда это сделать Лепиду не дозволили, он через глашатая приказал взяться за оружие. То же самое, в противовес ему, сделал Катул. Недалеко от Марсова поля между ними произошла битва, Лепид потерпел поражение и, не будучи в силах дальше сопротивляться, отплыл в Сардинию, где и умер от чахотки. Его войско разошлось отдельными отрядами; наиболее сильную его часть Перпенна отвел в Испанию к Серторию.

108. Из событий, связанных с эпохою Суллы, остается лишь война против Сертория. Она продолжалась восемь лет и была нелегкою для римлян, так как ее пришлось вести не только против иберов, но также против

римлян и Сертория. Уже раньше он был избран для управления Испанией, был союзником Карбона против Суллы, захватил Суессу во время перемирия, бежал и вернулся в назначенную ему провинцию. С войском из Италии, усиленным кельтиберами, Серторий прогнал из Испании бывших до него там начальников, которые, желая угодить Сулле, не передавали Серторию своих полномочий, и храбро сражался против Метелла, посланного Суллою. Славясь своею смелостью, Серторий собрал вокруг себя совет из 300 находившихся при нем его сторонников и говорил, что это римский совет, названный им в издевательство сенатом.

После смерти Суллы, а затем и Лепида Серторий с другим войском из италийцев, которое привел к нему полководец Лепида, Перпенна, намеревался, по-видимому, идти походом на Италию. Это и случилось бы, если бы сенат, испуганный этим, не послал другое войско в Испанию, помимо там бывшего, и другого полководца, а именно Помпея, человека еще молодого, но прославившегося своими действиями при Сулле в Африке и в самой Италии. **109.** Помпей смело перешел Альпы не по той трудной дороге, по которой шел в свое время Ганнибал. Он проложил другую дорогу около истоков Родана и Эридана, которые вытекают из Альпийских гор в недалеком расстоянии друг от друга. Одна протекает чрез область трансальпийских галлов и изливается в Тирренское море, другая изливается по сю сторону Альп в Ионийское море и меняет свое название на Пад. Когда Помпей явился в Испанию, Серторий перебил весь его легион, вышедший за фуражом, со вьючными животными и обозной прислугой, разграбил и разрушил на глазах у самого Помпея город Лаврон. Во время штурма города одна женщина, когда какой-то солдат хотел изнасиловать ее, пальцами выколола себе глаза. Серторий, узнав об этом, приказал истребить всю когорту, которая, хотя бы в лице одного солдата, позволила себе такой дикий поступок. **110.** Наступившая зима положила конец военным действиям. Но с началом весны враждующие стороны выступили друг против друга: Метелл и Помпей с Пиренейских гор, где они зимовали, Серторий

и Перпенна — из Лузитании. Стычка произошла около города Сукрона. При ясном небе слышался страшный гром, мелькали невиданные молнии, но враги, как опытные в военном деле, отнеслись к этому без всякого страха, и резня с обеих сторон была жестокая до тех пор, пока Метелл не обратил в бегство Перпенну и не подверг разграблению его лагерь, а Серторий одержал победу над Помпеем, причем последний был опасно ранен в бедро копьем. Это положило конец сражению. У Сертория была белая ручная, гулявшая на свободе лань. Когда она исчезла, Серторий, считая это для себя неблагоприятным предзнаменованием, был в дурном расположении духа и ничего не предпринимал, так что из-за этой лани враги даже стали подсмеиваться над ним. Когда же она показалась и помчалась чрез густой лес, Серторий выбежал и тотчас же, как бы под ее предводительством, напал на неприятеля. Немного спустя он выдержал большой бой, от полудня до восхода звезд, около Сагунта. Сражаясь сам на коне, он одолел Помпея, убил из его войска до 6000 человек, потеряв сам 3000. Метелл и в этой битве истребил около 5000 из армии Перпенны. На следующий день после этой битвы Серторий, прихватив большое количество туземцев, вечером неожиданно напал на лагерь Метелла, смело намереваясь отрезать его рвом. Но когда на него повел наступление Помпей, Серторий отказался от своего смелого плана. Таковы были военные действия в течение лета. Зима снова разъединила врагов.

111. В следующем году, в 170-ю олимпиаду, к римлянам по завещанию присоединились две области: Вифиния, которую им оставил Никомед, и Кирена, принадлежавшая царю Птолемею, потомку Лага, носившему прозвище Апион. Военные действия были в полном разгаре. Война с Серторием в Испании, война с Митридатом на востоке, война с пиратами повсеместно на море, война на Крите против критян, война с гладиаторами в Италии, возникшая внезапно и оказавшаяся для римлян очень тяжелой. Вынужденные разделить на столько частей свои военные силы, римляне все-таки послали в Испанию два новых легиона. С ними и со всем старым войском Метелл и Пом-

пей снова спустились с Пиренейских гор к Иберу. Серторий и Перпенна вышли к ним навстречу из Лузитании. В это время многие из войска Сертория стали перебегать к Метеллу.

112. Разгневанный этим Серторий жестоко и по-варварски поносил перебежчиков и этим навлек на себя ненависть. Всего же более обвиняло Сертория войско в том, что он вместо римлян повсеместно стал привлекать на службу в качестве копьеносцев кельтиберов, поручал им должности телохранителей, отстранив римлян. Упреки в неверности были для войска невыносимы, коль скоро ему приходилось служить под начальством римских врагов. Задевало солдат всего более и то, что они из-за Сертория, как оказывалось, нарушили верность своей родине, а между тем сам же Серторий обвинял их в неверности. Они считали оскорбительным для себя и то, что оставшиеся при Сертории подвергались осуждению из-за попадавшихся среди них перебежчиков. Между тем и кельтиберы, придравшись к этому, надругались над римлянами как над лицами, потерявшими доверие. При всем этом римляне все-таки не уходили окончательно, нуждаясь в Сертории: не было в то время человека более воинственного, более удачливого, чем он. Поэтому-то и кельтиберы называли Сертория за быстроту его действий вторым Ганнибалом, которого они считали из всех бывших у них полководцев самым смелым и самым хитрым. Таково было настроение в войске Сертория. Тем временем войско Метелла делало набеги на многие города, находившиеся во власти Сертория, и мужское население их приводило в подчиненные Метеллу места. Когда Помпей осаждал Палланцию и подвел к деревянным стенам ее колодки, прибывший Серторий освободил город от осады, но Помпей успел все-таки поджечь стены, после чего возвратился к Метеллу. Серторий восстановил упавшие стены и, напав около местечка Калачур на римский лагерь, убил 3000 человек. Вот это происходило в Испании в этом году.

113. В следующем году римские полководцы, набравшись еще больше смелости и презрения к врагам, стали нападать на города, находившиеся во власти Сер-

тория, многие из них привлекли на свою сторону и стали подступать к другим городам, ободренные успехом своих предприятий. Однако до большой битвы дело нигде не дошло, но снова.., до тех пор, пока в следующем году они снова не стали продолжать военные действия с все более и более возраставшим презрением к врагу. Серторий же, по божьему попущению, ни с того, ни с сего перестал заниматься делами, обставил себя роскошью, проводил время в обществе женщин, в пирах и попойках. Поэтому он терпел неоднократные поражения. Разного рода подозрения сделали Сертория чрезвычайно раздражительным и жестоким в применении карательных мер. Серторий стал подозревать всех, так что и Перпенна, пришедший к нему по своей воле с большим войском после междоусобной распри Эмилия, стал опасаться за себя и вместе с 10 другими лицами составил заговор против Сертория. После того как некоторые из заговорщиков были изобличены и одни из них понесли наказания, другие успели скрыться, Перпенна, неожиданно оставшийся неизобличенным, еще более стал торопиться с исполнением своего замысла. Так как Серторий нигде не отпускал от себя телохранителей, то Перпенна пригласил его на угощение, напоил допьяна его и окружавшую его стражу и всех их перебил во время пира.

114. Войско тотчас же с большим шумом и гневом восстало против Перпенны — ненависть к Серторию немедленно перешла в преданность к нему. У всех утихает гнев к мертвым, коль скоро причинявший огорчение сошел с пути, и все начинают жалеть его и вспоминать о его доблестях. Ко всему этому войско Перпенны стало обдумывать и свое настоящее положение. Конечно, оно относилось к Перпенне с презрением, как к обыкновенному человеку, одна только храбрость Сертория, думало войско, могла бы спасти его. Поэтому-то было настроено враждебно к Перпенне также и туземное ополчение, в особенности лузитанцы, услугами которых всего более пользовался Серторий. Когда было вскрыто завещание Сертория, где Перпенна назначен был его наследником, всеобщий гнев и ненависть к Перпенне усилились еще больше за то, что он

совершил такую гнусность не только в отношении своего начальника и полководца, но и в отношении своего друга и благодетеля. Дело дошло бы до кулачной расправы, если бы Перпенна не обошел солдат, одних склонив на свою сторону подарками, других обещаниями, третьим пригрозив, а кое с кем и расправившись, чтобы дать острастку другим. При этом Перпенна объезжал туземные племена, созывал собрания, освобождал узников, закованных Серторием в кандалы, возвращал иберам данных ими заложников. Прельщенные всем этим, они стали повиноваться Перпенне как полководцу — это звание он носил после смерти Сертория. Тем не менее враждебное настроение к Перпенне все-таки проявлялось. Дело в том, что он тотчас же, осмелев, начал проявлять большую жестокость в применении карательных мер; так, он приказал убить трех знатных лиц, бежавших к нему из Рима, а также своего племянника.

115. Между тем Метелл направился в другие места Испании. Он полагал, что справиться с Перпенной будет нетрудно и одному Помпею. В течение нескольких дней у Помпея с Перпенной происходили небольшие пробные стычки, причем они не приводили в действие все свои войска, но на десятый день дело разразилось большим сражением: одним ударом решили они все покончить: Помпей потому, что он относился с презрением к полководческому таланту Перпенны, последний потому, что он не очень-то полагался на свое войско. Поэтому-то Перпенна и вступил в бой почти со всем своим войском. Скоро Помпей одержал верх над Перпенной, не бывшим выдающимся полководцем, не располагавшим преданным войском. При начавшемся общем бегстве Перпенна укрылся в густо растущий кустарник, боясь своих солдат больше, чем вражеских. Несколько всадников захватили Перпенну и повлекли его к Помпею. Они поносили его как убийцу Сертория, а Перпенна вопил, что он много расскажет Помпею о междоусобной распре в Риме. Не знаю, правду ли он тут говорил или с той целью, чтобы его привели к Помпею живым. Помпей, однако, послал своих людей вперед и приказал им убить Перпенну, прежде чем он к нему явится. Он боялся, как бы Перпенна

вдруг не открыл ему чего-нибудь неожиданного, что могло бы дать толчок к другим бедствиям в Риме. Оказалось, что в данном случае Помпей поступил очень благоразумно, и это послужило упрочению его доброй славы. Таким образом, со смертью Сертория окончилась война в Испании. По-видимому, она не окончилась бы так скоро и так легко, если бы Серторий оставался в живых.

116. В это самое время в Италии среди гладиаторов, которые обучались в Капуе для театральных представлений, был фракиец Спартак. Он раньше воевал с римлянами, попал в плен и был продан в гладиаторы. Спартак уговорил около семидесяти своих товарищей пойти на риск ради свободы, указывая им, что это лучше, чем рисковать своей жизнью в театре. Напав на стражу, они вырвались на свободу и бежали из города. Вооружившись дубинами и кинжалами, отобранными у случайных путников, гладиаторы удалились на гору Везувий. Отсюда, приняв в состав шайки многих беглых рабов и кое-кого из сельских свободных рабочих, Спартак начал делать набеги на ближайшие окрестности. Помощниками у него были гладиаторы Эномай и Крикс. Так как Спартак делился добычей поровну со всеми, то скоро у него собралось множество народа. Сначала против него был послан Вариний Глабр, а затем Публий Валерий. Но так как у них было войско, состоявшее не из граждан, а из всяких случайных людей, набранных наспех и мимоходом,— римляне еще считали это не настоящей войной, а простым разбойничьим набегом,— то римские полководцы при встрече с рабами потерпели поражение. У Вариния даже коня отнял сам Спартак. До такой опасности дошел римский полководец, что чуть не попался в плен к гладиаторам. После этого к Спартаку сбежалось еще больше народа, и войско его достигло уже 70 000. Мятежники ковали оружие и собирали припасы. **117.** Римляне выслали против них консулов с двумя легионами. Одним из них около горы Гаргана был разбит Крикс, командовавший 30-тысячным отрядом. Сам Крикс и две трети его войска пали в битве. Спартак же быстро двигался через Апеннинские горы к Альпам, а оттуда — к кельтам. Один из консулов опе-

редил его и закрыл путь к отступлению, а другой догонял сзади. Тогда Спартак, напав на них поодиночке, разбил обоих. Консулы отступили в полном беспорядке, а Спартак, принеся в жертву павшему Криксу 300 пленных римлян, со 120 000 пехоты поспешно двинулся на Рим. Он приказал сжечь весь лишний обоз, убить всех пленных и перерезать вьючный скот, чтобы идти налегке. Перебежчиков, во множестве приходивших к нему, Спартак не принимал. В Пицене консулы снова попытались оказать ему противодействие. Здесь произошло второе большое сражение, и снова римляне были разбиты. Но Спартак переменил решение идти на Рим. Он считал себя еще не равносильным римлянам, так как войско его далеко не все было в достаточной боевой готовности: ни один италийский город не примкнул к мятежникам; это были рабы, перебежчики и всякий сброд. Спартак занял горы вокруг Фурий и самый город. Он запретил купцам, торговавшим с его людьми, платить золотом и серебром, а своим — принимать их. Мятежники покупали только железо и медь за дорогую цену и тех, которые приносили им эти металлы, не обижали. Приобретая так нужный материал, мятежники хорошо вооружились и часто выходили на грабеж. Сразившись снова с римлянами, они победили их и, нагруженные добычей, вернулись к себе.

118. Третий уже год длилась эта страшная война, над которой вначале смеялись и которую сперва презирали как войну с гладиаторами. Когда в Риме были назначены выборы других командующих, страх удерживал всех, и никто не выставлял своей кандидатуры, пока Лициний Красс, выдающийся среди римлян своим происхождением и богатством, не принял на себя командования. С шестью легионами он двинулся против Спартака. Прибыв на место, Красс присоединил к своей армии и два консульских легиона. Среди солдат этих последних, как потерпевших неоднократные поражения, он велел немедленно кинуть жребий и казнил десятую часть. Другие полагают, что дело было не так, но что после того, как все легионы были соединены вместе, армия потерпела поражение, и тогда Красс по жребию казнил каждого десятого легио-

нера, нисколько не испугавшись числа казненных, которых оказалось около 4000. Но как бы там ни было, Красс оказался для своих солдат страшнее побеждавших их врагов. Очень скоро ему удалось одержать победу над 10 000 спартаковцев, где-то стоявших лагерем отдельно от своих. Уничтожив две трети их, Красс смело двинулся против самого Спартака. Разбив и его, он чрезвычайно удачно преследовал мятежников, бежавших к лагерю с целью переправиться в Сицилию. Настигнув их, Красс запер войско Спартака, отрезал его рвом, валами и палисадом. **119.** Когда Спартак был принужден попытаться пробить себе дорогу в Самниум, Красс на заре уничтожил около 6000 человек неприятелей, а вечером еще приблизительно столько же, в то время как из римского войска было только трое убитых и семь раненых. Такова была перемена, происшедшая в армии Красса благодаря введенной им дисциплине. Эта перемена вселила в нее уверенность в победе. Спартак же, поджидая всадников, кое-откуда прибывших к нему, больше уже не шел в бой со всем своим войском, но часто беспокоил осаждавших мелкими стычками; он постоянно неожиданно нападал на них, набрасывал пучки хвороста в ров, зажигал их и таким путем делал осаду чрезвычайно трудной. Он приказал повесить пленного римлянина в промежуточной полосе между обоими войсками, показывая тем самым, что ожидает его войско в случае поражения. В Риме, узнав об осаде и считая позором, если война с гладиаторами затянется, выбрали вторым главнокомандующим Помпея, только что вернувшегося тогда из Испании. Теперь-то римляне убедились, что восстание Спартака дело тягостное и серьезное. **120.** Узнав об этих выборах, Красс, опасаясь, что слава победы может достаться Помпею, старался всячески ускорить дело и стал нападать на Спартака. Последний, также желая предупредить прибытие Помпея, предложил Крассу вступить в переговоры. Когда тот с презрением отверг это предложение, Спартак решил пойти на риск, и так как у него уже было достаточно всадников, бросился со всем войском через окопы и бежал по направлению к Брундизию. Красс бросился за ним. Но когда Спартак узнал, что в Брундизии

находится и Лукулл, возвратившийся после победы над Митридатом, он понял, что все погибло, и пошел на Красса с большой и тогда своей армией. Произошла грандиозная битва, чрезвычайно ожесточенная вследствие отчаяния, охватившего такое большое количество людей. Спартак был ранен в бедро дротиком: опустившись на колено и выставив вперед щит, он отбивался от нападавших, пока не пал вместе с большим числом окружавших его. Остальное его войско, находясь в полном беспорядке, было изрублено. Говорят, что число убитых и установить было нельзя. Римлян пало около 1000 человек. Тело Спартака не было найдено. Большое число спартаковцев еще укрылось в горах, куда они бежали после битвы. Красс двинулся на них. Разделившись на четыре части, они отбивались, пока не погибли все, за исключением 6000, которые были схвачены и повешены вдоль дороги из Капуи в Рим.

121. Красс, покончивший гладиаторскую войну в шесть месяцев, немедленно же стал после этого соперником Помпея по славе. Он не распустил своего войска, потому что этого не сделал и Помпей. Свою кандидатуру на консульство выставили они оба: Красс ввиду того, что он, согласно закону Суллы, был претором, Помпей же не был ни претором, ни квестором и имел в это время 34 года. Зато он обещал народным трибунам снова вернуть многие прежние прерогативы их власти. Когда Помпей и Красс были избраны консулами, они не распустили своих армий, но держали их поблизости от Рима; каждый выставлял такой предлог: Помпей говорил, что он ожидает возвращения Метелла, чтобы справить испанский триумф, Красс же указывал на то, что предварительно должен распустить свое войско Помпей. Народ, видя, что начинается новая распря, боясь двух армий, расположенных около Рима, просил консулов в заседании, происходившем на форуме, покончить дело миром. Сначала Помпей и Красс отказались. После того как некоторые предсказатели стали предвещать наступление многих ужасов в том случае, если консулы не примирятся, народ снова с плачем и унижением просил их примириться, ссылаясь на бедствия, бывшие при Сул-

ле и Марии. Тогда Красс первый сошел со своего кресла, направился к Помпею и протянул ему руку в знак примирения. Помпей встал, в свою очередь, и подбежал к Крассу. Когда они подали друг другу руки, посыпались на них всякого рода благопожелания, и народ оставил собрание лишь после того, как оба консула объявили, что они распускают свои армии. Так-то спокойно разрешилась размолвка между консулами, которая, по-видимому, могла повести к большой междоусобной распре.

Эта часть «Гражданских войн» пала на год, отстоявший от убийства Тиберия Гракха приблизительно на 60 лет.

ГАЙ САЛЛЮСТИЙ КРИСП • О ЗАГОВОРЕ КАТИЛИНЫ

Стр. 7. *Кир* — основатель персидской державы Кир Старший (ок. 558—529 гг. до н. э.; о нем см. кн. 1 «Истории» Геродота).

Стр. 9. *Единовластие... Суллы* продолжалось с 82 по 79 г. до н. э.

Стр. 11. *...в Афинах появились писатели...* — Речь идет о прославлявших деяния афинян трагике Эсхиле, поэте Симониде Кеосском, историках Геродоте и Фукидиде.

Стр. 12. *...цари были побеждены в войнах.* — Речь идет о разгромленных римлянами царях: эпирском Пирре (275 г. до н. э.), сирийском Антиохе III (188 г. до н. э.), македонском Персее (168 г. до н. э.), понтийском Митридате VI (63 г. до н. э.).

Стр. 14. *Паррици́да* — убийца близкого родственника (отца, брата и т. д.), а также лица, пользующегося правом неприкосновенности.

Стр. 15. *...со жрицей Весты...* — Жрицы богини Весты, весталки, давали обет целомудрия, нарушение которого каралось смертью. Казнили также и соблазнителей весталок. Катилина и его возлюбленная весталка Фабия, сводная сестра жены Цицерона Теренции, были оправданы благодаря покровительству высокопоставленных лиц.

Стр. 16. *...Гней Помпей вел войну на краю света...* — Выдающийся римский полководец и политический деятель Гней Помпей (106—48 гг. до н. э.), впоследствии соперник Цезаря в борьбе за единоличную власть, в описываемое время воевал на Востоке, где покорил территории до Кавказа, Каспийского моря и Евфрата.

Календы — в римском календаре у римлян первое число каждого месяца, отсюда происходит слово «календарь».

Сенаторское сословие было высшим в римском государстве, *всадническое* — следующим после сенаторского.

...из колоний и муниципиев... — Колониями назывались римские поселения на завоеванных землях, управлявшиеся в соответствии с римскими законами; муниципиями — покоренные общины Италии, управлявшиеся местными должностными лицами на основании местных законов.

Стр. 17. *Ноны* — седьмое число марта, мая, июля и пятое число остальных месяцев.

Фасцы (фасции) — пучки розог с воткнутыми в них секирами, принадлежность ликторов — телохранителей высших магистратов (должностных лиц) — диктаторов, преторов, *консулов*. Консулы осуществляли высшую власть в республиканском Риме, ежегодно избиралось по два консула.

...обе Испании... — Испания делилась на две провинции — Ближнюю и Дальнюю.

Квестор — высший финансовый чиновник, казначей.

Варвары — все неримляне и негреки.

Клиенты Гнея Помпея — клиентами называли простолюдинов, находившихся в зависимости от знатного покровителя — патрона. Впоследствии понятие «клиентела» было распространено на целые города и провинции, имевшие в Риме своих патронов.

Стр. 18. *Тетрарх* (греч.) — букв.: четверовластник, владелец четвертой части, „князек“.

Стр. 19. *Проскрипция* — список лиц, объявленных вне закона, чье имущество подлежало конфискации.

Стр. 20. *Новый человек* — то есть незнатного происхождения.

Стр. 21. *Город* — Рим.

Стр. 22. *...соглашением о провинциях...* — Еще до вступления консулов в должность сенат назначал провинции, которыми они должны были управлять по окончании консулата. Консулы жребием распределяли провинции между собой. Цицерону досталась богатая Македония, но он уступил ее Антонию, полагая, что возможность обогатиться выведет Антония из-под влияния Катилины.

Стр. 23. *Империй* — полнота власти высших магистратов (консула, претора, проконсула, пропретора).

Император — в республиканскую эпоху военачальник, облеченный высшей военной властью. Кроме того, это был почетный титул, который солдаты давали своему начальнику за удачные боевые действия.

Триумф — торжественный въезд в город полководца после крупной победы. Решение о предоставлении триумфа принималось сенатом, так как триумфатор вступал в город, облеченный военной властью, которую он слагал с себя по окончании шествия в храме Юпитера Капитолийского, вообще же доступ в город лицам с военной властью был запрещен.

Стр. 24. *Плавциев закон* — закон, принятый в 78 г. до н. э. против тех, кто с оружием в руках нарушает покой государства.

Стр. 25. *...возвратите нам защиту закона...* — Закон Петелия — Папирия 326 г. до н. э. запрещал отнимать имущество и обращать в рабство несостоятельных должников.

Стр. 26. *Консуляр* — лицо, ранее бывшее консулом.

Стр. 30. *Аллоброги* — галльское племя, обитавшее на юго-востоке современной Франции.

Стр. 32. *...Лентула... приводит в сенат...* — Претора Лентула мог арестовать только сам консул.

Книги Сивиллы — пророческие книги, купленные, по преданию, царем Тарквинием Гордым у пророчицы Сивиллы. Толкованием их занималась специальная коллегия.

Стр. 32—33. *Гаруспик* — гадатель, предсказывавший будущее по внутренностям жертвенных животных.

Стр. 34. *...как должностное лицо... погряз в долгах.* — Отправляя в 65 г. до н. э. должность эдила, Цезарь устроил великолепные игры для развлечения народа.

Стр. 37. *Порциев закон,* принятый в 198 г. до н. э., запрещал подвергать римских граждан телесным наказаниям.

Стр. 39. *Марк Порций Катон* Утический — видный политический деятель, известный строгостью нрава, ярый республиканец.

Стр. 42. *«...казнить по обычаю предков».* — То есть без права апелляции и без замены казни изгнанием.

Стр. 44. *Тресвиры* — букв.: три человека, младшие магистраты, несшие полицейскую службу, тушившие пожары и исполнявшие приговоры.

Стр. 47. *Колоны* — ветераны из сулланских колоний.

Претор — здесь: главнокомандующий, вообще второй после консула сановник, осуществлявший судебную власть; *префект* — командующий конницей; *легат* — заместитель главнокомандующего; *трибуны* — здесь: военные трибуны, сменные начальники легионов — подразделений римского войска. Народные трибуны — магистраты, охранявшие права плебеев.

ТИТ ЛИВИЙ • ИСТОРИЯ ОТ ОСНОВАНИЯ РИМА

КНИГА I

Стр. 53. *Энеты* — пафлагонское племя, греки отождествляли их по созвучию с племенем *венетов,* обитавших, так же как и *эвганеи,* на севере Италии.

Стр. 54. *Пенаты* — боги — хранители домашнего очага.

Рутулы — племя, родственное латинянам.

Стр. 55. *...оттого называемый Альбой Лонгой.* — То есть Альбой Длинной. Этот город располагался в 25—30 км к юго-востоку от Рима.

Сильвий... рожденный в лесу. — По-латыни silva — лес.

Стр. 56. *Руминальская смоковница* — название производилось от имени богини вскармливания младенцев Румины.

...звалась среди пастухов «волчицей»... — По-латыни lupa означает и «волчица», и «потаскуха».

Стр. 57. *Луперкалии* — праздник, название которого связывали со словом lupus — «волк». Точное значение названия и смысла обрядов были неясны уже в древности, и в по-

исках объяснений некоторые возводили его к аркадскому празднику в честь Пана Ликейского (Волчьего).

Стр. 59. *Кармента* (от латинского carmen — «пророчество», «песнь») — древнее италийское божество, отождествленное позднее с аркадской нимфой, матерью Эвандра.

Стр. 61. *Консуалии* — первоначально праздник в честь местного бога житниц и амбаров Конса, он сопровождался конными состязаниями и со временем стал восприниматься как праздник в честь Нептуна Конного, который, как и греческий Посейдон, считался богом не только моря, но и лошадей.

Ценинцы, крустуминцы, антемняне — жители соседних с Римом селений — Ценин, Крустумерия и Антемн.

Сабиняне — народ, обитавший по соседству с латинянами. Легенда о похищении сабинянок, по-видимому, отражает слияние двух этнических элементов в одной общине.

Стр. 62. *Талассию* — значение этого свадебного возгласа было неясно уже в древности. Ливий приводит лишь одно из возможных объяснений.

Стр. 63. *...к имени... прибавил прозвание.* — Прозвище Феретрийский производилось от глагола ferre — «нести», «приносить».

Стр. 66. *Фиденяне* — жители Фиден, города в 6—8 км севернее Рима.

Стр. 67. *Вейяне* — жители Вей, города, находившегося в 20 км к северо-западу от Рима.

Стр. 70. *Нума Помпилий* — личность этого царя обросла легендами, хотя историчность его подтверждают современные исследования. Годы его царствования, по преданию,— 715—672 гг. до н. э.

Пифагор — знаменитый греческий философ VI в. до н. э.

Стр. 71. *...закрывали его дважды...* — Разумеется, мирных периодов в римской истории было больше, но обычай, по-видимому, соблюдался не всегда.

Тит Манлий Торкват — консул 235 г. до н. э. Ливий, очевидно, смешивает его с Авлом Манлием Торкватом, в консульство которого (241 г. до н. э.) завершилась 1-я Пуническая война.

Стр. 72. *Фламин* — жрец, ведавший культом какого-нибудь одного божества и наблюдавший за жертвенным огнем.

Квирин — древнее сабинское божество, отождествленное позднее с обоготворенным после смерти Ромулом.

Стр. 73. *Салии* — древняя коллегия жрецов. Название их античные авторы производили от слова salire — «прыгать», поскольку салии исполняли особый магический танец. Священная песнь салиев уже во времена Ливия была непонятна.

Градив — прозвище бога войны Марса.

«Анцилии» — священные щиты, продолговатые по форме. По преданию, во время чумы в Риме такой щит упал с неба в руки Нуме как залог спасения Рима. Желая

сберечь его, Нума приказал изготовить еще 11 точно таких же щитов и поручил их хранение коллегии салиев.

Понтифик — жрец, в ведении которого был надзор за всеми общественными богослужениями, составление летописей и календаря. Коллегию понтификов возглавлял великий понтифик (понтифекс ма́ксимус).

Стр. 74. *Камены* — первоначально римские божества источников, впоследствии отождествленные с музами.

Тулл Гостилий царствовал, по преданию, в 672—640 гг. до н. э., так же как его противник Меттий Фуфетий — лицо историческое. Исторический факт также падение Альбы, остальные сведения о Тулле скорее всего легендарны.

Стр. 77. *Фециал* — жрец, ведавший объявлением войны и заключением договоров: то и другое сопровождалось специальными обрядами. Коллегия фециалов состояла из 20 человек, среди них был «вербенарий» — жрец, несший священную траву, и *«отец-отряженный»* — жрец, говоривший клятвы от имени общины.

Стр. 79. *Оплакивать неприятеля* в Риме запрещал специальный закон.

Дуумвиры — букв.: двое мужей. Представший перед таким судом не имел права защиты и права обжалования. К преступлениям, подлежащим суду дуумвиров, относилась измена, узурпация власти, казнь римского гражданина без суда.

Стр. 79—80. *Зловещее дерево* — дерево, посвященное подземным богам. Такими деревьями считались самопроизрастающие и неплодоносящие деревья. Осужденных подвешивали к дереву и засекали до смерти.

Стр. 85. *Ферония* — древнее италийское божество.

Стр. 86. *Анк Марций* царствовал в 640—616 гг. до н. э.

Стр. 89. *Мурция* — божество горы Мурк (древнее название части Авентинского холма).

Мезийский лес — лес к югу от Тибра.

Стр. 91. *...избрал его на царство.*— Время правления Тарквиния Древнего — 616—578 гг. до н. э.

Стр. 92. *Портик* — крытая колоннада вдоль стены. Упоминание его здесь является анахронизмом: в Риме портики появились только во II в. до н. э.

Стр. 93. *Комиций* (от comire — «сходиться») — место народных собраний, примыкавшее к форуму.

Стр. 94. *Коллация* расположена была восточнее Рима, *Корникул, Камерия* и прочие перечисленные города к северо-востоку и к северу от Рима в пределах 40 км.

Сервий Туллий правил в 578—534 гг. до н. э. Предание о его рабском происхождении, которое Ливий критикует ниже, связано, очевидно, с созвучием его имени со словом servus — «раб».

Стр. 97. *...из верхней половины дома сквозь окно...*— Анахронизм: в италийских домах той эпохи не было ни вторых этажей, ни окон на улицу.

Трабея — царское одеяние, короткий пурпурный плащ.

Стр. 98. *Ценз* (censere — «оценивать») — оценка имущества и основанное на ней распределение прав и обязанностей граждан. Этим словом обозначалось и само оцененное имущество, и составленный на основе оценки список, и составление этого списка.

Сто тысяч ассов — анахронизм: монету в Риме чеканили только с III в. до н. э. В целом же черты *основанного на цензе порядка* описаны Ливием в соответствии с действительностью.

...старших и младших возрастов... — Младший возраст — от 17 до 46 лет, старший — свыше 46.

Стр. 99. *Триба* (букв.: треть) — первоначально римская община разделялась на три родовые трибы. Позднее — предание приписывает это Сервию Туллию — они были заменены территориальными, четырьмя городскими и сельскими. Число сельских триб было в разные периоды различно, пока общее число триб не достигло 35.

Стр. 100. *Померий* — городская черта, проводившаяся плугом с впряженными в него быком и коровой.

Стр. 105. *...его поступки принесли прозвание Гордого...* — Этот, ставший традиционным, перевод не вполне точен: латинское superbus означает «гордый», «надменный», «своенравный», «неумолимый». Царствовал Тарквиний Гордый, по преданию, в 534—510 гг. до н. э.

Стр. 109. *Вольски* — народ, в VI в. до н. э. спустившийся с Апеннин на побережья Латия и Кампании и впоследствии покоренный римлянами.

Эквы — один из народов, населявших Латий, союзники вольсков. *Герники* — народность, родственная сабинянам.

Стр. 111. *Термин* — божество границ и межей.

Стр. 112. *Подземный Большой канал* — этот канал, отводивший в Тибр воды с долин между римскими холмами, подземным стал только после 200 г. до н. э., когда над ним построили свод. Во времена, описываемые Ливием, он был просто забран в стены.

...выползла змея. — Змея считалась предвестницей смерти.

Луций Юний Брут, по-видимому, существовал в действительности. К нему возводил свое происхождение плебейский род Юниев Брутов. Сведения о его характере относятся к области легенд.

КНИГА XXI

Стр. 118. *Первая Пуническая война* велась за господство в Сицилии в 264—241 гг. до н. э. и завершилась поражением карфагенян. Карфагенским войском командовал выдающийся полководец *Гамилькар* Барка («молния»), отец Ганнибала.

Африканская война — речь идет о восстании в Карфагене наемных солдат и покоренных местных племен вскоре после окончания 1-й Пунической войны. Восстание было подавлено Гамилькаром.

...римляне захватили ее обманом... — Сардиния была захвачена римлянами во время восстания в Карфагене. Римляне воспользовались волнениями на этом острове и на попытки Карфагена урегулировать сардинский вопрос объявили ему войну, но удовольствовались контрибуцией.

Стр. 119. *Смерть Гамилькара* — в 229 г. до н. э., Ганнибалу было в то время 16 или 17 лет.

Баркиды — карфагенская партия сторонников Гамилькара. Основным направлением их политики было укрепление заморских позиций государства и подготовка новой войны с Римом.

Сагунтинцы — жители Сагунта, греческого города неподалеку от совр. Валенсии.

Стр. 120. *Ганнон* Великий — Карфагенский полководец и политический деятель, противник политики баркидов (см. прим. к стр. 119), задачей карфагенской политики считал укрепление позиций Карфагена в Африке.

Стр. 121. *Олькады* — народность Центральной Испании.

Стр. 122. *Новый Карфаген* (совр. Картахена) — опорный пункт карфагенян в Испании, город на юго-восточном ее побережье, основанный Газдрубалом.

Вакцеи — одно из испанских племен с главным городом *Германдикой* (на месте совр. Саламанки); *Арбокала* находилась примерно в 60 км от него.

Карпетаны — испанское племя, населявшее берега р. Таг.

Стр. 123. *Публий Корнелий Сципион и Тиберий Семпроний Лонг* были консулами в 218 г. до н. э. Осада же Сагунта началась в 219 г. до н. э.

Стр. 124. *Основатели его... из Закинфа...* — Эта легенда основана на созвучии названий Сагунт (Saguntus) и Закинф (Zakynthus).

Осадный навес — дощатое сооружение на колесах, в котором подвешивался таран.

Стр. 127. *...об Эгатских островах и об Эрике...* — При Эгатских островах близ Сицилии карфагеняне в 241 г. до н. э. потерпели от римского флота сокрушительное поражение. После этого был заключен договор, по которому Гамилькар оставил крепость Эрик на Сицилии и уплатил римлянам контрибуцию за каждого солдата своего войска.

...покусились на Тарент... — Карфагеняне послали в Тарент свой флот, когда римляне в 272 г. до н. э. осаждали этот город. Римляне восприняли это как нарушение договора, заключенного семью годами раньше, и в свою очередь начали вмешиваться в сицилийские дела, что и привело к 1-й Пунической войне.

Стр. 133. *Гней Сервилий и Гай Фламиний* — консулы 217 г. до н. э.

Стр. 137. *Баргузии* — племя, обитавшее у Пиренеев и не попавшее под власть карфагенян, в данном месте у Ливия неточность.

Вольцианы — племя, соседствующее с баргузиями.

Стр. 138. *...о прениях в Риме и Карфагене...* — Хронологическая неточность: рассказ о событиях в Риме доведен до весны 218 г. до н. э., после чего он возвращается к Ганнибалу и событиям 219 г. до н. э., когда римское посольство еще не выезжало и Ганнибал никак не мог узнать о результате его.

Стр. 139. *Газдрубал* — в данном случае речь идет о младшем брате Ганнибала, которого не следует смешивать с тезкой, зятем Гамилькара.

Стр. 140. *Лигурийцы* — одна из народностей, населявших Галлию.

Ливифиникийцы — первоначально так называли финикийских поселенцев в Африке (Ливии), позднее — в расширительном смысле — население Северной Африки, состоявшее из этнически разнородных элементов.

Илергеты — племя, обитавшее между Гибером (Эбро) и Пиренеями, Ливий, возможно, смешивает их с африканским племенем лергетов.

Юпитер — в данном случае имеется в виду Ваал, верховное божество карфагенян.

Авзетаны — обитатели нынешней Каталонии.

...начальником... сделал Ганнона — не смешивать с Ганноном Великим (см. прим. к стр. 120).

Стр. 142. *Бойи, инсубры* — галльские племена, обитавшие в долине Пада.

Триумвиры — в данном случае коллегия из трех человек, ведавшая разделом земли на новых поселениях.

Стр. 154. *...в ночь заката Плеяд...* — Согласно астрономическим расчетам, в 218 г. до н. э. закат этого созвездия пришелся на 7 ноября.

Стр. 156. *...источники... не согласны друг с другом...* — Наиболее достоверной современные ученые считают самую низкую цифру.

Таврины — племя, обитавшее в верховьях Пада, от них происходит название города Турина.

...относительно дороги... разногласие... — По Ливию получается, что Ганнибал перешел Альпы через перевал Мон-Женевр, по иным авторам — через Пенинские Альпы (Большой Сен-Бернар) или Кремонский перевал (Малый Сен-Бернар).

...хребет получил свое имя.... — Название Пенинский производилось, согласно этой версии, от «poenus» — «пуниец».

Стр. 157. *Город тавринов* — Турин, называвшийся в древности сперва Тавразией, чуть позднее Августой Тавринов.

Стр. 158. *Ауспиции* — птицегадания, совершались от имени полководца.

Стр. 160. *Соперник Геркулеса* — согласно мифу, Геркулес гнал из Испании быков Гериона через Италию.

...данник и раб... — Сципион преувеличивает: по условию мирного договора Карфаген после 1-й Пунической войны лишь выплатил Риму контрибуцию.

 Стр. 166. *...тот самый юноша...* — Публий Корнелий Сципион

Африканский Старший, в описываемый момент ему было около 17 лет.

Магон — младший брат Ганнибала и Газдрубала.

Стр. 168. *Остров Вулкана* — совр. Вулькано, так же как и *Липара*, принадлежит к группе Липарских островов к северу от Сицилии. *Пролив* — Мессинский. *Мессана* — Мессина.

Гиерон царствовал в Сиракузах в 265—215 гг. до н. э. В 1-й Пунической войне был сперва союзником Карфагена, затем взял сторону Рима и оставался верен ему во 2-й Пунической войне.

Стр. 169. *Лилибей* (совр. Марсала) был резиденцией римского наместника Сицилии.

Стр. 170. *...корабль с кораблем...* — Тактика морского боя у римлян и карфагенян была различной: римляне зацепляли вражеский корабль специальным мостиком, по которому перебегали солдаты и завязывали *рукопашный бой;* карфагеняне топили вражеские корабли, тараня их, и обламывали у них весла.

Стр. 175. *Ценоманы* — племя, обитавшее за Падом с главным городом Бриксией (совр. Брешия).

Стр. 182. *Децемвиры* — коллегия из 10 жрецов, в ведении которой было хранение и толкование пророческих Сивиллиных книг.

Стр. 183. *Лектистерний* — религиозный обряд, когда изображения богов ставились на ложа вокруг столов с яствами.

Отнять консульство — то есть объявить недействительными выборы, якобы сопровождавшиеся неблагоприятными знамениями.

Амфора — в данном случае мера объема, 26 с лишним литров.

...задержать вымышленными ауспициями... — Консул должен был совершить ауспиции (см. прим. к стр. 158) перед отъездом на войну. Толковал полет птиц специальный жрец — авгур, который при желании мог объявить, что предзнаменования не благоприятствуют отъезду.

Вселатинское празднество — отголоски древнего празднества, когда латинские общины приносили на Альбанской горе совместную жертву Юпитеру. В описываемое время консулы назначали срок и справляли это празднество ежегодно, но авгур мог оттягивать срок, ссылаясь на дурные предзнаменования.

Стр. 184. *...теленок... вырвался...* — Это было воспринято как дурное предзнаменование: боги не приняли жертвы.

КОРНЕЛИЙ ТАЦИТ • ИСТОРИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

Стр. 187. *...станет год...* — 69 г.

...восьмисот двадцати лет... — Летосчисление велось в Риме «от основания города», то есть от 753 г. до н. э., когда,

согласно преданию, был заложен Рим. Тацит округляет: до 69 г. прошел 821 год.

...о деяниях... народа... — То есть о республиканском Риме.

Битва при Акции произошла в 31 г. до н. э., Октавиан Август одержал в ней решающую победу над Марком Антонием. Эта дата считается началом нового государственного строя в Риме, хотя юридически он был оформлен четырьмя годами позже.

Стр. 188. *Четыре принцепса, погибших насильственной смертью,* — Гальба, Отон, Вителлий, Домициан.

Три гражданские войны — речь идет о междоусобицах 69 г. — борьбе Отона с Вителлием и Вителлия с Веспасианом, а также о мятеже наместника Верхней Германии Луция Антония в правление Домициана.

Стр. 189. *...можно стать не только в Риме.* — Речь идет о Гальбе, наместнике Тарраконской Галлии, войско которой провозгласило его императором.

Преторианцы — первоначально личная охрана полководца, стали при Августе привилегированным воинским подразделением, на которое опирался император.

Стр. 190. *...убийством нескольких тысяч... солдат...* — Речь идет о легионе, сформированном Нероном из морских пехотинцев. Поскольку положение легионеров было почетней и доходней положения моряков, легионеры обратились к Гальбе при его вступлении в Рим с просьбой сохранить их статус. Гальба воспринял это обращение как попытку мятежа и приказал казнить каждого десятого, прочих заключить в тюрьму.

Альбаны — народность, населявшая юго-западное побережье Каспийского моря.

Восстание Виндекса. — Восстание галльских племен под предводительством Виндекса произошло в 68 г.

Прокуратор — в эпоху империи чиновник, ответственный за сбор налогов с провинции. В некоторых провинциях прокуратор имел в своем распоряжении войско.

Стр. 191. *Легат* — в данном случае помощник наместника провинции, командующий легионом.

...возраст Гальбы... — 73 года.

...гордились недавней победой... — над Виндексом.

Луций *Вергиний* Руф (14—97) — наместник Верхней Германии, трижды занимал консульскую должность, отказался от императорской власти, которую предлагали ему солдаты. По отношению к Гальбе держался в оппозиции.

Стр. 194. *...дарованы кольца...* — Символ всаднического достоинства, которое открывало дорогу к государственным должностям.

Октавия — дочь императора Клавдия, первая жена Нерона, Октавия Клавдия (42—62).

Стр. 196. *...затем внукам...* — Речь идет о Гае Цезаре и Луции Цезаре, сыновьях дочери Августа Юлии и Марка Агриппы, которых Август усыновил.

Стр. 199. *...славу ...имени Цезаря.* — Это имя уже стало титулом каждого члена императорской семьи, по крови ли, по усыновлению ли.

Стр. 201. *Поппея* Сабина — наложница, а затем и жена Нерона.

Стр. 202. Софоний *Тигеллин* — фаворит Нерона, интриган и доносчик.

Тессерарий — солдат, передававший от командира подразделению табличку с паролем — «тессеру».

Опцион — заместитель центуриона (командира сотни) или декуриона (командира десятки).

Стр. 206. *Примипилярий* — старший из 60 центурионов легиона.

Стр. 209. *Поликлит* — вольноотпущенник Нерона, имевший на него влияние. *Ватиний* — один из наиболее богатых и влиятельных приближенных Нерона, сперва бывший сапожником и шутом.

Стр. 211. *Базилика* — здание, в котором вершились сделки и заседали суды.

Аршакиды — династия парфянских царей, правившая в III в. до н. э.— III в. н. э. *Вологез* — парфянский царь в эпоху Клавдия и Нерона. *Пакор* — брат Вологеза, управлявший Мидией, враг римлян.

Стр. 216. *Диспенсатор* — раб, в ведении которого находились денежные и хозяйственные расчеты.

Стр. 217. *...напоминающие... о бедах и поражениях...* — При *Фарсалии* в 48 г. до н. э. Юлий Цезарь одержал верх над Помпеем, что фактически положило начало единовластию в государстве. В *Мутине* республиканец Брут был осажден цезарьянцем Антонием в 44—43 гг. до н. э. При *Филиппах* Октавиан и Антоний разбили республиканцев во главе с убийцами Цезаря Брутом и Кассием. *Перузия* была сожжена войсками Октавиана во время гражданских войн.

Стр. 218. *Центурия* — пехотное подразделение римского войска, *эскадрон* (ala) — кавалерийское.

Стр. 219. *Децимация* — казнь каждого десятого солдата.

Стр. 228. *...неся оливковые ветви...* — Как символ покорности и просьбы о милости.

Стр. 229. *Ретийские легионы* — римские легионы из провинции Реция.

Стр. 230. *Силианская конница* — названа по имени ее создателя Гая Силия, жившего при Тиберии.

Стр. 232. *...вызвать в Риме голод.* — Прекратить поставки зерна из африканских провинций, чтобы спровоцировать волнения в городе и низложить Гальбу.

Стр. 245. *...конфискации эти производились... поспешно.* — То есть деньги сразу же поступали в казну и уже были истрачены.

Стр. 246. *...зрела новая власть...* — Речь идет о Флавиях, пришедших к власти после гибели Вителлия. *...принцепсов, знавших... счастье...* — Имеется в виду Веспасиан Флавий и его сын Тит Флавий; *правителей, встретивших... гибель* — Домициан Флавий.

Стр. 247. *Береника* — жена царя Понта (северное побережье Малой Азии) Полемона, дочь иудейского царя Агриппы Ирода. Расставшись с мужем, жила при дворе своего брата Агриппы II.

Стр. 248. *...по расположению внутренностей...* — Гадание по внутренностям жертвенных животных было одним из наиболее распространенных в античности.

Стр. 253. *Преторианцы-ветераны* — то есть воины, прослужившие более 16 лет, из них образовывали особые подразделения.

Стр. 254. *Лигурийская* — родом из Лигурии, области на северо-западе Италии.

Тунгрские когорты — тунгры — германское племя, обитавшее в нижнем течении Рейна.

Тревирская конница — тревиры — одно из германских племен.

Стр. 258. *...с людьми, облаченными в тоги.* — Тога была не только традиционной одеждой, но как бы и символом достоинства римлянина, Цецина же был одет в галльский костюм.

Стр. 262. *Эпифан* — сын Антиоха, царя малоазиатского государства Коммагены.

Стр. 263. *Батавы* — германское племя, обитавшее в нижнем течении Рейна, на левом его берегу.

Стр. 264. *Трибунал* — возвышение в римском военном лагере, с которого командиры обращались с речами к воинам.

Стр. 277. *...двумя поступками... позорным... благородным...* — То есть убийством Гальбы и самоубийством.

Стр. 278. *Декурионы* — здесь члены местного сената, управлявшие делами родного города под контролем римского наместника.

Стр. 279. Тит Клодий *Эприй Марцелл* — выдающийся оратор, государственный деятель. Много раз выступал как доносчик. Карьера его началась при Клавдии и завершилась при Веспасиане, когда он был вынужден покончить с собой после раскрытия заговора, в котором принимал участие.

Стр. 280. *Игры в честь Цереры* праздновались 12—29 апреля.

Стр. 281. *...принял имя Юбы...* — То есть традиционное имя нумидийских царей. Нумидия, государство на севере Африки, во II—I вв. до н. э. вела войны с Римом, была покорена Цезарем и с эпохи Августа превращена в подчи-

ненное Риму государство. Принятие Альбином имени Юбы означало вызов римской власти.

Стр. 282. *Курульное кресло* — сиденье без спинки и подлокотников с четырьмя гнутыми ножками, на котором восседали высшие магистраты во время исполнения своих обязанностей. Делалось первоначально из слоновой кости, позднее из мрамора.

Стр. 285. *Вольноотпущенник Цезаря* — по-видимому, Нерона.

Стр. 286. *...на льготных условиях.* — То есть с большим денежным вознаграждением.

Стр. 289. *Скрибониан Камерин* — речь, видимо, идет о наместнике Африки, казненном по доносу в 67 г. С родом Крассов он был связан свойством.

Стр. 290. *...как обычно казнят рабов.* — Рабов распинали на кресте.

Стр. 292. Гней Домиций *Корбулон* — один из виднейших полководцев I в., Корбулон впал в немилость у Нерона и вынужден был покончить с собой.

Стр. 294. *...в Цезарею, столицу Иудеи.* — Столицей Иудеи был Иерусалим, Цезарея (первоначально Туррис Стратонис) была резиденцией римского прокуратора.

Стр. 301. *Фалеры* — круглые серебряные или золотые пластинки с резьбой, которые носили на груди или на поясе, соединяя по нескольку штук. *Нагрудные украшения* — витые серебряные или золотые кольца, спускавшиеся с шеи на грудь.

Поражение на Кремере — на берегу этой реки, правого притока Тибра, отряд римского войска, состоявший из 300 членов рода Фабиев, потерпел в 477 г. до н. э. поражение от отряда италийского города Вейи. Все Фабии при этом были перебиты. *Аллийский разгром* — при Аллии, притоке Тибра, римляне были в 390 г. до н. э. разбиты галлами.

Комиции — собрание римских граждан для выбора магистратов и решения вопросов государственной жизни.

Стр. 302. Публий Клодий *Тразея* Пет — государственный деятель, философ-стоик, находившийся в оппозиции к Нерону. По приказу последнего покончил с собой в 66 г. В глазах современников был образцом староримских нравов, неподкупным тираноборцем.

Стр. 304. *Августалы* — коллегия жрецов, учрежденная Тиберием для отправления культа Августа.

АННАЛЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

Стр. 308. *Городом Римом... правили цари.* — Об этом и об установлении Брутом *консулата* см. кн. I Тита Ливия.

...вводилась единоличная диктатура... — Это происходило при чрезвычайных обстоятельствах и власть лица, назначенного диктатором, ограничивалась 6 месяцами.

Децемвиры (букв.: десять мужей) — коллегия, созданная в 451 г. до н. э. для оформления в виде законов правовых норм и наделенная чрезвычайными полномочиями. Власть вручена была децемвирам на два года, но они удержали ее и на третий.

Консульские полномочия военных трибунов существовали с 444 по 367 г. до н. э.

Луций Корнелий *Цинна* — политический деятель, консул 87 и 86 гг. до н. э., сторонник партии популяров и противник Суллы (о нем см. вступ. статью и кн. I Аппиана).

...под именем принцепса... — Октавиан желал сохранять видимость республиканских установлений и не афишировал монархического характера своей власти, называя себя принцепсом («первым»): наименование это пошло оттого, что имя Октавиана стояло первым в списке сенаторов, он был princeps senatus — первый в сенате. Именно с Октавиана Августа (титул Август он принял в 27 г. до н. э.) слово «принцепс» получило значение «правитель», «государь», перейдя в новые языки в виде слова «принц».

Гай — император Гай Калигула.

Помпей был разбит у Сицилии... — Речь идет о Сексте Помпее, сыне Гнея Помпея Великого, боровшегося за власть с Юлием Цезарем. Секст Помпей после убийства Цезаря примкнул к республиканцам, возглавляемым убийцами Цезаря *Брутом* и *Кассием* (оба погибли в 42 г. до н. э.), и в 36 г. до н. э. был разгромлен Лепидом, одним из вождей *юлианской партии* — партии сторонников Юлия Цезаря.

...другого вождя, кроме Цезаря... — Речь идет об Октавиане Августе, начиная с которого имя Цезарь стало титулом мужчин императорской семьи.

Стр. 309. *Проскрипции* — списки лиц, объявленных вне закона, а также физическое уничтожение этих лиц.

Курульный эдил — должностное лицо, в ведении которого был полицейский надзор. Курульными они назывались потому, что отправляли свои обязанности, сидя на курульном кресле (см. прим. к стр. 282).

Тиберий Нерон — будущий император Тиберий, *Клавдий Друз* — его младший брат, полководец Друз Старший.

Претекста — тога, которую носили свободнорожденные мальчики до 16 лет.

Глава молодежи — первый в списке всадников, в эпоху империи главами молодежи были юноши из императорской семьи.

Ливия — вторая жена Августа, мать Тиберия и Друза Старшего.

Стр. 310. *...у Тиберия был родной сын...* — Друз Младший.

Битва при Акции произошла в 31 г. до н. э., в ней Октавиан разбил своего последнего соперника на пути к власти

Марка Антония. *Гражданские войны* начались после убийства Юлия Цезаря в 44 г. до н. э.

Агриппа — речь о внуке Августа Агриппе Постуме.

...двоим молодым людям. — Друзу Младшему и Германику.

Стр. 311. *...Нерон принял...* — В кн. 1—2 «Анналов» под Нероном имеется в виду император Тиберий, полным именем которого было Клавдий Тиберий Нерон.

Стр. 314. *...число его консульств...* — 13.

...титулом императора он был почтен... — Речь идет об императорском титуле не в нашем понимании (в этом смысле употреблялось слово «принцепс»), а в его римском значении: почетный титул, присуждаемый воинами своему полководцу.

Стр. 315. *...отомстить убийцам отца...* — Юлия Цезаря, усыновившего Августа.

Этот — Лепид, *тот* — Антоний, союзники Августа в войне с республиканцами, а затем соперники в борьбе за единоличную власть.

...подкупил легионы консула... — Август переманил на свою сторону два легиона, находившихся под началом Антония.

...браком с его сестрой... — Антоний женился на сестре Октавиана Октавии.

...отнял у Нерона жену... — Речь об отце Тиберия, первом муже Ливии.

Стр. 318. *...сын Юлии.* — То есть Ливии, после смерти Августа, принятой в род Юлиев и потому иногда именовавшейся Юлией. Чаще ее называли Августой.

Стр. 319. *...занесены в фасты...* — То есть в государственный календарь и тем самым узаконены. Фасты — перечень праздников общегосударственного значения.

Стр. 320. *Вексилларии* — воины, отслужившие 20-летний срок и освобождаемые от работ в лагере, но обязанные участвовать в сражениях.

Стр. 321. *...и трех орлов и значки когорт...* — Каждый легион имел своего орла, он делился на десять когорт, каждая из которых имела три значка, когорта делилась на три манипула, манипул состоял из двух центурий по 100 человек.

Стр. 322. *Муниципий* — город, пользовавшийся правом самоуправления.

Стр. 329. *...неприязнь дяди и бабки...* — Тиберия и Ливии Августы.

...чтил память Друза... — Друза Старшего, брата Тиберия и отца Германика.

Стр. 334. *...прозвище Калигулы...* — По-латыни caligula — «сапожок».

Треверы — племя, обитавшее в бассейне Мозеля.

...освободить от проконсульской власти... передать... Цезарю... — Провинции делились на сенатские и императорские, для управления первыми высылались магистраты

по окончании срока их должности, вторые находились непосредственно в ведении принцепса.

Стр. 335. *Юлий усмирил... единственным словом...* — Цезарь назвал воинов взбунтовавшегося легиона квириты («граждане»), вместо обычного «воины» (см. Светоний «Божественный Юлий», 70).

...донести отцу... — Тиберию, усыновившему Германика.

Стр. 336. *Милиарий* — столб с указанием расстояния между теми или иными пунктами в тысячах двойных шагов, отсюда мера длины миля. Mille по-латыни «тысяча».

Стр. 342. *Арминий — возмутитель Германии* — восстание германских племен под предводительством Арминия произошло в 9 г.

Стр. 344. *...я расскажу в своем месте...* — Этот рассказ до нас не дошел.

Стр. 345. *...у алтаря смертному...* — Августу, божественность которого Арминий не желал признавать.

Стр. 355. *Рекуператоры* — судебная коллегия, ведавшая имущественными тяжбами между римлянами и чужестранцами. Марцелла, по-видимому, обвинили и в вымогательстве.

КНИГА ВТОРАЯ

Стр. 359. *...часть своего потомства...* — Вонона и еще трех сыновей и четырех внуков.

Цезарь — Август. *Арсакиды* (Аршакиды) — династия парфянских царей.

Стр. 360. *...детей, соединившихся... в браке...* — Речь идет о Тигране IV, женатом на своей сестре Эрато.

Гай Цезарь — сын Марка Агриппы, принятый Августом в роде Цезарей (см. «Анналы», кн. 1).

Стр. 365. *Авгурал* — место для ауспиций (птицегаданий), в лагере для этого отводилась специальная палатка.

...явленное им предзнаменование... — Так воины восприняли обращение Арминия.

Третья стража — обозначение ночного времени, происходящее оттого, что в римских войсках за время от наступления темноты до рассвета происходило четыре смены караула. В третью стражу значит во второй половине ночи.

Стр. 368. *С пятого часа дня* — часом называлась $^{1}/_{12}$ суточного светлого времени, продолжительность часа менялась поэтому в зависимости от времени года.

Стр. 372. ...своему брату Друзу... — Друзу Младшему, родному сыну Тиберия, тогда как Германик был его усыновленным племянником.

...Цезари — двоюродные братья... — Гай Цезарь и Луций Цезарь (см. «Анналы», кн. 1).

Стр. 375. *...принятым в старину способом.* — Его засекли насмерть, после чего обезглавили.

Стр. 376. *...преимущество в местах...* — Сенаторам и всадникам были отведены лучшие места в театрах.

Стр. 384. *...дедом Марка Антония и двоюродным дедом — Августа.* — Антония, мать Германика, была дочерью Марка Антония и Октавии, сестры Августа.

Стр. 385. *...жена и сын... томятся в рабстве.* — Об участи жены Арминия см. кн. 1 «Анналов» (57—58).

Стр. 387. *Закон Юлия* — закон, изданный Августом, по которому уличенные в прелюбодеянии карались ссылкой и частичной конфискацией имущества.

Стр. 388. *...отвечало и требованиям закона.* — Согласно этому закону предпочтение при назначении управителей провинций отдавалось женатым и имеющим больше детей.

Стр. 389. *Знаменитый освободитель Рима* — Марк Фурий Камилл, римский полководец, освободивший Рим от нашествия галлов (390 г. до н. э.).

Стр. 390. *...памятник нашего происхождения...* — Тацит имеет в виду легенду о происхождении римлян от троянца Энея (Илион — другое название Трои).

Митридат — понтийский царь, воевавший с Римом, против Суллы он сражался в так называемую первую Митридатову войну в 88—84 гг. до н. э.

...неудачи в борьбе с македонянами... — Речь идет о порабощении Греции Македонией в IV в. до н. э.

...насилия... над своими согражданами... — Пизон имеет в виду несправедливость афинян по отношению к Фемистоклу, Аристиду, Сократу, Демосфену и многим другим.

Стр. 391. *Ареопаг* — верховное судилище в Афинах.

Стр. 393. *Публий Сципион* — Публий Корнелий Сципион Африканский, победитель Ганнибала во 2-й Пунической войне.

...провинцию и ключи к ней... — Таковыми считались г. Пелузий близ устья восточного рукава Нила (с суши) и о-в Фарос близ г. Александрии.

Стр. 394. *Мемнон* — мифический эфиопский герой, сын богини зари Эос. Статуя, о которой говорит Тацит — так называемый Колосс Родосский, — считалась в древности одним из семи чудес света.

Стр. 399. *Цезарь* — Германик.

Стр. 400. *Преступные поручения* — в то время ходили слухи, что Пизон и Планцина выполняли поручение Тиберия и его матери.

Стр. 406. *...среди... столпов... красноречия...* — То есть в библиотеке Палатинского дворца, где хранились медальоны с изображениями знаменитых ораторов и писателей.

...двух младенцев... — Это Тиберий Гемелл и Германик Младший, умершие первый в восемнадцатилетнем, второй в четырехлетнем возрасте.

Стр. 407. *Модий* — около 8,5 кг.

ГАЙ СВЕТОНИЙ ТРАНКВИЛЛ • ЖИЗНЬ ДВЕНАДЦАТИ ЦЕЗАРЕЙ

КНИГА ПЕРВАЯ • БОЖЕСТВЕННЫЙ ЮЛИЙ

Стр. 411. *...на шестнадцатом году он потерял отца...* — Начало биографии Цезаря не сохранилось. Рождение его антич-

ные авторы — Светоний, Аппиан, Плутарх — относили к 100 г. до н. э., ряд современных ученых принимают дату 101 или 102 г. до н. э. Шестнадцатый год Цезаря это либо 85/84, либо 87/86 г. до н. э.

...Сулла... не мог добиться... — Цинна, тесть Цезаря, был политическим противником Суллы (см. прим. к стр. 308).

...пока не добился помилования с помощью... весталок... — Жрицы Весты, весталки, обладали правом заступничества за приговоренных. Если преступника вели на казнь и по пути встречалась весталка, его миловали.

Оптиматы — партия аристократии в Риме; в своей борьбе за власть Цезарь опирался на противоборствующую ей партию популяров (народную), так же как и политический противник Суллы Гай Марий.

Стр. 412. *Дубовый венок* давался в награду за спасение жизни римского гражданина.

Стр. 413. *Публий Клодий* Пульхр — политический деятель авантюристического толка, народный трибун 59 г. до н. э., сторонник популяров. В своей деятельности Клодий допускал множество насилий и беззаконий. Убит в 52 г. до н. э.

Стр. 415. *...александрийцы изгнали своего царя...* — Птолемея X Александра.

Корнелиевы законы — законы Луция Корнелия Суллы, диктатора и инициатора проскрипций.

Стр. 416. *Метелл... выступил с ... мятежными законопредложениями...* — Он предлагал вызвать Помпея с его войском против тех оптиматов, которые голосовали за казнь сторонников Катилины. Запрет на это предложение наложил другой трибун — Катон.

Стр. 417. *Центурии* — избирательные коллегии народного собрания при выборе консулов.

Стр. 418. *Леса и пастбища* — по-видимому, глухие провинции.

...вступил в союз с обоими... — Этот союз получил название первого триумвирата (союза трех мужей).

Стр. 419. *Косматая Галлия* — Галлия Трансальпийская, ее обитатели носили длинные волосы.

Стр. 420. *...для женщины...* — Молва приписывала Цезарю противоестественную связь с вифинским царем Никомедом (см. гл. 2).

«Алауда» — это кельтское название хохлатого жаворонка, легион назывался так из-за украшений на шлемах легионеров.

Стр. 421. *...до него этого не делал никто...* — В обычае было устраивать игры гладиаторов на похоронах отца, на похоронах дочери это было впервые.

Стр. 422. *Ланиста* — профессиональный содержатель гладиаторской школы.

Стр. 424. *Милон* был убийцей Клодия (см. прим. к стр. 413), суд над ним проходил в 52 г. до н. э., и защитником выступал Цицерон, речь эта сохранилась.

Стр. 427. *Велабр* — римский квартал.

Троянская игра — упражнения в верховой езде, основателем ее считался троянец Эней.

Стр. 428. *Биремы, триремы и квадриремы* — суда с двумя, тремя и четырьмя рядами весел.

Он исправил календарь... — Юлианским календарем в Европе пользовались до XVI в., когда он был заменен григорианским, а в России до 1918 г.

Стр. 429. *Декурии* — судейские коллегии. *Эрарные трибуны* — сословная прослойка между всадниками и плебсом.

Благородные искусства — философия, грамматика и риторика.

...оттого легче шли на беззакония, что ...состояние и в изгнании оставалось при них... — Римский гражданин, обвиненный в преступлении, имел право до суда добровольно уйти в изгнание.

Стр. 433. *Эгист* (греч. миф.) — любовник микенской царицы Клитемнестры, склонивший ее к убийству своего мужа Агамемнона.

...позволив... назвать... его именем. — Сына Клеопатры звали Цезарионом.

Марк Антоний утверждал... — Антоний настаивал на отцовстве Цезаря, чтобы поставить под сомнение права усыновленного Цезарем Октавиана.

Стр. 443. *Священная колесница и носилки* — на них везли статую Цезаря вместе со статуями богов.

Луперки — жрецы бога Фавна, к двум коллегиям луперков Цезарь прибавил третью.

...название месяца по его имени... — В честь Цезаря месяц квинтилий был переименован в юлий, это название сохранилось за ним навсегда (по-русски июль).

Стр. 445. *Квиндецемвиры* (букв.: пятнадцать мужей) — коллегия, хранившая пророческие книги Сивиллы.

Стр. 448. *Булла* — род медальона, который носили в детстве, а позднее посвящали богам.

Стр. 449. *...особенно иудеи...* — Цезарь разрешил иудеям отправлять в Риме свой культ и кроме того был победителем Помпея, осквернившего храм в Иерусалиме.

Стр. 450. *...около одиннадцатого часа...* — То есть примерно за час до заката.

КНИГА ВТОРАЯ • БОЖЕСТВЕННЫЙ АВГУСТ

Стр. 451. *...выхватив ...внутренности...* — Внутренности жертвенных животных приносились в жертву вареными, Октавий не хотел оставить жертвоприношение незавершенным и нарушил обычай.

Стр. 452. *Бессы* — фракийское разбойничье племя.

Бычьи головы — название квартала или улицы.

Стр. 453. *...я поднес императору...* — Адриану.

Стр. 459. *Псиллы* — племя в Северной Африке, считалось, что они умеют исцелять от змеиных укусов.

Стр. 460. *Раб-именователь* подсказывал своему владельцу имена встречных и объявлял о приходе гостей.

Стр. 461. *Овация* (от слова ovis — «овца») — «малый триумф», когда полководец вступал в город пешком или верхом, а не на колеснице, как при настоящем триумфе, и приносил в жертву не быка, а овцу.

Стр. 463. *Лазоревое знамя* — как символ морской победы.

Стр. 468. *Эргастулы* — тюрьмы для рабов в загородных имениях.

Стр. 469. *...судей ...с тридцати лет...* — Видимо, Светоний ошибся, до Августа судей назначали с 25 лет.

Мешок и утопление — род казни для отцеубийц: их зашивали в мешок с собакой, змеей, петухом и обезьяной и бросали в воду.

Стр. 471. *Центумвиры* ведали делами о собственности, *децемвиры* — о гражданских правах и пр.

Стр. 472. *Тессеры* — род жетонов на получение хлеба.

Стр. 476. *Септа* — место для голосования на Марсовом поле.

...именоваться Торкватами... — Это прозвище происходит от слова torques — «ожерелье», оно было одной из воинских наград.

Стр. 476. *...с атлетических состязаний... удалил женщин...* — Атлеты выступали обнаженными.

Стр. 477. *Латинское гражданство* — неполное римское.

Стр. 478. *Калагурританская* — из испанского города Калагуррис.

Стр. 480. *Высказывания в завещаниях* часто делались такие, какие при жизни могли грозить опасностью.

Стр. 481. *Курциево озеро* — колодец на форуме с алтарем над ним.

Стр. 487. *Хораг* — театральный костюмер. *Маллия* — лицо неизвестное.

Аполлон-мучитель почитался как казнивший Марсия.

Стр. 488. *...не только в декабре...* — В декабре во время праздников сатурналий дозволялись любые развлечения.

Стр. 489. *...в одной и той же спальне...* — Обычно римляне спали зимой и летом в разных спальнях.

Стр. 495. *...в греческие календы...* — То есть никогда, у греков понятия календ не существовало.

Стр. 496. *...тюленью шкуру...* — Считалось, что тюленя молния не поражает.

Стр. 497. *...просил подаяния...* — чтобы отвратить, согласно суеверию, завистливость судьбы.

...недоброе звучание... — Слово «ноны» созвучно латинскому non — «нет».

Стр. 502. *Эфебы* — у греков так назывались юноши 18—20 лет, проходившие военную подготовку. Остров Капри

издревле населяли греки и греческие обычаи там сохранялись.

Апрагополь — букв.: Празднограде.

КНИГА ВОСЬМАЯ • ДОМИЦИАН

Стр. 506. *Домициан родился...* — 24 октября 51 г.

Стр. 507. *...с братом...* — Титом Флавием.

Стр. 508. *Кифареды* играли на кифаре (инструмент типа лиры) и пели, *кифаристы* только играли.

Стр. 509. *Одеон* — здание для музыкальных состязаний.

Стр. 510. *Принимать на хранение...* — Часть своего жалованья солдаты часто отдавали на хранение в казначейскую часть легиона.

Стр. 511. *...По древнему обычаю...* — Весталок, нарушивших обет целомудрия, замуровывали в подземелье с небольшим количеством пищи.

Стр. 512. *...уступит распорядителю...* — То есть проиграет не потому что он слабее, а повинуясь желанию императора.

Стр. 513. *...из-за воздержания...* — Воздержание считалось полезным для сохранения красивого голоса.

Стр. 516. *Лунный камень* — сорт мрамора.

Пренестинская Фортуна — храм Фортуны в г. Пренесте.

Стр. 518. *Корникулярий* — младший офицерский чин.

АППИАН • ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

Стр. 523. Гай *Марций Кориолан* — лицо легендарное, временем его жизни считается конец VI — начало V в. до н. э.

Тиберий Семпроний *Гракх* (163—133 гг. до н. э.) — народный трибун, реформатор, активный сторонник народной партии (популяров).

Стр. 524. Луций *Корнелий Сулла* (138—78 гг. до н. э.) — римский политический деятель, сторонник партии оптиматов, присвоивший себе диктаторские полномочия.

Стр. 538—539. *Гай* Семпроний *Гракх* (153—121 гг. до н. э.) — брат Тиберия Гракха, подобно последнему активный деятель партии популяров.

Стр. 544—545. *Гай Марий* (ок. 157—86 гг. до н. э.) — политический противник Суллы, об их борьбе см. вступ. статью.

Стр. 548. *Союзническая война* велась в 91—80 гг. до н. э. между римлянами и их италийскими союзниками, добивавшимися римского гражданства.

Стр. 581. *Серторий* — сподвижник Мария, поднявший после смерти Суллы восстание против римлян в Испании.

Стр. 590. *«Эпафродит»* — букв.: любимый Афродитой, т. е. счастливый.

СЛОВАРЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Августа Тавринов — современный Турин, город племени тавринов.

Авентик — главный город кельтского племени гельветов, обитавшего на территории современной Швейцарии.

Авентин — один из семи холмов, на которых располагался Рим.

Авернское озеро (совр. Аверно) — озеро близ г. Кумы в италийской области Кампании.

Агриппинова колония (совр. Кельн) — город германского племени убиев, названный в честь матери Нерона, там родившейся.

Адрана (совр. Эдер) — река на северо-западе Германии.

Адуя (совр. Адда) — приток р. Пад.

Азия — в римскую провинцию Азия входили малоазиатские страны: Кария, Лидия, Мизия, Фригия.

Аквилея — город на северном побережье Адриатического моря.

Аквин (совр. Аквино) — город на юго-востоке италийской области Лаций.

Аквитания — римская провинция на юго-западе Галлии, от Пиренеев до Луары.

Актийский залив — залив близ г. Акция.

Акций — город и мыс в северной греческой области Акарнании, у которого Октавиан в 31 г. до н. э. одержал решающую победу над Антонием.

Александрия — один из крупнейших городов античности, расположенный в Египте и основанный Александром Македонским.

Альба Лонга — древнейший город в Лации.

Альбания — страна на юго-западном побережье Каспийского моря, вдоль рек Кура и Аракс.

Альбигаун (совр. Альбенго) — город в Лигурии.

Альбинтимилий — город в Лигурии.

Альбис (совр. Эльба) — река в Германии.

Альпы Грайские — часть Западных Альп, южнее Монблана.

Альпы Коттийские — часть Альп на юге Галлии.

Альпы Паннонские — часть Восточных Альп.

Альпы Пеннинские — часть Западных Альп в нынешней Швейцарии и Италии, между Большим Сен-Бернаром и Симплонским перевалом.

Альпы Приморские — западные отроги Альп между Средиземным морем и р. Танаро.

Альпы Ретийские — часть Центральных Альп восточнее озера Комо.
Альпы Юлиевы — отроги Альп между совр. Тиролем и Италией.
Аман — горный хребет в Сирии.
Амизия — совр. р. Эмс в Германии.
Антиохия — столица Сирии.
Антиполь — город в Галлии, совр. Антиб.
Анфемусия — город в Месопотамии.
Аппиева дорога — дорога, соединяющая Рим с Капуей и проложенная консулом Аппием Клавдием Цеком (Слепым) в IV в. до н. э.
Апулия — область на юго-востоке Италии.
Аримин (совр. Римини) — город на Адриатическом море.
Ариция — город близ Рима, на Аппиевой дороге.
Армения — в древности государство в верхнем течении Евфрата, Тигра и Аракса.
Армения Малая — западная часть Армении.
Арн (совр. Арно) — река в италийской области Этрурии.
Артемита — город в Ассирии.
Атесте — город в Северной Италии.
Атрия — город на севере Италии, на побережье Адриатического моря.
Африка — название римской провинции, в которую входили Нумидия и Триполитания.
Африканское море — часть Средиземного у африканского побережья.
Ахайя (Ахея) — область на севере Пелопоннеса, в римское время так называлась Греция в качестве римской провинции.

Байи — курортное место с теплыми источниками к западу от Неаполя.
Бактрия (Бактриана) — древнее царство по течению р. Окс (Амударья).
Батавия (Батавский остров) — территория между главным руслом Рейна и р. Ваал.
Бедриак — селение в Галлии Транспаданской, между Вероной и Кремоной.
Белгика — римская провинция на северо-востоке Галлии.
Берит — совр. Бейрут.
Бетика — римская провинция на юго-востоке Испании.
Бонония (Бононская колония) — современная Болонья.
Боспорское царство — государство, занимавшее Керченский и Таманский полуострова и области в нижнем течении р. Кубань. Столицей его был Пантикапей (Керчь).
Бриксел — город в Галлии Циспаданской.
Британия — Англия и Шотландия, после 43 г.— римская провинция.

Вагал — совр. р. Ваал (левый рукав Рейна).
Ватикан — один из римских холмов.
Велинское озеро — совр. озеро Велино в Италии.
Вибон — город на западном побережье Южной Италии.

Вифиния — страна в Малой Азии, римская провинция, после завоевания понтийского царства — часть провинции Понт и Вифиния.

Вифинское море — часть Черного у Вифинского побережья.

Вицеция — совр. г. Виченца на севере Италии.

Воцетийская гора — восточная часть горной цепи Юры.

Галлия — территория от Атлантического океана и Пиренеев до Рейна, населенная кельтскими племенами. Римляне различали Галлию Трансальпийскую («по ту сторону Альп») и Цисальпийскую («по эту сторону Альп»).

Галлия Лугдунская — римская провинция в Центральной Галлии со столицей Лугдуном (Лионом).

Галлия Нарбонская — юго-западная Галлия вдоль побережья Средиземного моря с г. Нарбоном.

Галлия Транспаданская — часть Италии к северу от р. Пад (совр. По).

Галлия Циспаданская — часть Северной Италии, южнее По.

Гелиополь («город Солнца») — город в Египте, известный храмом Солнца.

Германия — часть Центральной и Северной Европы, заселенная германскими племенами.

Германия Верхняя — римская провинция в верхнем течении Рейна.

Германия Нижняя — римская провинция в нижнем течении Рейна.

Герцинский лес — неопределенное место на территории Германии. Тацит называет так горные массивы между Дунаем и Рейном.

Гиберния — Ирландия.

Гиерокесария — город на севере Лидии в Малой Азии.

Гиркания — страна на южном побережье Каспийского моря.

Давара — возвышенность в Таврских горах.

Дакия — область к северу от Дуная в нижнем течении, примерно соответствует совр. Румынии.

Далматинское море — Адриатическое.

Далмация — область на восточном побережье Адриатического моря.

Делос — один из островов Кикладского архипелага, в античной мифологии — место рождения Аполлона и Артемиды.

Дельфы — город в Фокиде, в Греции, у подножия Парнаса, центр культа Аполлона.

Диводур — город в провинции Белгике.

Иберия — Испания.

Иберы — народ, в древности населявший Испанию и некоторые острова Западного Средиземноморья.

Иберы кавказские — народ в Закавказье.

Илион — город Новый Илион в Мизии, близ древней Трои (Илиона).

Иллирия (Иллирик) — горная страна на восточном побережье Адриатики.

Иллирийское море — Адриатическое.
Испания — в античности весь Пиренейский полуостров.
Испания Ближняя (Тарраконская) — римская провинция в восточной части Пиренейского полуострова.
Испания Дальняя — римская провинция в западной части Пиренейского полуострова (Бетика и Лузитания).
Истм — Коринфский перешеек между Пелопоннесом и остальной Грецией.
Истрия — полуостров на севере Адриатики.
Иудея — Иудейское царство, завоеванное римлянами и включенное в состав провинции Сирия.

Кадра — возвышенность в Таврских горах.
Калабрия — область на юго-востоке Апеннинского полуострова.
Каледония — Шотландия.
Кампания — область на юго-западе Италии вдоль побережья Тирренского моря.
Каноп (Каноб) — город в западной части нильской дельты, к северо-востоку от Александрии.
Каппадокия — область на востоке Малой Азии, завоеванная римлянами и превращенная в римскую провинцию.
Капреи — совр. о-в Капри в Неаполитанском заливе.
Капуя — главный город Кампании.
Кария — страна в Малой Азии.
Кармания — страна на юге Малой Азии.
Карфаген — могущественное государство на северном побережье Африки, соперничавшее с Римом. То же название носил главный город этого государства, до основания разрушенный римлянами после победы в 3-й Пунической войне (II в. до н. э.). Позднее на этом месте был отстроен новый город того же названия.
Каспийские ущелья — предположительно Дарьяльское ущелье.
Кенхрей — река в малоазиатской области Лидии, недалеко от Эфеса.
Керкина — остров у северного побережья Африки.
Киклады — группа островов в Эгейском море.
Киликия — область на юго-востоке Малой Азии.
Кима — приморский город в Эолиде.
Киренаика (Кирена) — страна в Северной Африке, в римское время — часть провинции Крит и Киренаика. То же название носил и главный город страны.
Кирр — город в Сирии.
Кирта — город в Нумидии.
Кифн — один из островов Кикладского архипелага.
Кланис — правый приток Тибра.
Колофон — город в Малой Азии, к северу от Эфеса.
Колхида — страна на восточном побережье Черного моря, частично соответствующая территории Грузии.
Коммагена — северная часть Сирии, между Аманским хребтом и Евфратом. Римская провинция.
Коринф — город в Греции.
Коркира — остров в Адриатическом море.

Кос — остров в архипелаге Спорады у берегов Карии, к северо-востоку от Родоса.

Красные камни — местность и город неподалеку от Рима, на Фламиниевой дороге.

Кремера — правый приток Тибра.

Кремона — город в Италии, на берегу р. Пад (По).

Ктесифон — город в Сирии, резиденция парфянских царей.

Куз — левый приток Дуная.

Кумы — приморский город в Кампании, знаменитый своей легендарной прорицательницей Сивиллой.

Лаодикея — город в Сирии.

Лаций — территории, на которых, согласно преданиям, обитало первоначально племя латинов, вдоль морского побережья от Тибра до мыса Цирцеи.

Лесбос — остров в Эгейском море.

Ливан — горная цепь в Сирии, между Финикией и Келесирией.

Лигурия — северо-западная часть Апеннинского полуострова.

Лидия — страна в Малой Азии.

Ликийское море — часть Средиземного, с юга омывающее Малую Азию.

Ликия — область в Малой Азии.

Лугдун — совр. Лион, главный город провинции Галлия Лугдунская.

Лузитания — область на западе Пиренейского полуострова, приблизительно соответствующая совр. Португалии.

Лук — город галльского племени воконтиев.

Лукания — область на юге Италии.

Лукринское озеро — соленое озеро близ г. Байи, ныне морской залив.

Лупия — правый приток Рейна.

Луцерия — город в Апулии.

Мавритания — область в Северо-Западной Африке, разделенная римлянами на провинции *Мавритания Тингитанская* (западная) и *Мавритания Цезарейская* (восточная).

Магнесия — название двух малоазиатских городов: в Карии, на р. Меандр, и на границе Лидии и Фригии, у горы Сипил.

Марсово поле — территория на берегу Тибра в Риме, место народных собраний.

Массилия — совр. Марсель, греческая колония, завоеванная Цезарем. В императорскую эпоху важный образовательный и духовный центр.

Мевания — город в Умбрии.

Медиолан — совр. Милан.

Мезия — римская провинция в нижнем течении Дуная.

Мелита — о-в Мальта.

Мемфис — город в Египте.

Месопотамия — Междуречье, область между Евфратом и Тигром.

Мидия — страна во внутренней Азии, в период могущества Персидской державы часть Персии.
Мизенский мыс — мыс в Кампании.
Милет — приморский город в Малой Азии, крупный культурный и торговый центр.
Мирина — город в Мизии, в Малой Азии.
Митилены (Митилена, совр. Митилини) — город на о-ве Лесбос.
Моза — совр. Маас, река на территории провинции Белгики.
Мозелла — совр. Мозель, река в Белгике, приток Рейна.
Мульвиев мост — мост через Тибр к северу от Рима.
Мутина — совр. Модена, город на севере Италии.
Малая Азия — самый западный полуостров Азии, между Черным и Средиземным морями и проливом Дарданеллы.

Нар — совр. Нера, левый приток Тибра.
Нарния — совр. Нарни, город на берегу Нара.
Новария — город в Северной Италии.
Нола — город в Кампании, к северо-востоку от Везувия.
Норик — область к югу от Дуная, завоеванная римлянами, между Паннонией и Рецией.
Нумидия — страна в Северной Африке, примерно соответствующая по территории совр. Алжиру.

Океан — в античных представлениях, река или море, со всех сторон обтекающее сушу.
Окрикул — совр. Отриколи, город на Фламиниевой дороге, южнее Нарнии.
Опитергий — город в Северной Италии.
Ортигия — священная роща неподалеку от г. Эфеса.
Остия — город в устье Тибра близ Рима, его морская гавань.

Пад — совр. р. По на севере Италии.
Палатин — один из семи римских холмов.
Памфилия — страна на юге Малой Азии, между Киликией и Ликией.
Пандатерия (Пандатория) — остров у побережья Кампании, место ссылки в императорскую эпоху.
Паннония — область в среднем течении Дуная, примерно соответствующая территории Венгрии, завоеванная римлянами.
Парфия (Парфянское царство) — могущественное государство в северо-восточной части Иранского нагорья.
Патавий — совр. Падуя.
Пеннинский перевал — перевал в Альпах, совр. Большой Сен-Бернар.
Пергам — город в Мизии в Малой Азии, столица Пергамского царства.
Перинф (позднее Гераклея) — город на берегу Пропонтиды (Мраморного моря).
Перузия — совр. Перуджа.
Петовион — город на территории совр. Югославии.
Пизанский залив — залив в Тирренском море у г. Пизы.

Пирам — река в Киликии.
Пирей — городок в Греции, морская гавань Афин.
Пицен — область в Средней Италии, примыкающая к Адриатическому морю.
Планазия — остров на Средиземном море, между Корсикой и Эльбой.
Плаценция — совр. Пьяченца, город в Северной Италии.
Помпеи — город в Кампании, погибший при извержении Везувия в 79 г.
Помпейополь — приморский город в Кампании.
Понт (Понтийское царство) — область в Малой Азии, на Черноморском побережье, между Арменией и Вифинией. Вошла в римскую провинцию Понт и Вифиния.
Понтийское море — Понт Евксинский, то есть Черное море.
Понтийское побережье — южное побережье Черного моря.
Пропонтида — Мраморное море.
Путеолы — приморский город в Кампании.

Равенна — город в Галлии Циспаданской.
Регий — совр. Реджо, город на берегу Мессинского пролива.
Реция — страна, занимавшая Восточную Швейцарию, Южную Баварию и Тироль, римская провинция.
Родан — совр. Рона.
Родос — остров в Средиземном море, у юго-западного побережья Малой Азии.

Саллюстиевы сады — сады, посаженные историком Саллюстием в северо-восточной части Рима, на холме Квиринале.
Самос — остров и город на нем в Эгейском море.
Самофрака — остров в Эгейском море.
Священная дорога — улица в Риме.
Селевкия — название двух городов: в Вавилонии, на берегу Тигра, и в Сирии.
Сериф — один из островов Кикладского архипелага.
Сиена — совр. Ассуан, город в Верхнем Египте.
Синопа — совр. Синоп, город в Пафлагонии на Черном море.
Синуесса — город в Лации, известный целебными источниками.
Сипил — гора в Малой Азии, на границе Лидии и Фракии.
Сиракузы — крупный город на Сицилии.
Сирия — страна в Малой Азии, между Евфратом, Средиземным морем, Таврскими горами и Аравией, римская провинция.
Сицилийский пролив — совр. Мессинский, между Сицилией и материком.
Скифия — степные территории Северного Причерноморья, заселенные племенами, собирательно называвшимися скифами.
Смирна — совр. Измир, город в Малой Азии.
Соляная дорога — дорога из Рима в г. Реату.
Стойхадские острова — группа островов к востоку от Массилии, совр. Гиерские острова.
Суррент — совр. Сорренто, город и мыс в Кампании.

Тавн — горы в среднем течении Рейна.
Таврские горы — горы на юге Малой Азии.
Танаис — Дон.
Тарент — совр. Таранто, город на юге Италии.
Тарпейская скала — круча с западной стороны Капитолия, с которой сбрасывали осужденных на смерть.
Тарраконская колония — совр. Таррагона, город в Испании.
Таррацина — город в Италии, на юге Лации.
Тевтобургский лес — лесистая гряда холмов между реками Эмсом и Везером.
Тенос — один из Кикладских островов.
Тибур — совр. Тиволи, город в Лации.
Тицин — совр. Павия, город на севере Италии.
Тмол — горный хребет и город в Лидии.
Трапезунд — город на малоазиатском побережье Черного моря, совр. Трабзон.

Умбрия — область в Средней Италии, между Этрурией и Адриатическим морем.
Урбин — совр. Урбино, город в Умбрии.

Фарсалия — область в Фессалии, в Греции, с главным городом Фарсалом, близ которого Цезарь разбил войска Помпея.
Ферентин — город в Лации.
Фессалия — область в Северной Греции.
Фивы — 1. Семивратные, главный город греческой области Беотия; 2. Стовратные, столица Верхнего Египта.
Фидена — город на Тибре, близ Рима.
Филадельфия — город в Лидии.
Филиппы — город в Македонии, близ которого Октавиан и Антоний разбили войска убийц Цезаря Брута и Кассия.
Финикия — страна на малоазиатском побережье Средиземного моря, северо-восточнее Палестины.
Фракия — страна на северо-востоке Греции.

Цезийский лес — лесистые холмы в Северо-Западной Германии, между реками Липпе и Исселем.

Эги — город в Мизии, в Малой Азии.
Элевсин — город в Аттике, центр культа Деметры и Персефоны.
Элефантина — остров на Ниле, недалеко от Сиены.
Эмерита — город в Лузитании, совр. Мерида.
Эн — совр. Инн, река на границе Реции и Норика.
Эпоредиа — город на севере Италии, совр. Иврея.
Эритры — город в Ионии, в Малой Азии.
Эсквилин — один из семи римских холмов.
Этрурия — ныне Тоскана, область в Италии, к северо-западу от Рима.

Яникул — один из семи римских холмов.

СОДЕРЖАНИЕ

Историки античности: В двух томах. Том второй.
И 90 Древний Рим: Пер. с лат. / Сост. и прим. М. Томашевской; Ил. С. Крестовского.— М.: Правда, 1989.—640 с., ил.

Исторические сочинения в античности не выделялись из сферы художественной литературы. Писатели, представленные в настоящем двухтомнике, стояли у истоков европейской исторической науки, но в то же время их творчество является одной из вершин античной прозы, сохраняющей свою художественную ценность до сегодняшнего дня. Произведения, включенные в издание полностью и в отрывках, посвящены наиболее значительным моментам античной истории и определяют интерес для самых широких кругов читателей.

Во второй том вошли сочинения римских историков: Саллюстия, Ливия, Тацита и Светония.

И $\frac{4703000000-1769}{080(02)-89}$ 1769—89 **84(0)3**

Литературно-художественное издание

ИСТОРИКИ АНТИЧНОСТИ

в двух томах

ТОМ ВТОРОЙ

ДРЕВНИЙ РИМ

СОСТАВИТЕЛЬ
Томашевская Мария Николаевна

РЕДАКТОР
Л. М. Кроткова

ОФОРМЛЕНИЕ ХУДОЖНИКА
Г. И. Саукова

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
И. С. Захаров

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР
К. И. Заботина

ИБ 1769

Сдано в набор 08.10.88. Подписано к печати 11.02.89.
Формат 84×108[1]/32. Бумага книжно-журнальная.
Гарнитура «Диги Антиква». Печать высокая.
Усл. печ. л. 33,60. Усл. кр.-отт. 34,02. Уч.-изд. л. 33,41
Тираж 400 000 экз. (1-й завод: 1—200 000).
Зак. 123. Цена 2 р. 90 к.

Набор и фотоформы изготовлены в ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции типографии
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865. ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Отпечатано в типографии издательства «Уральский
рабочий», г. Свердловск, проспект Ленина, 49.

2 р. 50 к.

ИСТОРИКИ АНТИЧНОСТИ
II